

Д. М. Зайуловский
СРЕДИ СНЕГОВ
И СКАЛ

Д. М. Затуловский

СРЕДИ СНЕГОВ И СКАЛ

*(В горах Памира
и Центрального Тянь-Шаня)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1957

ОТ АВТОРА

Вниманию читателя предлагается второе, переработанное и дополненное издание книги «На ледниках и вершинах Средней Азии». В основу очерков положен фактический материал. Эти описания, посвященные истории ряда восхождений, далеко не исчерпывают всей работы альпинистов. Здесь описаны лишь особо выдающиеся победы над вершинами, либо история путешествий в сравнительно мало освещенные в печати районы. История покорения вершин, изложенная в первом издании, доведена до наших дней (1955 г.). Включены в книгу и новые очерки в главе, посвященной Памиру. Конечно, автор не исчерпал материала, но за годы, прошедшие с выхода в свет книги «На ледниках и вершинах Средней Азии», у нас появился ряд книг о путешествиях альпинистов в Средней Азии, вышло шесть ежегодников «Побежденные вершины» и пробел в этой литературе несколько восполнен.

Из второго издания исключена вводная глава «Очерк путешествий и восхождений альпинистов в горах Средней Азии», так как за последние годы сделано очень много, особенно в северных и западных хребтах Тянь-Шаня и Припамирья. Такой очерк теперь разросся бы в самостоятельную книгу. Поэтому автор ограничился материалом, относящимся только к Памиру и Центральному Тянь-Шаню.

Полагая, что путешествия альпинистов являются одним из этапов исследования высокогорных районов и стремясь показать это в изложении, автор счел полезным

включить в книгу очерки истории географического исследования Памира и Тянь-Шаня.

В процессе работы над первым и вторым изданием этой книги автору пришлось ознакомиться с большим количеством литературы и архивных материалов. Однако работа была бы далеко не полной без тех сведений, которые сообщили автору участники большинства описываемых в книге событий, а также без тех ценных замечаний, которые они сделали, читая рукопись.

В связи с этим автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность следующим товарищам: профессору А. А. Летавету, М. Т. Погребецкому, Е. М. Абалакову, В. Ф. Гусеву, В. И. Никольскому, Е. А. Белецкому, К. К. Кузьмину, В. А. Тихонравову, В. С. Науменко, Д. И. Гушину, А. И. Полякову и др.

Одновременно автор выражает свою благодарность академику Д. И. Щербакову и профессору В. В. Немыцкому, взявшим на себя труд просмотреть рукопись второго издания книги и сделавшим ряд ценных замечаний.

Если эта книга поможет создать правильное представление о деятельности советских альпинистов и вызовет у читателя интерес к ней, автор будет считать свою задачу выполненной.

ВВЕДЕНИЕ

На многих вершинах Советской страны можно найти небольшую сложенную из камней пирамидку. Если ее разрыть, обнаружится банка с запиской людей, которые, преодолевая трудности и опасности подъема, непогоду и зной, достигли высшей точки горы. Давно покорены все вершины снежного Кавказа, почти не осталось непройденных путей и в северных хребтах Тянь-Шаня. В ущельях этих да и других гор развеваются флаги спортивных и учебных лагерей наших горовосходителей. Но эти горы сравнительно близки к густо населенным районам. Восхождения и походы, предпринятые из лагерей, продолжаются всего лишь несколько дней.

Совсем по другому обстоит дело в далеких труднодоступных горах Памира и Центрального Тянь-Шаня. Совсем недавно они были «белыми пятнами» на карте. Даже теперь, когда в результате деятельности ученых и альпинистов эти белые пятна больше не существуют, когда через многие перевалы пролегли автомобильные дороги, путь к этим далеким горам совсем не прост. Чтобы совершить восхождение на высочайшие горы нашей страны, нужно организовывать целые экспедиции со сложным хозяйством. Иногда, чтобы подняться на одну только вершину, приходится затрачивать по два-три месяца. Даже просто подойти к подножию гор нелегко. Многие дни длится поход с караваном по пустынным долинам. Когда животные уже не могут пройти по изрезанным глубокими трещинами ледникам, которые порой тянутся на десятки километров, переноска необходимых грузов лю-

жится на плечи участников экспедиции — альпинистов. А грузов много: ведь здесь нет магазина, куда можно сходить за нужными припасами, нет и кладовой лагеря, где можно получить снаряжение и продовольствие.

Путешествия в отдаленные горные районы даже теперь почти всегда связаны с посещением мало изученных мест. Поэтому альпинисты по мере сил и умения наряду со спортивными восхождениями стремятся полнее узнать географию посещенных мест. Наши горовосходители внесли немалый вклад в познание горных районов Советского Союза. Во многие места они проникали первыми, прокладывая путь ученым.

Восхождения в далеких горах, достигающих большой высоты, сильно отличаются от подъемов на сравнительно «обжитые» горы вроде Кавказа. Прежде всего они связаны с путешествием. Но вот долгий путь закончен. Лагерь экспедиции разбит в непосредственной близости к миру гигантских вершин и ледников. Альпинисты поднимают на плечи тяжелые рюкзаки и выходят на разведку.

Если и бывали среди этих ледников люди, то пути к вершинам оставались, как правило, неизвестными. Еще до отправления в дальнюю поездку альпинисты должны познакомиться с большим количеством книг: отчетами научных экспедиций, описаниями путешествий, извлекая из них необходимую для себя информацию о географии района, о проделанных в нем маршрутах. Такая работа позволяет наметить пути подходов к вершинам. Но маршруты восхождений обычно приходится находить путем длительной разведки на месте.

Часто сведения о высокогорной части района отсутствуют вовсе или бывают такими скудными, что неизвестно даже, в каком хребте находится вершина и какими ущельями к ней можно подойти. Поиски некоторых пиков, вершины которых были издали видны над путаницей хребтов, отнимали у географов и альпинистов не один год (например, Хан-Тенгри, пик Сталина и др.). Выбранные для движения к подножию вершин ледники иногда приводят к другим вершинам, а порой оказываются столь неудобными для переброски необходимых грузов, что приходится возвращаться и искать другие пути.

Но вот вершина найдена. Разведывательные походы, во время которых будущие восходители осматривают гору со всех сторон, поднимаясь для этого на окружающие хребты и ее склоны, также завершены. Маршрут штурмана намечен. Но... это еще не все. Если вершина трудная и высокая, восхождение требует особой подготовки.

Прокладывая путь к вершине, альпинисты у ее подножия устроили опорный лагерь. Сюда доставлено необходимое снаряжение и питание на весь период работы. Для этого участникам похода часто приходилось по несколько раз пройти трудный путь по леднику, перетаскивая на себе нужные грузы. Хорошо, когда ледник бывает доступен для выючных животных. Но такие случаи редки.

Альпинисты при подъеме на вершину несут груз на своих плечах. В рюкзаках находятся теплые вещи, снаряжение, палатки и питание. Чем больше абсолютная высота вершины, чем круче и труднее путь на нее, тем меньший груз может нести человек. Но вес всего необходимого для успешного восхождения все же довольно значителен. Питание должно быть достаточным хотя бы для минимального возмещения затраченной энергии. Кроме того, необходим запас его на случай непогоды, которую придется пережить по несколько дней в палатке или пещере, вырытой в снегу.

Снаряжение должно быть в количестве и ассортименте, достаточных для преодоления всех трудностей, которые можно ожидать на пути. Наконец, пуховый спальный мешок и побольше теплых шерстяных вещей,— на высотах температура понижается до -20° и ниже. Особенно важно предохранить от обморожения ноги и руки,— они страдают в первую очередь. Нужна также легкая спиртовая кухня или примус,— воды наверху нет, и, чтобы получить ее, нужно растапливать снег. Горячая пища, хотя бы раз в день, значительно улучшает работу организма. В общем набирается немало. Груз тем больший, чем дольше восхождение, чем больше вероятность непогоды.

Вес рюкзака больше 20 кг при восхождениях на вершины, превышающие 6000—6500 м, уже чрезмерен. Для восхождения на высокие вершины альпинисты устраивают на пути подъема промежуточные лагеря. Число их зависит от конкретных условий пути; расстояние между ними определяется дневными переходами. Во всяком случае из

верхнего лагеря-базы восходители должны быть в состоянии донести необходимые им вещи до последнего ночлега перед вершиной.

С последнего бивуака — его обычно называют штурмовым лагерьем — к вершине можно идти уже почти налегке. Для этого штурмовой лагерь располагается так, чтобы, выйдя утром, альпинисты успели подняться до вершины и спуститься назад за светом. Ночевать без спальных мешков и палаток на больших высотах нельзя. Это сулит обморожение и гибель. Единственный способ спастись, если ночь застает в пути и идти в темноте опасно, — вырыть в снегу пещеру.

Недостаток кислорода в воздухе вызывает горную болезнь. Для того чтобы двигаться в разреженной атмосфере больших высот, необходима акклиматизация, — организм восходителей еще до штурма вершины должен привыкнуть к новым условиям. Высота, на которой должна происходить акклиматизация, различна. Во всяком случае она несколько ниже той, на которой уже появляются признаки горной болезни. При восхождении на самые высокие вершины акклиматизация должна быть ступенчатой — с постепенными повышениями высоты подъема. Но даже на уже привычный организм большая высота все же действует. Не хватает воздуха, приходится часто останавливаться, чтобы несколько раз глубоко вздохнуть и дать отдых сердцу. Работоспособность человека с высотой резко уменьшается. Каждое препятствие становится намного труднее: рубить ли ступени на крутом ледяном склоне, преодолевать ли скалы, цепляясь за выступы или забивая крючья для страховочной веревки, — все эти довольно обычные для альпинистов действия на высоте более 6500 м становятся проблемой.

Непрерывное напряжение, недостаток кислорода и направление всего организма и всей воли для достижения цели, монотонность медленного, часто многодневного подъема несколько притупляют психику, и многое становится почти безразличным. И только в момент, когда цель достигнута и идти вверх дальше не нужно, — интерес к окружающему быстро пробуждается, в сознании ярко вспыхивает величественная картина окружающих горных громад и лежащих глубоко внизу ледников.

Ни с чем не сравнимо чувство победы, когда маленькие среди гигантов-гор люди становятся больше, сильнее

их... Стремление к познанию неведомого, к победе над природой влечет альпинистов в далекие горы. Они знают, что своей работой помогают познанию Родины, а своими спортивными победами увеличивают ее славу.

Воспитание несгибаемой воли, стремление к решению поставленной задачи, как бы трудна она ни была, развитие выносливости и умения ориентироваться в сложной обстановке делают советский альпинизм ценным средством формирования человека — строителя коммунистического общества.

ПАМИР

ОЧЕРК ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМИРА

Мало кто из нас еще в школьные года не слышал названия Памир. На карте — это небольшая, почти прямоугольная по форме территория, изборозженная паутиной извилистых коричневых линий — горных хребтов. Они извиваются, сплетаются как змеи в гигантский узел, как змеи пестрят голубыми пятнами, — вечные снега и ледники выделяются на темной шкуре скал.

Совсем недавно, лишь несколько десятилетий назад, Памир был легендарной, таинственной страной, о которой ничего не знали не только жители центральной части России, но и население прилегающих районов Средней Азии. Наши отцы и деды могут вспомнить — это было в последней четверти прошлого века — в газетах одна за другой начали появляться статьи и очерки о Памире — «Крыше мира».

Наряду с досужими вымыслами и дешевой экзотикой газетных писак попадались и заметки путешественников, побывавших в загадочных горах. Они рассказывали о мрачных высокогорных пустынях, где караван разыскивает путь по скелетам павших животных; о вполне реальных, но тем не менее грандиозных снеговых горах, огромных озерах и бешеных реках.

Десятки научных трудов, сотни статей привлекли внимание общества к этой забытой стране: в то время на ее

рубежах сталкивались интересы Российской империи, продвигающейся на юг Средней Азии, и Англии, уже протягивающей щупальцы на север от Индии.

Горы Памира поднимаются неприступным бастионом в центре азиатского материка. Отсюда, как гигантские крепостные стены, протянулись через весь азиатский материк, разделяя народы и страны, величайшие горные цепи: Гиндукуш, Гималаи, Куньлунь, Тянь-Шань и Парамиз.

Если мы затем взглянем на древние карты, то увидим, что мир, известный европейским народам, ограничивается сперва лишь бассейном Средиземного моря. С развитием общественного производства расширяются и торговые связи. Военные экспедиции и торговые караваны устремляются все дальше на восток и юг, к богатой Индии, вести о которой проникают через Иран.

С рынков Ближнего Востока, из Армении и Грузии, из страны скифов греческие купцы привозят среди других товаров изделия из нефрита и ткани чудесной легкости и удивительных расцветок с изображениями невиданных растений и птиц.

Проходят десятилетия, века. Сложными путями устанавливаются основные направления, по которым текут изделия ремесленников западных стран на восток и шедевры чудесных мастеров далекого востока — на запад. Караванные пути идут в обход знойных пустынь, непреодолимых гор. Порой они тянутся по широким долинам, лепятся по склонам узких ущелий, взбираются на перевалы, прерываются на берегу реки, чтобы потом продолжиться вновь.

Сперва торговый путь из Европы на восток шел через Средиземное море, Аравийский полуостров — в Индию. Был, вероятно, и другой путь: по данным географа древности Страбона, индийские товары издревле сплавлялись в море Гирканское (Каспийское) и после долгого странствования по многим рекам достигали Понта Эвксинского (Черного моря).

В 334 г. до н. э. греческие войска во главе с Александром Македонским вступили в Малую Азию, а весной 329 г. до нашей эры, совершив трудный переход, вторглись в Балх (Бактриана, в теперешнем Афганистане). Одержав победу и здесь, греки двинулись на север и северо-восток, к цветущим оазисам Средней Азии. Свободо-

любивое население. Тогда оказало завоевателям героическое сопротивление, но передовая военная техника и предательство верхушки местной знати помогли Александру Македонскому покорить и эту страну.

В 327 г. греческая армия снова перевалила через Гиндукуш, на этот раз с севера на юг, в Индию. Александр несколько раз наносил поражения индийским войскам, но его армия была сильно ослаблена войной в Средней Азии, и поход на юг скоро был прекращен.

Сопровождавшие Александра ученые собрали много новых сведений о Средней Азии и ее народах. Памир же оставался в стороне от маршрута завоевательных походов.

Огромная империя Александра Македонского раскинулась от Греции до сердца Средней Азии; появился новый, сравнительно простой путь на восток.

Позже, уже во времена владычества в Средней Азии тюрков и арабов, караванные пути сместились севернее, протянулись вдоль течения Сыр-Дарьи и далее через горы Западного и Центрального Тянь-Шаня.

* *
*

Купеческие караваны привозили не только дорогие и редкие товары: часто люди собирались послушать рассказы путешественников о виденном и пережитом вдали от родины,— странствия продолжались по нескольку лет. Рассказчик, потягивая из кружки прохладное вино, не жалел красок для описания. Чего только не перевидал он: нападения разбойников, песчаные бури, холод снежных вершин, обвалы камней, падающих с крутых утесов на узкую тропу,— приятно теперь за мирной беседой порадовать удивленных слушателей. Неумение объяснить явления природы, а порой и просто фантазия заставляли населять ущелья и озера, реки и горы сказочными чудовищами и духами.

Интересы торговли и любознательность заставляют путников собирать сведения о городах и народах, о лучших и наиболее безопасных путях. Сведения эти разрозненны, систематического описания маршрутов никто из купцов не составляет.

На основе этих рассказов и сведений создавалось представление о далеких странах, долгое время весьма прими-

тивное. Все же, когда Эратосфен (275—195 гг. до н. э.) опубликовал свою карту мира, то через весь азиатский материк он протянул линию гор Тавра. На юг от них раскинулась Индия, на север расстилалась огромная равнина. Эратосфену уже известны величайшие реки Средней Азии — Окс (р. Аму-Дарья) и Яксарт (р. Сыр-Дарья). В верховьях Окса от Тавра отходит на север единственный отрог, еще никак не названный.

Во II в. н. э. появилась карта известного ученого, географа и историка Птолемея (140 г). Вместо единой широтной цепи гор здесь уже выделено несколько больших хребтов, вернее — горных стран: Тавр, горы Армении; восточнее — Парапамиз, пересекающий древнее царство Бактриану; затем — все далее на восток, до края известной земли, тянется хребет Эмодус, или современные Гималаи.

Северному меридиональному отрогу — он теперь именуется Имаус — соответствует цепь гор, отходящая на юг. Страны «великой северной равнины» попрежнему неизвестны.

Еще очень длительное время после Птолемея считалось, что Имаус тянется далеко на север, во тьму полярной ночи. Само название этих гор свидетельствует, что они были весьма высокими: оно происходит от санскритского *himavat*, где *hima* — снег.

В сочинениях Птолемея впервые приведено описание торгового пути в Китай — пути, который, как полагали впоследствии многие ученые, проходил по северной окраине Памира. Сложными путями дошли до Птолемея эти сведения; он заимствовал их у другого ученого, Марина Тирского; тому сообщил их македонский купец Маэс Тицианус, но и он знал о маршруте по рассказам своего доверенного человека, отправленного им с караваном. Передаваясь из уст в уста, описание становилось все более схематичным и неточным, теряло живые детали. Быть может, и сами путешественники не желали дать точные сведения (ведь это торговая тайна!), — во всяком случае, приведенные у Птолемея названия местностей не позволяют привязать весь маршрут к местности, какой мы ее теперь себе представляем. От берегов Греции до Бактрии путь каравана ясен и широко известен, ведь Бактрия и ее главный город Балх — обычный пункт встречи караванов, идущих с востока на запад. Можно было уверенно

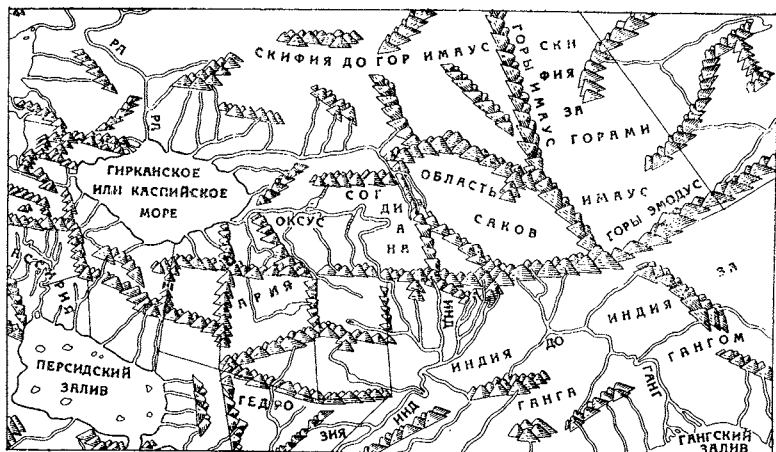

Схема гор Азии по Птоломею

сказать, что далее караван македонского купца проследовал в Согдиану, пройдя где-то западнее Памира. Вот тут-то и начинается самая неясная часть описания: путь идет по долине Komedaḡum (такого названия нет ни на одной современной карте), далее через пустынные земли саков, мимо Каменной башни (она расположена на одной широте с Византией), потом через горы Имауса в пустыни Скифии и, наконец, в долины страны Серов.

Много позднее, в XIX в., географы пытались восстановить этот маршрут, используя данные Марина Тирского, который приводит также длительность этапов пути, но у разных исследователей пунктирная линия прошла по карте совершенно различными путями. Да и как могло быть иначе: точной карты этих мест еще не было, никто из ученых их еще в ту пору не описал, а сведения Марина к тому же имели 1700-летнюю давность! Только после начала исследования Памира русскими учеными Н. А. Северцов смог дать наиболее правдоподобную расшифровку маршрута Маэса Тициануса. По его мнению, неясная часть пути лежит по Алайской долине, у северных границ Памира.

К началу средних веков в связях между Европой и Центральной Азией происходят существенные изменения. С начала VII в. на Ближнем Востоке начинает скла-

дываться арабское государство, вскоре оно распространяет свою власть все далее на восток. В конце VII в. арабы приступают к завоеванию Средней Азии. Постоянные войны, затянувшиеся здесь почти на три века, сделали невозможным нормальное движение торговых караванов. Да и вообще отношения между христианской Европой и магометанским Востоком были далеко не дружелюбными. Торговые пути повернули на север; важным узловым пунктом сделалось государство Булгар в низовьях Волги. Памир, у предгорий и в ущельях которого разыгралось немало трагических эпизодов кровавой истории тех времен, стоял неодолимым препятствием на пути завоевательных походов, сперва Александра Македонского, а затем и арабов. Вместе с тем он оказался в стороне от торного торгового пути. Естественно поэтому, что арабские географы в своих сочинениях почти не упоминают Памира.

В XIII в. в Среднюю Азию, а затем и в Европу грозной лавиной вторгаются полчища Чингиз-хана и его наследника Батыя. Цветущие города и селения лежат в руинах, вереницы пленных, бредут скорбным путем; едва успев поверить, что остались в живых, они уже чувствуют невзгоды тяжелого рабства. Правда, после создания могущественного государства монголов на его огромной территории на время стихли военные действия, пути стали сравнительно безопасны, снова потянулись по дорогам торговые караваны. Монгольские вожди меняли награбленное добро на пряности, охотно покупали изделия, нужные для их пышных дворов.

Но разрыв в сухопутных связях с далеким Востоком не прошел даром. Все более развивается техника мореплавания, все более дальними становятся рейсы итальянских, испанских и португальских моряков. Морской путь стал более безопасным, более близким, доступным и, главное, дешевым.

И все же возможности сравнительно безопасного сухопутного пути через Восточную Европу и Азию привлекали к себе. В 1246 г. отправился послом к императору монголов де Плано Карпини, в 1253 г. в Монголию выехал с дипломатическим поручением французского короля Людовика IX монах Рубруквис. Вернувшись, они с восторгом рассказывали о сказочных богатствах, скопившихся у мон-

гольских ханов. Как могли торговые люди пренебречь перспективой большого барыша?

Одними из первых двинулись на поиски торгового успеха венецианцы братья Николо и Матфео Поло. Отправившись в 1260 г. из Константинополя, они добрались до Бухары, где прожили три года. Отсюда двинулись по древнему караванному пути Самарканд — Кашгар — Хотан в столицу монголов Каракорум и далее на юг, в Китай к великому хану Хубилаю. В 1269 г. братья Поло ездили по поручению Хубилая на родину; возвращаясь, они взяли с собой сына Николо, Марка Поло. На этот раз они решили ехать другим путем: пройдя через Малую Азию до порта Ормуз на Персидском заливе, добраться до Китая морским путем. Надежных кораблей в Ормузе не оказалось, и венецианцы двинулись по суше к северо-востоку, прошли через территорию древнего Балха и пересекли Памир.

Много лет спустя, уже после возвращения на родину, Марко Поло попал в плен к генуэзцам и, сидя в тюрьме, продиктовал своему компаньону по заключению рассказ об азиатских странах и своем путешествии. Кое-что было сказано и о Памире. Первое в европейской литературе описание Памира не было многословным, но давало некоторое представление о необычайной суровости этой страны. Вот что можно прочесть у Марко Поло:

«...Отсюда три дня едешь на северо-восток, все по горам, и поднимаешься на самое высокое, говорят, место на свете. На том высоком месте между двух гор находится равнина, по которой течет славная речка. Лучшие на свете пастбища тут; самая худая скотина разжиреет здесь в десять дней. Много тут больших диких баранов; рога у них в шесть ладоней и поменьше, по четыре или по три. Из рогов тех пастухи выделывают чаши, из них едят; и еще из тех же рогов пастухи строят загоны, где и держат скот.

Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром, и во все двенадцать дней пути нет ни жилья, ни травы; еду нужно нести с собой. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холоду и огонь не так светел и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится.

Оставим все это и расскажем о другом, что впереди на северо-восток и восток.

Через три дня, как я говорил, сорок дней едешь на северо-восток и восток, все через горы, по склонам гор да по равнинам, через много рек и пустынных мест, и всю дорогу нет ни жилья, ни пастбищ. Продовольствие путники везут с собою. Страна эта зовется Белором...»¹.

Вот и все! Не только скудно, но и крайне неопределенно. В наши дни, имея современную карту Памира, можно приблизительно установить маршрут Марко Поло в этой его части: поднимаясь вверх по долине Пянджа, он миновал Вахан, двинулся вдоль р. Памир, затем через один из перевалов (возможно, Харгуш) проник в долины Восточного Памира, отсюда где-то свернул на восток, к Кашгару. Длительность этапов здесь явно преувеличена.

Где-то в непосредственной близости, если не по самому Памиру, проходил маршрут миссии Бенедикта Гоэса. В 1603 г. он отправился из Лахора в Китай. Но описание его еще более туманно, чем у Марка Поло.

Вот с такими-то скудными сведениями о Памире пришла бы европейская географическая наука к XIX веку, веку замечательных путешествий и открытий в Центральной Азии, если бы не китайские ученые-путешественники. В начале XIX в. европейская наука получила возможность ознакомиться с географическими представлениями Китая. Один за другим появляются переводы географических трудов китайских ученых. Огромный материал был собран и обобщен русским синологом Н. Я. Бичуриным (о. Иоакимф); академик Васильев впервые перевел книгу «Описание западных стран» по путешествию Сюань Цзяна (перевод не опубликован); следует упомянуть перевод книги Сюань Цзяна, принадлежащий перу французского сиолога С. Жюльена.

* * *

*

После многих злоключений, не раз повидав в лицо смерть, добрался в Ферганскую долину Чжан Цзан, путешественник и посол китайского императора Ву. Был 126 г. до нашей эры. Богатые селения и города, пышная зелень садов, шумные базары, где гудела пестрая толпа,— все радовало глаз посла.

¹ Марко Поло. Путешествия, пер. И. П. Минаева, Л., 1940, стр. 45—46.

Считается, что именно это путешествие положило начало регулярным торговым и политическим связям Китая и государств Средней Азии. Но и до этого в Китай проникали сведения о народах, живущих между реками Сыр-и Аму-Дарья. Знали китайцы и о снежных горах Памира и Тянь-Шаня, протянувшихся на северо-западных и западных границах их страны. Расширяя свое государство на запад, китайцы подошли к высоким хребтам, за которыми лежали пустынные безжизненные долины. Бичурин писал: «китайцы знаменитую нагорную площадь Памир открыли за 125 лет до р. х. и дали горам ее общее название Цун-лин, что значит Луковые горы, потому что на высотах Памира много каменного лука растет»¹. Через Памир и по его южной и северной окраинам протянулись пути из Китая на запад.

Под названием Луковые горы китайские ученые понимали не только Памир, но по крайней мере часть Тянь-Шаня. Более поздние источники (VII в.) указывают, что эти горы граничат на юге с Гиндукушем, на севере с озером Балхаш (по другим данным — с озером Иссык-Куль). «Утесистые хребты тянутся на несколько сот ли (ли — около 0,5 км. — Д. З.). В горных ущельях постоянно лежат снега и льды. Холодные ветры сильны и пронзительны»².

Географические описания китайцев выгодно отличаются своей определенностью и точностью. Неоднократные переходы через Памир, соприкосновение с кочевниками-скотоводами, обитавшими в его долинах, дали китайской географической науке много сведений об этой стране, сведений, которыми не обладали и более поздние европейские и арабские географы. Китайцы издавна знают о существовании на Памире трех озер: Кара-Куль, Тузкуль и Яшилкуль³. Более или менее точно показаны на карте положение озер, реки, окружающие горы.

В начале второй половины первого тысячелетия нашей эры в длительные путешествия по Центральной Азии пускаются китайские буддистские паломники. Описания некоторых из этих путешествий явились неоценимым

¹ Примечания Н. Я. Бичурина к статье Чихачева, «Записки русского географического общества», кн. 3, СПб., 1849.

² Там же.

³ Карта Западной Монголии, приложенная к статистическому описанию китайской территории.

вкладом в географическую науку. Наиболее известным из этих путешественников является Сюань Цзян, странствовавший около 17 лет. В 628 г. его караван вышел из Китая в дальний путь. Достигнув южных предгорий Тянь-Шаня (Небесные горы), путешественник двинулся на запад, пересек Небесные горы и прошел у озера Иссык-Куль. Попад в Среднюю Азию, Сюань Цзян посетил основные населенные районы этой страны; он побывал в Каратегине, Гиссаре, Бамиане, прошел через Кабул и вступил в Индию, где провел несколько лет. Для нас особенно интересен маршрут, которым путешественник возвращался на родину: из современного Афганистана он двинулся более южным, чем ранее, путем и, совершив пересечение Памира, попал в Кашгар, а оттуда в Китай.

Сочинения Сюань Цзяна сохранились не в подлиннике, известен лишь их пересказ. Удивительно, как очень точное реалистическое описание местности, маршрута мешается с невероятным и сверхестественным. То ли трудности пути так повлияли на путника, то ли передал он местные легенды, приняв их на веру; может быть, все эти чудеса появились уже при пересказах его сочинений. Позднее, когда в Европе стали известны описания путешествий Сюань Цзяна, между различными учеными-востоковедами и географами разгорелась жаркая дискуссия. Каждый по-своему расшифровывал маршрут путешественника, по-своему привязывал его к существовавшим тогда представлениям о географии Азии и особенно Памира. Но представления эти оставались все еще очень туманными: ведь никто из спорящих на Памире сам не бывал.

Одним из главных средств расшифровки маршрута было сравнение названий местности у Сюань Цзяна с названиями, приведенными в других описаниях. Однако, как известно, при переводе на китайский язык звучание слов сильно искажается; к тому же есть существенная разница между звуковым значением иероглифов китайской письменности в северной и южной частях страны. Все это приводило к тому, что путь Сюань Цзяна через Памир оставался весьма неопределенным.

Казалось, все возможные варианты трассы Сюань Цзяна через Памир были проведены, когда в печати выступал Н. А. Северцов, один из первых исследователей Памира. Он решительно отверг мнения крупнейшего английского востоковеда Юля, французских ученых С. Жюльена,

Сен-Мартена и других. Опираясь на личное знакомство с Памиром и первые достоверные карты, он предложил новое объяснение ряда неясных мест в маршруте Сюань Цзяна. Трудно сказать, насколько совпадает его трактовка с истинным маршрутом китайского путешественника, но во всяком случае она весьма интересна¹.

Сюань Цзян впервые упоминает название Памир, у него — По-ми-ло. Вот как он описывает эту долину.

«Долина По-ми-ло имеет в длину 1000 ли в направлении с востока на запад и ширину в 100 ли с севера на юг. Она простирается между двух цепей снежных гор; здесь очень холодно, дует свирепый порывистый ветер. Снег выпадает даже весной и летом; ветер дует не стихая день и ночь. Почва насыщена солью и покрыта щебнем. Здесь не может расти ни пшеница, ни фрукты; деревья и другая растительность редки; повсюду дикая пустыня без следов человеческого обиталища. Посреди этой долины находится большое Драконово озеро; его размер 300 ли с востока на запад и 500 ли с севера на юг. Это озеро расположено на неизмеримой высоте, в середине Луковых гор (Та Цун-лин)... Если смотреть на него издали, оно расстилается как обширное море и глаз не может различить его конца; удары его волн напоминают шум большого базара, на котором волнуется бесчисленная масса людей. Воды озера чисты и прозрачны; их глубина неизмерима. Вода озера темного цвета, а на вкус она приятна»². Далее путешественник указывает, что из озера вытекает большой поток, который соединяется с Оксом (Пот-су), или, по современному названию, с Пянджем. Из восточной части озера вытекает другая большая река, направляющаяся на северо-восток и соединяющаяся с Си-то, в западных предгорьях Киэ-ша (Кашгара). Потом следует описание сказочного дракона и акул, якобы обитающих в озере.

Протяженность долины и размеры озера не укладываются в современные представления о расстояниях на Памире; есть здесь и противоречие между данными о ширине долины и длине озера в том же направлении (100 ли и 500 ли). Но описание природы Памира дано весьма точно.

¹ См. D-r Nicolas Severtzow. Etudes de geographie historique sur les anciens itinéraires a travers le Pamir. Bulletin de la societe de la geographie. Vol XI, Paris, 1890.

² Цитируется по Северцову (см. выше), стр. 460. (перевод наш.— Д. З.).

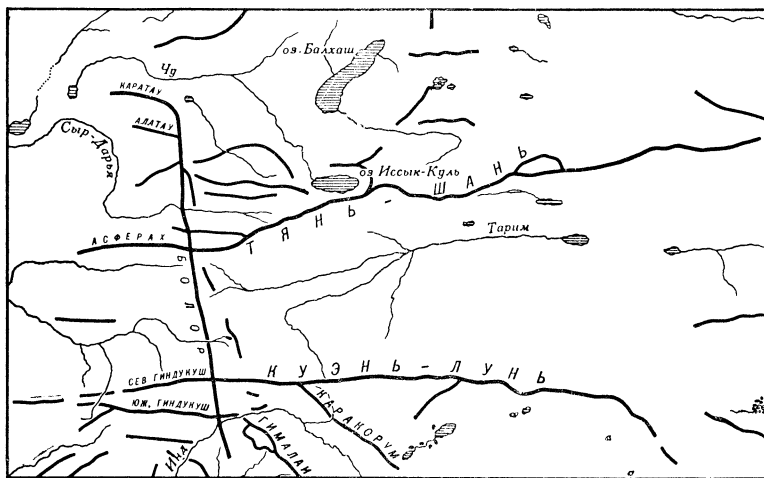
Китайские географы считали, что Драконово озеро (Лун-чи) — это Кара-Куль, а река, текущая на восток, — Яман-яр. Но известно, что река этого названия вытекает из другого озера — Малый Кара-Куль, расположенного восточнее первого и значительно меньшего по размерам. В наши дни озеро Кара-Куль не дает начала ни одной реке, хотя в недавнем геологическом (а может быть, и в историческом) прошлом сток на запад в бассейн Пянджа из него, повидимому, был.

Кара-Куль — единственное на Памире озеро, вытянутое в меридиональном направлении. Поэтому Северцов полагает, что китайский путешественник побывал именно на его берегах, пройдя, таким образом, через всю центральную часть Памира. Большинство исследователей того времени считало, что Сюань Цзян прошел по южной окраине Памира, мимо озера Зоркуль (размеры приблизительно 20×2 км), вытянутого в широтном направлении. Как бы там ни было, а характер природы Памира путешественнику хорошо известен: через эту страну существовали пути, которыми постоянно пользовались.

Путешествия Сюань Цзяна и другие книги китайских географов стали известны в Европе лишь в прошлом веке. Несмотря на свою более чем 1100-летнюю давность, они оказались географической новинкой.

* *
*

В начале XIX столетия познания о географии Центральной Азии основывались почти исключительно на сведениях, почерпнутых из древних литературных источников. Географы в тиши своих ученых кабинетов создавали умозрительные схемы рельефа Азии. Но разнородные данные были настолько противоречивы, что эта деятельность завела ученых в тупик. Новых сведений черпать было не откуда. В качестве курьеза можно привести случай, когда известный востоковед Клапрот сочинил описание вымышленного путешествия по Центральной Азии, включая Памир, и продал его одновременно генеральным штабам русской и английской армий. Прошло много лет, пока после опубликования этих «записок» было доказано полное несовпадение их даже с уже точно известными данными. А ведь приняли же их за «чистую монету»!

Орография Азии по Гумбольдту (схема)

Период «кабинетной географии» Азии завершается трудами крупнейших ученых А. Гумбольдта, П. Палласа, К. Риттера. Русский академик П. Паллас (1741—1811 гг.) полагал, что все хребты Азии расходятся лучами от центрального горного узла — Богдо-ола (Восточный Туркестан — в наше время часть Тянь-Шаня, находящаяся на территории Китайской Народной Республики), причем этот горный узел поднимается выше всех гор материка. Другая гипотеза того времени: вся Азия между 33 и 50° северной широты представляет собой огромное высокое плато. Это представление возникло на основании изучения работ Марка Поло и сведений католических послов Рубруквиса и Плано Карпини.

В 1843 г. А. Гумбольдт опубликовал свой капитальный труд «Центральная Азия». Ученый пришел к выводу, что орография Азии представляется в виде пересечения ряда широтных хребтов с меридиональными горными системами. К главнейшим широтным хребтам он относит Алтай, Тянь-Шань, Куэнь-лунь, Гиндукуш, Гималаи и Тавр. В меридиональном направлении на его карте вытянулись горы Урала, Кузнецкие горы, Болор и Сулеймановы горы.

Гумбольдт считал, что Болор — одно из важнейших поднятий, разделяющих материк на западную и восточную

части. Болор — название, повидимому заимствованное у Марка Поло¹, — включает горы Бадахшана, Дарваза и Памира. Он соответствует Имаусу на древних картах Азии. «Меридиональная цепь Болор, одна из тех, что долгое время оставалась неизвестной географам, представляет одновременно географический и исторический интерес»², особенно в связи с тем, что с этими горами связывалось «великое географическое разделение Азии».

Гумбольдт считает Болор главной частью длинной серии меридиональных поднятий, протянувшихся от мыса Коморин (Южная Индия) до Ледовитого океана, завершающаяся Уралом. Болор (Луковые горы китайцев) представляет собой границу Китая; его огромные горы представляли некогда почти неодолимую преграду для прохода больших армий.

Таким образом, к середине XIX в. складывается представление о существовании меридиональной цепи высоких гор Болора, граничащих с плоскогорьем Памир. Хотя эта горная страна все еще неизвестна географам, ее, несомненно, неоднократно проходили караваны как у северной и южной окраин, так и в самом сердце своей восточной части.

Река Аму-Дарья — одна из величайших рек в Средней Азии — была известна с глубокой древности и привлекала пристальное внимание властителей государств и торговых людей. Это она встала на пути отрядов Александра Македонского. Под названием Окс (Оксус)³ изображали ее на своих картах греки и римляне; арабы называли ее Джайхун. Среднее и нижнее течение Аму-Дарьи уже давно было хорошо известно большинству народов Средней Азии. Но об истоках Аму-Дарьи никто ничего не знал,

¹ Впрочем, применительно к стране и реке это название встречается и в других источниках.

² Humboldt, *Asie Centrale*, t. II, Paris, 1843, стр. 364.

³ Аму-Дарья — Вахш древних арийцев (от названия крупного притока Аму-Дарьи). Греческое название Окс происходит от слова Вакш, или Вокш (Масальский). Другие авторы обращают внимание на звуковое подобие слов Окс и Оксу. (Белая река, так называются верховья Мургаба, или Бартанга, одного из крупнейших притоков Пянджа). С последним трудно согласиться, учитывая, что Оксу, расположенная на восточной окраине Памира, в древности была неизвестна.

кроме жителей ближних местностей. Птоломей считал, что Аму-Дарья впадает в Каспийское море и, поднимаясь отсюда вверх по реке, можно попасть прямо в Индию. Этих же взглядов долгое время придерживались и в России.

В 1675 г. царь Алексей Михайлович направил в Бухару посольство. А. Даудову, астраханцу Махмету Юсупу Касимову и подъячим Казанского дворца Ивану Шапкину и Венюкову было поручено выкупить пленных и собрать политические и торговые сведения о стране. Но это было не все, они должны были также «проведать о реке Дарье, и в которых пределах свой путь имеет, и какие по той реке населены народы, и какие промыслы, и ходы в которые государства по той реке имеют»¹.

Даудов из Бухары вернулся обратно, а его спутники отправились дальше, к «индийскому восточному шаху» и добрались до Балха и Кабула (современный Афганистан).

Это посольство не было единственной попыткой обследовать Аму-Дарью. С целью проникнуть в Индию или узнать о путях туда отправлялись также братья Пазухины (1669—1673 гг.), купец Семен Маленький (1695 г.), Сергей Аникеев и др. В 1717 г. Петр Первый направил в Среднюю Азию военную экспедицию (6655 человек) во главе с князем Бековичем-Черкасским. В задачи экспедиции, в частности, входило выяснить достоверность слухов о богатых месторождениях золота в верховьях Аму-Дарьи. Но отряд Бековича не добрался до великой реки, он погиб частично в стычках с хивинцами, частично от голода и жажды в пустынях.

К началу XIX в. государства Средней Азии были раздроблены на мелкие владения, непрерывно враждовавшие друг с другом. Постоянные войны подрывали экономику страны, народ дошел до крайней степени обнищания. Богатые сырьевые ресурсы, важное стратегическое положение и обширные рынки сбыта привлекают все более пристальное внимание как русского капитализма и царского правительства, так и английских властей в Индии. Один за другим под видом торговцев, переодетые дервишами, в качестве ученых-путешественников проникают агенты этих стран в Бухару, Хиву и Коканд.

¹ Цитируется по кн. И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1897, стр. 217.

Интерес к географии Средней Азии резко возрастает. В научной литературе вновь и вновь появляются обзоры всех имеющихся сведений, снова возрождается вопрос об истоках Аму-Дарьи. Наконец, в конце 1837 г. член миссии Бэрнса в Афганистан лейтенант Джон Вуд отправляется вверх по Пянджу. Дойдя до места слияния двух больших рек (Памир и Вахандарья), Вуд наугад поворачивает в долину р. Памир и в феврале 1838 г. попадает к оз. Зоркуль. Долина и почти полностью замерзшее озеро были скрыты глубоким слоем снега, и Вуд смог составить лишь приблизительное представление о местности. Однако он был твердо убежден, что именно здесь берет начало Аму-Дарья; подтвердили его предположение и проводники из местных киргизов. Книга Вуда, рассказывавшая о его путешествии, привлекла внимание ученых. «Вуд первым пронес свет науки в густые потемки географии Памира», — писал впоследствии французский путешественник Е. Капюс¹. Но значение путешествия Вуда здесь сильно преувеличено. В действительности он прошел давно известным караванным путем, собственно на Памирском нагорье не был, да и действия его носили довольно случайный характер. Схема орографии Памира, составленная Вудом по расспросным данным, оказалась почти полностью ошибочной.

Еще в 1838 г. Платон Чихачев подал в Императорскую российскую академию наук докладную записку, в которой указывал на необходимость энергичного исследования Средней Азии в интересах русской торговли с Западным Китаем и Индией. Он считал, что это дело должно стать важнейшей задачей русской географической науки. Но время для этого еще не наступило, русские войска едва начали продвижение на восток от Каспийского моря, и, хотя ханы Бухары и Хивы охотнее шли на торговлю с русскими купцами, чем с англичанами, лишь отдельные торгово-дипломатические миссии, и то с большим риском, проникали в города Средней Азии.

Однако, по свидетельству известного востоковеда В. В. Бартольда, «еще в 30-х годах край (Восточная Бухара.— Д. З.) был известен русским лучше, чем европейцам; Бэрнс только в русских картах нашел правильно обо-

¹ Е. Capus. Le toit de monde, Paris, 1890, стр. 60.

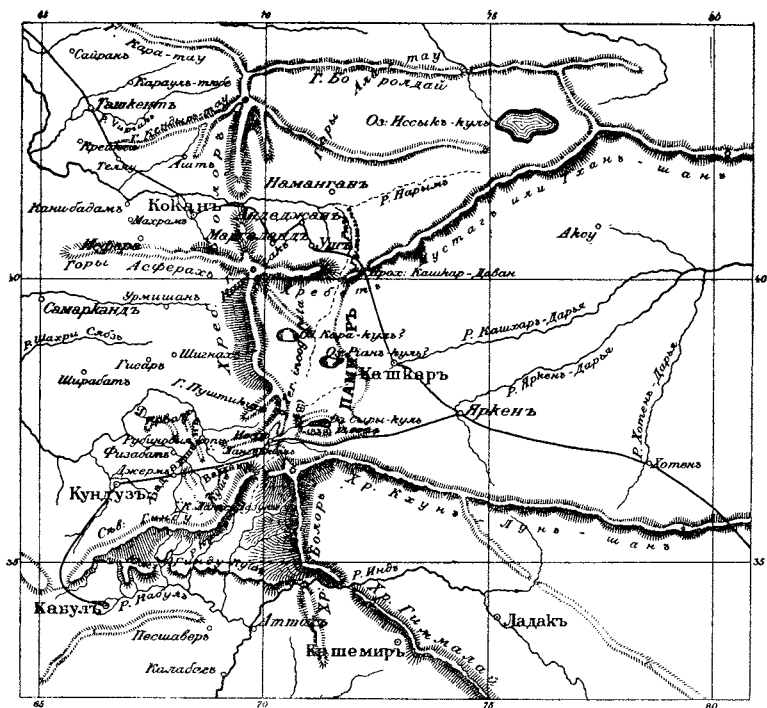

Схема хребтов Памира по П. Чихачеву

значенным течение Зеравшана, который на западных картах изображался как приток Аму-Дарьи»¹.

После путешествия Вуда снова наступает длительный перерыв в исследованиях истоков Аму-Дарьи и Памира. Англичане потерпели неудачу в попытке подчинить Афганистан, затем в Индии вспыхнуло восстание сипаев, и английским властям было не до разведки территорий за северо-восточными пределами страны. Русские продвигались вглубь Средней Азии медленно, в основном вверх по Сыр-Дарье. Поэтому для русских исследователей в первую очередь стал доступным не Памир, а Тянь-Шань.

С начала 60-х годов англичане возобновили разведку стран, прилегающих с севера к Индии. Однако на первых

¹ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, 1925, стр. 257.

порах, зная враждебное к ним отношение местного населения и не желая привлекать внимания России, они не рискуют открыто выступать далеко за пределы уже захваченных областей. На помощь приходит старый, испытанный в практике колониальных захватов метод: в чужую страну направляются специально обученные агенты из числа жителей покоренных областей. Но и они не могут заниматься порученным делом открыто и путешествуют под видом нищих монахов-дервишей или торговцев. Нужно запоминать пройденный днем путь, чтобы ночью при свете луны или в укромном уголке у небольшого костра сделать заметки, набросать кое-как схему местности. О пользовании инструментами для точной съемки и говорить не приходится.

Пробираясь по тропам, такой агент мог осмотреть лишь небольшую полосу местности, случайные разговоры с встречаемыми и осторожные расспросы несколько расширяют представление о стране; ошибки, и подчас грубые, при таком методе «изучения» были неизбежны. В большинстве случаев отчеты этих агентов представляют собой лишь перечисление пунктов пройденного маршрута, описание проходимости пути и некоторые сведения политико-экономического характера.

Все же сведения, доставленные разведчиками, кое-что дали для создания представления о Памире, особенно о его юго-западной части. Д. Н. Керзон, впоследствии вице-король Индии, писал, что эти безыменные, известные только по вымышленным именам или даже только инициалам, разведчики много добавили к географическим знаниям о пограничных с Индией областях.

Первым из них был Абдул-Меджид. Отправившись в 1860 г. из Кабула, он пересек Бадахшан, прошел вверх по Пянджу и через перевал Харгуш проник на Памир, который пересек с юга на север, мимо оз. Кара-Куль и через перевал Кызыларт, закончив свой путь в Фергане, откуда повернул обратно, на этот раз обогнув Памир с запада.

Последующие годы отмечены серией маршрутов по южной окраине Памира с выходом в Кашгар.

Большую область охватил агент, известный под инициалами М. S. (быть может Мирза Садша?).

М. S. (1878—1881 гг.), выйдя из Кашмира, двинулся мимо Гильгита, через перевалы Даркот и Барогиль, пере-

сек Гиндукуш и достиг Вахана. Он прошел всю долину Пянджа от слияния рек Памир и Вахандарья (Сархад) до Кала-и-хумба, побывал в долинах крупных правых притоков Пянджа — р. Шахдара и р. Бартанг. На северо-западе он достиг Куляба и отсюда Тавильдары и Сагырдашта на северных склонах Дарвазского хребта. Часть этих местностей была несколько ранее посещена также разведчиком Хавильдаром (1875 г.)¹.

Материалы, полученные в результате этих и многих других путешествий, были использованы генералом Уокером для составления карты, изданной в 1883 г. Впрочем, часть этих сведений впоследствии подверглась серьезной критике, в частности со стороны Н. А. Северцова, который доказал, что М. S. в ряде случаев дает описание местности, представляющее шаг назад даже сравнительно с исследованиями Вуда, не говоря уже о точной съемке, проведенной в Бадахшане полковником Матвеевым. Уокер был вынужден признать неточности своей карты.

Не удовлетворяясь только отправкой разведчиков из местных жителей, англичане, пользуясь отсутствием точного разграничения страны, большая часть которой была номинально подвластна Коканду, приступили к топографической съемке и сбору стратегических и экономических сведений.

В 1870 г. англичане направили к Якуб-беку, бывшему в то время властителем Кашгарии, посольство с целью склонить его к союзу с англо-индийскими властями. Три года спустя туда же (в Яркенд) прибыла целая миссия во главе с Д. Форсайтом. Сотрудники миссии — подполковник Гордон, капитан Биддульф, лейтенант Троттер и др. не теряли времени зря и, покуда тянулись дипломатические переговоры, совершили ряд маршрутов по Кашгарии и Памиру. По возвращении из путешествия Троттер опубликовал карту Памира², которая, впрочем, не много прибавила к уже известным данным. Вся не посещенная Троттером часть Памира изображена на карте крайне схематично, а подчас и прямо неправдоподобно.

В восточной части Памира Троттер изображает длинные меридиональные хребты, но Болор ли это? Т. Е. Гордон упоминает, что названия Болор местные жители не знают.

¹ Хавильдар — не собственное имя, это значит — сапер.

² См. Т. Е. Gordon. The Roof of the World, Edinburgh, 1876.

Таким образом, к началу 70-х годов о большей части Памира все еще нет достоверных сведений: более или менее точная топографическая съемка охватывает лишь незначительное пространство у восточных и южных окраин Памира.

* *

*

В 1864 г. началось решительное наступление царских войск на Среднюю Азию. 17 мая 1865 г. был взят Ташкент, а в 1867 г. образовано Туркестанское генерал-губернаторство.

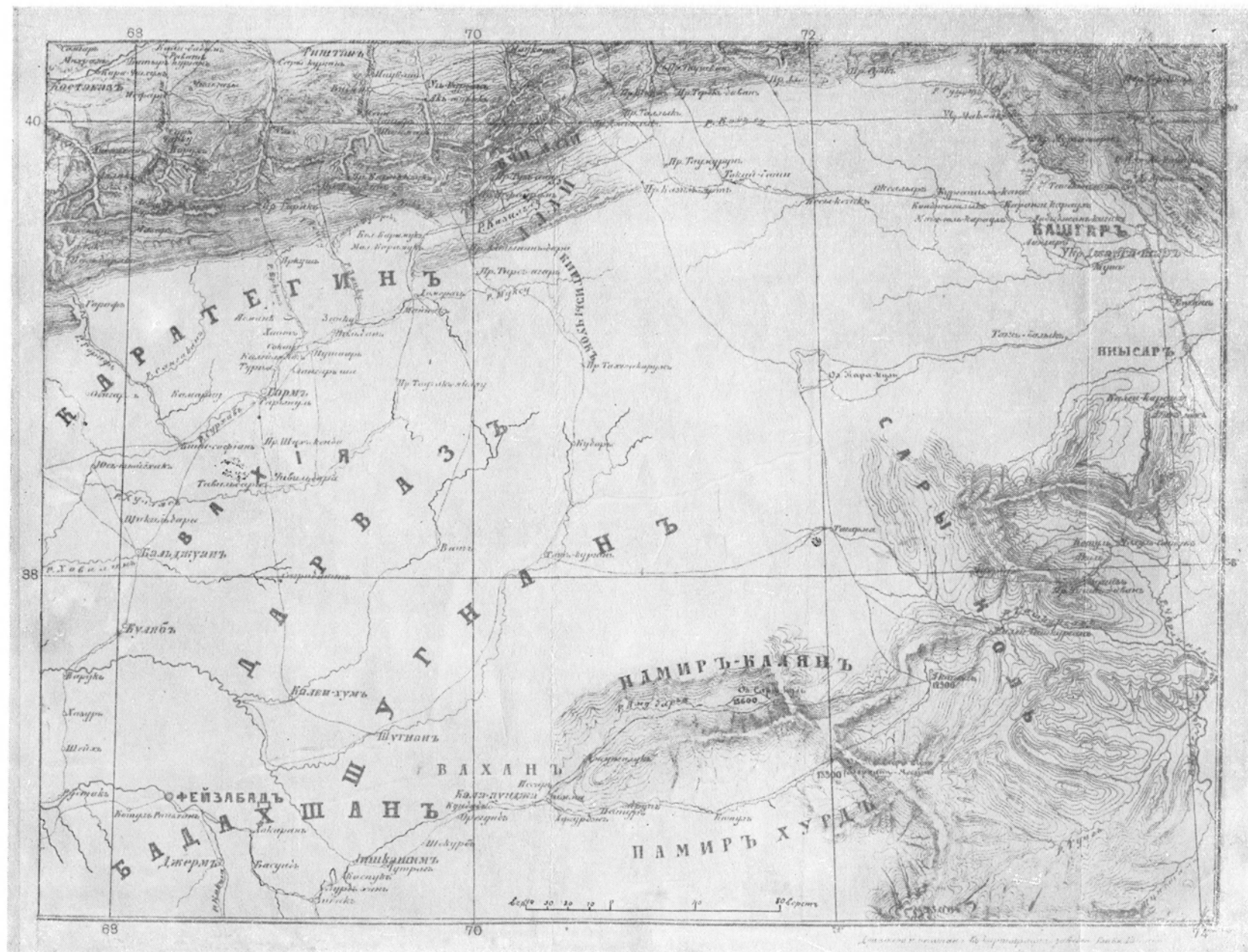
В 1868 г. правитель Коканда, хан Худай-яр, признал себя зависимым от царской России. В этом же году было побеждено Бухарское ханство. Дипломатические соображения заставили царское правительство сохранить видимость самостоятельности этих ханств. Такое положение, кроме того, на первых порах облегчало царской администрации управление областями, народ которых имел многовековой опыт борьбы с иноземными завоевателями.

Русские ученые получили доступ, правда ограниченный, к еще неизвестным науке районам.

Генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман обратился в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии с предложением участвовать в изучении вновь присоединенных к России районов Средней Азии. В ответ на эту просьбу в октябре 1868 г. в Туркестан выехал молодой ученый А. П. Федченко. Его сопровождала жена, Ольга Алексеевна. Совершив ряд весьма плодотворных путешествий по Туркестану, Федченко уже в июне 1871 г. направился в Коканд. Через это ханство лежал путь к неведомому Памиру. «Мысль о посещении этого пространства... преследовала меня с самого приезда в Туркестан»¹.

Для своей поездки Федченко не случайно выбрал середину лета: он хорошо знал, что к этому времени жизнь растений и животных находится в расцвете, а дороги делаются доступными благодаря спаду вешних вод и тому, что их несколько исправят киргизы, откочевавшие на летние пастбища.

¹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, М., 1950, стр. 187.

Карта Памира и прилегающих районов (по А. П. Федченко)

Первая часть путешествия Федченко посвящена изучению Южно-Кокандских гор (Алайский хребет). Из Коканда исследователь отправляется в долину р. Исфары, предполагая перевалить из ее верховий на Зеравшанский ледник, один из интереснейших в хребте. Поднявшись вверх по одной из рек, составляющих Исфару, р. Кшемыш, исследователь открыл большой ледник, названный им в честь известного геолога президента Общества любителей естествознания Г. Е. Щуровского.

Спустившись с ледника в селение Ворух, Федченко повернул на восток, пересек долину р. Сох, добрался до г. Шахимардана. Отсюда путешественники снова совершили поход к Алайскому хребту, к перевалу Кара-казык. Покинув, наконец, Шахимардан, Федченко и его спутники двинулись вдоль отрогов Алайского хребта еще дальше на восток и от селения Уч-курган повернули на юг, вверх по долине р. Исфайрам. Здесь лежал сравнительно доступный путь в Алайскую долину через перевал Тенгизбай.

20 июля Федченко стоял на перевале. «Вид с перевала заставил нас остановиться: перед нами открылась панорама исполинских гор... перед нами лежала местность, едва известная под именем Алай, а что лежало за нею, было никому неизвестно»¹. Федченко и его спутники спустились в Алайскую долину к кокандскому укреплению Дараут-курган. Ученый хотел было двинуться еще дальше на юг, подняться по долине р. Алтындара вглубь Заалайского хребта, но местный представитель ханской власти — токсаба решительно воспротивился этому. Он задержал путешественника в Дараут-Кургане, и тот вскоре был вынужден пуститься в обратный путь, на этот раз через перевал Талдык, мимо Гульчи, в г. Ош.

Несколько дней, проведенных Федченко в Алае, не пропали для него даром: он не только сделал все доступные ему наблюдения, но подолгу беседовал с киргизами, собирая сведения о местностях, расположенных на юг и запад. Федченко справедливо считал, что «главным результатом... поездки в Алай было выяснение орографии страны, лежащей к югу от долины Ферганы. Прежние сведения были весьма смутны, и картографы приходили в отчаяние, когда им нужно было изображать эту часть Азии,

¹ Там же, стр. 355.

и, рисуя бог знает что, оговаривались, что «нам поверхность луны лучше известна, чем эта местность»¹.

Сопоставляя скудные данные, бывшие в распоряжении географической науки, с расспросными сведениями, тщательно анализируя виденное, Федченко сделал гениальные предположения о рельефе Памира и довольно точно указал даже некоторые его детали. Важнейший вывод учебного — опровержение сложившегося представления о меридиональных горах Болор. Если до него только М. Венюков усомнился в установившейся орографической схеме², то Федченко говорит прямо: «Что же оказалось: ряд гряд, последовательно все более высокие в направлении к югу, гряд, идущих в направлении с востока на запад и разделенных более или менее обширными и длинными долинами»³. Существование огромного меридионального хребта Болор отрицается Федченко полностью.

Федченко останавливается и на другом важном вопросе орографии Азии: о связи между Гималаями и Тянь-Шанем. Несколько ранее Н. А. Северцов, исследовавший Тянь-Шань, и англичанин Монгомери⁴ сократили гумбольдовский перечень основных горных систем Азии; остались лишь три цепи широтных гор: Алтайские, Тяньшанские и Гималайские. Пространство, ранее отводившееся Болору, по их мнению, занято северными отрогами Гималаев; Болор, таким образом, терял свое первостепенное значение, но существование его не отрицалось. Северные отроги Гималаев смыкаются с южными отрогами Тянь-Шаня⁵.

Федченко же полагал, что многочисленные широтные гряды Памира, заполняющие всю территорию между Гиндукушем и Гималаями на юге и Сыр-Дарьей — на севере, неотделимы и от Гималаев и от Тянь-Шаня. Поэтому он считает все эти горы одной системой и предлагает распро-

¹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, стр. 377.

² М. Венюков в 1868 г. считал, что «если отдать себе представление о характере строения земли, то видно, что Болор, Кунь-Лунь и Гималаи образуют одно поднятие и ось его в направлении с северо-запада на юго-восток образует Памир» (см. Венюков М. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них, СПб., 1868).

³ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, М., 1950, стр. 377.

⁴ Начальник англо-индийского бюро для загималайских исследований.

⁵ Впоследствии, после путешествия на Памир, Северцов отказался от этой точки зрения.

странить на них название Нагорная Азия (Hochasien), ранее относившееся только к Гималаям.

Федченко впервые указал, что Болора нет, а отводившаяся ему местность представляет собой массивное, слабо расчлененное поднятие; что в западной части поднятие более расчленено: там тянутся широтные цепи гор. Таким образом, была впервые определена, хоть и в общих чертах, основная особенность рельефа Памира. Ученому удалось довольно подробно обрисовать речную сеть Памира и указать на основные пути через эту страну.

В 1875 г. в Коканде вспыхнуло восстание, направленное против Худай-яр хана. Во главе восстания встало реакционное духовенство и Наср-Эддин, сын Худай-яр хана, объявившие священную войну против русских. Восстание вскоре было подавлено, Кокандское ханство окончательно присоединено к России и преобразовано в Ферганскую область (19 февраля 1876 г.), начальником которой был назначен генерал Скобелев. В том же году, преследуя алайских киргизов — участников восстания, отряд Скобелева из г. Ош подошел к селению Гульча, где в ожесточенном бою киргизы были разгромлены.

Отряд Скобелева двинулся дальше, в Алайскую долину. Отсюда еще дальше на юг, на Памир, направилась небольшая его часть во главе с полковником Л. Ф. Костенко. Костенко был топографом: кроме него, представителем этой специальности в группе был также Коростовцев. Астроном Бонсдорф должен был заложить на Памире первые астропункты — основу для точной геодезической съемки.

Лето кончалось. Суровый Памир встретил путников не приветливо. Ночами люди и кони зябли, неяркое пламя костра из терескена едва могло согреть пищу. Все же Костенко со своими спутниками дошел до оз. Кара-Куль. Огромная, на первый взгляд безжизненная и пустынная котловина и темные воды огромного озера произвели на русских большое впечатление. От озера небольшой отряд свернул на юго-восток и, пройдя через перевал Уз-бель, оказался в не менее пустынной котловине озер Ранкуль и Шоркуль. Результатом этого путешествия явилась карта рекогносцировочной съемки значительной части Восточного Памира.

Тем же летом 1876 г. Костенко поднялся из Алая по долине р. Алтындара к перевалу Терсагар. Перед взором

путников открылась замечательная панорама: глубоко внизу, по широкой долине, среди серого галечника петляли русла быстрой реки Муксу; напротив перевала высоко вздымались могучие вершины Алтынмазарских гор; сколь хватало взора, вправо и влево тянулись бесчисленные вершины.

Небольшой караван спустился с перевала к маленькому селению Алтын-Мазар. Топограф Жилин произвел первую съемку верховий Муксу вблизи Алтын-Мазара.

В следующем, 1877 г. по Алайской долине путешествует известный исследователь Туркестана геолог И. В. Мушкетов. Пройдя восточную часть долины Иркештама, он подтвердил мнение Федченко об отсутствии большого меридионального поднятия Болор, пересекающего Памир и Тянь-Шань. Побывал Мушкетов и на перевале Терс-агар, но плохая погода вынудила его повернуть назад. Он так и не спустился к Муксу.

Большим шагом вперед в изучении Памира явились работы Фергано-Памирской экспедиции, возглавлявшейся известным исследователем Средней Азии Н. А. Северцовым. Прибыв в Ферганскую область в 1877 г., Северцов, несмотря на то, что лето уже кончалось, двинулся на Памир. Ему удалось лишь перевалить через Кызыларт и попасть в долину Коксу; ранняя зима вынудила его повернуть назад. В начале следующего лета, 7 июля 1878 г., Северцов снова двинулся на Восточный Памир. В экспедиции участвовали топографы Скасси и Руднев, астроном Л. В. Шварц; сбором естественно-исторических коллекций занимался И. Кушакевич и И. Скорняков.

Путешественники проникли вглубь Памира гораздо дальше, чем Костенко: миновав озеро Кара-Куль, они двинулись на юг и юго-запад и достигли озера Яшилкуль, вблизи границы Западного Памира. Многократно Северцов поднимался на горы, стараясь выяснить, что лежит западнее посещенных местностей. Так ему удалось рассмотреть часть долины Кокуйбельсу, верховья р. Гунт...

Экспедиция провела топографическую съемку всего пройденного и виденного пространства, определила 12 астропунктов и барометрически высоту 500 пунктов, произвела первую нивелировку пути до оз. Кара-Куль, собрала большие зоологические, ботанические и геологические коллекции, насчитывающие несколько тысяч экземпляров. Наука впервые получила не только точную основу для

суждения о строении поверхности большей части Памира, но и фактический материал о его флоре, фауне и горных породах.

Северцов не успел до своей смерти обобщить всего собранного им материала и опубликовал лишь несколько, правда очень важных, статей. Большая его работа «Орографический очерк Памирской горной системы» вышла уже посмертно¹. После экспедиции Северцов составил карту Памира (1881 г.) и прилегающих местностей; кроме топографической съемки, проведенной Северцовым и топографами его отряда, им были критически использованы все другие известные данные. На этот раз Северцов уже совершенно четко выделяет Памирскую горную систему — «колоссальный горный узел всего Азиатского материка, соединяющий Высокую (у Федченко — Нагорную. — Д. З.) Азию с Передней»². Границы Памира Северцов трактует очень широко: на севере это Ферганская долина; на востоке — Таримская впадина; на юге Памир включает, по мнению ученого, Гиндукуш и тянется до долин Кабулдарьи и Инда; наконец, на западе Северцов включает в границы Памира весь Афганский Бадахшан и южную часть современного Таджикистана.

Карта Северцова еще испещрена вопросительными знаками и «белыми пятнами» неисследованных районов. Имеются в ней и существенные ошибки. Например, р. Гунт (р. Яшил), вытекающую из оз. Яшилкуль, Северцов соединяет с р. Мургаб (а не Шахдарой)³. Интересно, что на карте Троттера положение этой реки было изображено более правильно, но впоследствии Уокер «исправляет» Троттера и соединяет Гунт и Оксу (верхнее течение р. Мургаб) и лишь потом направляет эту реку в Шахдару, что совсем неверно.

Неточности карты Северцова относятся к изображению мест, им не посещенных, нанесенных на основании распросных данных, которые часто подводили исследователей. Местные жители порой не понимали, чего от них хотят «русские начальники»; иногда же они рассказывали о местностях, известных и им лишь понаслышке.

¹ Н. А. Северцов погиб, провалившись под лед, 28 января 1885 г.

² Н. А. Северцов. Орографический очерк Памирской горной системы, СПб., 1886, стр. 368.

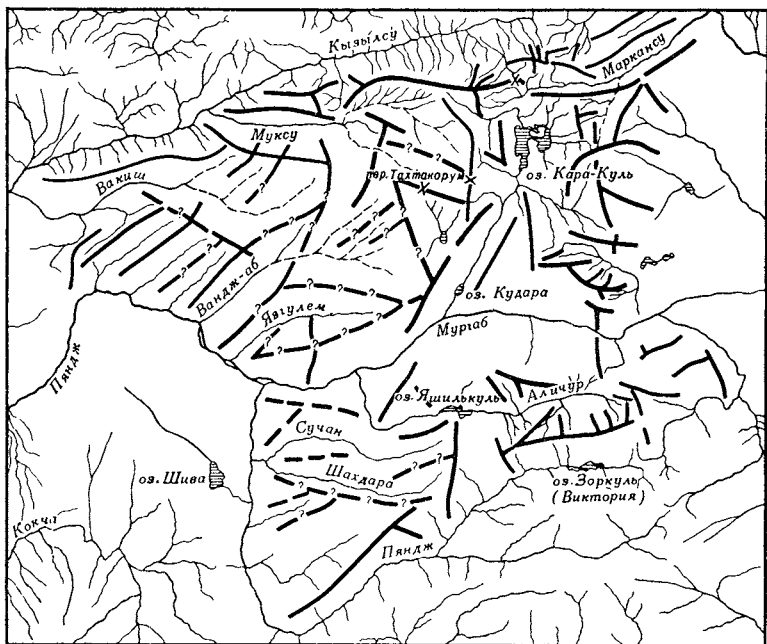
³ Исправлено Северцовым на более поздней схеме (1884 г.), приведенной им в той же работе.

Капитальный труд Северцова «Орографический очерк Памирской горной системы» представляет собой первый в истории географии анализ строения и рельефа этой горной страны. Северцов отрицает укоренившийся взгляд на Памир как на плоскогорье и указывает на сходство его центральной части с широко распространенным на Тянь-Шане сыртовым типом рельефа. «Вокруг этого центрального сырта располагаются уступами горные страны памирских окраин, весьма разнообразные и по обширности и по различным сочетаниям своих горных хребтов...», представляющих «только многообразные видоизменения чисто глядцового типа горных подъемов, в Памирской системе развитого также совершенно и многосторонне, как и сыртовой»¹. Таким образом, Северцов на фактическом материале подтвердил представление Федченко об общем характере Памира. Однако он указал, что расположение хребтов этой горной системы гораздо сложнее, чем полагал Федченко, оно далеко не исчерпывается только широтным их направлением, напротив, здесь имеются горы, которые тянутся в разных направлениях, в том числе и в меридиональном.

Но и после работ Фергано-Памирской ученой экспедиции наиболее труднодоступные районы Памира были вовсе неизвестными. В частности, основная масса горных ледников Памира еще не была открыта. Более того, Северцов говорил о слабом развитии современного оледенения. Ряд блестящих открытий, сделанных почти одновременно или немногим позже путешествия Северцова, показал, что по мере проникновения вглубь Памирских гор выступают новые задачи и загадки.

В то время как Северцов и его спутники упорно прокладывали путь через восточную часть горной страны, другой исследователь, тоже энтомолог и географ, В. Ф. Ошанин, работал у северо-западных границ Памира, в Каратегине. Он открыл большой широтный хребет, окаймляющий исследуемый район с юга, и назвал его именем Петра Первого. Проследить эти горы на всей их протяженности Ошанин не мог: в восточной части хребта находилось недоступное ущелье р. Муксу. Но верховья этой реки уже посещались, и Ошанин пошел туда, обходя пре-

² Н. А. Северцов. Орографический очерк Памирской горной системы, СПб., 1886, стр. 372.

Орографическая схема Памира. Составлена по карте Н. Северцова

пятствия. Уже известным перевалом Терсагар он пересек Заалайский хребет и спустился к Алтын-Мазару.

Отсюда 12 сентября Ошанин двинулся вверх по Муксу. Преодолев бурные потоки, вытекающие из ущелий Сауксай и Каинды, путешественник ехал по правому берегу реки. Вскоре он остановился в изумлении: уходящую на юг долину замыкала огромная ледяная стена, язык большого ледника. Ошанин дал ему имя в честь Федченко. Попытка исследовать этот ледник оказалась безуспешной: взобраться на него не удалось. Длина ледника, окончание которого нельзя было разглядеть из-за поворота долины, казалась не меньше 15 км. Слева в боковом ущелье виднелся другой ледник (Малый Танымас).

Вернувшись в Алтын-Мазар, Ошанин узнал у одного киргиза, что ледник тянется на 30—40 верст, в верховьях его есть перевал Кашал-аяк, выводящий в долину Ванча. Но путь по леднику весьма опасен из-за большого числа

трещин и перевалом давно не пользуются, да и прежде ходили лишь в случае крайней необходимости. Ошанин пришел к справедливому выводу, что исследования ледников «возможны только для человека сильного, здорового и имеющего значительную опытность в путешествиях по глетчерам и снежным горам. Итти на них на авось — это то же, что отправиться на тигра без всякого оружия»¹.

Таким образом, уже первое серьезное знакомство с памирским высокогорьем приводит исследователя к выводу о необходимости использования альпинистской техники.

Первый этап изучения восточной части Памира завершается так называемой Большой Памирской экспедицией 1883 г. Впрочем, «большой» эту экспедицию можно было назвать, пожалуй, только по объему проделанной работы; ее состав был весьма малочислен: начальник экспедиции генерального штаба капитан Путята, горный инженер Д. Л. Иванов, топограф Бендерский и конвой — 12 казаков.

На долю экспедиции «выпала задача восполнить те географические пробелы, которые еще оставались на Памире, и связать все добытое в одно стройное целое»². Первоначально предполагалось, что в путешествие поедут астроном, геолог, натуралист, офицер генерального штаба, препаратор, топограф и художник. Однако утверждение и финансирование предстоящей поездки задержались, смета была сильно урезана. Всего в распоряжение экспедиции было выделено 6000 руб. На эти деньги нужно было обеспечить не только все снаряжение и приборы для участников экспедиции, но и питание для казаков конвоя и фураж для лошадей. Вопрос о путешествии был окончательно решен всего лишь за месяц до намеченного срока выезда. Подготовка велась поспешно, многого из снаряжения не удалось добыть. В пути не хватало продовольствия, и фураж, взятый для лошадей, пришлось есть людям.

Власти довольно прохладно относились к экспедиции, носившей научный характер. Поэтому, вероятно, русский консул в Кашгаре «забыл» предупредить кашгарские вла-

¹ См. В. Ф. Ошанин. На верховьях Мук-су, «Известия РГО», т. XVI, вып. I, 1880, стр. 33 и далее.

² Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир, «Известия ИРГО», т. XX, СПб., 1884, стр. 210.

сти о предстоящем движении экспедиции через районы Памира, принадлежавшие Кашгару, отчего впоследствии возникло множество затруднений. Неблагоприятна была обстановка и в западной части страны: незадолго до этого афганские войска заняли Шугнан, закрыв доступ на Западный Памир.

Получив письмо, адресованное местным властям Памира, в котором было сказано: «Цель поездки этих людей самая мирная. Они будут собирать камни, растения, насекомых, рисовать, писать, разглядывать в трубки небесные светила и измерять высоту гор»¹, — экспедиция выехала 8 июня из г. Ош. По колесной дороге, разработанной русскими войсками в 1876 г., небольшой караван двинулся мимо Гульчи, к перевалу Талдык.

Добравшись до оз. Кара-Куль, караван повернул на восток по р. Караарт в Сарыкол, принадлежавший Кашгару. Остались позади перевалы Караарт и Кошбель, караван шел по долине Киякбаш, направляясь к урочищу Мужи, где расположено одноименное селение.

Члены экспедиции понимали, что при столь малочисленном ее составе единственное средство охватить большую территорию — это разделиться. Не обращая внимания на опасность путешествия малыми группами, они то и дело разбивают свой и без того малый отряд. Иванов отправляется к оз. Рангкуль, далее на восток — к оз. Малый Кара-Куль; затем через перевал Тузакчи, по р. Кош-агыл к селению Мургаб, где назначена встреча. В это время Бендерский и Путята идут к оз. Малый Кара-Куль более прямым путем: по долине Киякбаш; отсюда на юг по Сарыколу — в долину Тагарма, через перевал Улурават в город Таш-Курган. Здесь Путята, чтобы успокоить подозрительного начальника гарнизона, въезжает один и безоружный в крепость. В Таш-Кургане исследователи привязывают свою съемку к ранее произведенному англичанами определению астропункта.

Путята двинулся далее на юг, к р. Оксу, чтобы, спустившись по ней, установить ее тождественность с р. Мургаб. Однако путникам пришлось несколько изменить свой маршрут: с трудом перевалив в долину Акташ, они вышли к Байталу и там встретили группу Иванова.

¹ Очерк экспедиции ген. шт. капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан в 1883 г., «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. X, СПб., 1884, стр. 1.

Возникло новое осложнение: кашгарские военные власти отправили специальный отряд, чтобы выяснить цели пребывания русских путешественников в Сарыколе. Отряд вскоре настиг караван, но Путяте удалось убедить его начальника — амбана в мирном характере своей экспедиции, и исследователи снова могли продолжать свою работу. На этот раз Иванов отправился с Бендерским; они должны были исследовать юго-восточную часть Памира. Маршрут проходил вверх по р. Карасу, затем по р. Истык до ее слияния с Оксу. Отсюда можно было попасть к оз. Зоркуль и Ойкуль — истокам рек Памир и Вахан-дара. В конце июля Иванов и Бендерский должны были ожидать Путяту в долине Аличура. Путята двинулся на запад: вниз по р. Мургаб до оз. Яшилькуль и далее по Гунту. Но проводники сообщили, что летом отсюда по ущелью Гунта пройти очень трудно, и Путята повернул к перевалу Койтезек и дошел до кишлака Сардым, у слияния рек Тогузбулак и Гунт. Вскоре, повернув назад, он соединился с группой Иванова. Оказалось, что Иванов и Бендерский не смогли отыскать английских астропунктов. В указанных на английских картах пунктах никаких знаков нельзя было найти. Единственным пунктом, в отношении которого не было сомнений, является Юль-Мазар¹, усыпальница местного святого, и отряд отправился туда в полном составе через перевал Харгуш.

Из Юль-Мазара Путята решил двинуться еще далее на юг, рассчитывая достичь Читраля на южных склонах Гиндукуша. Снова разделились: Иванов вернулся в пределы Памира, перевалив через Мац и Южный Койтезек, спустился по р. Гунт до Сардыма; отсюда — обратно к Мургабу, вниз по этой реке до кишлака Сарез, далее на северо-восток по р. Кудара, рассчитывая отсюда перевалить в Алайскую долину и пройти по ней до селения Гарм, охватив тем самым северо-западную окраину Памира.

Путята и Бендерский попали в долину Вахандары в самый разгар вторжения афганцев. Сархадский хан, а за ним и население бежали, разрушая за собой овринги — единственный путь по обрывистым склонам теснин. Политическая обстановка на южной окраине Памира была столь сложной, что Путята решил отказаться от дальнейших исследований в этой части страны и уделить внимание

¹ Юль-Мазар — могила у дороги.

необследованным районам на севере Памира. Однако выбраться из этих мест оказалось не так-то просто: лошади сбивали ноги на каменистых тропах, не хватало подков, пришлось пустить в ход походную кровать Бендерского и оковку патронного ящика. В маленькой дымной кузне казаки конвоя спешно ковали новые подковы.

Уже знакомым путем Путята и Бендерский двигались по Восточному Памиру, догоняя Иванова. Из долины Акбайтала они пошли на запад через перевал Музкол, спустились к р. Кокуйбельсу; отсюда через Кызылбелес — в долину Кокджар. В Кокджаре путешественники опять встретились, чтобы почти немедленно снова разойтись. Путята и Бендерский отправились вниз по Кударе до кишлака Полиз, близ слияния рек Кудара и Кокуйбель. Отсюда они вновь повернули на север и через трудный перевал Янги-даван достигли долины Баяндкиик. От перевала Каинды Бендерский двинулся далее вниз по Баяндкиику к языку ледника Федченко, а Путята перевалил через Каинды и вышел к Алтын-Мазару, где они вскоре встретились. Здесь уже был Иванов, который двигался из Кокджара на север, через перевалы Тахтакорум, долину Баяндкиика и Каинды.

Лишения и трудности путешествия, непрерывный тяжелый труд подорвали силы исследователей. В Дарауткургане Бендерский опасно заболел воспалением легких, и, если бы не исключительно заботливый уход Иванова, больной вряд ли оправился.

Уже после окончания путешествия по Памиру члены экспедиции еще два месяца работали в Восточной Бухаре. Иванову удалось побывать в Каратегине и Дарвазе.

Даже простой перечень маршрутов экспедиции 1883 г. показывает, какую огромную территорию она охватила столь разветвленными маршрутами. Путята, Иванов и Бендерский значительно расширили съемку на юг, запад, северо-запад, посетили ряд еще неизвестных науке долин. Скромно и скупно перечисляют исследователи результаты своей работы. Они составили карту всех посещенных местностей в пятиверстном масштабе; определили 17 астропунктов, часть из которых совпадает со старыми русскими и английскими; участки вокруг астропунктов (на площади в одну квадратную версту) сняты в масштабе 250 сажен; собрали гербарий памирской флоры; сделали ряд барометрических определений высоты и составили отчет, со-

державший очерк путешествия, общий геологический очерк Памира и Сарыкола, описание маршрутов, характеристику Вахана, историю смут в Шугнани и его военный очерк. Кроме того, Иванов собрал богатую минералогическую коллекцию и сделал много зарисовок.

Результаты этой экспедиции трудно переоценить. После ее работы остались неисследованными лишь «белые пятна» центральной части Северо-Западного Памира и горы Юго-Западного Памира, т. е. самые труднодоступные части страны.

Следует учесть, что Иванов был первым специалистом-геологом, побывавшим на собственно Памире, и его работа, наряду с первыми геологическими сведениями Северцова и Мушкетова, составила основу для представления о строении этой горной страны и не утрачивала своего значения до начала глубокого изучения ее уже в годы Советской власти.

Иванов снова возвращается к вопросу о Болоре: «При позднейших исследованиях Болор как топографическая меридиональная цепь был отставлен по той же простой причине, что такого названия гор в действительности не оказалось, но в работах ученых заменился геологическим поднятием меридионального направления»¹. Мнения ученых снова разделились: одни считали, что на Памире меридиональных поднятий нет; другие, например Северцов, говорили, что если нет одного непрерывного поднятия, то зато существует целая система меридиональных поднятий, ясно выраженная геологическими фактами. Иванов же приходит к выводу, что ясно выраженных и преобладающих меридиональных поднятий нет на всей посещенной территории.

Иванов уделяет значительное внимание определению границ Памира: они у него значительно уже, чем у Северцова, и более близки к современному. На севере — это Алайские горы, на востоке — Кашгарские горы, на юге — Гиндукуш. На западе определенной линии нет, и Иванов предлагает принять за границу «полосу первых поселков сельско-культурного населения», примерно от афганского укрепления Кала-и-Пяндж на Алай. Эта часть Памира уже будет принадлежать не к «луговому Памиру», а

¹ Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир, «Известия ИРГО», т. XX, СПб., 1884.

представляет Памир горный, со всеми типическими чертами горных стран. Одновременно Иванов указывает, что некоторые склонны проводить западную границу Памира по р. Пяндж.

Центр тяжести исследования Памира в первые годы, естественно, приходится на восточную часть нагорья: туда легче проникнуть, да и продвижение по широким долинам не связано здесь с особыми трудностями. Даже подъем на перевалы совершенно или почти бесснежен, доступен верховым и выючным животным. Немаловажную роль играло и то, что Восточный Памир номинально принадлежал России. Иначе обстояло дело с западной и северо-западной частью страны, разделенной между мелкими ханствами: Дарваз, Рушан, Шугнан, Гаран, Ишкашим, Вахан, подчинявшимся Бухаре или Афганистану. Высокогорный сильно расчлененный рельеф делал ущелья труднодоступными. Чтобы добраться туда с севера из русских владений, нужно было пересечь еще малоизвестные области Гиссара, Каратегина и Вахиа-Боло.

Из рассказов киргизов Алайской долины и верховьев Муксу русские исследователи узнали, что имеются, правда очень трудные, пути из ущелий Западного Памира в Алай и долины Восточного Памира. Однако никто не мог точно рассказать, где они проходят. Известно было лишь, что нужно преодолеть страшные кручи, снега и ледники.

Спустившись с Терсагара к Муксу, Костенко, Жилин и Ошанин сделали первый шаг вглубь Западного Памира. Ошанин, открыв хребет Петра Первого и параллельный ему более южный, Дарвазский хребет, подошел вплотную к неисследованной области с севера, но не переступил ее рубежа. Эту задачу решил впервые в 1881—1882 гг. ботаник А. Э. Регель, отправившийся в экспедицию, снаряженную Русским географическим обществом и Петербургским ботаническим садом. Вместе с Регелем ехали топограф П. Е. Косяков и трое конвойных казаков.

Выехав в середине июля из Пенджикента, путешественники пересекли Фанские горы и совершили ряд маршрутов в Гиссаре. Затем Регель двинулся на восток, в Каратегин, и отсюда, перевалив через западную часть хребта Петра Первого, попал в верховья р. Обихингоу¹. Тропы вели все дальше на юг; небольшой караван миновал селе-

¹ Мутная река.

ние Тавильдара (ныне районный центр Таджикской ССР), поднялся по склонам сравнительно невысокого здесь Дарвазского хребта, через урочище Сагыр-и-датит и перевал Хабурабат¹.

Здесь высоко над рекой поднимались башни старинной крепости Кала-и-Хумб; неподалеку раскинулось селение того же названия. Кала-и-Хумб был резиденцией Ша — властителей Дарваза². Сюда же пришел Косяков, проделавший кружной путь. Дальше двигаться было уже поздно: наступила осень, и путешественники провели зиму в маленьком селении.

В начале лета следующего года путешественники двинулись дальше на юг. Из Кала-и-Хумба в Шугнан, куда стремился попасть Регель, вели три пути: один через Джумор, с переправами через Пяндж; другой — перевалами через Ванчский и Язгулемский хребты; третий — самый трудный — вдоль берега Пянджа. Косяков отправился в Ванчскую долину, а Регель пошел дальше, побывал в долине Бартанга, посетил крепость Кала-и-Вамар в Рошане. Отсюда, переправившись через Пяндж, он направился на запад к таинственному оз. Шива, о котором знал лишь понаслышке.

Вернувшись в Шугнан, Регель двинулся далее на юг, достиг долины Шахдара и побывал у перевала Мац, в ее верховьях. Таким образом, он первым из ученых исследовал всю западную окраину Памира.

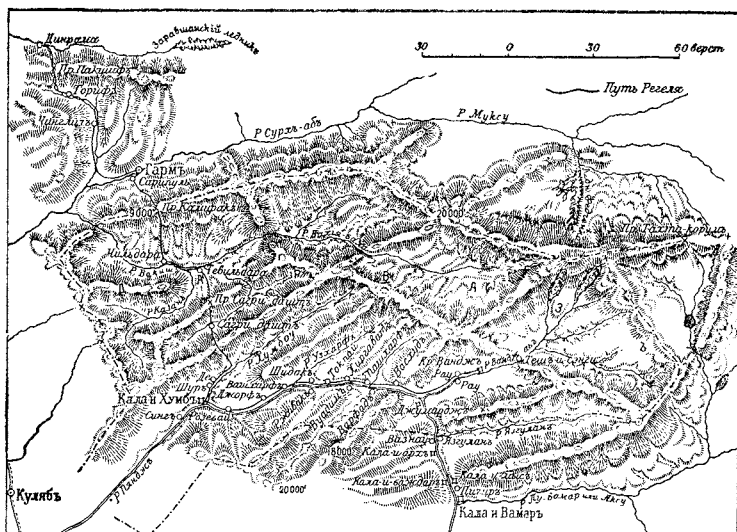
Уже в начале зимы Регель двинулся дальше, через Гаран к верхнему течению Пянджа, но ему не пришлось обогнуть Памир с юга: по требованию афганских властей, видевших в ученом русского эмиссара³ и опасавшихся его влияния на население, Регелю пришлось повернуть назад. Если и ранее путь был очень трудным, то зимнее путешествие вдоль Пянджа окончательно подорвало силы исследователя.

Регель вернулся на родину, но перенесенные лишения вконец надломили его здоровье. Вскоре он умер, так и не

¹ Некоторые авторы (например, Кузнецов) называют этот перевал Ахба-и-Рабат.

² В 1875 г. Дарваз был завоеван бухарскими войсками и преобразован в бекство.

³ Вскоре после этого афганские власти, подстрекаемые английскими властями в Индии, воспользовавшись пребыванием Регеля в Шугнанах как предлогом, захватили всю юго-западную часть страны.

Орографическая схема Западного Памира по А. Регелю

успев обработать добытые дорогой ценой материалы. Однако даже те немногочисленные сделанные путешественником описания страны и ее природы, которые были опубликованы, имели большое значение. Регель доказал еще раз, что настойчивый, не боящийся трудностей и лишений ученый в состоянии пройти и по этим, считавшимся недоступными, местам.

Весьма интересные сведения удалось собрать и спутнику Регеля топографу П. Е. Косякову. Хотя он закончил свое путешествие посещением долины Ванча, топограф здесь подошел вплотную к западным границам неисследованной области. По существу он первый обнаружил большой меридиональный хребет на Западном Памире. Описывая верховье долины Ванча, Косяков сообщал: «У кишлака Мазар долина суживается и образует ущелье, а на 9-й версте от Мазара Ванч получает свое начало от слияния двух рек, с северо-востока речки Кашол-аяк¹, а с юго-востока речки Дара-абдукаго. За слиянием этих рек начинается довольно большой снежный

¹ В этом названии не трудно узнать Кашал-аяк.

хребет, направленный с севера на юг»¹ (подчеркнуто нами.— Д. З.).

Естественно, что Косяков интересовался возможными путями в северную и восточную часть Памира, тем более что такой путь был показан на карте, составленной по распросным данным. Но местные жители ничего утешительного сообщить ему не могли. «По словам старейших жителей кишлака Мазара, в течение их жизни никто по этой дороге не проходил. По заявлению охотников, которые проходили вверх не более чем на два таша, т. е. 16 верст, далее путь становится совершенно недоступным. Громадные льды и масса снега покрывают все ложины и ущелья, из которых выходят речки Дара-абдукаго и Кашелаяк»².

Любопытно отметить, что Регель указывает: «большая дорога через Памир ведет через Рошан». Не по этой ли дороге прошел Сюань Цзян? Не есть ли это подтверждение правоты Северцова?³

Регель и Косяков составили новую карту хребтов Западного Памира. Они использовали также данные других путешественников. Однако о наиболее высокой части этих гор известно было очень мало, и авторам пришлось догадываться о положении многих хребтов.

Естественно, что в последующие годы усилия ученых были направлены в первую очередь на исследование наименее изученных и самых труднодоступных частей Памира: сердцевины Северо-Западного Памира и хребтов Юго-Западного Памира. Одновременно продолжалось изучение и уже посещенных местностей.

Расшифровка неисследованных областей оказалась исключительно сложным делом. В дореволюционное время оно так и не было закончено. Ученым удалось местами довольно глубоко внедриться в пределы «белого пятна», но разрозненные маломощные экспедиции не могли добиться решающего успеха. К тому же в конце прошлого столетия на Памире создалась весьма напряженная политическая обстановка. Английские власти стремились распространить свое влияние за северные пределы Индии. От разве-

¹ П. Е. Косяков. Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу, «Известия ИРГО», т. XX, 1884, стр. 612.

² Там же, стр. 613.

³ Северцов предполагал, что китайский путешественник вышел в долину Кара-Куля через одну из долин Западного Памира, возможно через Бартанг.

дывательных походов они перешли к более энергичным действиям. Под влиянием иностранных агентов в 1883 г. афганские войска вступили в юго-западные районы Памира. Разведывательно-дипломатические миссии Форсайта, а затем Янгхазбенда побуждали кашгарские власти к агрессии в сторону Восточного Памира. Обстановка для исследований страны была неблагоприятной. Но все же они продолжались.

С 1884 г. начал свои путешествия в местности, прилегающие к Памиру, Г. Е. Грумм-Гржимайло. Его маршруты охватывали в основном районы, уже до него посещенные другими исследователями. Поэтому Грумм-Гржимайло считал своей основной задачей проверку и углубление уже известных сведений. Одной из целей его первого путешествия был ледник Федченко. Исследователь, однако, не смог достичь этого ледника, помешала непогода. В 1885 г. Грумм-Гржимайло первым после Регеля посетил Каратегин и Дарваз. Экспедиции собрали богатейший материал по фауне Средней Азии.

Снова на Памир Грумм-Гржимайло прибыл в 1887 г. На этот раз он решил пройти от оз. Кара-Куль на запад, вниз по р. Кударе, чтобы продолжить маршрут, не заверченный четыре года до этого Путяттой и Бендерским. Достигнув долины Кудары, Г. Е. Грумм-Гржимайло и его брат М. Е. Грумм-Гржимайло поднялись вверх по долине западной составляющей Кудары — р. Танымас. Здесь еще никто не был. Братья увидели в Танымасе несколько крупных ледников. Им было дано общее название ледников Шереметева. Но Танымас находился в стороне от основного направления, которым двигалась экспедиция Грумм-Гржимайло, и они не попытались пробиться на запад. Таким образом, они свернули у самых границ белого пятна, не зная, что лишь день пути, правда весьма трудного, отделяет их от крупнейшего географического открытия. Однако долина Танымас стала известна географам.

Уже после своего второго путешествия на Памир Г. Е. Грумм-Гржимайло высказывал весьма интересные предположения об орографии неисследованной области. «В особенности любопытна, — писал он, — северная часть этих нагорий, любопытна потому, что здесь мы должны предполагать громаднейшее поднятие, узел, от которого, как от центра, во все стороны разбегаются громадные кряжи неравной длины.

Этот узел у туземцев носит название Сель-тау, что значит «ледяная гора». С нее то к северу, то к югу и западу спускаются ледники, о грандиозных размерах которых мы можем судить только приблизительно»¹. Таджики сообщили путешественнику, что из верховий долины Ванч можно пройти к р. Сельсу, т. е. Муксу. Путь идет через ледники, общая длина перехода около 80 верст.

Таким образом появилась первая, предположительная схема орографии неисследованной области: центральный узел с расходящимися хребтами. Еще раз получены данные о наличии пути из Западного в Восточный Памир.

С началом 90-х годов политическая обстановка на Памире обострилась настолько, что военные власти Туркестана сочли необходимым снарядить туда военную экспедицию. 2 июня 1890 г. отряд в составе 122 человек под командованием полковника М. Е. Ионов двинулся на Памир. Поход воинского подразделения был ответом на действия английских агентов. Следует заметить, что царское правительство вело себя довольно агрессивно. В 1878 г. первый генерал-губернатор Туркестана Кауфман даже начал готовиться к походу на Индию.

Ионов стремительно двинулся через Восточный Памир. По пути ему удалось задержать двух английских агентов: лейтенанта Девиссона (вблизи Яшилькуля), известного разведчика, и капитана королевской гвардии Янгхазбенда (у Базар-и-Гумбеца). Девиссона полковник Ионов арестовал, а с Янгхазбенда взял подписку, что он не вернется на Памир, и препроводил с конвоем до границы с Кашгаром. Уже после возвращения отряда Ионов с Памира английские войска захватили Канжут (Хунзу). Это небольшое владение лежало на пути из Кашгара в Индию. С начала 1891 г. началось срочное строительство дороги Сринагар — Гильгит — Канжут. В Канжут прибыла часть полковника Дюрана. Назревали серьезные события.

В течение зимы на Памир было отправлено несколько небольших разъездов, а летом снова двинулся Ионов. На этот раз в его распоряжении был более сильный отряд. Транспорт отряда насчитывал около тысячи лошадей.

Кашгарские войска ушли в пределы своей территории, не вступая в столкновение с русскими. Иначе получилось

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Очерк припамирских стран. «Известия ИРГО», т. XXII, вып. 2, 1886, стр. 2.

с афганцами: под влиянием англичан уйти с Памира они отказались. У оз. Яшилкуль был расположен афганский пост, всего около 17 человек. Ионов с 13 взводами казаков окружил пост и уничтожил большую часть афганских солдат.

На этот раз на Памире, в урочище Шаджан на р. Мургаб, остался русский пост. Это был пост Памирский, будущий город Мургаб. Первый начальник поста — капитан Кузнецов обладал более миролюбивым нравом, нежели Ионов. Он быстро установил мирные отношения с кашгарцами, а затем и с афганцами.

Однако следующей весной афганские войска вновь стали собираться в Шугнани и Рошани. Снова на юг Памира были отправлены русские войска. Вооруженные столкновения в долинах Гунта и Шахдары продолжались, и в 1894 г. Ионов, уже в чине генерал-майора, был назначен начальником всех русских войск на Памире. В 1895 г. в Лондоне были начаты переговоры о разграничении Памира. Вскоре в Шугнан прибыла смешанная русско-английская комиссия. Была установлена граница, которая проходила на юге и западе по р. Пяндж, от ее истоков, а на востоке — по Сарыкольскому хребту.

Новая граница сделала доступной для ученых юго-западную часть Памира. Еще во время действия военных отрядов некоторые наиболее передовые офицеры понимали, что находятся в местах, еще не известных науке. Б. Л. Громбчевский, С. П. Ванновский, А. Серебrenников, Кузнецов, Бедряга и другие немало трудов положили для описания и картирования Памира.

Труды военных путешественников далеко выходили за пределы обычных рекогносцировок. Например, Серебrenников написал несколько книг о Памире и особенно его юго-западной части, а Кузнецов опубликовал очень интересное описание Дарваза, во многих долинах которого он был первым путешественником. Книга Кузнецова охватывает широкий круг вопросов. Его интересовали история, экономика, этнография и, конечно, пути сообщения.

Кузнецов направился в Дарваз в 1892 г. Головоломные тропы на его пути сменялись не менее головокружительными переправами через бурные реки. Легкий плот — несколько жердей, к которым прикреплены надутые воздухом шкуры (гупсар) — принимал на себя пассажиров и их груз.

Кузнецов очень внимательно отнесся к сведениям о расположении горных хребтов. Многое он увидел сам, кое-что узнал, расспрашивая местных жителей. Он упоминает о существовании ряда до того неизвестных перевалов через хребет Петра Первого (он же — Периох-тау). Местные жители называли ему, например, самый восточный перевал Ахба-и-Сагрун, пройденный исследователями впервые только в 1913 г. Он довольно точно описывает маршрут через этот перевал: от кишлака Ходжа-и-Тавов (Ходжа-тау.— Д. З.) на Муксу по Аб-и-Сагрун и далее на Обихингоу. Перевал этот годен только для пешеходов, на пути имеется большой ледник. Упоминает Кузнецов и ряд вершин хребта Петра Первого, но большинство названий почти невозможно идентифицировать с современными ¹.

Кузнецов так же, как до него Косяков, обращает внимание на горы, замыкающие с востока долины Дарваза: «...и над всеми этими вершинами высится как великий горный узел Куи-Лазар ², видимый почти со всех перевалов. От этого горного узла тянется четыре массивных хребта ³ в З и ЮЗ направлениях, заполняющих своими отрогами весь Дарваз правого берега Пянджа» ⁴.

Описывает Кузнецов и бассейн р. Обимазар на северных склонах Дарвазского хребта. Все это уже близко совпадает с современным представлением об орографии этой части Памира.

Кузнецову удалось получить сведения и о перевале через меридиональный хребет, о легендарном Кашал-аяке. «В давно прошедшие времена существовал еще перевал Кашал-аяк (крепкая нога) через Ку-и-Лазырь. Этим перевалом можно было пройти с р. Хинг-об и с р. Ванч или в Алайскую долину или же на Полиз и Памиры (очевидно, через перевал Танымас.— Д. З.). Последний раз этим перевалом ходил управитель Ванча Шабос-хан в Сарыкол грабить киргизов. Это было 120 лет назад... С тех пор ледники значительно увеличились, и в настоящее время от Пои-Мазара-Хазрет-Садырь-Саиба можно проехать вер-

¹ Исключение составляет Кудаль, превратившийся теперь в пик Каудаль.

² Ку-и-Лазар (Куи-Лазар, Ку-и-Лазырь) — ледяные горы; по-киргизски — Сель-тау.

³ Петра Первого, Дарвазский, Ванчский и Язгулемский.

⁴ Кузнецов. Дарваз. Новый Маргеллан, 1893, стр. 9.

хом верст 8, затем пройти столько же пешком и упреться в почти совершенно отвесный ледник. Такова же дорога и со стороны Хинг-об»¹.

В заключение Кузнецов приводит детальнейшее описание 16 маршрутов, ряд из которых был до того вовсе неизвестен. Описаны они столь исчерпывающе, что могут служить хорошим подсобным материалом для составления карты.

Работы Кузнецова пролили некоторый свет на часть западной границы неисследованной области. Оказалось все же, что через ледники Ку-и-Лазара когда-то ходили люди, что действительно были маршруты, связывающие Восточный Памир с долинами Дарваза и Рушана!

Кузнецов попал в Дарваз с севера, из Гарма. Ему пришлось пересечь хребет Петра Первого (перевалом Камширак). До него через эти горы прошла экспедиция полковника Б. Л. Громбчевского. Это было тремя годами ранее².

Более подробное и глубокое исследование хребта Петра Первого и верховьев р. Обихингоу произвел другой путешественник, известный исследователь Средней Азии ботаник В. И. Липский. Его экспедиции были организованы Географическим обществом и преследовали уже чисто научные цели. В. И. Липский, разносторонний ученый, сделал ряд важных географических открытий. Он посетил в 1896 и 1897 гг. ряд боковых долин, мимо которых прошел Кузнецов, первым поднялся вдоль нижней части ущелья р. Муксу. Описания, составленные Липским, очень подробно характеризуют орографию, оледенение, флору и фауну посещенных мест.

Поднимаясь вверх по долине Обихингоу, Липский открыл ряд ледников на южных склонах хребта Петра Первого. Он описал долины и ледники северных склонов Дарвазского хребта. В частности, он побывал в верховьях рек Обимазар и Бохуд. Во время своего путешествия Липский не ограничился изучением долины Обихингоу. Хребет Петра Первого так заинтересовал его, что он пересек на северные склоны. По мере продвижения на восток в узких долинах между боковыми отрогами откры-

¹ Кузнецов. Дарваз. Новый Маргеллан, 1893, стр. 22.

² Экспедиция Б. Л. Громбчевского исследовала северо-западные хребты Каракорума и Куньлуня.

вались все новые ледники: Баралмос (Баральмаз), Шагазы и, наконец, ледник Сугран, самый большой. Открыв этот ледник, вверх по его долине ученый не поднялся. Не удалось Липскому пройти и далее вверх по Муксу. Однако у него сложилось впечатление о необходимости продолжить исследования этого района. Вернувшись в Петербург, он внес на рассмотрение Совета Географического общества предложение о продолжении исследований района хребта Петра Первого. Ученый понимал уже, что именно там лежит ключ к раскрытию загадки одного из наиболее сложных узлов Памира. Восточная часть хребта посещена еще никем не была. Липский полагал, что хребет Петра Первого незаметно переходит в Заалайский, что эти хребты «в сущности представляют один хребет, лишь прорванный течением р. Мук».

Совет общества одобрил предложение Липского, выделил пособие в размере 1500 руб., необходимые инструменты и обратился к местным властям с просьбой о содействии экспедиции. Однако Липскому не удалось ее осуществить. В 1903 г. по заданию общества в район хребта Петра Первого выехал В. Ф. Новицкий. Ему была поручена топографическая съемка хребта. Новицкий поднялся на восемь седловин в западной части хребта. Он попытался пройти за пределы обследованного Липским района в верховья рек Киргиз-об и Гармо. Но бурное половодье преградило ему путь. Пришлось повернуть назад.

Прекрасно документированные отчеты Липского и его убежденная речь на заседании Совета Географического общества привлекли внимание многих исследователей к горам Петра Первого. Первым из них был Н. Л. Корженевский. Летом 1904 г. он прибыл в Алтын-Мазар. Исследователь намеревался переправиться через Муксу и обследовать восточную часть долины реки. Но сделать это ему не удалось: вода в реке была очень высокой. Корженевский вернулся в Алтын-Мазар осенью, когда брод стал доступен, и в начале сентября в сопровождении одного из местных жителей переправился через Муксу ниже селения. Остались позади могучие вершины Алтын-мазарских гор, пики Санда, Шильбе и Музджилга. Два путника шли по узкой тропе над быстрой и бурной рекой. Уже в начале пути Корженевский открыл в боковой долине большой ледник. Он назвал его именем Мушке-

това. Водораздельная линия хребта была где-то южнее; к долине реки подходили концы его отрогов. Они образовали сложную разветвленную сеть с множеством долин, где залегали большие ледники, открывавшиеся перед исследователем устьями рек: Фортамбек, Ходырша, Иргай и, наконец, Сурган. Маршрут Корженевского соединился с маршрутом Липского. Долина у северных склонов хребта Петра Первого была пройдена на всем протяжении.

Побывать в боковых долинах исследователю не удалось ни в этот раз, ни шестью годами позже, когда он снова пришел в долину Муксу. Во второе посещение Муксу, поднявшись высоко по правым склонам, Корженевский увидел ущелье Мушкетова на всем его протяжении. Перед ним лежал большой ледник, темный язык которого он видел в 1904 г. Над ним поднималась огромная оледенелая вершина. Корженевский оценил ее высоту не менее чем в 20 000 ф. и назвал именем своей жены и сотрудницы Е. Корженевской.

К этому времени и другими путешественниками уже было сделано довольно много для изучения хребта Петра Первого. В 1904 г. экспедиция Русского географического общества, возглавляемая Я. С. Эдельштейном, исследовала 9 ледников бассейна Карашира — те, которые открыл Липский и другие. В следующем году Эдельштейн снова работал в этом районе.

В 1908 г. состоялась смелая экспедиция топографа Н. И. Косиненко на ледник Федченко. В июне он со своим отрядом прибыл в Алтын-Мазар. Начало лета — время бурного таяния снегов. Большинство рек становятся непроходимыми. Тем более это относится к Муксу. Однако киргиз Махмед Кули-бай, семидесятилетний старик, провел отряд через реку у ее истоков. После одной неудачной попытки Косиненко удалось подняться на язык ледника. Старый киргиз присоединился к отряду в качестве проводника. Путешественники вступили вглубь неисследованной области.

Люди вели на поводу лошадей, навьюченных припасами и топливом. Итти было трудно. Поверхность льда была покрыта нагромождениями камня. На крутых подъемах по открытому льду лошади скользили и падали. Кровавые следы отмечали путь каравана.

Пройдя 7 км, путники вышли на открытый лед. Окаймляющие ледник хребты раздвинулись, долина достигла в

ширину около 4 км. А впереди, до самого поворота долины, замыкавшего пейзаж, все также непрерывно продолжался огромный ледяной поток. Ошанин недооценил размеров открытого им ледника.

Люди шли в неизвестность. «Жутко было ступать по этой неведомой, никогда не знавшей человеческих следов, области, где ожидало нас так много опасностей, свойственных этому царству льдов»¹.

Двадцать пять километров прошел уже отряд по леднику. Но вот передовые остановились: по всей своей ширине ледник был пересечен сетью глубоких и широких трещин. Пришлось свернуть вправо: там, с запада, в ледник Федченко впадал большой приток. Собственно говоря, льда не было видно, его скрывала поверхностная морена. Семью километрами выше Косиненко остановил отряд на небольшой зеленеющей свежей травой площадке вблизи ручья. Здесь возник лагерь, от которого боковой ледник получил название Бивачного.

Косиненко искал перевалы, ведущие в долины Западного Памира, в Дарваз. Ледник Бивачный стекал с запада. Естественно, исследователь предположил, что в его верховьях можно пересечь хребет, огромные снежные вершины которого поднимались далеко в конце ущелья. Вскоре после выхода из лагеря Косиненко обнаружил следы пребывания здесь людей. На ровной площадке высилась пирамида, сложенная из камней. Таким знаком киргизы и таджики обычно отмечают перевалы или важные пункты пути. Кто сложил этот тур — неизвестно. Махмед Кули-бай мог считаться проводником лишь номинально, он тоже впервые был на леднике. Он, правда, в детские годы слышал об одной попытке пройти из Муксу в Дарваз. Но что случилось тогда со смельчаками — никто не знал.

Находка ободрила Косиненко. Он со спутниками двинулся дальше. Однако по склону вскоре идти стало невозможно. Пришлось спуститься сперва на морену, затем на лед. Но поверхность ледника в отличие от Федченко представляла здесь чрезвычайно запутанный лабиринт высоких ледяных холмов, конусов и игл. В ложбинах текли ледниковые потоки, низвергавшиеся в трещины. Преодо-

¹ Н. И. Косиненко. По тропам, снегам и ледникам Алая, Памира и Дарваза, «Известия ИРГО», т. I, вып. 3, СПб., 1915, стр. 122.

леть это препятствие группе не удалось. Пришлось повернуть назад, «... хотя верстах в 12 впереди виднелось недоступное нам широкое седло между гигантскими горными массивами, заваленными с этой стороны снегом»¹.

Несколько часов очень трудного, но вполне проходимого для людей, владеющих техникой альпинизма, пути отделяло Косиненко от цели. 32 года спустя этот путь одолела группа одесских альпинистов и, совершив подъем на гребень хребта Академии наук возле пика Гармо, спустилась на запад. Но Косиненко и его спутники не были подготовлены для решения таких задач.

Косиненко сделал еще одну попытку пройти вверх по леднику Федченко. Обойдя зону трещин, он снова вышел на ровную поверхность. Ледник покрывал глубокий снег. Лошади дальше идти не могли. Исследователь двинулся вперед с двумя спутниками. На западе виднелась высокая седловина. К ней-то и направились путники. Но они едва шли. Мучила одышка. Высота была уже более 4500 м. Останавливались каждые несколько шагов для отдыха и только к вечеру добрались к высшей точке седловины. На юго-запад спускался крутой снежный склон. Он вел к неизвестной долине. Быстро темнело, и пришлось устраиваться на ночь. Полушубки — плохая защита от холода больших высот, особенно когда спать приходится на снегу. Люди и не спали. По склонам ближних вершин грохотали лавины и камнепады. А к утру повалил густой снег. Несмотря на это, Косиненко решил попробовать спуститься с седловины на запад. Скалистые и ледяные склоны выглядели страшно. Исследователь решил, что человеку здесь не пройти. Остановило его и то, что он не знал, является ли седловина перевалом Кашал-аяк.

Отряд покинул ледник Федченко. Поход Косиненко показал, что окаймленный мощными снежными горами ледник очень велик. Косиненко и его спутники не увидели огромной горы со стекающими во все стороны ледниками, центра всего Западного Памира, о которой писал Грумм-Гржимайло. Оказалась неверной и гипотеза Липского, — связи между хребтами Петра Первого и Заалайским не было.

Спустившись с ледника Федченко, Косиненко не покинул Памира. Он решил во что бы то ни стало пройти

¹ Там же, стр. 123.

через горы к Пянджу. Обогнув весь ледниковый район с востока, исследователь поднялся вверх по долине р. Баландкиик, перешел через перевал Тахта-корум и по долине Кокджара подошел к долине Танымаса. Она вела на запад, и Косиненко двинулся туда. Но и здесь путь ему преградил ледник. Это был один из ледников, открытых экспедицией Грумм-Гржимайло.

Косиненко и его спутники попытались пробраться через ледник, но «трещины и ледяные хребты совершенно преграждали дорогу по всем направлениям»¹. Снова пришлось отступить.

Исследователь не сдался. Его отряд спустился вниз по рекам Танымас и Кудара в долину Бартанга, прошел ее почти на всем протяжении, хотя долина славилась на весь Памир своими трудными тропами. Затем он свернул на север, перевалил через хребет Язгулемский. Здесь путь оказался еще более трудным. Четыре с половиной километра между кишлаками Басиди Джафак путники преодолевали почти два дня. Косиненко снова свернул на север и перевалил в долину Ванча, а затем к Обихингоу и через хребет Петра Первого к Сурхобу. Отсюда, замыкая огромное кольцо своего маршрута, отряд двинулся в Алайскую долину. Косиненко не только первым вторгся вглубь неисследованной области, но и обошел ее всю кругом. Поход Косиненко также показал, что для успешных действий на ледниках нужна специальная подготовка.

В последующие годы в долине Муксу побывал ряд исследователей. Это были главным образом геологи, интересовавшиеся возможностью добычи золота у истоков Муксу (в 1914 г. Д. И. Мушкетов; в 1915 г. инж. Г. Б. Леонов); в 1916 г. геолог Д. В. Никитин впервые описал долину Саук-сай.

В 1913 г. на Западный Памир прибыла экспедиция Германо-Австрийского альпийского общества во главе с В. Риккмер-Риккмерсом. В составе экспедиции были геолог Клебельсберг и метеоролог Фиккер. Впервые в горы Памира приехали альпинисты.

Они начали свое путешествие с того места, где западная часть хребта Петра Первого отделяется от восточной плоскогорьем Тупчек. Отсюда двинулись на запад, вдоль

¹ Там же, стр. 126.

северных склонов хребта, повторяя маршрут В. И. Липского. Добравшись до долины Суграна, они углубились в нее. Не доходя поворота ледника на восток, члены экспедиции начали подниматься на перевал Сагрун (Ахба-и-Сагрун), преодолев который, спустились на довольно большой ледник. Местные жители называли его Девлохан, но немцы на своей карте дали ему другое название (так они поступали во всех случаях) — ледник Финстервальдера. Пройдя ледник, они оказались в долине р. Киргиз-об — одной из рек в верховьях Обихингоу. У кишлака Пашимгар альпинисты поднялись на невысокую вершину Мирзаташ и увидели в глубине долины Гармо большой ледник, о котором упоминали еще Грумм-Гржимайло и Кузнецов. Но на ледник Гармо немцы не пошли. Рассматривая панораму, открывшуюся с вершины, они пришли к выводу, что необыкновенно мощная гряда гор, замыкающая долину Гармо, — это хребет Петра Первого, а вершина, поднимающаяся в месте стыка его с Дарвазским хребтом, — пик Сандал (по измерениям экспедиции высота его 7050 м). Но уже было известно, что Сандал своими северными склонами обращен в долину Муксу, напротив Алтын-Мазара. Он оказывался значительно южнее своего истинного положения. В то время записки Косиненко еще не были опубликованы. Во всяком случае представления этой экспедиции об орографии Западного Памира далеко отставали от того, что было в то время доподлинно известно русским исследователям.

Экспедиция немецких альпинистов и ученых кое-что прибавила к познанию Северо-Западного Памира. Однако механическое приложение к местным условиям привычных для них альпийских представлений привело немцев к ряду неправильных выводов (в частности, о причинах древнего оледенения, об орографии хребта Петра Первого).

В 1914 г. Н. Л. Корженевский ставит метки у языков ледников Федченко и Мушкетова, а в 1915 г. Д. Букинitch пересекает Язгулемский хребет перевалом Хурджин.

Более серьезная попытка проникнуть вглубь неисследованной области была предпринята в 1916 г. В верховья р. Обихингоу направилась Памирская экспедиция Русского географического общества: астроном Я. И. Беляев и геолог П. И. Беседин. 15 июля они были в кишлаке Пашимгар. Экспедиция начинала свои исследования с мест,

где завершились маршруты Липского и Кузнецова, откуда повернула назад немецкая экспедиция.

Путь вверх по долине р. Гармо оказался неожиданно нетрудным. Единственным препятствием были густые заросли в прекрасном лесу, раскинувшемся по склонам долины. Исследователи сразу же отказались от выючных животных и наняли 12 носильщиков — таджиков. Путь к леднику был известен местным охотникам; долина была обильно населена четвероногими обитателями.

18 июля экспедиция поднялась на ледник Гармо и двинулась вверх. 19-го путники увидели на юге устье большого бокового ледника. Впоследствии он был назван именем Шокальского. На северо-востоке виднелись две большие вершины. Я. И. Беляев принял первую из них за одну из Алтынмазарских гор. Этой ошибке, повидимому, способствовало высказанное немцами предположение. Вторая вершина, по его мнению, должна была находиться у перевала Кашал-аяк.

Последующие дни экспедиция продолжала обследование ледника. Размеры его оказались весьма внушительными. Длина основного потока достигала почти 30 км. Примерно на высоте 4000 м ледник принимал три крупных боковых притока. Над местом слияния ледников поднималась красивая остроконечная вершина. Ее-то Беляев и принял за пик Гармо, известный населению долины Обихингоу. Беседин не согласился со своим коллегой. Он считал, что в этом вопросе начальник экспедиции допускает ошибку.

В верховья ледников Беляеву и Беседину пройти не удалось, — уж очень страшные ледопады преграждали путь. Глядя на эти ледяные обрывы, Беляев пришел к выводу, что отсюда к Алтын-Мазару пути нет, невозможен также выход на перевал Кашал-аяк. Исследователь считал, что вершина, принятая им за пик Гармо, есть центр горного узла, лежащего в верховьях ледников Федченко, Гармо и Ванча. Таким образом, снова возникло представление о центральном поднятии, доминирующем над всей неисследованной областью. Беляев установил в долине Гармо астропункт. Однако его измерениягодились лишь много лет спустя.

Установление границы в 1895 г. открыло исследователям доступ и на юго-западную окраину Памира. Здесь большие речные долины пересекали почти всю страну и

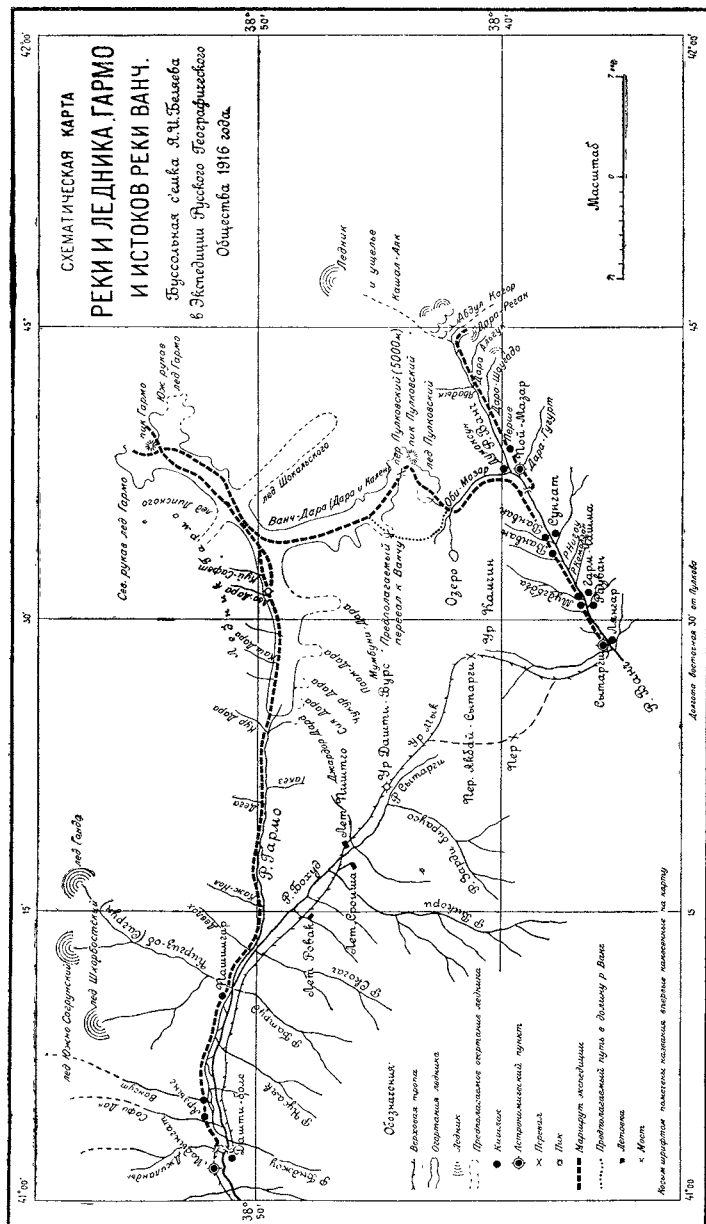

Схема ледников Гармо по Я. Беляву

были сравнительно доступны. Оставались почти неисследованными горные хребты и многочисленные ущелья притоков магистральных рек. Вся зона между долинами Пянджа и Шахдары представляет белое пятно на карте, приложенной к книге И. Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи» (1879 г.). Лишь одна извилистая линия пересекает его: это р. Гармчашма. Но о ней было известно лишь по расспросным данным. На другой карте, выпущенной в 1885 г. военно-топографическим отделом Главного штаба Русской армии, мы видим все три главных хребта Юго-Западного Памира: Шугнанский, Рушанский и Шахдаринский. В западной части последнего — мощный горный узел, от которого веером расходятся четыре ответвления. Так ли это? Никто не мог ответить на этот вопрос, никто не видел этого горного узла.

В 90-х годах исследователи и разграничительная комиссия очень много сделали для уточнения карты, но опять-таки их работа не коснулась высокогорной части района.

В 1896—1897 гг. на Юго-Западном Памире работала датская экспедиция О. Олуфсена, зимовавшая в Хороге. Члены этой экспедиции, впрочем, почти не сворачивали в боковые ущелья. На карте, опубликованной Олуфсеном¹, несмотря на довольно крупный масштаб, изображены лишь устья боковых притоков. И если она точнее и подробнее предыдущих в отношении уже картированных мест, то принципиально нового на ней нет ничего.

В 1901 г. в верховья Пянджа отправились сразу две экспедиции: ботаническая Б. А. Федченко и этнографическая графа А. А. Бобринского. Каждый из исследователей собрал большой материал в интересовавшей его области, но для уточнения орографии этого района им ничего сделать не удалось. Однако Юго-Западный Памир и его своеобразная природа глубоко заинтересовали Б. А. Федченко, и он снова вернулся сюда в 1904 г.

Это путешествие дало очень много ценных сведений, уже не только о флоре, но и об орографии района. Федченко пересек Шахдаринский хребет в его восточной и западной частях. Что особенно важно, он впервые прошел через перевал Шитхарв, поднявшись для этого по долине

¹ См. O. O l u f s e n. Through the unknown Pamirs, London, 1904.

левого притока Шахдары — р. Бадомдара. Оказавшись в долине Пянджа, Федченко прошел 10 км на запад и вновь повернул к северу, в долину р. Даршай. Примерно в ее верховьях должен был находиться тот горный узел, который показан на карте 1885 г. Исследователь прошел всю долину, поднялся на ледники в ее верховьях. Он первым отметил значительное оледенение в самом южном хребте Памира.

Из Даршай Федченко прошел через перевал Абхарв на запад и оказался в узкой долине р. Абхарв. Спустившись вниз по ней, он опять вышел к Пянджу. Несколько далее в Пяндж впадала р. Гармчашма. Судя по картам, это была самая значительная река южных склонов Шахдаринского хребта. Федченко пошел вверх по Гармчашме, мимо горячих источников, давших название долине¹. В 1909 г. Федченко опубликовал картосхему, составленную с учетом его исследований². В Рушанском и Шахдаринском хребтах он насчитал до 100 никому прежде не известных ледников.

Исследователь и в дальнейшем не забывал о Юго-Западном Памире. По его инициативе для исследования ущелий южного склона Шахдаринского хребта в 1914 г. были направлены П. И. Беседин и Н. Н. Тутурин. Они оказались весьма энергичными людьми и покрыли маршрутами почти все долины рек южных и западных склонов Шахдаринского хребта. Начавшаяся первая мировая война прервала исследования. Тутурин был убит на фронте, и единственным результатом экспедиции оказалась малоизвестная статья Беседина³.

Работа Беседина и Тутурина вполне разъяснила топографию посещенной ими части хребта. Не только была выявлена сложная гидрографическая сеть, но стало ясно, что никакого радиального расхождения хребтов от центрального узла здесь не существует. Экспедициями Беседина — Тутурина в Юго-Западный Памир и Беляева в Северо-Западный Памир заканчивается дореволюционный период исследований Памира.

¹ Гармчашма — горячий источник.

² Труды СПб. ботанического сада, т. 30, вып. 1, СПб., 1909.

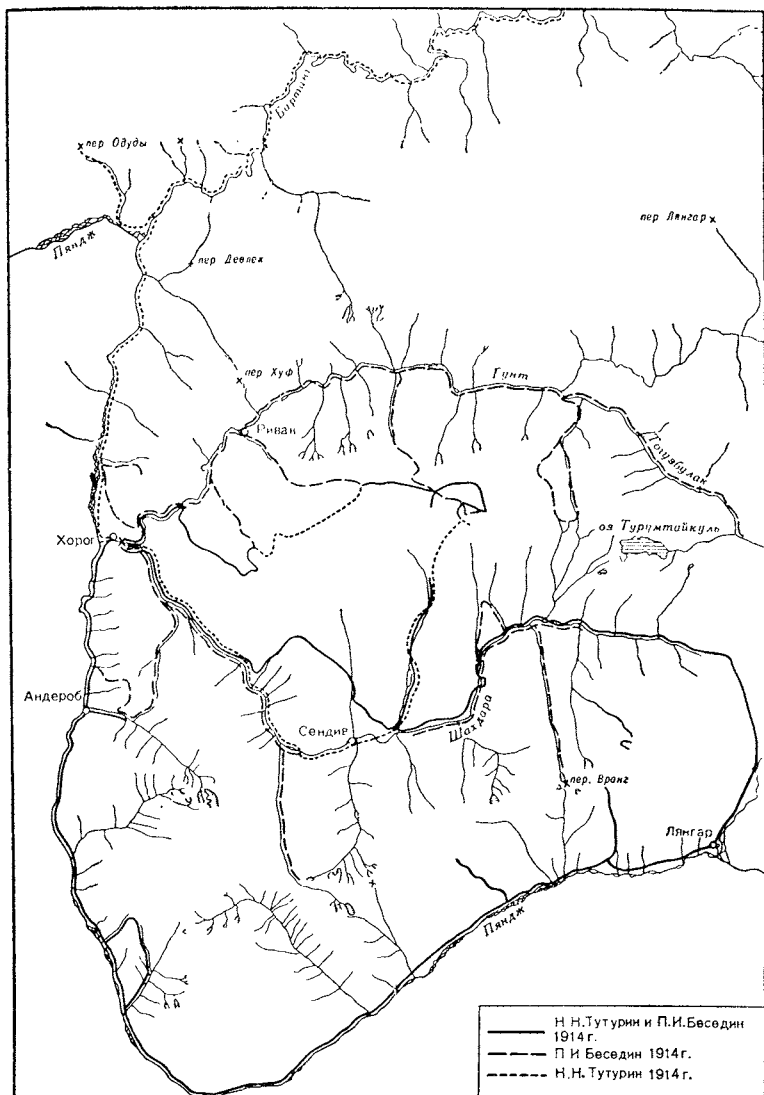
³ П. И. Беседин. Поездка в Шугнан летом 1914 г. «Труды СПб. ботанического сада, т. 12, вып. 1—6, СПб., 1915.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и создание Советского государства в корне изменили по постановку работы по исследованию нашей страны. В далеких окраинах возникли полноправные социалистические республики. Преобразование экономики Советского Союза привело к развитию их производительных сил. Изучение отдаленных районов получило широкий размах. Для этой цели снаряжались мощные комплексные и специальные экспедиции, прекрасно оснащенные и обеспеченные государством. Работы велись последовательно и подчинялись единому плану. Естественно, что Средняя Азия и, в частности, Памир привлекли серьезное внимание ученых. Еще не были полностью ликвидированы кулацко-диверсионные басмаческие банды в Средней Азии, путешествия на Памир еще были сопряжены с серьезной опасностью, но уже с началом 20-х годов возобновилось исследование этой горной страны. Первым совершил свои поездки Н. Л. Корженевский. По характеру они еще не отличались от малочисленных экспедиций дореволюционных лет. Однако, несмотря на трудности, переживаемые в те годы страной, ученый сразу же получил поддержку государственных органов.

На Памир исследователь попал в 1923 г. На этот раз его путь вел через Восточный Памир, мимо оз. Яшилькуль и через перевал Лянгаркуталь к известному завальному Сарезскому озеру. Отсюда он мог увидеть огромные скалистые горы, замыкающие неисследованную область с юга. В 1924 г. Корженевский снова побывал в долине Муксу. Он осмотрел концы ледников Мушкетова и Федченко, продолжив тем самым свои систематические наблюдения за оледенением северной окраины белого пятна.

Наименее изученными оставались восточные подступы к интересовавшему исследователя району. Поэтому в 1925 г. он направился в долину Танымаса. Поездка эта не была удачной: болезнь заставила ученого раньше времени закончить работы.

В 1926 г. Корженевский снова посетил ледники Мушкетова и Федченко. На этот раз он пытался установить связь Алтынташских гор с хребтом Петра Первого.

Маршруты путешествий П. Беседина и Н. Тутурина по Шугнану

других путешественников позволили Корженевскому суммировать весь материал об орографии неисследованной области и в 1925 г. после путешествия в Танымас он опубликовал первую предположительную схему хребтов в пределах белого пятна. В 1927 г. ученый несколько уточнил свое построение. Эти схемы по существу подводят итог целому периоду исследований.

Уже давно было ясно, что нельзя объяснить орографию неисследованной области одним центральным поднятием с радиально расходящимися хребтами. Корженевский предположил, что таких узлов несколько. Один из них поднимается в верховьях ледника Федченко. От него на север отходят две меридиональные ветви, окаймляющие ледник (те, которые видел Косиненко). К западной ветви примыкают в одном узле пика Гармо широтные хребты: Петра Первого и Дарвазский. На запад от узла отходит Ванчский хребет. Западный Меридиональный хребет продолжается и южнее узла. К нему с запада примыкает Язгулемский хребет, с востока — Безымянный. В Восточном Меридиональном и Безымянном хребтах есть два крупных поднятия, с которых стекают ледники Танымаса.

В стыке хребта Петра Первого и Меридионального показана узловая вершина.

Схема, опубликованная Корженевским двумя годами позже, охватывает значительно больший район и имеет больше деталей, а также ряд принципиально новых черт.

Сделанный в 1925 г. важный вывод о том, что существует меридиональное поднятие, отходящее от пика Музджилга на юго-юго-запад и являющееся водоразделом истоков рек Муксу с одной стороны, Гармо и Ванча с другой¹, получил свое дальнейшее развитие. На новой схеме этот Меридиональный хребет (Сель-тау Грумм-Гржимайло и Ку-и-Лазар Кузнецова) четко выделен. Корженевский предложил именовать эту цепь хребтом Академии, в честь Союзной Академии наук². Места смыкания хребтов Петра Первого и Дарвазского с Меридиональным хребтом теперь отстоят друг от друга примерно

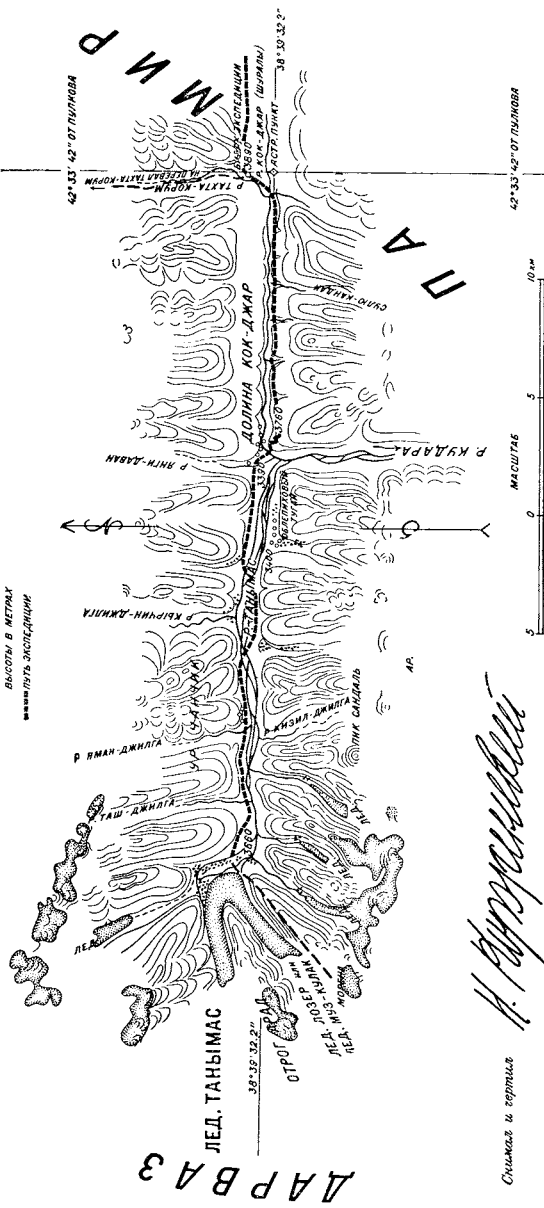
¹ Н. Л. Корженевский. Истоки реки Танымас, Ташкент, 1926, см. схему к стр. 27.

² Н. Л. Корженевский. Мук-су и ее ледники, Ташкент, 1927, стр. 18.

СХЕМА ИСТОКОВ Р. ТАНЫМАС

по данным маршрутной съемки Н.Д. Корженевского, произведенной 10 июля 1925 года
(Schema des Tanymas Quellgebiets)

высоты в метрах
штрихпунктир экспедиции

Снимки и карты

Н. Корженевский

Долина Танымаса по Н. Корженевскому (по съемке 1925 г.)

на 20 км. Пик Гармо более не узловая вершина ¹. Зато на стыке хребта Петра Первого с Меридиональным показана другая вершина. Ее огромный массив Корженевский видел в 1926 г. в верховьях ледника Северный Танымас. Ледник Федченко на новой схеме замыкается не одной центральной вершиной, но целым широтным отрезком хребта.

Значительно детальнее изображена вся восточная часть хребта Петра Первого. Выявлена большая сложность его системы, включающей множество отрогов на севере и юге. Северный отрог, в котором поднимается пик Е. Корженевской, изображен отходящим от узловой вершины, к югу от которой тянется хребет, разделяющий системы ледников Гандо и Гармо.

Время показало, что Корженевский во многом был прав. Но в ту пору схемы его имели характер смелых предложений, нуждавшихся в проверке и доказательствах. Для этого нужно было проникнуть в самую глубь высокогорной области.

Эта задача была поставлена перед первой Памирской экспедицией Академии наук, организованной в 1928 г. ² Именно работами этой экспедиции начинается новый период планомерных широких исследований Памира.

В корне изменилась организация экспедиционной работы. Караваны, перевозившие на себе все грузы и двигавшиеся сквозными маршрутами, сменяются созданием ряда далеко выдвинутых баз снабжения. Это позволило резко увеличить численность научных сил. Уже в составе первой экспедиции работало 107 человек. Отряды теперь совершали радиальные маршруты. Был учтен также и печальный опыт исследователей, становившихся в тупик перед задачей преодоления сколько-нибудь сложного ледникового рельефа. Начиная с экспедиции 1928 г. на помощь ученым неизменно привлекались альпинисты.

¹ Сказалась ошибка Беяева, принявшего этот пик за более северную вершину (см. выше).

² Описание работ экспедиций советского периода нашло широкое отражение в ряде работ последних лет, поэтому автор описывает их более кратко, чем работу дореволюционных исследователей. Дальнейшее изложение посвящено главным образом расшифровке неисследованных районов Северо- и Юго-Западного Памира. На Восточном Памире экспедиции занимались преимущественно уточнением имевшихся довольно подробных данных и дальнейшим изучением страны, особенно ее геологии и геоморфологии.

В дальнейшем экспедиции все шире оснащались механизированными средствами передвижения. На смену медлительным караванам пришли автоколонны и самолеты.

Первые отряды экспедиции 1928 г. отправились из г. Ош 12—15 июня. Основное ее ядро несколько задержалось и двинулось на Памир только во второй половине июня. В составе экспедиции была группа немецких ученых, топографов и альпинистов во главе с В. Риккмер-Риккмерсом. Возглавляли экспедицию Н. П. Горбунов и Д. И. Щербаков. К участию в работах были привлечены и советские альпинисты во главе с О. Ю. Шмидтом.

В неисследованную область было решено проникнуть с востока, через долину р. Танымас. Однако еще до этого нужно было обследовать ряд долин к востоку и северо-востоку от оз. Кара-Куль. В первых числах июля туда отправился топограф И. Г. Дорофеев и группа немецких альпинистов. Дорофеев произвел съемку северного берега озера и углубился в долину р. Караджилга. 10 июля сюда же прибыл Я. И. Беляев, определивший астропункт.

Немецкие альпинисты работали в верховьях Караджилги, пытаясь разведать подступы к пику Ленина с юго-востока. Здесь их постигла неудача: они не смогли подняться по леднику Октябрьский.

Проделав большую работу в долине Караджилги, Дорофеев направился на юг; засняв ущелье р. Карачим и долину р. Акджилга, никем до того не нанесенные на карту, он вышел к перевалу Тузанчи. Отсюда по р. Кульайрык он спустился в Кокуйбельсу, где продолжал свою работу в долинах по южную и юго-западную сторону оз. Кара-Куль. К 22 июля он прибыл к долину Танымаса, где уже была расположена следующая база экспедиции.

К этому времени немецкие геодезисты Финстервальдер и Бирзак совместно с альпинистами обследовали главный ледник Танымасской долины (ледник Муз-кулак — по Корженевскому, ныне — ледник Грумм-Гржимайло; немцы называли его ледником Нотгемейншафт). Но ледник этот стекал с юга. За его языком, выползавшим из ущелья, долина Танымаса тянулась далее на запад. В середине июля вверх по долине прошли Л. А. Перлин и немецкий альпинист Ф. Кольгаупт. В верховьях долины они обнаружили короткий ледник, спускавшийся с широкой седловины, выводившей на очень большой неизвестный ледник.

Сверившись с картой, путешественники установили, что седловина лежит примерно против ледника Географического общества в верховьях долины р. Ванч. Не к этому ли леднику они вышли?

Но на этот вопрос удалось ответить позднее. Перлин и Кальгаупт вернулись с седловины, а 24 июля по их пути выступил «ледниковый отряд» — Я. И. Беляев, Кольгаупт, красноармеец Хайбулов и 6 носильщиков-таджиков. На третий день группа вступила на новый ледник.

«...26 июля, идя на З, прошли еще несколько небольших ледничков. ...Около полудня все ущелье р. Танымас было пройдено, и мы поднялись на грандиозный ледник, который и приняли (ошибочно, как выяснилось впоследствии) за главный Танымасский ледник... Мой anerоид показывал 4700 м. 26-го же, воспользовавшись тем, что наши единственные лыжи оказались свободными, я проделал еще экскурсию вниз по леднику. Довольно быстро дошел до «перевала», с которого спускался ледник в ущелье Танымаса. На «перевале» стало ясно, что никакого перевала нет, что громадный новый ледник стекает с Ю почти на З и далее теряется за поворотом в глубины ущелья».

Продолжая двигаться вниз по новому леднику, Беляев увидел справа ледник, названный впоследствии именем Наливкина. Беляев заинтригован новым ледником.

«...Вопрос о новом леднике не давал мне покоя. Вчерашняя экскурсия показала, что новый ледник является громадным и проходит мимо Танымасского ущелья. Он должен иметь сток, он должен питать какую-то большую реку. Но какую и куда он стекает, мне было неясно. Одно было бесспорно: судя по характеру ущелья, большой массе льда, заметному наклону на З. (а дальше на С.), ледник не мог быть закрытым и должен был иметь сток. Еще по путешествию 1916 г. я хорошо знал истоки больших рек этого района: истоки Ванча (с Абдукагором), Гармо и Мук-су; теперь я знал, что р. Танымас не является стоком нового ледника. Я знал, что ни Ванч, ни Гармо не могут питаться новым ледником, таким образом, оставались только две возможности: либо ледник стекает к Абдукагору, либо к Мук-су. В первом случае могла быть «широкая дорога» на Ванч, что определенно отрицалось в 1916 г. в Пой-мазаре местными таджиками и чему противоречил поворот на С. Таким образом, оставалось одно предполо-

жение — ледник питает Мук-су, то есть является не новым ледником, а ледником Федченко, но тогда ледник Федченко приобретает грандиозные размеры и эти размеры меня приводили в полное смущение»¹.

Кому, как не Беляеву, уже однажды внедрившемуся вглубь неисследованной области, можно было притти к такому выводу? Он отправил Кольгаупта в разведку вниз по леднику, чтобы установить точно, куда же он ведет. Но Кольгаупт вернулся в полном изнеможении, к тому же с острым воспалением глаз. Ледник оказался слишком длинным, а путь трудным. Натолкнувшись на зону трещин, альпинист повернул назад. Беляев сделал еще несколько экскурсий вниз и вверх по леднику. Он пришел к выводу, что до его верховий не менее 15 км и что именно там следует искать путь к ущелью Язгулема. 30 июля заболевшему Кольгаупту стало лучше. Группа отправилась в обратный путь.

Беляеву так и не удалось выяснить, правильно ли его предположение о новом леднике. Эта задача выпала в основном на долю И. Г. Дорофеева. Он закончил съемку верховий долины Танымаса и 1 августа отправился к загадочному леднику. С двумя рабочими Дорофеев пошел вниз по леднику и, добравшись до мест, ранее посещенных Косиненко, убедился, что находится на леднике Федченко.

С ледника Дорофеев увидел на западе высокий хребет, в котором выделялась двуглавая вершина одного пика. «Она была выше остальных, но еще выше нее поднималась неправильная усеченная пирамида гигантского пика, явно господствовавшего над всем хребтом... Сравнив результаты своей съемки со схемой Н. Л. Корженевского, я совершенно естественно принял за пик Гармо трапецидальный пик... находящийся в системе хребта Академии наук и господствовавший над остальными вершинами. Это предположение не вызвало сомнений ни у кого из участников экспедиции 1928 г.»².

Дорофеев вернулся в Танымасский лагерь и сообщил поразительную новость: ледник Федченко оказался много

¹ Я. И. Беляев. *Астрономические работы Памирской экспедиции 1928 г. «Памирская экспедиция 1928 г. Труды экспедиции, вып. V. Астрономия и геодезия»*, Ленинград, 1930, стр. 6—8.

² Дорофеев. По «белому пятну» Западного Памира. *Ежегодник Советского альпинизма «Побежденные вершины»*, год 1951, Географиз, 1952, стр. 406 и 408.

нулись обратно тем же путем, что пришли. В другой раз Альвейн и Шнайдер, направленные вверх по леднику, вернулись также не отыскав перевала. Вьен и Борхерс нашли перевал Кашалаяк и спустились с него на запад. При переправе через реку Борхерс получил сильные ушибы и сба вернулись назад при помощи спасательной группы О. Ю. Шмидта. Дорофеев и его спутники отыскиали легендарные перевалы. Они преодолели очень крутой спуск с перевала Кашалаяк Южный по леднику Красноармейский и вышли в долину Ванча. Здесь их встретили изумленные таджики, считавшие, что с востока в долину пути нет. Из Ванча группа перевалила в долину Язгулема. Здесь путники соединились с группой Н. П. Горбунова, прошедшей долину Бартанга и попавшей в Язгулем через перевал Хурджин. После этого обе группы двинулись вверх по Язгулемскому ущелью и, поднявшись по леднику № 6 (Язгулемский ледник), через Язгулемский перевал снова вышли на ледник Федченко, в верхней его части.

Итак, значительная часть белого пятна была расшифрована. Вместо центрального поднятия его осью оказался бассейн гигантского ледника Федченко, одного из величайших горных ледников мира. Впервые он был пройден по всей длине, составлявшей, по определению Дорофеева, 76 км. На карте появилось много других ледников, в том числе такой крупный, как ледник Грумм-Гржимайло (37 км). Система хребтов на восток от ледника Федченко теперь была довольно ясной. Выявились истинное положение долин Ванча и Язгулема. Значительные результаты дали также работы метеорологов, зоологов, этнографов и других специалистов экспедиции.

Уже после завершения обработки основных материалов экспедиции стали известны результаты фототеодолитной съемки, которую вели немцы и Дорофеев. Высочайший пик, который был после точной фототеодолитной съемки окончательно отождествлен немцами с пиком Гармо, как оказалось, имел высоту 7495 м. Таким образом, не пик Ленина, а эта вершина являлась высшей точкой нашей страны. Но к новому пику с востока подойти в 1928 г. не удалось. Съемка была произведена с хребта Каинды, расположенного восточнее ледника Федченко.

Итак, оставалась неисследованной самая северо-восточная часть белого пятна, бассейн Саукдары, отдельные

хребты Восточного Памира (Музкольский) и хребты Юго-Западного Памира.

Памирская экспедиция 1929 г. была организована Геолого-разведывательным управлением и Обществом пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). Возглавлял ее Н. В. Крыленко. Геологическими работами руководил Д. В. Никитин, побывавший на Памире еще в годы первой мировой войны. Альпинистская часть экспедиции стремилась попасть на ледник Федченко, чтобы разведать подходы к пику «7495». Однако переправиться через Муксу не удалось. Экспедиция сосредоточила свое внимание на второй задаче: исследовании южных склонов Заалайского хребта в районе долины Саукдара. Топограф Герасимов продолжил съемку до самых верховьев ущелья. Альпинистская группа совершила несколько попыток подняться на пик Ленина. Тогда же Н. В. Крыленко с красноармейцем Нагумановым совершил и первое пересечение гребня Заалайского хребта с главного ледника долины Саукдара на ледник Ленина, спускающийся к Алайской долине. Д. В. Никитин уже поздней осенью совершил переход из верховий Саукдара в котловину оз. Кара-Куль, тем самым выполнив первое пересечение северной части хребта Зулумарт. «Итогами экспедиции были: полная расшифровка долины Сауксая, полная карта ущелий Саукдары, вплоть до подъема на пик Ленина, открытие перевала через Заалайский хребет и новых ледников по северному склону в Алайскую долину. Этим было расшифровано второе белое пятно на карте высокогорного Памира»¹.

Следующий этап исследования северо-западного Памира был связан главным образом с расшифровкой так называемого «узла Гармо». Собственно, сперва никакого «узла» не было. После съемки 1928 г. пик «7495» был нанесен на карту, примерно там же, где стоял Гармо на карте Беляева и схеме Корженевского. Следовательно, изловой вершиной он, судя по этим данным, не был. Южнее, в месте стыка хребтов Академии Наук и Дарвазского, был обозначен пик Дарваз — 6615 м (название это дали немцы).

Следующая Памирская экспедиция состоялась в 1931 г. Возглавляли ее Н. В. Крыленко и Д. И. Щербаков.

¹ Н. В. Крыленко. Пять лет на Памире, Сб. «Пять лет на Памире», Изд-во Акад. наук, 1935, стр. 40—42.

Значительно увеличилась альпинистская группа: альпинисты входили в состав всех отрядов, работавших в высокогорной зоне. Особенно важным новшеством было включение альпинистов в топографическую группу И. Г. Дорофеева. Через верховья Муксу снова не удалось переправиться. Обогнув западную часть Заалайского хребта, отряды экспедиции вышли к среднему течению реки, свернули в долину Суграна и, произведя съемку ледника и долины, перевалили через хребет Петра Первого в долину верховий Обихингоу. За год до того здесь побывала группа туристов Московского дома ученых во главе с А. А. Летаветом. Им удалось впервые найти выход к леднику Гандо, и они прошли нижнюю его часть. Однако долина Гандо все еще не была нанесена на карту.

Оказавшись на южных склонах хребта Петра Первого, исследователи смогли искать подступы к «пику Гармо» с запада. Это было тем более важно, что осмотр ущелий Мушкетова и Фортамбек с южных склонов Заалайского хребта создавал впечатление невозможности подходов к интересующему исследователей району с севера. Прибыв в долину Обихингоу, члены экспедиции решили искать подступы к пику во всех боковых долинах. Первой у южных склонов хребта Петра Первого была долина Гандо.

7 сентября туда вышла разведка: Крыленко и Бархаш. «...боковое ущелье представилось нам в виде чрезвычайно узкой каменистой щели с высокими скалистыми боками. Из каменного каньона вырывалась большая и мощная река. Было совершенной бессмыслицей думать, что удастся подняться на его отвесные каменные стены»¹. Все же альпинисты двинулись вверх по склону, обошли обрывистые скалы и нашли путь в долину. Туда вела ровная, сравнительно мягко поднимавшаяся вверх терраса, сплошь покрытая травой и тенистыми рощами берез и горной арчи. Она круто обрывалась к реке, но в 5 км дальше приводила к концу ледника. Здесь ущелье поворачивало на северо-восток. Разведчики добрались до места, где поверхностные морены окончились и обнажилась ледяная поверхность. Впереди поднималась большая двуглавая вершина. Но она не походила на пик Гармо. Далее ледник поднимался крутым ледопадом, над которым поднималась затянутая облаками вершина. К ней

¹ Там же, стр. 64.

ступенями поднимался ледник. Справа, т. е. с юга, стекал другой ледник или ветвь того же ледника. Он завершался огромным снежным полем. На грани снегов поднимались семь куполообразных вершин. Между четвертой и пятой вершинами виднелась пологая седловина. Альпинисты направились туда и после длительного подъема вышли к гребню перевала. Но вместо перевала перед ними открылась бездонная глубина огромного снежного цирка, спуск в который был совершенно невозможным. Крыленко и Бархаш стояли над обрывом, спускавшимся к леднику Гармо. Оглядев открывшуюся панораму, они, к величайшему своему удивлению, не увидели «пика Гармо». Не веря глазам, альпинисты решили взобраться еще выше. Сперва они поднялись на другую, более высокую седловину, но и оттуда не увидели искомого пика. Тогда они направились к самому высокому куполу. Оттуда они увидели на всем протяжении ледник Гармо — веер ледников, сливавшихся в единую долинную ледяную реку. Но «пика Гармо» попрежнему видно не было. Со снежного купола хорошо видна была восточная оконечность хребта Петра Первого. Здесь виднелись две крупные вершины, одна из них в виде почти правильной трапеции напоминала альпинистам очертания пика Корженевской. Тогда, подумали они, по другую сторону хребта должно быть ущелье Мушкетова.

За другой вершиной, однозубым пиком гигантских размеров, в этом случае должно находиться ущелье Фортамбека. Крыленко казалось, что близ этих вершин с ледника Гармо можно перевалить на северные склоны хребта Петра Первого. Почти все эти предположения были ошибочны. Горы не торопились раскрывать свои тайны. Когда разведчики спускались по долине, их встретила группа Дорофеева. Он производил съемку Гандо.

...Через несколько дней разведчики снова были на леднике. На этот раз они поднимались вверх по долине Гармо. Еще в начале перехода по долине они увидели на юго-востоке свою цель — массив пика Гармо. Проводники и носильщики — жители кишлака Пашимгор хорошо знали вершину и подтвердили Крыленко, а несколько времени спустя и Дорофееву название пика. Его огромный снежный массив замыкал панораму долины. Правый, южный, гребень вершины полого спускался вниз, затем обрывался крутой ступенью и только потом смыкался с дру-

гими вершинами хребта. Все это как будто соответствовало очертаниям вершины, какими они видны с востока. По этой ступени альпинисты намечали подняться на пик из верховьев ледника Бивачного; у ее начала рассчитывали найти перевал, ведущий на ледник Гармо. Эти предположения были основаны на схеме Корженевского, их подтверждала и карта, составленная немецкими топографами.

Но сперва альпинистам нужно было отыскать подступы к западным склонам пика. К 6 часам вечера 15 сентября они добрались до устья бокового ущелья Аводара, где еще в 1916 г. Я. И. Беляев определил астропункт. На следующий день Крыленко двинулся дальше, пика уже не было видно, он снова скрылся из вида за ближними хребтами. Долина сворачивала на север. Там виднелось слияние трех ледников, составляющих Гармо. Крутыми ступенями ледопадов они поднимались к хребту Петра Первого.

Группа заночевала у развилки ледников. Здесь поднималась вершина высотой около 4500 м. С нее должен был быть хороший обзор на весь район, и 17-го разведчики предприняли восхождение. Но до вершины дойти не удалось: помешала непогода. Однако они видели пик Гармо на юго-востоке и поэтому свернули в ущелье, уходящее на юг. Из этого ущелья вытекал большой ледник. Разведчики назвали его именем академика Н. И. Вавилова ¹.

С западных склонов Меридионального хребта, к леднику Вавилова круто спускались узкие притоки. Их было шесть. В конце ледника виднелся огромный снежный цирк. Гребень хребта и вершины были закрыты облаками. По боковым ледникам можно было подняться на гребень хребта Академии Наук. Но это ничего не дало бы: немецкая карта изображала его восточные склоны обрывами невероятной крутизны. К тому же разведчики стремились к пику Гармо и не знали точно, идут ли они вдоль хребта Академии или лишь одного из его отрогов.

Путь по леднику был нелегким, но к трем часам дня альпинисты дошли до начала цирка. Слева перед ними поднималась совершенно недоступная ледяная стена неведомой вершины. Быть может, это и был пик Гармо? Но разведчики этого не знали. На дальнейшие разведки не

¹ В те годы председатель Всесоюзного географического общества.

было ни времени, ни продовольствия. Пришлось повернуть назад, так и не разрешив загадки.

Альпинисты предполагали, что они были у основания северного плеча, а их интересовало южное плечо пика, где предполагался перевал. Быть может, туда приведет более западный приток Гармо — ледник Шокальского? Разведчики двинулись в обход. Преодолев очень трудный подъем по леднику, они достигли его верховьев. Но здесь их снова ждало разочарование: снежный хребет, отходивший на запад от снежной стены пика Гармо, не смыкался с его южным плечом, — оно спускалось где-то дальше, за пределами этого хребта, повидимому на его южных склонах. Все это было трудно понять. Однако на леднике Шокальского больше делать было нечего.

В то же время группа Дорофеева производила топографическую съемку ледника и долины Гармо. Геологи Д. И. Щербаков и Т. Г. Боровская исследовали долину Муксу до Фортамбека.

Пожалуй, первым, кто нашел ключ к загадке «узла Гармо», был П. С. Макеев. Анализируя результаты съемки 1931 г., схемы Беляева и Корженевского, он пришел к поразительному выводу. Местоположение пика Гармо, нанесенного на карту немецкими топографами, было определено достаточно точно. Но ведь и Беляев в 1916 г. определил координаты «своего» пика Гармо, базируясь на астропункте у устья р. Аводара. Однако координаты этих пиков сильно разнятся между собой. Разница между отметками достигает по долготе более 2,5 км и по широте около 7,5 км.

С другой стороны, Крыленко не был уверен, что вершина, к стене которой он подошел в верховьях ледника Вавилова, — пик 7495 м, наблюдавшийся с востока.

Исходя из этого, Макеев считал, что вершина в конце ледника Вавилова и есть «настоящая» вершина Гармо.

«Но если эта вершина лежит в конце южного рукава ледника Гармо, то, следовательно, вершина, отмеченная Беляевым в месте слияния северного и южного рукавов, не есть Гармо. На основании же большой разницы между положением вершины, отмеченной Советско-Германской экспедицией, надо считать, что и последняя тоже не Гармо, так как разница между положением этой вершины и вершиной «настоящего» Гармо еще больше, чем между первой и вершиной Беляева.

Таким образом, приходится прийти к заключению, что вершина 7495 м высотой, поскольку она не есть Гармо (местных жителей), является безымянной, а высота настоящего пика Гармо до сих пор неизвестна»¹.

Доказательства Макеева трудно было опровергнуть. Но их никто и не опровергал. Статья, написанная в начале 1932 г., пролежала в редакции очень долго и увидела свет лишь в 1933 г. А тогда путаница с пиком Гармо, начало которой положила карта немецких топографов, стала очевидной для всех. Много лет спустя, вспоминая свои памирские походы, И. Г. Дорофеев указывал, что и ему после экспедиции 1931 г. стала ясна истинная картина. Однако он свои соображения по этому поводу, повидимому, в то время никому не сообщил.

Итак, летом 1932 г. в Таджикистан отправилась новая экспедиция, значительно превосходящая по своим масштабам все предыдущие. Более 700 сотрудников насчитывала она в своем составе, 297 из них были научными работниками. За шесть месяцев экспедиция покрыла своими исследованиями огромную площадь в 100 тыс. кв. км.

Были в составе экспедиции альпинисты: Е. М. и В. М. Абалаковы, О. Д. Аристов, Л. Л. Бархаш, С. Я. Ганецкий, А. И. Поляков, Воробьев, Е. В. Тимашев, В. Коломенский, С. И. Ходакевич, Д. Церетелли, В. Н. Недокладов и многие другие.

Географическим отрядом экспедиции снова руководил Н. В. Крыленко, а работу топографов возглавлял И. Г. Дорофеев. План работы предусматривал продолжение исследований, не завершенных в 1931 г. Одна из главных баз экспедиции была расположена в верховьях р. Обихингоу. Одновременно отряд Н. П. Горбунова работал на леднике Федченко, а группа геолога А. В. Москвина и топографа Ю. Вальтера приступила к исследованию запутанной сети северных отрогов хребта Петра Первого. Географический отряд должен был подняться на седловину у северного плеча пика Гармо и попытаться спуститься в систему ледника Федченко. Кроме того, предстояло подняться из верховий северного истока ледника Гармо — ледника Беляева, найти перевал на северные склоны хребта Петра Первого и соединиться с группой Москвина.

¹ П. С. Макеев. О вершине Гармо, «Изв. Русск. географич. об-ва», т. XV, вып. 3, 1933, стр. 250—251. Сдано в набор 10/V-1932 г.

Последняя задача была самой сложной. Для ее решения была выделена отдельная группа альпинистов во главе с Воробьевым. Другая группа, Л. Маруашвили и Пислегин, была направлена на левый приток Гармо — ледник Ванчдара, искать подступы к южному плечу все еще загадочного пика Гармо.

Крыленко, Бархаш и геоморфолог К. К. Марков снова двинулись на ледник Вавилова. Там альпинистам удалось подняться по шестому боковому леднику на гребень хребта. С седловины они увидели снежный склон, ведущий на восток на ледник, который нетрудно было опознать. Это был ледник Бивачный. Но альпинисты знали, что Бивачный проходит южнее пика «7495 м». Они же находились, как считалось, у подножия его северного ребра. Противоречие было разительным. Более того, высота седловины была много ниже той, которая была измерена немцами при наблюдении пика «7495 м» с востока. Исследователи были смущены, но они не сделали правильных выводов. Предположив, что поднимающаяся рядом вершина — не пик Гармо, они спустились с гребня.

Не меньшая неудача постигла и другие группы альпинистов. Воробьев не смог одолеть подъем по сильно разорванным ледопадам ледника Беляева. Ничего нового не удалось обнаружить и группе, ходившей на ледник Ванчдара.

Разведка ледника Ванчдара была повторена, но оказалось, что этот ледник выводит за верховья ледника Шокальского. Пути к пику Гармо здесь не было. Пройдя через вновь открытый здесь перевал, Крыленко и его спутники оказались в долине р. Ванч. Отсюда часть отряда перевалила на ледник Федченко. Там, у восточных склонов хребта Академии Наук, группу Крыленко ожидал Н. П. Горбунов.

На леднике Федченко группа Крыленко, уменьшившаяся до 5 человек, то и дело наталкивалась на следы людей: здесь работало несколько отрядов. Сами люди навстречу не попадались, а у путников кончался провиант и топливо. 26 сентября группа подошла к устью ледника Бивачный. На льду виднелась хорошо разработанная тропа. Здесь группа нашла склад продовольствия и снаряжения и устроила дневку.

Узнав, что Н. П. Горбунов со своими спутниками прошел вглубь левого притока Бивачного (впоследствии —

ледник Сталина) и поднялся на плечо пика «7495 м», Крыленко не стал догонять его. Вместо этого он сделал попытку пройти к верховьям ледника Бивачный и подняться на хребет Академии Наук с востока. Это позволило бы связать между собой восточную и западную части съемки.

Группа не смогла преодолеть сложный путь по невероятно сильно расчлененной поверхности ледника. Она прошла несколько дальше пункта, достигнутого в 1908 г. Н. И. Косиненко.

Через несколько дней с ребра пика спустился и Н. П. Горбунов. Нужно было свертывать экспедицию, — в горах начиналась зима.

Покуда отряды Крыленко и Горбунова атаковали «белое пятно», уже значительно сократившееся, с запада и востока, группа А. В. Москвина достигла крупных успехов в исследовании северных склонов хребта Петра Первого. Впервые были обследованы ущелья ледников Фортамбек, Ходырша и других. Москвин установил, что строение хребта значительно сложнее, чем предполагалось. В долине Фортамбека он подошел к обрывам северных склонов пика «7495 м». Определив его координаты, он убедился, что они совпадают с данными съемки 1928 г.

Участники экспедиции и на этот раз покидали Памир в полной уверенности, что загадка узла Гармо еще не раскрыта. Эта задача была отложена на следующий год. Однако события развернулись по-другому. Обработывая материалы своих наблюдений, уже в Москве А. В. Москвин пришел к тем же выводам, что и Макеев. Наблюдений и данных теперь было больше, и перед исследователем постепенно вырисовывалась истинная картина вещей: пик «7495 м» ничего общего не имел с «настоящим» Гармо. Последний был обозначен на немецкой карте как пик Дарваз (6615 м) в стыке хребтов Академии Наук и Дарвазского. Пик «7495 м» поднимался в 18 км севернее в месте соединения хребтов Петра Первого и Академии Наук. Ошибки немецкой карты были, наконец, установлены.

Безыменная вершина 7495 м, высочайшая в Советском Союзе, получила имя пика Сталина.

Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г. имела в своем составе специальный отряд № 29, задачей которого было организовать и провести восхождение на пик Ста-

лина. Эта задача была решена в начале сентября. Высшей точки пика достиг Е. М. Абалаков; несколько десятков метров не дошел до вершины Н. П. Горбунов.

Географический отряд Н. В. Крыленко на этот раз посвятил свои усилия завершению расшифровки восточной части хребта Петра Первого. Эта северная часть «узла Гармо» еще оставалась неясной. Вместе с группой Крыленко, состоявшей из альпинистов, работал и А. В. Москвин со своими сотрудниками.

Отряду предстояло, в частности, выяснить связь между бассейном Фортамбака на севере и бассейнами: Гармо — на юге; ледниками Аю-джилга, Малый Танымас и Федченко — на востоке.

Работа отряда проходила в чрезвычайно сложных условиях. База его была расположена в устье долины Суграна. Чтобы попасть отсюда к Фортамбаку, нужно было идти вдоль левого склона ущелья Муксу. Троп для выючных животных здесь почти не было. Их приходилось прокладывать. Капризная река подмывала рыхлые конгломератовые склоны. Они то и дело обрушивались. Узкие тропы, плоды долгих усилий, исчезали в одно мгновение. Кончилось тем, что грузы для обеспечения маршрутов в долине Фортамбака людям пришлось перетаскивать на себе.

Обследуя долину Фортамбака, Крыленко и Москвин выявили, что пик Корженевской поднимается не в хребте Петра Первого, а в северо-западном отроге хребта Академии Наук. К концу работ экспедиции стало известно, что другой, северный отрог этого хребта выходит к верховьям р. Муксу и завершается Алтынмазарскими горами, пиками Сандал, Шильбе и Музджилга.

Постепенно выяснилась и сложная система северных отрогов хребта Петра Первого, разделяющих ледники Фортамбек, Ходырша, Сугран, Шинибини и другие поменьше.

Итак, в 1933 г. была завершена расшифровка белого пятна Северо-Западного Памира. Конечно, еще многое подлежало уточнению, дополнительному изучению, углубленному исследованию. Но главное было сделано. В этом же году вступило в строй первое стационарное научное учреждение на Памире. На леднике Федченко, в 30 км выше его языка, была построена обсерватория, где круглогодично можно было вести гляциологические и метеорологические наблюдения.

В 1934 г. группа альпинистов во главе с О. Аристовым установила сеть автоматических радиостанций на вершинах Западного Памира. Эта работа обеспечивала важные метеорологические наблюдения. Были установлены первые станции в Заалайском хребте в районе перевала Терсагар — на безымянной вершине 5300 м и вблизи перевала Кульдазан — на безымянной вершине 5250 м. После этого группа проникла к подножию пика Сталина и сняла с плеча вершины оставленную там в предыдущем году радиостанцию.

1934 год знаменует собой начало организации отдельных альпинистских экспедиций¹. Основной задачей таких походов были горвосхождения, подготовка и совершенствование кадров альпинистов-высотников. Альпинисты также изучали посещаемые ими горные районы, но эта деятельность имела сравнительно ограниченный характер. С другой стороны, альпинисты продолжали привлекаться к работе геологических, гляциологических, топографических и других специальных отрядов. Постепенно начали овладевать альпинистской техникой и научные работники.

Изучение северо-западного Памира продолжалось. Из года в год накапливались интереснейшие материалы наблюдений обсерватории на леднике Федченко. В 1936 г. альпинисты обследовали ледник Дзержинского в бассейне Саукдары и несколько позже повторили разведку ледника Фортамбек. Тогда же впервые было пройдено ущелье, ведущее с запада к склонам пика Корженевской и открыт ледник того же названия (Н. Гусак, А. Джапаридзе). В 1937 г. был совершен подъем на пик Корженевской до высоты 6910 м.

В 1939 г. экспедиция В. В. Немыцкого обследовала и впервые прошла весь ледник Шинибини в верховьях правого притока долины Сугран.

В 1940 г. группа одесских альпинистов А. В. Блещунова впервые прошла ледник Бивачный, уточнила конфигурацию его цирка и совершила пересечение хребта Академии Наук у северного ребра пика Гармо.

В 1944 г. в долине Танымас работал П. Шумский, уточнивший и дополнивший представления о геоморфологии и оледенении северных склонов восточной части Язгулемского хребта.

¹ Об этих экспедициях рассказывается в основных очерках книги.

В 1947 г. участники спортивной экспедиции А. А. Левтавета впервые прошли весь ледник Сугран и поднялись на гребень отрога, отделяющего его от верховьев долины Фортамбек. Были сделаны первые фотоснимки фирнового плато пика Сталина с запада.

В 1948 г. было совершено восхождение на пик Гармо. На ледниках Ванча и Язгулема начала работать экспедиция Научно-исследовательского института географии МГУ, возглавлявшаяся И. С. Шукиным. Участники этой экспедиции, особенно Р. Д. Забиров, значительно дополнили сведения об оледенении Памира.

В том же году Е. В. Тимашев прошел весь ледник Гандо и, обнаружив ряд неточностей на картах, исправил их. Он определил основной поток ледника, оказавшегося более сложным, чем это представлялось ранее. Тимашев уточнил также данные об очертаниях северного склона хребта ОПТЭ.

Экспедиция общества «Локомотив» во главе с Б. А. Гарфом вновь посетила ледник Гармо. Был разведан северо-восточный исток ледника. Б. А. Гарф и П. И. Поварнин совершили четвертый подъем на гребень хребта Академии Наук, значительно севернее предыдущих, осмотрели и засняли юго-западные склоны пика Сталина.

В 1950 и 1951 гг. спортсмены Ташкентского дома офицера обследовали ряд долин и ледников Заалайского хребта. Некоторые из них были пройдены впервые.

1952 год принес дополнительное обследование верховьев ледника Грумм-Гржимайло. Были совершены восхождения на некоторые вершины района.

В 1953 г. работали две альпинистские экспедиции: у пика Е. Корженевской и на леднике Гармо. Участники первой экспедиции совершили восхождение на вершину третьего семитысячника Памира.

В 1954 г. альпинисты экспедиции ВЦСПС совершили восхождение на вершину пика Революции в верховьях ледника Грумм-Гржимайло.

Лето 1955 года было отмечено выдающимся событием: восхождением на пик Сталина с юго-запада, из верховьев ледника Гармо. Восходители грузинского альпинистского клуба преодолели ледопады северо-восточного истока ледника Гармо, по очень крутому склону поднялись на гребень хребта Академии Наук. Отсюда были

совершены восхождения на пики Сталина, Молотова и «Правды».

Экспедиция альпинистов ВЦСПС совместно с горюхосходителями Китайской Народной Республики работали в верховьях долины Кара-джилги. Здесь советские альпинисты были впервые. Им удалось сделать то, чего безуспешно пытались достичь немецкие альпинисты в 1928 г. Участники экспедиции прошли через сильно разорванный ледник Октябрьский и поднялись на гребень Заалайского хребта (пик Единства).

Несомненно, очень много сделано для исследования географии Памира геологами и топографами. Первые еще с начала 1930 г. охватили почти всю территорию горной страны геологической съемкой. Составление геологической карты подчас приводило к уточнению очень многих элементов орографии гор. Последняя же топографическая съемка, произведенная в период 1946—1948 гг. с применением совершенного технического оборудования, привела к уточнению очень многих высот, размеров оледенения, очертаний хребтов.

Карта, составленная в результате съемки, позволила Р. Д. Забирову по-новому осветить состояние современного оледенения Памира¹.

Однако некоторые районы Северо-Западного Памира и поныне остаются недостаточно или вовсе неизученными и неописанными. Это в первую очередь относится к южным склонам Язгулемского хребта на участке от пика Парижской Коммуны до хребта Холодная стена (включая восточные склоны этого хребта). Никто еще не поднялся на фирновое плато пика Сталина. Сравнительно мало изучен район Мазарских гор, хребет Танымас в его западной части и другие места.

* *

*

Среди районов Памира, оставшихся неисследованными после 1928 г., был сложный Музкольский хребет. Это крупное поднятие в самом центре Восточного Памира, как это ни странно, довольно долгое время оставалось в стороне от маршрутов географов. И это несмотря на то, что вблизи и даже через этот горный хребет проходят издревле известные главные пути через Памир. Автомобильный тракт,

¹ См. Р. Д. Забиров. Оледенение Памира, Географгиз, 1955.

вступая в долину р. Музкол, тянется вдоль отрога Музкола, хребта Северный Зорташкол. Затем дорога пересекает основной Музкольский хребет перевалом Акбайтал и проходит вдоль восточной части хребта. Почти все долины у склонов Музкола не раз проходились путешественниками, и все же сам хребет почти не был изучен.

Начало исследованию Музкола было положено геологами. Первые сведения о строении отдельных участков хребта (район перевала Акбайтал) относятся к 1914—1915 гг. (работы Гайдна и Наливкина). В 1927 и 1928 гг. участники советских экспедиций добыли некоторые данные о породах, слагающих склоны долин рек Музкол и Кокуйбель. В 1929 г. здесь работал геолог Г. Л. Юдин.

Более широко развернулись работы лишь в 1932 г. На этот раз отряды А. В. Хабакова и П. П. Чуенко исследовали восточную и западную части Музкольского хребта. Они собирали материал для составления геологической карты района, попутно выявляя и основные черты его орографии, но высокогорная часть хребта геологами почти не была затронута; не была произведена и детальная топографическая съемка.

В 1940 г. вблизи перевала Акбайтал на одной из вершин хребта высотой около 6000 м биологи и физиологи при помощи альпинистов устроили временную высотную лабораторию. Группа одесских альпинистов (во главе с А. В. Блещуновым), проводившая эту работу, обследовала прилегающую часть хребта и поднялась еще на одну вершину. В послевоенный период (1948—1949 гг.) одесские альпинисты снова работали в той же части Музкола. Они прошли несколько маршрутов в наиболее запутанной восточной части хребта, совершили еще одно восхождение. В этих походах были собраны некоторые данные для уточнения орографии и оледенения этой части Музкола.

Последняя топографическая съемка Памира дала подробный материал для суждения о расположении хребта, об его отрогах и основных ледниках. Однако этот район остается одним из наименее изученных и посещенных на Памире.

* *
*

Советские исследователи появились на Юго-Западном Памире в 20-х годах. В 1923 г. Н. Л. Корженевский посетил долину р. Бартанг. Основное внимание путешествен-

ника было направлено на изучение Сарезского озера и южной окраины неисследованной области. Тем не менее, его маршрут пересек восточную часть Рушанского хребта и район истоков р. Гунт. Особенно много для освещения этих мест поездка Корженевского не дала; они уже были известны по трудам дореволюционных исследований, в частности Ванновского и Букинича.

В 1925 г. совершил свою вторую, а в 1927 г. третью поездки по южной части Памира известный геолог Д. В. Наливкин. Однако маршруты его исследований были приурочены также к посещенным уже ранее долинам района. Существенно нового для пополнения сведений об орографии они не дали, хотя для геологической науки были весьма важными.

В 1928 г. один из отрядов Памирской экспедиции Академии наук (геологи А. Н. Лабунцов и Н. И. Березкин) прошел через Восточный Памир и добрался до г. Хорог. Отсюда геологи совершили ряд радиальных маршрутов. Двигаясь вверх по долине Пянджа, они побывали на древних разработках благородной шпинели близ кишлака Кугиляль. Далее группа прошла к кишлаку Андероб и на обратном пути свернула в долину Гарм-Чашмы, где были обследованы горячие источники. Работали Лабунцов и Березкин также в районе Ишкашима.

На север от Хорога отряд дошел до р. Бартанг. Поднявшись по этой долине до кишлака Багу, геологи свернули на север и вззошли на перевал Ванновского в Язгулемском хребте. На восток от Хорога была обследована часть долины Шахдара.

Работы в этом районе были возобновлены в 1930 г. Ученый секретарь Памирской экспедиции, ныне известный писатель П. Н. Лукницкий заинтересовался сведениями о месторождении лазурита в горах Шахдаринского хребта, упомянувшимся в книге А. Серебренникова «Очерк Памира», изданной еще в 1900 г.

Одна из рек в системе Шахдары носит название Ляджуар. Совпадение названий не могло быть случайным. Нашелся охотник-таджик, который бывал в долине Ляджуардары и взялся провести туда исследователей. Вскоре небольшой отряд вышел из Хорога. Искать лазурит с Лукницким отправились геологи Г. Л. Юдин и А. В. Хабаков. Поднявшись вверх по долине Шахдары до кишлака Барвоз, путники свернули в ущелье р. Бадомдары. Километ-

рах в 18 они достигли устья р. Ляджуардары. Речка эта стекала с запада, со склонов водораздельного хребта. Двухдневный переход привел отряд к ее верховьям. Здесь, вблизи ледников было найдено месторождение лазурита.

Своеобразие Шахдаринского хребта увлекло П. Н. Лукницкого. Он решил поближе узнать этот район, который почти не был исследован. Имевшаяся в распоряжении экспедиции 10-верстная карта была очень неточной. На ней не значилась еще р. Гарм-Чашма длиной около 80 верст. Данные исследований Б. А. Федченко, Н. Н. Тутурина и П. И. Беседина на карту нанесены не были.

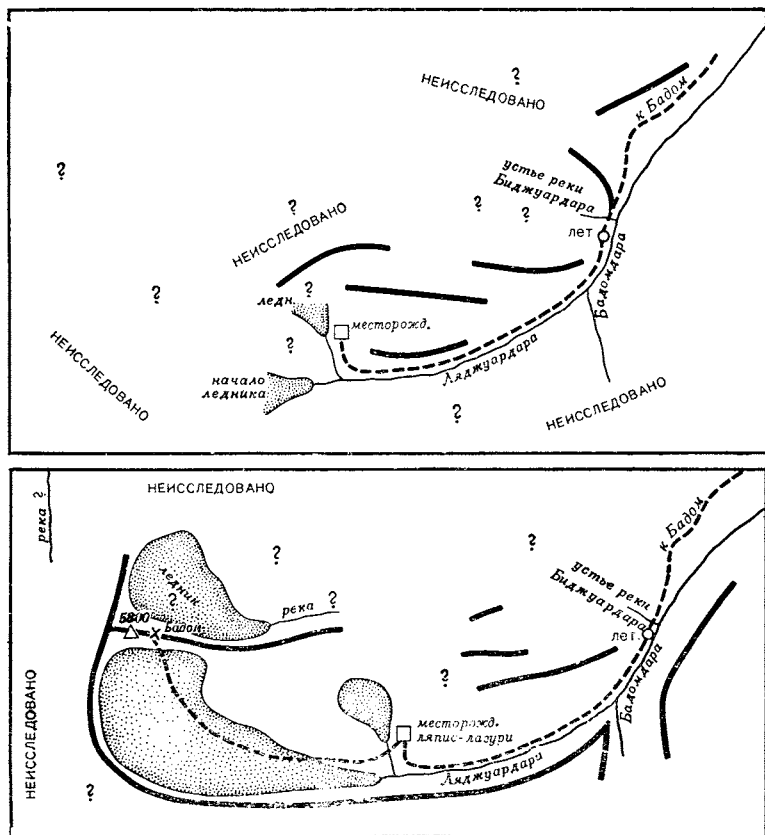
В 1931 г. часть отряда Г. Л. Юдина занималась разработкой месторождения лазурита. Лукницкий воспользовался этим, чтобы приступить к исследованию долины. 9 августа он двинулся на север к леднику. Цирк этого ледника был окружен крутыми склонами. Ничего похожего на перевал в гребне не было видно.

На следующий день Лукницкий снова отправился в путь. На этот раз он шел к западу. В конце долины лежал ледник, в котором брала начало Ляджуардара. Спустившись со склона на лед, исследователь двинулся к фирновому цирку. Он шел налегке, рассчитывая в тот же день вернуться в лагерь. Целью Лукницкого было: достичь водораздельный гребень и выяснить связь ущелья с соседними долинами.

От цирка круто поднимался фирновый склон. После семи часов подъема Лукницкий выбрался на седловину на высоте 5690 м. За хребтом, на севере, 400 метрами ниже был виден цирк ледника. Из него вытекала какая-то река. На западе цирк замыкался острым гребнем с обрывистыми склонами. За гребнем виднелась долина другой реки. Не Гарм-Чашма ли это? Но Лукницкий не мог ответить на этот вопрос.

На север с седловины свисал снежный карниз. Лукницкий дважды проваливался, и дважды его спасала длинная палка. Пора было возвращаться. Скользя по крутому фирну, Лукницкий быстро спустился по пути подъема и в 6 часов вечера был уже в лагере экспедиции.

Через день упорный исследователь, вдвоем с таджиком Чушнаком, отправился верхом в соседнюю долину Биджуардара, которая порадовала путников живописными видами. Вдоль реки рос лес. По склонам змеилась до-

Изменение представлений об орогидрографии западной оконечности Шахдаринского хребта (по П. Лукницкому)

вольно хорошая тропа, по которой удалось подняться верхом почти до самых ледников. Завершив маршрутную съемку Биджуардары, Лукницкий и его спутник к вечеру вернулись к кишлаку Бадом. Здесь тогда жило всего 11 взрослых и 13 детей. Никто из жителей Бадома не бывал в Хороге, и только двое спускались до долины Шахдары. А до нее всего лишь 18 км! ¹

¹ В 1947 г. мы побывали в этом ущелье. Жители кишлака Бадом входили в колхоз Барвоз. Соление жило интересами, общими для всего советского Таджикистана (Д. З.)

Во время этой поездки Лукницкому удалось установить, что ледник, виденный им с седловины, и ледник в верховьях Биджуардары — одно и то же.

Затем Лукницкий отправился в долину Шахдары с намерением исследовать ее ближайший левый приток, реку Вяздара. Однако ему не удалось найти ни носильщиков, ни проводника. Тогда он вместе с красноармейцем Мешковым в сопровождении охотника Шоика и двух носильщиков двинулся вверх по следующей долине, реки Тусиян.

Чудесная панорама открылась здесь перед путниками. Узкое ущелье напоминало долины Альп. Миновав несколько летовок, вблизи которых еще паслись на летних пастбищах стада, небольшой отряд вступил в верхнюю часть ущелья. Склоны тесно сдвинулись, образуя узкую щель. Вскоре пришлось оставить лошадей и переложить груз на плечи. Люди пошли по крутой мелкой осыпи к черным скалам. Затем перешли на морены, за которыми открылся сильно разорванный ледник. Темные скалистые стены окружали его цирк, подчеркивая белизну фирна. Над хребтом, на севере, поднимался красивый пик. Шоик сказал, что эта вершина называется Бобило.

Лукницкий и его спутники поднялись на ледник и двинулись к виднеющейся вдали седловине. Группа достигла фирнового цирка, одолела очень крутой подъем по снежнику и вышла на гребень хребта. Высота седловины оказалась 4880 м. По ту сторону хребта на западе открылись верховья р. Гарм-Чашмы.

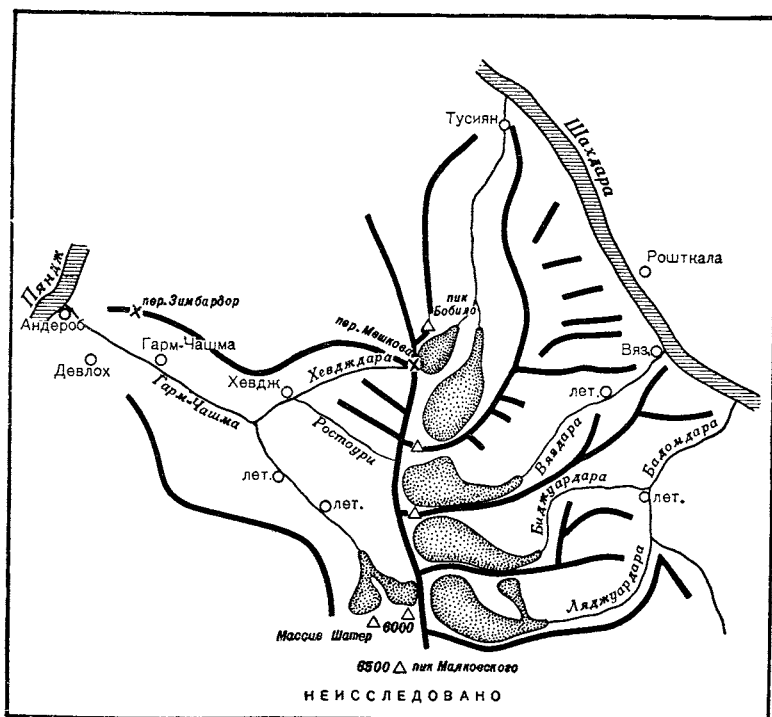
Лукницкий чувствовал, что он — у цели. Чтобы попасть к Гарм-Чашме, нужно лишь спуститься на запад. Но как спускаться, когда под ногами вниз уходит скалистый обрыв? Все же люди спустились. Они цеплялись за малейшие выступы породы, повисали на руках, ранили кожу острыми камнями, — но спустились. Потеряв за час 700 м высоты, группа достигла первой травы. Вскоре Лукницкий и его спутники шли вниз по неведомому узкому ущелью. А через несколько километров появились и признаки тропы. Она становилась все более явственной и, наконец, привела группу к небольшой летовке. Удивленные появлением людей со стороны гор, жители нерешительно отвечали на вопросы путников. Все же они сообщили, что находятся в ущелье Хэвджара, правого притока Гарм-Чашмы. На карте это ущелье показано не было.

В нижней части ущелья группа миновала небольшой лес. За ним открылась долина Гарм-Чашмы. Лукницкий обследовал ее до самых истоков, где она начиналась соединением нескольких речек, вытекавших из довольно больших ледников. Ледники эти круто спускались со скалистой стены массива с двумя характерными вершинами. Они уже были знакомы по прежним маршрутам. Таким образом, была замкнута кольцевая линия вокруг неисследованного района. Река Гарм-Чашма оказалась длинной не более 30 км. На карту было нанесено до 30 ее мелких и крупных притоков; открыто четыре больших и несколько малых ледников; несколько десятков высоких вершин, из которых не менее шести превышали, по оценке Лукницкого, 6000 м.

Оставалась неясной зона между Тусияндарой и Биджуардарой. В 1932 г. Лукницкий снова прибыл в этот район. Он попал в долину Шахдары, преодолев вместе с Н. П. Горбуновым и врачом П. Майским перевал Шитхарв. Оставив своих спутников, он двинулся в долину Вяздары. В сопровождении двух носильщиков Лукницкий прошел всю долину до ледников в истоках реки. Здесь он также обнаружил седловину в хребте, через которую можно было пройти к Гарм-Чашме. Таким образом была расшифрована и центральная часть этого «белого пятна».

Начиная с того же 1932 г. на Юго-Западном Памире работал геологический отряд Памирской экспедиции Академии наук во главе с С. И. Клуниковым. Его сотрудниками были сперва И. А. Островский, затем А. И. Попов. В те годы побывали в этой части Памира также И. Г. Баранов и А. П. Недзвецкий. В результате ряда смелых, подчас весьма трудных походов Клуников значительно расширил область исследований сперва Шахдаринского, а затем и других хребтов района. Попутно со сборами геологических материалов и съемкой для составления геологической карты Клуников собрал ценные сведения по географии Юго-Западного Памира.

Первые маршруты отряда были посвящены Шахдаринскому хребту. Клуников совершил ряд пересечений этого хребта. Он прошел через Мац — перевал в восточной части оконечности Шахдаринских гор, Вранг — в их центральной части, следующий на запад перевал Ямг. Северные склоны перевала привели отряд в долину

Орогидрография западной оконечности Шахдаринского хребта
(по П. Лукницкому)

р. Андиз-башор. Отсюда геологи вышли к р. Шахдара, повернули вверх по долине р. Бадомдара и прошли все ущелья рек ее бассейна. Из долины Пянджа Клуников поднялся в ущелья его левых притоков — Шитхарва, Даршая (до его ледников), Абхарва и Богуша. Была пройдена вся эта долина до ее водораздела с Гарм-Чашмой.

В последующие годы Клуников перенес центр тяжести своих исследований в Шугнанский хребет и на северные склоны Рушанского хребта. Ему удалось установить, что Шугнанский хребет обладает более сложным, нежели предполагалось, строением.

Заслуги С. И. Клуникова в географическом исследовании Юго-Западного Памира трудно переоценить. Однако и в его данных были неточности. К тому же его маршруты охватывали неполностью весь район.

С начала 40-х годов на Юго-Западном Памире начали свою деятельность другие геологи (в частности Б. П. Баркатов). Академия наук уже не проводила больших комплексных экспедиций на Памир. Углубленное исследование страны стало делом ряда ведомственных организаций.

В 1946 г. началась новая топографическая съемка Памира. В том же году на Юго-Западный Памир направилась первая альпинистская экспедиция во главе с Е. А. Белецким. Эта экспедиция направилась к наиболее высоким пикам, отмеченным С. И. Клуниковым. Альпинисты начали свою работу с посещения долины Патхора. Здесь был обследован сложный ледник Марковского (Штек-Лозар), определено расположение отрогов хребта и совершено восхождение на высочайшую вершину хребта — пик Патхор (6080 м). Затем экспедиция направилась через перевал Дузахдара в верховья Шахдары к пикам Маркса и Энгельса. Район этот на карте был изображен весьма ориентировочно. Ряд разведывательных походов позволил уточнить расположение вершин и отрогов хребта. Затем альпинисты совершили восхождение на высочайшую вершину Шахдаринского хребта — пик Маркса (6726 м); впервые пройдено несколько новых перевалов.

В 1947 г. другая экспедиция альпинистов во главе с Д. М. Затуловским обследовала одну из крупных долин южных склонов Шахдаринского хребта — долину р. Даршай. Была произведена полуинструментальная съемка хребтов и цирков ледников в верховьях реки. Члены экспедиции совершили 12 первовосхождений. Отдельные группы экспедиции обследовали прилегающие с севера и запада ущелья. Описание этой части Шахдаринского хребта тем более интересно, что здесь к нему примыкает меридиональный хребет Зимбардор (или Ишкашимский). Альпинисты приняли участие и в работе топографических отрядов.

Завершение топографической съемки Памира позволило составить первую точную карту этой страны. Было окончательно выяснено и строение юго-западной его части. Однако ряд долин был заснят с самолета и остался непосещенным. Поэтому и экспедиция Грузинского альпинистского клуба, проникшая в 1954 г. к южным склонам пиков Маркса и Энгельса, смогла внести свой вклад в описание восточной части Шахдаринского хребта. Но,

так же как и в северо-западной части Памира, на его юго-западе есть еще немало долин и ущелий, которые предстоит изучить и описать. Дело за будущими исследователями!

* *

*

«Белые пятна» Памира были расшифрованы. В наши дни имеется не только достаточно точная топографическая, но и геологическая карта этой горной страны. В общем изучен его животный и растительный мир и климат.

Памир расположен южнее плодородной и цветущей Ферганской долины. Там, за скалистыми горами Алайского хребта лежит широкая межгорная Алайская долина. Над ней с запада на восток на 240 км протянулась цепь снежных гигантов — Заалайский хребет. Это самый северный хребет Памира — его граница. На востоке горная страна заканчивается Кашгарскими горами, протянувшимися в общем направлении с севера на юг. На западе Памир ограничен меридиональным участком ущелья р. Пяндж, а на юге — хребтом Гиндукуш, реками Вахан-дара и Пяндж.

Большая часть Памира принадлежит Советскому Союзу, только Кашгарские горы (Китайская Народная Республика) и Ваханский хребет (Афганистан) находятся за его пределами.

В Кашгарских горах поднимаются высочайшие вершины всего Памира — Кунгур II (7719 м) и Музтагата (7546 м). Советская часть этой горной системы также имеет ряд весьма значительных вершин: пик Сталина (7495 м), пики Ленина и Корженевской (7134 м и 7105 м).

Памир имеет на карте форму четырехугольника, сплошь исчерченного коричневыми линиями хребтов и голубыми пятнами ледников. От гигантского, площадью около 60 тыс. кв. км, узла во все стороны расходятся величайшие горные системы Азии: Гиндукуш на юге, Каракорум и Гималаи на юго-востоке, Куньлунь на востоке, Тянь-Шань на северо-востоке, Памиро-Алай на севере и Паропамиз на западе. Между этими горами на западе и востоке к Памиру примыкают огромные межгорные впадины: Южно-Таджикская депрессия и Таримская впадина. Здесь пустыни почти вплотную подступают к снежным горам.

Окраинные хребты Памира поднимаются над его срединной частью как края гигантской чаши, на дне которой среди пустынных котловин и ущелий как драгоценные камни голубой, зеленой и черной окраски сверкают озера.

Советская часть Памира делится на две резко отличающиеся по характеру рельефа и природе области: Восточный и Западный Памир.

Восточный Памир — высоко поднятое пустынное нагорье с широкими долинами и котловинами. Над пологими днищами долин поднимаются сглаженные выветриванием полуразрушенные невысокие горы. Склоны их и долины на большом протяжении покрыты осыпями, обломками окружающих скал и моренами — следами ныне исчезнувших мощных ледников. Долины подняты здесь на высоту 4000 м, вершины же достигают 5000—5800 м. Современных ледников здесь нет почти, только несколько более высоких хребтов — Музкольский, Зулумарт и другие — своими снежными вершинами вносят разнообразие в монотонный пейзаж. В центре Восточного Памира на высоте 3914 м находится одно из крупнейших высокогорных озер мира — Кара-Куль площадью 383 кв. км.

Необычайная сухость климата (в некоторых долинах годовое количество осадков не превышает 40 мм) наложила отпечаток на всю природу этой страны. На первый взгляд Восточный Памир безжизнен. Но это неверно. Растительность приспособилась к трудным условиям существования, к резкой смене температур дня и ночи, к холодной длительной зиме, к недостатку влаги. До 500 видов растений насчитывают здесь ботаники. Чаще всего это терескен и различная полынь. Но их невысокие под цвет местности кустики не сразу заметны. Южнее Музкольского хребта в долины проникает больше влаги и травяной покров образует довольно хорошие летние пастбища. Животный мир Восточного Памира небогат. Наиболее крупный представитель четвероногих здесь горный баран — архар. Много грызунов. Тысячи сурковых нор темнеют на склонах. Порой можно увидеть маленького памирского зайца и пищуху. У озер летом встречаются индийские гуси, а возле трупа павшего животного немедленно появляются тибетский ворон и огромный снежный гриф.

Восточный Памир в свою очередь делится широтным Музкольским хребтом на северную и южную части. С востока он ограничен Сарыкольским хребтом, по которому

проходит граница СССР с Китайской Народной Республикой. Сарыкол — это главный водораздел системы рек Пянджа и Тарима. В юго-восточном углу Памира тянутся широтные хребты Пшартский, Базардаринский и Южно-Аличурский.

Условно границу между Восточным и Западным Памиром можно провести по меридиональному хребту Зулумарт. Он отходит на юг от Заалайского хребта вблизи массива пика Ленина (от вершины пика Единства). Далее эта граница пойдет на юг, несколько отклоняясь то в одну, то в другую сторону. Точно установить ее нельзя, переход от одного типа рельефа к другому происходит постепенно. Вернее было бы говорить о переходной зоне. Вполне выражен западнопамирский рельеф, примерно от линии другой меридиональной цепи гор — хребта Академии Наук.

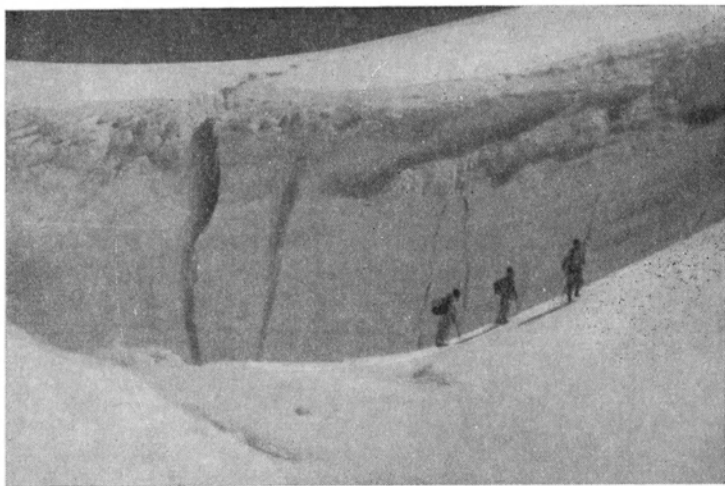
В этой переходной зоне расположены (с севера на юг) широтные хребты системы Зулумарта: Белеули и Каинды, хребет Танымас, западная часть хребта Музкол и массив Бакчигир.

На собственно Западном Памире к хребту Академии Наук примыкает ряд широтных хребтов. Это огромные дуги, обращенные выпуклостью на север. Самым северным является сложный хребет Петра Первого. В месте его стыка с хребтом Академии Наук поднимается пик Сталина. Весь горный район вблизи этих хребтов представляет собой сложную, запутанную систему горных узлов, кряжей, высоких пиков и мощных ледников.

Дальше на юг, как застывшие волны каменного моря, протянулись широтные цепи гор. Следующим за хребтом Петра Первого лежит Дарвазский, а за ним Ванчский и Язгулемский хребты. Еще южнее, в выступе, образованном р. Пяндж, этот ряд продолжают скалистые, обрывистые вершины Рушанского, Шугнанского и Шахдаринского хребтов. Здесь, в самой южной части Западного Памира, вершины поднимаются почти до 7000 м и на склонах гор также лежат обширные ледяные поля и мощные ледники.

Вся эта область Памира делится на северо-западную его часть (по Язгулемский хребет на юге) и юго-западную.

Ландшафт Западного Памира не похож на то, что мы видим в восточной части страны: глубокие, узкие ущелья

Ледяной склон пика Музтагата, покоренного в 1956 г. советскими и китайскими альпинистами. *Фото П. Скоробогатова*

Летом 1956 г. две группы альпинистов Узбекистана снова штурмовали пик Ленина. *Фото М. Ануфрикова*

После трудного штурма грузинские альпинисты в 1956 г. впервые достигли вершины
пика Москва

с бурными реками; расчлененные на острые вершины хребты; огромные ледники, тянущиеся на десятки километров. Вершины поднимаются над долинами на огромную высоту, до 4000 м. Западный Памир встает барьером на пути западных и юго-западных воздушных потоков, задерживает их влагу, и поэтому климат здесь значительно мягче, чем на Восточном Памире. Открытые на запад долины обладают довольно богатой древесной растительностью. Издревле эти ущелья населены, и жители их занимаются земледелием. Довольно богат и животный мир.

Давно ушли в прошлое предположения о существовании центрального меридионального хребта Болор. Теперь совершенно ясно, что «Горные поднятия Памира представляют собой систему мощных параллельных хребтов широтного направления, восточная половина которых, как бы спаянная между собой на высоте 4000 м днищами пологих долин и бессточных котловин, образует Восточный Памир, а западные отделены друг от друга узкими глубокими долинами рек, впадающих в Пяндж на уровне 1600—1800 м. Система широтных хребтов в ряде случаев осложнена хребтами меридионального направления...»¹. Основные хребты — широтные, они возникли в результате горообразовательных процессов и примерно соответствуют простиранию горных пород. Меридиональные хребты — результат последующего разрушения горной страны, ее размыва.

Картографический материал, полученный в результате последней точной топографической съемки, позволил уточнить размеры оледенения Памира². Число всех сколь угодно значительных ледников (длиной от 1,5 км) составляет 1085, а общая площадь оледенения достигает 8041 кв. км, что составляет до 11 % общей площади этой страны³. Это огромный резервуар воды, питающий крупнейшую реку Средней Азии — Аму-Дарью. От режима накопления твердых осадков в горах и стока талых вод зависят условия жизни в значительной части Таджикистана, Туркмении и других территорий. Ясно поэтому, как важно изучение Памирского высокогорья.

¹ Р. Д. Забиров. Оледенение Памира, Географиз, 1955, стр. 12.

² Эта работа проделана Р. Д. Забиным.

³ На Кавказе ледники занимают 1,36% поверхности.

Название «Памир» впервые встречается в описаниях путешествия Сюань Цзяна. Он упоминает долину По-милло. Марко Поло называет долину Ramier, расположенную за страной Вахан. Английские исследователи второй половины XIX в., основываясь, повидимому, на описании характера долины Памира киргизами, пришли к выводу, что Памир — имя нарицательное. Гордон считал, что Памиром местные жители называют всякую пустыню; местность заброшенную, не населенную, но обширную и пригодную для заселения. Лейтнер указывал, что слово «Памир» значит «высоко поднятая степная долина, плоскогорье или плато». Очевидно, эти определения возникли на основе описания какой-то местности. Они исходили из неверного представления о Памире как о плато. Тем не менее первое время Памир был географами разделен на ряд памиров (Большой Памир, Малый Памир, Памир-Аличур, Памир-Харгут, Памир-Тагдумбаш и др.).

Однако уже в 1883 г. Д. Л. Иванов указывал, что Памир — имя собственное. Превращение его в нарицательное — дело главным образом английских путешественников, не разобравшихся как следует в вопросе. В действительности под названием Памир киргизы, как это было отмечено многими позднейшими исследователями, знают лишь одну долину: правой составляющей Пянджа — реки, вытекающей из оз. Зоркуль.

Русские ученые вскоре отказались от нарицательного названия Памиров и стали называть Памиром Восточную часть горной страны. Долины западной части сперва именовались по названиям мелких государственных образований: Дарвазом, Рушаном, Шугнаном и Ваханом. По мере исследования гор границы Памира отодвигались на запад. Уже Д. Л. Иванов проводит западную границу по линии первых оседлых поселений в долинах правых притоков Пянджа. Он делит Памир на восточную, луговую часть и западную — Горный Памир.

Современные границы и понимание названия «Памир» укоренились уже с началом исследований советского периода.

Немало было споров и в связи с попытками найти объяснение значения слова «Памир». Многие исследователи

при этом исходили из неправильного положения, что название относится ко всей горной стране. Так возникли, например, отождествления слова «Памир» с Бам-и-дунья — крыша мира и Бам-яр — крыша земли. Толкователей мало смущало, что подчас они соединяли слова, принадлежащие народам с разными языками. Н. Л. Корженевский после своего путешествия 1903 г. сообщил, со слов одного казачьего офицера, что в районе Читраля у местного населения есть металлические кольца, на которых выгравированы слова: По-и-мор, что значит — Подножие смерти. Этого было достаточно, чтобы появился еще один романтический перевод слова «Памир»!

Все эти «Крыши мира», «Подножия смерти» получили широкое распространение в очерковой и научно-популярной литературе. Они так подходили к ореолу загадочности, окружавшему эту страну. Но загадки Памира раскрыты, и пора более трезво подойти к переводу этого названия. Объяснение слова «Памир» должно исходить из того, что название первоначально относилось лишь к одной, к тому же малопримечательной, долине. Одновременно название скорее всего отражает, как и большинство местных названий, положение или характер долины Памира.

С этой точки зрения стоит вспомнить, что на прилегающих к югу Памира территориях слово «мир» весьма употребительно и означает гору вообще. На иранском языке слово «пан» (пай) означает — нога (следует вспомнить, что юго-запад Памира населен горными таджиками, говорящими на языке, родственном иранскому). Тогда Памир — нога гор, или подножие гор¹. Это весьма точно отражает положение долины р. Памир, лежащей, как известно, на древнем пути через горы, на подступах к перевалам в Кашгар и на современный Восточный Памир (перевал Харгуш).

* * *

*

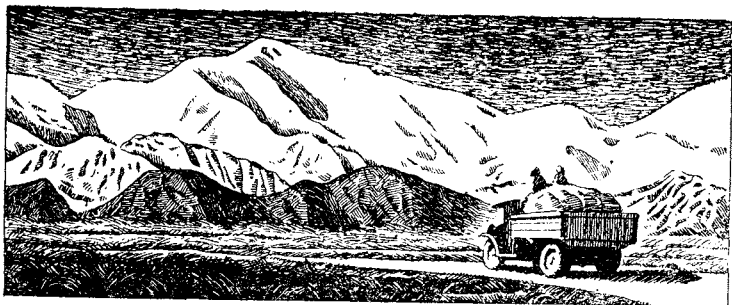
Альпинисты внесли свой вклад в дело исследования высокогорного Памира. Участвуя в экспедициях, совместно с учеными или решая спортивные задачи, они под-

¹ Такое объяснение среди многих других приводит, например, Кэрзон (G. N. Curson. The Pamirs and source of the oxus, «The Geographical Journal», sep. u oct. 1896, London, 1896).

час первыми проникали в труднодоступные районы, первыми описывали их.

Ниже в ряде очерков рассказывается о наиболее интересных и значительных из этих походов и восхождений. Но история исследования и изучения Памира не кончается сегодняшним днем. В нее еще будет вписано немало увлекательных и славных страниц.

ПИК ЛЕНИНА

Солнце еще было за горизонтом, но на востоке уже посветлело. Темные контуры гор все более четко вырисовывались на фоне рассветного неба. Постепенно, как на пластинке, опущенной в проявитель, выступали детали окружающего пейзажа. На темной массе гор все яснее виден снежный покров. Из серого он становится белым. Склоны хребта сливались с еще темной впадиной широкой Алайской долины. Черные скалы и темные склоны подножий хребтов придали объемность величественной панораме.

Все уже можно свободно рассмотреть. Снежные пики тянутся сплошной цепью с востока на запад. В неглубоких ущельях скрываются языки ледников. Первый луч солнца скользнул по немногочисленным облакам, и они окрасились в нежные розоватые тона. Затем загорелись вершинные снега самой высокой горы.

Уже давно заметили люди огромный, покрытый снегом и льдом массив, выделяющийся даже среди могучих вершин стража Памира — Заалайского хребта. До 1928 г. пик Ленина (7134 м) считался самой высокой горой Советского Союза ¹.

¹ Тогда его высота считалась равной 7127 м.

Солнце поднималось все выше, и один за другим освещались пики Заалая. Вскоре все его снега сверкали в ярких лучах, а внизу зеленела трава богатейших пастбищ Алайской долины.

В последний раз щелкнул затвор фотоаппарата. Головной верблюд каравана двинулся вперед, и вскоре, подчиняясь его мерному шагу, люди и животные втянулись в ритм движения.

Путешественники и геолого-поисковые партии, зоологи и ботаники, топографы и гидрологи все ближе подступали к горам Западного Памира. Вокруг «белого пятна» на карте каждый год появлялись то реки, то очертания конца еще неведомого ледника.

Северные склоны Заалайского хребта, ограничивающего «белое пятно» на севере, посещались и описывались уже неоднократно и до некоторой степени не представляли более секрета. Зато южные склоны были неизвестны, почти так же как бассейн ледника Федченко.

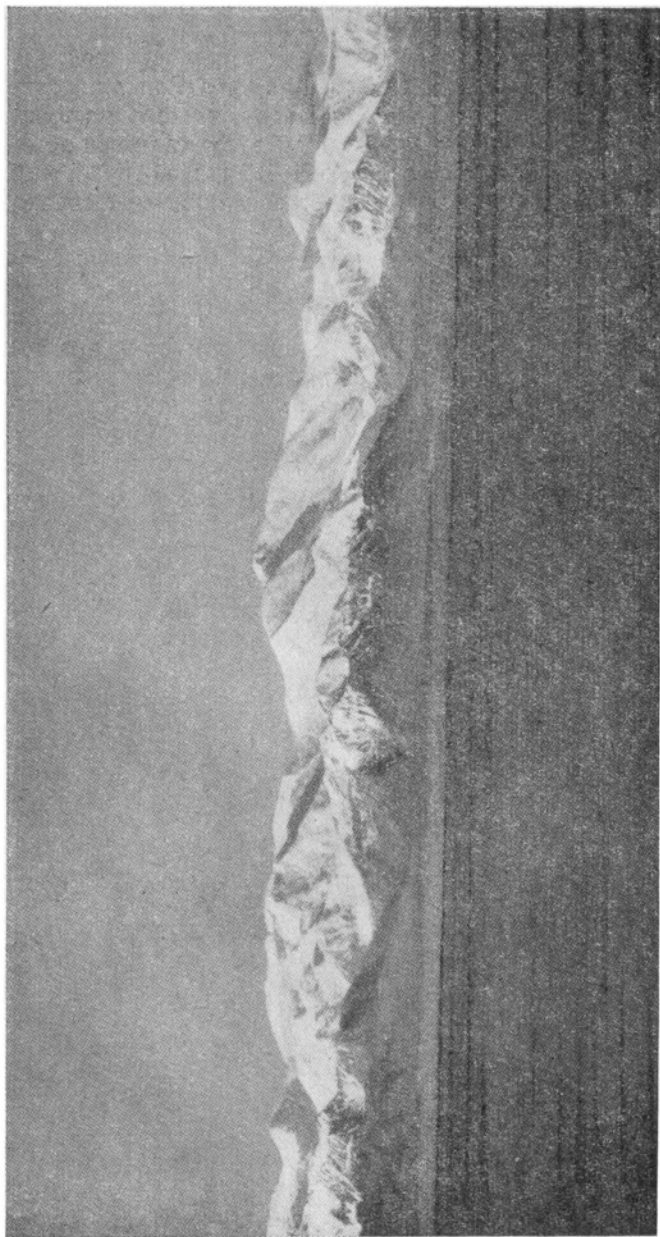
1

В 1928 г. на Западном Памире работали отряды экспедиции Академии наук. После двух месяцев, проведенных в походах и восхождениях на Восточном Памире и в районе ледника Федченко, немецкие альпинисты — участники экспедиции собрались в селении Алтын-Мазар. Отсюда было сравнительно близко к южным склонам пика Ленина. Восхождение на высочайшую вершину Заалайского хребта манило альпинистов с первых дней их появления на Памире.

В восхождении должны были принять участие К. Вин, Э. Альвейн и Э. Шнайдер. Борхорс, также входивший в эту группу, еще не оправился от сильных ушибов, полученных при неудачной переправе через реку.

В середине дня 18 сентября небольшой караван покинул Алтын-Мазар. С альпинистами отправлялись зоолог доктор Нот и один из членов советской части экспедиции — Л. А. Перлин. Два таджика-носильщика Дарио и Бодар, оба родом из дикого ущелья Бартанг, гнали барана — живой запас мяса.

Знакомая тропа к леднику Федченко вскоре осталась позади; путники свернули в ущелье Саукдары и двинулись без дороги между нагромождениями камней. Крутые

Над Алайской долиной сверкают вечные снега Заскайского хребта. Посередине — пик Ленина

склоны обрывами спускались к долине. Поток извивался, прижимаясь то к одному, то к другому берегу. Каравану приходилось то и дело переправляться через холодные, пенные струи Саукдары. Немцы не уставали удивляться искусству, с которым Дарио и Бодор, тяжело нагруженные, переходили через поток. При этом таджики обычно успевали перегнать и несчастного барана, который выбирался на противоположный берег еле живым от страха и обильно поглощенной воды.

Лошадей удалось провести до урочища Кызгун-Токай. Здесь последняя трава, хорошая вода — удобное место для лагеря. Отсюда 21 сентября альпинисты отправились на поиски подступов к вершине. Они считали, что длительное пребывание среди ледников, подъемы на сравнительно большие высоты вполне подготовили их к предстоящим трудностям восхождения на пик Ленина. Но в горах уже началась осень. Свежий снег лежал низко на склонах окружающих гор. У вершин бушевали снежные метели.

Нот остался в лагере; три немецких альпиниста, Л. Перлин и таджики двинулись вверх по долине. Они взяли с собой продовольствия из расчета на 5—6 дней — больше унести в рюкзаках было невозможно.

По плоскому щебнистому дну долины группа уверенно продвигалась вперед. Около полудня, однако, людей задержала река. Поток придвинулся вплотную к обрывистым склонам, пришлось взобраться на скалы и по ним обходить затопленную часть долины. Только что миновали альпинисты это препятствие, как путь им преградила темная масса языка большого ледника. Спускаясь из бокового ущелья, он выползал в долину Саукдары.

Один за другим путники вскарабкались на подвижную морену, покрывавшую лед. Они считали, что уже достигли главного ледника долины. Но когда поднялись достаточно высоко, перед ними открылось продолжение долины¹. Радость была преждевременной. Еще несколько километров нужно было пройти в направлении на восток. Вдали виднелся второй ледник. Не доходя до него, группа остановилась на ночь. И снова подъем на ледник, и снова неизвестно, что же за ним. Но на этот раз группа

¹ С того времени этот ледник отступил и уж не перегораживает всю долину.

уже стояла на Большом Саукдаринском леднике, спускавшемся с севера.

Альпинисты двинулись вверх по леднику. Сперва они шли по дну глубокой ложбины между льдом и скалистым краем долины, затем выбрались на старую морену. Изгиб ледника им удалось срезать. Это была удача,— в месте поворота лед разорван множеством трещин. Теперь группа шла прямо на север, к склонам Заалая.

По широкой ледяной поверхности тянулись черные полосы срединных морен. Между двумя моренными грядами устроили очередной лагерь. Перлин, который и так уже прошел дальше, чем предполагал, решил повернуть назад. Ему пришлось вернуться, так и не увидев пика Ленина с юга, зачем он и пошел с группой.

Из общей 25-километровой длины ледника около 20 километров приходится на его северную часть. Немцы и таджики-носильщики продолжали утомительный путь по буграм морены. По льду идти было бы еще хуже: его поверхность изборозжена глубокими руслами ручьев, разорвана широкими трещинами. Там и сям видны ледниковые озера. Часов около 5 вечера альпинисты увидели впереди — в гребне Заалайского хребта — седловину, с которой, казалось, начинался ледник. Но где же пик Ленина? Вершина его отсюда не видна, и разобраться в правильном направлении трудно.

Следующий день, 23 сентября, начался с преодоления дикого лабиринта ледяных башен и трещин. В этом месте в основной ледяной поток справа внедрялся приток. Прошел час, покуда группа не выбралась на ровную поверхность и пошла быстрее, то по льду, то по морене.

От еще далекой седловины на запад поднимался гребень, приводивший к внушительной покрытой фирном вершине. В сторону ледника она была обращена ледяным обрывом. Неужели же это пик Ленина? Не может быть! Немцы считали, что пик должен быть на восток от седла.

Между тем ледяная поверхность ступенями поднималась все выше. Итти было нелегко: то под тонким слоем снега скрывался предательский твердый лед, то склон прерывался трещинами. Третью ночевку группа провела на последней ступени. Здесь еще были небольшие каменные площадки. Носильщики шли далеко позади, и, дождавшись, когда они подойдут, немцы кое-как при помощи знаков и отдельных таджикских слов объяснили, что им

предстоит здесь дожидаться возвращения восходителей. Дарио и Бодор получили палатку, а также немного продуктов и остались одни на высоте 5200 м. Они с удивлением смотрели на удалявшихся немцев, которые не объяснили, да, вероятно, и не смогли бы объяснить, зачем они идут выше в горы.

Альпинисты продолжали подъем к седловине, имея в рюкзаках запас продовольствия на два дня. Они шли между крутых стен контрфорсов. Сильный ветер трепал их одежду. Лед сменился фирном, а они все также размеренно и упорно поднимались к седловине. Около 5 часов вечера достигли цели.

С седловины, с высоты 5820 м, открылась широкая панорама Алайской долины, но где находится пик Ленина — оставалось неясным. С трудом отыскивали альпинисты достаточно защищенное от южного ветра место и поставили свою маленькую палатку. Она едва вмещала трех человек, все вещи пришлось оставить снаружи. Снаружи же пришлось разжечь спиртовую кухню. Альвейн попытался натопить немного воды из снега, но огонь давал мало тепла и то и дело гас под ударами холодного ветра. Все тепло от горящего спирта выдувало. Обязанности повара в таких условиях граничили с самопожертвованием.

Больше всего альпинистов беспокоила неясность: где вершина? После долгих споров решили идти по гребню на восток. Ночь была очень холодной. Термометр анероида показывал — 28°. Вновь поднялся западный ветер, и палатку трепало так, что, казалось, не выдержат растяжки, привязанные к вмерзшим в снег кошкам. Наутро люди долго не могли согреться. С трудом натянули они замерзшие за ночь ботинки.

В 7 часов утра альпинисты покинули седловину и пошли на восток. Через час они достигли далеко выдающегося на север выступа гребня (6100 м). Отсюда на большом протяжении были видны склоны и вершины Заалайского хребта. Далее на восток гребень снижался к пику Кызыл-Агын. Ошибка стала очевидной: к пику Ленина нужно было с седловины идти на запад.

Пришлось вернуться к палатке и провести здесь еще одну тяжелую ночь. На этот раз было немного теплее — 18° и ветер меньше трепал палатку. Наученные горьким опытом, альпинисты спрятали на ночь обувь в спальные мешки.

25 сентября в 8 ч. 20 м. тройка снова покинула седловину, на этот раз двигаясь в направлении на запад. С собой альпинисты взяли мешок-палатку Здарского, немного конфет, шоколад и сухофрукты. Собственно говоря, ничего другого у них уже не оставалось. До вершины предстояло набрать еще 1300 м высоты, а сколь длинным будет путь — никто из восходителей не знал. Задача трудная даже для восхождения на значительно меньших высотах. На подъем до вершины в распоряжении группы было 7 часов, следовательно, нужно было подниматься в среднем на 200 м в час. Однако восходители знали: чем выше, тем темп будет более медленным; значит, первую часть пути нужно было проделать еще более быстро. Единственным серьезным козырем немцев в борьбе с вершиной была двухмесячная акклиматизация на высотах до 6600 м.

Альпинисты уверенно шли в кошках по твердому фирну. Вскоре по пути к первому крутому взлету¹ попался участок глубокого рыхлого снега, где пришлось порядком потрудиться, чтобы проложить путь. Через час после выхода все трое забрались в мешок-палатку и немного отдохнули.

С утра светило яркое солнце, но сильный ветер продувал людей насквозь. Около полудня группа достигла выступа гребня, возвышавшегося самостоятельной вершиной. Высота по альтиметру была 6770 м. Отсюда открылся вид на длинный гребень и вершину пика в конце его. Предстояло потерять 50 м высоты — это было очень досадно. Спустившись с вершины, альпинисты двинулись по длинному гребню. Вскоре они перестали ощущать пальцы ног. Это верный признак обморожения, но немцы не останавливались даже, чтобы растереть ноги. Их взгляды были устремлены вперед, к вершине. Цель была близка, она неудержимо тянула к себе, заставляя забывать о страшной опасности.

А пока что нужно было преодолеть многочисленные подъемы и спуски волнообразного гребня. Время тянулось медленно, но еще медленнее приближалась вершина. Наконец, — основание вершинной части массива. Настроение восходителей улучшилось. На высоте 7100 м они

¹ Так альпинисты называют крутые, но плавные (без резких перегибов) подъемы скалистого гребня.

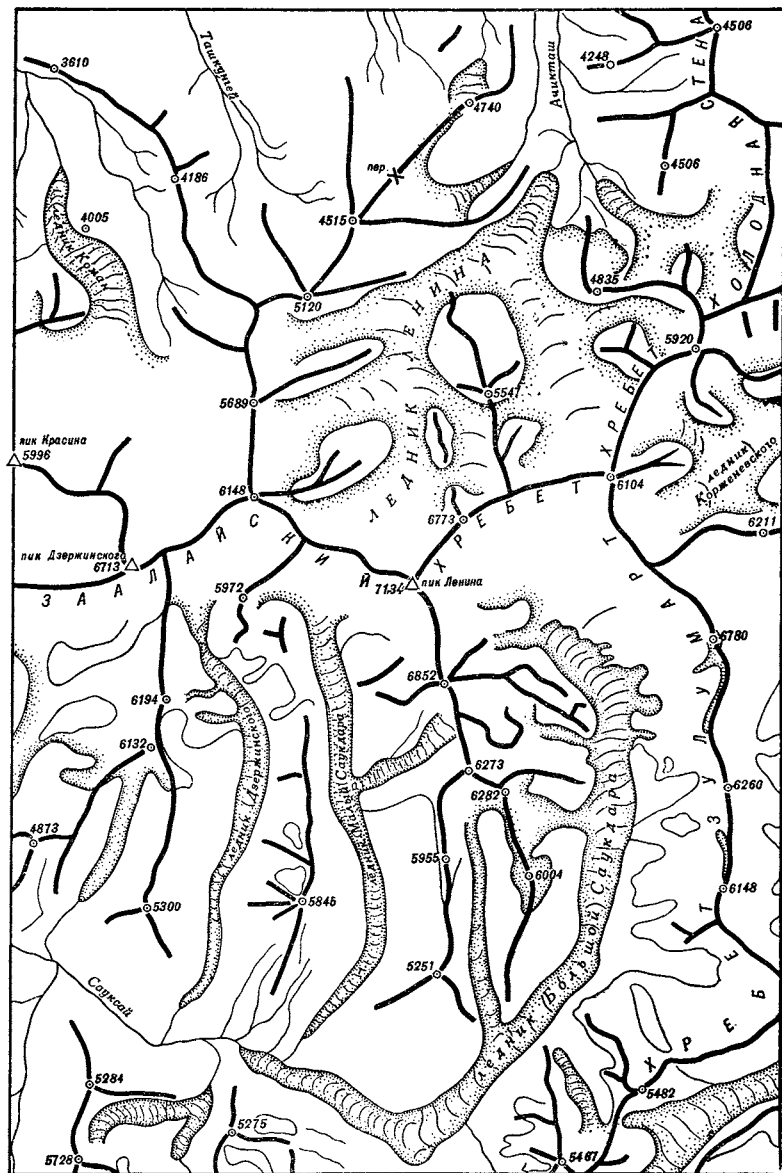

Схема района пика Ленина

сложили свои и без того нетяжелые рюкзаки и пошли дальше. Отдыхи стали более частыми. Сначала останавливались каждые 50 м, потом — 30 м; а у конца подъема присаживались на снег через каждые 10 м. О последней части пути у восходителей осталось лишь тягостное воспоминание о все нарастающей трудности подъема. На последних 150 м у вершины уклон достиг 50°. Альпинисты уже не могли здраво оценивать обстановку, они помнили одно — вперед.

В 15 ч. 30 м. Шнейдер, Вин и Альвейн вступили на вершину. Высшая точка представляла собой небольшой скалистый выступ. Стрелка высотомера остановилась на последней цифре шкалы — на отметке 7000 м. Немцы пожали друг другу руки и тяжело дыша повалились на снег у камней. На юге и западе все было скрыто туманом. На север круто спускались склоны пика. Еще более круто обрывались южные склоны.

Холод и позднее время заставили альпинистов вскоре же отправиться в обратный путь. В 17 ч. 45 м. они уже были на седловине. Перспектива еще одной холодной ночевки не улыбалась немцам, и, несмотря на начинавшиеся сумерки, они решили продолжать спуск. Когда собирали палатку, нашли под снегом остатки продуктов; это позволило немного подкрепить силы.

К леднику спускались уже при свете луны. Шнейдер и Альвейн едва передвигали помороженные ноги. Вин чувствовал себя лучше, но тоже был на пределе сил. Он был настолько измучен, что оказался не в силах взглянуть на часы, когда группа достигла площадки 5200 м. Носильщиков там не было. На следующий день немцы продолжали спуск. Кое-как добрались до пункта, где расстались с Перлиным. Отсюда Вин пошел вперед за помощью и вскоре увидел ожидавших их таджиков. Восхождение было окончено.

* *
*

В следующем, 1929 г. Геологический комитет и Центральный совет ОПТЭ организовали экспедицию к южным склонам Заалайского хребта. Немецкие альпинисты, штурмовавшие из Саукдары пик Ленина, не сделали съемки долины и окружающих ее хребтов. Оставалась неизученной и западная часть Заалайского хребта. Эту за-

дачу предстояло еще решить. Участники экспедиции намеревались обследовать и пик «7495 м», который принимали тогда за пик Гармо.

Караван пересек Алайскую долину и углубился в ущелье р. Алтындара. Преодолев перевал Терсагар, альпинисты спустились к кишлаку Алтын-Мазар. Попытка переправиться через полые воды Муксу и ее притоков оказалась безрезультатной; от обследования пика Гармо пришлось отказаться.

Но и Саукдара не хотела пропускать исследователей. Геологической группе экспедиции удалось проникнуть в долину, пройдя одним из боковых перевалов. В 15 км от устья Саукдары в Джугурчане был устроен продовольственный склад. Только 22 августа, когда снизился уровень воды в притоках Саукдары, удалось альпинистам пройти в верховья долины. Через день альпинисты и топографы, отпустив лошадей — им дальше не было пути, — двинулись через боковые ледники.

1 сентября группа достигла высоты 5000 м и вступила на фирновые поля. Впереди виднелось понижение хребта. Не перевал ли там? Это предстояло узнать в дальнейшем.

Пока что начальник экспедиции Н. В. Крыленко сделал две попытки подняться на пик Ленина. Обе были неудачны. В первый раз альпинистов с высоты 5600 м заставила вернуться снежная буря; во время второй попытки группа, поднявшись до высоты 6850 м, немного не дошла до вершинного гребня. Впрочем, оба раза альпинисты пытались подняться на вершину «с хода», без заброски промежуточных лагерей.

15 сентября Крыленко с Нагума-Новым поднялись на седловину. На север в Алайскую долину спуск был возможен, но путь был нелегким. Когда альпинисты покинули перевальную точку, было 12 часов дня; к вечеру они спустились до высоты 4750 м и здесь были вынуждены остановиться на ночь. Ниже извивался изборозженный множеством трещин ледник. Ледник этот был назван именем Ленина. Только на третий день спуска группа достигла Алайской долины. Участники экспедиции составили карту ледников долины Саукдары и открыли новые ледники на северных склонах пика.

Спускаясь с перевала, Крыленко мог детально осмотреть северные склоны пика Ленина. Вглядываясь в перегибы снежной поверхности, наблюдая за извилинами ре-

бер и гребня, альпинист пришел к выводу: с севера можно подняться на вершину. Нелегко, но можно!

Гребневая линия массива проходит на высоте около 7000 м. В восточной части она довольно резко понижается к перевальной седловине до 5828 м. В начале понижения гребня от него на север отходит мощное ребро, постепенно снижающееся в сторону Алайской долины. Вершина пика Ленина находится в западном конце длинного массива, лишь ненамного поднимаясь над гребнем.

2

Длинная цепочка людей покидала лагерь на северных склонах пика. Уходили участники и инструкторы высокогорного похода альпинистов Среднеазиатского военного округа, уходили связисты и врачи колонны. В завесе падающего снега исчез силуэт замыкающего...

Евгений Абалаков стряхнул с штормовки снег и полез в маленькую палатку. Следом за ним, распирая полотняные стенки тесного сооружения, туда же забрались и остальные.

Шесть человек оставались в лагере. Три инструктора и три участника альпиниады должны завершить дело, начатое всем коллективом: дойти до вершины пика Ленина. Собравшись в тесной палатке, они еще раз обсуждают план восхождения: четыре дня на путь до гребня и один день до вершины. Спуск вниз должен занять два дня, а «запас на непогоду» в расчете времени выражался четырьмя днями.

Снегопад к вечеру прекратился, и на следующий день, к моменту выхода ясная морозная погода благоприятствовала людям. За первый день небольшая группа поднялась сразу на 1500 м — вдвое быстрее, чем этот путь продолжал ранее весь отряд альпиниады (21 человек).

В лагере «5700» ночью был сильный ветер со снегом. Двинуться дальше на следующий день удалось лишь после полудня, когда немного потеплело и утих ветер. Впереди группы шли братья Абалаковы — Виталий и Евгений. Они пробивали тропу в глубоком снегу. За ними продвигались остальные. Этот участок пути был одним из самых трудных: склон достигал большой крутизны, и люди напрягали все силы. Только на 300 м поднялись в этот день альпинисты. Остальную часть дня они посвя-

тили отдыху. Впереди еще много трудностей, и нужно было экономить силы.

Еще один день напряженного движения вверх по крутому склону. У двух участников восхождения — инструктора С. Ганецкого и Астахова появились признаки обморожения ног. Группе приходилось несколько раз останавливаться, чтобы оттирать побелевшие пальцы ног пострадавших. Дальше идти им нельзя.

7 сентября Евгений Абалаков по распоряжению начальника группы Н. Чернухи отправился вниз сопровождать заболевших товарищей. Обидно, конечно, поворачивать назад, когда самая неприятная и трудная часть пути осталась позади. Особенно обидно это делать Евгению Абалакову, который прекрасно себя чувствует. Но отпустить людей с помороженными ногами одних нельзя, и он молча поворачивает вниз.

Виталий Абалаков, Н. Чернуха и И. Лукин продолжали упорно двигаться вперед.

«Шли весь день. Налетел туман, начинал и переставал падать снег — мы с тупым безразличием пробивали ударами ног смертельно надоевший наст, падали, поднимались и поднимали друг друга.

От переутомления и высоты болит голова, мучительно отдается каждый удар ногой по снегу.

...В голове постоянно вертится мысль о безрассудности неравной борьбы, мерещатся костры, море, жаркое солнце — а ноги все также упорно пробивают путь к гребню, туда, где на каменной глыбе бережно обвитый алым сукном стоит бюст великого вождя, который знал лишь один путь — вперед»¹. К вечеру достигли восточного гребня вершины и устроили очередной бивак. Здесь стоял бюст Ленина, оставленный 29 августа отрядом.

«Опять всю ночь трепало, подбрасывало палатку, сквозь малейшие отверстия просачивалась снежная пыль. Отсыревшие мешки не грели, мучительная дрожь прерывала тяжелое оцепенение. Вот она, обманчивая тишина гор! Лучше было потерять лишний час, но укрыть палатку от ветра, вкопать в склон, сделать защитную стенку»².

Начинался день 8 сентября. Последний день штурма!

¹ В. М. Абалаков. На пик Ленина, сб. «К вершинам советской земли», Географгиз, 1949, стр. 345.

² Там же, стр. 346.

Небо безоблачно, но людей леденит своим дыханием ветер. Абалаков мучительно думает: продуктов достаточно, можно оборудовать защиту от ветра и провести в палатке день-другой в ожидании безветренной и более теплой погоды. Но выдержит ли группа выматывающую неподвижность «отсидки». Вот их безразличные, заросшие щетиной лица, ввалившиеся щеки и заострившиеся носы. Нужно идти вперед, пока есть еще силы двигаться, иначе можно оказаться не в состоянии даже спуститься.

Итак, несмотря на тридцатиградусный мороз и ветер, альпинисты около 12 часов вышли из своего лагеря почти налегке. В рюкзаке, который несли по очереди,— бюст Ленина и немного продуктов.

«Широкий гребень. Глянцевый, обдутый фирн, уплотненный постоянными ветрами, гладок, как паркет, но толчки ветра качают нас из стороны в сторону и заставляют с силой опираться на ледоруб. Крепко сжимающие стальную головку ледоруба пальцы стынут...»¹.

Альпинисты часто останавливались, чтобы оттереть замерзающие руки. Первым шел Виталий Абалаков, и первым же медленно поднялся он по последнему крутому подъему перед самой вершиной.

Как всегда, к концу дня начала портиться погода, но альпинисты продолжали свой трудный путь: до вершины оставалось немного, и, хотя они теперь останавливались для отдыха каждые пять метров, все же они твердо знали, что дойдут.

«Делаю бороздки лопаткой (ледоруба.— Д. З.) и медленно, медленно пробиваюсь к выступам скал, таким близким по расстоянию, но не по времени. Почти час ушел на вырубание ступеней на протяжении каких-нибудь 40 м, час изнурительной работы...»

...Поднимаюсь на крутую стенку, приподнимаю голову — дальше ровное снежное плато с выступами скал. Ближайший, правильной, как постамент, формы камень выглядит высшей точкой...»².

Складывать тур из камней было нелегко. Замерзшие руки не слушались, то и дело мучила одышка. Однако и это сделано. Бюст Ленина стоит на каменном постаменте. В металлической банке лежит записка о восхождении.

¹ Там же, стр. 347—348.

² Там же, стр. 348.

Тура и записки немцев советские альпинисты на вершине, несмотря на тщательные поиски, не нашли. Но нужно вспомнить, в каком состоянии завершали подъем Альвейн, Шнейдер и Вин.

3

Манящая тайна первовосхождений была позади: люди достигли вершины с юга и с севера. Но пик Ленина по-прежнему притягивал внимание альпинистов. Причин тому было много. Среди семитысячников Советского Союза это была вершина с наиболее доступными и короткими подступами. К Алайской долине после завершения строительства Памирского тракта можно было доехать на автомобиле из г. Ош за один день. Путь к ледникам северного склона пика со стороны долины был доступен для выючных животных. Маршрут к вершине не представлял исключительных трудностей, и подготовка восхождения не должна была быть длительной.

Таким образом, пик Ленина оказался превосходной вершиной для высотной тренировки альпинистов, и вместе с тем восхождение на него, как всякий подъем на семитысячник, продолжало считаться значительным спортивным достижением.

Вероятно, поэтому восхождение на пик Ленина было предложено как основная задача спортивного похода — альпиниады бойцов и командиров Среднеазиатского военного округа (САВО) в 1936 г.

В советском альпинизме это были годы альпиниад. В кавказских горах колонны людей поднимались на вершины высочайших гор Европы. В 1933 г. на вершину Эльбруса взошло 58 участников альпиниады Красной Армии. В следующем, 1934 г. на этой же вершине их было 276 человек. Затем на Эльбрус взошли 600 колхозников Кабардинской автономной республики. В течение одного только 1935 г. на этой вершине побывало 2016 человек. Многолюдные колонны поднимались и на Казбек.

Теперь массовый поход был нацелен на склоны пика Ленина. По примеру одной из воинских частей, совершивших восхождение на Казбек, на пик Ленина должно было подняться подразделение: сводная рота спортсменов со всем вооружением и техническим оснащением. Для руководства подготовкой к восхождению и штурмом

пика были привлечены известные инструкторы-альпинисты: из Москвы и Ленинграда, ростовчане и тбилисцы.

Хозяйство похода было очень сложным. В состав альпиниады входили не только участники будущего восхождения. Среди ее отрядов были саперы и связисты, врачи и кинооператоры, метеорологи и шоферы. Специально выделенные люди занимались обеспечением транспорта и хозяйственного обслуживания.

Будущие альпинисты еще проходили подготовку и тренировались на склонах Туркестанского хребта, когда к подножию пика прибыла основная группа инструкторов. На высоте 4200 м среди камней морены возник первый лагерь. Небольшими группами выходили альпинисты на разведку склонов пика, ледяного потока ледника Ленина, склонов окружающих гор. Путь на вершину был выбран по северо-западному ребру. Он был крут, но наиболее короток.

Сложная задача — устроить вспомогательные лагеря для такого большого количества людей. Еще труднее доставить туда необходимые припасы и снаряжение. Место для второго лагеря выбрали на высоте 5100 м. По осыпям и моренам, лежащим на склонах у подножия пика, зигзагами вилась тропа, проложенная совместными усилиями альпинистов и саперов. Теперь до высоты 4900 м могли подняться выючные животные.

Ранним утром несколько ишаков, с трудом приведенных в лагерь «4200», были навьючены. Раздались громкие крики погонщиков, удары палок. Ослы собрались в кучу, сбивая друг у друга прилаженные выюки. Их резкий крик временами покрывал все другие звуки. Наконец, порядок был восстановлен, и клубок из животных и людей начал распутываться. Очень медленно двигался караван, далеко растянувшись по зигзагам тропы. То и дело приходилось поправлять сползающие выюки. Но все же животные поднимались вверх, и вскоре первая партия груза была доставлена к окончанию тропы.

По Алайской долине от заставы Бардобо двигался основной состав похода. Его участники закончили подготовку тренировочным восхождением на вершину 5300 м и теперь шли к своей основной цели — пику Ленина.

1 августа на морене у подножия пика было очень шумно. Не простым делом оказалось устроить всех при-

бывших людей и животных. Никогда до этого окружающие вершины не видели сразу такого скопления людей.

Уже на следующий день после прибытия отряда учеба его участников продолжилась. Нужно было привыкнуть выполнять приемы передвижения на большей, чем раньше, высоте, выбивать ногой ступени в снегу или рубить их ледорубом во льду, не задыхаясь от недостатка воздуха. Не менее важно было приобрести навыки устройства бивуака в снегах пика. На одни палатки полагаться было нельзя, и инструкторы обучали бойцов строить снежные хижины, рыть в фирне пещеры. Целый городок учебных убежищ вырос на склоне.

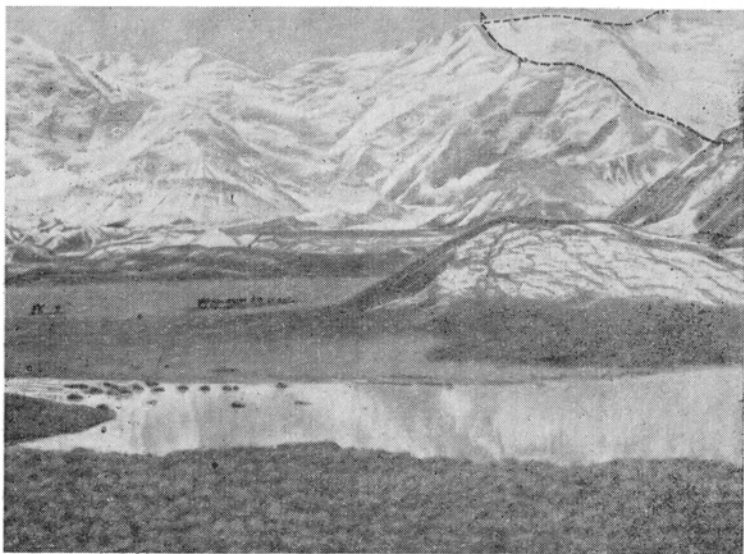
9 августа будущие участники восхождения во главе с инструкторами двинулись в акклиматизационный поход. Нужно привыкнуть к высоте, и лучше всего это было сделать в походе. Но акклиматизационный поход имел и другую задачу. На высотах 5900 и 6200 м на пути к вершине возникли следующие лагеря. Более двух с половиной тонн грузов было поднято в лагерь «5100». До лагеря «6200» принесли их около тонны.

Три часа на крутом фирновом склоне устраивали лагерь. Сказалась предварительная тренировка: снежные пещеры получались аккуратными, и их темные отверстия одно за другим быстро возникали на склоне. Но в лагере «6200» ночевать остались только инструкторы. Все остальные возвратились в лагерь «4200».

12 инструкторов на следующий день вышли в дальнейшую разведку пути к вершинам. До высоты 6700 м добрались они в этот же день, несмотря на непрерывный снегопад и туман.

Покуда шла интенсивная подготовка к штурму пика Ленина, группа инструкторов в составе Е. Белецкого, И. Федорова, В. Кизеля и Б. Олейникова была выделена для восхождения на соседнюю на западе вершину — пик Дзержинского (6713 м).

В 1936 г. исполнилось 10 лет со дня смерти Ф. Э. Дзержинского, и альпинисты решили в честь его памяти совершить восхождение на вершину, названную именем этого пламенного большевика. Пик Дзержинского поднимается красивой снежной пирамидой. Попытка совершить восхождение прямо с ледника Ленина по восточному гребню оказалась неудачной — пути здесь не было. Пришлось перевалить через западный гребень пика Ленина на ледник

Северные склоны пика Ленина. Пунктиром показан маршрут восхождений

Фото Д. Гущина

Дзержинского и начать подъем оттуда. К вершине направились лишь двое: Е. А. Белецкий и И. Г. Федоров. Остальные двое чувствовали себя плохо и остались внизу.

Штурм вершины начался 11 августа. За этот день нужно было подняться на оставшиеся 700 м. Из последнего лагеря двойка вышла налегке и после трудного пути в 15 ч. 30 м. устанавливала бюст Феликса Эдмундовича на вершине пика его имени. Спуск был менее благополучным. Начинались сумерки, когда альпинисты достигли пологого гребня с большим снежным карнизом.

Сильный ветер проносил через гребень густые облака, и кругом ничего не было видно. Края гребня у карниза расплывались во тьме. Следы, оставленные при подъеме, замело, но останавливаться на ночлег налегке на такой высоте было опасно, и люди осторожно двигались дальше. Вдруг Белецкий, шедший первым, сорвался с гребня и полетел вниз, Федоров удержал веревку, и его товарищ повис в нескольких метрах ниже. Выбраться наверх в темноте Белецкому не удалось, и он, устроившись в ледяном жо-

лобе, просидел там всю ночь. Федоров же, закрепив веревку, вырыл в снегу пещеру и скорчился в ней.

Утром альпинисты благополучно спустились вниз. Они не только одержали спортивную победу, но и отметили ряд неточностей существующей карты, в особенности в отношении ледника Дзержинского.

Вернувшись, Е. Белецкий и И. Федоров включились в состав отряда, выходявшего на штурм пика Ленина.

...3 дня отдыха у подножия пика прошли быстро. Врачи произвели последнюю проверку. Участники, отправляющиеся на восхождение, уже распределены на отделения, по числу инструкторов. Проверены радиостанции, установлены позывные. Все готово.

Было 10 часов утра, когда передовая группа — шесть человек — вышла из лагеря «4200» и направилась вверх по склону. Сообщение метеорологов экспедиции предвещало хорошую погоду, и альпинисты бодро шли вверх. Это группа разведки, головной отряд всего похода. В нее входят сильнейшие инструкторы.

Авангард еще не успел намного подняться по склону, когда следом длинной змеей вытянулась цепочка основного отряда. Отделения растянулись на большом расстоянии, и их темная, движущаяся линия очертила на склоне зигзаг тропы. Колонна идет намного медленнее разведки, и к 6 часам вечера прибывает в лагерь «5100», где никого уже нет. Шестерка инструкторов успела за этот день дойти до следующего лагеря «5800». Они поднялись за один день на 1600 м.

Утром из покрытых инеем палаток один за другим вылезли участники восхождения. Их ждал приятный сюрприз. Еще раньше в этот лагерь были занесены выючные кухни, и повара угощали проснувшихся товарищей вкусным горячим супом. Завтрак не задержал выхода. Отсюда участники, кроме оружия и патронов, должны были нести в своем рюкзаке трехдневный запас питания, спальный мешок и палатки.

Капитан Мизевич и начальник штурма Л. Бархаш отдают приказание о выходе. Снова длинная цепочка людей, извиваясь, вытягивается по снежному склону. Кинооператоры снимают торжественный момент выхода.

Снова день медленного подъема и ночлег в снежных убежищах лагеря «5800». Здесь выючных кухонь уже нет,

и для получения воды и приготовления пищи используются разборные альпинистские кухни, на 1,5—2 л каждая.

На следующий день колонна движется дальше, а в лагере «5800» остаются 4 человека. У двоих малярия, у остальных — горная болезнь.

В этот день приходится двигаться по крутому склону — до 40—50°. Люди часто останавливаются и отдыхают. Общий темп нарушен, и каждое отделение движется самостоятельно. Особенно трудно идти пулеметчикам. Их оружие — не только тяжелый груз; большая масса металла на морозе охладилась и отбирает тепло у несущего ее человека.

Намного выше по склону виден лагерь «6200», а еще дальше темные фигурки шестерки альпинистов, которая попрежнему идет на переход впереди...

Лагерь «6200». Палатки стоят в нишах, вырытых в крутом снежном склоне. Начинается снегопад. Снег идет всю ночь, он не прекращается и на следующий день.

Поземка крутит падающий снег. Мороз — 20°. Видимости нет, и двигаться дальше нельзя. В одно из просветлений вниз отправляется следующая партия заболевших. Здоровые лежат в своих спальных мешках, и весь лагерь, растянувшийся метров на 150 по склону, кажется пустынным. Людей не видно. Палатки занесены слоем снега, и лишь иногда то там, то здесь как бы из-под сугроба появляется темная фигурка человека. Он стряхивает снег, придавивший крышу брезентового домика, и снова ныряет под его низкий свод.

Незаметно дневная полутьма снежной метели перешла в ночную мглу. Не переставая падает снег. Его непрочный покров ложится на крутые склоны, на корку смерзшегося фирна, на лед. Увеличивается толщина сугробов, увеличивается тяжесть их. Нарастает страшная опасность лавин: вес слоя свежего снега в какой-то момент сравняется с силой сцепления его со склоном. И тогда достаточно ничтожного, незаметного толчка, чтобы тысячетонные снежные массы ринулись вниз, сокрушая все на своем пути.

За второй ночью брезжит серое утро. Порывами налетает ветер, и тучи быстро проносятся над гребнем. Но снегопад уменьшается и ветер слабеет. В час дня колонна снова выступает вверх, а вниз спускается еще одна группа заболевших. Но погода вскоре снова ухудшилась. Колонна

двигалась в густом тумане, стараясь выйти к месту, назначенному для следующего лагеря.

Вскоре после возобновления снегопада рядом с идущими людьми возник шелестящий звук. У самых ног по склону побежала линия излома, а ниже ее со все нарастающей скоростью и грохотом понесся вниз снежный пласт.

Прошло еще несколько минут, и след колонны там, где только что шло последнее ее звено, перекрыла другая лавина. Положение становилось угрожающим. В своем стремлении во что бы то ни стало дойти к вершине руководитель восхождения Л. Бархаш забыл старое альпинистское правило: «После снегопада дай сойти лавинам из свежего снега и только потом иди на восхождение».

Не успела отгреметь вторая лавина, как на альпинистов налетела третья — она задела несколько человек своим краем и протащила их вниз метров на 40. За ней еще одна сорвала пятерых. А потом еще и еще. Итти дальше — значило наверняка потерять многих участников восхождения. И отряд повернул назад к лагерю «6200». К счастью, лавины, накрывшие звенья колонны, были небольшими, и сорванные ими люди, пролетев десяток метров крутого участка склона, вместе со снегом вскоре оставались на более пологом месте. Все они отделались лишь ушибами.

Лагерь «6200» не был также достаточно безопасным местом. Инструкторы посоветовали вырыть глубокие снежные пещеры и переночевать в них.

Уже темнеет. Почти все в лагере забрались в свои пещеры и спят или ужинают. Снег все идет и идет. Все тихо, и вдруг где-то над лагерем — характерный нарастающий шелестящий звук. Лавина идет!

Несколько больших лавин одна за другой прошли через лагерь. Там, где на снегу чернели входы в пещеры, теперь ничего не было видно. Лишь две или три крайние пещеры оказались незатронутыми. Люди выбрались оттуда и бросились на помощь засыпанном товарищам.

Одну за другой откапывали они пещеры, и оттуда вылезали люди. Несколько секунд они смотрели кругом непонимающими глазами, затем приходили в себя и, схватив лопатки, бросались помогать товарищам. Это было нелегким делом. Лавины продолжали итти, и нескольких спасателей сбило с ног снежной пылью.

Но вот все пещеры откопаны. Бархаш торопится. Решено немедленно спускаться еще ниже, в более безопасное место. Спускаются даже те, кого помяла лавина,— им помогают итти товарищи. Но не все идут вниз. В лагере «6200» остается тело пулеметчика Помогайбо. Из пещеры он был извлечен уже мертвым...

Спуск во тьме, в хаосе снежной пурги, надолго запомнится его участникам. Первое звено протаптыкает тропу в глубоком снегу. Но через несколько часов приходится остановиться,— отряд вышел на какую-то площадку; где он находится, неизвестно, и есть опасность в темноте выйти на крутые ледяные сбросы. На площадке люди проводят остаток ночи в снежных ямах, завернувшись в спальные мешки. Никто не спит — можно замерзнуть.

С рассветом спуск продолжался. А на следующий день следом спустилась вниз и разведка, увидевшая сверху возвращающуюся колонну.

Когда погода улучшилась, труп Помогайбо был спущен вниз. Его похоронили на заставе Бардобо.

4

Неудача восхождения колонны альпиниады не остановила альпинистов. Юбилейная спортивная экспедиция 1937 г. на Памир решила отметить 20-летие Октябрьской революции восхождением на все три семитысячника Западного Памира: пики Ленина, Сталина и Евгении Корженевской.

...Пастухи, пасшие громадное колхозное стадо, подняли головы. Прикрыв от солнца ладонью глаза, старый киргиз с любопытством всматривался в небо. Оттуда доносился негромкий рокот мотора. Не часто над Алайской долиной пролетали тогда самолеты. Старик, засмотревшись, забыл даже свою вечную трубку. Собака, встревоженная непонятным шумом, громко лаяла, кружась вокруг людей.

Вдруг собака остановилась неподвижно. Темный силуэт на небе становился все больше. Самолет развернулся и низко пролетел над стадом. Тысячи овец и баранов шарахнулись в сторону, испуганные ревом мотора. Самолет пролетел еще с полкилометра, пробежал немного, подпрыгивая на неровностях почвы, и затих. За первым самолетом сели второй и третий. Авиазвено альпинистской экспедиции прибыло к месту своей работы. Вскоре сюда

же прикатили автомобили, и здесь возник маленький временный аэродром.

Подготовка к штурму пика Ленина началась в середине июля. Все было, как и в прошлые годы: заброска грузов, устройство лагерей, акклиматизационные походы. На ходе всех дел сказывалось наличие самолетов. Для разведки пути альпинисты облетели кругом вершины. Грузы в верхние лагеря в значительной части были сброшены с воздуха.

Над площадкой лагеря «5100» низко кружил самолет, ведомый летчиком Липкиным. И при каждом круге из кабины штурмана летел вниз на снег ящик. Он летел с высоты 50—80 м и зарывался в снег. Затем самолет заходит на следующий круг, и операция повторялась. Самолет снабжал альпинистов и во время восхождения.

Опасные полеты над склоном пика не обошлись без приключений.

«Это было 30 июля, в самый разгар нашей работы по снабжению продовольствием альпинистов, штурмующих пик Ленина,— пишет летчик т. Липкин.— Самолет находился на высоте 5200 м. Дул ураганный ветер. Сверху и снизу проносились грозные облака. Чувствовался мощный нисходящий поток. Я уже сделал 12 заходов на сбрасывание. Вдруг неожиданно раздался удар. Я почувствовал, как самолет затрясло, и он камнем пошел вниз.

Слева — громадные массивы отвесных скал. Подо мной и справа — обрывы на сотни метров. Впереди — небольшая площадка. Коснувшись немного снежного покрова, самолет, пробежав метров 30, зарылся носом в глубокий снег. Я и находившийся вместе со мной в самолете штурман тов. Сысоев остались невредимыми. Самолет, кроме разбитого в воздухе винта (куском льда или камнем, сорванным со склона.— Д. З.), совершенно не пострадал»¹.

Липкин и Сысоев нашли приют у альпинистов, которые помогли им спуститься вниз, а наиболее ценные части самолета были впоследствии сняты со склонов пика Ленина группой саперов.

Штурм пика начался 10 августа. За день до этого радиостанция альпинистов приняла очередную метеосводку,

¹ М. Липкин. Над вершинами гор. Журн. «На суше и на море», 1938, № 2, стр. 13.

обещавшую хорошую погоду вблизи пика. Штурмующая группа вышла из лагеря «3700» в ущелье р. Ачикташ, где альпинисты отдыхали после подготовительной работы. Движение происходило по намеченному плану.

10 августа. Пройден путь до площадки 4200 м.

11 августа. Альпинисты дошли по леднику Ленина до высоты 4400 м. Отсюда сопровождавшие их погонщики с ишаками повернули назад, а восходители пошли дальше уже с рюкзаками. Кое-где сохранились остатки прошлогодней тропы. Ночлег в лагере «5100».

12 августа. За этот день поднялись всего на пятьсот метров до лагеря «5600». Восходителям приходится нести значительный груз. Но продуктов питания они взяли всего на три дня. Остальное должен доставить вызванный по радио самолет.

13 августа. Вперед выходит тройка во главе с Белецким. Эта группа должна быстро подняться в лагерь «6200» и принять от самолета груз. Остальные медленно движутся по крутому склону. Уже несколько часов идут альпинисты. Вдруг слышен звук мотора. К склонам пика подлетают два самолета. Они делают круги и то скрываются из виду, то пролетают почти над идущими людьми.

Лагерь «6200» располагался на крутом фирновом склоне. Единственным относительно ровным местом была небольшая площадка лагеря — выступ на склоне. На нее то и нужно было летчикам сбросить ящики. Спускать их с парашютом нельзя, — груз отнесло бы далеко по склонам, и, чтобы его достать, пришлось бы потратить очень много времени и труда.

«Чтобы сбросить ящики с продуктами именно на этот выступ, требовалось очень точно определить высоту, на которой летел самолет, силу ветра и вес груза. Небольшая ошибка — и продукты, от которых во многом зависит победное завершение экспедиции, рухнут в пропасть.

Но наши штурманы весьма искусно «бомбили» ящиками лагерь. Ящики с продовольствием, сбрасываемые с самолета, уходили глубоко в снег всего в нескольких шагах от альпинистов. Закончив первый этап работы, самолеты отправились на аэродром, чтобы взять новую партию груза»¹.

¹ М. Липкин. Над вершинами гор. Журн. «На суше и на море», 1938, № 2, стр. 13.

Когда остальная часть группы поднялась к лагерю, Белецкий с товарищами выкопали из снега и собрали весь сброшенный груз.

Погода ухудшилась. Все заволокло облаками. Второго полета самолетов уже не ожидали. Но вот снова раздался звук мотора. В лагере запылал сигнал — бензиновое пламя, и сквозь налетающие облака снова падали на снег ящики. Весь затребованный груз был доставлен.

14 августа. Весь день идет снег, и приходится сидеть в палатках. Это первое нарушение намеченного плана восхождения. Но и оно было предусмотрено в графе «Запас на непогоду».

15 августа. Непогода длилась лишь один день. Теперь же хотя и холодно, но небо чистое. Негреющее солнце ярко освещает свежий снег. Итти по нему очень трудно: приходится все время пробивать глубокую траншею — тропу. За целый день работы группа поднялась всего лишь на 200 м.

16 августа. Опять целый день трудной работы. К 6 часам вечера восходители закончили подъем по северо-западному ребру и вышли на основной гребень хребта. По нему предстоит еще длинный путь до вершины.

Открылась панорама на юг. Теперь с одной стороны, на севере, зеленая Алайская долина; с другой, на юге — бесконечное количество вершин Памира, на западе — его ледники, а на востоке — пустынные долины. Впереди лежит почти ровный, без подъемов, длинный гребень. Лишь возле самой вершины, замыкающей его линию, снова нужно подниматься вверх. Но зато здесь холоднее. Снег на гребне не задерживается — его сметает сильный ветер. Этот же порывистый ветер сбивает с ног альпинистов и леденит тело. Во избежание обморожения лицо приходится закрывать теплой маской.

Лагерь в начале гребня — последний перед вершиной. Белецкий в тесноте палатки кое-как налаживает принесенную с собой радиостанцию, и вскоре позывные «Лены» несутся в эфир. Связь быстро налаживается, но Белецкий ограничивается коротким рапортом о состоянии группы и прекращает работу на время ужина, который уже кипит на безотказной походной кухне. Сосед по палатке, врач-альпинист Розенцвейг, торопит его: нужно быстрее есть, пока еще пища не остыла. Каждая калория представляет здесь ценность для организма.

17 августа. Последний день восхождения. В лагере остается почти весь груз. Альпинисты натягивают на себя теплые вещи, как можно больше теплых вещей, и выходят дальше по гребню. Путь до последнего подъема пройден довольно быстро. На него ушло всего 4 часа. Подъем к самой вершине очень крут. Осталось подняться всего на 200 м. Как всегда, эти последние метры даются труднее всех предыдущих. На склоне приходится рубить ступени — это отнимает много труда и времени. После каждого удара необходим отдых. Рубит Мартынов, затем Белецкий. Сменяет его Поляков. Потом следующий...

Снова появляются самолеты. Они делают круги над вершиной. Летчики машут рукой альпинистам, а те в ответ поднимают ледорубы.

В 6 часов вечера восходители поднимаются последние метры по хрупким, разрушенным скалам и выходят на вершину пика. Замечательная панорама Западного Памира раскрывается перед ними. На вершине среди скал стоит бюст Ленина, поставленный в 1934 г. В. Абалаковым, Лукиным и Чернухой. Он накрыт красным сукном и прекрасно сохранился. На этот раз в тур вместе с запиской восходителей вкладывается текст Конституции Советского Союза.

На вершине задерживаться нельзя. До темноты оставалось мало времени, и альпинисты поспешили в обратный путь.

Так и осталась за пиком Ленина репутация первоклассного объекта для подготовки альпинистов-высотников. В 1934 г. армейские спортсмены первыми пришли на его северные склоны. Ничего удивительного, что и первое послевоенное восхождение на пик Ленина в 1950 г. предприняли они же.

Альпинисты Туркестанского военного округа и Ташкентского дома офицера уже имели в своей спортивной биографии немало побед над вершинами. Но все это были сравнительно небольшие высоты. Настало время для серьезной пробы сил.

К пику Ленина направлялась спортивная молодежь. Немудрено, что альпинисты с замиранием сердца дожидались момента, когда на спуске с перевала Талдык откроется панорама Заалайского хребта и вид на прославленную вершину. Машина делает поворот. Еще один. Уплывает в сторону тень склона. Вот она, Алайская

долина. Какая жалость — небо покрыто облаками. Они цепляются за снежные склоны, окутывают вершины гор. Но впечатление все же огромно. Можно разглядеть основные вершины хребта и среди них величественный массив пика Ленина.

Скорее к цели. Пока вершина существовала лишь в рассказах В. Рацека — начальника похода, она по-разному рисовалась в представлении десятков людей. Но теперь каждый видит ее. Она не такая, какой была в мечтах, но ореол ее не померк. Как магнит тянет она альпинистов. Возникает страстное желание скорее добраться до этих белоснежных склонов, изборожденных следами огромных лавин, испытать свои силы в борьбе с препятствиями и трудностями, которые нагромодила на пути восходителя природа.

Но до этого еще далеко. Впереди — путь по Алайской долине, переправа через красно-бурый поток Кызылсу, подъем к склонам пика по ущелью Ачикташ. И подготовка, недели подготовки к восхождению.

Подготовка. Она складывается из очень многих элементов. Прежде всего люди. Они должны быть готовы к суровым испытаниям. Каждое утро, как бы ни было холодно, в ведро и непогоду, под лучами горячего солнца и в дождь они по сигналу выскакивают из своих маленьких палаток и строятся на зарядку. Уж будьте покойны, упражнения подобраны трудные! Мастер спорта И. Юхин постарался. Однако даже самой сложной зарядки мало, и альпинисты отправляются в походы, одолевают высокие снежные перевалы, поднимаются на вершины. Четыре восхождения совершили члены будущей штурмовой группы, прежде чем вступить на склоны пика Ленина.

А в это время вспомогательные группы тоже готовили восхождение. Доставлялись нужные грузы, придирчиво отбирались продукты высотного рациона. В воздух поднимались самолеты, чтобы еще и еще раз осмотреть склоны пика, путь будущего подъема.

13 лет прошло с последнего восхождения на пик. Утро 9 августа — день выхода на штурм — было исключительно погожим. Снег искрился в лучах солнца. В палатках лагеря «4200» раздавались шутки и смех. Но вот все стихло. Строй альпинистов застыл в торжественном молчании. К вершине — марш!

Начался трудный путь. Часть его была знакома по разведывательным походам, часть — по описаниям.

Подъем совершался по намеченному расписанию. Первый день — до высоты 5200 м; второй — через трудный ледяной склон к снежному плато на высоте 5800 м. Здесь осталась вспомогательная группа. Она должна была наблюдать за движением товарищей к вершине.

11 августа стал для восходителей тяжелым днем. Была достигнута уже значительная высота, а путь шел по наиболее крутому участку: через заснеженные скалы ребра. Все дни погода была благоприятной, зато по ночам свирепствовал мороз, бушевал сильный ветер. Палатки приходилось закапывать в снег, залезать в спальные мешки, предварительно натянув на себя все теплые вещи. Так было и на этот раз. Очередной, пятый лагерь был устроен на высоте 6400 м.

Высота давала себя знать. Рацек решил провести здесь день — лучше будет акклиматизация.

Среди бескрайних снежных склонов маленькие палатки не выглядели одинокими, заброшенными: ведь штурмовая группа насчитывала 14 человек! Над склонами пика раздавалась песня, веселый гомон. Шумно отпраздновали день рождения альпиниста В. Аксенова. Везет же человеку: который уже раз он отмечает свой юбилей на пути к вершине!

— Желаю каждый год так праздновать, — кричит кто-то, поднимая кружку с чаем, приправленным клюквенным экстрактом.

На снег легли синие тени. Близился вечер. Зеленые луга Алайской долины начали темнеть. Только вершины гор еще светились в лучах угасающего солнца. Лагерь затихал. И в эти спокойные часы, когда спать еще рано, а делать нечего, в памяти встают образы тех, кто много лет назад прокладывал путь к вершине пика. Быть может, здесь же когда-то стояла одинокая палатка В. Абалакова и двух его спутников. Вдалеке виднеется северо-западное ребро пика. Не там ли на выступе боролись с лавинами участники похода 1936 г.? Не там ли мелькала обсыпанная снегом фигура доктора Розенцвейга с алюминиевой миской в руках, яростно раскапывающего снег, закрывший вход в одну из ям, где засыпаны люди?..

Бр-р! Холод заползает в приоткрытый полог палатки. Пора, однако, спать. Завтра — снова трудный день.

14 августа. Сильными порывами ветер атакует четыре палатки на гребне. Резкий треск разорванного полотна. Еще и еще. В разорванные полотнища двух палаток врываються облака колючего снега. Но починкой заниматься некогда — нужно выходить в последний переход. В конце гребня ясно виден взлет вершины.

12 человек вытягиваются цепочкой. Двое, Барабанов и Рябухин, остаются в уцелевших палатках. Горная болезнь!

«...Вот первая связка альпинистов скрылась за выступом последней скалы. Очертания вершины вырисовываются все резче. Еще одно усилие... и связка за связкой, преодолевая крутой фирновый склон, выходят на широкий снежный купол»¹.

Все так же незыблемо стоит каменный тур, на котором покоится завернутый в алое полотнище бюст В. И. Ленина. Единым порывом вырывается громкое «ура!».

На записке, хранящейся в туре, появляются новые имена: В. Рацек, А. Кормщиков, В. Никонов, В. Запороженко, Ю. Маслов, В. Нарышкин, Э. Нагел, И. Рожнов, В. Аксенов, В. Ноздрыхин, В. Ковалев и Ю. Изразль.

Задача выполнена!

* *
*

Альпинисты Ташкентского окружного дома офицера остались верны избранному ими району. В Заалайском хребте еще немало не покоренных никем вершин, малоизученных ущелий. В 1951 г. экспедиция избрала своей целью район восточнее пика Ленина. В ущелье р. Джамал-дартак, крупного левого притока р. Кызылсу, был устроен базовый лагерь. Палатки стояли у конца ледника Корженевского. В верховьях ледника много первоклассных вершин, наиболее высокая из них — Кызыл-Агын (6679 м). Но штурм этой вершины был отложен напоследок, а пока что альпинисты совершали тренировочные восхождения. 16 записок о первовосхождении оставили они в турах. Одну из побежденных вершин они назвали именем Н. Л. Корженевского.

Наконец, началась подготовка штурма. Путь восхождения был обнаружен еще во время тренировочных походов.

¹ И. В. Ю х и н. 12 альпинистов на пике Ленина, «Побежденные вершины, год 1951», Географгиз, 1952, стр. 166.

Теперь на высоте 5300 м был устроен опорный лагерь. Альпинисты спустились в базовый лагерь для отдыха перед штурмом. Но восхождению не суждено было состояться — альпинисты были внезапно отозваны для выполнения другого задания.

Последующие годы высотники Узбекистана работали в районе пика Победы. К пику Ленина они вернулись только в 1954 г.

5

В 1952 г. к пику Ленина прибыла команда альпинистов «Спартак» во главе с заслуженным мастером спорта В. Абалаковым. В 1934 г. Виталий Михайлович первым из советских альпинистов достиг высочайшей вершины Заалай. Теперь он задумал первым пройти через весь гребень массива, совершить траверс пика Ленина.

...Необычным был тот год для Памира. Куда делась известная сухость этих мест? Выдавались ли недели без снегопада в горах, без дождя в долинах? В долинах Восточного Памира, где обычно за год выпадало не более 40 мм осадков, шли непрерывные дожди. Иногда за день выпадало дождя больше, чем полагалось за год. По небу тянулись тяжелые тучи. Космами заползали они в боковые ущелья, исходили мелким осенним дождем.

Знаменитая панорама Заалайского хребта стушевывалась. Вместо бесконечной гряды снежных гор над Алайской долиной висели клубящиеся тучи. Иногда резкий порыв ветра пробивал в них брешь. Тогда на минуту стыдливо проглядывал снежный склон или вершина, и тотчас же вновь исчезали за непроницаемой завесой.

...Кызылсу вздулась, и переправа оказалась совсем не простой. Задержка. Пережидали непогоду — опять задержка. Уходят драгоценные дни июля.

С большим напряжением шла подготовка к выходу. Наконец, кажется, все. Можно идти к вершине. Альпинисты пользуются временным улучшением погоды и покидают свой лагерь у ледника Ленина. Проходят мимо озера у кромки льда, где плавают причудливые айсберги. Подъем начался!

Но так и не суждено было спартаковцам добраться до вершины пика Ленина. Остановившись на бивак на высоте 6700 м, они снова попали в непогоду. Два дня и три ночи

не унимался буран. Два дня и три ночи снежная буря трепала четыре палатки.

«В палатках холодно, несмотря на наглухо застегнутые по́лы. Наши спальные мешки постепенно покрываются слоем тончайшей снежной пыли, которую приходится периодически стряхивать и выгребать ложками.

Но все же в четырехспальном пуховом мешке сравнительно уютно, а монотонное завывание ветра клонит ко сну»¹.

Несмотря на холод, на утомляющее однообразие ожидания, никто не теряет бодрости. Уже отошло возбуждение первого дня, когда то один, то другой альпинист высовывал голову наружу и подолгу следил за тучами: нет ли признаков улучшения? Но их все не было... Томительное течение времени прерывалось лишь два раза в день, в минуты радиосвязи с базовым лагерем. Но в эфир летели все те же слова: «Пережидаем буран...»

Третий день принес новое осложнение. Один из альпинистов, В. Греков, тяжело заболел. Сильная простуда — это очень опасно на большой высоте. Мучительный кашель то и дело сотрясает худощавое тело Грекова, временами он теряет сознание. Решение очевидно — больного нужно срочно спускать. Это наиболее радикальное средство. Но буран не утихает. В таких условиях движение опасно не только для больного.

Еще день и ночь провели альпинисты в палатках. Лишь пятое утро порадовало их солнечными лучами и чистым небом. Надолго ли? С запада уже ползет новая череда туч. Нужно спешить, состояние больного не улучшилось.

Склоны покрыты глубоким слоем свежего сухого снега. Итти очень трудно. След передовой группы быстро заматает. Волокуша с больным, завернутым в спальные мешки и палатку, проваливается в снег. Снова начинается буран. Приходится вернуться. Среди ночи ветер стих. И наутро группа снова двинулась вниз. Больному стало лучше, он даже пытается итти сам. Товарищи заботливо поддерживают его.

К вечеру измученные альпинисты добрались до снежной пещеры на высоте 6100 м. «В пещере тепло и светло от свечей. С наслаждением разуваясь, стягиваемoble-

¹ Я. Г. Аркин. Пик имени XIX съезда партии, «Побежденные вершины, год 1953», Географиз, 1954, стр. 93.

деневшие штормовки. Грекову лучше. Он лежит в сухом мешке, согреваемый с двух сторон товарищами, и блаженно улыбается»¹.

Через два дня группа достигла базового «Зеленого лагеря». Закончилась продолжавшаяся тринадцать дней попытка совершить первый траверс пика Ленина. Если и не была решена спортивная задача, то зато достигнуты более важные результаты: молодые альпинисты команды «Спартак» получили отличную высотную тренировку. Особое внимание во время тренировочных подъемов было уделено практике устройства пещер в снегу. На большой высоте — это дело нелегкое, зато какой уютный и теплый получается бивуак! Не страшен здесь ни ветер, ни метель, меньше опасности от лавин.

Сбор закончен. Многие участники должны возвращаться на работу. Но кое у кого еще есть время. Уже конец августа, ожидается ранняя зима. Об этом предупредили альпинистов пастухи-киргизы. Но неугомонные альпинисты не хотят покидать склоны пика, не добившись спортивного результата.

Прямо против палаток лагеря поднимается над ледником снежный массив. От хребта, за перевалом Крыленко², отходит длинное ребро. Оно примыкает к куполообразной вершине. Альпинисты оценивают ее высоту — 6500 м!³

Снова начинается подготовка к штурму. Дни стоят ясные, хотя уже по-осеннему холодно. На этот раз группа решает подниматься без предварительной заброски лагерей.

31 августа. Пять человек — В. Абалаков, В. Чередова, В. Буслаев, М. Ануфриков и Я. Аркин — покидают «Зеленый лагерь». Группу сопровождают нагруженные аппаратурой кинооператоры Б. Кребс и В. Бидило.

Первая остановка у ледникового озера. Операторы не в силах миновать такой чудесный объект. Пленка запечатлевает белые льдины на голубой поверхности озера, отражение проходящей цепочки людей в воде...

Темп движения избран. Мерным шагом проходит группа морену, пересекает поросшие травой склоны над

¹ Я. Г. Аркин. Пик имени XIX съезда партии, «Побежденные вершины, год 1953», Географгиз, 1954, стр. 97.

² Пройден впервые И. В. Крыленко в 1929 г. (см. выше).

³ Судя по описанию, речь идет о вершине 6104 м на северо-восток от перевала Крыленко.

правым краем ледника. Теперь — вверх по берегу прозрачного ручья. Под ногами шуршат камни осыпи. Снова трава, местами дикий «каменный» лук. Наконец, первые пятна снега. Они становятся более частыми, постепенно сливаются. На ночь отряд останавливается в небольшой ложбине. Невдалеке начинаются снега.

Отсюда виден путь к гребню. На крутых снежных склонах кое-где змеятся черные зигзаги трещин. Если бы и не было борозд — следов лавин, можно бы понять: эта угроза здесь существует. С гребня, в сторону пути подъема, свисает большой карниз. Это тоже угроза.

В 11 часов утра солнце осветит склон ребра. Усилятся скрытые от глаз процессы в толще снега, перенос влаги от нижних горизонтов к верхним. Какой-то слой фирна, испаряясь, становится все более непрочным. Легкое сотрясение, и массы снега ринутся вниз. Лавина.

Значит, склон нужно пройти рано утром, пока он в тени и снег скован ночным морозом.

И альпинисты покидают свой бивак затемно. В одинокой палатке мирным сном спят утомившиеся операторы, а по снегу темными точками движутся две связки. Зигзаги следов пересекают склон.

10 часов утра. Склон еще в тени. Последний, очень крутой подъем выводит альпинистов под самый карниз. Чтобы выбраться на гребень, в наддуве нужно прорубить окно. Абалаков — он впереди — делает первый взмах своим коротким ледорубом...

И вот группа на гребне. Альпинисты с некоторой тревогой всматриваются в пока еще чистое небо, в маленькие облака, собирающиеся над долиной. Душно. Признаки неблагоприятные. Погода скоро испортится. До намеченного для бивуака места еще далеко. Альпинисты спешат, одолевают взлеты гребня, карабкаются по скальным участкам.

Погода и впрямь портится. По брезенту давно уже одетых штормовок с шорохом сыплется снежная крупа. Склоны снова окутываются надоевшими уже тучами. Порывами налетает ветер. Скорей, скорей!

Дело оказывается хуже, чем можно было ожидать. Знакомый, гудящий звук: воздух насыщен электричеством, ледорубы вибрируют. Снег, падающий из туч, смешался с поземкой в один несущийся по склонам вихрь. Внезапно темень прорезала ослепительная молния, другая.

В свете молний вдали рисуется площадка, намеченная для ночлега. Альпинисты упорно пробиваются к ней, ставят рвущиеся из рук палатки.

Скорее забраться внутрь, где мигает в маленьком жестяном фонарике свеча. Только тонкое, хлопающее на ветру полотнище отделяет людей от бушующей стихии. Но они уже «дома». Буря не страшна. Кажется даже, что ее уже не слышно.

Ночь и следующий день — переживание непогоды. 3 сентября альпинисты снова проснулись под шорох несомого ветром снега. Но небо было чистым! Вершина, как врезанная, рисовалась на фоне неба. Через полчаса группа уже шла вперед. Остается не более 800 м подъема по вертикали, да и путь стал проще. Однако идти трудно. Глубокий рассыпчатый снег — плохая опора. Попрежнему сбивает с ног ветер. За ведущим почти не остается следов, но группа метр за метром одолевает подъем. Теперь нужно дойти до вершины: палатка осталась на месте ночлега.

«Становится теплее. Ветер немного стихает. Последние шаги, и перед нами нет больше подъемов. Прямо под ногами — двухкилометровый обрыв на ледник Корженевского... Весь район работы сбора, как на ладони»¹.

Восходители посвятили свою победу XIX съезду партии, о созыве которого узнали по радио.

Спуск, происходивший в не менее сложных условиях, чем подъем, закончился благополучно.

Итак, группе В. Абалакова не удалось совершить свое намерение — траверс пика Ленина. Но эту идею не оставили советские спортсмены. Лишь одно лето склоны пика «отдыхали» от дерзкой поступи людей, стремящихся к вершинам. В 1954 г. снова была поставлена задача траверса. Решить ее взялись альпинисты Узбекистана; экспедицию снова возглавил В. И. Радек.

Маршрут траверса не сложен. Подъем с плато «5300 м» на вершину Раздельная в северо-западном

¹ Я. Г. Аркин. Пик имени XIX съезда партии, «Побежденные вершины, год 1953», Географгиз, 1954, стр. 108.

ребне пика. Отсюда — по гребню на главную вершину массива. Далее — на восток и спуск по пути подъема группы в 1950 г. Траверс должен был начаться в ледниковом лагере «4200 м» и здесь же закончиться. Большая часть пути уже была пройдена ранее. На вершину Раздельная поднималась группа Белецкого, искавшая в 1936 г. путь к пику Дзержинского. Восхождение было повторено во время тренировок в 1952 г. членами команды «Спартак». Восточный гребень и спуск с него проходились неоднократно. Оставалась непройденной лишь верхняя часть северо-западного гребня.

Экспедиция была хорошо обеспечена. Помимо основной группы для прохождения маршрута, в ее составе были вспомогательный отряд из 14 человек, наблюдательный отряд — 4 человека и транспортный отряд — 9 человек.

Траверс начался 28 августа 1954 г. Время позднее для этих мест. Можно было ожидать, что на таком длинном пути альпинистам не раз придется испытать удары непогоды.

Впереди идет вспомогательный отряд. За ним на снегу остается хорошо утоптаный след, и членам штурмовой группы легче идти. Да и весь труд поисков пути между трещинами ледника принял на себя авангард. И это с тяжелыми рюкзаками, где продукты для обеих групп.

За 10 часов альпинисты поднимаются до снежного плато, где на высоте 5300 м возникает первый лагерь траверса.

До вершины Раздельная (6148 м), у начала подъема к предвершинному куполу, второй лагерь — «5800 м». От первого штурмового лагеря до второго отряд идет медленно; за целый день пути — подъем на 500 м. Сказывается высота, ведь путь не очень трудный — это ледяной склон, крутизна которого не превышает 40°.

На следующий день группа продолжала путь, несмотря на сильный ветер. С штурмовым отрядом идут теперь только четыре товарища из вспомогательной группы. Но это килограмм 60 полезного груза. Вот она первая вершина. Но подступы к Раздельной не просты — невдалеке от вершинной площадки склон вздыбливается бугром обнаженного льда. Здесь нужно рубить ступени. На 60-метровом участке их укладывается несколько десятков.

Наконец тур — последняя точка, достигнутая на этом пути предшественниками восходителей. Взмолнованно смотрят альпинисты вперед, туда, где гребень взлетает к вершине массива. До нее еще почти тысяча метров подъема.

Очередной бивак (6000 м) — немного дальше Раздельной. Здесь гребень идет почти ровной линией, есть даже понижение на полторы сотни метров, нечто вроде пологой седловины.

Жестокий холод удерживает людей в палатках. Приходится ждать, когда лучи солнца хоть немного согреют заочневшее тело, оттают изморозь на крышах палаток. Только около полудня выходит группа с места ночлега: пятеро продолжают путь вверх, четверо закончили свою работу и поворачивают обратно. Теплое прощание, пожелания успеха...

Теперь рюкзаки стали тяжелей, а пологая часть гребня как назло кончается. Впереди выступают скалы. Обойти это препятствие не удастся. Ковалев лезет первым, Ноздрюхин страхует его. К счастью, вскоре попадаетесь удобная площадка, и обе связки поднимаются на очередную ступень своего восхождения.

«Если при движении по снегу соблюдается хоть какая-то ритмичность дыхания, то здесь, при лазании по скалам, где часто приходится делать резкие движения, она полностью нарушена. Затрудняют движение и тяжелые подбитые триконями валенки и толстые пуховые рукавицы. За 8 часов изнурительной работы поднимаемся по высоте только на 350 м. Итти дальше нет сил»¹.

Высота 6400 м.

Ночью опять мороз. Снова толстый слой изморози покрывает изнутри крышу и полотнища палатки. Сказывается высота. У восходителей начинает болеть голова, поташнивает. Охватывает апатия — ничего не хочется делать. И, конечно, мучит жажда, но есть совсем не хочется.

Рановато начали страдать от кислородного голодания альпинисты. Это явное следствие того, что их тренировка не включала в должной мере этапов активной акклиматизации. А ведь предстояли восхождения на пики высотой в семь и более тысяч метров.

¹ В. Ноздрюхин. Штурм пика Ленина, «Комсомолец Узбекистана», № 125 от 19 октября 1954 г.

...Все же штурмовая группа снова идет вперед.

«От усталости и ветра нас качает из стороны в сторону. Через каждые 10—15 мин. останавливаемся и отдыхаем, опершись лбом на головку ледоруба, согнувшись в три погибели. В горле сухо от нестерпимой жажды. Болит голова от переутомления и высоты. Мороз все крепчает. Путь уже прост, и единственное теперь препятствие — высота. К концу дня становится ясно, что на вершину мы сегодня не выйдем. А она совсем рядом, видна даже скала со сложенным на ней туром.

Но силы наши на исходе. Нужен отдых!»¹

И альпинисты остановились в 84 м от вершины.

В ответ на сигнальную ракету снизу с ледника поднимается целый фейерверк. Но измученным людям не до любования, они едва заставляют себя проглотить немного пищи. Спать! Но сна нет. Тяжелое забытие, прерываемое стоном товарища.

3 сентября. Два часа хода, и у тура стоят все пятеро: В. Ковалев, В. Ноздрыхин, Э. Нагел, П. Карпов и В. Нарышкин.

Бюст в туре оказался поврежденным. То ли гроза тому виной, то ли ветер. Но альпинисты принесли с собой новый. Оставили они в туре и барельеф герба Узбекской ССР; ведь в 1954 г. исполнялось 30-летие республики.

...Спуск с вершины восходители совершили в головокружительном темпе. Вероятно, даже спасаясь от настигающих их лавин, участники похода 1936 г. не развивали такой скорости. Но удача сопутствовала пятерке. За 9 часов спуска они достигли ледникового лагеря «4200 м». Последнюю тысячу метров они шли в сопровождении товарищей, вышедших им навстречу на плато «5300 м».

6

...Высокий смуглый альпинист повернулся к своему товарищу, низкорослому крепышу с добродушным лицом, озаренным белозубой улыбкой:

— Смотри! — широким жестом Борис Дмитриев обвел вокруг. Небольшой палаточный лагерь стоял на левом берегу мутного потока в расширении долины. Как улицы на большую площадь, сюда открывались устья нескольких боковых долин. С севера виднелась широкая долина, пере-

¹ В. Ноздрыхин. Штурм пика Ленина, «Комсомолец Узбекистана», № 125, от 19 ноября 1954 г.

гороженная обрывом языка ледника Октябрьский; на запад и юго-запад уходили ущелья Байгашки и верховья Караджилги, а на юг — долина Карачима, стесненная множеством отрогов Каракольского хребта.

Самая большая улица — долина Караджилги. Эта река, вытекая из широкой пологой долины, резко сворачивает на юг и впадает в огромное бессточное озеро Кара-Куль. Блуждая по дну долины, река то разделяется на множество рукавов, то сливается в один мутный поток, не очень бурный.

18 июля 1955 г. в долине Караджилги на высоте 4130 м возник базовый лагерь спортивно-тренировочной экспедиции ВЦСПС. Когда перед альпинистами профсоюзов встала задача совместной тренировки с горовосходителями Китайской Народной Республики, организаторы экспедиции, естественно, подумали о районе пика Ленина. Но им не хотелось повторять уже не раз пройденные маршруты. С севера и с юга на пик уже поднимались, не двинуться ли с востока?

К востоку от пика Ленина, сразу же за перевалом Крыленко, Заалайский хребт резко поворачивает на юг, а затем вскоре снова принимает широтное направление. От него на юг отходит сложная система меридионального хребта Зулумарт, водораздела бассейна оз. Кара-Куль и рек, стекающих на запад в Пяндж. На северных склонах этой части Заалайского хребта лежит ледник Корженевского, а на южных, к востоку от Зулумарта, стекают ледники Октябрьский, к западу — Большой Саукдара. Близость к автомобильному пути, множество интересных, еще не покоренных вершин, обычно устойчивая погода и сравнительно малая изученность привлекали в этот район альпинистов.

Впервые еще в 1928 г. долину р. Караджилга посетила группа участников Первой Памирской экспедиции Академии наук: топограф Дорофеев, астроном Беляев, геолог Нот и группа немецких альпинистов. Отсюда немецкие альпинисты пытались проникнуть к пику Ленина: они поднялись на ледник Октябрьский и с трудом прошли большую его часть. Впереди на пути к гребню Зулумарта, на высоте около 6000 м, начинались обширные фирновые поля. Далее от верховий ледника Октябрьский до пика Ленина оставался еще долгий и тяжелый путь по гребням на большой высоте. Немцы повернули назад.

Альпинисты вступают на ледник Октябрьский

Фото Д. Клышко

Во время разведывательных походов немецкие альпинисты совершили несколько интересных восхождений: 9 июля они поднялись на вершину, названную ими Ушба. Этот пик высотой в 5600 м поднимается в хребте Коммунаров, разделяющем долины верховий Караджилги и Байгашки; 14 июля А. Альвейн, Ф. Борхерс, К. Вин, Э. Шнейдер покорили пик Веры Слуцкой (5910 м), названный ими условно Жорас; в северо-восточной части района 18 июля был взят пик Трапедии (6048 м). Кроме этих, наиболее значительных вершин, они побывали на нескольких менее высоких.

Советские альпинисты побывали в этом районе еще лишь один раз,— в 1935 г. участники альпиниады Среднеазиатского военного округа совершили несколько восхождений в северо-западной части района. Они поднялись на пики Трапедия, Кокчукур-баши и Безымянную. С тех пор долину Караджилги лишь изредка посещали топографы и геологи.

Таким образом, участникам экспедиции 1955 г. представлялось обширное поле деятельности.

* *

*

От лагеря до языка ледника недалеко, всего километров семь. По широкой каменистой долине течет р. Карачукур. Впереди долина перегорожена ледником Октябрьский. Необычен его вид: из-под тонкого слоя камней и щебня поверхностной морены поднимаются ледяные столбы и глыбы высотой в пять, десять, а порой и пятнадцать метров. Далее частокол ледяных игл становится все более густым; основания глыб сливаются в едином белом пьедестале из чистого льда.

Евгений Андрианович Белецкий и его заместитель Кирилл Константинович Кузьмин — руководители экспедиции — решили не торопиться с составлением плана восхождений. Нужно было предварительно разведать район, доставить в верховья ледника Октябрьский продовольствие и снаряжение для промежуточных лагерей. Одна за другой выходили из лагеря группы альпинистов к верховьям ледника Октябрьский или на юг, в долины Байгашки и Карачим. С каждым выходом представления о районе все расширялись.

А. С. Гожев с четырьмя товарищами поднялся на гребень хребта Зулумарт между вершинами 6146 и 5538 м и установил, что здесь можно спуститься в долину Саукдары. Это весьма заинтересовало участников экспедиции: ведь если им, как и немцам, не удастся найти пути к пику Ленина из верховий ледника Октябрьский, то, перевалив через Зулумарт, можно было бы воспользоваться уже известным маршрутом с юга. Поэтому четыре альпиниста во главе с Клышко двинулись вверх по западному Октябрьскому леднику, расположенному сравнительно недалеко от лагеря. Разведчикам удалось найти две перевальные седловины в бассейн Саукдары. Возвращаться назад путем подъема было неинтересно, и Клышко повел группу на юг, через отрог, отделявший ледник Западный Октябрьский от долины Байгашки. Красота этой долины с ее зелеными пастбищами в низовьях и причудливыми остроконечными вершинами в верхней части очаровала альпинистов. Их восторженные рассказы увлекли не одного участника экспедиции.

Долина Байгашки привлекала внимание и руководителей экспедиции. Туда направился специальный отряд во

главе с А. И. Ивановым. Шесть альпинистов получили задание описать долину, ее вершины и ледники. Впечатления этой группы не расходились с рассказами Клышко и его товарищей: чудесные места!

Иванов рассказывал, что ледник Володарского, занимающий верховья долины, уже издалека привлекает внимание своей блестящей почти лишенной морены поверхностью. Он залегает в широком 2,5-километровом цирке, а над ним поднимаются красивые вершины пиков Слуцкой, Фрунзе и Урицкого. Огромной лапой кажутся многочисленные притоки на склонах хребта. Эти ледяные пальцы соединяются в один поток шириной немногим менее километра, стекающий на плоское дно долины. Несколько ниже, со склонов хребта Коммунаров, в долину спускаются еще два узких ледника. Крупные ледники есть и на противоположных склонах долины. «Жаль только, что вершины низковаты, не более 5900 м,— для тренировки высотников этого мало. А не то, перебазировать бы туда экспедицию»,— говорил один из разведчиков.

Как ни важны были походы в соседние долины и поiski перевалов, все же основные усилия были направлены в сторону верховий ледника Октябрьский, крупнейшего в районе. Начинаясь на южных склонах Заалайского хребта, он протянулся в длину почти на 18 км и оканчивается на плоском дне долины, на высоте 4290 м. Часть льда здесь скрыта под нагромождением каменных обломков морены, но тем не менее вид ледника шириной около полутора километров производит большое впечатление. Над верхними фирновыми полями ледника царят могучие снежные конусы и пирамиды пика Октябрьский (6780 м), пиков 6673, 6218, 6133 м и пик Кызыл-Агын (6679 м).

Пока готовился поход к верховьям ледника, альпинисты не раз свободные часы посвящали охоте. Нельзя сказать, чтобы им сопутствовала особая удача, но места эти не зря славятся обилием дичи. То и дело «охотники», сами удивленные неожиданным успехом, требовали лошадей или ишаков, чтобы доставить добычу. Свежее мясо приятно разнообразило питание, и поэтому даже обычно строгий Евгений Адрианович относился к «подвигам» такого рода довольно благосклонно. Увлекались охотой и китайские альпинисты.

Наконец, все готово к выходу. Вверх по долине потянулся небольшой караван груженных ишаков. Они могли

пройти несколько километров, немного облегчить труд альпинистов. Животные не были особенно перегружены работой. Почти до лагеря доходила машина, а в нескольких километрах выше кончалась выючная тропа. Караван в этой экспедиции был почти не нужен. Неудивительно, что подводя впоследствии итоги работы экспедиции, ее руководители рекомендовали этот район для постоянного тренировочного лагеря.

...Невысокая худощавая фигурка К. Кузьмина замыкала длинную цепочку людей. Впереди шли, сгибаясь под тяжестью больших рюкзаков, Б. Дмитриев, П. Скоробогатов. Выделяются характерная полная фигура добродушного Е. Иванова, забавный Р. Андреев в коротких брюках, с непомерно раздутым рюкзаком, и еще, и еще... Всего 14 человек.

Все ближе уступчатые ледяные обрывы, обрамленные свисающей с зеленоватых глыб бахромой сосулек, голубые ледниковые озера, в которых отражается темносинее небо, ледяные иглы. По поверхности воды одна за другой проплывают 14 теней. Вдруг всплеск: кто-то сбил ледорубом тяжелую сосульку, и она, подняв столб брызг, разогнала по воде круги, заколебала мирное отражение. Где-то вдалеке прокатился грохот обвала, рокочущим эхом отразился от склонов и, медленно угасая, затерялся среди вершин. Один за другим карабкаются альпинисты на ледяной обрыв. Скоробогатов и А. Иванов, забыв о тяжелых рюкзаках, стрекочут своими кинамами, «ловят» кадры.

Все выше и выше. Позади остались огромные ледяные башни, но на поверхности ледника встречаются все новые препятствия: то широкое русло ледниковой речки, где бурлит поток обжигающе холодной ледяной воды, то лабиринт трещин небольшого ледопада. Уже остался далеко позади первый лагерь, устроенный по пути подъема, и взором людей открылись обширные пространства сверкающего фирна.

Справа в долину вдается короткий отрог хребта. Небольшая полоска камней на льду — место для лагеря. Дальше — только фирн. Час энергичной работы, и под склонами пика 6041 м возник небольшой лагерь. Но разведка пути к вершинам еще не завершена. К. Кузьмин с тремя спутниками двинулся дальше и вступил в фирновый бассейн ледника. Слева высилась вершина пика Ок-

тябрьский, гребень которого тянется на север к Заалайскому хребту, примыкая к вершине, обозначенной на карте как пик 6673 м. Опытный глаз бывалых альпинистов сразу же определил, что обе эти вершины — достойные объекты для восхождений.

Группа прошла фирновый бассейн ледника и поднялась до высоты 6500 м, выяснив путь к пику 6673 м. Оказалось, что к пику Октябрьский можно пройти через эту вершину. Другой путь, на первый взгляд более простой, был вовсе непригоден для движения большой колонны.

Подготовка восхождений на этом не закончилась. Еще раз альпинисты поднялись в лагерь № 2; на этот раз сюда пришли почти все участники экспедиции, доставив грузы, обеспечивающие предстоящий штурм вершины. Еще одну разведку провел К. Кузьмин. С двумя спутниками он поднялся на вершину 6260 м южнее пика Октябрьский и осмотрел его южный гребень.

К 6 августа подготовка была завершена. Белецкий сообщил товарищам план штурма и время выхода.

— А теперь полный отдых,— закончил он.

Три дня, отведенные на отдых и сборы, пролетели быстро. 9 августа из базового лагеря в долине Караджилги вышел небольшой караван: три лошади и семь ишаков. Животные вытянулись гуськом и поплелись вверх по долине по направлению к леднику Октябрьский. В 16 часов двинулись и люди. Шел 21 человек. По правому берегу долины уже была видна довольно торная тропа.

Выход был назначен на поздний час, потому что итти недалеко: в первый день нужно добраться лишь до лагеря № 1. Небольшие светлые палатки теряются на фоне ледяных пирамид и груд моренных нагромождений. В 19 часов альпинисты уже на месте и спешат приготовить ужин, чтобы успеть выспаться.

...Еще раннее утро, но солнце уже поднялось над хребтами, и его лучи согревают поверхность ледника. Все громче журчат ручьи талой воды, то и дело слышится шорох скатывающихся камней, треск льда. Альпинисты идут бодро. По мере того как солнце начинает припекать, то один, то другой стягивает с себя что-нибудь из теплой одежды.

Разведывательные походы и переноска грузов вверх по леднику закалили участников экспедиции,— они уже привыкли к движению на довольно больших высотах. Теперь, несмотря на солидный вес рюкзаков, никто не отстает. Весело улыбаясь, с интересом оглядывают окружающее и китайские альпинисты, впервые попавшие в высокие горы. Вот они: Сюй Дин, Чжоу Чжен, Ши Сю и Ян Те-юань, в таких же костюмах, как и их русские товарищи, с такими же рюкзаками, на первый взгляд не отличимые.

Путь по леднику ясен. Путеводные знаки — маркировка, оставшаяся от разведывательных походов — позволяли уверенно идти вперед. Знаки вели вверх по правой стороне ледника, еще скрытого под камнями морены. Колонна прошла место впадения Западного Октябрьского ледника. Здесь, сжимая долину, справа в нее вдаются склоны пика 5538 м. Белецкий, шедший во главе колонны, решительно свернул на осыпь и, осторожно выбирая место для каждого шага, повел колонну через каменный хаос. Затем альпинисты спустились на поверхность фирна.

Впереди, среди ледяных глыб и трещин, на леднике виднелась темная полоска срединной морены, образованной впадением ледника Кызыл-Агын. Но к ней не так-то просто добраться. Не помогают здесь и знаки маркировки. Интенсивное таяние и постоянно дующие с запада ветры превратили поверхность льда в невероятно запутанный лабиринт ледяных пиков и игл. В промежутках между ними зияют темные ледяные коридоры, глубокие трещины. Местами в промоинах бурлит вода потоков, в небольших ледяных котловинах синеют озера. Каждый шаг требует осторожности и предельного внимания.

То вырубая ступени, то натягивая веревку для страховки, группа настойчиво продвигалась вперед. Те, кто еще не проходил этого пути, удивлялись, как товарищи дважды пронесли вверх тяжелый груз.

Но вот и морена. Здесь идти легче. Еще два часа, и группа подошла к площадке лагеря № 2 на высоте 4900 м. Покуда разбивали палаточный городок и радист Автономов устанавливал рацию для связи с базовым лагерем, Белецкий подвел итоги:

— Отставших не было. Шли дружно и хорошо. До сих пор темп был умеренным — на подходах нужно экономить

силы. Торопитесь с ужином, друзья; сейчас шесть часов вечера, а завтра снова рано вставать.

...Морена кончилась, снова приходится лавировать между трещинами у впадения ледника Кызыл-Агын. Впереди во всю ширь открылась панорама фирновых полей ледника Октябрьский, массив пика Октябрьский, весь путь восхождения.

— Здесь останется группа наблюдения, — сказал Кузьмин. — Она будет видеть все этапы штурма. До скорого свидания, друзья!

Прощание было недолгим. Последние указания Белецкого, и колонна двинулась в путь, огибая с востока нижний цирк. Быстро идти невозможно, то и дело путь преграждают трещины. Их переползают по ажурным «мостикам», перепрыгивают, обходят длинными зигзагами. Чжоу Чжен обратился к товарищу:

— Почему мы идем здесь, ведь правее как будто легче, меньше трещин?

— Правильно, трещин меньше. Но там опаснее. Видишь вертикальные борозды на склонах пика Октябрьский? Это следы лавин. Лучше проделать более трудный, но более безопасный путь.

— Но впереди еще больше трещин, ведь это тоже опасность.

— Да, впереди ледопад, мы обойдем его у подножия отрога того пика, пика 6211 м.

...Очередной лагерь был установлен выше ледопада, на высоте 5500 м. Дневной переход закончили в 18 часов, таяние на леднике еще не прекратилось, и в трещине неподалеку от палаток удалось найти талую воду.

В течение четвертого и пятого дня похода колонна в 19 человек поднималась к гребню Заалайского хребта.

Лагерь № 5 был устроен на высоте 6000 м на ровной снежной площадке в 100 м ниже гребневой линии. Далее группа двигалась уже по гребню, взлеты которого сменялись седлообразными понижениями. Обойти по крутому склону удалось, не потеряв высоты, лишь первое возвышение, остальные пришлось преодолевать.

Около 17 часов группа подошла к месту, где на юг уходил гребень пика 6673 м — первого объекта восхождения. Здесь был устроен очередной лагерь. Палатки стояли у скал гребня, идущего на запад к перевалу Крыленко. Поднялся сильный ветер: он трепал полотнища палаток,

Над ледяными глыбами поднимается пик Октябрьский

Фото К. Кузьмина

забирался под одежду, заставлял, несмотря на раннее время, забраться в теплые спальные мешки.

Видимость была превосходной. На восток уходили массивные вершины Заалая, теснившиеся за ближним пиком Кызыл-Агын. Склон последнего подъема перед лагерем круто падал вниз. На розовеющем в лучах заката снегу синими тенями выделялись глубокие ямы следов, оставленных альпинистами. Глубоко внизу уже затемненные вечерней мглой раскинулись снега ледника Октябрьский.

На юг, юго-запад и запад простиралось бескрайнее море снежных и далее скалистых великанов. Альпинисты узнавали знакомые вершины. Напротив лагеря, над ледником Саукдара поднимался красивый снежный пик. Трудно было на первый взгляд найти слабое место в этой естественной крепости. Белецкий задумчиво сказал:

— Двадцать семь лет назад начали альпинисты осаду пика Ленина, много раз удавалось уже подняться на его вершину, но еще не одна почетная задача стоит перед горовосходителями в этом районе. Вершина, которую мы разглядываем, судя по карте, имеет высоту 6852 м. Она поднимается в южном отроге пика Ленина, и ее можно

считать первоклассным объектом для спортивного восхождения.

...Выйдя в 10 часов утра, группа быстро преодолела 500-метровый широкий гребень, ведущий к пику 6673 м. 19 советских и китайских альпинистов стояли на снежной площадке, окаймленной выступами скал. Короткий митинг. Горячие, прочувствованные слова Чжоу Чженя о дружбе двух великих народов, об их нерушимом единстве. Трепетание двух алых флагов: советского — с серпом и молотом и пятизвездного — Китайской Народной Республики. Первовосходители решили просить назвать вершину пиком Единства.

Тур сложен, нужно двигаться дальше. Радисту Автономову придется вернуться в лагерь на гребне, а остальные 18 человек приступают к спуску по гребню, ведущему на юг, к пику Октябрьский. Гребень то снежный, то иззубренный острыми скалами. Двести метров высоты нужно потерять, прежде чем начать подъем на вершину. Но в этот день группе удалось добраться только до седловины. Здесь, на высоте около 6500 м был установлен шестой по счету лагерь.

...Ночью погода испортилась. Поднялся сильный ветер. Ртуть градусника стремительно падала. Пошел снег, заметалась пурга. Но восходители двинулись дальше. В крутящихся снежных вихрях, среди густого месива затянувших все вокруг облаков трудно ориентироваться, разыскивать путь по крутым снежным взлетам гребня, по оледенелым выходам скал. Несколько часов упорно пробивались люди к невидимой цели: вершина была скрыта в облаках, и лишь изредка порыв ветра на миг отодвигал их завесу.

Наконец, вершина достигнута. Будто отмечая радостное для людей событие, ветер утих, прекратился снегопад и облака поднялись выше. Продрогшие, но довольные, стояли альпинисты на вершине.

...В шесть часов вечера они уже снова занимали места в палатках на седловине. На следующий день, добравшись до лагеря № 5 на гребне, группа разделилась: семь участников восхождения уходили дальше к гребню пика Ленина; М. Шилкин, Б. Шляпцев, Р. Андреев оставались на гребне в качестве второй наблюдательной группы, а Е. Белецкий, В. Автономов, А. Иванов, Д. Клышко, Сюй Дин, Чжоу Чжен, Ши Сю, Ян Те-юань и А. Шкрабкин отправлялись назад в базовый лагерь.

Кирилл Кузьмин, старший группы, оглядел товарищей и коротко сказал: — Пошли!

И они пошли. Впереди был крутой спуск. Гребень изрезан выступами скал, взлетами и понижениями.

Погода вовсе испортилась. В ночь на 17 августа разразилась пурга. Сильный ветер срывал палатки. Люди почти не спали, а наутро выяснилось, что итти нельзя: видимость сократилась до 30—50 м, а ветер сбивал с ног. Весь день провели в палатках.

18 августа. Погода попрежнему плохая, но видимость временами возрастала до 100—200 м. Стараясь перекрыть свист ветра, Кирилл советовался с товарищами: решили итти дальше. Кое-как свернули оледеневшие палатки и, сгибаясь под ударами ветра, пошли по гребню.

Заснеженные скалы крутизной до 40° в таких условиях погоды и высоты — немалое препятствие, но все члены группы не впервые участвуют в высотном восхождении и настойчиво двигались вперед. Голосов не слышно, — слова относит ветром. Но альпинисты уже настолько сработались, что угадывают движения товарища и каждый его следующий шаг.

Очередной взлет гребня? Нет, пожалуй, это самостоятельная вершина. Группа складывает тур. Сильный порыв ветра относит облака, и внизу открывается какая-то седловина. Но прямой спуск на нее очень труден. Пользуясь неожиданным просветлением, группа находит обход по крутым заснеженным плитам скал и глубокому по пояс снегу. За седловиной подъем и опять спуск. Так повторяется много раз. В полном изнеможении альпинисты останавливаются на ночлег на очередной седловинке.

Четвертый день, как группа Кузьмина рассталась с товарищами. Путь к перевалу Крыленко оказался куда более сложным и тяжелым, чем можно было предполагать, а тут еще непогода. Вечером 18 августа на несколько минут ветром отогнало облака в направлении пика Ленина, и альпинисты смогли осмотреть дальнейший путь. Наблюдательная группа не видна, но радиостанции работают безотказно. Маленький ящик посылает ультракороткие волны, которым не страшны непогода и ветер. Они сближают людей, согнувшихся в тесных палатках, в несколь-

ких днях пути друг от друга. Сразу становится как-то теплее.

— Как у вас?

— Все в порядке. А ваши дела?

— Тоже неплохо. Завидуем вам... скучно сидеть на месте без дела!

...19 августа группа продолжала путь в непрекращающуюся пургу. Вскоре, миновав несколько «вершин», альпинисты подошли к пункту 6104 м — узловой вершине Заалайского хребта. На север здесь отходит большой отрог — хребет Холодная стена. Отсюда уже начинается спуск непосредственно на перевал Крыленко.

Итти все трудней. «Погода ухудшается, пронизывающий штормовой ветер, пурга слепит глаза, забивая очки. Гребень становится технически проще, но приходится итти по снегу, глубина до пояса. Спуск к перевалу становится все круче, чувствуется, что к самому леднику склон обрывается бергшрудом. Видимости нет, приходится итти буквально ощупью с тщательной страховкой. Снег переходит в крутой лед, спускаемся на передних зубьях кошек лицом к склону. 200 метров до перевала даются очень трудно. Наконец, преодолев крутой лед и удачно нащупав переход через бергшруд, спускаемся на плато перевала Крыленко»¹.

В средней части обширного снежного поля перевала группа остановилась бивуаком. Перевал укрыт от ветра, и после недавней борьбы с пургой альпинисты с удивлением смотрели на тихо падающий снег, вскоре образовавший вокруг палаток сугробы. Высота около 6000 м.

...Снова плохая погода, сильный ветер, поземка. Но группа идет вперед. Теперь альпинисты двигаются по маршруту восхождения Вина, Альвейна и Шнейдера в 1928 г. и попыток восхождения Н. В. Крыленко в 1929 г. Первый день пути с седловины привел Кузьмина и его спутников к пологой части гребня, где примыкает северный контрфорс пика, по которому обычно совершались подъемы на вершину из долины Ачикташа. Здесь последний перед вершиной бивуак.

21 августа, тринадцатый день похода. Все утро был туман, и группа вышла в путь довольно поздно. Вскоре

¹ Отчет начальника группы К. К. Кузьмина. Архив отдела альпинизма и туризма Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР.

под ногами захрустел твердый фирн вершинного гребня, знакомого по многочисленным описаниям. На высоте 6800 м альпинисты сняли рюкзаки и дальше двигались налегке. Высота 7000 м. Все ближе последний взлет гребня, вершина. Цель близка, но непогода решила напоследок сыграть с людьми злую шутку. Стихший было ветер задул с новой силой, опять заревела пурга, все вокруг скрылось за хаосом несущегося снега. Так и поднялись один за другим все семь альпинистов на вершину и чуть не ощупью разыскивали тур. С вершины группа спустилась к месту, где были оставлены рюкзаки, и здесь остановилась на ночлег.

...Как часто бывает, когда вершина уже достигнута и остается только спуститься, непогода, все время осложнявшая восхождение, закончилась. Еще было холодно и продолжал дуть сильный ветер, но облака разошлись. Накануне за пределами вершинной площадки все было скрыто во мгле. Теперь, как бы в награду победителям, открылась бескрайняя панорама хребтов Памира, Алайской долины, темнеющей глубоко под склонами хребта, а за ней скалистых пиков Алая...

Глубокий снег на спуске не так страшен, как во время подъема, и к 12 часам дня группа уже на перевале Крыленко. Настроение у всех превосходное.

Спуск на юг идет по леднику Саукдара. Впервые за много дней альпинисты разговаривали на ходу: делились впечатлениями, то и дело беззлобно подшучивали друг над другом. Их обросшие многодневной щетиной обветренные лица выглядели диковато. В 3 часа дня достигли мест, где уже журчали ручейки талой воды, и в течение почти полутора часов отдыхали и вволю пили.

В этот день группа спустилась на 1900 м и в 18 ч. 30 м. остановилась на ночлег. Траверс завершен, но еще нужно попасть в свой базовый лагерь по ту сторону хребта Зулумарт. Пригодились результаты проведенных ранее разведывательных походов. Достигнув средней части ледника Саукдара, альпинисты повернули на восток к склонам хребта. Здесь виднеется седловина, через которую лежит сравнительно простой путь на Западный Октябрьский ледник.

...В 8 часов утра 24 августа семь альпинистов стояли шеренгой перед палатками базового лагеря. Кузьмин рапортовал:

— Участники спортивной экспедиции ВЦСПС: Иванов Евгений Иванович, Угаров Алексей Сергеевич, Гожев Александр Сергеевич, Ковырьков Анатолий Иванович, Ско-робогатов Петр Кузьмич и Дмитриев Борис Дмитриевич совершили переход через вершины пик Октябрьский, пик Единства и гребень Заалайского хребта до пика Ленина. Все здоровы и бодры. Начальник группы Кузьмин.

— Поздравляю со спортивной победой, друзья! — ответный возглас Белецкого потонул в дружном «ура!».

* * *

*

Четырнадцатидневный траверс группы Кузьмина открыл еще один путь на вершину пика Ленина, еще один район был покрыт маршрутами советских горвосходителей. Однако возможности восхождений как в самом массиве пика Ленина, так и в прилегающем районе далеко не исчерпаны. Никто еще не пытался подняться на пик с запада, со стороны пика Дзержинского; еще предстоит кому-то штурмовать пик 6852 м в южном отроге массива. А вокруг, в хребте Зулумарт и его отрогах, все еще остается бесчисленное множество непокоренных вершин.

Еще больше нерешенных спортивных задач в самом Заалайском хребте. А немного севернее пика Кызыл-Агын на карте стоит отметка 6842 м. Участок хребта восточнее перевала Кызыларт, где поднимается множество первоклассных снежных гигантов во главе с Курумды (6610 м), также не освоен альпинистами и мало исследован учеными.

Можно рассчитывать, что в ближайшие годы усилиями советских горвосходителей страж Памира — Заалай перестанет быть одним из мало освоенных хребтов.

УЗЕЛ ГАРМО

К ВЫСШЕЙ ТОЧКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Исследователи ценою многих усилий «распутали» загадку узла Гармо. Но вершина 7495 м — пик Сталина, высшая точка Советского Союза — не была еще достигнута. В 1933 г. был поставлен в порядок дня вопрос о восхождении на пик Сталина. Эта задача была включена в план работы Таджико-Памирской экспедиции 1933 г. Специальный отряд № 29 был укомплектован почти исключительно альпинистами. Восхождение преследовало не только спортивные цели. Альпинистам было поручено установить на склонах и вершине пика автоматические метеорологические станции.

Такая станция имеет ветряной двигатель и динамомашину, питающую коротковолновый передатчик. Он автоматически передает сигналы о силе и направлении ветра. Эти автоматические станции должны были дополнять работу большой высокогорной метеостанции, строившейся на леднике Федченко.

1

К подножию пика проще всего пробраться со стороны Алайской долины.

Здесь база экспедиции находилась в Оше. Отсюда альпинисты быстро добрались до заставы Бардоба, рас-

положенной у подножия Заалайского хребта. Недавно построенная памирская автодорога только начала эксплуатироваться, и наряду с быстрыми грузовиками по ней еще медленно двигались караваны. Сотни верблюдов своей покачивающейся походкой несли груз в Синьцзян и Афганистан.

Из Бардобы путь лежал на запад, вдоль Алайской долины. Около 100 км приходится пройти до устья р. Алтын-дара, вверх по которой лежит путь к перевалу Терсагар. За ним открывается спуск в верховья бурной р. Муксу, берущей свое начало у ледника Федченко. Этот перевал издавна известен местным жителям; не раз пересекали его русские исследователи, а с 1929 г. все экспедиции направлялись с севера к леднику Федченко только этим путем: вверх по Муксу от ее устья караваны пройти не могли.

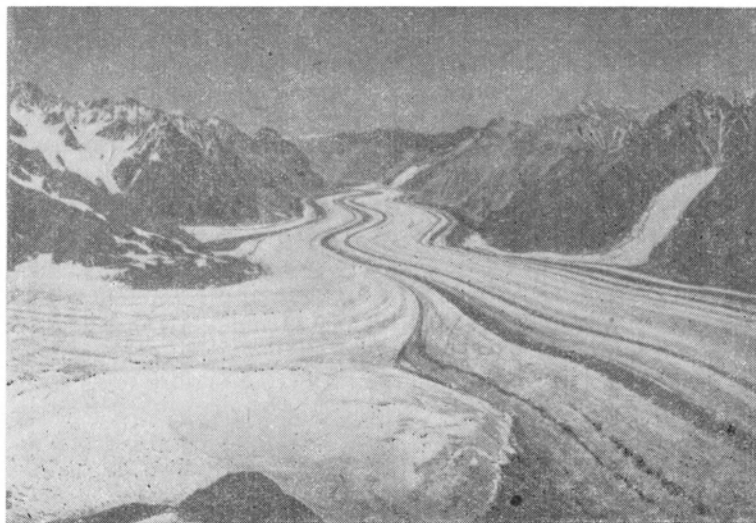
С перевальной точки открывается замечательная панорама широкой плоской долины Муксу и поднимающихся за ней пиков Алтынмазарских гор. Среди них выделяются: Музджилга, Сандал и Шильбе. На склонах видны висячие ледники, изборозжденные тысячами трещин. У их подножия большие конусы снега и льда — следы лавин и обвалов.

В долине на берегу реки расположился кишлак Алтын-Мазар. Это последнее селение на пути альпинистов. Постройки окружены довольно обильной растительностью. Кругом на лугах скот: бараны, верблюды и яки.

Самая сложная задача на первом этапе пути — переправа через стремительные реки. В начале и середине лета, когда таяние снегов в разгаре, это дело чрезвычайно сложное и опасное. Переправа через главное русло Муксу невозможна. Приходится перебираться в утренние часы через ее истоки — Саукдара, Каинды и Сельдара. Первая из них начинается в ледниках южного склона пика Ленина; Сельдара вытекает из ледника Федченко.

Реки растекаются несколькими потоками по широкой долине. Среди груд крупной гальки беснуется мутная красно-коричневая вода Саукдара. Вода Сельдары серая, в такие же тона окрашена галька на ее берегах.

Люди переправляются верхом, ведя на поводу вьючных животных. Приходится торопиться — солнце поднимается все выше, и вода заметно прибывает. Число потоков увеличивается, и вскоре вода заливают почти все дно долины.

На многие километры тянется ледник Федченко

Покуда животное ощущает почву под ногами, все идет хорошо. Когда брод становится глубже, лошадь вынуждена плыть. С потерявшим опору животным вода очень легко справляется, и мало надежды увидеть его вновь живым. Особенно плохо приходится верблюду: стоит ему оступиться — его громадная туша становится в воде совершенно беспомощной.

Караван движется дальше. Вдали виден конец огромного ледника Федченко, до того скрытый отрогами Алтын-мазарских гор. У самого ледника, на берегу речки Малый Танымас, — базовый лагерь отряда. Дальше путь пойдет уже по льду.

Широкая лента ледника Федченко хорошо видна даже издали. По нему ежедневно отправлялись вверх лошади с материалами для строительства метеорологической обсерватории. Но маршрут альпинистов совпадает с этой «дорогой» лишь до устья левого притока Федченко — ледника Бивачного. 6 июля на этот ледник свернула подготовительная группа отряда. Нужно было найти наиболее удобный для каравана маршрут по ледникам Бивачному и Сталина. Сперва дорогу можно было выбирать без затруд-

нений, но потом альпинисты разделились и пошли разными путями. Между ними происходило молчаливое соревнование: кто выберет лучший вариант пути.

На леднике Бивачном была устроена вторая база — лагерь Подгорный (3900 м). Напротив лагеря в Бивачный с запада впадает его крупный приток, ледник Сталина. Несколько выше виден ледник Орджоникидзе. Следующий лагерь — «ледниковый» (4600 м) — разместился уже на леднике Орджоникидзе.

Отсюда, пересекая ледник Орджоникидзе, через зону огромных сераков можно было снова выйти на ледник Сталина. Здесь по восточному ребру пика Сталина после разведки Н. П. Горбунова в 1932 г. был намечен путь восхождения. И это — единственный возможный путь, известный в то время.

На высоте более 6000 м за день можно подняться вверх лишь на 500—600 м (по вертикали), а если путь трудный, то эта цифра значительно уменьшается. От лагеря 4600 м предстояло подняться почти на 3000 м. По пути подъема на гребне пика предстояло устроить целый ряд промежуточных лагерей, подготовить путь между ними и только потом отправляться на штурм.

Восхождение было решено провести с помощью носильщиков из числа местных жителей; чтобы устроить все эти лагеря, на гребень ребра надо было поднять большое количество грузов. Альпинисты должны были проложить путь и провести по нему носильщиков возможно выше.

9 июля на ребре появился первый лагерь. Две маленькие палатки были установлены на высоте 5600 м. На следующий день альпинисты поднялись еще выше и добрались до первого «жандарма». Их было шесть, этих «жандармов». Они поднимались над линией ребра, преграждая путь. Разрушенная порода скал осыпалась вниз, а там, где пласты оказались более прочными, на ребре поднимались острые скальные выступы. И эти выступы — «жандармы» были одной из главных трудностей восхождения.

Разведка закончена. Нужно готовить дорогу по ледникам для каравана. Эта утомительная работа продолжалась две недели, но вот 27 июля в «ледниковый» лагерь пришли выючные животные. Выше провести их было невозможно.

К дальнейшей работе на ребре все еще приступить нельзя. Носильщики, привычные к горным тропам и даже к скалолазанию, совершенно не знали, как правильно передвигаться по льду, боялись его. Необходимо было обучить их хотя бы основным приемам альпинизма.

Лучшая высотная акклиматизация — приспособление организма к высоте — достигается не пассивным сидением в палатке, а работой в новых для организма условиях. Эта причина, да и нежелание терять даром время, побудили уже 29 сентября большую группу альпинистов и носильщиков, всего 12 человек, снова выйти к лагерю «5600 м». Горная болезнь мучила еще не привычных к недостатку кислорода людей. Особенно плохо было носильщикам. Стало ясно — некоторые из них выше подняться не смогут.

На следующий день две тройки альпинистов во главе с Евгением Михайловичем Абалаковым и Данилой Ивановичем Гуциным пошли дальше. Первые два «жандарма» были пройдены без особых трудов. Первая тройка двинулась к третьему «жандарму». Вдруг крик заставил альпинистов остановиться. Позади что-то случилось.

Тройке, оставшейся позади, предстояло обработать путь через скалы второго «жандарма». Нужно сбросить непрочно лежащие обломки, забить крючья и протянуть веревки. Альпинисты занялись этим делом. Николаев поднимался по скалам. Не дожидаясь веревки сверху, он полез без страховки. На него свалился камень и ударил по плечу. Альпинист пытался было удержаться, но вслед за первым камнем посыпалось еще несколько. Николаев сорвался и полетел в пропасть, ударяясь о скалы и лед крутого склона.

Подъем был прекращен, и вся группа спустилась вниз. Поиски тела погибшего товарища оказались безрезультатными: труп, повидимому, упал в одну из трещин ледника, которую закрыло затем лавиной, вызванной его падением.

Гибель товарища глубоко опечалила альпинистов. Однако они решили не отступать. К причинам, заставлявшим их стремиться к вершине, добавилась еще одна: никому не хотелось, чтобы жизнь Николаева — председателя Московской горной секции — была отдана зря. После краткого отдыха трое альпинистов и пять носильщиков снова отправляются на ребро. Второй лагерь был устроен на подступах к третьему «жандарму».

Это было очень серьезное препятствие: к крутизне скал прибавлялась их сыпучесть. Обломки разрушенной породы то и дело летели вниз при каждом движении рук, ног или страховочной веревки.

Самым трудным все же оказался пятый «жандарм». Когда Абалаков пролез первую часть стенки, дальше пути не было. И вот он стоит на еле заметном выступе, прижавшись к скале и пытаясь найти выход из положения. Страховочная веревка тянется вниз к товарищам, внимательно наблюдающим за каждым его движением. Крючья, вбитые в трещины скал, поддерживают веревку. Затекают ноги от неудобного положения. Рука ощупывает скалу — тянется сколько можно дальше. Надежды почти нет. Но рука продолжает сантиметр за сантиметром двигаться по холодной поверхности камня. Ничего нет, ничего... Но вот кончиком пальцев нащупал почти незаметный выступ. Плавным осторожным движением находит опору нога, затем вторая рука... Прилепившись к скале, Абалаков медленно движется вправо и вверх, огибая выступ «жандарма». Так же медленно ползет за ним веревка. Тихо, только камешки срываются вниз в пропасть, над которой висит человек.

Абалаков прошел через «жандарм» и провел своих спутников. А потом на скалах повисла веревочная лестница, и путь стал более доступным. Оставался еще шестой жандарм, когда альпинисты повернули назад. Шестидневная напряженная работа на гребне вымотала силы людей, требовался отдых. И они снова спустились в лагерь «4600».

Носильщики так и не смогли подняться выше лагеря «5900». Но и туда они доставили очень мало груза: запасы продовольствия в лагерях «5600» и «5900» были совершенно недостаточными. Во время следующей попытки подняться в один из этих лагерей носильщик — киргиз Джамбай Ирале заболел катаральным воспалением легких и через несколько дней умер.

Таким образом, план устройства промежуточных лагерей почти до самой вершины не выполнен. Штурм придется начать из лагеря «5900». Все необходимое для лагерей и ночевки на время штурма восходители должны нести на себе. К обычному грузу — снаряжению и питанию — добавляется тяжелая автоматическая станция, она весит около 30 кг и может быть разделена лишь на две части.

9 часов утра 22 августа. Из ледового лагеря только что вышла первая часть штурмующей группы. Это Абалаков, Гушин и трое наиболее сильных носильщиков. С первых шагов как-то сразу создается особая напряженность:

— Штурм начался!

Группа идет по ставшему уже привычным пути между сераками ледника Орджоникидзе, затем начинается подъем по крутому «лбу» ледника, вытекающего из огромной впадины — мульды на склоне пика Сталина. Отсюда поворот направо. Перед поворотом восходители прощаются с провожающими их членами отряда, остающимися внизу в ледовом лагере. Это кинооператор Каплан, писатель М. Ромм, доктор Маслов и другие.

Альпинисты медленно движутся вперед. Они хорошо акклиматизировались, и там, где раньше задыхались от недостатка воздуха, теперь идут свободно.

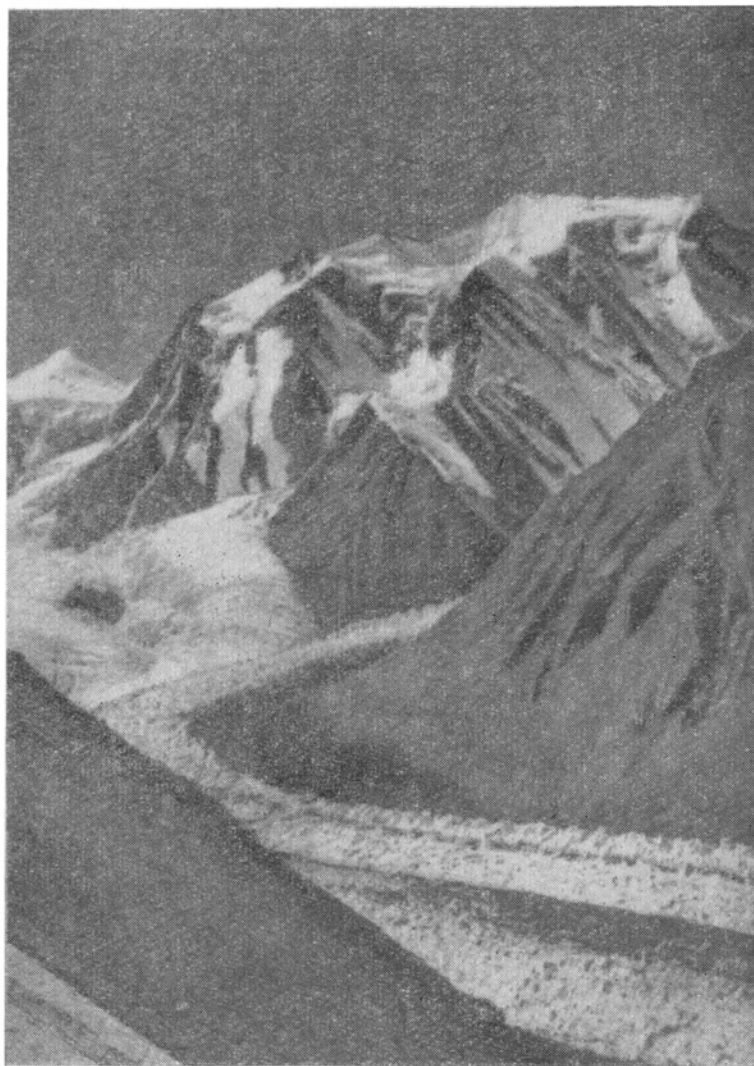
В 13 ч. 30 м. группа достигла лагеря «5600».

Следом за первой на следующий день должна была выступить вторая группа восходителей во главе с Н. П. Горбуновым — еще оставшиеся внизу четыре альпиниста. В то время как они поднимались из ледового лагеря, Абалаков со своими спутниками также двигался вперед.

Почти всю первую ночь штурма в лагере «5600» никто не спал. Сильный ветер рвал палатки. Было холодно, термометр показывал — 11°. Когда Абалаков со своей группой пришел на площадку «5600», оказалось, что лагерь разметан ветром. Пришлось снова разравнивать площадку и устанавливать поваленные палатки. Бессонная ночь давала себя знать. Дальше в первый день альпинисты не пошли.

24 августа был очень трудный день. На этот раз носильщики прошли с альпинистами до подножия пятого «жандарма». Его грозная стена испугала их, дальше идти они отказались.

Время перевалило за три часа, но Абалаков и Гушин решили пройти в этот же день и шестой «жандарм». Скалы здесь тоже были ломкими. Гушин страховал веревкой Абалакова, который лез первым. Вдруг из-под ног у него сорвалось несколько камней. Один ударил Гушина по руке, другой перебил веревку.

Пик Сталина. Посредине восточное ребро, по которому было совершено первовосхождение

Абалаков быстро спустился к Гущину и перевязал ему руку. Связав веревку, они продолжали движение, несмотря на то что повреждение руки Данилы Ивановича было довольно серьезным: глубокая рваная рана на ладони и пальце, повреждение костной ткани. Гушин лез вперед, преодолевая боль. Возвращаться он не хотел. Спускаться можно было только вдвоем, но заставить Абалакова вернуться теперь значило почти наверняка сорвать восхождение. И Гушин терпел.

В сумерках два смертельно усталых человека вышли на узкий гребень за последним «жандармом». Сил ставить палатку уже не было, и они влезли в нее, привязавшись к вбитым в скалу крючьям. Альтиметр показывал 6400 м.

Тем временем группа Горбунова двигалась следом. Когда Абалаков и Гушин с носильщиками, преодолев четвертый «жандарм», двинулись к пятому, их товарищи только собирались выйти из лагеря «5600» к лагерю «5900». В этом лагере встретились возвращающиеся носильщики и поднимающиеся альпинисты второй группы.

На следующий день отдохнувшие носильщики согласились снова подняться вверх. В течение двух дней они трижды прошли расстояние между лагерями «5900» и «6400». Путь через «жандармы» был теперь полностью оборудован веревками и лестницами. В результате трое носильщиков доставили в лагерь «6400» снаряжение, немного питания и разобранную автоматическую метеорологическую станцию.

Вечером 26 августа в лагерь «6400» прибыл Горбунов и его спутники. Но Абалакова и Гущина они уже не застали. Два альпиниста отправились дальше вверх и понесли с собой станцию. Они решили установить следующий лагерь на высоте 7000 м. Рассчитывать, что носильщики смогут подняться еще раз и пройдут выше 6400 м, было нельзя. Однако еще один лагерь до вершины был необходим.

Подъем от лагеря «6400» не был очень крут, но все больше чувствовалась высота. Два альпиниста часто проваливались в снег, тогда ритм дыхания нарушался и его трудно было восстановить. У Гущина сильно болела раненая рука. Он останавливался и, легко охватывая ее другой, покачивал, как бы убаюкивая. Но он молчал и настойчиво шел за товарищем.

Высоты 7000 м достигли к четырем часам дня. Задерживаться здесь было нельзя. Погода портилась. Чистое с утра небо затягивало облаками. Альпинисты с облегчением опустили на снег тяжелые рюкзаки и начали вытаскивать из них все, что следовало оставить здесь. Первой была извлечена станция.

В лагерь «6400» двойка вернулась поздно. Горбунов уже беспокоился и обсуждал с товарищами возможные варианты случившегося.

На следующее утро подсчитали наличные средства, с которыми предстояло продолжать штурм. Носильщики были из строя из-за переутомления и горной болезни, а продовольствия в лагере «6400» было очень мало. Спускаться за ним кому-либо из штурмовой группы было бесцельно: задержка наверняка бы сорвала восхождение. Сравнительно хорошая погода не могла продолжаться очень долго: уходили последние дни августа.

Итак, предстояло двигаться вверх с голодным пайком. На человека приходилось несколько ложек манной каши, 5—6 галет и кубик сухого бульона в день. И это при трудном восхождении на высоте более 7000 м. Но выбора не было, и альпинисты решили идти вверх. 29 августа вся штурмовая группа двигалась дальше и к 6 часам вечера достигла места, где Абалаков и Гущин оставили накануне свой груз.

Дул резкий ветер, и альпинисты работали так быстро, как только могли работать усталые и голодные люди на высоте 7000 м. Вырытые в снегу ямы приютили две маленькие палатки. Вскоре в лагере «7000» было совсем тихо, и только ветер рвал ткань палаток, да изредка стояли во сне Гущин, у которого все сильнее болела рука, и Шиянов, не оправившийся от отравления консервами.

Утром все кругом было затянуто густым туманом. В пяти метрах ничего не видно. Снег сливался с его белесой массой, за которой исчез весь внешний мир. Казалось, вообще ничего нет кругом и только одиноко стоят две маленькие палатки. Но вот ветер разогнал туман, видимость улучшилась. Предаваться созерцанию не было времени. Больных Гущина и Шиянова пришлось отправить вниз. К ним присоединился еще один участник группы, поморозивший накануне ноги. Трое двинулись вверх. Но сил уже не хватало. Лишь Абалаков был еще в состоянии нести тяжелую часть станции.

Альпинисты установили станцию на ближайшей удобной площадке, несколько ниже своего лагеря. Эта работа отняла целый день.

На следующее утро, это было 31 августа, туман опять сгустился. Температура быстро падала и вскоре достигла —25°. Усилился ветер, и начиналась снежная выюга. В таких условиях двигаться невозможно. Приходится, скрючившись в палатке, пережидать непогоду, которая могла продлиться не один день. Решили проверить станцию. Она не работала, и тогда восходители снова перенесли ее в палатку и там с трудом разобрали коченеющими руками. Неисправность удалось устранить, передатчик заработал, посылая в пространство сигналы о сильном ветре и морозе.

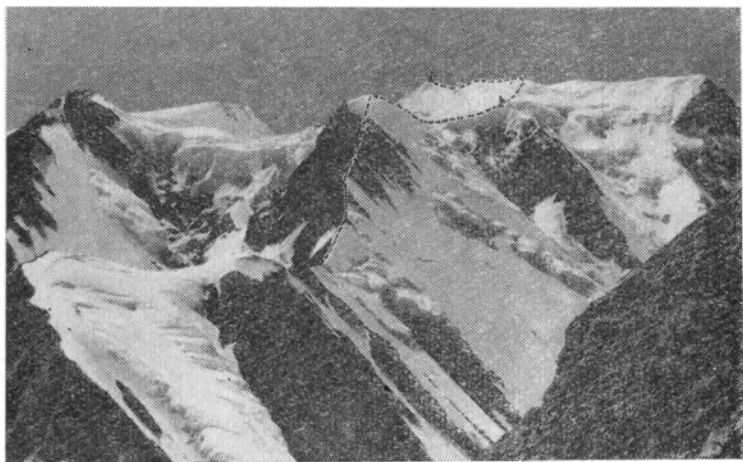
Метель все усиливалась. Палатки заносило снегом, вокруг них возникали небольшие снежные холмики. Снег с крыши приходилось то и дело стряхивать,— непрочная ткань прогибалась под его тяжестью. Сухой снег тонкой пылью проникал сквозь застёжки наглухо закрытого входа.

Три человека прислушивались к шуму ветра и непрерывному шороху снега. На походной кухне доваривалась каша из остатков манной крупы. Все трое обросли бородами; кожа лиц, обожженная лучами солнца и резкими ветрами, казалась почти черной в полутьме палатки. Люди лежали почти неподвижно: нужно было экономить силы.

В ночь на 2 сентября ветер перешел в ураган. Под тяжестью навалившегося снега сломалась стойка одной палатки, и вся тяжесть сугроба навалилась на забывшихся тяжелым сном людей.

Ветер выл. Где-то внизу грохотали лавины, обрушивая тысячи тонн снега. А утром буря прекратилась. Исчезли облака, рассеялся окружавший вершину туман, и свежий снег на гребне засверкал в лучах яркого солнца. Впереди, казалось совсем близко, виднелась вершина пика. Но каждый из троих представлял себе, сколько усилий и почти нечеловеческого напряжения нужно, чтобы до нее добраться.

Абалаков чувствовал себя лучше своих спутников. Вдвоем с Горбуновым они вышли к вершине. Шли очень медленно. Это был мучительный путь. Каждый метр давался усилием над усталым телом, которое требовало прежде всего отдыха и потом пищи. Но воля к победе

Восточное ребро и вершинный гребень пика Сталина.
Пунктиром показан путь штурма

Фото Д. И. Гущина

была сильнее, и на маленьком anerоиде стрелка ползет вверх, отмечая как победу человеческого духа десятки метров подъема.

Гребень. Он тянется длинной пологой линией на юг. Там главная вершина. Горбунов шатается при каждом шаге. Наконец он останавливается и молча показывает товарищу рукой: «Вперед!». Минута колебания, и Евгений Михайлович оставляет товарища. Ведь до вершины так близко, он скоро вернется, и они вместе пойдут к палаткам. Горбунов глядит вслед удаляющейся фигуре и негнущимися пальцами достает карандаш, чтобы записать свои наблюдения.

Абалаков поглощен одним: ступить левой ногой, правой. Осторожно, здесь можно упасть. Шаг. Снова шаг. Вершина приближается, но как медленно...

Вот как описывал впоследствии Абалаков последнюю часть пути:

«Начался опять ветер. Белые смерчи пляшут на гребне, резко бьет снег в лицо. Ну, еще немного! Промешиваю ногами глубокий снег последней седловинки. Крутой подъем — и, наконец, открылся запад. Мощный пик Евгении Корженевской кажется совсем рядом, вот он разга-

данный. Прямо на запад дугой уходит хребет с белыми куполами вершин. Внизу, совсем подо мной, как змей чешуйчатый, изгибается мощный ледник Портамбек, а дальше — темные долины, теплая хмарь. Радостно бьется сердце...

Оставляю рюкзак в трещинке, чтобы не сдуло ветром, и быстро по жесткому, как фаянс, фирну начинаю подъем к южной вершине. Удачно выхожу на вершинный гребень по пологим скалам и широким фирнякам. По вершинному, острому, как лезвие ножа, гребню, стараясь с наибольшей силой вонзая кошки и ледоруб и сохранить равновесие под ударами бокового ветра, поднимаюсь к последним скалам вершины. Странное чувство — опасение, что не дойдешь, заставляет нарушить медленный ритм движения... Уже на четвереньках взбираюсь на вершинную скалистую площадку. Победа!»¹.

* *
*

Спуск группы из трех человек, когда двое находятся в последней стадии изнеможения, исключительно труден и опасен. Однако в лагере «6400», у начала самого трудного участка, спускавшихся встретили три товарища. Эта неожиданная помощь облегчила положение, и все благополучно спустились вниз в ледниковый лагерь.

Малограмотные, плохо понимавшие по-русски жители горных кишлаков — носильщики проявили истинное самопожертвование. Зная о задачах восхождения, больные и обессиленные предыдущей работой, они сами вызвались доставить продовольствие вверх, где люди терпели в нем острую нужду. Этим скромным труженикам, несомненно, принадлежит не последнее место в истории первого восхождения на пик Сталина. Лучшие из носильщиков — Ураим Керим, Зекир Прен и Нишан.

2

Прошло всего лишь четыре года. Наступил юбилейный 1937 год — страна праздновала 20-летие Октября.

Альпинистский спорт в Советском Союзе достиг большого размаха. Десятки тысяч молодых людей ежегодно

¹ Е. А б а л а к о в. На высоте 7495 м. Журн. «На суше и на море», 1953, № 4.

проводили свой отпуск в горных районах нашей Родины, совершая увлекательные походы и восхождения. Палатки альпинистских лагерей белели во многих ущельях Кавказа, Алтая и Тянь-Шаня. Спортивные победы отмечали растущее мастерство горовосходителей.

Юбилейную дату решили отметить большой спортивной экспедицией на Памир. Ее участники должны были совершить три восхождения на вершины, поднимающиеся выше 7000 м: пик Ленина, пик Сталина и пик Евгении Корженевской. Для этого экспедиция разделилась на три части.

Восхождение на пик Сталина было намечено последним: до штурма нужно было устроить промежуточные лагери на ребре.

13 июля из Оша выехала подготовительная группа альпинистов во главе с О. Аристовым. Ей предстояло подготовить посадочную площадку в Алайской долине для звена самолетов, обслуживавшего экспедицию. Как только машины приземлились на импровизированном аэродроме, Аристов затормозил Михаила Липкина, известного горного летчика: «Слетаем к пику, а?».

Вскоре небольшая машина П-5 поднялась в воздух и взяла направление к пику Сталина. Самолет сделал несколько кругов вокруг массива, и Олег Дмитриевич, занимавший место штурмана, смог хорошенько разглядеть путь будущего восхождения.

В Дараут-Курган альпинистов и грузы тоже доставили самолеты. Дальше, вверх по Алтындаре пришлось идти пешком, подчиняясь медленному темпу выючных животных.

Путь был хорошо знаком по описаниям прошлых походов, и альпинисты думали об одном: скорее вперед. Переправа через Муксу¹ прошла на редкость благополучно, не отвлекла внимания.

Базовый лагерь у языка ледника Федченко и промежуточные лагери на самом леднике были устроены почти в тех же местах, где они были раньше.

В первых числах августа, после трудного перехода по ледникам Бивачному и Сталина, караван экспедиции достиг места последнего лагеря на высоте 4600 м. Вскоре на

¹ К этому времени число погибших при переправах через Муксу достигло 17 человек.

камнях морены возникла мачта радиостанции. На ее вершухе весело трепетал красный выпел.

Прямо перед лагерем поднимается пик Сталина. Его массивные контуры четко вырисовываются на фоне безоблачного синего неба. Вся верхняя часть пика покрыта сверкающим в солнечных лучах фирном. Ниже, на склоне — огромная чашеобразная выемка-мульда, из которой вытекает мощный ледник. Переваливаясь за края мульды, ледяная масса стекает круто вниз по склонам.

Время от времени в мульду и на ледник с гребня и его склонов срываются лавины и снежные обвалы, и тогда грохот нарушает торжественную тишину гор.

Путь на вершину покуда известен только по восточному ребру, по которому поднялись первовосходители. Оно поднимается крутым черным лезвием, склоны которого спускаются на много сотен метров вниз. Вариант пути с запада, через фирновое плато, подробно обследован. Предварительные разведки в 1933 и 1936 гг. дали скорее отрицательные результаты.

Лошади и носильщики доставили в лагерь 3600 м запас дров. Но дальше могли пройти лишь ишаки, и то с большим трудом. График доставки продуктов был нарушен, и Аристов решил вызвать самолет. Машины, правда, были заняты обслуживанием других групп. Но однажды над ущельем послышался рокот мотора. Вблизи небольшого озерка виднелась буква «Т». Летчик сделал несколько кругов, но снизить машину было невозможно, мешали горы. Пришлось сбрасывать груз с большой высоты. В воздухе мелькали ящики и мешки, падали на камни.

«В воздух взлетали гейзеры манной крупы и сахара... Место вокруг буквы «Т» выглядело очень живописно. На песке в величайшем беспорядке у самой кромки воды веером перемешивались сахар, крупа и колбасные изделия. Среди камней в озере сверкали жестью россыпи консервных банок. Камни вокруг озера были обильно политы алым консервированным томатом...»¹.

Самолеты и впоследствии доставляли продукты в лагерь 4600 м.

¹ Н. А. Гусак. Штурм пика Сталина. Сборник «К вершинам советской земли», Географгиз, 1949, стр. 335.

Для группы наступили тяжелые дни, заполненные разведками пути среди ледяных глыб, перетаскиванием тяжелых грузов. Многократно повторяли альпинисты путь между лагерями, согнувшись под огромными рюкзаками. В лагере 4600 м были накоплены значительные запасы продовольствия.

5 августа члены подготовительной группы вышли на восточное ребро. На носильщиков особенно не надеялись — их удалось использовать лишь на участке до лагеря «5600». Лагери на ребре решено устроить в тех же местах, где они были и в 1933 г.; не так уж велик выбор «удобных» площадок на гребне.

Главной задачей подготовительной группы было «обработать» путь через «жандармы» восточного ребра — самый трудный участок штурма.

Последние метры перед лагерем «5600». Нетрудные скалы и, наконец, небольшая площадка у самого начала восточного ребра. Узкий гребень уходит вверх к первому «жандарму». За ним линия ребра снова круто поднимается дальше, прерываясь выступами следующих пяти «жандармов». На площадке, чисто выметенной ураганными ветрами больших высот, не сохранилось никаких следов бывшего здесь когда-то лагеря. Пусто.

С противоположной стороны площадки — фирновый карниз. Он нависает над крутым северным склоном ребра. Карниз, вероятно, скоро свалится: вдоль склона змеится тонкая трещина. Две палатки образуют первый лагерь. Альпинисты снимают тяжелые рюкзаки. Плечи еще не успели привыкнуть к их тяжести и немного болят.

На следующее утро группа вышла к первому «жандарму». Путь идет по гребню, а там, где он становится слишком узким, люди движутся по крутому фирновому склону. Для каждого шага носок ботинка выбивает ступеньку. Местами фирн очень тверд, и на помощь приходит ледоруб.

Скалы первого «жандарма». Сразу же находка: крючья и веревки, оставленные с 1933 г. Такие «находки» оказались и на всех остальных «жандармах». Они очень облегчили задачу, меньше времени уходило на выбор пути.

Естественно, что веревками, провисевшими четыре года, пользоваться было нельзя. Большинство крючьев также пришлось забить вновь, но все же задача была зна-

чительно облегчена, и подготовка пути проходила планомерно, почти без задержки.

Вот уже возник второй лагерь «5900 м». На этот раз его устроили не перед третьим «жандармом», а за ним. Все ребро было вновь пройдено. За ним стояли палатки третьего лагеря «6200». Альпинисты перемежали свою работу передышками по 2—3 дня. Подготовительная группа должна была образовать основу штурмовой, и поэтому ее членам нельзя было переутомляться.

На ребро пришлось подниматься много раз. Нужно было создать в лагере «5600» основательный запас продуктов для обеспечения работы по подготовке пути и для штурма.

К 20 августа работа на ребре была закончена. Предстоял отдых: ждали альпинистов, которые должны были прибыть после штурма пика Ленина. Время шло, и ждать становилось невтерпех; на леднике, ведущем к лагерю, было пусто, а радио приносило успокоительное: Скоро отправляются... Двигутся... Скоро придут.

Аристов не выдержал. Высотная акклиматизация, приобретенная во время обработки пути, утрачивалась из-за вынужденного бездействия. Небольшие радиальные походы никого не удовлетворяли. И вот 28 августа Аристов, Киркоров и Гусак совершили первовосхождение на пик Орджоникидзе.

29-го в лагерь «3800» прибыли долгожданные Л. Бархаш и Е. Белецкий. Но здесь они задержались на двое суток из-за непогоды. Наконец, они в «Ледниковом лагере» и все готово для штурма. Выход назначен на 3 сентября.

* *
*

Штурмовая группа уверенно движется вверх по ребру. Пройдены первые три «жандарма». На третий день восхождения предстоит преодолеть остальные три. Это серьезная задача. Скалолазание очень сложное, несмотря на заранее вбитые крючья и висящие веревки. Правда, опасности сорваться вниз меньше, но это не уменьшает трудности передвижения.

Скалы поднимаются круто вверх, на первый взгляд пути по ним нет, и только если присмотреться вдоль линии свисающих веревок, можно различить в одном месте

небольшой выступ, куда придется поставить ногу, в другом — трещинку, которая послужит опорой для руки. Дальше вверх поднимается небольшой жолоб — «кулуар»; по нему можно подняться на несколько метров «в распор», заклинивая тело противоположно направленным усилием ног и рук. И так далее...

Все внимание сосредоточено на правильном выборе опор, на страховке идущего товарища и, главное, на том, чтобы неосторожным движением не свалить непрочно лежащий обломок. За одним сброшенным камнем полетит другой, и вниз посыплется каменный обвал. Если в этот момент кто-либо окажется на его пути, тогда — смерть.

Альпинисты метр за метром лезут по скалам. С неутомимым терпением, почти нежно касаются каждого камня, проверяя его надежность. В 5 часов вечера ребро остается позади. Аристов удовлетворенно оглядывает товарищей и показывает рукой вперед. Там начало широкого снежного плеча, выводящего к вершинной части горы. Совсем рядом, в снегу, лежат принесенные раньше вещи.

Вечерний ветер заигрывает с людьми, рвет из рук палатку так, что трудно ее установить. Когда усталые альпинисты уже готовы разозлиться, он внезапно стихает. Через несколько минут резкие порывы ветра снова метут снег с гребня.

Погода благоприятствует восходителям. Ясный день. Длинной цепочкой растянулись люди по гребню. Вот низкорослый жилистый Николай Гусак усердно уминает ногами мягкий снег. Успешное продвижение способствует хорошему настроению. Несмотря на то что даже просто идти на такой высоте нелегко, этот никогда не унывающий человек шутит по поводу внешнего облика своих товарищей. И правда, вид восходителей непривлекателен: давно небритые бороды, обожженная до темнокрасного цвета кожа лиц, темные очки, скрывающие глаза. Гусак говорит что-то насчет пугал на вершине и встречи в темном переулке. И каждый, глядя на товарища, не может не улыбнуться потрескавшимися губами.

Путь по снежному гребню довольно полог, лишь местами встречаются крутые подъемы. Дневной переход был закончен на высоте 6600 м. Здесь удобная площадка для лагеря. Все расходятся по своим местам, и каждый занимается несложным хозяйством альпиниста. Вот Киркоров, и здесь по-военному подтянутый и аккуратный, установив

походную кухню, растапливает снег для ужина. Политрук экспедиции Белецкий и врач Федорков устраивают защитную стенку из фирна. Обычный вечерний ветер на этот раз особо силен. Ночью он еще усиливается и переходит в бурю. Как всегда, при этом падает температура. Мороз — 15°. На следующий день идти нельзя. В палатках довольно сносно, но холод ощущается, хотя вылезать из спальных мешков почти не приходится. Томительно тянется время в непогоду. Все помыслы направлены вперед, к вершине. Каждая задержка ставит успех восхождения под угрозу, а тут приходится лежать без дела в маленькой палатке. Порывы ветра достигают страшной силы. Если бы не предусмотрительно сложенная из фирна стенка, палатки, возможно, пострадали бы.

Несмотря на экономию в каждом грамме груза, кто-то донес сюда книжку Павленко «На востоке», и она скрашивает ожидание.

Аристов время от времени нетерпеливо выглядывает наружу, но там мгла. Уже в десятке шагов ничего не видно. Вихрь поднимает снежинки со склона и крутит их, создавая сплошную пелену.

Томительно проходит день. За ним второй. Непогода путает все карты. Продовольствие для штурма было взято в последнем лагере из расчета на пять дней. Горючего тоже немного — это особенно важно. Переводить людей на голодный рацион нельзя. За время непогоды они ослабеют и не смогут использовать максимум сил организма, когда это потребуется. Заболел горной болезнью Анатолий Совва, его нужно спускать вниз.

Аристов решает: четыре человека при первой возможности отправятся в лагерь «6400» и доставят оттуда пополнение. Четверка: Белецкий, Киркоров, Совва и Гусак — сделала такую попытку 9 сентября, но вскоре возвратилась назад. Утихший было ветер возобновился с новой силой. Температура продолжала падать. Риск обморозиться слишком велик. Лишь на следующий день группе альпинистов удалось спуститься. Гусак, Киркоров и Совва благополучно добрались до лагеря «6400». Но обратно вверх пошли только двое. Совва остался в лагере.

Принесенное снизу горючее для походных кухонь сразу улучшило общее настроение. Теперь все могли вволю напиться. На получение воды из снега расходовалось много сухого спирта, и, откуда запас его не был пополнен,

пришлось ввести строгий питьевой рацион. А недостаток воды на высоте ощущается больше, нежели недоедание.

Решили пользоваться даже небольшими прояснениями и понемногу продвигаться к вершине. 11 сентября поднялись на 150 м, 12-го на 300 м. Погода медленно улучшалась, эта постепенная перемена обещала несколько дней устойчивой хорошей погоды.

Уже пройдено место, где в 1933 г. была установлена автоматическая метеостанция. Но ее не видно. Занесло ее снегом или сорвало с гребня ураганным ветром?

Погода, наконец, улучшилась. До вершины — 500 м по вертикали. Туда нужно подняться так, чтобы успеть до темноты спуститься обратно в лагерь.

9 часов утра 13 сентября. Свежевыпавший снег из-за мороза очень сыпуч. Альпинисты почти плывут в нем, глубоко погружаясь в сугробы. Приходится поочередно «делать след». Первой связкой идут Белецкий, Гусак и Киркоров, и этот труд ложится в основном на них.

Последний день восхождения очень тяжел. Сказывается все: высота и трудность пути, последние десять дней штурма и накопившееся напряжение всего периода работы экспедиции. Но самое главное — высота.

Внимание, сосредоточенное только на движении, выключается для всего другого. Маячит близкая цель — вершина, но и она воспринимается неясно. Главное — идти вперед. Высота, притупившая восприятие окружающего, приводит к неправильной оценке его. Аристов оделся необычно. Поверх шакльтонов он натянул носки, наспех сшитые им из пуховых брюк. Опасение за уже однажды помороженные ноги заставило его сделать это. Тепла он добился, но трикони, вбитые в подошву шакльтонов, теперь бесполезны. Не одел Аристов и кошек, как ни уговаривали его товарищи. Из солидарности вся группа идет без кошек. Правда, груза меньше, но безопасно ли так идти?

Товарищи уговаривают Олега связаться, но он непреклонен: «не тратить время попусту». И веревки праздно лежат на рюкзаках восходителей.

Но вот почти весь подъем позади. Достигнут Северный купол — высота 7300 м. Еще одно напряжение, и вершина будет взята. Остается в стороне обойденный по снежной террасе средний купол. Аристов время от времени оста-

навливается и требует, чтобы доктор Федорков осмотрел его ноги. Ему кажется, они начинают подмерзать. Как ни устал Иван Михайлович, он безропотно выполняет просьбу Олега.

Впереди последний участок пути. Слева — острый гребень. Альпинисты движутся вблизи от него по западному склону. Снежный склон этот постепенно увеличивает свою крутизну и затем, резко перегибаясь, почти отвесно спускается вниз. Аристов поскользнулся, но его удержал шедший рядом товарищ. Движение продолжалось. Поскользнулся и упал Белецкий. Он начал скользить по склону и удержался лишь, воткнув в фирн клюв ледоруба. Гусак помог ему подняться на ноги.

Эти явные сигналы опасности все же не заставили альпинистов связаться. Их сознание, подавленное огромной высотой и нечеловеческим напряжением, не реагировало.

«Все мы, видимо, на пределе сил и движениями напоминаем водолазов, идущих в тяжелых скафандрах по суше. Но цель все ближе — она зовет... Обходим карнизы, рубим ступеньки во льду, перелезаем через скалы. Дальше, дальше...»¹.

Остаются последние метры до вершины — их не более пятидесяти. Теперь впереди идет Гусак, за ним Аристов. Замыкает первую тройку Киркоров. Вторая тройка отстала на несколько десятков метров.

Расстояние до вершины уменьшается мучительно медленно. Кажется, эти последние десятки метров никогда не будут пройдены.

«Мы не думаем о том, что облака сгущаются в грозные тучи, что из окружающих вершин видны лишь ближайшие к нам пики Молотова и Корженевской, что ветер крепчает, бросая в наши замерзшие лица осколки обледеневшего фирна. Я счастлив, что иду впереди, вырубаю ступени для всех друзей... Вот она, вершина, — рядом.

Внезапно меня останавливает крик Киркорова. Оглядываюсь, и не могу понять, что происходит... Виктор лежит над каменным барьером у среза западной стены и кричит... И вдруг я понимаю — катастрофа...»².

...Аристов поскользнулся еще раз. Он не удержался на ногах и начал скользить по гладкой, обдутой ветром по-

¹ Н. А. Гусак. Штурм пика Сталина. Сборник «К вершинам советской земли», Географгиз, 1949, стр. 340—341.

² Там же, стр. 341.

верхности фирнового склона. Прежде чем он успел задержаться ледорубом, скорость скольжения уже была очень велика.

Его большое тело ударилось о выступ. Олега перевернуло. Руки пытались ухватиться за скользкую поверхность склона, ледоруб сорвало с темляка, и он звеня полетел в пропасть.

Аристов перевернуло еще и еще раз. Вот он стремительно налетел на скалы, выступающие у перегиба склона. Ударился о них головой. Удар был так силен, что сорвал застегнутый кожаный шлем. А потом тело полетело в пропасть. Оно ударялось о выступы склона, отлетало. Снова и снова билось о камни, о лед, огромными скачками приближалось к фирновому плато. Потрясенные снега ринулись лавиной, и ее грохот прощальным салютом провожал в последний путь альпиниста. Все это произошло в несколько секунд. Аристов упал, не крикнув, и Гусак продолжал идти вперед, не оборачиваясь и не зная, что происходит.

Киркоров был в десяти метрах позади и видел всю картину падения. Он стоял, пораженный ужасом, и кричал изо всех сил. Но из широко раскрытого рта вырывались лишь тихие свистящие звуки — простуженное горло уже несколько дней как превратило его голос в тихий шепот.

Белецкий шел следующим и видел лишь последний момент падения Аристова. Он подошел к Киркорову и положил ему руку на плечо; тот вздрогнул и схватил Белецкого крепко за руку.

...Попытка спуститься к обрыву в этом месте оказалась безуспешной. Лишь дальше, уже за вершиной, гребень понижался к снежному плато, куда должно было упасть тело Аристова.

В 5 ч. 30 м. альпинисты были на вершине.

Пройдя вершину, восходители нашли место, с которого хорошо было видно снежное плато на склоне. Оно было метров на 800 ниже. Тело Аристова было ясно видно. Исключительная видимость, обычная для гор, позволяла хорошо рассмотреть его. Высота падения и естественное положение конечностей и головы не оставляли сомнения в смерти Аристова.

Однако альпинисты все же решили спуститься к товарищу. Спуск был очень трудным и опасным. Слой снега на крутом склоне был покрыт тонкой ледяной коркой, на ней

в свою очередь лежал еще слой снега, также покрытый твердой коркой. Ни ступеней рубить, ни пользоваться кошками было невозможно. Страховку обеспечить также было нельзя. В течение часа спуска прошли только 150 м.

Но время двигалось к вечеру. Начинало темнеть. Усиливался ветер. Задержка до темноты здесь у вершины — верная гибель для всех остальных. И как ни тяжело это было, пришлось оставить попытку спуститься к телу.

...Только к 11 часам вечера вернулись к своим палаткам восходители. На всех тяжело отразилась гибель Олега Аристова, прекрасного, всеми любимого товарища и одного из сильнейших альпинистов страны.

На следующий день погода опять начала ухудшаться. Видимость минимальная. В таких условиях делать вторую попытку добраться к телу Аристова безнадежно.

Силы альпинистов ослаблены напряжением, продукты на исходе. Если придется пережить непогоду еще раз, то спуск с вершины может кончиться общей катастрофой.

14 сентября начался спуск вниз. К ночи восходители были в лагере «6200», где их встретили товарищи из резервной группы.

* *
*

Как первое, так и второе восхождение на пик Сталина — не только крупнейшие спортивные достижения наших альпинистов, но и свидетельство несокрушимой воли советских людей к победе.

Эти восхождения трудны не одной только высотой, но и технической сложностью пути, которая в этих условиях неизмеримо возрастает. Жертвы, связанные с обоими восхождениями, необязательны. Обстоятельства гибели Никколаева и Аристова показывают, что притупление бдительности в таких сложных условиях неизбежно влечет за собой катастрофу.

3

Оба восхождения на вершину пика Сталина были сделаны по одному пути, с востока. Однако уже в 1933 г., когда группа Крыленко обследовала ущелья и ледники северных склонов хребта Петра Первого, у альпинистов возникла мысль о восхождении на вершину с запада.

Но как подняться на фирновое плато? Двухкилометровыми обрывами спускаются к леднику Фортамбек северные склоны массива пика Сталина. На шестикилометровой высоте залегает обширное фирновое плато. Неожиданное здесь среди высоких пиков ровное пространство.

Пик Сталина — узловая вершина. От вершинной части массива на юг идет гребень хребта Академии Наук. Невдалеке почти на семь километров поднимается пик Молотова, а дальше, за длинной чередой вершин, в 20 км встает ледяная громада пика Гармо.

Восточный гребень пика переходит в хребет Петра Первого. Фирновое плато лежит на его склонах. Это плато — остаток древней выровненной поверхности, вознесенной в процессе поднятия Западного Памира на огромную высоту. Вероятно, тысячелетиями накапливались здесь фирн и лед, стекали к северному краю и обрушивались обвалами и лавинами.

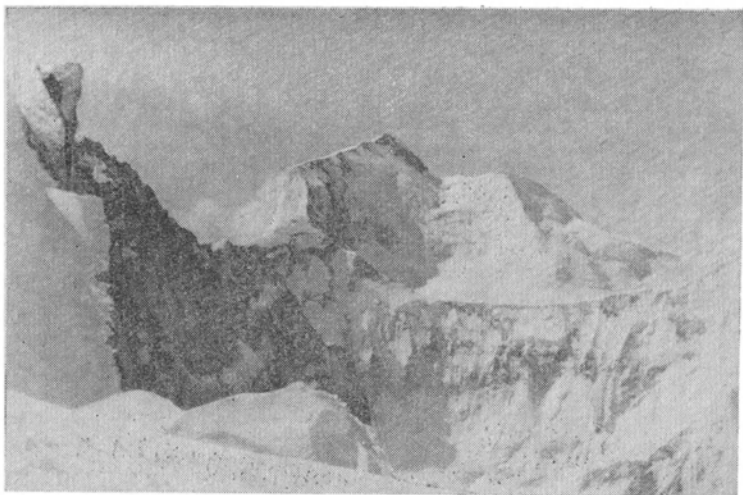
Теперь фирново-ледяная толща на плато достигает 100—150 м. Плато вытянуто вдоль гребня на 12 км, достигая в ширину 3 км. Поверхность его довольно ровная.

Северная стена пика Сталина обращена в долину Фортамбек. У ее подножия несколько ледников, теперь разобщенных, а прежде представлявших одну систему, один сложный древовидный ледник. Юго-западные склоны массива спускаются к верховьям долины Гармо.

* *
*

Уже в 1936 г. была предпринята первая разведка северных подступов к плато. С этой задачей в долину Фортамбека прибыла небольшая, но сильная своим составом группа альпинистов. Н. А. Гусак и Д. И. Гущин, преодолев ряд трудностей, поднялись на вершину 5500 м как раз напротив обледенелых обрывов северной стены. Вон узким шрамом прорезает ее ущелье. С плато заползает туда ледяной язык. Но ущелье падает слишком круто. По обнаженным скалам то и дело скатываются глыбы льда. Ниже они собираются огромной грудой. Пластичный лед снова спаивается в единую массу, и возрожденный ледник вливается в Фортамбек.

Долго разглядывали Гусак и Гущин грандиозную панораму. Из рук в руки переходил бинокль. Несколько раз

Пик Сталина с севера. У основания вершинной пирамиды
раскинулось фирновое плато

Фото А. И. Ковыrkова

им казалось: вон по тому «ребрышку» можно подняться, но через несколько минут по облюбованному «пути» прокатывалась лавина. Нет, не годится. Слишком опасно. Шансы на успех ничтожны. Ведь подъем будет продолжаться не менее двух дней.

Гусак огорченно почесал затылок и сказал:

— С парашютом, что ли, прыгать на это проклятое плато? Пошли, Данила Иванович, пора спускаться.

...Прошло много лет. Несмотря на отрицательное заключение первых разведчиков, многие альпинисты не оставляли надежды найти путь на плато. Все более известным становился район. Северную стену нужно было увидеть «в профиль». Экспедиция 1947 г. на ледник Сагран осматривала северную стену с запада. Было сделано много фотоснимков. На одном из них довольно ясно виден контрфорс, спускающийся с плато в его западной части. Не там ли лежит разгадка пути на плато? Будущее покажет.

В 1953 г. альпинисты из Высотного лагеря спортивного общества «Наука» работали на леднике Гармо. Загадка плато была известна и им. Быть может, есть путь с юга?

Но к верховьям Гармо тоже спускался грозный крутой склон, здесь тоже гремели лавины. Правда, стена эта пониже — она поднимается над цирком «всего лишь» на 1000 м. Альпинисты долго высматривали «слабое место» в поднимавшейся перед ними крепости. Наконец, путь был найден. Но путь ли? Ледовые сбросы огромной крутизны, зловещие зубья скал. Полно! Разве можно здесь подняться? «Науковцы» решили попробовать. Они даже довольно высоко поднялись, но выйти на плато не смогли. Но и в случае успеха осталось бы неясным — пригоден ли такой труднейший подъем как путь для экспедиции, перед которой стояла бы задача забросить на плато достаточное количество грузов для штурма пика Сталина.

* * *

В 1955 г. альпинисты-высотники Грузии снова штурмовали пик Сталина. Но они шли по новому пути — с ледника Гармо. Об этом восхождении мы расскажем в очерке «По новому пути».

ПИК С ТРЕМЯ ИМЕНАМИ

Вряд ли с названием какой-нибудь другой вершины связано столько походов, недоразумений и разочарований, как с пиком Гармо. Казалось бы, чего проще: из долины верхнего течения р. Обихингоу этот мощный массив хорошо виден. Подняться вверх по долине, одолеть трудности пути по длинному леднику, и — вот она. Но хорошо заметная издали вершина по мере подъема исчезает, скрывается за ближними хребтами. И тогда трудно понять, где же она.

Главные недоразумения начались в 1928 г. Участники Памирской экспедиции вышли на ледник Федченко. Огромный массив, поднимавшийся на востоке, привлек их внимание. Они решили, что это пик Гармо. Высота его измерена засечками и оказалась равной 7495 м. Более вы-

сокой горы не было в Советском Союзе. Нужно было обследовать высочайшую вершину. Однако добраться к ней с востока оказалось нелегко. Даже на ледник Федченко не смогли попасть исследователи ни в 1929, ни в 1931 гг. Тогда возникла идея — подойти к Гармо с запада. В отчетах экспедиций и в книгах о Памире появились волнующие слова: «Загадка узла Гармо». А на немецкой карте Памира, составленной по результатам фототеодолитной съемки 1928 г., уже появилось название Гармо с отметкой высоты 7495 м. Несколько южнее, километрах в 20 был показан другой пик — пик Дарваз (6615 м).

Много трудов было положено, чтобы распутать этот узел — раскрыть загадку Гармо. Эта работа была окончена в 1932 г. Она завершилась открытием пика Сталина. Так назвали пик 7495 м, который с 1928 г. считали Гармо. А Гармо в свою очередь немцы называли на своей карте пиком Дарваз.

Позднее Гармо стали называть и пиком Кагановича¹. Но это — результат явного недоразумения. К тому времени на Памире уже был в другом месте пик Кагановича — вершина 6856 м в северном ребре массива пика Сталина. (Название дано Таджикской экспедицией 1932 г.).

Итак, пик должен называться Гармо. Этот массив — узловая вершина хребта Академии Наук в месте его стыка с Дарвазским хребтом. Склоны пика круто обрываются: на запад — к леднику Вавилова, на восток — к леднику Бивачному и на юг — к леднику Географического общества (верховья долины р. Ванч).

Откуда ни взглянуть, склоны пика очень круты, их снега и льды угрожают лавинами. Кажется, нет смысла и думать о восхождении на вершину. Однако она была покорена в 1948 г. Но история этого восхождения начинается значительно раньше. В 1932 г. Н. В. Крыленко и Л. Л. Бархаш поднялись по обледенелому крутому склону хребта Академии Наук и достигли его гребня вблизи начала северного плеча пика Гармо.

Вид с ледника Вавилова на пик Гармо произвел на альпинистов неизгладимое впечатление. «Нечего было, конечно, и думать забраться на самый пик: его склоны

¹ См. карту Памира, изд. Академии наук, 1940 г. и карту Таджикской ССР м-ба 1:1 000 000, изд. 1953 г.

Схема орогидрографии узла Гармо. Показан маршрут и лагери восхождения 1948 г.

были так круты и скалисты, нависшие тысячепудовые обвалы так грозны, что самая мысль о таком подъеме была безумием»¹. Гигантская усеченная пирамида поднималась над всеми окружающими вершинами. На запад от массива отходил хребет. Он резко понижался и своей снежной стеной охватывал громадный снежный цирк ледника Вавилова.

Внимание альпинистов привлекла седловина у начала северного плеча пика Гармо. Верхняя часть склона вблизи седла представляла собой обнаженные скалы. Но добраться до них было исключительно трудно. Для этого альпинистам пришлось бы одолеть «в лоб» очень крутой снежный склон: «приходилось подниматься как на лестницу, ставя ноги прямо одна над другой и до половины вонзая в снег ледоруб... Подъем превратился в стену с едва заметным уклоном, держаться можно было, только глубоко запустив руки в ледяные щели... Ноги держались на еле заметном уступе, а вверху над головами навис снежный карниз, на который никак нельзя было выбраться иначе, как прорубив в нем себе дорогу»².

Повернуть обратно тоже было невозможно. Оставался только один путь: вверх. Бархашу удалось прорубить лаз в карнизе, и двойка одолела самую трудную часть восхождения. Дальше путь оказался более доступным, и альпинисты вскоре выбрались на гребень хребта. Тем самым они показали, что к началу северного плеча пика Гармо можно добраться. Однако одно дело выйти на гребень хребта налегке, для обследования района, чтобы сразу спуститься назад. Совсем другое дело поднять сюда необходимые для восхождения грузы.

1

Прошло восемь лет. У склонов пика Гармо снова появились люди. На этот раз они пришли с востока. Это была небольшая группа одесских альпинистов во главе с А. Б. Блещуновым. Большую часть лета они провели в хребте Музкол. Поднявшись с перевала Акбайтал на вершину высотой 6000 м, они устроили там небольшой

¹ Н. В. Крыленко. Пять лет на Памире. Сб. «Пять лет на Памире». Изд. Академии наук СССР, 1935, стр. 105.

² Там же, стр. 106—107.

лагерь, где вместе с научными работниками проводили исследования в области физиологии человека и биологии растений. Завершив эту работу, часть альпинистов, четыре человека — А. В. Блещунов, В. С. Яценко, В. Гарницкий и В. Губский отправились в большой кольцевой поход по Северо-Западному Памиру. Они прошли часть ледника Федченко и свернули в ущелье ледника Бивачного, верховья которого лежат на восточных склонах хребта Академии Наук. Альпинисты таили дерзкую мысль: перевалить через высочайший хребет Памира.

Эта мысль возникла у Блещунова при изучении отчета Н. В. Крыленко. Описывая вид с гребня хребта Академии Наук, он говорил: «По ту сторону хребта шел сначала скалистый спуск... он переходил затем в большой пологий спуск, в свою очередь превращавшийся в большое фирновое поле. Это фирновое поле переходило в ледник, шедший между двумя каменными теснинами, потом ледник поворачивал вправо, упираясь в другой большой ледник-ледопад... *Мы стояли на перевальном пункте*»¹ (подчеркнуто нами.— Д. З.). Позже, когда загадка «узла Гармо» была разгадана, стало ясно: Крыленко и Бархаш видели внизу ледник Бивачный.

И вот день за днем пробирались одесские альпинисты вверх по Бивачному. Каждый метр 27-километрового пути дается здесь с трудом. Только в нижней части ледника удастся идти вдоль его края по каменистому берегу. Потом склоны становятся круче, сдвигаются, и путешественникам приходится спуститься на лед. Тут-то и начались неприятности. Поверхность льда превращена неравномерным таянием в холмы и иглы. Эти ледяные сооружения подчас очень красивы, но людям то и дело приходится петлять между ними. Временами приходилось взбираться на ледяные холмы, чтобы следом спуститься в очередную ложбину. На пути — множество ледниковых ручьев и речек. Часто приходилось переходить вброд, а кое-где перепрыгивать.

Все же ледник очень красив. Один из своих привалов на небольшой площадке среди ледяных игл альпинисты называли «Тысяча и одна ночь». Когда наступала минута передышки и можно было поднять потные, разгоряченные лица, восхищенные взгляды альпинистов скользили по

¹ Там же, стр. 107—108.

зазубренным линиям гребней, массивным куполам пиков. Шутка ли, ведь группа была в самом центре Северо-Западного Памира, вблизи от высочайших вершин нашей страны!

Но место впадения ледника Сталина осталось позади. Ледяные иглы стали меньше ростом и постепенно исчезли. Итти стало легче, и группа скоро зашагала к верховьям Бивачного. А они уже открывались впереди, окаймленные грядой высоких гор. Альпинисты сверились с картой. Конечно, этот грозный снежный массив на левом фланге панорамы — пик Гармо. Видна уже и седловина в хребте, куда держит путь группа. Много правее — скалистые черные обрывы пика Молотова.

Под ногами открытый лед сменялся фирном. Во время очередного привала Блещунов и его спутники внимательно осматривают цирки ледника. На карте их три, зажатых между отрогами хребта. Но что это? Блещунов не верит своим глазам. Перед ним не три, а четыре отдельных цирка. Его рука немного дрожит, когда он исправляет карту. Ведь не всякому доводится такое.

...Подъем на седловину очень труден. Казалось, довольно было бы чрезвычайной крутизны фирнового склона, значительной высоты и опасности лавин, одна из которых едва не погубила альпинистов. Так нет, группе пришлось еще одолевать подгорные трещины. А ведь известно, что верхний край их всегда поднимается много выше нижнего и одолеть такую ледяную стенку не просто.

Наконец, все трудности остались позади и альпинисты вышли на седловину. Взгляд на пройденный путь, и не верится: неужели здесь можно было пройти?

Оставался еще трудный спуск. Но ведь уже его однажды прошли. А это очень много значит. Даже самый трудный путь, если знаешь, что его уже кто-то проделал, не остановит. Если кто-то смог, то почему это не сделаю я? Этот «психологический фактор» имеет огромное значение.

Итак, группа спустилась на ледник Вавилова, тем самым совершив первое, и, заметим, пока единственное, пересечение самой высокой части хребта Академии Наук. Вторично достигли люди основания северного гребня пика Гармо. Но на этот раз они шли с тяжелыми рюкзаками.

Все свое снаряжение и продукты для многодневного пути несли с собой¹.

Итак, первый этап восхождения на пик Гармо был разведан.

2

Началось лето 1948 г. Горячее среднеазиатское солнце растопило зимние снега. Набухшие талыми водами горные потоки, переполняя свои русла, стремительно мчались вниз. Рушились подмытые реками склоны. Вокруг завалов мгновенно вскипали буруны. Потоки воды, остановленные в своем бешеном беге, яростно набрасывались на препятствия и по частям растаскивали рыхлый грунт и обломки скал.

Начало лета в горном Таджикистане — всегда тяжелая пора для дорожников. Десятки метров дорожного полотна приходится делать заново. Иногда трассу дороги восстановить в прежнем месте невозможно. Тогда гремят взрывы, население целых кишлаков выходит в полном составе на помощь. День и ночь идут работы. Ведь железных дорог поблизости нет, и автомобильные тракты — это артерия жизни.

Автомашины доехали от Сталинабада до кишлака Сангвор, что в верховьях Обихингоу, без задержки и приключений. Экспедиция Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, организованная для восхождения на пик Гармо, выехала из Москвы только 20 июля и попала в горы, когда дороги уже были исправлены.

У конечного пункта автомобильного пути, близ кишлака Сангвор, экспедиция ненадолго установила свои палатки.

Невдалеке от палаток шумела река Обихингоу. По широкой долине раскинулись рощи тенистых деревьев. Далеко за ближними скалистыми горами, как бы пара в

¹ Четыре одесских альпиниста, достигнув ледника Гармо, повернули вверх по его левому притоку — леднику Ванчдара. Затем они перевалили в долину Ванча. Отсюда направились на восток и через перевал Кашалаяк снова пересекли хребет Академии Наук. Оказавшись вновь на леднике Федченко, они, посетив метеорологическую обсерваторию, направились вниз к Алтын-Мазару. Так они замкнули кольцо своего замечательного перехода. Подробно о нем см. В. С. Яценко, В горах Памира. Географгиз, 1951.

небе, поднимались снежные хребты. Туда, в царство ледников и скал, стремились альпинисты.

Автомобили сгрузили у палаток несколько десятков тяжелых ящиков и тюков. Нечего было и думать унести все это на себе. Нужны были выючные животные. Однако экспедиция прибыла в разгар полевых работ. Лошади и ишаки заняты перевозкой урожая, и получить их нелегко. Пока этот вопрос решался, можно было подготовить груз к перевозке во выюках. Продукты и снаряжение укладывают в удобные брезентовые выючные сумы. Но во время путешествия нужно иметь под рукой именно то, что нужно в данный момент, и не рыться по всем сумам. Поэтому все имущество сортируется в соответствии с периодами работы: отдельно то, что потребуется в промежуточных лагерях, особо — предназначенное для обеспечения штурма пика. Эти сумы обозначены буквой «В». В них самое калорийное питание, самые теплые вещи и многое другое. Они неприкосновенны до того момента, когда настанет время переложить груз в рюкзаки альпинистов, до начала восхождения.

Сортировкой и упаковкой груза распоряжается А. И. Иванов. Это его любимое занятие, и он заставляет всех соблюдать установленный им же строгий порядок.

Наконец, можно грузиться. Но животных немного, и груз отправляется небольшими партиями. Первые два каравана уходят из Сангвора 6 августа. Затем следуют другие. С караванами небольшими группами уходят и участники экспедиции. Собственно говоря, идти им пока что недалеко. До последнего селения долины — Пашимгара всего двенадцать километров пути. Переход по живописной долине приятен и совершенно не утомляет людей. Однако впереди предстоит серьезное испытание. У Пашимгара сливаются три реки: Киргизоб, Гармо и Бохуд. Чтобы попасть в долину Гармо, нужно перейти через текущую с севера Киргизоб. Река эта быстрая и полноводная, брод здесь нелегкий.

Однако переправились успешно. Пока альпинисты готовили в Сангворе грузы и отправляли караваны, начальник экспедиции А. С. Мухин успел добраться до Пашимгара. Здесь он связался с топографами, работавшими неподалеку. Топографы помогли экспедиции: переправу через Киргизоб они проводили много раз и приспособились к этому делу. Кроме того, они выделили лоша-

дей, чтобы перебросить грузы альпинистов к концу ледника.

Долина Гармо радует глаз густыми зарослями арчи и березы. Едва намеченная тропа долго идет лесом. Не верится даже, что рядом ледник и снежные вершины. Деревья шумят от слабого ветра. Лес, повидимому, густо населен непуганными зверями. То и дело попадаются следы медведей. Даже обычно трусливые зайцы не спешат скрыться и с любопытством посматривают на караван.

Лес поредел. Тропа, выбравшись из-под тени деревьев, поднимается вверх по склону к крутой осыпи, затем спускается к самому руслу реки. Снова подъем, и тропа опять скрывается в лесу. Местами на кустах видны красные лоскуты и обрывки бумаги. Где-то впереди идет передовая группа и отмечает путь. Солнце уже поднялось высоко. На открытых склонах, вероятно, очень жарко, но в лесу царит приятная прохлада. Немного таких мест на Памире!

Два часа дня. Караван догнал передовую группу. Кусты и деревья впереди сплелись в непроходимую для груженых лошадей чащу. Путь приходится расчищать, и это удастся сделать лишь объединенными силами всех членов экспедиции.

На пути то и дело глубокие ложбины, поваленные ветром деревья, поросшие травой каменные завалы. Уже в полной темноте караван остановился на ночлег у небольшой речки Журдара. От лагеря, разбитого на высоте 3150 м среди густых кустов ивняка,— всего километр пути до конца ледника. Дальше животные пройти не могли, и этот лагерь стал базовым для экспедиции.

На юго-востоке хорошо виден пик Гармо — еще далекая цель экспедиции. В Дарвазском хребте неподалеку от Гармо поднимаются две другие крупные вершины, высотой около 6300—6400 м. А еще дальше на запад гребень Дарвазского хребта делает взлет к снежной вершине, которая, как кажется альпинистам, не уступает по высоте Гармо. Но так только кажется, снежная вершина ближе. Поэтому она представляется такой высокой. На самом деле Дарвазский хребет от места стыка с хребтом Академии Наук неуклонно понижается к западу, до 4500 м у перевала Акба-и-Сытарг. Есть, правда, в нем еще одна высокая вершина — пик Арнавад (6083 м), но он находится много западнее, в верховьях р. Обимазар.

12 августа альпинисты приступили к переноске грузов по леднику Гармо. Около 500 кг нужно было доставить в верхнюю часть ледника Вавилова, к подножию пика Гармо. Из лагеря туда около 30 км трудного пути.

Покинув базовый лагерь, группа еще не скоро вступает на ледник. Лес, правда поредевший, тянется по склону почти до конца ледника. Но вот и темная масса льда, скрытая под толстым слоем каменных обломков и щебня. Это обычно для памирских ледников. Удивляет альпинистов другое: в лобовой части языка нет грота, откуда вырывалась бы река. Она начинается значительно выше. В 5 км от конца ледника текущие по его поверхности ручьи сливаются и образуют единый поток, пропиливающий в толще льда узкий каньон. Так начинается р. Гармо.

Наконец, приходится перейти со склона на ледник, вернее на его морену. В этот день группе предстояло добраться до устья боковой долины Аводара, где намечено место очередного лагеря. Но путь с 28-килограммовыми рюкзаками через каменные нагромождения и моренные холмы нелегко. Только А. Багров и Б. Иванов справились с этим делом. Остальные, оставив свой груз в 2—3 км от цели, повернули назад к базовому лагерю. Люди еще не втянулись в трудную работу. Пришлось устроить день отдыха. Но и следующий выход вверх отложен. Очередной караван не смог добраться до лагеря, и оставленные по пути грузы альпинистам пришлось нести на себе.

Чтобы доставить на ледник Вавилова весь груз, каждому нужно пройти весь путь не менее двух раз. Эту операцию разбили на три этапа. Только подтащив все необходимое в первый пункт маршрута, начинали переброску дальше.

16 августа был установлен очередной лагерь у Аводара. Здесь останавливались в 1916 г. Беляев и Беседин, в 1931 и 1932 гг. группы Крыленко и Дорофеева. Большой камень хранит надписи, оставленные предыдущими экспедициями. Вблизи палаток — большое моренное озеро. Странно, в нем множество маленьких лягушек. Ведь высота здесь 3450 м и зима бывает очень суровой. Как они ее переносят?

Отряд разделился. В. Иванов, А. Багров и М. Мирошкин отправились вверх по леднику в разведку, остальные — в базовый лагерь за очередной партией груза.

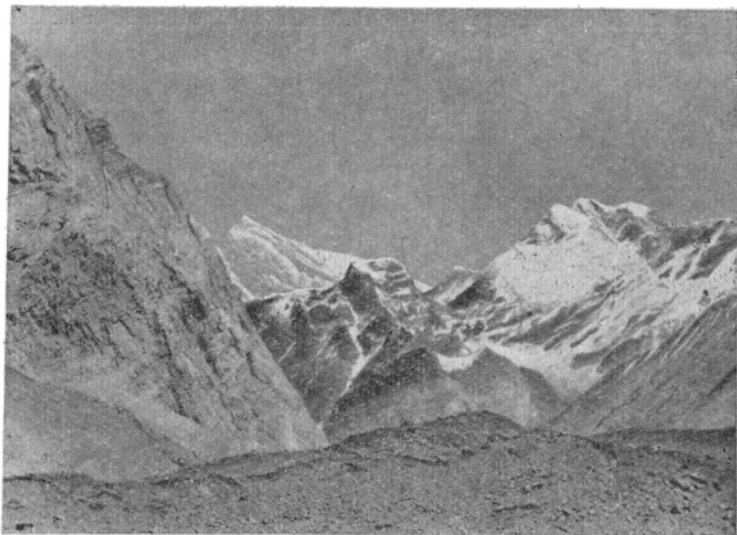
Следующий этап пути — до «развилки» ледников (так альпинисты называли это место). Здесь сливаются ледник Липского, ледник Беляева (собственно продолжение основной ветви Гармо) и ледник Вавилова.

Только в 15 км от конца языка среди камней морены появляются пятна чистого льда; еще несколько километров, и под ногами больше нет камней. На льду множество озер, маленьких и больших. Вода всех оттенков — голубого, синего и зеленого цветов. В конце долины высются обрывистые скалистые склоны пика Молотова (6868 м); впрочем, вершина его отсюда не видна. Немного севернее, за линией хребта, проглядывает скалистый гребень пика Сталина. Отсюда видна лишь небольшая его часть, и он теряется среди более близких вершин.

Следующий, третий по счету, лагерь разместился немного выше «развилки». Палатки стояли на небольшой зеленой лужайке. Среди травы множество скромных, но обычно столь редких цветов высокогорья — эдельвейсов.

График доставки груза нарушен. Группе опять пришлось разделиться. Семь альпинистов уходят вверх по леднику Вавилова, трое возвращаются в лагерь Аводара. К вечеру 20 августа в верхней части ледника Вавилова, вблизи устья его шестого правого потока, была установлена палатка. Наконец-то сюда, к подножию подъема на хребет Академии Наук, доставлена первая партия груза. Через два дня транспортировка была закончена. К этому времени закончена разведка первой части подъема. В маленьком лагере собрались девять человек: А. Багров, А. Иванов, В. Иванов, В. Мухин, В. Гусев, А. Гожев, И. Мирошкин и В. Науменко. Это — штурмовая группа. Остальные участники экспедиции разбились на небольшие партии. А. Мухин, Р. Гакель, сталинабадский спортсмен Т. Суеркулов и врач М. Гуренкова, базируясь на лагерь № 3, должны были подняться на пик Щербакова (5100 м), чтобы уточнить направление центральной части хребта Академии Наук. В базовом лагере остаются: С. Успенский — завхоз экспедиции, В. Самсонов — радист и А. Яншина. Успенский получил указание: к 3 сентября подготовить все для обратной дороги.

В распоряжении штурмовой группы оставалось не так-то уж много времени. Альпинисты должны были спуститься с пика никак не позднее 1 сентября. Итак, девять дней на подъем более чем в два километра по вертикали,

Верховья долины Гармо. На заднем плане слева — пик Сталина
Фото В. Гусева

из которых разведано около половины. Именно вторая часть пути обещает серьезные трудности. Удастся ли вообще пройти? Блещунов, видевший северное ребро пика с седловины хребта Академии Наук, говорил: «Трудно, возможно — даже очень трудно будет. Однако пройти, кажется, можно». Засыпая в ночь перед выходом из четвертого лагеря, альпинисты, конечно, думали об этой фразе, но к трудностям они уже привыкли. На легкую победу никто и не рассчитывал.

...Уже несколько часов, как штурмовая группа покинула свой лагерь. Пройден почти весь шестой ледник, по которому когда-то поднимались Крыленко и Бархаш, а затем спускалась группа Блещунова. Даже грозный ледопад не остановил альпинистов. Не доходя до него, они свернули на крутой снежник и, поднявшись еще метров на 200, достигли подножия скалистой стены. Над скалами снова начиналось фирновое поле.

А. Багров, В. Иванов и В. Мухин налегке преодолели препятствие. Через час вся группа стояла на фирновом склоне. Ледопад был обойден, и путь в цирк ледника от-

крыт. Всего на 450 м в этот день поднялись восходители. Немудрено, ведь вышли они лишь около полудня и, чтобы избежать необходимости второго рейса, забрали с собой сразу весь груз. Средний вес рюкзака — 31 кг. Многовато!

Когда темнота скрыла очертания гор, лагерь в фирновом цирке уже спал. Полотнища палаток были наглухо застегнуты, ночь была сравнительно безветренной, и все же альпинистам было холодно. Под спальные мешки сложили все теплые вещи и свернутую в кольца веревку, но холод поднимается от снега и проникает в спальные мешки. Хорошо отдохнуть и выспаться в таких условиях трудно. Только когда из-за хребта протянулись солнечные лучи и их живительное тепло согрело палатки, на снегу показались люди. Группа вышла, оставив половину груза на месте ночлега.

Снова подъем по крутому фирновому склону. Вскоре уклон достиг 50—55°. Но поверхность снега неровная. Словно ошестинившись, тысячи фирновых и ледяных игл торчат на 0,5—1,2 м. Между ними по глубоким рывинам струится талая вода. Кое-где снег проваливается под тяжелым ботинком. Группа уже давно перевалила рубеж 5000 м и неуклонно поднималась дальше.

Сузившийся до размеров кулуара снежник снова расширился. Сколько хватает взгляда, он все также круто поднимается до самого гребня. Немного правее линии подъема группы виден скальный выступ. Альпинисты свернули к нему. За скалой снега не было. Зато пришлось подниматься по мелкой, подвижной осыпи, покрывающей крутое дно кулуара. Коварные камни ползут под ногами. Люди, шагнув на метр, сползают обратно наполовину. Обломки камней с шумом летят вниз, угрожая последним связкам. Группа старается идти на кратчайшей дистанции — так безопасней.

Крутизна подъема быстро убывала, склон закруглялся. Наконец-то группа достигла гребня. Впрочем, люди не успели еще дойти до него, как уже почувствовали его близость: холодный западный ветер набросился на них, начал трепать одежду, щипать кожу лица и рук. Но это ничего — важно, что первый этап восхождения завершен успешно.

С седловины, на которую вышла группа, пик Гармо не виден. Нужно пройти немного вперед, и с увала вершина открывается во всей своей грозной красоте. Вся южная

часть горизонта закрыта массивом. Погода хорошая, и альпинисты смогли не только осмотреть свой будущий путь восхождения, но и увидеть ущелье ледника Бивачного и даже дальние горы над ледником Федченко.

Однако в этот день альпинисты не стали устанавливать на гребне новый лагерь. Им еще нужно было доставить сюда остаток груза. Поэтому лагерь № 6, на высоте около 5500 м, появился только 25 августа.

У группы оставалось шесть дней и более километра высоты, которую еще нужно было завоевать. К тому же на погоду виды были неважные: вершина Гармо курилась снежным флагом, там свирепствовал сильный ветер. Несмотря на это, следующий день был отведен для отдыха — приступить к восхождению нужно было со свежими силами. Следовало бы разведать и другие гребни вершины, например восточное ребро. Но для этого уже нет времени. Свой день отдыха альпинисты провели довольно своеобразно. В 12 часов дня они двинулись по гребню в направлении на северо-восток и поднялись двумя группами на две вершины, надеясь осмотреть восточный склон пика. Первая вершина была названа именем Блещунова. Со второй вершины, пика Снежного, действительно открылась превосходная панорама гор на десятки километров. Однако как следует осмотреть восточное ребро Гармо все же не удалось, — большую его часть закрывал выступ северного склона вершины. Итак, в условиях жесткого лимита времени оставался лишь один вариант — попытаться подняться по северному, точнее — северо-западному гребню вершины. И 27 августа группа в полном составе вышла на штурм.

Рюкзаки несколько полегчали: часть продуктов съедена за прошедшие дни, немного оставлено в лагере на обратный путь. Но груз за плечами на крутом подъеме все же весьма ощутим. Первая связка Багрова облегчена. На ее долю выпадает трудная задача — проложить путь всем товарищам.

...Зубья кошек со скрипом вонзались в промерзший фирн. Только этот резкий звук да тяжелое дыхание девяти человек нарушали торжественное молчание гор. Борьба будет происходить в тишине. Лишь суетливый ветер может по временам нарушить ее или тяжелый рокот снежной лавины отдастся тысячекратным эхом в соседних

ущельях. Взметнувшиеся ввысь облака искрящейся пыли улягутся пудрой на темных скалах, и снова все стихнет.

Группа миновала вершину 5750 м — преддверие Гармо — и спустилась с нее на гребень, потеряв 300 м высоты. Здесь — твердый лед, в котором пришлось рубить ступени. Горы не ставят на пути смельчаков огнедышащих драконов и заколдованных великанов. Но разве менее страшны вон те черные зубья скал, ощерившиеся у края снежного склона? Разве в сказках были великаны, равные по мощи тысячеметровым ледяным стенам Гармо?

Сразу же за понижением гребня взлетают ввысь крутые скалы. Ледовая работа сменилась трудным скалолазанием, а стрелка альтиметра снова перевалила за отметку 5500 м. Двести метров подъема по скалам, и группа снова оказалась на фирновом гребне. Науменко привалился к своему рюкзаку, голова его опущена. Он использует каждую минуту недолгой передышки. Рядом — другие альпинисты второй и третьей связки. Первая тройка уже ушла далеко вверх. Подъем!

До сумерек шли альпинисты по твердому, обдутому ветром фирну, преодолевали участки крутого, обнаженного льда. Огромная ледяная стена, спускающаяся от вершины пика до цирка ледника Вавилова, как бы надвигалась на людей. Но они все шли. Шаги их стали тяжелыми, ноги подгибались от усталости. Давно наступило время остановиться и готовиться к ночлегу. Но подходящего места не попадалось. Темнело, когда Багров вступил первым на относительно пологую фирновую площадку. Он сбросил рюкзак и яростно врубился ледорубом в фирн: для палаток нужно было сделать ровные площадки на склоне.

Лагерь № 7 стоял на высоте 5920 м. Место ночевки отмечали пустые консервные банки и множество обгорелых спичек. Чтобы одна из них разгорелась как следует на этой высоте, приходилось иссичкать не менее десятка. Но почему же оставлены на одной площадке аккуратно сложенные ботинки? Неужели восходители пошли дальше разутыми? Нет, разумеется. Пятеро восходителей сменили ботинки на утепленную обувь — шакльтоны. Остальные — А. Иванов, В. Гусев, В. Науменко и И. Мирошкин решили идти дальше в специальных горнолыжных ботинках. Особенно привлекают их высокие носы в этой обуви, здесь достаточное пространство для пальцев ног, да размеры ее таковы, что можно свободно надеть три-четыре носка.

Верховья ледника Вавилова и массив пика Гармо (слева)
Фото А. Мухина

День выдался безоблачный, но на гребне холодно. Дует пронизывающий ледяной ветер. Руки альпинистов коченели. Трудно было забить очередной ледовый крюк, вогнать в снег ледоруб для организации страховки. А то и другое приходилось делать очень часто: перед альпинистами вставляли ледяные стенки, барьеры на и без того крутом подъеме. Багров попрежнему впереди, следом за ним В. Иванов. Первый прокладывал и оборудовал путь, второй страховал его.

Чем выше поднималась группа, тем шире развertyвалась позади панорама. Выступы гребня хребта уже не закрывали вид на массивы пиков Молотова и Сталина, западнее виден лик Москвы. За ближними вершинами, уже в дымке, рисовались пики Заалай. А впереди все также круто поднимались склоны и гребень Гармо.

В этот день альпинистам пришлось столкнуться с большими трудностями. Ледовые стенки следовали одна за другой. Каждый метр подъема давался с боем. Чего греха таить, восходители уже порядком устали. Особенно заметно это на И. Мирошкине. Он жаловался, что ноги мерзнут. С трудом передвигался, задерживал товарищей.

Странно, весь период подготовки Иван Васильевич был самым бодрым и неутомимым. Во время последнего медосмотра перед самым выходом на штурм он был совершенно здоров. А теперь ...В чем же дело?

Но что бы там ни было, а нужно было считаться с фактом. Первая связка уже одолела скалистую грядку, перегораживающую склон. Но этот трудный подъем был явно не по силам Мирошкину. Поэтому восьмой лагерь расположен на двух уровнях: одна палатка, первой связки, стояла выше скалы, две других — у подножия подъема. Высота около 6200 м.

Медленно скользили солнечные лучи, постепенно освещающая склон за склоном. Вот заблестели крыши палаток. Однако солнечный свет не согревает людей. Ртуть в термометре застыла на -18° . Несмотря на мороз, пора выходить. Но Мирошкину ночь не принесла облегчения. Ноги в ботинках не могли согреться. Он сделал несколько шагов с товарищами и со вздохом опустился на снег. С минуту альпинисты молча смотрели на понурую фигуру товарища. Вывод был ясен: ему необходимо было спускаться. Однако его одного отпускать нельзя. Сопровождать Мирошкина вызвался Науменко. Через несколько минут два альпиниста быстро шли по гребню вниз.

Теперь две вторые связки состояли каждая из двух человек. Руководителем штурма остался В. Иванов.

....За скалистой грядкой снова крутой подъем по льду. Движение несколько облегчалось тем, что кошки у всех имели укороченные передние зубья. Но путь все же очень опасен, то и дело приходилось забивать в лед крючья. Первый выходит на всю длину веревки, тогда начинают двигаться остальные.

Несмотря на тяготы пути, Анатолий Иванов урывает минуты, чтобы делать засечки крутизны склонов — это для составления точного профиля маршрута. То и дело товарищи нетерпеливо торопили его, но Иванов невозмутимо продолжал свое занятие.

Солнце согревало людей, и мороз ощущался не так сильно, но стоило сойти в тень, как начинали отчаянно зябнуть руки и ноги. Сказывается недостаток кислорода в воздухе; перегруженному сердцу все труднее посылать кровь в мелкие сосуды конечностей, сжатые холодом.

После длительного петляния между крутыми сбросами группа, наконец, вышла на довольно пологий склон.

Уклон всего лишь в 30—35° после пройденного пути воспринимался почти как ровная поверхность. Новая беда: глубокий рыхлый снег. Все чаще делались остановки для отдыха, но короткая передышка давала лишь время успокоиться сердцу.

Снова ледяная стена. Тридцатиметровый порог, со средним уклоном около 65°. Опять зазвенел ледоруб, и раздались сухие удары молотка по ледовому крюку. Это препятствие отняло последние силы. К тому же солнце уже скрывалось за хребтами. Над стенкой крутой склон, и ничего лучшего вблизи не видно. Пришлось здесь же устраиваться на ночь. Трудно было усталым людям снова приступать к тяжелой работе. Однако нужно же было поставить палатки! Два часа потребовалось, чтобы две палатки, лагерь № 9, наконец, надежно стояли на склоне. Высота около 6400 м. 30 августа последний день штурма,— свой бюджет времени группа почти исчерпала. Если в этот день не достичь высшей точки, придется повернуть назад у самой цели. Как назло, с утра погода ухудшилась. Сильный ветер гнал поземку. Солнце сквозь снежную пыль казалось тусклым красноватым диском.

Альпинисты не вылезали из палаток. Они долго растаптывали снег для чая, завтракали, грели над огнем спиртовых кухонь промерзшую обувь.

...Только после полудня стих ветер. Одна за другой покинули связки альпинистов свои палатки, сложив в них лишние вещи и припасы. До вершины было уже недалеко. Налегке куда легче будет преодолеть последние препятствия. Тем более, что «на закуску» остались, кажется, самые трудные участки пути.

Первые шаги на такой высоте после неважно проведенной ночи бывают особенно трудными. Не сразу втягивается измученное тело в ритм движения. Особенно если ритм этот поминутно нарушается: поги то и дело проваливаются сквозь тонкую корку паста. Каждый раз только что установившееся дыхание срывается и приходится останавливаться.

Медленно, очень медленно одолевали восходители подъем. Фирновый склон уперся в обледенелые скалы. Только в одном месте виднелся просвет между ними — узкий снежный галстук — кулуар. Под ногами то и дело примерзшие ко льду камни. Но они плохо держатся и от

неверного движения могут сорваться. Тогда горе идущим позади.

Соблюдая максимальную осторожность, связки поочередно прошли 50-метровый кулуар. Здесь снова пришлось вспомнить сказочных стражей, поставленных на пути в неизвестное. Выход из кулуара заперт семиметровой отвесной скалой. Обход справа и слева опасен — могут сорваться лавины. Пришлось лезть «в лоб».

Трудное скалолазание на 6½-километровой высоте после многих дней тяжелого подъема — задача, вероятно, не менее сложная, чем сражение со сказочным великаном.

В. Мухин вбил в едва заметную трещину стальной крюк. Теперь нужно снять теплые рукавицы, и, хотя промерзший камень обжигает кожу рук, только так можно проложить путь. Крюк — опора для одной руки. А вторая? Пальцы второй руки терпеливо, сантиметр за сантиметром, ощупывают поверхность породы. Наконец, под рукой какая-то неровность: уцепиться можно! А раз можно уцепиться, — можно подняться. Медленно и очень осторожно подтягивает альпинист свое тело. Еще один уступ, еще шаг...

Скала завершается наклонной плитой. Здесь уже удерживается тонкий слой снега, но он скрывает неровности породы, движения альпиниста стали неуверенными. Он осторожно очищает камень от снега, ищет, где бы ухватиться. Наконец, выступ: здесь удалось стать и забить крюк. Осталось лишь навесить веревку. Трудное место остается позади. Путь до вершины труден, еще приходится топтать след в глубоком снегу, но теперь все это уже не страшно. Было ясно видно — это он, коричневый скалистый конус вершины!

В 16 ч. 30 м. группа достигла высшей точки Гармо. Это небольшая скалистая площадка, к которой подходят не только северный, но и восточный и южный гребни. Не более часа пробыли альпинисты на вершине — предстоял трудный спуск.

* *
*

Когда Науменко с Мирошкиным расстались с товарищами, они решили как можно быстрее спуститься вниз. Нужно было добраться до гребня, где был лагерь № 6 и оставались запасы продуктов и горючего.

Путь, пройденный при подъеме, быстро разворачивался в обратной последовательности. Спелезные склоны, ледяные стенки и скалы сменяли друг друга. Два альпиниста за день спустились на 700 м. Несмотря на усталость, Мирошкин шел уверенно, бодрился.

Науменко полагал, что на следующий день с потерей высоты дело пойдет еще лучше. Мирошкин устало улыбался, слушая предсказания товарища, и согласно кивал в ответ.

Ночью ему стало хуже. Частые приступы кашля сотрясали все его большое тело. Каждый раз он с трудом переводил дыхание. Снова раздражающий горло и легкие кашель душил больного. Науменко уже сознавал, что дело не в горной болезни: Мирошкин, повидимому, простудил легкие. А на большой высоте это очень опасно. Больного нужно возможно скорее спускать.

...Только под утро уснул Мирошкин. Науменко сидел рядом, не смыкая глаз. Он вспомнил, что с Мирошкиным уже однажды во время восхождения в Тянь-Шане в 1938 г. тоже случилось что-то странное. Ему также пришлось прервать восхождение и срочно спускаться вниз.

30 августа, когда штурмовая группа одолевала последние препятствия перед вершиной, Науменко и Мирошкин двигались по гребню. От места ночевки до склада продовольствия было не более двух километров. Но гребень здесь представлял собою серию взлетов и седловин. Путь даже для здорового человека — не из легких. Мирошкин же за ночь ослаб еще более. Он хватал холодный воздух широко раскрытым ртом, задыхался после каждого шага. Науменко то и дело помогал подняться товарищу. Сделав два-три шага, Мирошкин вновь опускался на снег. Он не жаловался, но было видно, как мучительно дается ему каждый метр пути. Науменко уже давно нес два рюкзака, но он еще сделал попытку взвалить на плечи и товарища, более рослого и более тяжелого, чем он сам. Однако итти он не смог. Вскоре они добрались до удобной площадки. Науменко поставил палатку и помог Мирошкину забраться в спальный мешок.

Еще одна мучительная ночь. Науменко знал, что группа уже должна спускаться. Вот-вот она догонит, и тогда общими силами удастся спустить больного на ледник. Но бездействие тягостно, и утром 31 августа Мирошкин

попытался снова подняться. Однако он даже не смог выбраться из мешка.

Медленно тянулись часы ожидания. Науменко чувствовал себя бессильным помочь больному. Он достал все теплые вещи и укрыл товарища. Натопил немного воды и после особенно сильных приступов кашля давал Мирошкину по несколько глотков мутной, тепловатой влаги. Еще одна ночь и еще один день. Науменко с ужасом видел, что товарищ с каждым часом все более слабеет. Несколько раз он выбирался из палатки и подолгу всматривался в склоны гребня. Пробовал даже кричать, но сильный ветер относил звук голоса. Впрочем, альпинист понимал, что товарищей торопить не к чему, они и так спешат и спускаются с наибольшей доступной им скоростью.

...Первая связка штурмовой группы появилась к концу дня 1 сентября. Над срезом ледяной стены, у подножия которой приютилась палатка, показалась фигура Багрова. Он удивленно вскрикнул и немедленно начал спускаться. Вскоре вся группа была у палатки и слушала рассказ Науменко.

Казавшийся до того безразличным Мирошкин при виде товарищей заметно оживился. Он даже спросил едва слышным шепотом, взята ли вершина. Услышав ответ, он удовлетворенно кивнул головой и улыбнулся. Как ни устали восходители, они забыли о своем состоянии, о подмороженных кое у кого пальцах, слезящихся воспаленных глазах и заботливо старались хоть чем-нибудь облегчить положение больного.

Было принято единственное верное решение: несмотря на наступающие сумерки, немедленно продолжать спуск Мирошкина. Передовая четверка уходит вперед подготовить лагерь и сварить горячую пищу, остальные осторожно извлекают товарища из мешка, одевают его теплее.

Но даже с помощью двух человек Мирошкин итти не может. Багров пытается нести его на себе, но вскоре этот очень выносливый альпинист вынужден отказаться от такого способа передвижения: слишком велика усталость после восхождения, слишком труден путь. Пришлось соорудить из веревок подобие сидения и нести больного попарно. Вскоре первая двойка, В. Иванов и В. Мухин выбились из сил. Их сменили Багров и Гожев. Вернулись из передовой четверки А. Иванов и И. Дайбог.

Но и такой способ передвижения оказался не под силу Мирошкину. Он знаком попросил остановиться и положить его. Больной лежал, закрыв глаза, не отвечая на вопросы встревоженных товарищей. Сознание покинуло его. Виктор Мухин держал руку Мирошкина: пульс все слабел, временами совсем исчезал.

Попробовали применить искусственное дыхание, но это не помогло. Мухин первым заметил, что рука, которую он все еще держал, холодеет. Шепотом сообщил он это товарищам. Умер? Не может быть! Но стекла очков, которые кто-то поднес ко рту Мирошкина, остались прозрачными. Все было кончено.

Науменко и Гусев тщательно ждали в лагере № 6. Никто не пришел. Остыл заботливо приготовленный суп и чай. Снизу от ледника потянуло холодом, но на гребне было тихо. Тихо было и около места последнего привала Мирошкина. Альпинисты не спали. Молча лежали они в своих спальных мешках, думая о том, как дорого было заплачено за победу.

...2 сентября после похорон Мирошкина, которому соорудили каменную могилу на гребне, группа начала спуск. Конечно, всем хотелось доставить тело товарища вниз на ледник. Однако спуск предстоял по очень трудному и опасному пути. Люди уже были обессилены всем предыдущим, да и продуктов оставалось едва на два дня...

...Десятого сентября экспедиция вернулась в Сталинабад. Здесь же оказались участники экспедиции Московского государственного университета, работавшей в долине Ванча, и Е. В. Тимашев, обследовавший в тот год ледник Гандо ¹.

3

Летом 1950 г. в долину Гармо вновь приехали альпинисты. Это были участники спортивной экспедиции общества «Локомотив». Возглавлял группу Б. А. Гарф. Побывав на многих вершинах Кавказа, альпинисты-железнодорожники решили попытать свои силы в высотных горных восхождениях. Собственно говоря, в район Гармо экспедиция попала случайно. Предварительно было намечено совершить восхождение в верховьях более северного ледника Гандо, где поднимается множество никем не покоренных вершин. Предполагалось, в частности, разведать

¹ Подробно об этих экспедициях см. Ежегодник советского альпинизма «Побежденные вершины» за 1949 и 1950 гг.

возможность подъема с юга на пик Москва. Е. В. Тимашев, осматривая юго-восточные склоны пика в 1948 г., пришел к выводу, что подъем по юго-восточному гребню на вершину, хотя и труден, но возможен. Этот путь даже имеет, по его мнению, преимущества: он раньше освещается и согревается солнцем, отрыв от базового лагеря здесь меньше, и будет постоянная зрительная связь между лагерьем и восходителями.

Однако первая же разведка, предпринятая экспедицией по прибытии в Пашимгар, показала, что пройти в долину Гандо в этом году чрезвычайно трудно. Поэтому было решено направиться в долину Гармо. Альпинисты устремляли свои взгляды в сторону вершин, поднимающихся на севере в хребте Петра Первого. Если отпала возможность попробовать силы на пике Москва, почему бы не попытать счастья в штурме других известных вершин района, например пиков Ленинград и Абалакова?

3 августа альпинисты покинули свой базовый лагерь на правом берегу ледника Гармо и отправились в разведку. Вблизи устья р. Кашдара остановились на ночь. Невдалеке от места, где стояли палатки, блестело небольшое озерко. Его песчаные берега пестрели множеством следов. Побывали здесь грациозные киики, оставили отпечатки своих лап неуклюжие забавные сурки и быстрые куницы. Прошли по песку и медведь и барс. Обильна фауна Памира, высоко в зону ледников забираются его четвероногие обитатели. Не случайно назвали впоследствии альпинисты один из своих лагерей «Сурковым». Палатки этого лагеря стояли на высоте около 4000 м, на небольшой травянистой площадке, в самом сердце ледников долины Гармо! Следы животных, которые видели у озера альпинисты, далеко не исчерпывают перечня обитателей района.

На следующий день разведка была временно прервана. При переправе через поток р. Аводара Н. Некрасова растянула ногу. Вызванный из первого лагеря врач прописал пострадавшей покой, и она осталась в новом лагере у Аводара с И. Разовской. Остальные ушли вверх по леднику.

Разовской предстояло еще совершить небольшой переход в базовый лагерь за продуктами для себя и больной. Эта прогулка надолго будет памятна альпинистке. Она шла по уже знакомому пути, погруженная в какие-то свои мысли. Пейзаж уже был знаком и в этот момент не осо-

бенно привлекал ее внимание. Короче говоря, по сторонам она не смотрела. Однако, чтобы перебраться через ручей, нужно выбрать наиболее удобный брод или, лучше, камни. Для этого пришлось оторваться от дум и оглядеться. Так Разовская и сделала. Но взглянув вперед, она окаменела: шагах в двадцати от нее, «миролюбиво» виляя хвостом, стоял здоровенный барс. Что делать? Альпинистка была недвижима, барс тоже стоял спокойно, изредка разевавая свою клыкастую пасть и высывая яркоалый язык. Разовская потом рассказывала, что растерялась до такой степени, что ...запела. Не трудно представить себе, какое это было пение, особенно если учесть, что в обычных условиях Разовская не отличается ни голосом, ни тонким слухом. Барс был, повидимому, не менее удивлен неожиданным концертом, чем Разовская встречей с ним. Гарф, услышав рассказ об этой встрече, язвительно заметил, что, к счастью, зверь попался музыкальный. Действительно, барс фыркнул и медленно удалился.

Прошло несколько минут, прежде чем Разовская оказалась в состоянии двинуться дальше. И хотя зверь больше не появлялся, впоследствии по следам удалось установить, что он сопровождал ее в отдалении чуть ли не до самого лагеря.

...Между тем разведчики двигались все выше по долине. Осталось слева по ходу боковое ущелье, где поднимается пик Беседина. К исходу дня они достигли конца ледника Вавилова. Лагерь разбили там же, где стояли палатки экспедиции 1948 г. Это место и было названо Сурковым лагерем. Место это действительно очень удобно. Очень приятно провести недолгие часы отдыха после многочасовых переходов по ледникам на траве, среди цветущих эдельвейсов. К тому же поблизости журчит ручей с холодной чистой водой.

6 августа альпинисты небольшими группами вышли из Суркового лагеря. Одна из них, Н. Власычев, А. Дейкин, А. Утляткин и А. Некрасов, отправилась на пик Щербакова. Эта вершина, поднимающаяся над развилкой ледников, весьма доступна, и с нее открывается прекрасная панорама всей центральной части хребта Академии Наук.

Г. Веденников и П. Поварнин вышли с более ответственным заданием: им предстоит установить, возможны ли восхождения на пики Ленинград и Е. Абалакова. Б. Гарф и В. Шер отправились почти прямо на восток

от лагеря, по ущелью первого правого притока ледника Вавилова. На севере оно ограничено коротким отрогом хребта Академии Наук. Там, где отрог отходит от хребта, в нем поднимается вершина высотой 6350 м. Отсюда хребет резко поворачивает к востоку-северо-востоку. Пик 6350 м как бы замыкает панораму долины. Не случайно Беляев в 1916 г. даже принял его за Гармо. Правда, учитывая его своеобразную форму с высоко расположенными цирками ледников, он и Беседин именовали его также Троном Петра Великого. Во всяком случае к 1950 г. вершина эта не имела установившегося названия.

Гарф рассчитывал найти перевал через отрог в цирк ледника Беляева; заодно предполагалось разведать путь подъема на пик 6350 м.

...Нижняя часть бокового ледника представляла собой разорванный множеством трещин ледопад. Нечего было и думать пройти здесь. Однако ледяной хаос можно обойти по склонам, где подъем не представляет особого труда. Гарф так и сделал. Через 4 часа двойка достигла морены у верхней части ледника. Но что это? Здесь уже кто-то побывал. У морены стоит тур. Раскрыв тур, Гарф извлек записку, оставленную в 1948 г. А. С. Мухиным, который поднялся сюда с врачом экспедиции М. С. Гуренковой. Мухин здесь прекратил подъем. Гарф и Шер, внимательно осмотрев цирк, также пришли к выводу, что пересечь отрог не удастся: он поднимался трехсотметровой стеной. Зато если пересечь ледник в его средней части, можно выйти на юго-западный гребень пика 6350 м. А по гребню — прямой путь к вершине.

К вечеру разведчики собрались в Сурковом лагере. Если Гарф и Шер могли обрадовать товарищей, то Веденников и Поварнин вернулись ни с чем: целый день напряженной работы на леднике не привел к успеху, пройти ледопад им не удалось. Восхождение на пик Щербакова завершилось удачно, — об этом обитателей лагеря оповестил световой сигнал с гребня вершины.

Вторично попытались Поварнин и Веденников пробиться к склонам хребта Петра Первого. Им удалось пересечь ледопад и выйти на правый берег ледника. Здесь они поднялись на безымянную вершину, завершающую южный отрог пика Ленинград. Увы, склоны хребтов Петра Первого и ОПТЭ обращены к долине Гармо такими страшными обрывами, что подъем по ним маловероятен. И на

С хребта Академии Наук
открылся вид на ледяные об-
рывы северного ребра пика
Гармо

Фото И. Дайбога

этой вершине участники экспедиции не были первыми,— они нашли тур с запиской А. С. Мухина, поднявшегося сюда вместе с Р. А. Гакелем в 1948 г.

Разведки продолжались и в последующие дни. Снова, но также безрезультатно был осмотрен злополучный западный отрог. Одна из групп отправилась в верховья ледника Вавилова, чтобы взглянуть на Дарвазскую стену. Альпинисты никак не хотели смириться с потерей такого первоклассного объекта, как пик Москва, и искали ему достойной замены.

Впрочем, с этой целью вряд ли стоило идти к Дарвазской стене. Имевшиеся описания немногословно, но весьма убедительно и красноречиво говорили о ее недоступности со стороны ледника Вавилова. Но Гарфу, да и другим альпинистам доводилось подниматься по маршрутам, считавшимся до того невозможными.

Было решено подняться на пик 6350 м, путь к вершине которого представлялся вполне посильным для группы. Подъем к вершине был начат 10 августа из уже знакомого альпинистам цирка ледника № 1. Собственно говоря, можно было бы подняться на юго-западный отрог ближе к его концу. Наверное, выход на его гребень имелся и

попроще, но восходители стремились сократить длинный путь по гребню. Там пришлось бы идти на большей высоте.

Склон, по которому группа начала подъем, очень крут. Местами приходилось идти на передних зубьях кошек. По счастью, до гребня недалеко, и, перебравшись по снежному мостику через подгорную трещину, к полудню восходители вышли на гребень. Его линия уходила ввысь, четко выделяясь на фоне синего неба. Далеко впереди виднелась скалистая стена.

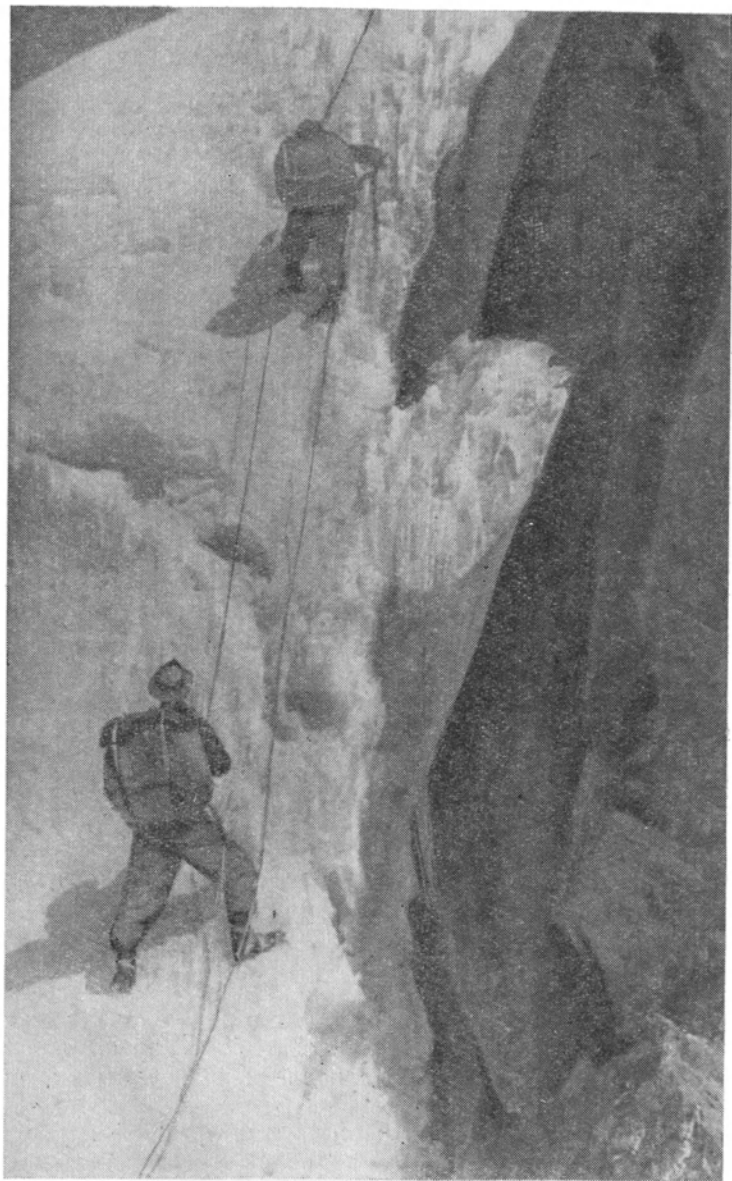
Под тяжелыми рюкзаками сгибаются спины людей, головы их опущены — типичный вид фигуры альпиниста, поднимающегося с тяжелой ношей. Ноша же у каждого из четырех действительно тяжела — ведь нужно было пронести как можно выше продукты и снаряжение, необходимые для всего дальнейшего пути к вершине.

Томительно и однообразно проходит время в чередовании подъемов и спусков по взлетам гребня. Несмотря на довольно прохладный ветер, альпинисты то и дело вытирают пот, стекающий на глаза. И так подряд четыре часа.

Скалы надвигались, становились все ближе. Вот они совсем рядом. Чтобы одолеть это препятствие, потребуется не один час тяжелого труда. Но люди уже устали, да и день клонится к вечеру. На последней ровной площадке гребня перед скалами группа остановилась на ночь. Стрелка альтиметра показывала 5150 м. Высота сказывалась. Несмотря на усталость, альпинисты не могли заснуть. Помогли валериановые капли.

Итак, лагерь на гребне был создан. Оставив на площадке принесенный груз, альпинисты утром спустились обратно в Сурковый лагерь. ...17 августа в 16 часов из лагеря снова вышла четверка. На этот раз В. Шера заменил Власычев. Штурмовую группу до гребня сопровождают альпинисты А. Дейкин и А. Утляткин. Шер и остальные товарищи остались в лагере, готовые по сигналу прийти на помощь восходителям.

Первый ночлег на морене. На второй день группа быстро поднялась по уже знакомому пути и к 12 часам достигла лагеря на гребне. Еще через час начался штурм стены. Скалы сложены очень сильно разрушенными сланцами. Неосторожное и даже осторожное прикосновение к камням — и вниз летят целые каскады обломков. Крючья

Северное ребро пика Гармо. Так дается каждый метр подъема
Фото В. Гусева

не держатся: стоит сделать два-три удара молотком, и от стены откалывается целая глыба породы. Страховка ненадежна, полагаться приходится на собственное умение и осторожность. Все же в пятом часу дня выбрались на склон, ведущий к продолжению гребня. Высота 5400 м. Альпинисты в этот день «набрали» 900 м по вертикали. Немудрено, что Власычев и Утляткин жалуются на сильную головную боль, они еще не успели акклиматизироваться. Ночью почувствовал действие высоты Г. Веденников, однако утром он и Власычев смогли идти дальше. Утляткин и Дейкин отправились в обратный путь.

С гребня в сторону склона нависал карниз. В нем пришлось прорубить проход. И снова — путь по взлетам и понижениям гребня. Фирн чередуется со льдом. Местами взлеты гребня очень круты. В одном месте путь преградил «жандарм», который пришлось обходить по крутому левому склону.

За день поднялись еще на 500 м. Веденникову и Власычеву становилось все хуже. Ночь в лагере у подножия предвершинного купола прошла беспокойно. Стонал Власычев. Беспокойно ворочался Веденников. Да и остальные двое заснули только после «слоновой» дозы валерианки. Людей мучает не только недостаток кислорода, но и сильный холод. На стенках палатки толстым слоем изморози оседает выдыхаемая влага. Холод забирается в спальные мешки.

Утром 20 августа из палатки к вершине вышли Гарф, Поварнин и Власычев. Последний, стиснув зубы, сквозь которые нет-нет да прорвется приглушенный стон, упорно идет за товарищами.

Вышли засветло. Холодно так, что сразу же коченеют пальцы ног в промерзшей за ночь обуви. Их нужно немедленно растереть, чтобы восстановить кровообращение. Альпинисты садятся на снег и разуваяются. Наконец, солнце освещает гребень и становится теплее. Но Власычев уже на пределе сил, даже его упорство не одолело горную болезнь. И хотя тройка уже успела обойти предвершину и выбралась на седловину последней перемычки, он остается сидеть здесь.

Высота 6100 м. Итак, второй член штурмовой четверки выбыл из строя. Он сидит на скалах, согретый лучами поднимающегося все выше солнца, и, злясь на свое бессилие, с завистью смотрит на товарищей. Они очень мед-

ленно удаляются по направлению к вершине. Альпинисту кажется: он немного отдохнет и пойдет следом. Но нет, голова как будто раскалывается. Лучше уж остаться здесь, собрать силы для предстоящего спуска.

Между тем Поварнин и Гарф одолевали узкий гребень. Ледяная поверхность была покрыта тонким слоем снега. Его приходится сгребать, чтобы зубья кошек надежно вонзились в лед. То и дело до Власычева доносятся удары молотка. Он считает: забит один ледовый крюк, второй... шестой. Ого! Трудно дается последний путь товарищам. Но вот стук молотка стих. Неужели они уже на вершине? Власычев попытался окликнуть друзей, но голос не повиновался ему. Они же в это время отдыхали в 50 м от верхней точки; дальше путь был несложным, и альпинисты решили подкрепиться. Ничего, что традиционная плитка шоколада съедена немного преждевременно. Зато последние метры были пройдены бодро, и в 12 ч. 30 м. Гарф и Поварнин стояли на вершине. Альпинисты посвятили свое восхождение памяти крупнейшего советского горовосходителя Е. М. Абалакова, страстного любителя и ценителя природы высокогорья. Вершину они называли пик Патриот.

Восходителям удалось осмотреть еще не исследованные верховья главной ветви ледника Гармо, носящей имя первоисследователя района — Я. И. Беляева. Гарф пришел к выводу, что оттуда можно подняться на гребень хребта Академии Наук, между пиками Правда и Молотова. Этот подъем мог стать началом нового пути к высочайшей вершине СССР — пику Сталина. Догадки Гарфа впоследствии подтвердились. Но это произошло лишь через пять лет.

Что же касается долины Гармс, то Гарф не забыл своих первых впечатлений о Памире. Когда в 1953 г. спортивное общество «Наука» организовало экспедицию для подготовки нового отряда молодых высотников, он предложил избрать местом работы уже знакомый ему район. Подготовка этой экспедиции, вернее «высотного учебного лагеря», была начата поздно и велась не очень-то организовано. Неудачно был подобран состав участников. Группам «лагеря» удалось проникнуть в верховья ледников Липского и Беляева. Они, казалось, уже наметили,

правда очень трудный, путь выхода на фирновое плато пика Сталина. Однако все работы пришлось приостановить: одна из групп попала у вершины пика Патриот в лавину. На поисковые работы были мобилизованы все альпинисты, но погибших найти не удалось.

ПО НОВОМУ ПУТИ

Испробовав впервые в 1954 г. свои силы в высотных восхождениях, грузинские альпинисты собирались в очередную спортивную экспедицию. Они поставили перед собой трудную задачу — подняться по новому пути на высочайшую вершину Советского Союза — пик Сталина.

Нужно было выбрать один из двух возможных вариантов подступов к пику. Помимо уже пройденного маршрута по восточному ребру массива, на пик можно было попытаться взойти по западным склонам, с фирнового плато, или с юго-запада, с гребня хребта Академии Наук. Плато обрывается на юг и на север крутыми склонами. С обеих сторон подъем на него очень труден и сам по себе представляет сложнейшую задачу.

Путь к северным склонам идет из кишлака Ляхи на р. Муксу, вверх по правому берегу реки до кишлака Ходжи-тау. Здесь нужно переправиться на другой берег. Но переправы через Муксу нет, нужно строить мост. Дальше без троп, по очень сложному рельефу в два дня можно добраться пешком до ущелья р. Фортамбек. К верхней части ледника Фортамбек обрываются северные склоны массива пика Сталина. Экспедиции 1947 и 1953 гг. установили, что добраться до плато с этой стороны возможно. Однако здесь предстоит одолеть трудный маршрут в интервале высот от 4000 до 6000 м. Этим путем нужно будет пройти не раз, чтобы доставить все необходимые для штурма грузы. Только после этого можно будет приступить к штурму верхней, полуторакилометровой пирамиды пика.

Руководители экспедиции О. И. Гигинейшвили и А. И. Иванишвили, зная, с какими трудностями экспедиция 1953 г. на пик Е. Корженевской добралась до ущелья Фортамбек, решили предпочесть подступы с юга. Здесь склоны массива спускались к верховьям ледника Гармо. По верхней части долины р. Обихингоу и леднику Гармо не раз проходили экспедиции альпинистов. Единственную значительную переправу через р. Киргизоб можно преодолеть вброд. Наконец, перепад высот при подъеме на фирновое плато из верховий ледника Гармо составляет всего лишь тысячу метров. Как ни труден маршрут, он все же проще, чем подъем по северным склонам.

Еще одно немаловажное соображение в пользу южного варианта: если почему-либо приемлемый выход на фирновое плато найти не удастся, то остается возможность совершить восхождение с гребня хребта Академии Наук. Еще в 1950 г. группа Б. А. Гарфа, поднявшись на пик Патриот, наметила здесь возможный маршрут на вершину Сталина. Гарф передал экспедиции фотоснимок, сделанный с вершины пика Патриот. Верхняя часть стены, охватывающей цирк ледника Гармо, и путь к вершине пика были хорошо видны. Оставалась неясной нижняя часть склона,— нужно было лишь отыскать путь подъема по стене на гребень хребта Академии Наук вблизи пика Молотова.

Маршрут был выбран.

* *
*

20 июня у кишлака Саед, в долине р. Обихингоу, разгружались только что прибывшие автомашины. С удивлением прислушивались местные жители-таджики к незнакомому гортанному говору пассажиров. Грузинские альпинисты складывали штабелями ящики, мешки, рюкзаки. Наконец, настала очередь последних двух машин. Когда откинули задний борт первой из них, ребяташки, собравшиеся поглядеть на необычное зрелище, дружно захохотали. Кузова машин были буквально забиты ишаками, по 15—20 голов в машине. Ошарашенные необычным способом передвижения и долгой тряской, бедные животные имели очень уж жалкий вид.

Но вот первый ишак извлечен из автомобиля и, пошатываясь на тонких ножках, пытается стоять на земле. Минута, другая, и животное, расправив длинные уши, начинает щипать траву.

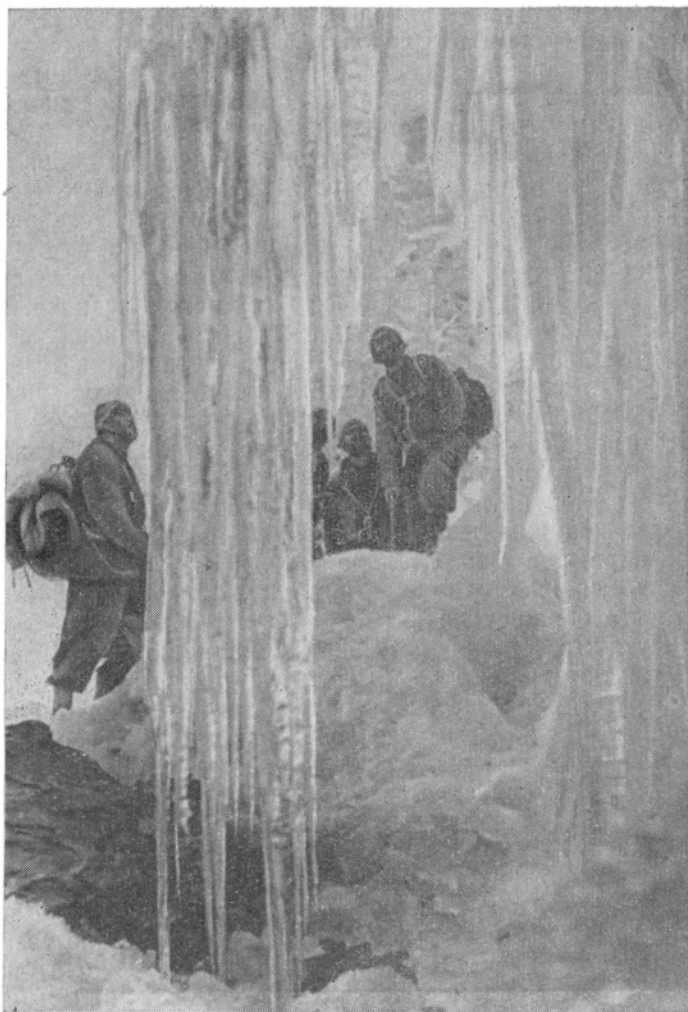
...На следующее утро длинная цепочка каравана медленно вытягивается вверх по долине. Только 30 июля перед путешественниками открылся вид на долину Гармо. Предстояла переправа через р. Киргизоб, особо трудная потому, что низкорослые ишаки не могли устоять в быстро несущемся потоке. Удалось достать двух лошадей. Вскоре на другом берегу трудились альпинисты, наложивая веревки для подвесной переправы. Потребовался день напряженной работы, чтобы все люди и грузы оказались на левом берегу реки. Ишаков перетягивали при помощи крепкой веревки. Бедные животные изо всех сил барахтались, пытаясь сопротивляться захлестывающим их волнам.

3 августа последний отряд каравана подошел к базовому лагерю экспедиции, установленному на опушке леса, недалеко от языка ледника Гармо. На следующий день альпинисты приступили к переброскам груза вверх по леднику Гармо, к площадке Суркового лагеря (3900 м).

Осмотрев склоны хребта Петра Первого, альпинисты решили, что следует предпочесть путь с гребня хребта Академии Наук. 8 августа разведывательная группа направилась в верхнюю часть ледника Гармо, где еще не ступала нога альпиниста и исследователя.

Сразу же за Сурковым лагерем, метрах в трехстах, разведчики вступили в хаос ледяных глыб и трещин большого ледопада. Начав подъем от левого края ледника, они упорно пробивали себе путь наискось к правому его краю. Тяжелые рюкзаки — разведчики несли большое количество груза — затрудняли движение. То и дело приходилось вырубать ступени во льду, забивать крючья, навешивать веревки. Узкие ледяные перемычки между темными, глубокими трещинами сменялись глубокими ледяными желобами, в которых люди лавировали среди бахромы огромных сосуллек, увертывались от струй холодной воды, стекавшей с поверхности ледника. Чтобы одолеть первое препятствие, потребовалось четыре с половиной часа непрерывного движения.

Наконец, ледопад пройден. Впереди — снежная поверхность. Кажется, можно вздохнуть свободно и пойти полным шагом. Не тут-то было! Под предательски ровным

Через ледопад в верховьях Гармо

снегом скрываются бесчисленные трещины, тем более опасные, что их не видно. Толща снега не прочна и не может выдержать вес человека. Почти бесшумно проваливается альпинист и повисает на веревке. Внимание! Приключение оканчивается благополучно, но каждый метр пути нужно прощупать ледорубом.

После девятичасового перехода разведчики добрались к подножию ребра, круто спускающегося с хребта Петра Первого. Здесь на высоте около 5000 м был установлен четвертый по счету лагерь — опорная база штурма.

Уже по пути можно было рассмотреть обрывистые склоны хребта, поднимавшиеся над цирком ледника. Нерадостны были первые впечатления разведчиков. Хребет Академии Наук, как и хребет Петра Первого, вздымался отвесными скалистыми стенами. Пятна снежников еще более подчеркивали мрачный колорит скал. С гребней свисали огромные карнизы. То и дело грохотали многотонные обвалы снега и льда. Лавины вздымали облака мельчайшей снежной пыли, застилавшей небо.

Над крайним левым углом цирка возвышалась скалистая пирамида пика Сталина. Отсюда вершина представлялась неравносторонним треугольником, пологий катет которого обращен на юг.

Пути к гребню хребта пока что видно не было. Только разбив лагерь, можно было приступить к детальному осмотру склонов. Несколько часов внимательного наблюдения, и альпинисты были вознаграждены за свое терпение. С седловины между пиками Правды (6400 м) и Молотова (6853 м) спускается глубокая расщелина — кулуар, заполненный льдом и фирном. Долго разглядывали разведчики кулуар. Мысленно они уже разделили подъем на четыре этапа. 200 м крутого склона приводили к сравнительно ровной снежной поверхности — «подушке». Далее ледяная поверхность была очень крута и изрезана трещинами. Дольше всего задерживался сорокократный бинокляр на этом участке. Глядя в объектив, альпинисты чувствовали себя уже среди этих зеленоватых глыб льда и сверкающего снега. Наконец, была обнаружена трасса пути и на этом участке — можно было пройти только по глубокому желобу, проложенному во льду лавинами. Наблюдение позволило установить и «расписание» обвалов — этой наиболее страшной для альпиниста опасности.

На третьем участке поверхность льда резко изгибалась влево, меняя экспозицию с западной на южную, и завершалась в 350 м выше темной линией бергшрунда. Чистый лед этой части кулуара также изобиловал трещинами. Наконец, выше бергшрунда 250-метровый подъем по снегу завершался узким коридором между выступами скал. За ним было снежное плато гребня. На всем протяжении подъема крутые участки склона чередовались с небольшими сравнительно пологими ступенями.

— Вот она, наша лестница! — единодушно решили альпинисты.

Нужно было дополнить наблюдения «разведкой боем». На следующий день они оставили свой лагерь и направились к кулуару. А из Суркового лагеря уже двигалась цепочка людей, переносившая грузы в верховья ледника.

Наиболее сильные альпинисты экспедиции были назначены в состав будущей штурмовой группы. Им пришлось первыми проложить путь по кулуару, забросить промежуточный лагерь в среднюю его часть. Подъем до высоты 6200 м одновременно дал группе нужную акклиматизацию.

Место для промежуточного лагеря (участники экспедиции называли его «Ночлегом грузин») было найдено в конце третьего участка. Неподалеку от бергшрунда под защитой выступа скалы расположились палатки. Вскоре альпинисты возвратились в лагерь № 4. Еще не доходя до палаток, порядком уставшие и проголодавшиеся разведчики почувствовали аппетитный запах жареного мяса. Накануне Годжи Зуребиани убил киика. Животные добирались до района Суркового лагеря, где местами зеленели травянистые площадки. Не раз впоследствии этот сван, привыкший к трудной охоте у себя на родине, баловал товарищей дичью.

В лагере разведчиков ожидал приятный сюрприз. К их приходу сюда уже было доставлено значительное количество грузов, необходимых для штурма. Вспомогательная группа: Годжи Зуребиани, Шалва Сирбиладзе, Василий Догонадзе, Иван Циклаури, Тенгиз Церцвадзе и Семен Гамрекели — поработала на славу.

К 14 августа была завершена подготовка к штурму. Последний лагерь был установлен на обширном снежном плато гребня. Отсюда можно было идти на пики Молотова и Правды, на пик Сталина.

Ночь с 14 на 15 августа большая часть альпинистов провела в промежуточном лагере № 4-а, на «подушке». Было около семи часов утра, когда штурмовая группа, девять человек, стояла в полной готовности у палаток. Минуты теплого прощания с остающимися здесь товарищами из вспомогательной группы, и Максим Гварлиани негромко сказал: «Пошли!». Долго смотрели провожающие вслед уходящим друзьям, покауда они удалялись размеренным шагом, пригнувшиеся под тяжестью огромных рюкзаков. Вот уже вступили в зону трещин, скрылись за выступающей скалой...

Группа двинулась в путь рано, когда мороз еще сковывал снега. Путь уже был знаком, и все же не очень приятно подниматься по лавинному желобу. Альпинисты все время поочередно наблюдали за вышележащими склонами. На крутых взлетах, а их было много, движение резко замедлялось. В твердом льду пришлось вырубить более 80 ступеней. Особенно много времени отнимала страховка. Три часа поднималась группа 400 м. Наконец, желоб остался позади.

Еще через три часа был пройден следующий участок подъема. Снова пришлось рубить ступени. Множество трещин, частью скрытых под снегом, еще более осложняли путь. Все же через шесть с половиной часов, ни разу не останавливаясь для отдыха, альпинисты достигли площадки лагеря № 5. Здесь находился первый склад продовольствия. Палатки были установлены на снежной площадке в сравнительно безопасном от лавин месте.

В путевом дневнике группы появилась краткая запись: продолжительность перехода — 6,5 часа; крутизна склона — 40—50°; забито 9 крючьев, вырублено около 150 ступеней; путь лавиноопасен; погода хорошая, настроение — тоже. Только человек, совершивший восхождение, может увидеть за этими скупыми словами огромный труд альпинистов!

Лишь часом позже, чем накануне, вышла группа на следующее утро. Сразу же нужно было преодолеть широкий бергшрунд. Уже было известно, где самое узкое место этой трещины, но до него добраться нелегко, да и

преодоление препятствия отняло бы много времени. То один, то другой восходитель, пользуясь минутными останковками, с тревогой глядел на небо. Оно уже не было безоблачным, как в первый день подъема. Сперва мутные и расплывчатые, полосы цирусов постепенно обрисовывались все более четко, затягивали синеву неба. Плохо! Это предвестники ненастной погоды.

Бергшрудн остался позади, но восходители стояли у подножия нового препятствия. Поверхность льда вздымалась под углом 70—75°. Практически это отвес. Но во льду темнеют глубокие выемки — ступени, вырубленные еще во время разведывательного похода. Оставалось их расчистить и подровнять. Все же преодоление стенки продолжалось целый час. Потом дело пошло несколько лучше, крутизна ледяного склона уменьшилась до 55°. Снова нужны ступени. На 250-метровом склоне их уместилось около 150!

В это время внизу, в лагере № 4, у бинокюля менялись люди, внимательно следившие за продвижением товарищей. Они видели, как темные фигурки подтянулись к карнизу, который нависал над склоном, свернули влево, углубились в коридор. Последняя фигура исчезла из поля зрения, но Гигинейшвили долго еще не отрывал глаз от прибора.

— Теперь они в безопасном месте. Там не круче 20° и совсем безопасно, — сказал он, наконец, — да и длина участка всего метров 180—200.

— За час пройдут, — поддержал Иванишвили. — Меня беспокоит другое. Погода портится. Еще час, и за облаками вообще ничего видно не будет.

— У них есть ракеты для сигнализации. Вечером увидим, как дела.

...Когда штурмовая группа вступила в коридор, альпинисты, не сговариваясь, сбросили рюкзаки и уселись отдыхать. До гребня было недалеко; в скалах, образующих коридор, свистел сильный ветер, но люди довольно улыбались. Здесь, наконец, не было опасности лавин, не было трещин и крутых ледяных склонов. Непрерывное напряжение двухдневного перехода разрядилось в оживленном разговоре, в веселых шутках.

Через 15 минут Гварлиани поднялся и молча поднял рюкзак. Увлеченный разговором с соседом Себоладзе не

сразу заметил молчаливое приглашение товарища и потом впопыхах не сразу смог продеть руку в лямку рюкзака.

В 16 часов группа устанавливала палатки лагеря № 6 на гребне. Сильный ветер вырывал растяжки из рук, полотнища трепыхались, как раненая птица. Спустившиеся тучи напоздали из-за хребта, переваливаясь через гребень. Их влажная масса заполнила долины, скрывая окружающее. Временами шел снег.

...Максим Гварлиани откинул полотнище входа в палатку и выбрался на снег. Утро 17 августа вставало неприветливое, хмурое. Тучи все также тяжело переваливались через гребень. Было холодно. Изредка в разрыве облаков виднелась вершина пика Молотова. Долго и пристально глядел Максим на запад, откуда одна за другой набегали гряды туч. Чутье жителя гор подсказывало ему, что на этот раз погода хуже не станет. Подумав, он принялся будить товарищей.

— Собирайтесь быстрее. Идем на пик Молотова.

В 8 часов штурмовой отряд в полном составе удалялся в направлении к югу от палаток. Быстро прошли большое снежное поле, преодолели бергшрудн и вступили на крутой снежный склон пика Молотова. Пирамида пика вздымалась впереди тремя отдельными вершинами. Средняя из них была явно выше других.

Группа поднималась прямо «в лоб». Путь снова лавиноопасен, и такой способ движения наиболее надежен. 450-метровый склон крутизной в 50° завершался вторым бергшрудном. Пришлось повернуть влево и долго идти вдоль причудливо изгибающейся трещины. Еще склон. Еще бергшрудн. Третий по счету. Наконец, гребень. Еще два часа хода по гребню, чтобы одолеть оставшиеся 150 м пути, и альпинисты один за другим поднялись на вершину пика. Было шесть часов вечера.

Спуск проходил в быстром темпе и занял три часа.

На следующий день все девять альпинистов за два часа по нетрудным снежным склонам поднялись на пик «Правды». Погода весь день оставалась плохой, и лишь к вечеру ветер разогнал тучи. Темное небо засветило мириадами ярких звезд. Однако вечер в лагере встречали

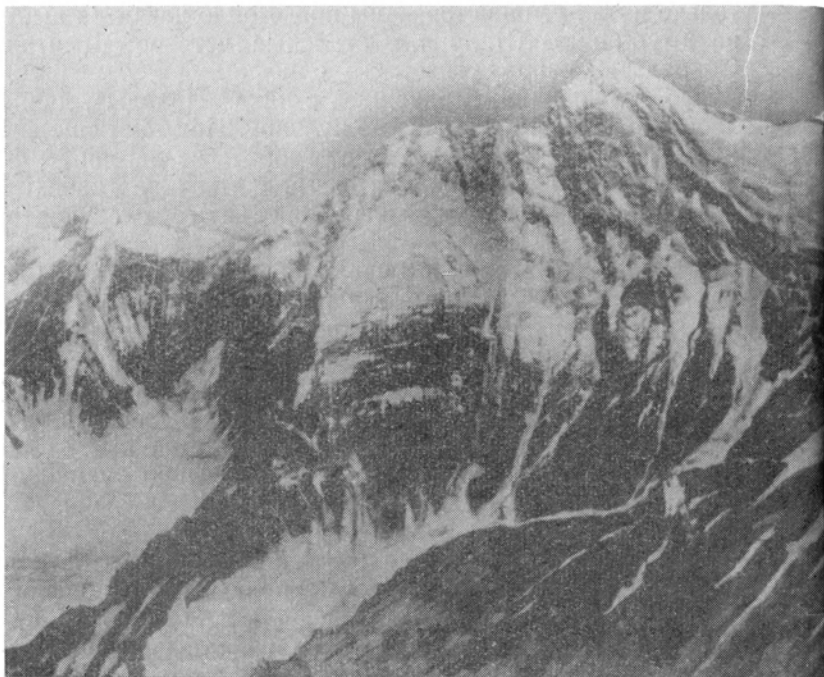
только пять альпинистов,— им предстояло назавтра выйти на штурм пика Сталина. Остальные четверо: Дмитрий Оболадзе, Созар Гугава, его однофамилец Дмитрий и Зураб Ахвледiani, вернувшись с пика «Правды», двинулись в обратный путь вниз по кулуару. Но и они еще вернутся на гребень, им предстоит забрать из лагеря № 4-а на «подушке» запас продуктов, подняться на гребень и следовать за штурмовой группой до ее следующего, 7-го лагеря.

Лагерь № 7 возник в 3 часа дня 19 августа. Чтобы добраться до перемычки между пиками «Правды» и Сталина, потребовалось 5 часов ходу.

Две палатки у подножия южного склона пика едва заметны и кажутся совсем уж крохотными, настолько велики масштабы окружающего. Природа не поскупилась на материал, когда ваяла величественную пирамиду пика. Впрочем, вблизи альпинистам виден лишь уходящий вверх снежный склон этого грандиозного сооружения.

Альпинисты чувствовали себя хорошо. Два подъема — на пик Молотова и «Правды», напряженная работа на большой высоте лишь помогли привыкнуть, приспособиться к новым условиям. Беспокоила лишь погода: ветер не ослабевал, все чаще шел снег. Однако следующее утро было ясным. Джумбер Медзмаришвили сказал, что горы сами приглашают альпинистов продолжать восхождение. Быстро позавтракали холодным мясом — остатками одного из убитых Зуребиани кииков — и увязали рюкзаки. В 9 часов утра четыре альпиниста двинулись в путь. На площадке лагеря № 7 осталась одинокая палатка и в ней Максим Гварлиани, ожидавший подхода вспомогательной группы. Он должен был поддерживать связь с лагерем № 4, который был виден с перемычки. Одновременно Гварлиани мог наблюдать за движением штурмовой группы. Дело в том, что из-за непрекращающегося западного ветра восходителям нужно было уклониться на восток, вправо от гребня; здесь они были укрыты от ветра, но теряли возможность поддерживать связь с товарищами, оставшимися внизу.

Несмотря на значительную уже высоту и затрудненное дыхание, четыре альпиниста поднимались довольно быстро. Путь, хорошо видимый из лагеря № 7, был намечен заранее. Остался позади 400-метровый крутой снежный склон. Через шесть часов группа достигла гряды скал,

Из верхнего цирка Гармо открылся вид на крутые склоны

острыми черными зубьями торчавшей на снежном склоне. Отсюда путь подъема шел прямо на север, вдоль гряды скал. Западный гребень, правда, защищал от ветра, удары которого все же были очень чувствительны. В шесть часов вечера, одолев нетрудные заснеженные скалы, восходители остановились на ночь. Высота, на которой располагался лагерь № 8, достигала уже 7000 м. Облака снова затянули небо, ветер не стихал. Засыпая, альпинисты думали об одном: «хоть бы погода не ухудшилась».

Ночь прошла беспокойно. Ветер трепал палатку, недостаток кислорода давал себя знать: люди стонали в тяжелом забытьи, ворочались с боку на бок, толкали друг друга в тесной палатке. Утром никак не хотелось вставать. Ветер за ночь разогнал тучи, и солнечные лучи уже осветили склон, однако они не согревали палатку. Было очень холодно, и альпинисты вышли в путь позже, чем обычно:

хребта Академии Наук. В центре — пик Сталина

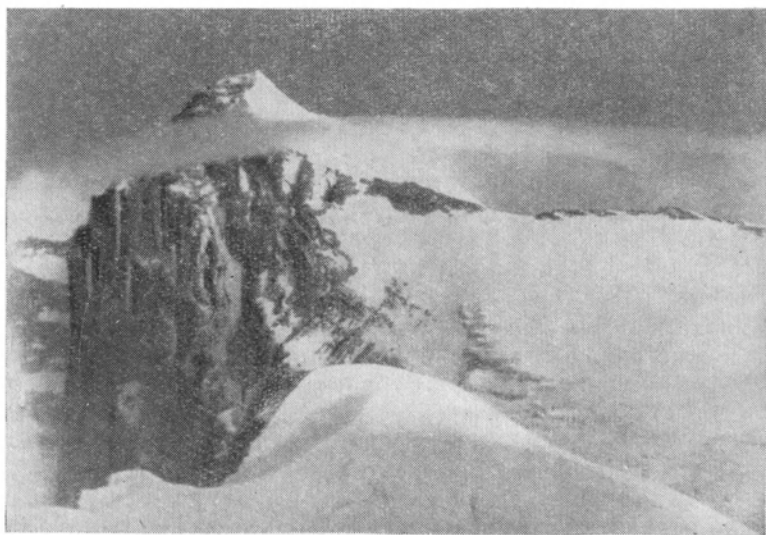
Фото О. Гигинейшвили

в половине одиннадцатого. До вершины оставалось подняться на высоту около полукилометра. Группа решила в этот день достичь высшей точки и вернуться в лагерь. Палатка, остатки продуктов, спальные мешки — все осталось на месте бивуака. Наиболее увесистым грузом была кинокамера — ее несли поочередно. Ведь предстояло впервые в истории советского альпинизма сделать съемку с высочайшей вершины нашей страны.

Без тяжелых рюкзаков итти легче, но все более чувствовался недостаток кислорода. Часто приходилось останавливаться для отдыха, хотелось дышать возможно глубже. Холодный воздух, проникая в легкие, заставлял тело отдавать драгоценное тепло. Поэтому во время остановок было особенно холодно: мороз, несмотря на теплые пуховые костюмы, как говорят, проникал «до мозга костей».

По этому ледяному кулуару удалось выйти на гребень хребта Академии Наук у пика Сталина
Рисунок А. Иванишвили

Юго-западный склон пика Сталина. Здесь альпинисты поднялись на вершину

На твердом льду склона лежал снег глубиной в 30—50 см. При крутизне подъема в 30—35° это грозило лавиной. Люди старались ступать след в след, чтобы не нарушить прочности снежного покрова. Участок длиной в 350 м преодолевали три часа.

К середине дня снова напоззли надоевшие тучи, заволокли все вокруг. В полусотне метров уже ничего не было видно. Снег под ногами стал рыхлым. Приходилось то и дело сменять ведущего: протапывая путь, он быстро уставал, начинал задыхаться. Участки снега сменялись обнаженным льдом, в котором приходилось рубить ступени.

Движение при малой видимости особенно тягостно. Кажется, склон уходит под ногами, а люди стоят на месте среди неизменного густого тумана. Вершина не видна: неизвестно, приближается ли группа к цели. Но вот впереди туман уплотнился, стал гуще. Еще несколько минут, и группа подошла к выходам кварцевых скал. Настроение сразу поднялось. Еще разглядывая путь подъема из лагеря № 7, альпинисты видели, что эта гряда скал опоясывает вершину с запада. На восток она суживается и постепенно исчезает под снегом.

В том месте, где группа вышла к скалам, высота их лишь 25—30 м. После надоевшего рыхлого снега подниматься по ним было даже приятно, и это заняло всего 15 минут. Одолели кварцевую жилу. За ней путь лежал по заснеженным скалам.

В 16 часов альпинисты стояли на вершине. Небольшая, длиной до двух и шириной немногим более одного метра, площадка немного наклонена к югу. Неровная ребристая поверхность сланцев почти лишена снега: его сдувают сильные ветры.

Застрекотал киноаппарат. Панораму снять не удалось, помешали облака, но обнявшиеся, тяжело дышащие альпинисты должны были получиться. Пробыв на вершине с полчаса, Иосиф Кахиани, Джумбер Медзмаришвили, Михаил Кахиани и Леван Ахвледиани двинулись в обратный путь.

22 августа в восемь часов вечера победители в сопровождении вспомогательного отряда подходили к палаткам лагеря № 4. Их ожидал обильный обед. Шашлык из киика был превосходным. Нашлась и бутылка грузинского вина, чтобы отметить радостное событие. Но «гвоздем» утеше-

ния был медвежий окорок. Годжи Зуребиани повстречался с косолапым во время одной из своих охотничьих экскурсий к Сурковому лагерю. Встреча была неожиданной для обоих. Обычно медведи в таких случаях быстро ретируются, но на этот раз огромный зверь проявил агрессивные намерения и... попал на вертел.

Несколько дней спустя участники экспедиции снова двигались по густому лесу долины Гармо. Они возвращались с заслуженной победой.

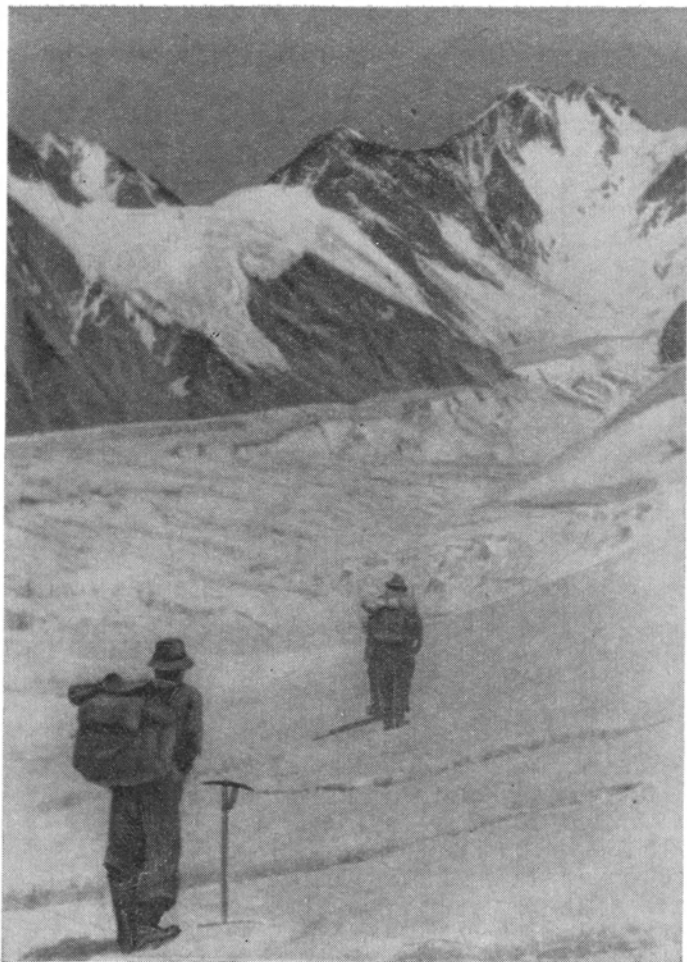

НАД МУКСУ

Ревет бурный поток. Безостановочно бьют о скалы пенные струи. Иногда грохот воды становится на минуту глуше, затем возобновляется с прежней силой. Огромное число мельчайших частиц размытой породы несет Муксу, могучая вода катит и большие валуны. Ночью особенно хорошо слышно, как они гремят о скалистое дно. Не зря зовут киргизы эту реку Муксу — мутная вода.

Глубоким шрамом врезан каньон реки в ущелье. Крутые обрывы спускаются к воде. Местами между ними не более 10—15 м. Над обрывами невысоко поднимаются поросшие низкой травой склоны. Выше — огромные снежные и скалистые вершины. Слева — хребет Петра Первого, справа — Заалайский. Величайшие горные цепи Памира.

Муксу подстать своему окружению. Зарождааясь в крутом обрыве конца ледника Федченко, она вскоре принимает воды рек Баляндкиик, Каинды и Саукдары. Здесь река поворачивает на запад и разливается множеством русел по широкому галечниковому дну долины у подножия Алтынмазарских гор. Но недолго текут на просторе воды Муксу, вскоре ущелье сужается, и, стиснутая склонами хребтов Петра Первого и Заалайского, река прорывается сквозь 60-километровый коридор. Затем река снова вырывается на простор, и в 15 км ниже сливается с бур-

Над верховьями ледника Сугран поднимается островерхая
вершина пика Москва

Фото И. Дайбога

ными водами р. Кызылсу, образуя одну из крупнейших рек Таджикистана — Сурхоб.

Долгий путь пробегают воды ледников, чтобы влиться в Аму-Дарью — артерию жизни Средней Азии.

Истоки и нижнее течение р. Муксу известны ученым

довольно давно. Узнал об этой реке от киргизов еще А. П. Федченко. Нижнюю часть долины прошел в конце 90-х годов В. И. Липский. Начало ее увидел в 1878 г. В. Ф. Ошанин, открывший ледник Федченко. На долю Н. Л. Корженевского выпало соединить концы этих маршрутов, он прошел в 1904 г. всю труднодоступную среднюю часть долины. Не раз приезжал он в это ущелье и потом.

Но исследователям не довелось проникнуть вглубь ущелий восточной части хребта Петра Первого. Оледенелые гигантские вершины были хорошо видны с далеких перевалов. Стоило подойти ближе — и они скрывались за ближними гребнями отрогов. А отрогов здесь множество. Изогнутыми, как будто сведенными судорогой, щупальцами расходятся они от осевого хребта, скрывая верховья долин и большие ледники.

Над долиной Муксу поднимаются вершины восточной, наиболее возвышенной и оледенелой части хребта Петра Первого. Исследование ущелий и ледников этого хребта в 1931—1933 гг. производилось в значительной степени силами альпинистов. Впоследствии здесь не раз бывали и спортивные экспедиции. Ведь в ущелье Фортамбек поднимается третья по высоте вершина Советского Памира — пик Корженевской; отсюда же мог быть найден путь с севера на пик Сталина. А рядом, в верховьях долины Сугран, поднимается красивая вершина, впоследствии названная пиком Москва (6785 м)¹. Наконец, альпинисты включили в число объектов своих восхождений казавшиеся ранее неприступными алтынмазарские вершины. Долину Сургана наши альпинисты посещали не раз. Впервые пришли они сюда в 1930 г. в составе группы Московского Дома ученых, которую возглавлял профессор А. А. Летавет. В 1931—1933 гг. альпинисты экспедиции Академии наук Л. Бархаш, А. Поляков и Д. Церетели прошли выше поворота ледника на север, в ту его часть, где никто до них не бывал. Но их попытка найти перевал на ледник Турамыс осталась безрезультатной.

Первая спортивная экспедиция возглавлялась В. В. Немыцким и Э. С. Левиным. Альпинистам удалось пройти весьма труднодоступный ледник Шини-Бини, до того времени почти неисследованный, а также совершить несколько восхождений на окружающие вершины.

¹ Долгое время была известна другая, неверная цифра — 6994 м.

Наконец, экспедиция 1947 г. ставила своей задачей восхождение на пик Москва. Эту экспедицию, организованную Всесоюзным комитетом по физической культуре и спорту, возглавляли А. А. Летавет и Е. М. Абалаков.

Выехав из Москвы 29 июля, альпинисты только 18 августа смогли начать интенсивную разведку верховьев ледника Сугран и подступов к пику Москва. В последующие дни был совершен подъем на седловину в хребте Петра Первого — перевал Летавета (4480 м) и соседнюю вершину — пик Кинохроники (4980 м). Разведка дала возможность альпинистам и, прежде всего, географу Е. Тимашеву возможность составить ясное представление о дотоле не исследованных верховьях ледника Сугран. Были определены возможные пути штурма пика Москва по его западному гребню.

23 августа штурмовая группа — 11 человек — вышла из «Основного лагеря» к пику. Пройдя ледопад, альпинисты достигли снежного плато и устроили лагерь на высоте 5250 м. Следующая ночевка была у подножия скал Западного гребня (5700 м). В этом лагере восходителям пришлось провести 4 дня: непогода не давала возможности двигаться дальше.

28 августа, воспользовавшись просветлением, 5 человек отправились вниз, оставив свои продукты товарищам. На следующий день, двумя связками по три, члены штурмовой группы начали подъем по гребню. На второй день они достигли высоты 6200 м. Отсюда им пришлось повернуть назад: погода была неустойчивой, продуктов оставалось мало, а впереди еще 800 м очень трудного подъема.

Из лагеря 5800 м альпинисты произвели разведку северного гребня пика и убедились, что путь здесь был еще труднее, чем по западному. Прежде чем отправиться в обратный путь, Е. Абалаков, Е. Иванов и Е. Тимашев совершили восхождение на поднимавшуюся севернее пика Москва вершину — пик XXX-летия Советского государства (около 6300 м).

Пик Москва, одна из замечательных вершин Памира, был покорен грузинскими альпинистами летом 1956 г., когда эта книга уже была в наборе.

По-другому сложилась история восхождения на пик Корженевской и вершины Алтынмазарских гор. Но об этом подробно рассказано в последующих двух очерках.

Шел 1910 год. Жаркий летний день. Проводник-киргиз, подобрав полы теплого халата, быстро поднимается по склону. В пяти шагах за ним — Н. Л. Корженевский, географ и исследователь горных районов Средней Азии. Далеко внизу по галечниковому дну долины извиваются потоки быстрой реки Муксу. В 1904 г. Корженевский впервые побывал в этих местах. Тогда ему удалось пройти левым берегом всю еще не исследованную среднюю часть ущелья.

Николай Леопольдович остановил проводника: «Отдохнем!» Старик послушно сел на камень и сразу же отправил под язык очередную порцию наса — жевательного табака. Из долины поднялся легкий ветер. Он овевает разгоряченные лица путников. Корженевский вспоминает: был конец сентября 1904 г., когда он вторично прибыл в селение Алтын-Мазар после неудачной попытки переправиться летом через Муксу. Начиналась осень, погода портилась. Вокруг вершин собирались тучи. По склонам, цепляясь за выступы скал, ползли клочковатые облака. То и дело моросил мелкий дождь. Вдвоем с проводником-киргизом из Алтын-Мазара исследователь переправился через реку ниже селения и пошел вниз по левому берегу. 17 сентября путники увидели большое ущелье. «Кара-сель», — сказал киргиз. «Черный лед», — перевел мысленно Корженевский. За частой сеткой дождя виднелся темный язык большого ледника, покрытый толстым чехлом поверхностной морены.

Холодный, пронизывающий ветер дул из ущелья, ворохал влажную массу облаков в его глубине. Продолжения ледника не было видно. Корженевский нанес на лист своей маршрутной съемки конец ущелья и ледника. Он назвал его именем Мушкетова.

...Промокшие и продрогшие шли дальше исследователь и его спутник. Кое-где попадались следы едва заметной, почти нехоженой тропы, но и те вскоре исчезли. Рев потока усилился, река вошла в узкий каньон. Стены ущелья

сошлись до 10 м. На протяжении двух километров река, и без того бурная, мечется и прыгает, как разъяренный зверь в тесной клетке. Исследователь прошел по обрывистым склонам средней части ущелья и достиг селений в низовьях реки.

Прошло 6 лет. Снова Корженевский в долине Муксу, и снова не удалось ему перебраться на левый берег. Он решил осмотреть ледник Мушкетова с противоположного склона. Все глуше становился шум реки. Последние метры подъема. Постепенно отходит влево отрог, закрывавший вид на ущелье. Стоп! Все ущелье как на ладони.

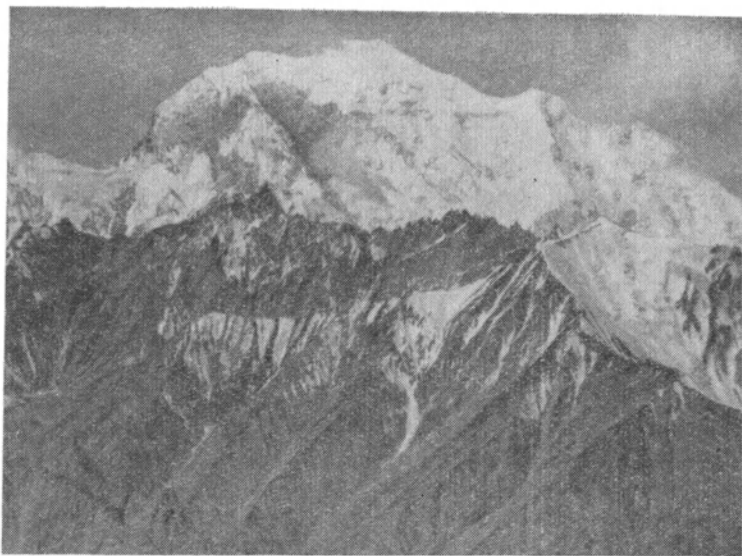
«Нас разделяла только река и массивные бугры старых морен на том берегу. Первое, что поразило меня, это гигантский массив, возвышающийся на заднем плане Карасельского ущелья... Ровная поверхность его гребня уносила по меньшей мере на 20 000 ф. в высоту и ярко сверкала мощными льдами, которые, по всей вероятности, и питают ледник Кара-сель. От нас этот пик находится верстах в 20, и надо думать, что приблизительно такое же протяжение имеет и глетчер. Этот величественный пик я посвящаю Евгении Сергеевне Корженевской, с именем которой сплетены чувства глубокой моей благодарности за сердечное участие в моих путешествиях»¹.

Впоследствии Корженевскому удалось осмотреть часть ледника Мушкетова, но первое детальное обследование ущелья было сделано лишь в 1932 г. Сюда добрался один из отрядов комплексной экспедиции Академии наук. Геолог Москвин, топограф Вальтер и их спутники с уважением смотрели на тысячеметровые обрывы пика Корженевской. Грозно сверкали отвесные льды. Чернели зубья скал. Пути к вершине видно не было.

Отряд двинулся дальше на запад и впервые осмотрел долину ледника Фортамбек, у западных склонов пика. Побывала здесь и альпинистская группа экспедиции во главе с Н. В. Крыленко. Но и здесь над ледником поднимались крутые стены конгломератов.

Путь к пику Корженевской указал Е. Абалаков. Он увидел его с вершины пика Сталина. На севере почти прямо перед ним поднимался огромный массив — крутые склоны его обрывались к белым лентам ледников.

¹ Н. Л. Корженевский. В горах Петра Великого. «Тр. Об-ва земледелия при С.-Петербургском ун-те», вып. III, 1909—1913 гг., СПб., 1914.

Над ледником Мушкетова Н. Л. Корженевский увидел
могучую вершину

Фото Л. Опуховского

«Мощный пик Евгении Корженевской кажется совсем рядом, вот он, разгаданный»¹.

Однако очередь пика Корженевской еще не подошла. Альпинисты штурмовали пик Ленина. Только в 1936 г. на ледник Фортамбек прибыла группа людей. Это были инструкторы Памирского похода спортсменов Средне-Азиатского военного округа. Собственно в задачи группы не входила разведка подступов к пику Корженевской. Нужно было осмотреть северные склоны массива, в котором поднимается пик Сталина. Эта работа была завершена 27 сентября. Уже наступила осень. Ночами даже внизу на леднике было холодно. Но до намеченного срока возвращения группы оставалось еще 5 дней. Два альпиниста, Н. Гусак и А. Джапаридзе, решили осмотреть подступы к пику Корженевской.

Утром 27 сентября Джапаридзе и Гусак покинули лагерь у ледника Фортамбек. Четыре часа шли они вниз по

¹ Е. М. Абалаков. На высоте 7495 м. Журн. «На суше и на море», 1934, № 4.

леднику. Но вот в конгломератových обрывах открылась небольшая щель. Между ее отвесными стенами расстояние не более 200 м, а в темной глубине бурлит пенистый ручей, скрывающийся под ледником Фортамбек.

На следующий день альпинисты прошли наиболее узкую часть ущелья. Путь стал более безопасным. В середине дня путники остановились перед ледяной стеной высотой до 70 м. По правому склону почти непрерывно летели камни. Здесь подъем был невозможен. Слева лед примыкал к гладкой скале. По ней не без риска поднялись альпинисты. Они оказались на неизвестном леднике. Впоследствии он был назван ледником Корженевской.

Преодолев ледник и крутые подъемы по снегу среди бесчисленных трещин, к вечеру разведчики остановились у подножия ледопада. Перед ними поперек всего тела ледника на сотню метров поднималось сплошное хаотическое нагромождение ледяных глыб, зияли глубокие трещины. На следующее утро альпинисты двинулись в обход препятствия.

Благополучно пройдя ледопад, Гусак и Джапаридзе оказались на пологий верхней части ледника. Впереди — седловина. Они достигли ее к 5 часам вечера.

30 сентября товарищи начали подъем по ребру. То и дело путь преграждали трещины. Местами приходилось обходить высокие «жандармы».

Очередной бивак устроили у одного из взлетов гребня. На следующий день, после трудного подъема, Джапаридзе и Гусак достигли высоты 6570 м¹. То, что они приняли за самостоятельную вершину, было лишь одним из выступов в западной части массива.

Разведчики стояли на гребне массива. Впереди открывался вид на длинный гребень и вершинный конус пика Корженевской. Путь к нему был найден!

Во время спуска А. Джапаридзе сильно поморозил ноги. Он шел, подавляя усилием воли страшную боль. Особенно трудно было в опасных местах, где Гусак должен был страховать, и Алеша шел без поддержки товарища. На леднике Фортамбек двойку встретили остальные альпинисты группы. Они помогли пострадавшему добраться до ближайшей больницы.

¹ Сопоставление с позднейшими точными измерениями показывает, что эта цифра завышена метров на 200.

Разведка завершилась. Можно готовить штурм пика. Летом 1937 г. советские альпинисты решили в ознаменование 20-летия Великой Октябрьской революции совершить восхождение на все три семитысячника Памира: пики Ленина, Сталина и Корженевской.

25 июля из кишлака Ляхш вышел небольшой караван. Это был «отряд пика Корженевской». Во время паводка на Муксу были снесены почти все мосты. Сохранился один, самый ветхий, близ маленького кишлака Ходжа-Тау. Но и за переправой было нелегко. Тропы на крутых склонах приходилось прокладывать вновь. Одно препятствие за другим задерживало караван. Последние 8 км пути к леднику оказались вовсе не доступными для животных. От Ляхша до Фортамбека добирались 8 дней. Запасы питания были на исходе. Но отряд рассчитывал на самолеты экспедиции.

6 августа самолет сбросил долгожданный груз. На следующий день в 15 часов альпинисты вышли из базового лагеря у ледника Фортамбек. Нужно было подготовить штурм. Путь к гребню пика был известен по разведке Гусака и Джапаридзе. Осталось устроить промежуточные лагеря по пути подъема. Погода испортилась, в горах шел снег. Альпинисты шли согнувшись под тяжелыми рюкзаками. Седловины у подножия ребра группа достигла на третий день. Оставив палатку и доставленное продовольствие, альпинисты повернули обратно.

11 августа шесть альпинистов и три носильщика снова двинулись к седловине. Они несли с собой все необходимое для штурма. С седловины группа совершила выход по ребру. На высоте 6100 м была выбрана площадка для следующего лагеря. Подготовительные работы закончены. Альпинисты снова вернулись в базовый лагерь.

17 августа Д. Гущин, Голофаст, В. Науменко, Г. Прокудаев и И. Корзун двинулись на штурм пика. В лагере на седловине остался радист Марков. Но связь с базовым лагерем установить ему не удалось.

Два дня держалась плохая погода. Горы были окутаны тучами. Снегопад сменялся порывами ледящего ветра. Только 21 августа штурмовая группа вступила на ребро, ведущее к гребню массива. К вечеру альпинисты достигли площадки «6100 м» и остановились на ночь. В. Науменко

чувствовал себя плохо, действовала высота. Однако, когда на следующий день группа двинулась дальше, он пошел с товарищами. Путь стал еще более трудным и опасным. На крутом, до 60°, снежном склоне группа едва не попала под камнепад. Камни падали в снег почти бесшумно. Случайно взглянув на скалы гребня, Г. Прокудаев во-время предупредил товарищей.

В 17 ч. 30 м., не дойдя 100 м до гребня, восходители разбили лагерь. Науменко чувствовал себя еще хуже. Было ясно, что дальше идти он не сможет. Этот лагерь на высоте 6400 м был последним перед вершиной. Вечером группа должна была вернуться. 23 августа альпинисты вышли из бивака налегке. Науменко остался в палатке.

Через час альпинисты шли уже по ровному довольно пологому здесь гребню. Было 2 часа дня, когда уходящий вверх гребень показался вершиной. Но когда добрались до его высшей точки, впереди оказалась седловина. За ней крутой подъем вел к еще более высокой, куполообразной вершине. Гуцин впоследствии писал: «В 16 часов... вступили на эту гигантскую вершину». Альтиметр показывал 6910 м.

На следующее утро восходители уже спускались из лагеря 6400 м. Науменко так ослабел, что идти сам не мог. Достигнув фирновых склонов ребра, товарищи уложили его на свернутую палатку и потащили по снегу.

Так закончилось это восхождение на пик Корженевской. Но группа Гуцина не была на вершине пика. Гуцин не написал в отчете, что они достигли лишь средней, второстепенной вершины пика.

Впоследствии из рассказов членов группы Гуцина стали известны подробности. С достигнутого пункта 6910 м перед альпинистами снова открылся крутой спуск на седловину. За ней начинался еще более крутой подъем на массивную вершину. Туда еще день трудного пути. Следовательно, еще один лагерь на последней седловине. Перенести свой лагерь «6400 м» в новое место, вернуться и повторить пройденный путь группа уже не могла. Ни продуктов, ни сил на это не было. В палатке лежал больной Науменко, его нужно срочно спускать вниз. Восходители и так сильно устали. Продолжительная задержка на высоте около 7000 м могла обессилить их настолько, что спуск стал бы слишком опасным. Но почему Гуцин не написал обо всем этом в отчете?

Итак, пик Корженевской оставался непокоренным. Прошло 16 лет. Немало славных побед одержали за эти годы советские альпинисты-высотники. Наконец, снова в повестку дня встал вопрос о пике Корженевской. Была завершена новая точная съемка Памира. Разноречивые данные о высоте пика сменила цифра 7105 м. Итак, пик Корженевской все же семитысячник. Последний, еще не взятый семитысячник Памира!

В Отделе физкультуры и спорта ВЦСПС подвели итоги проведенному в 1952 г. сбору по подготовке новых альпинистов-высотников. Предстояло организовать спортивную экспедицию для усовершенствования молодых кадров. Куда ехать? Ответ был единодушный — на пик Корженевской.

В начале июля участники экспедиции собрались в Сталинабаде. Стояло жаркое лето. Быстро таяли снега в горах. Беснующиеся реки подмывали и обрушивали дороги, срывали паромы и мосты. От автомобиля пришлось отказаться. Люди и многочисленные грузы экспедиции были доставлены самолетами в районный центр — небольшое селение Джиргиталь. Здесь начинался караванный путь. Мы¹ прибыли, когда уже началась уборка урожая. Колхозы с трудом могли выделить нам небольшое число вьючных животных. Грузы пришлось перебрасывать частями, что сильно задерживало продвижение.

* *
*

... Поднимая клубы тонкой лёссовой пыли, караван медленно двигался по правому берегу Сурхоба. Тяжело груженная верблюдица время от времени пронзительными криками выражала свое негодование. Маленькие ишаки с философским спокойствием пользовались каждой задержкой, чтобы пощипать траву. Лошади оторвались от колонны и ушли далеко вперед.

Доминирующее впечатление: жара и пыль. Грязные потные струйки текут по загорелым спинам шагающих в одних трусах людей. Как при очень замедленной съемке, постепенно разворачивается панорама долины... Причудливые красные и фиолетовые башни обрывов левого берега. Тяжелые серые струи реки, широко разлившиеся по всему

¹ Автор этих строк был начальником экспедиции,

дну долины. Желто-зеленые склоны на правом берегу. Редкие группы деревьев вокруг кишлаков. Над всем этим — безоблачное синее небо и расплавленное солнце, посылающее на землю жгучие лучи.

Путь до кишлака Ляхш продолжался два дня. Здесь перевалочная база. Снова хлопоты, чтобы получить ишаков для дальнейшего пути. Снова движутся вперед небольшие караваны. Теперь путь пролегает высоко над Муксу по склонам отрогов Заалайского хребта. Реки сверху не видно. Лишь иногда порывы ветра доносят ее рокочущий грохот. Караван минует несколько юрт — конеферму Ляхшского колхоза имени В. И. Ленина. Тропа, петляя, взбирается все выше по склонам. Их нижняя часть обрывается к реке 300—400-метровыми стенами. Мы идем к единственной переправе — ветхому мосту у маленького кишлака Ходжа-Тау. Но прямого пути нет, нужно перевалить через перевал Сары-булак¹. Спуск крут. Тропа виляет среди густых зарослей кустарников, расцвеченных нежными цветами шиповника. Усталые ишаки то и дело ложатся. Нам приходится без конца поправлять сползающие сумы, перевыючивать животных. За поворотом открылась обширная плоская терраса — плод многовекового труда нескольких маленьких речек, заполнивших расширяющуюся здесь долину своими отложениями. Кишлак уже виден: несколько больших деревьев, серые домики и желтеющие прямоугольники созревающих хлебов. Устали и люди и животные, а впереди, пожалуй, самое трудное. Тропа ныряет в узкие и глубокие промоины — саи, прорезанные в склонах потоками талых вод. Каждый раз приходится осторожно проводить животных, переносить груз на себе.

Два дня продолжается переход от Ляхша до переправы.

* *
*

Передовая группа экспедиции во главе с заслуженным мастером спорта Е. А. Белецким подходила к переправе. Вечерело. Все ближе грохот реки. Люди спешили. Почти бегом пересекли небольшой овраг, в котором пенился ручей, и вышли на скалистую площадку. Белецкий

¹ Или Ляхшский перевал.

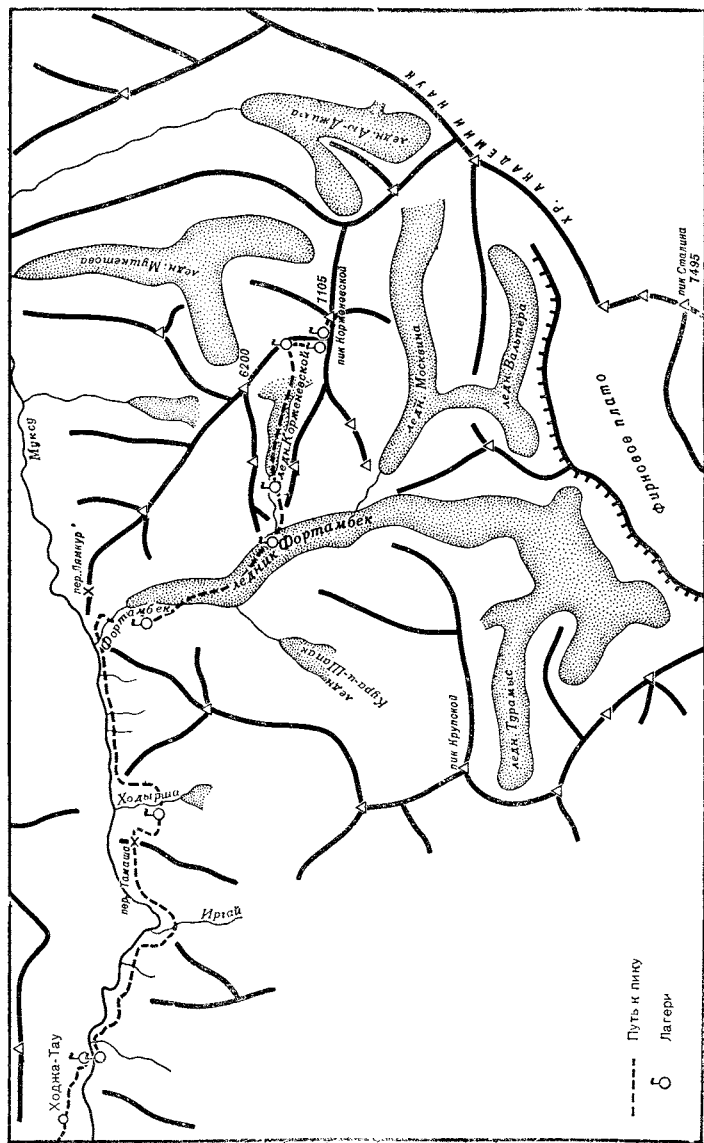
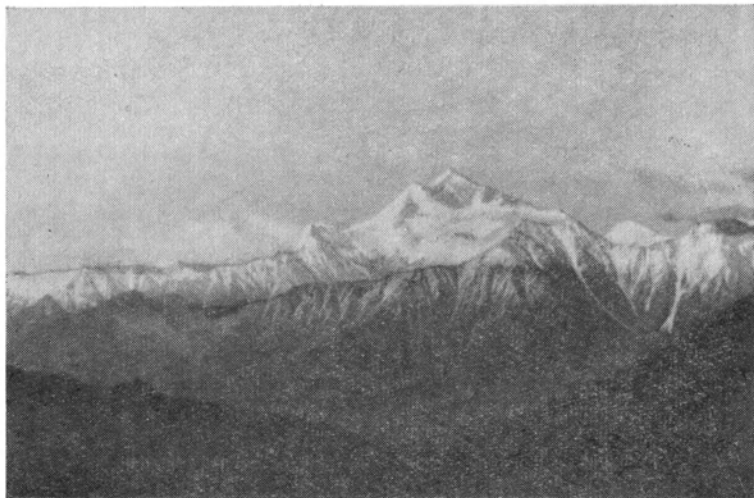

Схема района пика Корженевской. Показан маршрут экспедиции 1953 г.

С перевала Сарыбулак перед путниками впервые открылся вид
на пик Е. Корженевской

Фото В. Гусева

подошел к краю обрыва. У подножия скал бурлил поток. В сумерках белели его пенные струи. Моста не было. В скалах торчало лишь несколько обломанных палок, переплетенных хворостом. То же — на другом берегу. Это остатки «устоев» моста.

— Муксу утащила мост,— тихо сказал караванщик. Альпинисты стояли молчаливой гурьбой. Что же делать? Брод в это время года абсолютно невозможен.

Белецкий недобрым словом вспомнил сотрудников Республиканского совета профсоюзов, сообщивших в Москву о хорошем состоянии моста и троп до Фортамбека. Уныло устраивались на ночь альпинисты. Неужели все труды напрасны и экспедиция сорвана? Возвращаться? Отказаться от мечты покорить последний семитысячник Памира?

Нет! Альпинисты так не поступают. Но когда Белецкий утром предложил делать воздушную переправу, многие с сомнением посмотрели в сторону обрыва, где клочущая вода преграждала путь на другой берег.

— Метров тридцать будет, ничего не выйдет,— заявил Гожев,— впрочем, другого выхода нет, нужно пробовать.

Начали «пробовать». Первым метнул камень Игорь Ржепишевский. На середине реки камень с всплеском погрузился в воду. Поток потянул веревку из рук людей.

— Держи крепче!

Постепенно приноровились. Камень взлетал все выше и выше. Падал все ближе к другому берегу, иногда даже ударялся о скалы. Но этого было мало. Требовалось, чтобы камень застрял между валунами.

Альпинисты сменяли друг друга. Раз за разом камень взвивался в воздух. Неудача. Еще неудача. Очередная смена отдыхала. Пропал азарт первых попыток. Но альпинисты упорно продолжали однообразное занятие. Прошел день. Быстро спускались сумерки, от костра донесся голос Алексея Угарова:

— Хватит на сегодня, темнеет. Идите ужинать.

Прошла еще одна ночь. Снова собрались альпинисты у края обрыва. Снова в воздух полетела веревка с камнем.

— Может быть, поискать другого места! — предложил кто-то.

— Я прошел почти всю долину Муксу. Лучше этого места не найти. Сверху бросать удобнее. Не зря же здесь мост был, — и Белецкий закричал: — Эй, чья очередь? Бросай!

Радостный вопль поднял всех на ноги: камень зацепился! Порывистый Эргали Рыспаев бросился к веревке, но Белецкий остановил его: нужно убедиться, хорошо ли она держится.

— Навались!

Рывок. Камень взлетел в воздух. Нужно начинать сначала. Но теперь появилась уверенность: камень может закрепиться. Когда, наконец, это произошло, никто не удивился.

Камень выдержал проверку, можно было начинать переправу. Несмотря на все предосторожности, переправа первого человека все же была рискованной. Белецкий вызвал добровольцев: желающих были почти все. Особенно настаивали Ржепишевский и Рыспаев. Белецкий решил спор в пользу Рыспаева, самого легкого из всех.

Карабин, к которому привязан Эргали, медленно скользит по веревке. Альпинист висит, широко раскинув руки, чтобы их не подхватило под карабин. С двух сторон

тянутся к берегу страховочные веревки. Их медленно «травят» по мере спуска товарищи. Еще несколько метров. Еще метр. Альпинист уже касается ногами камней. С трудом освобождается от обвязки. Небольшая фигурка отплясывает среди камней победный танец. В ответ гремит дружное «ура». Победа!

Через час были укреплены основные веревки. Воздушная переправа оборудована по всем правилам альпинистской техники.

* *
*

Мы уже знаем: на левом берегу троп нет. Прошло два-три года с тех пор, как население покинуло единственный кишлак Иргай. Люди получили хорошую землю в долине, теперь некому ходить вверх по Муксу. Некому поддерживать непрерывно осыпающиеся и размываемые тропинки. Природа здесь быстро стирает следы человека.

Животным за переправой нет пути. Все необходимые грузы придется до самого Фортамбака нести самим. Это тяжелый длительный труд. Нужно много всего. Но грузоподъемность человека очень ограничена. Трудный путь от переправы до Фортамбака приходится проделывать по нескольку раз. Сроки восхождения оттягиваются. Все параллельные работы — обследование верховьев долины Фортамбака и Ходырши — приходится отменить.

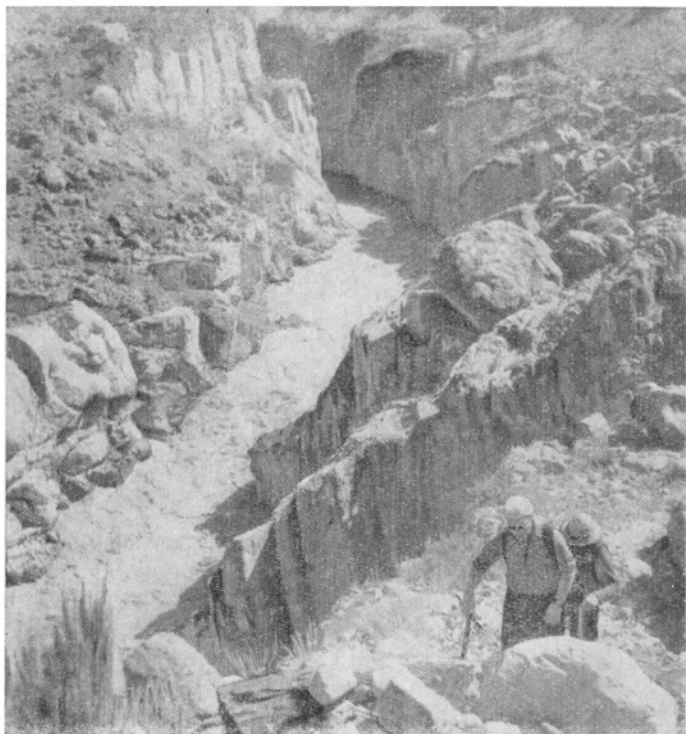
На полпути к Фортамбаку, в ущелье Ходырша, — промежуточный лагерь. 29 июля я с группой товарищей направился туда.

...Обвязка вокруг груди и нижней части торса готова. Прицепиться к основной веревке переправы не просто. Нужно подтянуться и на весу пристегнуть карабин.

— Готов!

Медленно поползла вспомогательная веревка. Карабины дернулись и двинулись по соединенным вместе двум канатам переправы. Скорость скольжения возрастает. Все ближе kloкочет вода. Спуск происходит быстро. Не успевая разобраться в ощущениях, оказываюсь на противоположном берегу. А. Суслов и И. Дайбог подхватывают меня и помогают освободиться от обвязок.

Мы шли вдоль склона, осторожно преодолевая крутые осыпи. Конгломераты обваливаются целыми глыбами. Разбиваются на большие камни и мелкую пыль моренные

Грохочет бурная Муксу. Вдоль обрывистого края каньона идут альпинисты к долине Фортамбака

Фото И. Ржепишевского

суглинки. Рыхлые груды оседают под ногами, большие обломки катятся вниз.

Суслов быстро идет впереди. По его следам идти почти невозможно. Но в таких местах все равно каждому приходится самому выбирать, куда поставить ногу. Дай-бог шагает молча.

Конгломераты уступают место скалам. Выступающим мысом спускаются они от гребня хребта. Подошва скал обрывается к воде, и поток бессильно бьется о гранитные выступы, сердито плещет пеной, и влажный камень поблескивает в косых лучах вечернего солнца. Порода сильно разрушена, выветрелые пласты образовали удоб-

ные ступени. Мы огибаем выступ. Впереди — глубокая узкая щель, в которой плещутся воды реки. Ее темная поверхность то вздымается на метр, то глубоко опадает. Перепрыгиваем промоину. Скалы позади, и мы карабкаемся по крутому кулуару. Под ногами груды камней, они едва держатся, сползают под нашей тяжестью, порой катятся вниз. Тогда раздается возглас: «Камень!». Настороженным взглядом провожают люди катящийся обломок.

Кулуар пройден. Мы — на плече отрога, далеко вдающегося в долину. В километре видна зеленеющая площадка высокой речной террасы, за ней угрюмый серый склон бокового ущелья.

По кулуару мы поднялись метров на 200—250 над рекой. Крутой склон перед нами кончается обрывом. Глубоко внизу видна река, редкие кустики на прибрежных кручах. На склоне у края обрыва поднимаются причудливые серо-желтые столбы и башни.

У подножия столбов — узкая песчаная осыпь. Метра два отделяют нас от обрыва. На песке небольшие полузасыпанные углубления — следы ног наших товарищей, неоднократно проходивших здесь. Песок под ногами сползает к обрыву. С каждым шагом мы поднимаемся по склону, чтобы тут же съехать на прежний уровень.

Песчаные столбы пройдены. Мы на обширной террасе. Здесь местами даже сохранилась тропа. Дальнейший путь до перевала Тамаша проще. Разве только переправа через бурный Иргай, да несколько саев разнообразяют довольно монотонное движение.

С перевала открывается чудесная панорама, пройденный путь как на ладони. На большом протяжении открывается долина Муксу: огромные ступени береговых террас на склонах, узкие теснины, прорезанные потоком, пятна зелени на унылых обнаженных склонах. Вон река извивается в расширении долины, дальше снова пенится белыми гребешками у скал. На перевале растет большая арча. По другую сторону отрога глубокое ущелье р. Ходырша. С перевала видны снежные вершины и фирновые склоны ее верховий, грязный язык ледника. Внизу, у самой реки, лагерь.

Пологий спуск приводит нас к палаткам. От них до грохочущего потока всего метра два. Порывы ветра бросают на нас водяную пыль.

От Ходырша до Фортамбека путь труднее и дольше. Наши товарищи соорудили мост через поток. Мост — это очень громко сказано. Несколько тонких, прогибающихся под ногами стволов березки. Вода перехлестывает через них. Порой они вовсе исчезают в пенных струях.

В поисках пути к Фортамбеку первая разведывательная группа поднялась высоко по склону. Даже следов тропы не было. Маркировочные знаки отметили новую трассу. Они то поднимались, то опускались среди каменных россыпей, ныряли в многочисленные промоины, траверсировали контрфорсы. Нелегкий путь для тяжело груженных людей. К тому же дожди за несколько часов неузнаваемо меняли склоны.

Когда в Ходырше накопился небольшой запас продовольствия, группы одна за другой пошли к Фортамбеку. Постепенно выявился новый вариант трассы у самого уреза воды.

Итти приходится у подножия берегового обрыва, порой прямо по воде. Неприятное место! Конгломератные стены высятся над людьми, грозя обвалом. Альпинистам доводилось видеть, как после дождя порода обрушивалась на протяжении десятков метров. То и дело падаются груды обломков.

Люди шагают с камня на камень. С ног до головы обдает их ледяная волна Муксу. Вода непрерывно бьет в берег: нахлынет, и тогда камни скрываются в крутящейся пене; откатывается назад, и тогда можно сделать следующий шаг.

Наконец, обе трассы, верхняя и нижняя, сходятся. Дальше путь легче. Склон положе. Здесь встречаются отмели, можно передохнуть и даже выкупаться. Появляется старая тропинка. Но вот она круто поднимается вверх по берегу. Уводит все дальше от воды. Шум потока удаляется, становится глуше. Альпинистам жаль расставаться с рекой, с ее свежим дыханием, еще несколько минут назад ласкавшим разгоряченные тела. Наверху неподвижный воздух горяч, и с каждым шагом люди как бы раздвигают его упругую массу, которая следом опять смыкается, обжигая сухим, настоящим на ароматах гор-

ных трав дыханием. Во рту пересыхает, в горле начинает першить.

Беспорядочные нагромождения камней, выступы скал и крупная осыпь. Наконец, справа открывается узкая щель каньона Фортамбека. Левый склон ущелья спускается отвесными стенами. Пройти в Фортамбек можно только с другой стороны. Над каньоном узкий мостик. Даже ветер раскачивает его, и он угрожающе скрипит. Итти — только по одному!

Группа сворачивает в ущелье и идет без тропы по правому берегу. Но его склон все круче, все ближе к краю каньона. Теперь нужно перебраться на левый берег, он стал более пологим, там — путь. Моста нет. В глубине каньона виднеется застрявшая там огромная каменная глыба. Но добраться до нее непросто. Пришлось забить крюк и подвесить веревку. Концы ее достают до выступа склона. Но до глыбы еще далеко. Альпинисты, прижавшись к склону, осторожно движутся вперед. Новое препятствие — большой, выдающийся из склона камень. Снова приходит на помощь веревка — теперь она образует перила. Далеко откинувшись от склона, альпинисты обходят препятствие.

Наконец — «мост». Внизу на камнях пенится поток Фортамбека. Спуститься мало, нужно еще выбраться на другой берег. С трудом влез по обрыву Гожев, забил крюк и навесил еще одну веревку. Это упрощает путь для остальных. Но подтягивание на руках с тяжелыми рюкзаками за плечами дается не без труда. Тяжело дыша выбираются люди на край обрыва и сразу садятся на камни отдохнуть.

Отсюда до леска на морене, где был устроен лагерь, часа полтора-два хода. Группы добирались сюда к вечеру.

Пройдена осыпь — остатки огромного селя. Сперва редко, а потом все чаще попадаются обугленные стволы деревьев — следы давнего лесного пожара. В предвечерних сумерках диковинными фигурами лохматится кустарник, незаметно надвигается темный лес. Да, здесь у самого ледника — настоящий лес. Наряду с арчей белеют березки. Очень приятно после камней и валунов чувствовать под ногами мягкую влажную почву, усыпанную прошлогодними листьями и кое-где покрытую пушистым ковром мха.

Лагерь стоит в тени деревьев у небольшой полянки. Приветливо колышется пламя костра. Хорошо отдохнуть здесь после тяжелого перехода. Но нет, утром нужно возвращаться за очередной партией груза.

* *
*

Более двух недель продолжалась переноска грузов в Фортамбек. Участники экспедиции осунулись, загорели дочерна. Нервировали досадные задержки — очередного каравана из Ляхша приходилось дожидаться по нескольку дней. С трудом доставленные на Фортамбек продукты расходовать не хотелось, порой приходилось потуже затягивать пояс.

Белецкий с небольшой группой провел разведку до высоты 4400 м. Путь дальше был ясно виден, и группа повернула назад.

Проделаны, наконец, последние рейсы с грузом. Вся «высотная» часть экспедиции сконцентрирована в Фортамбеке. Остальные — у переправы; это тоже экономия: меньше грузов носить вверх.

По плану перед штурмом предстоит еще поход до высоты 6100 м. Задачи: разведать путь по ребру и устроить лагеря по пути подъема, доставив в них часть груза, и обеспечить акклиматизацию альпинистов. Поход должен также выявить членов будущей штурмовой группы.

Днем 9 августа 12 человек вышли из лагеря. Рюкзаки набиты до отказа, и люди шли медленно. На четвертый день подъема группа устроила третий лагерь на высоте 6100 м и спустилась на седловину у подножия ребра. Ночью стало известно, что Белецкий заболел. Воспаление легких — болезнь на больших высотах чрезвычайно опасная. В таких случаях самое главное — немедленно и возможно быстрее спустить больного вниз.

Рано утром начался спуск. Альпинисты разделились на две группы: одна спускала Белецкого, другая несла весь груз.

Из палаток, дождевых плащей и спальных мешков соорудили мягкую подстилку, надежно закрепили ее веревками и повезли вниз по склону. Впереди шел разведчик. Он выбирал наиболее безопасный и удобный путь. Следом на некотором расстоянии двое посменно тянули

волокушу, а двое других шли по сторонам, поддерживая Белецкого в полусидячем положении: лежа ему трудно дышать. Сзади движется еще один альпинист, длинной веревкой он страхует волокушу, удерживает ее от резких рывков. По крутому склону спускались быстро, местами скользили, как на лыжах, то разгоняя, то притормаживая волокушу.

Ледопад. Способ передвижения пришлось изменить. Здесь двое спускались вплотную по бокам Белецкого, поддерживая его, давая отдохнуть через каждые три-четыре шага. Евгению Адриановичу трудно даже переставлять ноги, и товарищи принимали на себя всю тяжесть его тела. С большим трудом был пройден ледник. Впереди осыпь, где стоит лагерь 4400 м.

Через полчаса спуск продолжался. Но путь для больного теперь еще более сложен и опасен. Здесь даже два человека рядом идти не могут. Больному было невозможно шагать по неустойчивым камням крупной осыпи, пробираться вдоль узкого ущелья, карабкаться по конгломератовым полочкам и уступам. Пришлось поочередно нести Белецкого на себе. Впереди снова шел разведчик, выбирая путь. Он продвигался медленно, чтобы следующий, кто в это время нес Белецкого, мог ступать точно по его следам. «Носильщик» шел балансируя почти при каждом шаге. Не трудно представить, как тяжело было нести человека, если даже с полупустым рюкзаком двигаться не просто.

К ночи больной был доставлен в лагерь. За день группа спустилась почти на 3000 м. Энергичное вмешательство врача, и через два дня Белецкий был на пути к выздоровлению.

* *
*

По совету Белецкого я назначил новым начальником штурма Алексея Угарова¹. 17 августа штурмовая группа покинула лагерь. Восемь человек: А. Угаров, А. Гожев, Л. Красавин, П. Скоробогатов, А. Ковыркин, Э. Рыспаев, Р. Селиджанов и Б. Дмитриев. Несколькими часами позже следом отправились Я. Фоменко, А. Орлов, Е. Литвинов и В. Гузь — вспомогательная группа.

¹ Ныне заслуженный мастер спорта.

По знакомому пути идти легче, да и в рюкзаках меньше груза. Вскоре остается позади боковая морена. Язык ледника покрыт толстым слоем крупных и мелких камней, выше этот покров редет, появляется открытый лед, сверкающий фирн. Альпинисты поднимаются на правую береговую морену, по ней — путь к ущелью Корженевской.

На леднике несколько небольших озер. В воде отражается манящая голубизна неба, светлыми бликами дрожат отсветы снегов, темные блики скал.

Группа идет вдоль гигантской отвесной стены. Обрыв так высок, что люди кажутся пигмеями. Далеко впереди, над гребнями в верховьях на темноглубом фоне неба искрятся снега величавого пика Сталина.

Узкая щель, которой кончается ущелье Корженевской, совершенно незаметна на грязносером фоне конгломератовых обрывов. С ледника спуститься на дно ущелья невозможно. Альпинисты стоят на высоте 25—30 м над потоком. Прорываясь сквозь узкую щель в монолитной скале, он ныряет в грот и исчезает под ледяной массой Фортамбека. Альпинистам приходится карабкаться вверх по склону. Высокий обрыв сложен конгломератом. С трудом пробивают люди путь. Временами приходится вырубать в твердой породе лунки для ног и рук. Двести метров такого пути выматывают силы. Наконец, можно спуститься к воде и идти вдоль потока. Справа и слева у подножия отшлифованных водой и временем стен порой выдаются из воды камни и целые гряды камней. Перепрыгивая с камня на камень, а чаще просто шлепая по воде, продвигается группа по дну каменной мышеловки. Временами каньон расширяется. Можно отдохнуть. Солнце палит нестерпимо. Ветра в ущелье нет. Застоявшийся сухой воздух совершенно недвижим: Болят натруженные плечи. К концу дня, миновав расширившуюся часть ущелья, группа остановилась на бивуак у края ледника. Высота 4400 м. Отсюда открылась величественная картина: палатки стояли на краю огромной ледяной чаши, с трех сторон окруженной мрачными скалистыми горами, увенчанными снежными вершинами, острыми зубьями ледяных гребней. Впереди ледяная чаша замыкалась мощным ледопадом, за которым виднелось снежное поле. А еще дальше, в правом углу, уходил ввысь, сливаясь с небом, подернутым дымкой облаков, острый снежный гре-

бень, над которым скорее угадывалась, чем была видна, могучая вершина пика Е. Корженевской.

Постепенно все окружающее скрывалось в сумерках, гасли отблески солнца на снегах, все более темнели провалы ущелий. Вскоре над потемневшими хребтами выделялись лишь самые высокие вершины, на которых еще горели отблески уже давно скрывшегося солнца. Лагерь засыпал. Завтра снова трудный день.

Нелегкая это штука — одеться в палатке на троих. Несмотря на 15-градусный мороз, здесь сравнительно тепло. Альпинисты вылезают из спальных мешков постепенно, по мере того как облачают в теплые одежды одну часть тела за другой. Остается лишь натянуть ботинки.

Три связки по четыре человека вступили ранним утром 18 августа на ледник Корженевской. Под ногами не столько лед, сколько камни. Лед обтаял, почернел, по его поверхности бегут многочисленные мелкие ручейки, соединяются в большие, образуют речушки.

Ледопад. Высоким барьером высится он поперек всего ледника. Обход по скалистому кулуару, по которому поднималась группа Гущина, теперь слишком опасен. Угаров пытливым взором вглядывается в ледяную стену, высматривает путь, — он изменился со времени первого похода. Наконец лазейка найдена и группа идет дальше.

Поверхность льда поднимается под углом не менее 50°. То глухо, то звонко раздаются удары металла о лед. Шаг за шагом продвигается ведущий, — ему тяжелее всего. На его долю падает основная часть работы — вырубить ледорубом ступеньку. Остальные подправляют и рассчитывают ее.

Первым идет П. Скоробогатов. Его сменяет Ковыров. Связка за связкой медленно поднимается группа к верхнему краю ледопада. Там начинается фирновое плато. Вот оно во всем великолепии сверкающего, нетронутого снега. Взгляд скользит по скалистым гребням, по обширной снежной поверхности.

Теперь — внимание! Под снегом скрыты трещины. Ледоруб, как щуп, исследует прочность покрова. Грозный рокот сотрясает воздух, со склонов взметываются клубы снежной пыли. Туда, где еще недавно карабкались по льду альпинисты, катится огромная лавина. Снежное облако растет, высоко поднимаясь к небу. Вся нижняя часть

ледника скрыта. Глухой удар! Лавина достигла льда. Остановилась тысячетонной массой.

— Хорошо, что вышли рано.

Снежная ступень привела на второе плато, невидимое снизу. За ним подъем стал круче. Под горячими лучами августовского солнца снег стал немного подтаивать. Итти труднее, зато ступени выходили четкими и прочными.

На снегу осталась длинная череда ступеней. Склон все круче. Снизу он казался пологим, а теперь альпинисты забираются на крутую снежную гору. Давно стихли веселые шутки Рыспаева. Тяжело.

Стрелка альтиметра перевалила за пять тысяч метров, начинает ощущаться высота. Дышать труднее. Чаше остановки. Последние сотни метров отряд движется короткими рывками.

Знакомый лагерь на седловине. Площадки целы, и вскоре здесь снова оживленно шумит маленький палаточный городок.

Ночью на седловине, как всегда, бушует ветер. Пытается свалить палатки, хлопает полотнищами, гудит в растяжках. Глухо потрескивает от сильного мороза лед, а в палатках в пуховых мешках спят усталые люди. Лишь одинокий огонек светится допоздна,— карманный фонарик освещает небольшую записную книжку, склоненное лицо Угарова...

Утро. Из-за хребта выползает солнце. Лагерь приходит в движение. Вскоре он исчезает в рюкзаках.

Группа выходит на ребро. Следы, протоптанные во время тренировочного хода, подтаяли, ступени испортились. Но они — путеводная нить.

Под штормовку понемногу забирается холод, растекается по телу. Оно отзывается мелкой дрожью, требует тепла.

Вскоре восходителям приходится заняться скалолазанием. Солнце почти не согревает поверхность породы. Лезть приходится без рукавиц. То и дело встречаются пласты льда. Альпинисты снимают кошки. Скалы сменяются снегом, затем снова — путь через скалы. Итти приходится с попеременной страховкой: один поднимается, двое страхуют его веревкой от срыва. Потом страхует первый, идет второй. Один за другим медленно, но верно приближается группа к площадке лагеря 6100 м. Небо безоблачно, но ветер усилился. Он сбивает людей с ног.

Катится к далекому горизонту солнце. Заметно короче стали шаги. Согнулись спины. Скорей бы отдых!

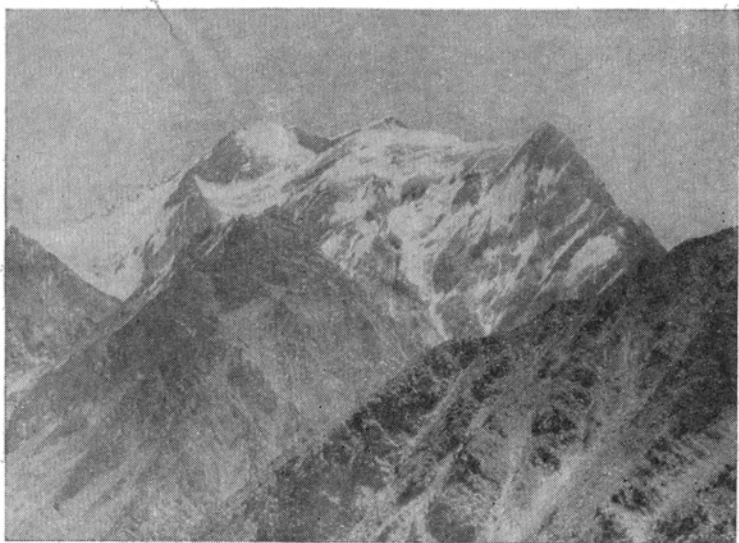
Лагерь 6100 м устроен на крутом снежном склоне. Большая скала укрывает от ветра две палатки. Едва солнце спустилось за дальние хребты, моментально наступила ночь. В горах быстро темнеет. Палатки стоят, до половины углубленные в снег. Ветер не страшен. Весело шумят примусы, закипает суп, и уставшие за долгий трудный день люди облегченно вытягиваются.

Четвертый день восхождения. Группа вступает на незнакомый путь. Снег глубокий, почти по колено. Каждый шаг дается с напряжением. Снова на пути встают скалы. Обледенелые, крутые. Их нужно обойти. Очень осторожно выходят альпинисты на левый снежный склон. Но здесь не легче: ветер сдул свежий снег. Приходится с силой вонзаться в твердый фирн стальные зубья кошек. Под тонким слоем фирна скрыт лед. Нужно рубить ступени, итти со страховкой. Вскоре склон становится так крут, что подниматься уже нельзя. Все чаще попадаетесь обнаженный лед. Особенно тяжело дались последние 100 метров подъема по ребру.

Гребень. Начало вершинного гребня. Ровная площадка, покрытая мелкими камешками. Здесь будет лагерь «6400 м». Прекрасно виден путь к вершине. На юге поднимается ничем не заслоненная громада пика Сталина. Справа — фирновое плато. Еще дальше — черед бесчисленных вершин хребта Петра Первого. Вдали высится пик Москвы. Величественная картина!

Пятый день штурма. Не успели альпинисты пройти и ста метров, как путь преградили острые скалы. Три высоких зуба. Особенно страшен первый — черный, с гладкими, отполированными ветром крутыми боками. Обойти этот «жандарм» невозможно. Лезть в лоб — задача исключительно трудная даже на малой высоте. После долгих поисков отыскали у подножия стены небольшой выступ — полочку.

Кое-как пролез первый. Устроил веревочные перила. Двинулись и остальные. Лезли, упираясь в гладкие скалы ногами, подтягиваясь на руках по веревке. По одному выбирались на плечо «жандарма». Тяжело дыша, опускались на снег. Трудная штука — эдакая гимнастика на высоте 6500 м!

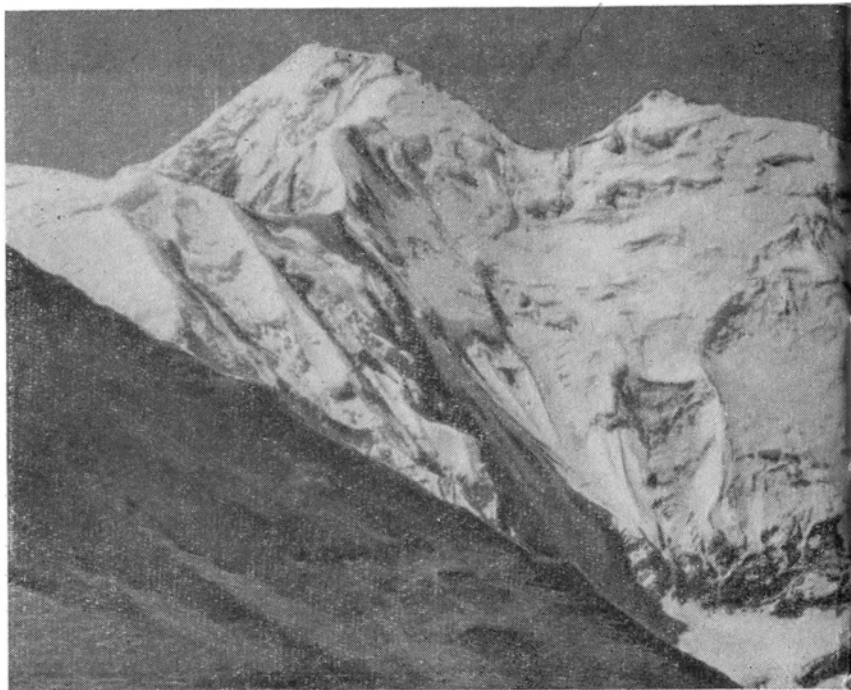
Пик Корженевской с запада

Фото Д. Гущина

Следующие два «жандарма» минуются проще, хотя времени и здесь уходит немало. И снова шагают альпинисты по узкому снежному гребню. Связки растянулись на всю веревку. Осторожно! На севере гребень окаймляют мощные снежные наддувы.

Крутизна подъема уменьшается. Не вершина ли впереди? Восходители прибавляют шаг: вместо передышки через два шага делают ее через три. И вот — высшая видимая точка. Увы! Впереди снова продолжается снежный гребень. Он круто уходит вверх и теряется в облаках. Метр за метром упрямо поднимается группа по крутому взлету. Движение становится монотонным, даже усыпляющим. В сознании только одно: шаг... еще шаг... шаг... еще шаг... И так без конца. Перед глазами снежная кромка гребня, ноги идущего впереди — и больше ничего.

Метр... еще метр... Восьмерка упорно движется вверх, к следующей «высшей» точке, и снова... за ней поднимается гребень. Стрелка альтиметра медленно приближается к цифре 6900 м. Последняя «ложная» вершина. Угаров говорит:

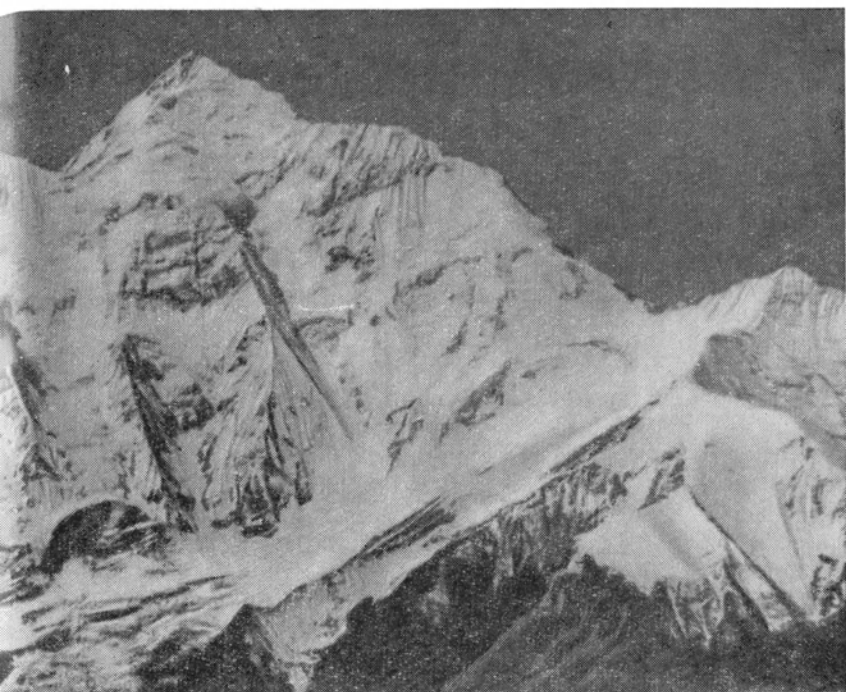
Грозными стражами поднимаются над долиной Муксу

— Надо поискать тур группы Гущина.

Через несколько минут у выступающих скал Рыспаев обнаружил каменную пирамидку. Он извлек жестяную банку. Маленький клочок бумаги — привет от людей, бывших здесь 16 лет назад... Теплое чувство охватывает альпинистов, как будто кто-то дружески пожал им руку.

— Ребята! Ведь мы дойдем, обязательно дойдем, — растроганно говорит Б. Дмитриев, — вот она, главная!

За глубокой седловиной еще один крутой подъем к снежному куполу вершины. Впереди еще день пути. А вокруг на сотни километров беспредельное царство гор. На востоке совсем близко группа Алтынмазарских гор: Музджилга, Сандал и Шильбе. За ними снежная гряда Заалайского хребта с его гигантами, пиками Ленина и Дзержинского. На востоке и западе, у подножия хребта Петра

Алтынмазарские вершины: Музджилга, Сакдал и Шильба

Фото М. Ануфрикова

Первого, глубоким шрамом темнеет ущелье Муксу. Со склонов в долины стекает множество ледников, бегут седые горные потоки. Далеко на западе, в туманной дымке рисуются гряды Памиро-Алая: Гиссарский, Зеравшанский и Туркестанский хребты.

Холод напоминает, что пора итти дальше. Спуск на седловину, где будет последний, штурмовой лагерь. Потеря более ста метров с таким трудом завоеванной высоты!

22 августа. Несмотря на холод, в палатках никому не сидится. Дежурные наспех приготавливают завтрак. Его кое-как, давясь, проглатывают. Скорее в путь. Скорее к вершине.

Нужно подняться на 335 метров. Но какие это метры! Более двух часов бредут восходители по крутому склону.

Скрылись из виду палатки на седловине, но до вершины еще далеко. Рюкзаки остались в палатках, но люди идут вяло. Стрелка высотомера переползла цифру семь и начала отсчитывать восьмую тысячу метров.

Снег сухой, глубокий. Не дает надежной опоры ногам. Позади группы остаются глубокие ямины. Длинной цепочкой они тянутся от седловины. Идет напряженная борьба за каждый шаг. Силы убывают; кажется, вот упадет в снег обессиленное тело. Но никто не падает. Поддерживает и ведет вперед неистребимая воля к победе. Какая-то слабая часть «я» сверлит мозг мыслью об отдыхе, остановке, но это теряется где-то в глубине сознания. Люди попрежнему идут вперед и вверх.

С юга движется облачный фронт. Переваливает через гребни хребтов. Горы исчезают, проглоченные тучами. Клоchyя тумана укрывают вершину, и восходители долго идут сквозь молочно-белое месиво облака. Вдруг облака редееют, яркие солнечные лучи бьют в лицо — волнуемая молочно-белая поверхность осталась ниже туч. Вершина.

Победители стоят на снежной вершине пика Корженевской. Ни у кого не находится слов от волнения. Молча обнимают друг друга товарищи.

— Ура! — наконец, кричит Угаров. Остальные подхватывают хриплыми голосами.

* *
*

Прошло четыре дня. Длинная вереница тяжело груженных людей одолевала последний километр тропы к переправе. Знакомый спуск. Скорее вниз, к переправе... Нарастает шум реки. Над темной водой колышется светлая веревка, уходит вверх к противоположному берегу, к скалам, где виднеются большие буквы: «Привет победителям пика Корженевской».

Перекрывая шум реки, доносится приветственный крик. На скале темные фигурки. Машут руками, кричат что-то. Что, неясно. Но, несомненно, радостное.

Поплыл над рекой рюкзак. Потом человек, другой, третий... Начался путь домой.

Вместе со штурмовой группой вернулась и группа Фоменко. Ей удалось подняться на безымянный пик 6200 м на северо-восток от седловины.

Осенью был опубликован приказ Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту. Восхождение на пик Корженевской было признано лучшим высотным восхождением в СССР в 1953 г.

АЛТЫНМАЗАРСКИЕ ВЕРШИНЫ

Вот они, старые знакомые! — Арий Поляков остановился и протянул руку вперед. — Который раз я на этом перевале, но впечатление от этого не слабее...

Никто не отвечал ему: товарищи не слышали ни его слов, ни криков погонщиков, ржания лошадей, тяжелой поступи груженого каравана. Открывшаяся панорама поразила даже бывалых альпинистов.

У самых ног людей в километровую глубину уходил крутой склон. Внизу, за небольшими пятнами прибрежной зелени, расстилалось широкое дно долины. Темносерое ровное пространство галечника изрезано причудливо извивающимися руслами реки. Многочисленные блестящие нити потоков, как рельсовые пути на большой станции, то сливаются, то расходятся, то тянутся рядом. Но не прихотливые изгибы Муксу приковали взгляды людей, стоящих на перевале. По ту сторону долины круто вздымаются обрывистые склоны. Темный цоколь горного массива, изрезанный узкими шрамами пересохших водотоков, изполосованный осыпями, венчается ослепительными снегами и ледниками. Четкие контуры гребней врезаны в синюю эмаль безоблачного неба в четырех километрах над долиной.

— Вон Музджилга... — продолжал Поляков. — А это — Сандал и Шильбе... Все вместе — северное окончание хребта Академии Наук...

— Знаем. Помолчим-ка лучше немного, Арий, — остановил товарища Боровиков.

Они стояли рядом, альпинисты команды общества «Спартак».

Не отрывая взгляда от исчерченных следами лавин снежных обрывов, от огромных нависающих карнизов, альпинисты любовались грандиозной панорамой. Но не только их эстетические чувства были затронуты: у спартаковцев была особая причина интересоваться вершинами Алтынмазарских гор — им предстояло штурмовать эти еще никем не покоренные пики. Поднявшись на Терс-Агар, они впервые увидели своих противников.

— Крепко...— задумчиво промолвил Фарид Улумбеков, — твердый орешек...

* *

*

На разных этапах экспедиции ее руководителей, организаторов и участников отягчают заботы различного рода. Сперва, еще до выезда из города, это бесконечные хлопоты по утверждению планов и смет, размещению многочисленных заявок и приобретению снаряжения и питания. Потом трудности, связанные с транспортом, с перевозкой людей и грузов к району работ. На последнем этапе пути много неприятностей обычно доставляют броды. Тем более волновала предстоящая переправа участников экспедиции «Спартака», — ведь им нужно было преодолеть стремительные воды Муксу. Однако и это препятствие осталось позади. Опытнейший караван-баши, Султан Караходжаев, уже более двадцати лет проводивший караваны на ледник Федченко, помог спартаковцам.

В двух километрах ниже переправы, в небольшой роще на левом берегу реки, альпинисты разбили базовый лагерь. Перед палатками весело пылал костер, — сухих дров было вдосталь. Шорох огня сливался с журчанием прозрачного родникового ручья. Приглушенно рокотали воды Муксу. Начиная новый период в жизни экспедиции. Теперь все усилия альпинистов были направлены на поиски путей восхождения.

Несмотря на то что Алтынмазарские вершины поднимаются в начальном пункте пути всех экспедиций на ледник Федченко и в долину Саукдары, до 1955 г. они ни разу не были объектом восхождений альпинистов. Лишь однажды, в 1933 г., Е. Абалаков на пути к пику Сталина «завернул» на ледник Малый Танымас, куда спускаются южные склоны массива, но пути к вершинам там не обнаружил. Северные же склоны, обращенные к Алтын-Ма-

зару, также казались недоступными. Но альпинисты «Спартака» решили попытать счастья именно здесь.

...Разведка начинается с наблюдения. Разыскали хороший панорамный пункт, с которого склоны массива видны на всем протяжении. Начальник экспедиции В. М. Абалаков с товарищами несколько дней подряд проводил там долгие часы, ощупывая взглядом каждый выступ склона, каждый взлет крутых гребней. Достаточно поднести к глазам сильный бинокль, и темные пятна на далеких скалах придвигаются, превращаясь в уступы и расщелины; темная паутина на всяких ледниках очерчивается хаосом глубоких трещин, острыми зубьями ледяных глыб — сераков. Наблюдение нужно вести в разное время суток: рано утром и в середине дня, когда последние отсветы солнца окрашивают снега алыми тонами, и даже ночью, когда лед блестит в зеленоватом, мертвенном свете луны. Вот участок пути, казавшийся пригодным рано утром. Но днем в бинокль ясно видно, как падающие камни высекают там фонтаны обломков. Терпеливое наблюдение приносит свои плоды: спустя несколько дней альпинисты уже знают, где проходят обычные пути камнепадов и лавин, в какое время дня солнечные лучи согреют обледенелые скалы. Знают достаточно, чтобы наметить путь восхождения.

Восходителям предстоит проделать траверс: подняться на пик Музджилга (6376) — наиболее высокую из вершин массива, пройти гребень на восток до пика Сандал (6150 м) и затем спуститься в базовый лагерь. Теперь можно готовиться к штурму, уточнять на месте детали маршрута, привыкнуть к преодолению их на высоте.

Четырежды выходят из базового лагеря альпинисты, сгибаясь под тяжестью туго набитых рюкзаков. Они поднимаются и в направлении к пику Сандал и в направлении к пику Музджилга. Там, куда добираются отряды, остаются склады продовольствия, горячего и снаряжения. Теперь путь до высоты 5300 м хорошо известен и подготовлен. Альпинисты уже освоились с лазанием по сильно разрушенным хрупким скалам.

К первым числам августа все было подготовлено. Однако предусмотрительный Виталий Михайлович решил начать восхождение со штурма пика Сандал. Действительно, одна из групп экспедиции, достигнув этой вер-

шины, тем самым наверняка установила бы приемлемость намеченного маршрута траверса и облегчила спуск траверсирующей группе. Одновременно восхождение на Сандал само по себе представляло незаурядное спортивное достижение. Мудрый начальник экспедиции вопреки поговорке «убивал двух зайцев».

Итак, 3 августа на площадке лагеря выстроилась небольшая группа: руководитель восхождения Владимир Кизель и альпинисты Яков Аркин, Фарид Улумбеков, Петр Буданов, Ростислав Давыдов, Урбан Гаджиев — представители Москвы, Ленинграда, Ташкента и Махачкалы. Короткое и деловое прощание. Еще раз проверили условное время сигнализации, контрольный срок возвращения. Кизель поднял руку и улыбнулся товарищам:

— В путь!

...Почти полтора километра подъема по очень крутым, поросшим травой склонам остались позади. Уже едва различимы пятна зелени рощ на берегу Муксу. Владимир Кизель остановился. Давно уже заметил он острую черную скалу, преграждавшую дальнейший путь к гребню. Но сейчас группа подошла вплотную к этому первому серьезному препятствию. Теперь с близкого расстояния хорошо видны отвесные стены «жандарма».

С первых же шагов альпинисты убеждаются в трудности задачи. Стены «жандарма» круты, а слагающая его порода предельно хрупка, — она крошится под нажимом пальцев. Крючья забить невозможно — они не держатся, и надежной страховки не получается. Ведущий буквально прилипает к скале и лезет мягкими плавными движениями. Мучительно медленно тянется время. Четыре часа проходит, прежде чем шестеро альпинистов преодолевают 80-метровый подъем и останавливаются на мелкой осыпи выше «жандарма». Здесь первый лагерь.

Второй, третий и четвертый день восхождения группа преодолевала бесчисленные зубрины скалистого гребня. Альпинисты потеряли счет башням и «жандармам». Скалы гладкие, разрушенные, выступы, уступы, трещины; скалы заснеженные, скалы оледенелые, в которых рука напрасно ищет опоры. Порода почти везде непрочна, лезть приходится с огромным напряжением сил и воли, следя за каждым движением: только бы не сбросить камень на головы товарищей. Лишь изредка попадаются места, где порода прочная, но зато это уже совершенно отвесные

стенки. Подниматься по ним можно лишь с помощью крючьев.

Только больших «жандармов» восходители насчитали более десятка... Когда за последним из них, на пятый день пути, открылся крутой снежный склон, альпинисты облегченно вздохнули. Эти три дня надолго запомнятся всем шестерым!

Стрелка высотомера едва перевалила за цифру 5000 м. Еще более 1000 м подъема. Снежный склон, на который вступила группа, лишь издали казался заманчивым и доступным. С первых же шагов люди проваливаются по колено в сухой порошкообразный снег. Опоры для ног нет, сколько ни утаптывай податливую массу. Дальше снег еще глубже — по пояс. А склон все более крут. Делаешь шаг вверх, и немедленно съезжаешь назад. Что же делать?

Безвыходных положений, говорят, не бывает. И верно: Кизель и его спутники нашли выход. Но какой! В полутораметровой толще снега они прорывали ледорубами и лавинными лопатками траншею до твердого основания, до льда. А во льду пришлось вырубать ступени. Работа чрезвычайно утомительная, но все же люди поднимались. Десять метров, тридцать, восемьдесят... Даже неисправимый оптимист Аркин находит, что работа «тяжеловата».

Без конца сменяются снежные склоны, гребни с огромными карнизами: два из них приходится прорубать. Зловещий шорох лавины, проносящейся в десятке метров. Ночевки в снегу, когда, сколько ни подкладывая под себя вещей, леденящий холод проникает сквозь все преграды...

Наконец, 10 августа — восьмой день восхождения. Место последней ночевки на высоте 6000 м осталось позади. Альпинисты преодолевают последний снежный склон. Разгребают снег, рубят ступени во льду, забивают крючья.

Последний подъем позади. Один за другим выбираются шесть человек на вершинный гребень и вскоре стоят на вершине. Глубокая тишина приветствует победителей. Перед ними открывается вид на юг, на бесчисленные гряды гор, на совсем близкие пики Сталина и Евгении Корженевской.

Трехдневный спуск в базовый лагерь прошел без приключений.

* *

*

Через два дня после возвращения группы Кизеля Виталий Абалаков с семьей товарищами вышел на маршрут траверса. Этому отряду также пришлось подниматься по крутым травянистым склонам, преодолевать ломкие скалы. По пути, в месте, где был устроен промежуточный склад, оставлена наблюдательная группа.

18 августа, на третий день восхождения, резко изменилась погода. Группа пересекала крутой фирновый склон, когда налетел первый порыв ветра. Сухой снег завертелся поземкой, ударяя острыми иглами в лицо. Площадки для палаток нет, а идти все труднее. Тучи густой пеленой затянули все вокруг. Температура быстро падала. Когда альпинисты, наконец, нашли небольшую снежную площадку под защитой скалы и смогли установить палатки, было уже 20° мороза.

Четырехместный спальный мешок теплее обычного и легче четырех индивидуальных. Однако в нем тесновато, особенно если подолгу пережидать непогоду. Поворачиваться сбоку на бок лучше всем одновременно, не то обязательно толкнешь соседа. Томительно тянутся часы ожидания.

Полотнища палаток плотно застегнуты, но снежная пыль пробивается сквозь щели, оседает на лицах, на мешках, которые постепенно покрываются ледяной корочкой. Ночью влажное дыхание оседает инеем на потолке и стенах палатки. Днем теплее, иней тает, и капли холодной воды падают на измучившихся от ожидания и неудобного положения альпинистов.

По утрам и вечерам в палатках — их две — гудят маленькие примусы — готовится пища и растапливается снег. Вода — это главное, что требуется человеку на такой высоте. Аппетит, и без того не очень хороший, за время вынужденного безделья совсем пропал. Кусок не лезет в рот.

Буря утихла 21 августа. Сквозь тучи проглянуло солнце. Тысячами искр засверкал свежий снег. Палатки оледенели, и альпинисты с трудом свернули неподатливую, ставшую ломкой ткань. Полчаса, и восемь человек снова двинулись вперед. Четко выделяются их фигуры на нетронутой белизне снега. Впереди, как всегда, Абалаков.

На его обычно худом лице теперь и вовсе запали щеки. Остальные члены группы выглядят не лучше, похудевшие, обветренные лица обросли темной щетиной. Валентина Чередова в ответ на чью-то шутку с трудом улыбается потрескавшимися губами. Пережидание непогоды подчас дается альпинистам более тяжело, чем даже трудный подъем. Однако спартаковцы полны решимости идти вперед. Налети еще раз буря, и у них хватит выдержки и сил переждать и ее,— лишь хватило бы продуктов и горячего.

...Скалы покрыты свежим снегом. Чтобы отыскать опору, то и дело приходится сгребать его руками, очищать поверхность породы. На гребне снег так глубок, что восходители проваливаются в него по пояс. Итти трудно, очень трудно. Люди проходят несколько десятков шагов и останавливаются, тяжело опираясь о ледорубы. Краткий отдых, и снова по пояс в снег. Ануфрикову — энтузиасту кино — особенно тяжело: сверх своей доли груза он несет тяжелую кинокамеру и кассеты с пленкой. Но и он не унывает и пользуется каждым подходящим моментом, чтобы запечатлеть на пленку все перепетии восхождения. Несмотря на скептические улыбки товарищей, он снимает и в непогоду, когда никто из альпинистов даже не пытается достать свой фотоаппарат. Но Михаил Иванович знает, что делает. Наградой ему будут замечательные кадры, которые заставят зрителей в затемненном зале пережить вместе с восходителями и трудный подъем, и холодные вихри пурги, и радость созерцания чудесных панорам высокогорья.

Два дня продолжался трудный подъем. Под вечер 23 августа Абалаков дал команду установить палатки очередного бивуака на высоте 6200 м. До вершины Музджилги недалеко. Остается одолеть лишь сорокаметровую гладкую скальную стену. Наутро альпинисты приступили к решению этой задачи. Используя малейшие трещины породы, они забивали крючья, навешивали веревки. Мастерское владение сложной техникой движения принесло заслуженный успех. В 14 часов дня Абалаков первым выбрался на вершинную площадку. Один за другим семь его спутников одолели последние метры подъема. Шел десятый день восхождения.

Абалаков вздрогнул. Рядом неожиданно раздался стрекочущий звук. Это Ануфриков на ходу изготовил ка-

меру и снимал торжественный момент. Кадр охватил обнимавших друг друга альпинистов, алый флаг над вершиной, традиционный тур и бескрайнюю панораму ближних и дальних вершин.

Музджилга взята! Первый, самый сложный этап траверса пройден.

На следующий день восходители двигались на восток, прокладывая путь по гребню. Местами линия гребня столь узка, что едва можно поставить ногу. Кое-где он окаймлен огромными снежными карнизами. Многотонные массы снега нависают над обрывом. Кто знает, много ли нужно, чтобы нарушить их непрочное равновесие? Альпинисты идут по гребню связками по два. Это мера предосторожности: если один сорвется, второй прыгнет в противоположную сторону.

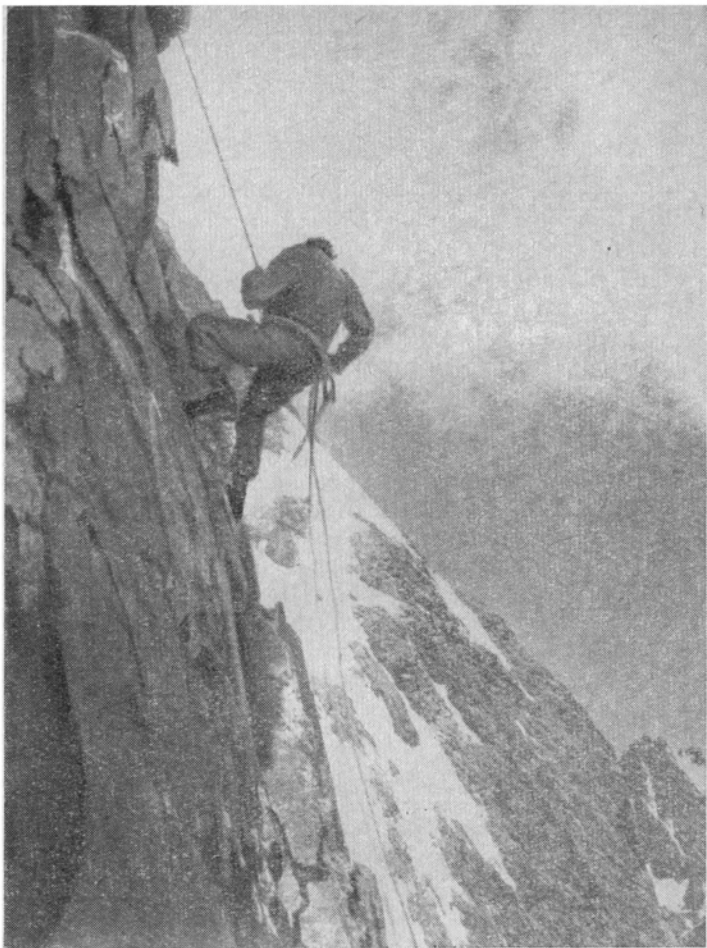
К счастью, гребень не очень расчленен. Лишь к концу дня группа останавливается у значительного возвышения на нем, вершины 6070 м. Переночевав на склонах безыменного пика, альпинисты наутро поднимаются на него. Восходители решают предложить наименовать вершину в честь газеты «Комсомольская правда».

...Снова гребень с его карнизами. Его профиль прост, но весь долгий путь проходит на высоте около 6000 м. К тому же альпинисты порядком устали, ведь идет уже двенадцатый день траверса. Двенадцать дней тяжелой и опасной работы с рюкзаками за плечами; двенадцать ночей в тесных палатках; двенадцать суток на скудном рационе такой желанной здесь воды.

Склоны пика Сандал все ближе. Там на вершине альпинистов ожидает небольшой запас продовольствия и горючего, заброшенного Кизелем и его товарищами. Перед спуском можно будет вволю попить.

26 августа — последняя ночевка на гребне. Тринадцатый день похода альпинисты встречают на вершине Сандала. Теперь Улумбеков и Буданов показывают товарищам путь спуска. Им пришлось потрудиться, пожалуй, более, чем остальным: спустившись с Сандала, они отправились на траверс после всего лишь двухдневного отдыха.

Когда стемнело, на склонах пика Сандал зажегся ослепительный яркий сигнальный огонь. Свет ненадолго вырвал из мрака две прилепившиеся на крутом склоне маленькие палатки, небольшую группу людей на снегу. Огонь потух, и мрак снова охватил все кругом, стал будто

На спуске

Фото М. Ануфрикова

еще более густым и осязаемым. Люди всматривались в сторону долины, где в еще более густой тьме стоит лагерь. Но вот внизу засветился ответный сигнал. Товарищи в лагере теперь знают, что группа завершила второй этап траверса и начинается спуск. Ранним утром радио понесет весть об этом в Ош, затем в Москву. Еще через

пару дней этой новости порадуются многие тысячи друзей восходителей — советские альпинисты.

30 августа после шестнадцатидневного отсутствия небольшая цепочка альпинистов вступала в базовый лагерь. За Абалаковым похудевшие, но улыбающиеся, шли: его жена, преподаватель В. Чередова, художник А. Сысоев, конструктор Ф. Улумбеков, слесарь П. Богданов, научный работник Л. Филимонов, инженер В. Буслаев. Ануфрикова, конечно, в строю не было. Он забежал вперед и, нацелившись кинокамерой, снимал момент встречи.

...Вечером у пылающего костра друзья делились впечатлениями, беззлобно шутили друг над другом, пели. И каждый из альпинистов, наверное, думал: «Куда же будущим летом?» Как бы в ответ на мысли товарищей Виталий Абалаков сказал:

— Что ж, друзья, теперь очередь за пиком Победы. В будущем году поедem на Тянь-Шань.

«ОН НЕ УЗНАЕТ»

Итак, дорогой читатель, мы с вами остановились у западного конца долины Кокджар. Именно — конца. Здесь нет пологого спуска в магистральную долину. Кокджар как бы срезан огромным ножом, и его конец повис в 400 м над широким галечниковым дном долины Таны-маса, когда-то выпаханной огромным ледником.

Ледник в незапамятные времена отступил далеко вверх по долине, но начатое им дело продолжали воды потоков.

Глубоко под нами среди серых каменных россыпей стремительно несутся потоки многочисленных русел Таны-маса. Немного ниже она примет в себя воды Кокуй-бельсу и будет называться Кудара (Река гор), а еще дальше, соединившись у Усойского завала с Мургабом, образует один из крупнейших притоков Пянджа — Бартанг.

Справа от нас — тоже обрыв. Но это уже в самой долине Кокджара. Холодная речка Шуралы, зародившись под перевалом Кызылбелес и вобрав воды нескольких притоков, устремляется на запад. Породы здесь рыхлые, главным образом ледниковые отложения. Чем дальше на запад, тем глубже врезалась в них река, пропиливая себе проход к Танымасу. Теперь река не очень многоводна, и, глядя на ее голубые струи, не веришь, что этот небольшой поток смог проделать такую титаническую работу.

На правом берегу долины высятся бесчисленные буро-серые земляные бастионы. Вы, верно, подумали, что здесь когда-то стояла грозная крепость, запиравшая путь в долины Восточного Памира? Но нет. Это тоже работа воды. Когда тают снега, множество бурных, но недолговечных потоков устремляется вниз по склонам. Они гложут пласты рыхлой породы, тоннами уносят ее с собой. Вот отшумели талые воды и на склоне остались тысячи борозд. На следующий год они станут глубже и постепенно врежутся глубокими шрамами.

Долина Кокджара лежит в самом сердце Памира, на границе между его восточной и западной частями.

Далеко отсюда железная дорога, нет поблизости и аэропорта, где приземляются серебристые воздушные корабли. Чтобы попасть к месту, где мы теперь стоим, нам с вами, дорогой читатель, пришлось проделать долгий и утомительный путь. Вы, вероятно, помните, как выходили из вагона поезда на вокзал г. Ош, издревле раскинувшего свои строения в южной части Ферганской долины.

Но в Оше мы с вами были недолго, всего два-три дня. Ведь мы торопились. Автомобили мчали нас по знаменитому высокогорному Памирскому автотракту.

Вспомните возгласы восхищения, которые не раз вырывались у вас, когда мы спустились в Алайскую долину и впереди открылась панорама снежных гигантов Заалая, и когда несколькими часами позже мы впервые увидели в глубине огромной котловины, как чаша окруженной горами, черный алмаз Памира — озеро Кара-Куль.

Вы даже подумали, что водитель ошибся, когда, свернув с шоссе, уже в начале долины Музкола он углубился в боковую долину, где не было и следов автомашин. Нет, все верно. Еще тридцать километров толчков на ухабах, последний отчаянный вираж, и автомобиль остановился на берегу тихой реки Кокуйбель.

Вы прыгнули на землю, чтобы размять затекшие ноги, и тут же узнали, что дальше придется идти пешком. Вас удивило, почему погрузка каравана сопровождается таким шумом, криками и спорами. Простое столкновение между желаемым и возможным. Лежат штабели ящиков с пужными для экспедиции грузами, а лошадей очень мало. К тому же они, увы, значительно менее грузоподъемны, чем автомобиль.

Потом чередой потянулись часы однообразного перехода по унылым широким долинам, окаймленным невысокими грядами гор — отрогами хребтов Зулумарт и Северный Танымас. Долины столь пустынные, что даже небольшие полоски низкой травы по берегам редких ручьев кажутся неправдоподобно зелеными и радостными.

Как во сне, был выпавший июльской ночью снег. И, как во сне, испарился он с первыми лучами солнца, оставив почву сухой. Вы потрогали траву рукой, чтобы убедиться, что снег не превратился в воду, а именно испарился. Вам, кажется, не понравилась тогда моя усмешка и пожелание привыкать к странностям памирской природы. Не так ли?

А потом мы перешли через Апак. Станный перевал, гребень которого представляет собой широкую болотистую площадку, причем непонятно, откуда берется вода для этого болота. С перевала мы быстро спустились в широкую долину Аильутек. Она тоже вас удивила. Совершенно плоское пространство в несколько километров шириной и по краям, прямо от ровной поверхности, круто встают скалистые горы.

Но вам было не до расспросов. Вы устали от многочасового перехода, и очень хотелось пить, а вода была лишь в десяти километрах, где причудливо изгибались верховья Шуралы. Когда вы, наконец, добрались к ее берегу, рюкзак полетел наземь и вы пили, погрузив разгоряченное лицо в воду, и, казалось, не было еще никогда такой вкусной воды. На следующий день мы пошли на запад, по долине Кокджара и через несколько часов оказались у ее конца. Я вижу, что ваш взгляд то и дело устремляется вниз. Там, у устья реки, темные пятна зелени. Деревья? Да, это роща, настоящая роща и настоящие деревья, которых вы не видели с того момента, как вступили на Памир. Вам хочется туда? Мне тоже, но погодите.

Отложим же еще на десять минут спуск к роще и вспомним немного историю исследования этих мест.

Много лет путешествовал Н. Л. Корженевский по Северо-Западному Памиру. Ученый стремился расшифровать «белое пятно» в его центральной части, где поднимался запутанный узел высоких гор. Много уже было известно о северных и западных окраинах неисследованной области. Настал черед произвести разведку с восто-

ка. В 1925 г. Корженевский двинулся к долине Таны-маса.

«Он не узнает» — так перевел ученый название долины. По смыслу это значило: «не будет приветливым». Действительно, малочисленной экспедиции Корженевского пришлось туго. Памирского автотракта еще не существовало. Весь 450-километровый путь нужно было проделать верхом. А в долине путников ожидали трудные броды и бездорожье.

Еще из долины Кокджара увидел Корженевский язык ледника, остановивший в свое время отряд Косиненко, который в 1908 г. искал здесь легендарные перевалы на запад. Корженевский вскоре тяжело заболел, но все же успел добраться до конца ледника. Здесь, казалось, начинала свой бег р. Танымас. Недостаток времени и болезнь прервали экспедицию. Ученый сделал выводы по первым впечатлениям, и они оказались неточными. Действительно, язык ледника стекал, казалось, с запада. Вот отчет об этом путешествии, книжка называется «Истоки реки Танымас» (Ташкент, 1926), откроем ее на 17 стр. и прочтем: «Ледник Танымас образуется слиянием двух ветвей, из которых меньшая течет с юго-запада, а большая, представляющая как бы прямое продолжение ледника, течет с западо-юго-запада. Первая из этих ветвей занимает сравнительно узкое и крутобокое ущелье, расположенное приблизительно в двух километрах от конца Танымаса». Корженевский назвал меньший ледник Музкулак (Ледяное ухо).

Только тремя годами позже стало известно, что это не так. Ледник, казавшийся Корженевскому небольшим, в действительности второй по величине на Памире. Начинается он значительно южнее. Протянувшись почти на 37 км, его язык выползает в долину Танымаса и здесь резко поворачивает на восток. Именно это обстоятельство и ввело ученого в заблуждение.

Оказалось, что р. Танымас начинается значительно выше по долине и лишь огибает край ледника, соединяясь с его талыми водами. Западный ледник расположен в десятке километров выше по долине. Он образуется за счет перетекания части льда с ледника Федченко. Здесь же находится знаменитый Танымасский перевал — путь через ледниковую область в Западный Памир.

И хотя Корженевский первым описал долину Танымаса, пройди он еще несколько километров на запад, и на его долю выпало бы крупнейшее географическое открытие, заслуженное многими годами исследований. Но если ученому и не довелось его сделать, то он, по крайней мере, проложил к нему путь.

В 1928 г. этот путь был пройден отрядами первой большой Памирской экспедиции Академии наук СССР. Тогда через Танымасский перевал исследователи поднялись на неизвестный большой ледник и обнаружили, что это верховья ледника Федченко. Тогда же была нанесена на карту большая часть неисследованной области.

Однако сейчас нас с вами интересует другое. В составе Памирской экспедиции была группа немецких ученых и альпинистов. Именно на их долю выпало исследование ледников долины Танымаса.

Когда немцы покинули базовый лагерь в долине и поднялись на ледник, им сразу же стало ясно, что он много больше, чем предполагалось. Они рассчитывали на трех-четырехдневный поход и соответственно взяли с собой небольшой запас продовольствия.

Все дальше уходила на юг группа по долине, а леднику, казалось, не было конца. На второй день пути открылось огромное заполненное фирном пространство, уходящее далеко на запад. Бесчисленные снежные вершины окружали фирновый бассейн ледника.

Вероятно, кто-нибудь из немцев сказал свое излюбленное «колоссаль» при виде этой грандиозной картины. Чтобы охватить фотоаппаратом и фототеодолитом верховья долины, альпинисты и топографы поднялись высоко по склонам хребта к месту поворота ледника. В самом конце снежного пространства поднимался огромный трехвершинный массив. Немецкие альпинисты решили попытаться «с ходу» взять эту вершину. Решение, довольно поспешное и необдуманное, конечно, не привело к успеху.

Подойдя к подножию пика, они увидели, что от массива на север отходят два отрога. Западный обрывается к цирку крутыми, лавиноопасными стенами. Достаточно было и одного взгляда, чтобы признать невозможным подъем.

На восточном отроге виднелась седловина. К ней и направилась группа. Подъем был крут, но доступен. Он показался немцам очень трудным. К тому же они опасались

лаavin. Достигнув далеко за полдень высоты всего лишь около 6400 м (высота начала подъема 5950 м) и видя впереди длинный и крутой гребень, группа повернула назад.

Ледник Музкулак немцы на своей карте называли именем Нотгемейншафт¹. Только в 1948 г. Президиум Верховного Совета Таджикской ССР присвоил леднику имя его первооткрывателя Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Не раз и после 1928 г. долина Танымас посещалась разными экспедициями. Но большинство из них направлялось на ледник Федченко или возвращалось с него. Ледники района исследовались лишь отрядами геологов Н. К. Паффенгольца (1934 г.) и М. И. Шабалкина (1937 г.). Плодотворно поработал здесь П. А. Шумский (1944 г.); побывал и топограф И. Г. Дорофеев в 30-х годах и группа топографов уже в послевоенное время.

Но где же были наши альпинисты, неужели же их не заинтересовала вершина, поднимающаяся почти до 7000 м? — спросите вы.

Ну, а мы, дорогой читатель? Вероятно, время представится. Мы — это тренеры и участники учебно-тренировочного сбора ВЦСПС. Для подготовки молодых альпинистов-высотников была организована экспедиция. Горовосходители, до того бывавшие только в горах Кавказа, должны получить опыт длительных походов с караваном, переходов по длинным ледникам, подняться на вершины, превышающие 6000 м. Автор этих строк — начальник экспедиции, его заместитель по спортивной части — А. И. Иванов. Тренеры — опытные высотники. Нас всего 25 человек.

Теперь, когда вам все известно, мы можем отправиться вниз в долину Танымаса.

Не обращая внимания на поднимающуюся из-под ног густую пыль, мы устремились к роще по четырехсотметровому спуску. Бежали так быстро, что не заметили ответвления тропы. Когда, запыхавшись, мы остановились у берега реки, роща оказалась за скалистым контрфорсом, справа от нас. Мы разделились на две группы: одна с лошадьми пошла вброд, большинство из нас полезло через скалы. Только через час мы собирались в роще. Вскоре между ветвями засеребрились крыши наших палаток. Как

¹ Общество содействия развитию немецкой науки.

Роща Топтал у устья Кокджара; для Памира это действительно
большой лес

Фото автора

приятно после бескрайних пустынных пространств Восточного Памира снова оказаться среди деревьев!..

У впадения в Танымас двух речек — Кокджара (Шуралы) и Янгидавана небольшое пространство долины покрыто слоем речных наносов. Среди них множество русел речек. Вся роща пронизана протоками, текущими в тени деревьев. Оказалось, что в тихих заводях здесь, сверх всякого ожидания, даже рыба водится. Нашим рыболовам-любителям удалось выловить несколько штук. Это, повидимому, маринка.

Насколько необычна эта роща для Памира, можно судить по ее названию: «Топтал» — «Большой лес». Деревья здесь не очень разнообразны, это почти исключительно береза и ива. Из рощи хорошо видны ближние склоны долины Танымаса. Дальше все скрыто пеленой пыли. Мы слышали, что в Танымасе часто бывают сильные ветры, поднимающие облака пыли. Но такого обилия ее мы не ожидали.

День спустя в Топтал пришел очередной караван, и наш временный лагерь прекратил свое существование.

Мы направились в базовый лагерь. В долине Танымаса, как и в других долинах Восточного Памира, много следов древнего оледенения. Боковые протоки вымыли в моренных отложениях склонов глубокие саи. Но пейзаж постепенно меняется. Дальше на запад все более острыми и расчлененными становятся контуры гребней, мягкие очертания гор сменяются типично высокогорными. Эта смена происходит постепенно, можно наблюдать даже смещение черт, свойственных Восточному и Западному Памиру.

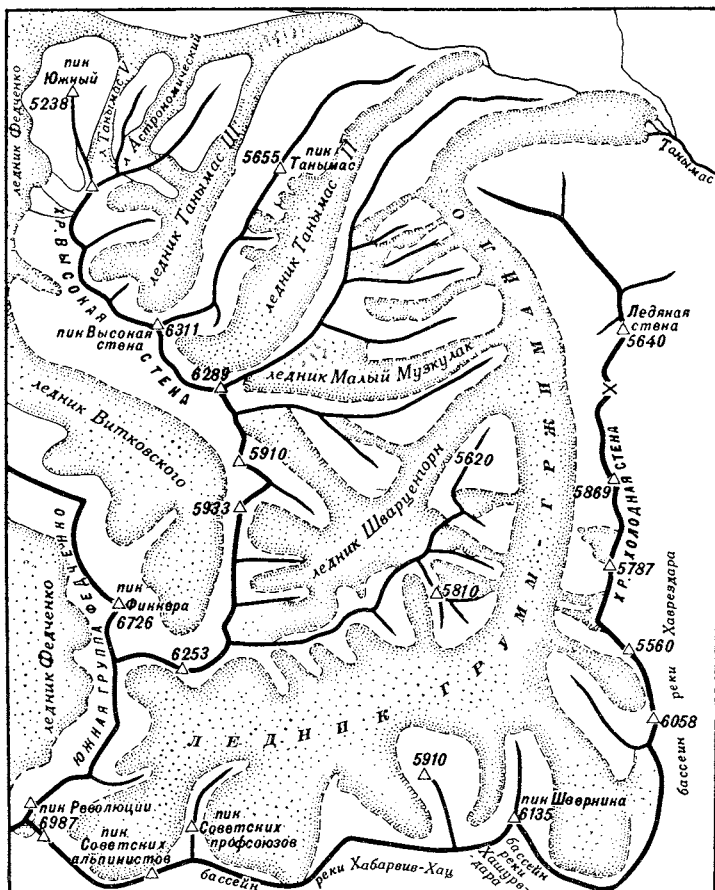
Основной горный узел и главный ледник района лежат к югу от долины Танымас, непосредственно примыкая к хребту Южная группа ледника Федченко¹. Они вытянуты с юга на север. С запада узел ограничен хребтом Высокая стена; с юга — Безымянным хребтом (на его южных склонах берет начало р. Хабарвив-Хац); с востока — хребет Холодная стена. В юго-западном углу района, в стыке хребтов Южной группы ледника Федченко и Безымянного, поднимается главная вершина района — пик Революции (6987 м). Это огромный массив, сплошь покрытый льдом и снегом.

Все пространство между Безымянным хребтом и параллельным ему отрогом хребта, разделяющего бассейны ледников Грумм-Гржимайло и Федченко, заполнено фирном и льдом. Огромный, шириной до 3—4 км, резервуар твердых осадков обязан своим существованием близости к высоким хребтам Западного Памира. Далее на восток количество осадков резко уменьшается: всего в 20 км отсюда начинается типичная для Восточного Памира засушливая, почти бесснежная зона.

Ледники бассейна имеют общую площадь 248,5 кв. км². Из них 160 кв. км приходится на долю второго по величине на Памире бассейна ледника Грумм-Гржимайло. Следующий по величине бассейн ледника Танымас П много меньше: его площадь всего 25,1 кв. км. В ледник Грумм-Гржимайло впадает слева 10 притоков, а справа их 5. Среди них и довольно большие: Шварценгорн (длина 11 км) и Малый Музкулак (длина 8,2 км); другие — поменьше. Большие ледники, в свою очередь, образуются из слияния нескольких ветвей. Вся сложная си-

¹ Горы Южная группа ледника Федченко и хребет Безымянный входят в систему восточной части Язгулемского хребта.

² Сведения об оледенении района базируются на данных Р. Д. Забирова и П. А. Шумского.

стема завершается языком основного ледника, общая длина которого 36,7 км. С 1928 по 1933 г. ледник Грумм-Гржимайло наступал, конец его продвинулся вперед на 375 м, высота его возросла на 50 м.

Ледяной поток Грумм-Гржимайло вытекает из своего фирнового бассейна на север. Выйдя в долину Танымаса, язык ледника растекается по всей ее ширине. Конец ледника почти чист — на нем нет обычной для ледников

Средней Азии мощной поверхностной морены. Такой же вид имеет конец ледника Танымас II. На ледяной поверхности можно обнаружить лишь тонкий слой пыли: она, повидимому, нанесена сюда ветрами.

Когда двигаешься вверх по долине Танымаса, уже издали хорошо видишь крутые ледяные обрывы конца ледника. Они четко рисуются на фоне темных склонов. За ледником поднимаются остроконечные вершины, видны и другие ледники на склонах хребта. А еще дальше — высокая стена отрога, в котором находится Танымасский перевал, ведущий на ледник Федченко.

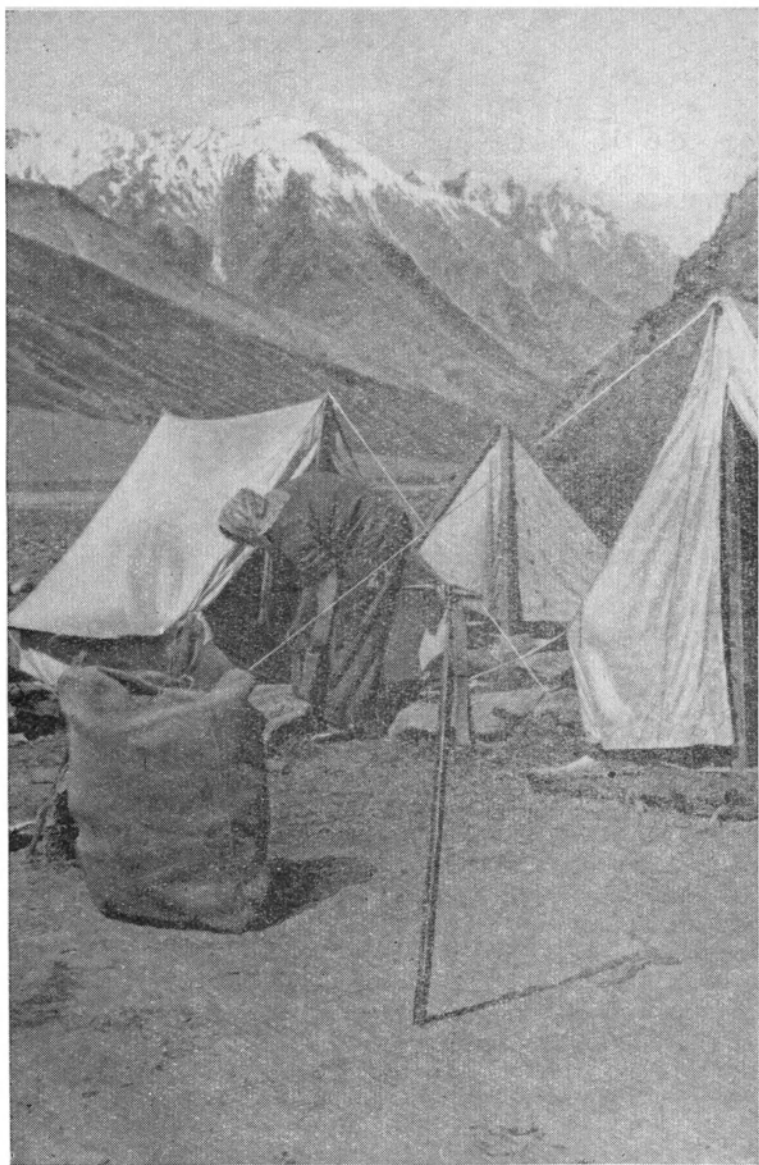
...Час дня. Солнце в зените. Мы уже давно идем по левому склону долины. Тропа то высоко поднимается вверх, то спускается и теряется на каменных россыпях. Местами пересекаем наносы мелкого рыхлого песка, в котором увязают ноги. Впереди перспектива долины скрыта выдающимся выступом склона; где-то за ним базовый лагерь.

Мы уже миновали несколько редких островков растительности. Иногда это небольшие тугаи у берега реки, чаще — поросшие травой и низким кустарником ровные площадки склона. Поднявшись на выступ, мы оказались в маленьком оазисе. Радует глаз обилие травы, кусты шиповника усеяны розовыми и белыми цветами. Среди высокой травы остатки туши кийка. Они напоминают нам о следах барса. Поутру мы видели их у реки на влажном песке.

Базовый лагерь расположен довольно удачно. Палатки стоят в небольшой котловине между конусом выноса речки и грядой осыпи. Но защиты от солнца нет. Полотнища палаток накалены. Ежедневно около полудня в долине поднимается порывистый западный ветер, достигающий скорости 9 м/сек. Все кругом застилают клубы пыли. Ветер выдувает из-под камней мельчайший речной песок, поднимает пыль с площадки лагеря. Пыль проникает всюду. Лагерь единодушно был назван «Пыльным».

Невдалеке от палаток растет трава, цветут мелкие желтые цветы. Влага в тонком слое почвы очевидно мало; у всех растений длинные и прочные корни с разветвленной системой отростков.

Вблизи лагеря мы обнаружили скорпионов. Раньше мне не приходилось слышать, что на Памире, да еще на высоте 3500 м, можно их встретить.

В лагере „Пыльном“; долина Танымаса

Фото автора

Еще 27 июля передовая группа нашей экспедиции во главе с А. И. Ивановым вышла из «Пыльного» в глубокую разведку ледника Грумм-Гржимайло. Лагерь опустел, в нем остались лишь И. Евсеев и Ю. Поляков.

Через два с половиной часа разведчики достигли площадки, где 24 года назад стоял другой «Пыльный» лагерь — Памирской экспедиции Академии наук; следы пребывания людей сохранились и поныне.

Путь по долине преградил поток. Н. Б. Дивари, надеясь на свои длинные ноги, попытался переправиться по камням. Но напрасно! Сплошная кипень бурлящей воды заставила его отступить. Поиски безопасного брода были безрезультатны, пришлось искать обхода.

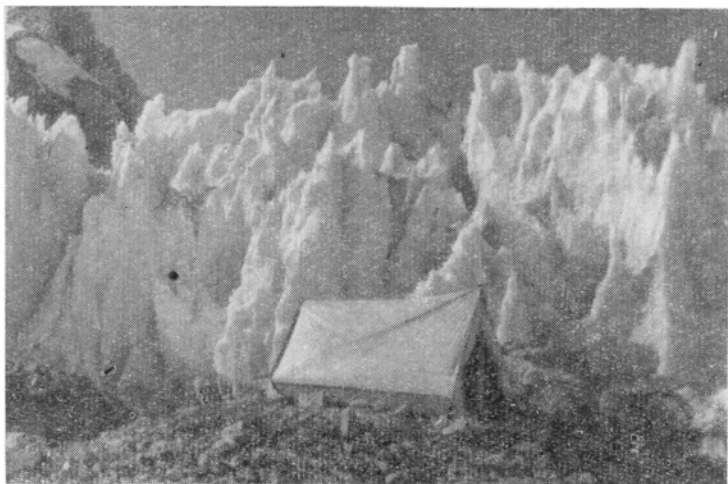
Речка, преграждавшая путь альпинистам, вытекает из-под ледника Северный Танымас. Группа свернула в боковое ущелье. Все дальше шли они по берегу потока, но брода не было. Внезапно впереди раздался грохот. Взметнулись глыбы земли и камней, поднялись клубы пыли. Не успело рассеяться пыльное облако, как грохот повторился. Вдали, у языка ледника, вновь взметнулась пыль.

Оказалось, что крутой левый склон ущелья образован древней мореной. Ветер и вода пропилили в ней глубокие щели, образовали сотни причудливых башен, бастионов. Склон непрерывно обваливается, глыбы земли размываются и уносятся потоком.

Улучив минуту затишья, альпинисты стремительными перебежками по одному миновали опасное место. Теперь язык ледника совсем близко. Его поверхность покрыта толстым слоем пыли и камней. Конец ледника высоко поднят над дном ущелья: он недавно откололся от основной массы льда и стоит своеобразной «аркой». Из грота вырывается поток. По острой вершине «арки» группа перебралась на другой берег.

В основной долине перед группой возникло новое препятствие — еще один поток, на этот раз из ледника Танымас II. Брода не было и здесь.

Только на следующий день разведчики перешли через нижнюю часть Второго Танымасского ледника и, перевалив высокую густо поросшую травой гряду старой мо-

На опушке сказочного леса из калгаспоров приютился лагерь „5000 метров“

Фото Н. Хаккимуллина

рены, вышли к леднику Грумм-Гржимайло. Группа обошла по склону долины часть ледника и вышла на его поверхность выше поворота языка на запад. Конец ледника очень разорван, но выше трещин почти не видно. Далеко к югу тянется широкая и пологая ледяная река. Поверхность льда оцетинилась беспорядочным лесом ледяных пиков и игл — калгаспоров, как называют их таджики. Выше по леднику в расположении калгаспоров намечается порядок: по течению ледника вытянулись высокие ледяные гряды, между которыми виднеются глубокие желоба. Вершины гряд увенчаны калгаспорами, по их склонам — ряды калгаспоров меньшего размера.

Продольные гряды повторяют изгибы ледника почти на всем его протяжении. Только в нижней части гряды тянутся попрежнему с юга на север, хотя ледник поворачивает на восток. Такого строгого распределения калгаспоров на ледниках обычно не встречается.

Поверхность ледника у его конца не сплошная. Она состоит из примыкающих одна к другой островерхих ледяных пирамид. В нижней части лед плотный и чистый, а в верхней — белоснежный, повидимому рыхлый.

Ледник Грумм-Гржимайло — первый из памирских ледников, на котором были отмечены кальгаспоры — образования, подобные «снегам кающихся» тропических глетчеров. Впоследствии оказалось, что такие формы вытаивания поверхности — результат интенсивной инсоляции, определенного направления ветров и исключительной сухости климата — можно увидеть и на ряде других ледников Памира, особенно в юго-западной части этой горной страны.

Трудно итти с тяжелым рюкзаком. Ноги то и дело проваливаются в заполненные водой небольшие углубления с северной стороны кальгаспоров. Итти нужно след в след, иначе наберешь полные ботинки воды. Голова все время склонена, шея быстро начинает болеть. Небо закрыто густой серой пеленой облаков; они спустились так низко, что уже в ста шагах ничего не видно. Идет дождь со снегом. Из облаков или из тумана выступают темные контуры вершин. Через минуту их снова заволакивает пеленой снега и дождя. Сырой снег залепляет глаза.

Восемь долгих часов продолжался трудный переход. Туман поредел. Справа показался высокий, остроконечный пик Шварценгорн¹. Громадная скалистая вершина припудрена свежим снегом. Он особенно бел и чист на фоне черной породы. Здесь в ледник Грумм-Гржимайло впадают два притока — Шварценгорн (или Верхний Музкулак) и Малый Музкулак. Концы ледников скрыты мощной мореной, которая затем вытягивается вдоль левого края ледника Грумм-Гржимайло. В верховьях этих боковых ледников поднимается несколько вершин высотой около 6000 м.

Группа остановилась на ночлег на морене у конца ледника Шварценгорн. Утро 19 июля порадовало разведчиков ярким солнцем. Но пока они собирались в путь, небо снова затянуло густые облака. Лишь изредка просвечивало сквозь них солнце.

Второй день продолжался подъем по леднику. Сначала путь шел по склонам широкого ледяного желоба. На его дне бурлила ледниковая речка. Склоны были усеяны рядами невысоких, до полуметра, кальгаспоров. Нужно было итти очень осторожно.

¹ Шварценгорн — «Черный рог». На карте района сохранилось несколько немецких названий, следы работы здесь в 1928 г. немецких геодезистов, участников Памирской экспедиции Академии наук.

Сорок пять минут ходьбы, потом долгожданная команда: «Привал!». Пятнадцать минут отдыха, и снова команда: «Надеть рюкзаки!».

Далеко позади осталась черная громада Шварценгорна. Над правым краем ледника поднимается крутая стена темных скал, увенчанная остроконечными пиками. Справа и слева вырастают новые вершины, одна красивее и выше другой. Ни один из этих пиков не покорен, почти все они не имеют названий.

На несколько минут выглянуло солнце. Яркими косыми лучами оно осветило могучую снежную вершину. Кажется, что она замыкает долину. Альпинисты остановились. Вершина прекрасна, всем хочется, чтобы это был пик Революции. Но до него еще далеко. А. Иванов уже извлек карту; оказалось, что долина поворачивает на запад, и безыменная вершина 6135 м поднимается над поворотом ледника.

К полудню разведчики вышли на ровную часть ледника. Но идти попрежнему трудно. Свежий снег размяк. С каждым шагом летят брызги мокрого снега и воды. Солнце опять скрылось в тучах.

Наконец, достигли поворота ледника. Долина резко расширяется в обширную фирновую мульд. С окружающих эту своеобразную чашу склонов спускаются фирновые поля и ледники. Вдали два снежных отрога образуют исполинские ворота. За ними виден могучий массив. С первого взгляда на его обрывистые склоны возникает впечатление несравненной мощи. Они сверкают своими льдами и снегами в лучах выглянувшего солнца. Вершин пика Революции не видно, они скрыты облаками. Но массив явно царит над всеми окружающими горами.

Снова альпинисты идут вперед. Все чаще обнаруживаются скрытые трещины. Особенно много их по краям ледника, поэтому группа держится его середины. Приходится связаться и идти более осторожно. К. К. Кузьмин внимательно прошупывает ледорубом снежные мосты и перемычки. Много времени уходит на блуждание между трещинами.

Небольшая гряда каменных обломков и глыб вытянулась вдоль причудливого нагромождения ледяных игл и пиков. Это последние камни — дальше лишь снег и лед.

Через два часа здесь уже стоят палатки лагеря «5000 м». Основную задачу группа выполнила: путь по

леднику разведан. Однако продукты еще не израсходованы, можно продолжить обследование района будущих восхождений.

А. И. Иванов разделил группу на три части. К. К. Кузьмин, П. К. Скоробогатов, Б. Д. Дмитриев и Э. М. Рыспаев отправились на вершину 6400 м. Оттуда можно осмотреть верхнюю часть цирка и склоны пика Революции. В лагере «5000 м» для наблюдения за группой Кузьмина и связи с ней остались И. С. Дайбог и Л. М. Красавин.

Остальные участники разведывательной группы направились назад в базовый лагерь, куда к этому времени должны были прибыть мы — основной состав экспедиции. Такое решение позволило увеличить продовольственные запасы для группы К. К. Кузьмина. Она выполняла более трудное поручение и была поэтому обеспечена всем необходимым.

* *
*

Группа А. А. Лапина вышла из базового лагеря для тренировочного восхождения на пик Снежная трапеция (5133 м). В полдень семь альпинистов начали переправу на правый берег Танымаса. Пройдены мелкие протоки. Впереди наиболее мощные рукава реки. Первым, обвязавшись веревкой, вступил в холодную воду А. И. Ковырьков. Опираясь на ледоруб, он идет осторожно, но уверенно. Вокруг альпиниста возник бурун. Еще несколько метров, и Ковырьков на более мелком месте. Над потоком натянута веревка, переправа проходит успешно.

Вот уже вся группа на другом берегу. Длинной цепочкой вытянулись альпинисты по склону. Они поднимаются все выше и вскоре исчезают из виду. Связь с группой поддерживается по портативной радиации, и в лагере известен весь ход восхождения.

Группа Лапина долго поднималась по осыпям. Достигнув высоты 4600 м, альпинисты вышли на скалистый гребень, местами покрытый снегом и льдом. Здесь восходители остановились на ночь. Утром следующего дня они продолжали утомительный подъем по мелкой, оседавшей под ногами осыпи. Осыпь привела группу к ребру, ведущему на вершину пика. Крутые снежные склоны сменялись участками обнаженного льда, и только у вершины

снова из-под снега показались скалы. Поднявшись на вершину по северному ребру, группа траверсировала ее и спустилась восточнее исходного пункта, в ущелье р. Кызылджилга, правого притока Танымаса.

...Все участники экспедиции собрались в базовом лагере. Вернулись после успешного восхождения на пик «6400»¹ К. К. Кузьмин со своими спутниками. Пришла группа Лапина.

Предстоял второй поход на ледник Грумм-Гржимайло. Первый этап работы был завершен, начиналось самое сложное. Группе более опытных альпинистов предстояло провести «разведку боем» путей на пик Революции. Было условлено, что при благоприятных условиях будет сделана попытка достичь вершины. Вторая группа, дождавшись прихода очередного каравана, должна была забросить запас продуктов в лагерь «5000 м» и промежуточные лагеря на леднике, чтобы обеспечить возвращение группы после восхождения. Затем альпинисты второй группы должны штурмовать пик «6135 м». Таков был план дальнейших действий.

Утром 5 августа 15 альпинистов первой группы вышли из лагеря. Сжатые сроки не оставляли времени для повторных рейсов по леднику, поэтому весь груз необходимо было унести за один раз. Вес рюкзаков превышал 30 кг. Речку Северный Танымас решили не обходить. Переправа была нелегкой. Ковырков, шедший первым, с трудом добрался до небольшого каменистого островка, еще не залитого водой. Крепко держась за натянутую веревку, упираясь широко расставленными ногами в неровное каменистое дно, один за другим переходили альпинисты через поток. С бешеной скоростью неслась мутная, ледяная вода. Помогли переправе тяжелые рюкзаки: своим весом они увеличили устойчивость людей. Внезапно вода сбила с ног И. С. Дайбога, но обычное хладнокровие не оставило опытного альпиниста. Веревку, натянутую вдоль переправы, он не выпустил из рук. Нескольким человек поспешили ему на помощь, и пострадавший оказался на берегу. Ушибы ног заставили Дайбога отказаться от участия в походе.

От переправы до лагеря № 1 недалеко. Группа подня-

¹ Участники восхождения предложили назвать эту вершину «Пиком советских профсоюзов».

лась на старую морену. К площадке лагеря путь идет ложбиной между старой береговой и современной боковой моренами ледника Грумм-Гржимайло. Место для лагеря выбрано удачно: обильно поросшая сочной травой площадка на берегу маленького моренного озера с трех сторон укрыта от ветра.

Малочисленный караван экспедиции все время доставлял грузы экспедиции из лагеря у реки Кокуйбель в долину Танымаса. Но он не успевал управляться: лагери отделял трехдневный переход. Ко времени второго похода не была еще привезена специальная высотная обувь. Это сковывало действия первого отряда. Ультракоротковолновые рации, которыми пользовалась экспедиция, должны были обеспечить связь группы с базовым лагерем. Однако форма долины ледника Грумм-Гржимайло оказалась весьма сложной. Рации могли работать лишь в пределах прямой видимости, и хоть их расположили в наиболее удобных точках, связь прекратилась, когда группа достигла места впадения ледника Малый Музкулак. Стало ясно, что на длинных и изогнутых ледниках необходимо применять коротковолновую связь.

Весь день 6 августа группа шла тем же желобом, что и разведывательная партия, но тяжелые рюкзаки резко снизили темп движения. Только к семи часам вечера альпинисты достигли лагеря № 2 (4500 м).

Отсюда дальше вышли только через день: дожидались А. С. Гожева и А. А. Лапина. Когда связь прервалась, они направились вниз по леднику навстречу второй группе, которая несла утепленную обувь. Но вторая группа задерживалась. Днем 8 августа А. И. Иванов дал команду двигаться дальше. Следующий лагерь был разбит на высоте 4800 м.

Утро 9 августа встретило альпинистов сильным, порывистым и холодным ветром. Завтрак готовили не вылезая из палаток, где бесшумно горел в походных кухнях уротропин.

Сохранившиеся следы разведывательной группы позволили, не тратя времени на поиски пути между трещинами, сравнительно быстро выйти к месту лагеря «5000 м». Здесь задержались недолго. Наскоро перекусив, люди снова пошли вперед. Длинной цепочкой двигались они вдоль правого (по ходу) края огромной фирновой мульды. Уклон поверхности здесь невелик, но группа на-

Над верховьями ледника Грумм-Гржимайло поднимается
ледяной массив пика Революции

Фото П. Шведова

бирала высоту очень медленно. С верховьев ледника дул сильный ветер. Люди шли согнувшись — так легче. Свернули ближе к скалам, здесь выступы хребта смягчают удары ветра. Вскоре на фирновом плато возник лагерь № 4 (5400 м). Палатки стояли на снегу; на много километров нет ни одного каменного островка, вокруг — царство льда и фирна.

Необозримое белое пространство поражало тех участников экспедиции, кто знал до этого лишь сравнительно небольшие ледники Кавказа. Маленькая группка кажется затерянной среди снегов и огромных вершин.

Незаметно наступила ночь. Усталые люди заснули; в лагере воцарилась тишина. Голубой лунный свет заливал плато, горы отбрасывали четкие темносиние тени на искрящийся снег.

На следующий день альпинистам предстояло преодолеть гигантский ледопад, ведущий к верхнему плато ледника у склонов пика Революции. Ледопад, зажатый среди двух отрогов, спускается серией мощных ступеней. Каждая из них — небольшое ледяное плато, один конец кото-

рого обрывается отвесно, другой — упирается в 30—50-метровую стенку следующей ступени. Лавируя, альпинисты находили переходы с одного плато на другое. Они шли по снежным мостам через трещины, необычайно глубокие, свидетельствующие об огромной толщине слоя фирна и льда.

А. И. Иванов намеренно замедляет темп движения. Группа отдыхает теперь каждые 40, а то и 30 минут. Заметно холодает — альпинисты достигли высоты Эльбруса.

С трудом выбрались на плато. Оно с трех сторон охвачено массивом пика Революции и его отрогами, отходящими на север. В восточном отроге поднимается пик Советских профсоюзов, на который совершила восхождение группа Кузьмина. Пик Революции обращен к цирку крутым восточно-северо-восточным склоном. От вершины до подножия массив сплошь покрыт фирном и льдом. Небольшие выходы обнаженных скал видны лишь вдоль крутого контрфорса, спускающегося примерно посередине стены, и на гребнях массива.

Альпинисты изучали массив по литературе и фотографиям. Ценные наблюдения сделала группа К. К. Кузьмина. Склоны, обращенные на запад, к верховьям ледника Федченко, так же как южные и восточные склоны, чрезвычайно круты; подъем здесь невозможен. Очень своеобразен северный склон массива. Здесь на разных уровнях расположены плато. Нижнее, примерно на высоте 6200—6300 м, ограничено с востока и запада гребнями и обрывается крутыми склонами, с одной стороны в бассейн ледника Грумм-Гржимайло, а с другой — к леднику Федченко. Нижнее плато соединяется склоном крутизной 35—40° с другим, расположенным у самого вершинного гребня пика, на высоте 6800—6850 м. Верхнее плато почти ровное, имеет очертания (в плане) неправильного ромба.

В дальнейшем выяснилось, что по южную сторону гребня пика также есть обширное горизонтальное плато. Эти плато на склонах пика Революции, повидимому, представляют собой остатки древней размытой горной страны, поднятые на большую высоту горообразовательными процессами. Глыбовый характер современного поднятия Западного Памира общепризнан. Можно считать, что плато пика Революции подобны известному фирновому плато на северо-западных склонах пика Сталина. Еще в

1932 г. профессор К. К. Марков отметил остатки высоко поднятых зон древнего пенеплена¹ в хребте Академии Наук. Наблюдения нашей экспедиции показали, что зону их распространения следует продолжить далеко на юг. П. А. Шумский также находил поднятые древние поверхности на высотах порядка 4000—4500 м в хребтах и отрогах вблизи конца ледника Грумм-Гржимайло.

* *
*

Лагерь № 5 (5950 м) в цирке у подножия пика Революции стал опорным пунктом дальнейших разведок и восхождений. Первая ночь в лагере была беспокойной. Сказывалась высота, и, несмотря на усталость, не все альпинисты сразу уснули.

В 10 часов утра Е. И. Иванов и К. К. Кузьмин вышли на разведку пути к нижнему плато пика. Нужно было подняться по крутой ледяной стене к понижению в гребне западного отрога². За этим гребнем начиналось нижнее плато массива.

Два альпиниста быстро достигли подножия стены. Высота ее над поверхностью цирка не менее 400 м. Крутизна от 30—40° у подножия увеличивается затем до 50—60° и даже более. Подъем осложняется шестикиллометровой высотой.

Опытные мастера без задержек прошли нижнюю часть стены, но затем движение замедлилось. Трудности пути возросли. С тщательной попеременной страховкой поочередно двигались вверх Кузьмин и Иванов. Пока один вырубал ступеньки, второй бдительно страховал его. Прошел час. Другой... После более чем четырехчасовой напряженной работы было пройдено около двух третей стены. Кузьмину и Иванову стало ясно, что этот маршрут требует более основательной обработки, чтобы сделать его проходимым для всей группы, тем более что большинство участников экспедиции еще не имело достаточного опыта высотных восхождений. Пришлось отступить.

А. И. Иванову, наблюдавшему за двойкой, тоже стало очевидно, что здесь всей группой не удастся выйти на

¹ Вторичной «почти равнины», образовавшейся в результате разрушения горной страны.

² Немецкие альпинисты в 1928 г. сочли подъем здесь невозможным.

плато. Не дожидаясь возвращения Кузьмина и Иванова, он выслал на разведку левого, восточного гребня А. А. Лапина и А. С. Гожева. Они направились к седловине левого гребня. Цепочка следов потянулась по снежному склону. Даже издали стало заметно, насколько ровная белизна снега скрадывала крутизну склона и расстояние. Прошло много времени. Наконец, из лагеря № 5 увидели две темные фигурки, выделявшиеся на белом снегу седловины.

Итак, нижнее плато осталось неосмотренным. Подъем по западному варианту пути требовал большого времени и затраты сил для обработки маршрута и предварительной заброски лагеря на плато. На это уже не хватало времени, а жаль: маршрут выводил к главной из трех вершин пика.

Вторая группа также не смогла осмотреть весь гребень. Вид с седловины закрыт ледяным взлетом. Лапин и Гожев разведали лишь путь к седловине восточного гребня. Здесь подъем доступен для всей группы, но удастся ли достичь вершины?

Снова с раннего утра медленно движутся люди по крутому снежному склону. Рывками ползет по снегу веревка. Несколько шагов... короткая остановка, еще два десятка шагов, и... снова остановка... Глубже и чаще стало дыхание, сильнее стучит кровь в висках. Чаще сменяется головная связка, протаптывающая след.

Увязая по колено, с трудом вытаскивая ноги из глубокого рыхлого снега, первая связка Е. И. Иванова выбиралась на седловину. Здесь ветер буквально валит с ног, да и мороз кажется сильнее. Альпинисты поворачиваются спиной к ветру, чтобы укрыть хоть лицо. Начинают мерзнуть ноги. Высота 6320 м. Угадывая общее настроение, А. И. Иванов отдал команду: «Ставить лагерь!».

На седловине укрытия от ветра нет. Чтобы установить палатки, пришлось вырыть в снегу траншеи. Ветер срыывает снег с лавинных лопаток и бросает в стороны. Несмотря на усталость, работа спорится. Вскоре лагерь разбит. Вынуты из рюкзаков все теплые вещи: единственное желание каждого — скорее согреться. Постепенно лагерь затихает.

Утро 13 августа. Небо затянуто сплошной темносерой пеленой облаков. Ветер все крепчает. Метет сильная по-

земка. Растяжки палаток за ночь провисли, и ветер с силой хлопает полотнищами.

Альпинисты обсуждают положение. Разведка гребня проведена, но попытаться достичь пик Революции нельзя. Для этого нужно забросить промежуточные лагеря, а на это требуется много времени. Есть и еще более важное препятствие — нет утепленной обуви. Без нее на большой высоте можно обморозить ноги. Она так и не «догнала» первую группу. Когда альпинисты поднимались в верхнюю часть ледника, второй отряд был еще только на подходах к лагерю «5000 м».

Решение принято: подъем по восточному гребню прекратить, итти на штурм безыменной вершины восточнее пика Революции. Ведь главная задача экспедиции не рекордное восхождение, а высотная тренировка.

От седловины к безыменной вершине путь лежит по сравнительно короткому гребешку. Конечно, жаль уходить от виднеющейся вдали вершины пика Революции, но благоразумие и безопасность прежде всего.

Снова подъем по сыпучему глубокому снегу. Но вот он кончился, и группа пошла по скалам. До самой вершины скалы и скалы. Альпинисты настолько привыкли за последнее время к ходьбе по снегу и льду, что путь по скалам кажется необычным. Скалы разрушенные, сыпучие. Подъем по подвижным сланцевым плитам дается не без труда. Гребень крут, то и дело приходится работать руками, но рукавицы снять нельзя — очень холодно.

Вершина! Связки собрались на маленькой площадке. Восходители решили предложить назвать вершину «пиком Советских альпинистов». Соорудить здесь тур просто, материала — хоть отбавляй! На вершине пробыли недолго, мороз крепчал и торопил с возвращением в лагерь. Вскоре отряд был на седловине, но затем спуск замедлился: как ни старались альпинисты итти побыстрее, ничего не получалось, мешал глубокий снег. То и дело проваливаясь, едва вытаскивая ноги из сухого снега, обливаясь потом и часто останавливаясь на отдых, медленно сползала вниз растянувшаяся цепочка людей.

Но и в цирке ветер не слабее. Только установив палатки, альпинисты получили возможность отдохнуть как следует.

14 августа группа покинула цирк. Основная задача выполнена: все молодые участники похода в трудных

условиях поднялись выше 6350 м, путь восхождения на пик Революции разведан.

Переходя со ступени на ступень, альпинисты благополучно миновали ледопад. Остались позади «ворота». Далеко впереди в лучах выглянувшего из облаков солнца блестели ледниковые озера. Вода манила, — несколько дней люди жили на скудном водном режиме. У первого же озера остановка, но лишенная солей вода не утоляла жажду.

Вскоре восходители достигли лагеря «5000 м». Здесь находился только Н. А. Федоров. Но не успели альпинисты обменяться новостями, как из-за поворота показались люди. Тяжело нагруженные, медленно поднимались они к лагерю, обходя недавно образовавшиеся трещины. Наконец, один за другим они вышли на морену. Это второй отряд завершал последний рейс с продуктами.

Все в лагере порядком устали. Однако сроки сжатые — время не ждет, и выход к пику «6135» назначен на следующий день. Штурмовать вершину будут альпинисты второй группы. Возглавить восхождение А. И. Иванов поручил Е. И. Иванову и К. К. Кузьмину. Кое-кто из участников восхождения на пик Советских альпинистов тоже присоединился ко второму отряду. Это П. К. Скоробогатов, Б. Д. Дмитриев, В. П. Масленников, А. И. Ковыркин и Л. М. Красавин. Всего участвовало в восхождении 14 человек.

Второй отряд проделал длительные переходы с тяжелыми рюкзаками на высотах, лишь немного превышающих 5000 м, но, как оказалось, это обеспечило хорошую тренировку и акклиматизацию для подъема на высоту 6135 м.

15 августа. Лагерь «5000 м» пустеет. Первой вышла группа К. К. Кузьмина и Е. И. Иванова, ей предстоит наиболее тяжелая работа. Затем вниз к базовому лагерю отправляются альпинисты во главе с А. А. Лапиным и А. С. Гожевым. Последними выходят А. И. Иванов и Н. А. Федоров: им предстоит наблюдать за восхождением с морены у поворота ледника.

11 часов утра. Солнце поднимается к зениту, на леднике теплеет. Снег размяк, и вода хлупает под ногами. Альпинисты с трудом узнают пройденный путь. За последние дни, в то время как выше бушевал ветер и сви-

репствовал мороз, здесь держалась хорошая солнечная погода, и поверхность льда сильно изменилась.

Группа пересекла ледник Грумм-Гржимайло выше поворота, здесь его ширина не меньше 5—6 км. После полутора часов пути альпинисты подошли к впадению ледника, берущего начало на склонах пика «6135 м», его называли ледником Шверника. Впереди виднелся ледопад; не доходя его подножия у гряды огромных камней, альпинисты оставили лишнее снаряжение и запас продуктов на обратный путь — восхождение предполагалось совершить в короткий срок.

Рюкзак заметно полегчали; теперь вперед! Кузьмин уверенно вел группу в обход ледопада около скал левого края. Альпинисты сравнительно быстро преодолели первый взлет и вышли в верхнюю часть ледопада. Больших ледяных обрывов здесь нет, но путь преграждают многочисленные трещины. Альпинисты вынуждены то обходить их, то перепрыгивать, а иногда и переползать по снежным мостам. Постепенно трещин стало меньше, выше поверхность ледника полого поднималась. Но вскоре группа вступила на фирновый склон, крутизна подъема достигла 40—45°. Тяжело дыша, восходители неуклонно шли вперед. Снова крутой склон сменился ровной поверхностью, но это еще не цирк ледника. Утром из долины альпинисты видели, что ледник поднимается целой серией таких небольших плато, перемежающихся крутыми участками. Ледник кажется гигантской лестницей. Переходя с плато на плато, восходители постепенно набирали высоту.

Наступило время обеда. На расстеленной палатке под лучами солнца удалось растопить немного снега. Сухого горючего осталось немного и его надо экономить.

Солнце клонилось к горизонту, когда группа подошла к последнему ледопаду. Он значительно больше нижнего, и обойти его нельзя. У краев ледника высятся отвесные ледяные и скальные стены. За этим ледопадом — цирк ледника: ровное плато, место долгожданного отдыха. Кузьмин попытался найти проход в середине ледопада. Ледяные глыбы потрескивали под тяжестью людей. С большим трудом добрались альпинисты до небольшой площадки у подножия ледяной стенки высотой в 4—5 м. У другого края площадки зияла глубокая трещина. Путь только вверх. Первая связка осторожно перебралась на площадку. Красавин, закрепившись на площадке, устроил

страховку. Скоробогатов остался по другую сторону трещины, тоже загнав в снег ледоруб, и перекинул через древко веревку. Приготовления были закончены.

Кузьмин медленно поднимался по стенке. Под ударами его короткого ледоруба во льду одна за другой появлялись ступеньки. Дотянувшись до снежного карниза, альпинист сильным ударом обрушил его и забил крюк в обнажившийся лед.

Опора надежна. Кузьмин медленно и осторожно подтянулся на руках, лег грудью на край ледового карниза и, упираясь то одной, то другой ногой, вполз наверх. Но он еще не на плато, а лишь на очередной ступени ледопада. Закреплена веревка, и вся группа выбралась по следам Кузьмина. Пока последняя связка преодолевала стенку, первая уже переползала по мосту очередную трещину. Снова на пути встала ледяная стена.

Солнце село. Скоро станет совсем темно. Группа спешила, чтобы до ночи выбраться на плато. Уже в сумерках чей-то острый взгляд заметил в последней ледяной стенке небольшую наклонную трещину. К ней вела узкая полка, по которой можно пройти лишь с величайшей осторожностью. Снова вел Кузьмин, его связке удалось подняться по стенке. С большим трудом один за другим вылезли наверх и остальные восходители.

Наконец, верхнее плато. Цирк ледника окружен с трех сторон сильно расчлененными гребнями с остроконечными вершинами. Стрелка высотомера замерла на цифре 5500 м. Ставить палатки пришлось уже в полной темноте.

Кажется, можно и отдохнуть. Но нет, подошло время связи. Нужно дать сигнал наблюдающей группе. Ослепительная вспышка вырвала из ночного мрака четыре палатки, на несколько секунд открылось широкое снежное пространство. Прошла минута... две... Далеко внизу на леднике загорелся ответный сигнал А. И. Иванова.

Еще поднимаясь по леднику, альпинисты убедились, что первоначальный план штурма придется изменить. Восточное ребро, представлявшееся снизу положим, оказалось острым ледовым гребнем. Нечего было и думать о подъеме по его столь крутым склонам. Альпинисты убедились, что юго-восточные и южные склоны пика также очень круты, но зато были покрыты плотным фирном. Значит, подъем здесь возможен.

С рассветом Е. И. Иванов отправился осмотреть южные склоны пика. Перед ним круто поднималась фирновая поверхность. Блестели участки обнаженного льда, кое-где темнели обрывистые скалы. Выхода на предвершинный гребень снизу не было видно. Но и виденного было достаточно: для промежуточного ночлега большой группы на склонах места нет.

Альпинисты были хорошо тренированы и достаточно акклиматизированы. Кузьмин решил провести подъем за один день. Для этого нужно было идти почти без груза и быстрым темпом. Известны случаи, когда советские альпинисты на таких же высотах поднимались за один день более чем на тысячу метров. Здесь же до вершины оставалось немногим более 600 м.

Вышли рано утром, взяв с собой лишь несколько рюкзаков с теплыми вещами и небольшим запасом продуктов. Альпинисты шагали молча и сосредоточенно. Вскоре крутизна подъема достигла 40°. При взгляде снизу крутизна скрадывалась мягкими очертаниями перегибов склона и ровной белизной фирна. На самом деле склон круче, чем казалось сначала, зато на его поверхности было множество маленьких кальгаспоров. Они не имели вида правильных пирамидок, их скорее можно было назвать застругами. По ним можно было подниматься, как по лестнице.

Снег за ночь смерзся и свободно выдерживал вес человека. Только в наиболее крутых местах приходилось придерживаться руками за склон. Звучали удары тяжелого ботинка о фирн — это ведущий выбивал ступени. Ему вторили удары ног остальных альпинистов, углублявших ступени.

Однообразная работа утомляла. Хотелось отдохнуть, но до выходов скал было еще далеко. По мере подъема крутизна склона все возрастала. Чаше приходилось опираться руками, идти почти на четвереньках. К. К. Кузьмин, посменно с Е. И. Ивановым, шел впереди, то и дело меняя направление траверса. Группа поднималась зигзагом, основная нагрузка приходилась то на одну, то на другую ногу. Вот уже близко крутые выходы скал. Е. И. Иванов направился к ним. Участок сильно разрушенной породы выдавался маленьким островком среди снега и льда. Он был так мал, что 14 альпинистов с трудом разместились на короткий отдых.

Покинув скалы, группа вступила на натечный лед, слегка припорошенный снегом. Здесь пришлось рубить ступени. Но вот лед сменился снегом. Снова выбивая ступени, альпинисты добрались до следующей группы скал. Выше перегиб склона, а за ним, казалось, выход на вершинный гребень, и восходители невольно ускорили подъем, сокращая и без того краткие остановки. Перегиб достигнут, но впереди снова поднимался склон с редкими пятнами скал. Обдутый ветром фирн делался все тверже, выбивать ступени становилось все труднее. Миновав очередной скальный островок, альпинисты надели кошки.

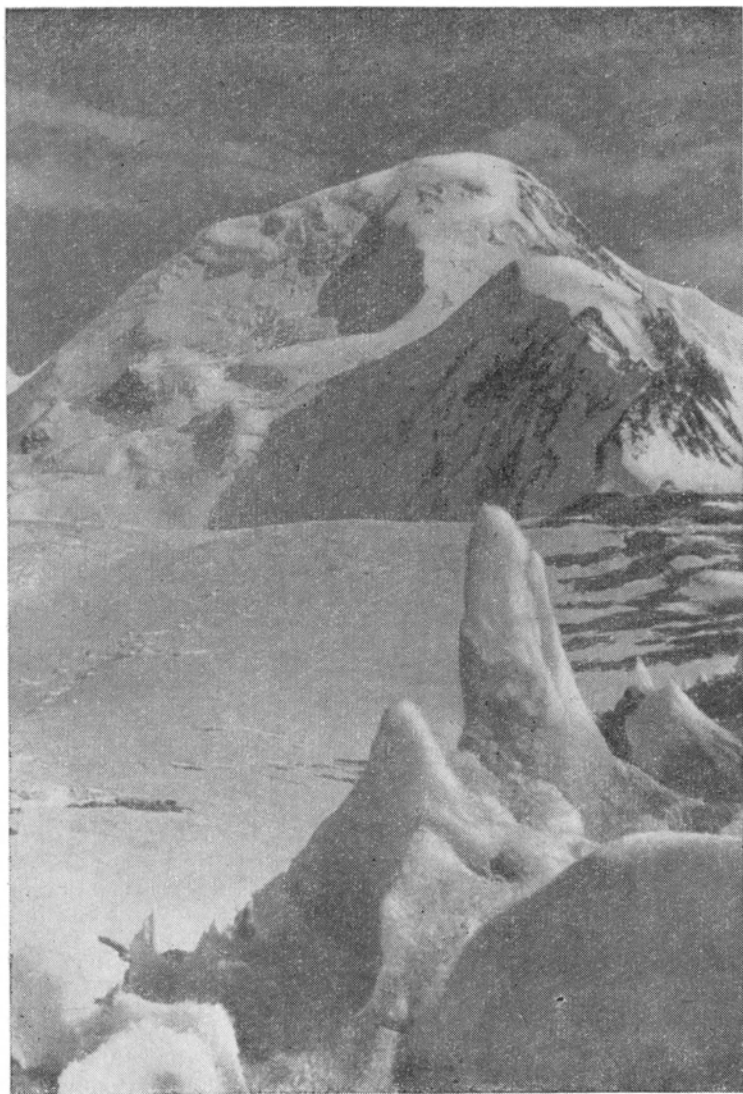
Опять скалы. Крутизна склона достигла уже 60°. Под этим же углом наклонены пласты породы. Все же лучше лезть по скалам, чем обходить их по крутому твердому льду. Товарищи подсадили Кузьмина на плиту; трудно было подняться первые два метра, затем альпинист полез быстро, как кошка. Длинной веревки едва хватило на крутую часть скал, но вот она укреплена, и вся группа поднялась гимнастическим способом. Такая «гимнастика» на почти шестикилометровой высоте далась альпинистам нелегко.

Последние метры склона. Вот и предвершинный гребень. С него хорошо виден ледник Грумм-Гржимайло, вершины и хребты всего района. Лишь пик Революции еще скрыт взлетом гребня.

Привал на гребне продолжался недолго. Кузьмин снова двинулся вперед. Темп движения замедлился, все изрядно устали. Особенно тяжело идти в первые минуты после отдыха.

Пологий длинный снежный гребень вел к вершине. Глубокий и сыпучий снег замедлял движение. Резко усилился ветер, и люди шли, опираясь всем телом на ледорубы. Незаметно гребень расширился, подъема дальше нет. Вершина! Проваливаясь в глубоком снегу, бегут к ней участники штурма. В воздух летят шляпы, шапочки, рукавицы. Раздается «Ура!». Пик «6135 м» взят!

Замечательная панорама открылась перед глазами восходителей. Многие вершины, казавшиеся с ледника не ниже взятого пика, теперь остались внизу, и только массив пика Революции, широко раскинув свои отроги, возвышается перед победителями. Отсюда он кажется еще более могучим, чем снизу. Хорошо видны и плато на его склонах. Вправо, немного уступая по высоте пику

Этой красивой вершине участники экспедиции дали имя
пик Шверника

Фото П. Шведова

Революции, поднимается остроконечная пирамида пика «6726 м»¹. Дальше, над ледником Федченко, висело огромное облако. Оно закрывало северо-запад, где поднимаются пики Сталина и Корженевской. С других сторон открывались бесчисленные хребты, вершины, ущелья. С шестикилометровой высоты некоторые из вершин, отдаленные более чем на сто километров, кажутся игрушечными, а ведь многие из них выше 5000 м. На юге выделяются пики Маркса и Энгельса, а за ними сквозь дымку угадываются мощные контуры великанов Гиндукуша. Внизу неширокой лентой извивается ледник Грумм-Гржимайло.

Возник импровизированный митинг. К. К. Кузьмин поздравляет группу с успешным восхождением по сложному маршруту; альпинисты решают посвятить свое восхождение исполняющейся в 1952 г. XXXV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а вершине присвоить имя Николая Михайловича Шверника. Раздается троекратное «ура!».

Тур был сложен в западной части вершины у выходов скал. Невысокую каменную пирамиду увенчал красный флаг. Е. И. Иванову, как наиболее заслуженному альпинисту, было предоставлено право вложить в тур записку.

Пора спускаться. У всех прекрасное настроение и самочувствие. Кузьмин и Иванов еще раз предупредили товарищей об осторожности и тщательной страховке на спуске. Солнце так и не показалось из-за облаков, и снег остался прочным.

Уже смеркалось, когда восходители, усталые, но счастливые, подошли к палаткам. Наутро группа продолжала спуск по леднику, сохранившиеся следы помогли быстро найти путь среди трещин. К вечеру альпинисты были в лагере у озера. В палатках их ждал запас бензина для примусов и продукты. Какое наслаждение растянуться на зеленой траве и заснуть на земле, согретой солнцем!

В роще Топтал вблизи палаток полыхал костер. Одна за другой подходили группы альпинистов с ледника. Обросшие, опаленные солнцем лица трудно узнать. Все торопятся: отпуска подходят к концу, а впереди еще долгий путь до Оша и несколько тысяч километров по железной дороге.

¹ Немцы называли эту вершину пик Фишер.

Длинный караван выходит из рощи. Альпинисты в последний раз смотрят на долину Танымаса, ближние склоны которой уже припорошены ночным снегом. Выбравшись на верхнюю террасу долины Кокджар, караван медленно движется по тропе.

...Экспедиция посетила новый для советских альпинистов район, обследовала возможности восхождений в нем. Здесь имеется немало вершин, близких к 6000 м и даже превышающих эту высоту. Большинство пиков расположено в районе ледника Грумм-Гржимайло и его притоков. Основные маршруты восхождений снежно-ледовые, но в отрогах и хребтах верхней части долины Танымас имеются интересные в спортивном отношении скальные вершины. Из бассейна ледника Грумм-Гржимайло есть перевал на восток, а возможно и на юг, в долину Бартанга.

Разведаны пути на пик Революции, восхождение на который может быть отнесено к первоклассным спортивным мероприятиям. Обследование плато массива будет интересным для геоморфологов, так как аналогичное плато пика Сталина остается пока недоступным.

Три восхождения на вершины выше 6000 м были совершены альпинистами, в основном впервые оказавшимися на Памире. Участники экспедиции приобрели опыт организации больших и трудных восхождений. Принятая тактика, определяющаяся тренированностью и акклиматизацией альпинистов и доступным большинству участников темпом подъема, обеспечила участие в походе всех альпинистов. Организация учебно-тренировочного сбора, как новая форма передачи опыта альпинистов-высотников молодежи, целиком себя оправдала.

2

В 1953 г. воспитанники сбора прошли суровую проверку в экспедиции на пик Корженевской. Но никто не забыл своего первого похода к верховьям ледника Грумм-Гржимайло. В памяти вставали снежные склоны пика Революции. Поэтому, когда зашла речь о спортивных задачах экспедиции ВЦСПС в 1954 г., ответ был единодушным — штурмовать пик Революции. Начальником экспедиции была назначена Е. А. Казакова.

7 августа из Оша на Памирский тракт выехали тяжело груженные автомашины. За ними лентой тянется пыль.

Мелькают повороты, разворачивается нескончаемая панорама долин, скалистых и снежных пиков над ними. Снова перевалочный лагерь у р. Кокуйбель, и снова караван идет через перевал Апак. Пройдены летовки Кокджара и зеленеющий Топтал. Караван одолел тропу в долине Танымаса и достиг площадки лагеря «Пыльный». Сколько разных воспоминаний связано у большинства альпинистов с этим местом! «Новичков» в экспедиции сравнительно мало. На этот раз базовый лагерь удастся устроить поближе к леднику, там, где был лагерь № 1 в 1952 г.

Еще не скоро придет в лагерь очередной караван, но альпинисты выбежали из палаток и всматриваются вдаль. Они кого-то ждут. Действительно, над долиной медленно нарастает рокот мотора. Высоко в небе плывет самолет. Вот он сделал вираж, круг. Еще круг. По условному сигналу сверху полетели тюки с продуктами и снаряжением. Пригодилось знакомство с долиной, приобретенное в 1952 г.

Авиация очень помогла экспедиции. Правда, тюки были рассеяны по долине, кое-что оказалось поврежденным, кое-чего не досчитались. Но это неизбежные «издержки производства».

К 24 июля в базовом лагере собрались все участники экспедиции и были накоплены необходимые грузы. Вверх по леднику направилась разведка. На следующий день начали постепенно переносить грузы в верхнюю часть Грумм-Гржимайло.

1954 год был очень снежным, это сделало путь по леднику трудным, заставило сократить переходы, а следовательно, расстояние между лагерями на леднике.

Опорный лагерь был устроен на небольшой морене, на высоте 5000 м, там же, где в 1952 г. 3 августа из него вышли три группы. Первые две должны были еще раз осмотреть путь восхождения на пик Революции, последняя — подняться на пик «6500 м», завершающий северо-западный гребень массива пика. Следом за ними к палатке на высоте 5500 м и дальше к последнему штурмовому лагерю «6000 м» на плато потянулись цепочки груженных людей: они несли продукты и снаряжение, необходимые для штурма пика.

6 августа был день отдыха. В лагере «5000 м» собрались все альпинисты, работавшие на подноске грузов. Не

было только разведчиков, но их ждали к вечеру: контрольный срок возвращения был назначен на 20 часов.

Солнце склонилось к западу. Уже давно должны были показаться на леднике возвращающиеся из разведки группы, но на всем огромном снежном пространстве никого не было видно.

Очевидно, до вечера в лагерь группы уже вернуться не смогут. Контрольный срок нарушен. Это сигнал бедствия. Начальник экспедиции Е. А. Казакова решает ждать времени очередной связи.

Вечерняя тьма в этот день, кажется, как никогда медленно спускается над ледником. 21 час 30 минут. Альпинисты застыли у палаток, напряженно всматриваясь в темные силуэты гор.

На ребре пика «6500 м» вспыхнул яркий огонек.

Один... Одна вспышка знак благополучия. Но небольшой перерыв — и на ребре снова возникает огонек.

Второй... Третий! — Это условный сигнал бедствия. Ночью вверх по леднику уходит спасательный отряд. Остающиеся в лагере с волнением ждут вестей. В часы аварийной связи радио приносит тревожные запросы других экспедиций, штурмующих горы Памира: «Что слышно? Помощь нужна?».

...На высоте около 6400 м стоит одинокая палатка. Гнетущая тишина нарушается лишь завыванием ветра да стонами и несвязными возгласами больного. В спальном мешке мечется в бреду альпинист Данилович — у него тяжелое воспаление легких. Рядом с больным лишь один Петр Андриешин. Утром остальные трое ушли искать путь для спуска больного.

Только на третий день спасательные отряды добрались до палатки и начали спуск. К концу дня больной был уже в лагере «5000 м», где ему оказал помощь врач. Данилович был вне опасности, но его нужно было спускать дальше, и часть альпинистов отправилась с ним вниз по леднику.

...14 августа в 13 часов из лагеря «5000 м» 11 альпинистов вышли на штурм пика Революции. В лагере остались: Казакова, доктор Керцман и радист.

Из лагеря «5900 м» на плато группа вышла в 10 часов утра. Здесь нужно было подняться на крутую 400-метровую ледяную стену, по которой два года назад пытались взойти Е. Иванов и К. Кузьмин: где-то очень высоко

снежная стена заканчивалась гребнем. Стена — ключ восхождения.

Нижнюю, более пологую часть склона отделяют от верхней три широкие подгорные трещины. Они опоясывают весь склон. Первая трещина не задержала восходителей: местами она была забита снежными пробками. Выше склон стал круче, уклон доходил до 35—40°. Глубокий рыхлый снег сковывал движения. Подъем замедлился. Но задерживаться было нельзя, на склоне нет места для ночлега.

Альпинисты остановились у края второй трещины. Долго брели они вдоль ледяной пропасти, но все же обнаружили хрупкий снежный мостик.

Утром дул довольно сильный ветер. К полудню он стих, сразу стало жарко. Вязкий снег тяжелыми лепешками налипал на ботинки. Еще полтора часа подъема, и группа остановилась у последней трещины. Здесь тоже нашелся мостик, еще менее надежный. Над мостиком полутораметровым отвесом поднимался верхний край трещины.

Восходители не пожалели времени, чтобы обеспечить надежную страховку: на десятки метров вниз уходила ледяная мгла трещины. Первая попытка была неудачной, вторая принесла тот же результат. Раз за разом отступали альпинисты, но снова и снова пытались «взять» стену.

Наконец, дошла очередь и до Солодовникова, он самый высокий в группе. Очень осторожно, почти неуловимыми движениями альпинист переполз мостик. После нескольких бесплодных попыток влезть на ледяной обрыв Солодовников ударил ледорубом. За ударом последовал второй, третий... пятый. Край стены становился все ближе. Можно лезть!

Группа снова медленно одолевала 45°-й склон. Снег сменился льдом, пришлось забивать крючья, вырубать ступени. Порой крутизна подъема возрастала до 55—60°.

Впереди на склоне ледяной выступ. Обойти его нельзя: движение справа и слева грозит камнепадами, так как сверху нависают разрушенные скалы. Пришлось лезть «в лоб». Снова рубка ступеней, снова глухо стучит молоток, загоняя в неподатливый лед крючья. 150 метров подъема отнимают два с половиной часа.

Шестой час дня. Солнце скрылось за гребнем, и склон оказался в тени. Стало холодно. Последняя часть пути проходила по крутому, до 50°, склону. Группа пересекла его наискось; до гребня оставалось еще около 150 м. Каждый шаг в рыхлом снегу — это продвижение вперед всего на 30—40 см. Медленно, очень медленно приближается гребень, но он все ближе и ближе. В 18 ч. 30 м. группа вышла на гребень. Он тоже крут, но идти сравнительно безопасно, меньше времени уходит на страховку. Гребень поднимается ступенями: пологие участки сменяются взлетами. Усилился ветер. Он рвет одежду, сбивает с ног. Люди продолжают идти к намеченному месту бивуака, к седловине. Еще два часа продолжался путь по гребню. Это последние, самые тяжелые часы. Наконец — седловина, высота 6420 м.

— Ставить палатки!

За десять часов трудного пути альпинисты поднялись на 420 м по вертикали.

...Ночью ветер достиг почти ураганной силы. Большой снежный наддув защищал палатки, без этого они не устояли бы. Ночью Угаров посмотрел на термометр. Тонкая синяя полоска достигла цифры —20°.

К утру ветер немного стих, и в 10 ч. 30 м. альпинисты смогли двинуться дальше. Первые шаги после неважно проведенной ночи на большой высоте обычно даются особенно трудно. К счастью, крутизна подъема возрастала постепенно, и лишь через некоторое время достигла 45°. Ветер попрежнему дул в лицо. Ноги то и дело проваливались сквозь тонкий наст. Связки часто менялись местами: первым идти трудней всего.

Три часа дня. Восходители достигли верхнего плато. Суровая природа не дает людям передышки: погода все более портится. Ветер еще усилился. Он несет снег, крутит и бросает его колючие иглы прямо в лицо. Снежные вихри скрыли все кругом, но упрямые люди продолжают двигаться вперед.

Массив имеет три вершины. Справа — северная, слева — южная. Главная, западная вершина поднимается несколько поодаль, в глубине плато. Угаров ведет группу по склонам гребня, отходящего от первой вершины. Ему удалось наметить направление еще до того, как буран затянул все вокруг непроницаемой завесой.

Целый час идут люди навстречу буре. Но вот склон делается круче. Пути подъема не видно, но он ощущается ногами, натруженными рюкзаком плечами, всем телом. Уже должен быть близок небольшой контрфорс гребня, соединяющего южную и главную вершины. Высота около 6700 м, время — 18 ч. 30 м. Пора остановиться на ночь.

Палатки плохо стояли на сильном ветру. Резкие порывы дергали растяжки, вырывали крепления. Альпинистам по несколько раз приходилось выбираться из завалившихся палаток, чтобы ставить их вновь. Только когда опоры как следует вмерзли в снег, удалось расположиться на отдых.

...Вершина близка. До нее, кажется, рукой подать. Снежный купол четко рисуется в безоблачном синем небе. Немного потеплело: ночью было —22°, утром «всего» —15°. А ведь дело происходило в середине августа, в «знойной Средней Азии». Ветер попрежнему дует из всех сил, крутит снежные вихри. Но небо ясное — значит, погода улучшится, значит, можно идти к вершине.

Палатки остались стоять на снегу. На спинах восходителей сильно отощавшие рюкзаки. В них немного продуктов и теплые вещи.

Путь идет по небольшому контрфорсу. Он не очень крут, градусов 35—40. Но подниматься все же нелегко: ветер попрежнему сбивает с ног.

Двухсотпятидесятиметровый подъем закончен. Группа стояла на седловине. Справа вверх уходил гребень, увенчанный коническим куполом. Это — цель восхождения, главная вершина пика. Крутизна подъема не увеличивается, но ветер теперь дует слева — идти стало легче. Значит, можно двигаться быстрее. Твердый снег дает хорошую опору, и альпинисты без остановки продвигались вперед.

Подъем от седловины продолжался час сорок пять минут. Гребень вывел группу к вершинному куполу, отсюда до высшей точки путь нетрудный.

Ни ветер, ни высота не помешали победителям полюбоваться открывшейся панорамой. Посмотреть есть на что. Особенно хорош вид на запад и северо-запад, где поднимаются высочайшие вершины Памира. На этот раз облаков там нет. Вдали видны могучие контуры пика Сталина, силуэт пика Корженевской. Внизу на полутораклометровой глубине огромный снежный цирк ледника

Федченко и его ледяной поток, уходящий на десятки километров к северу.

11 участников восхождения выстроились шеренгой у тура. Вот они стоят рядом: П. К. Скоробогатов, А. С. Гожев, Б. С. Шляпцев, А. И. Ковыркин, А. С. Шкрабкин, М. Ф. Шилкин, Р. Н. Андреев, И. Г. Солодовников, Р. М. Селиджанов и Э. М. Рыспаев. Начальник штурма А. С. Угаров поздравляет товарищей.

Традиционный тур сложен у выступов скал, над обрывом в сторону ледника Федченко. В тур заложена записка о первовосхождении и вымпел ВЦСПС.

...Час на вершине прошел незаметно, пора спускаться. В этот же день группе предстояло дойти до седловины «6420 м».

* *
*

Вероятно, пройдут годы, прежде чем на вершине пика Революции снова побывают альпинисты. Много еще непокоренных вершин на Памире и Тянь-Шане. Устраивать сложные экспедиции, чтобы повторить пройденный путь, пока еще мало смысла. Но, быть может, у кого-нибудь появится желание подойти к пику Революции с юга, из долины Бартанга? Что же, в добрый час; южные склоны хребта Безымянного почти совершенно не обследованы, а восхождение с юга обещает быть исключительно трудным и интересным.

НА ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ПАМИР К НЕВЕДОМЫМ ПИКАМ

Итак, всего хорошего! Подумайте, последуйте моему совету — не пожалеете...

Клунников попрощался со своим собеседником. Через несколько минут ленинградский трамвай увозил известного альпиниста Е. А. Белецкого к Нарвской заставе. Он не замечал суглобки. В руках у него тонкая книжка. На коричневой обложке поверх изображения горного пейзажа большими белыми буквами написано:

«С. И. Клунников. Юго-Западный Памир. Последние географические открытия».

Евгений Андрианович Белецкий снова вспомнил разговор с Клунниковым. Северные и центральные части Памира уже неоднократно посещались альпинистами. Клунников, много лет подряд исследовавший геологию Юго-Западного Памира, теперь приглашал альпинистов посетить эту страну. Он говорил о вершинах, достигающих 7000 м, о пиках, на склонах которых еще никто не был...

Вдвойне заманчивая перспектива: попасть в новый, малоизученный высокогорный район и покорить семикилометровые вершины. Таких высоких гор в СССР немного, и почти на все известные к тому времени уже были совершены восхождения.

«Новостей и неожиданностей,— писал Клунников,— оказалось более чем достаточно. Так, за время работ, по-

мимо уточнения карты, мне удалось обнаружить одну вершину, достигающую 7000 м, ледник, занимающий площадь свыше 50 кв. км, две реки свыше 50 км каждая и ряд «мелких» пиков до 6500 м, ледников до 10 км длиной и рек до 30 км, удалось пройти ряд новых перевалов»¹.

Клунников, кроме того, определил высоту некоторых ранее известных вершин². Одна из них, пик Карла Маркса, поднималась на 7000 м, а другая, соседняя, пик Энгельса — на 6800 м.

Все еще много неразгаданного остается в Юго-Западном Памире. Особенно это относится к его высокогорной части.

Желающих отправиться в новый район оказалось мало. Однако наступало лето, и начинать организовывать такую экспедицию в том году было уже поздно. В последующие годы альпинистам по разным причинам также не пришлось посетить Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикистана.

Подготавливавшаяся в 1941 г. экспедиция не состоялась — началась Великая Отечественная война. В годы войны альпинисты выполняли свой долг перед родиной, — на фронтах и у станков в тылу они боролись с немецко-фашистскими захватчиками. Воля и физическая закалка, воспитанные во время путешествий в горах, помогали в труде и в бою. Походные навыки, выносливость и даже альпинистская техника пригодились на всех фронтах, особенно во время боев в горах.

Но в редкие минуты досуга мысли снова возвращались к любимым горам. Проекты новых маршрутов потом, после победы, возникали как неотъемлемая часть представления о будущем. Эта естественная для советского человека черта — уверенность в возможности реализовать свои мечты — не исчезала даже в самые трудные времена.

* *
*

В начале 1946 г. из армии демобилизовался Белецкий. Вернулись к мирной деятельности и многие другие альпинисты. Друзья встречались и делились воспоминаниями о

¹ С. И. Клунников. Юго-Западный Памир, изд. Академии наук, 1937, стр. 4.

² Там же, стр. 259.

пережитом, о боях на Кавказе, в Высоких Татрах и на других фронтах. Вспоминали погибших...

Однако все чаще возникали и другие беседы: предстоял спортивный сезон лета 1946 г. Некоторые группы уже готовились к сложным восхождениям на Кавказе. Кроме того, намечались две спортивно-исследовательские экспедиции: на Памир и на Тянь-Шань. По инициативе Белецкого одну из них было решено направить на Юго-Западный Памир. Альпинисты должны были обследовать районы предполагаемых семитысячников и разведать пути восхождения на них. А при благоприятных обстоятельствах можно было бы предпринять и штурм вершин.

Организаторы экспедиции учитывали, что большинство альпинистов уже несколько лет не совершало восхождений, что трудные годы войны так или иначе наложили отпечаток на физическое состояние людей. Восстановить спортивную форму было не просто, и требовалось быть особенно осторожными с программой экспедиции.

Обстоятельства сложились так, что организационный период был очень коротким. Всем участникам экспедиции пришлось включиться в подготовку, и последние недели перед отъездом оказались заполненными работой и хлопотами. Снаряжение, которого до войны было много, теперь стало дефицитным. Многое пришлось заказывать специально для экспедиции.

День отъезда подошел незаметно. В начале июля, наконец, все было готово, и альпинисты выехали из Москвы в Ташкент и далее к Андижану.

В составе экспедиции двенадцать альпинистов. Шесть из них москвичи, шесть — ленинградцы. Начальник экспедиции Белецкий и его заместитель Евгений Абалаков — заслуженные мастера спорта. По прежним высотным восхождениям известны и два участника штурма пика «20-летия комсомола» — Евгений Иванов и Александр Сидоренко¹. Однако большинство впервые участвует в такой экспедиции, их спортивная биография связана с вершинами Кавказа. Все они квалифицированные альпинисты, хорошо знакомые с горной природой, вооруженные опытом и техникой горовосхождений.

¹ Смотри очерк «По склонам снежного гиганта» во второй части книги.

Вот и город Ош. Дальше железной дороги нет. Здесь начинается путь по знаменитому Памирскому тракту, который пересекает весь Памир, заканчиваясь в Хороге, центре Горно-Бадахшанской автономной области.

Пока ведутся переговоры о предоставлении автомашины, нужно посмотреть на восточный базар. Непривычные для взоров москвича горы фруктов и овощей, пестрота одежд, шум разноязычного говора. И все это еще ярче и красочней в лучах горячего южного солнца. Но вот с машиной уже все в порядке. Вещи экспедиции погружены, и ранним утром позади автомобиля остаются последние домики Оша.

Все ближе горы, все круче подъем. Шоссе петляет по склонам. На первом перевале альтиметр показывает 2700 м. На Западном Кавказе эта высота — граница вечных снегов, а здесь летом снега даже не видно.

Евгений Абалаков вспоминает, как в 1933 г. из Оша караван альпинистского отряда добирался до Алтын-Мазара 13 дней. Автомобиль экспедиции пробегает больше половины этого расстояния, до Алайской долины, за один день.

К вечеру первого дня пути автомобиль переваливает через Алайский хребет. Впереди открывается Алайская долина, а за ней в последних лучах заходящего солнца поднимается как бы висящая в воздухе непрерывная белоснежная цепь вершин Заалайского хребта.

— Вон там пик Ленина! — Белецкий протягивает руку вперед. Среди белых пиков поднимается массив, контуры которого так знакомы альпинистам по множеству фотографий.

Машина тормозит, и здесь же, около дороги, возникает первый походный лагерь. С заходом солнца становится холодно. Сказываются высота и близость ледников Заалайского хребта — ведь ширина долины всего около 30 км.

Утро. Снова автомашина продолжает свой бег. Перевалом Кызыларт тракт пересекает Заалайский хребет.

Восточный Памир. Это огромное нагорье, долины которого находятся на высоте четырех и более тысяч метров над уровнем моря. Здесь днем палящая жара, ночью холод. Ветер разносит всюду обильную пыль. Кругом — голые горы, каменные осыпи. Эти красноватые, серые, бурые нагромождения камня вносят почти единственное цве-

товое разнообразие в унылый серый тон сурового пейзажа. Растительности не видно, лишь кое-где попадается терескен, такой же серый, как и все кругом. Этот невзрачный представитель растительного царства здесь служит кормом для кутасов-яков и используется как топливо.

У одного из поворотов шофер останавливает машину: вдаль виднеется крупнейшее озеро Памира — Кара-Куль. Машина продолжает свой бег, и озеро быстро приближается. Посреди его темных вод, образующих как бы два бассейна, выступает остров. Дорога дугой огибает озеро.

За перевалом Акбайтал дорога спускается в долину р. Мургаб. Здесь расположен поселок того же названия. Это бывшее пограничное укрепление — Пост Памирский, а теперь наиболее значительный населенный пункт и административный центр Восточного Памира.

Ниже по течению р. Мургаб образует Сарезское озеро, вытянутое вдоль ущелья более чем на 56 км. Оно возникло после землетрясения в 1911 г. Тогда большой обвал перегородил ущелье, похоронив под каменными глыбами селение Усой. Воды горной реки быстро заполняли ущелье, и вскоре затопили кишлак Сарез. Озеро у завала достигло глубины 540 м.

Альпинисты, привыкшие к живописным ущельям Кавказа, немного разочарованы окружающим пейзажем. Лишь иногда в стороне от дороги видны озера. Некоторые даже довольно большие, но вода в них горько-соленая.

Дорога дважды пересекает р. Аличур. После второй переправы тракт поворачивает на юг, и начинается подъем к перевалу Койтезек. Вправо, за хребтом, остается озеро Яшилькуль. Спустившись с перевала, машина попадает в долину р. Гунт, принадлежащей уже Юго-Западному Памиру.

Пейзаж резко меняется. Склоны ущелья покрыты разноцветными лоскутами зеленеющих посевов. Пригодной для обработки земли немного, и каждый ее клочок использован. Климат здесь хотя и менее сухой, чем на Восточном Памире, но все же посевы нуждаются во влаге, и по склонам ущелья протянулись арыки, отводящие воду из ручьев. В течение сотен лет трудом многих поколений создавалась эта система орошения. Арыки выложены камнями и тянутся иногда на много километров, порой по крутым, почти отвесным склонам.

Время от времени виднеются группы построек. Это таджикские кишлаки. Хижины сложены из камня и обмазаны глиной. В крышах — отверстие для выхода дыма. Лишь недавно начали появляться небольшие окна, больше похожие на бойницы, чем на обычные отверстия для вентиляции и освещения жилища. Однако культура, принесенная Советской властью, все больше проникает и в эти далекие ущелья, и постройки в районных центрах и многих колхозах имеют вполне современный вид.

Юго-Западный Памир населен горными таджиками, в течение многих веков вытеснявшимися из других районов Средней Азии приходившими с востока племенами. Оседлые таджики наряду с разведением скота издавна занимаются земледелием и садоводством. В низовьях долин возделывают ячмень, пшеницу и другие виды зерновых культур. До высоты в 3000 м в долинах вызревают ягоды и фрукты: урюк, яблоки, тут. Еще выше — превосходные пастбища для скота.

В отличие от Центрального Памира долины здесь приобретают характер ущелий. Округленные, сглаженные вершины Аличурского нагорья сменяют острые пики. Увеличивается амплитуда высот. Абсолютная высота долин уменьшается и, впервые после начала пути от перевалов Алайского хребта, опускается ниже 3000 м. Район этот более богат осадками, чем сухое нагорье Восточного Памира, со всех сторон отгороженное высокими хребтами; поэтому мощность оледенения возрастает, и ледники достигают значительных размеров.

На 728 км протянулся тракт через Памир. Три с половиной дня продолжался переезд до Хорога. До революции тут был расположен пограничный пост. Теперь это центр Горно-Бадахшанской автономной области. Со времени постройки автомобильного шоссе поселок разросся в город, в котором постоянно проживает более четырех тысяч жителей. В Хороге есть педтехникум, драматический театр, два кинотеатра. На широкой речной террасе раскинулся единственный в своем роде высокогорный ботанический сад. Невдалеке от города, на р. Гунт, построена электростанция. Электрический ток не только освещает город, но заменяет также остродефицитные в этих краях дрова. Отапливаемая электричеством баня в Хороге — едва ли не единственная в Союзе.

Обнаруженная Клунниковым вершина высотой в 7135 м¹ находится сравнительно недалеко от Хорога, в верховьях р. Патхор — одного из притоков р. Гунт. Обследовать район этой вершины — первая цель экспедиции.

Автомобиль остановился среди построек кишлака Ванкала — это ближайшее по шоссе селение от устья речки Патхор. 30 июля в тени низкорослой ивы альпинисты разбили свои палатки. Здесь была устроена первая база экспедиции.

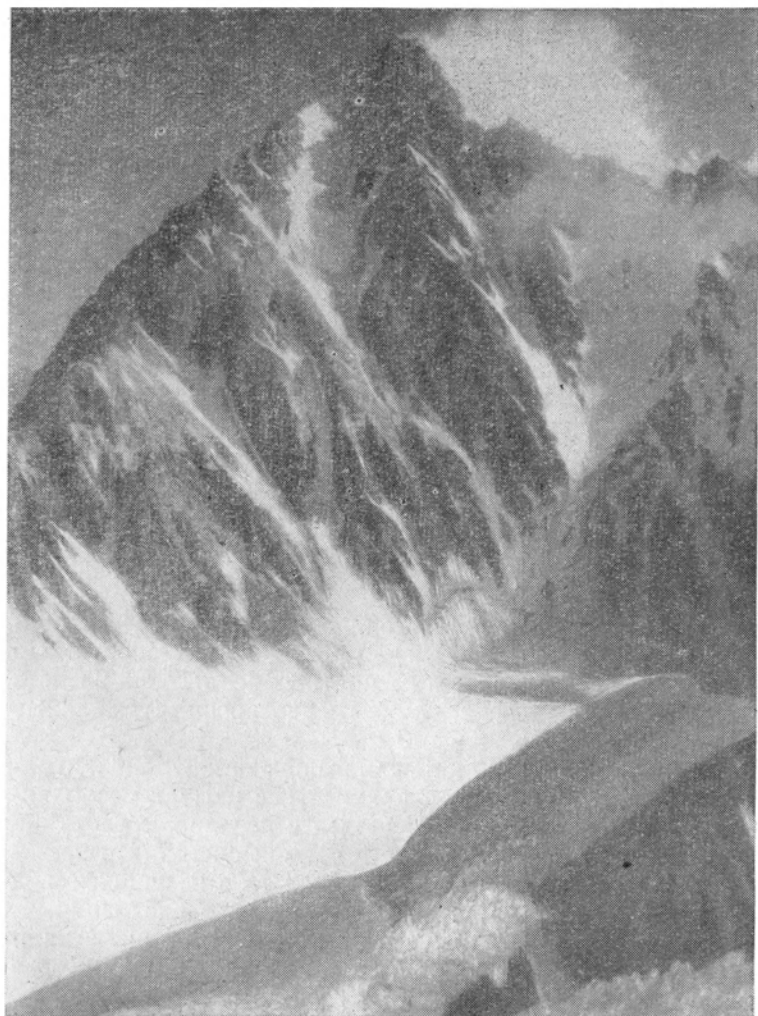
Три дня готовились к выходу. Три дня собирали караван. Подготовка к выходу — длительное и кропотливое дело: нужно рассортировать грузы, отделить ту часть из них, которая не понадобится во время этого похода. Необходимые вещи требуется подготовить к перевозке вьюками, уложить их в вьючные сумы и рюкзаки. Много из снаряжения нуждается в подгонке: в Москве, в процессе спешной подготовки и быстрых сборов, на это не хватило времени.

Но в подготовке к выходу заняты не все. И, чтобы не терять времени зря, альпинисты двумя группами отправляются взглянуть на своего будущего «врага». Несколько человек уходят дальше по шоссе. Но с него ничего не видно. И только если пройти километров семь за кишлак Ванкала и сойти с дороги в сторону метров на 20—30, в глубине ущелья Патхор выступают острые контуры пика. Не напрасно местное население называет его Патхор, что значит «Колочий». Действительно, поднимающиеся на сотни метров крутые склоны сразу заставили альпинистов проникнуться почтением. На обратном пути они встретились с товарищами, которые наблюдали пик с другого места. Вторая точка наблюдения была выбрана на высоте 4000 м, на северных склонах Шугнанского хребта.

Мнение обеих групп совпадало: резкие контуры вершины, отвесные, почти свободные от снега склоны были неожиданными для вершины такой большой высоты. Восходителей ждут значительные трудности. Большая абсолютная высота намного усугубит их. Но чем труднее задача, тем приятнее и достойнее будет победа.

Выход каравана в первый поход отметили «торжественным» ужином. Анатолий Багров еще задолго до

¹ См. примечание на стр. 323.

Устремленными ввысь очертаниями пик Патхор напоминает
готический собор

Фото А. Багрова

захода солнца начал готовить грандиозный плов. В чугуновый котел, в котором варился рис, он накладывал все, что мог использовать из припасов экспедиции. В котел с пловом отправилось консервированное мясо и сушеный урюк, купленный где-то по дороге, затем сгущенное молоко. Неизвестно, что сказали бы гастрономы, но альпинисты не страдают плохим аппетитом, и котел очень быстро опустел.

Ванкала находится на левом берегу Гунта, а речка Патхор — его правый приток. На другой берег Гунта можно перейти только по мостику, низко висящему над пенящимися водами реки. Животные по нему не пройдут, а переправа вброд через Гунт в это время года невозможна. Приходится нанимать вьючных животных в кишлаке Патхор. Все грузы, доставленные машиной и вьюком к мостику, альпинисты переносят через него на своих плечах.

В маленьком кишлаке всего из нескольких построек путешественники привлекают всеобщее внимание. Ребятишки толпой следуют за ними по пятам, с удивлением рассматривая ледорубы и тяжелые окованные триконями горные ботинки.

Вверх по ущелью р. Патхор, по ее правому берегу, поднимается тропа, доступная для вьючного транспорта. По этой тропе можно провести животных всего лишь на пять километров, а дальше вся тяжесть переноски грузов ляжет на плечи путешественников.

31 июля маленький караван вышел из кишлака. Лошадей было недостаточно, и каждый нес рюкзак весом килограммов по 20. Путь начинался с переправы через реку. Летом, во время обильного таяния снегов, это нелегкая задача. К середине дня сила быстро несущихся вод потока такова, что даже верхом переправа рискована.

Место переправы находится метрах в 500 ниже кишлака. Как всегда в таких случаях, караван во-время готов к выходу не был. Выступили поздно, и когда альпинисты подошли к броду, уровень воды был уже довольно высок. Мутный поток бурлил и пенился меж камней. Сказывался жаркий день — вода заметно прибывала, и успех переправы становился сомнительным. Наиболее подходящее место для брода было вскоре найдено: река разделялась на несколько рукавов, и ниже образовавшихся в этом месте островков течение было немного слабее.

Только что Старицкий, шедший первым, ступил в холодную воду, как кто-то крикнул:

— Смотрите, смотрите!

Навстречу им реку переходили два старых таджика. Двигались они медленно, обняв друг друга за плечи,— это старинный таджикский способ переправы. Даже этим привычным людям было трудно. Напор воды сбивал их, и они еле удерживались на ногах,— падение было бы равносильно катастрофе.

Давлят, один из охотников-таджиков из состава экспедиции, крикнул что-то непонятное, сунул своему соседу винтовку и бросился на помощь старикам. Втроем они кое-как добрались до берега.

После этого наглядного урока двинулись на другую сторону и альпинисты. Чтобы не поскользнуться и не поранить ноги на острых камнях, скрытых водой, шли не снимая ботинок. Холодная вода леденила ноги, и они быстро немели. Человеческое тело превращалось в своеобразный волнорез и под напором течения вода поднималась с одной стороны почти до пояса, несмотря на то что глубина реки значительно меньшая.

Переправа кончилась благополучно, и караван двинулся дальше. Мокрая одежда под палящими лучами солнца быстро обсохла, и маленькое приключение вскоре забылось.

Первые полтора-два километра тропа проходит между густыми зарослями ивняка, но вскоре он кончается, и лишь чахлая, выгоревшая трава растет небольшими лужайками. Сначала отдельными кучами, а затем почти полностью покрывая склоны, лежат нагромождения осыпей. Хаотический беспорядок каменных глыб преграждает животным дальнейший путь.

Впрочем, и местные жители дальше не поднимались,— пастбищ выше нет, а среди камней и льда таджикам делать было нечего. Только Клуников однажды прошел здесь, поднимаясь к открытому им пику. Его первая попытка проникнуть к верховьям оказалась неудачной: он попробовал подняться по левому берегу и там не смог переправиться через единственный приток Патхора, небольшую, но очень бурную речку Чапдара. После неудачи пришлось перейти на правый берег,— этот путь оказался более доступным.

Впоследствии вверх по ущелью прошла также группа топографов, но они не поднимались к самым его верховьям.

Ишаки и лошади развьючены и отправлены назад. Вьючные тюки и рюкзаки образовали порядочную грудку. Весь этот груз на себе за один раз не унести: приходится разделить вещи на несколько частей и постепенно перетаскивать их вверх по ущелью.

Первая часть грузов уложена в рюкзаки, и можно отправляться дальше. Ущелье Патхора поднимается вверх постепенно: на всем протяжении, а его длина около 20 км, перепад высот всего около 1000 м. Путь был бы нетрудным, если бы не осыпи. Но именно они очень усложняют передвижение. Бесконечные нагромождения обломков спускаются вниз по крутым склонам, и идти местами можно только у самой воды. С тяжелым рюкзаком на спине приходится прыгать с одного неустойчивого камня на другой.

Горячее южное солнце неумолимо обжигает кожу. По лбу, стекая на глаза, струится пот. Высота уже больше 3500 м, и с непривычки дышится трудно. Люди еще не успели привыкнуть к высоте.

Несколько дней продолжается эта тяжелая работа. После того как часть вещей перенесена на некоторое расстояние вверх по ущелью, приходится возвращаться за следующей порцией.

В трех часах пути от конца вьючной тропы в небольшом ивовом лесочке устроили лагерь, единодушно названный «Зеленым». После трудного дня здесь приятно отдохнуть. Рядом шумит река. Ветви деревьев укрывают от горячих лучей солнца. Евгений Иванов пробует выкупаться в заводи у большого камня. Но вода обжигает разгоряченное тело, — ее температура всего 2,5°, и Иванов вскоре выскакивает назад. Однако его пример находит подражателей, и скоро громкие крики купающихся нарушают тишину.

Тем временем Анатолий Багров уже опять возится у костра. Он с удовольствием занимается стряпней, и товарищи охотно уступают ему эту обязанность. Такой «повар-любитель» — истинный клад для всякой экспедиции.

Мария Максимовна Потапова — мастер спорта и врач экспедиции — осматривает свое медицинское хозяйство,

наводя порядок после транспортировки. Страстный фотограф Александр Сидоренко, несмотря на усталость, отправился на склоны. Он все время ищет место, с которого можно получить эффективный снимок пика. Остальные участники занимаются своими делами: один пишет дневник, другой чинит клапан рюкзака, пострадавший во время дневного пути... Обычный быт лагеря.

Высота «Зеленого лагеря» — 3600 м. Отсюда ущелье расширяется. Впереди высокая древняя морена, в нижней своей части покрытая зарослями кустарника. А выше дно долины становится совсем пологим, и спокойно текущая река разбивается на множество рукавов.

Снова в путь: сначала по гребню древнего моренного вала, а затем опять через осыпи на правом берегу. Еще несколько часов продолжается неприятный и трудный переход. По мере продвижения вверх по долине пик все выше вырастает перед альпинистами, склоны его все круче поднимаются к вершине, образуя грозные скалистые стены. На скалах снега почти не видно. Но как ни притягивает взоры вершина, а смотреть нужно под ноги: прыгание по камням осыпи требует неослабного внимания.

Но вот альпинисты, наконец, на леднике Марковского. Следующий лагерь располагается уже на льду, недалеко от ледопада центральной части ледника. Высота — 4400 м. Отсюда лучше всего начать разведку пути и обследование района. Место для лагеря удобное: площадка укрыта от ветра моренными валами. Поверхность льда здесь покрыта мелкими каменными осколками; эта площадка — дно высохшего ледникового озера.

Кругом царство льда и скал. Тишину нарушает журчание ручьев, бегущих по поверхности ледника, да шорох осыпающихся камней. Иногда слышен глухой, ухающий звук трескающегося льда. Время от времени в этот мир приглушенных звуков резко врывается грохот камнепада, срывающегося с крутых склонов гор.

Кажется, что может сделать маленькая кучка людей здесь, среди этих гигантских по своим проявлениям сил природы?! Но такие вопросы вовсе не занимают альпинистов. Они озабочены поисками путей восхождения. Опытный глаз руководителей экспедиции оценивает трудности, намечает направление разведок.

Удивительно, что, несмотря на довольно значительную крутизну падения здешних ледников, они не очень разорваны трещинами, и ледопады носят «мирный» характер.

— Даже на пологих ледниках Северо-Западного Памира, — говорит Абалаков, — полно сераков, да еще каких! Они там поднимаются на десять и более метров. А здесь хотя и круче, но их не видно. Странно!

Насколько хватает взора, кругом, поднимаясь к подножию хребта, сверкает лед. Фирновые поля находятся очень высоко. На поверхности фирна образовались целые поля наклонных острых конусов — кальгаспоров, как их называют таджики.

Ледник уже осмотрен, и внимание вновь приковывает к себе вершина. Альпинисты с уважением оценивают крутые склоны семитысячника.

Еще издали во время пути по ущелью альпинисты заметили, что, кроме западного и восточного гребней — водораздельной линии Рушанского хребта, почти прямо на юг от вершины отходит ребро. Впоследствии было установлено, что и на север спускается крутой контрфорс. Таким образом, сама вершина как бы венчает крестовину из четырех поднимающихся к ней гребней.

Что на восточный гребень подняться невозможно, было видно с первого взгляда, — путь преграждали крутые уступы ледника и фирновых полей. Южная стена вершины также неприступна. Правда, из фирнового бассейна центральной составляющей ледника Марковского можно было по крутому, заполненному снегом желобу, подняться на южное ребро. Но дальнейший путь по скалам очень труден, а возможность выхода к вершинной части сомнительна.

На запад от вершины круто снижается длинный, зазубренный скалистый гребень. С него на ледник спускается несколько желобов, также заполненных снегом. Вот результаты первых разведок. Но того, что видно снизу, с ледника, недостаточно. И поэтому приходится, разбившись на небольшие группы по три-четыре человека, подниматься на склоны и гребни отрогов хребта, уходить к верховьям ледников, к перевальным седловинам.

Все еще остаются неясными подступы с севера. Разведывательные группы поднялись на западный гребень и, найдя удобную точку, осмотрели северные склоны вершины.

В маленькой палатке на леднике сидят Белецкий и Абалаков. Все группы, кроме одной, вернулись из разведки: нет еще результатов осмотра северных подступов. Уже съеден ужин и выпит приготовленный чай, скоро вечер. Уставшие от тяжелой дневной работы, один за другим засыпают в спальных мешках альпинисты.

«Северян» все еще нет. Белецкий начинает беспокоиться. Но вот далеко на снежном поле над перегибом ледника показываются три маленькие фигурки, почти точки. Они быстро приближаются. Вот люди скрылись за перегибом. Белецкий стоит у палатки, с нетерпением наблюдая за склоном, на котором они должны снова появиться. Кто-то вылез из спального мешка и поспешно разжигает спиртовую кухню, чтобы согреть возвращающимся товарищам еду.

Они опять показались, уже совсем недалеко. Остаются последние десятки метров, и альпинисты глиссируют, как на лыжах, скользя по склону на подошвах своих ботинок. Вспотевший, загорелый Владимир Тихонравов останавливается перед палаткой и, ничего не говоря, только отрицательно качает головой.

— Пути с северо-востока нет!

Теперь разведки закончены, и нужно принимать решение. Но после трудной работы следует отдохнуть, и все спускаются назад в «Зеленый лагерь». Обсудить положение можно и там.

Альпинисты не только искали пути на вершину. Они обследовали ледник Марковского до верховьев его составляющих, сняли схему ледников и хребтов в районе вершины.

Как приятно после нескольких дней во льдах быть снова среди зелени. Радуют белые цветы на кустах и даже лужайки низкорослой травы. Но все же взоры альпинистов невольно все время обращаются назад, к пику Патхор.

Обсуждение пути восхождения было долгим и довольно горячим. Нашлись сторонники двух вариантов. Наиболее ясным казался путь по западному гребню. Разведка установила, что выход на него возможен по одному из желобов. Путь по самому гребню, нелегкий и длительный, повидимому не представлял непреодолимых трудностей.

Последняя часть пути в этом варианте проходила по пологому участку гребня, покрытому снегом.

Предлагали также другой маршрут: по широкому, крутому желобу выйти к верхней части южного ребра и затем найти там путь к вершине по трудным скалам. Благодаря своей крутизне путь этот короток. Однако шансов на успех было меньше.

Выбран первый вариант. Быстро закончены приготовления. На восхождение решили идти всем альпинистским составом. Таким образом, хорошо обеспечивалась взаимная поддержка и помощь в любой момент штурма. Чтобы обезопасить одновременное движение большого числа людей по трудным скалам, интервал между связками был увеличен.

* *
*

Было еще довольно рано, когда 11 августа альпинисты четырьмя связками вышли из лагеря у ледопада. На плечах у людей тяжелые рюкзаки. Лед хрустит под острыми зубьями кошек. Лучи солнца еще не достигают ледника, и холод ощущается сквозь одежду.

Постепенно становится теплее. Ручьи текут по поверхности льда. Нужно напиться — выше воды не будет, и ее придется добывать, растапливая снег.

Путь от ночлега ведет через ледопад. Итти по его крутым участкам нелегко. Неверный шаг, и можно поскользнуться и полететь вниз, увлекая за собой товарищей. Ноги устают от напряжения. Но вот трудное место пройдено. Впереди пологий фирновый склон. Солнце начинает пригревать, и снег становится рыхлым, ноги вязнут и скользят. Когда, наконец, впереди показывается место, где еще во время разведывательных походов был устроен лагерь «5100», все облегченно вздыхают. Этот лагерь находится у самого подножия склонов западного гребня. Невдалеке от него — выход к снежному желобу, по которому придется подниматься на гребень.

Итти дальше в этот день не стоит. Начать восхождение лучше со свежими силами, и поэтому остаток дня решено провести здесь.

Солнце обжигает, но спрятаться некуда. В палатках, нагретых его лучами, тоже жарко и душно. Остается только загорать. Кое-кто резвится на снегу в одних трусиках.

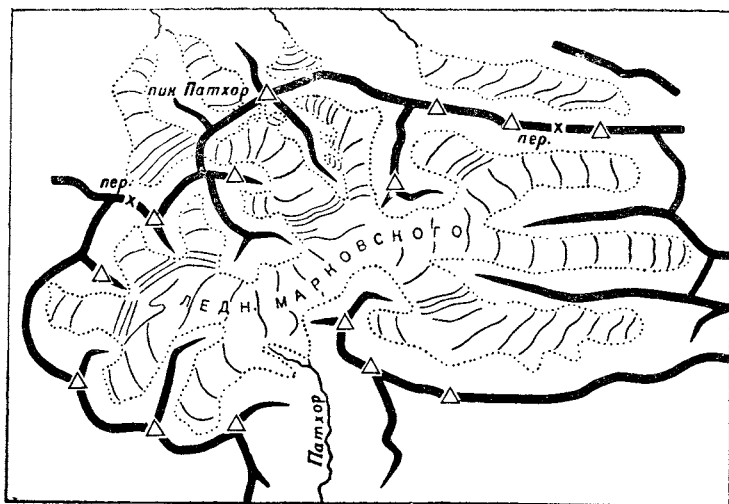

Схема ледника Марковского

Фетровая шляпа на голове, защитные очки и тяжелые окованные ботинки дополняют костюм.

Нужно еще раз проверить содержимое рюкзаков. Продо-вольствия принесли сюда много, для каждого есть де-сятидневный запас. Предположительная продолжитель-ность штурма — пять дней. Конечно, лучше бы взять с собой побольше продуктов, но мысль о весе рюкзака за-ставляет ограничиться, и часть продуктов решено оставить в этом лагере.

Время до вечера проходит быстро и весело. Все ясно, все решено. Завтра штурм!

Рано утром 12 августа Старицкий разбудил всех ра-достным криком:

— Вставайте, погода какая!

Действительно, утро замечательное! Вообще на Юго-Западном Памире летом плохая погода — редкость. На метеостанции в Хороге путешественникам рассказали, что, по многолетним наблюдениям, в июле—августе бывает не более двух пасмурных дней. Дожди же — явление еще бо-лее редкое; и верно, хорошая погода сопутствовала вос-ходителям во время их пребывания в районе Рушанского хребта.

Крутой фирновый кулуар. По такому пути подниматься трудно и неприятно. Приходится для каждого шага выбирать в твердом фирне ступеньку носком ботинка. И так постепенно шаг за шагом нужно подниматься около 300 м. Но неожиданно все оказалось значительно проще. Помогли кальгаспоры. Как ступени гигантской лестницы торчали их оледенелые фирновые конусы на всем протяжении кулуара. По ним альпинисты двигаются довольно быстро. Кроме того, опасность свалиться вниз почти совершенно устраняется: забор кальгаспоров лучше самой надежной страховки удержит сорвавшегося. Однако непрерывное перелезание через кальгаспоры тоже мало приятно.

Все это продолжалось недолго, и уже к часу дня альпинисты один за другим выбирают на гребень. Здесь открылась панорама на север. Там вдали видны мощные хребты Северо-Западного Памира. Внизу короткие висячие ледники, дальше — широкое пологое ущелье спускается к долине р. Бартанг. До нее около 30 км. Позади ущелье Патхор, за ним Гунт. У подножия стены видны фирны ледника Марковского.

Путь по снегу окончен. Впереди теплые, нагретые солнцем скалы гребня. Породы сильно разрушены и от неосторожного движения отдельные глыбы могут сорваться вниз, увлекая за собой людей. Узкий зазубренный гребень то и дело преграждается крутыми стенками или торчащими вверх «жандармами».

Трудное скалолазание — можно передвигаться, лишь удерживаясь руками и ногами за незначительные выступы и неровности скал. Приходится идти поочередно, все время страхуя идущего с помощью веревки. В особенно трудных местах в дело пускают скальные крючья, их забивают в трещины, и это позволяет сделать страховку более надежной.

По мере возможности трудные места и зазубрины гребня восходителем обходят по одному из склонов. Но и склоны тоже очень круты, особенно северный, и эти обходы лишь ненамного облегчают трудную работу.

* *
*

Очередной «жандарм». Идущих впереди не видно. Связки растянулись по гребню. Владимир Тихонравов лезет; страхует его Потапова. Вдруг впереди раздается

тревожный крик. Протянутая к опоре рука застывает в воздухе.

— Что случилось? Несчастье?

Это первая мысль. Впереди больше ничего не слышно, и приходится лезть дальше, хотя беспокойство за товарищей уже не дает возможности сосредоточиться. Ускорить движение невозможно: чтобы двигаться вперед, и так требуется напряжение всех сил.

Только через час альпинисты из связки Багрова узнали, что случилось. Сорвавшийся камень поранил Евгения Иванова. Большой обломок породы ударил его по лбу и рассек кожу. Только оправа защитных очков спасла ему жизнь, отразив камень. Несмотря на сильную боль, он после перевязки продолжал идти дальше и уже вскоре чувствовал себя вполне удовлетворительно.

Евгений Иванов — прекрасный альпинист и лыжник. В первые дни Отечественной войны он пошел добровольцем на фронт. Обстоятельства сложились так, что он попал в партизанский отряд. И здесь, в суровых условиях борьбы в глубине вражеского тыла, его спортивная закалка и особенно альпинистские походные навыки сделали из него прекрасного бойца.

Неоднократно проходил он зимой в пургу и стужу многие десятки километров, перебирался через реки, прокладывал себе путь в воде между обломками разбитого снарядами льда. Часами лежал он, зарывшись в снег, поджидая вражеский поезд.

Евгений Иванов лично подорвал семь поездов с боевой техникой и солдатами противника. Во время боев он получил несколько ранений. В результате последнего из них он лишился пальцев левой руки. Казалось бы, его спортивная и особенно альпинистская карьера окончена. Но он обладает не только большой физической силой, это также человек железной воли. В 1945 г., после продолжительной тренировки в горах, он совершает свое первое после ранений восхождение на Кавказе. А в 1946 г. наравне с сильнейшими альпинистами страны Иванов участвует в штурме вершин Юго-Западного Памира.

Еще несколько часов продолжалось в этот день движение по скалам. Несмотря на то что гребень и зубрины имели самые разнообразные очертания, лазание по скалам все же довольно однообразно. Вот только что обошли выступ, торчащий метров на 30 вверх, как за ним снова

поднимается «жандарм», через который придется перелезть. Потом снова зазубрина, стенка, уступ, и так все время.

Когда к вечеру, как это было условлено, растянувшиеся вдоль гребня связки решили собраться, чтобы заночевать всем вместе, не оказалось площадок для палаток. Лишь после продолжительных поисков и двухчасовой работы удалось подготовить в нескольких местах небольшие уступы. Пришлось основательно поворачивать камни: большие глыбы сдвигали с места и сбрасывали вниз, маленькими осколками закладывали неровности.

На каждой из площадок с трудом помещалась одна маленькая высокогорная палатка. Размеры ее основания всего 120×200 см; высота конька у входа 110 см. В ней помещаются, лежа в пуховых спальных мешках, «в притык», три человека. Поворачиваться приходится одновременно. Не очень комфортабельно, зато палатка легкая: она весит всего 2—2,5 кг и хорошо защищает от непогоды.

Дневная работа закончена. Скоро начнет темнеть. Альпинисты набирают в котелки снег и, забравшись в спальные мешки, лежа готовят ужин. Пока над голубым пламенем сухого спирта тает в котелке снег, а затем закипает ароматное какао,— можно уже дать отдых усталому телу.

Разведывательные походы и жизнь в базовом лагере уже успели приучить организм к высоте. Во всяком случае аппетит пока еще сохранился, и все стараются как можно больше облегчить вес своих рюкзаков. Объединенные обед и ужин продолжаются довольно долго, и трапеза заканчивается уже в полной темноте. Из-за дальних хребтов по сине-черному небу медленно поднимается диск луны. Внизу, переливаясь голубым огнем, блестит в ее свете ледник. Воздух становится все более холодным.

Пора спать, завтра снова тяжелый день. Но уснуть на такой высоте, несмотря на усталость, не так-то легко. Иванова мучает боль: саднит рана на лбу. Абалаков уже заснул и слегка похрапывает в своем спальном мешке. Из палатки, где помещается связка Кельзона, вдруг раздается громкий хохот. Кто-то из его неунывающих товарищей изрек очередную остроту... Постепенно все в лагере смолкает.

Сидоренко проснулся от холода. Его плечи, не покрытые спальным мешком, расстегнувшимся ночью, застыли от ночного холода. Александр Сидоренко огляделся еще сонными глазами и сразу не мог понять, где он: стенки и потолок палатки были покрыты слоем изморози. Окружающее показалось продолжением сна: снилось давно пережитое восхождение на пик «20-летия комсомола»; товарищи, растиравшие обмороженные тогда ноги... Неприятное воспоминание. Александр зябко натянул спальный мешок и окончательно проснулся. Уже совсем рассвело. Пора вставать и готовиться к выходу. Предстоят неприятные минуты — нужно выбраться из теплого спального мешка и одеваться вне палатки, в ней слишком тесно.

Поверхность скал за ночь сильно охладилась. Выход был отложен: нужно дождаться, чтобы солнце согрело породу и пальцы не замерзали от прикосновения к камню, а откуда можно заняться завтраком.

Только в 10 часов можно было выступать. Поздний выход значительно сокращал время полезной работы, но что делать, таковы условия передвижения на больших высотах.

Постепенно люди втягиваются в движение, принимают нужный темп, и снова продолжается лазание по скалам западного гребня. Непрерывно уменьшается расстояние до предвершинного гребня.

Высота все больше, дыхание становится прерывистым, при резких движениях сердце начинает бешено колотиться. Чаше приходится устраивать отдых. Трудное скалолазание на такой высоте дается лишь напряжением всего организма. Неплохо бы напиться, но воды нет. Снег можно будет найти снова лишь значительно дальше.

В середине дня — очередное происшествие. Связка Белецкого подошла к отвесной стене, и он пытается найти путь в обход с севера. Уже пробрался на несколько метров по крутому склону и, протянув руку, нащупывает очередной выступ. Следующий в связке, Семенов, страхует его, внимательно наблюдая за каждым движением.

В поисках опоры рука Белецкого слегка задевает большой плоский камень — «плиту», лежащую на выступе. Неустойчивое равновесие глыбы нарушено, и вот она

сдвинулась с места и медленно поползла на альпиниста, угрожая сбросить в пропасть его и связанных с ним товарищей. Момент был критическим, увернуться некуда. Напряжением рук и ног удерживаясь на небольших выступах поверхности скалы, Белецкий подставил под край глыбы колено и, навалившись всем телом, задержал ее движение. Прошло несколько минут, пока товарищи смогли добраться и освободить его от камня.

Глыба полетела вниз, разбиваясь о выступы и увлекая за собой множество камней. Гул их падения нарастал,— вниз к леднику низвергался уже мощный камнепад. Сверху было видно, как темной полосой обломки вылетали далеко на снег.

Следующая связка — Багров, Тихонравов и Потапова решили обойти опасное место с другой стороны, с юга. Там метрах в сорока на склоне виднеется узкий желоб, по которому проще подняться на гребень. Но добраться до него не легко. Чтобы пролезть трудный участок, Багров снял рюкзак,— без него легче и безопаснее. Но снять рюкзак мало, нужно еще закрепить его, чтобы он не сорвался; это не простая задача там, где едва можно стоять.

На укрепление рюкзака ушло не менее десяти минут. Действовать приходится вдвоем, причем каждый располагает лишь одной свободной рукой, а другой держится за выступ, чтобы не свалиться. Наконец, Багров начинает подниматься вверх. Но он не может дотянуться до ближайших выступов, которые можно использовать как опору. Приходится для начала встать на подставленное колено, а затем и плечо товарища.

Постепенно Багров поднимается все выше. Он лезет очень внимательно, тщательно проверяя прочность опор. Хотя товарищи и страхуют его снизу, но падение, даже «только» на длину веревки, ничего хорошего не сулит.

Снизу поднимающегося уже не видно, и лишь веревка, извиваясь, медленно ползет вверх, сбрасывая маленькие камешки. Товарищи Багорова напряженно вслушиваются в его резкие, отрывистые команды и каждый шорох, доносящийся сверху. Наконец, они облегченно вздыхают: наверху все в порядке. Багров, надежно закрепившись, вытягивает к себе сначала все рюкзаки, а затем при помощи веревки помогает подняться спутникам.

На гребне усталых людей ожидает сюрприз. Возле маленького снежника в углублении между скал натаяла

лужица воды. Можно устроить привал, напиться воды, поесть и насладиться открывающимися на много километров вокруг видами. Во время лазания не очень-то удастся смотреть по сторонам — все внимание сосредоточено на движении.

Только в 6 часов вечера, после восьмичасового лазания по скалам, была объявлена общая остановка. Солнце уже спускалось за гребни гор, и воздух становился холодным.

На ночь остановились с таким расчетом, чтобы завтра с места ночлега дойти до вершины и вернуться назад в лагерь. Это позволит идти к вершине налегке. Впереди, недалеко от места ночевки, — два последних скальных препятствия. Дальше сравнительно простой путь по фирновому предвершинному гребню пика.

Снова много времени отняла подготовка площадок для палаток. Наступившая ночь обещала быть беспокойной. Начался сильный ветер. Его порывы трепали легкие палатки, натягивали тонкие растяжки, привязанные к камням. Шум ветра долго мешал заснуть.

* *
*

Последний день штурма. Опять трудные скалы. Первую стенку еще накануне пролез Абалаков и укрепил сверху 40-метровый конец веревки. Теперь этот участок преодолевается довольно быстро.

За два дня непрерывного лазания кончики пальцев потрескались, много порезов об острые выступы породы. Но никто об этом не думает — нужно двигаться дальше. Три часа продолжается подъем по скалам.

Но вот скалы кончились. Их сменили фирны предвершинного гребня. Наконец-то можно просто идти. Рюкзаки остаются у скал, и лишь немного продовольствия в карманах — теперь единственный груз. Впрочем, это скорее предосторожность, так как аппетит у большинства отсутствует.

Теперь вперед. На ногах кошки. Их острые зубья придают устойчивость, и скользкий фирн не задерживает движения. Вдалеке, метрах в 500—600, на гребне видны еще скалы. Они четко вырисовываются на фоне синего неба, поднимаясь метров на 50 над фирном. Еще во время разведок были замечены эти скалы. Казалось, что по ним до

вершины еще предстоит длительный путь. Люди медленно движутся по белому фирну. Зелено-дымчатые стекла защитных очков окрашивают все вокруг в необычайные цвета.

Первая связка — Абалаков, Иванов и Сидоренко — уже возле самых скал. Еще несколько минут, и сверху неожиданно доносится:

— Вершина! Мы на вершине!

Остальные, забывая утомление, ускоряют шаг. Но идти быстро невозможно, и проходит еще довольно много времени, пока к 14 часам все двенадцать альпинистов собираются на высшей точке Патхора.

Вершина представляет собой небольшую площадку, и победители с трудом помещаются на ней. Вниз во все стороны обрываются крутые склоны. Камней здесь много, и тур получается внушительным. Записка в коробке хорошо защищена от непогоды, — ведь ей наверняка долго придется дожидаться следующих восходителей.

«Плитка шоколада на вершине» не получается. Есть не хочется, все удовлетворяются маленькими кусочками. Только Семенов и Угаров, аппетит которых ничто не может ухудшить, пользуются случаем, чтобы основательно закусить. А вот яблоки, которые купили еще в Оше и донесли до вершины, все едят с большим удовольствием.

Все «формальности» выполнены. Теперь можно осмотреться. Непрерывно щелкают «фэды», фиксируя панораму на 360°. Ясная погода и хорошая видимость позволяют наблюдать страну на сотни километров вокруг. Если у кого-нибудь были сомнения в том, что Патхор высшая точка Рушанского хребта, то теперь они рассеиваются: вблизи нет ни одной вершины, которая могла бы соперничать с ним по высоте.

На севере в дымке неясно проступают очертания гигантов Северо-Западного Памира. Но альпинистов теперь больше интересует другое направление: на юге, примерно в сотне километров, в Шахдаринском хребте видны пик Карла Маркса и пик Энгельса. Туда к ним лежит дальнейший путь экспедиции. Нужно воспользоваться возможностью и рассмотреть то, что видно на таком расстоянии. Ведь пока что альпинистам точно неизвестно даже, какой долиной можно подняться от реки Шахдары к их подножию.

Прошел час. Пора возвращаться, тем более что все устали, а к месту ночевки нужно добраться за-светло.

После успешного восхождения кажется, что все уже позади. Напряжение, устремлявшее вперед к вершине, после победы уже спало, и наступает естественная реакция. Это состояние необходимо перебороть, нужно на-прячь всю волю и все внимание, чтобы благополучно спу-ститься с вершины. Спуск почти всегда опаснее подъема, и поэтому альпинисты поздравляют друг друга с победой, только спустившись с вершины вниз.

Полуторадневный спуск проходит благополучно. Не-большое изменение маршрута позволило несколько сокра-тить путь по гребню; возвращались по другому, снежному желобу, хотя это и было связано с некоторым риском: воз-можны были камнепады. Усталые ноги плохо слушаются: то один, то другой из альпинистов скользит и падает. Щетина калъгаспоров делает падения безопасными: даже при желании здесь не так-то легко свалиться вниз.

К концу дня 15 августа первовосходителю спустились на ледник. Большая часть группы, забрав оставленные здесь вещи, не задерживаясь, отправилась дальше к лаге-рю у морены, чтобы ночевать в тепле. Пять альпинистов остались на бивуаке у подножия желоба. На следующий день они отправились к красивой снежной горе в верховь-ях ледника. Этот пик решили назвать именем Клуникова (высота пика примерно 5700 м).

Уже не мучает бессоница, и кажется даже странным, что несколько дней тому назад здесь, на леднике, ощуща-лась высота.

Восхождение на пик Клуникова от лагеря «5100» занимает один день. Наиболее опасным участком ока-зался подъем вдоль карниза, нависающего с гребня на юг.

...Ледорубы, заменявшие стойки палаток, вынуты. Бле-стящая прорезинка крыши, теряя форму, опадает вниз. Раннее утро, но альпинисты не тратят времени на завтрак, они хотят скорее быть на вершине и успеть догнать това-рищей, ушедших вперед. Темп движения медленный, не-

смотря на то что холодно и хочется поскорее добраться до склонов, уже освещенных солнцем. Сказывается утомление предыдущих дней.

После Патхора путь к вершине кажется совсем нетрудным, и восхождение не производит большого впечатления. Во время спуска удастся обследовать перевал, ведущий на север в долину Бартанга. К этому перевалу можно выйти, поднимаясь возле стыка ледника и скал; в других местах путь очень труден и опасен.

Мучает жажда, голод; до сих пор альпинисты так и не собрались поесть. Эти ощущения так сильны, что мешают идти. До бивуака еще далеко, и приходится подкрепиться на ходу.

Достаточно вырубить ямку во льду, и через несколько минут она уже полна талой воды. Обнаруживается, что забыли захватить кружку. Приходится пить, лежа на животе. Импровизированный водоем быстро наполняется. Несколько кусков сахара сразу восстанавливают силы. Теперь все в порядке, и можно спускаться дальше. Снег уже совсем размяк, и ноги скользят по нему, но все же спускаться можно бегом. Скорее к палаткам, скорее поесть как следует.

Два часа продолжается отдых, совмещенный с трапезой. Как только очередная порция еды успевает свариться на спиртовой кухне, она немедленно поглощается, и котелок со следующим блюдом снова устанавливается над огнем. Но вот еда закончена. Альпинисты, уже немного разомлевшие во время привала, сворачивают палатки, укладывают рюкзаки. Еще несколько минут, и группа цепочкой отправляется вниз по ущелью. В этот же день еще до темноты удастся добраться до лагеря у морены.

На следующее утро альпинисты начали сворачивать «Зеленый лагерь». Теперь отсюда приходится перетаскивать, правда несколько уменьшившиеся, грузы к тропе. Доставка багажа в селение Патхор занимает целый день. Только 20 августа члены экспедиции вернулись на свою базу в кишлак Ванкала. Первый этап работы был закончен.

Теперь можно подвести некоторые итоги. За время разведок было пройдено пять из двенадцати составляющих ледника Марковского, все остальные просмотрены до самых верховий. Найдено два новых перевала в долину Бартанга. Один из них, названный перевалом Клуникова,

находится в седловине, между пиком Клунникова и вершиной «6000»¹ м.

Второй перевал имеет высоту около 5000 м. Путь к этой перевальной точке с севера ведет по среднему (названному Перевальным) леднику восточной ветви ледника Марковского. Через этот перевал можно попасть на северные склоны Рушанского хребта в ущелье одного из левых притоков р. Бартанг.

Спортивный результат превзошел ожидания — удалось не только успешно провести разведку пути на вершину, но и организовать восхождение на пик Патхор всем альпинистским составом экспедиции.

Первая задача экспедиции выполнена удачно. Это позволило рассчитывать, что хватит времени побывать еще в райсоне пика Карла Маркса.

2

Отдых на базе в Ванкала был непродолжительным. Кончался август. Опали лепестки цветов шиповника и облепихи. Заметно понизился уровень рек, — бурное таяние зимних снегов закончилось и даже Гунт скоро можно переходить вброд. Приближается осень.

Вскоре после штурма Патхора Кельзон, Шлягин и Старицкий направились в обратный путь: срок их отпуска заканчивался. В эти же дни по просьбе руководства экспедиции командование погранотряда прикомандировало к ней радиста-пограничника.

Чтобы добраться в район пика Карла Маркса и пика Энгельса, предстояло проделать длинный путь. По прямой расстояние примерно 70 км, но, как известно, в горах по прямой идти нельзя. Можно было отправиться длинным, кружным путем по проезжим дорогам, — такое решение казалось более простым и надежным. Однако альпинисты решили вопрос по-другому. От долины р. Шахдара их отделял Шугнанский хребет — значит, надо перевалить через него. Но какой путь избрать? Западная часть этого кряжа разветвляется; таким образом, здесь пришлось бы

¹ Эти и другие высоты были определены альпинистами в предположении, что высота Патхора — 7150 м. Точная съемка 1947—1948 гг. установила, что высота пика в действительности 6080 м. В связи с этим уточнением очевидно, что все определенные экспедицией 1946 г. высоты будут другими.

последовательно переходить через оба отрога. Кроме того, Клунников искал здесь перевалы, но столкнулся со значительными трудностями: вероятнее всего, для выючных животных пути здесь нет.

Итак, нужно перевалить через Шугнанский хребет до его разветвления. В этой части самым западным из известных, т. е. ближайшим, был перевал Дузахдара. Через этот перевал и решил Белецкий провести караван экспедиции.

Состав каравана, который вышел из Ванкала, был очень пестрым. Впереди бодро шагала маленькая лошадка, ее вел на поводу рослый таджик-караванщик. За ней выступал верблюд. На своих тонких ногах он возвышался над всеми остальными животными. Далее следовали еще лошади; шествие замыкали ишаки.

Все необходимое для работы альпинистов было упаковано во вьюки и покоилось на спинах животных. Рядом с ними шагали участники экспедиции, бодрые и веселые после отдыха. Почти все население кишлака провожало путешественников.

Сначала шли по автомобильной дороге. От 630-го километра Памирского тракта тропа сворачивала в ущелье р. Дузахдара. Кругом заросли ивняка. Горная река шумит среди камней. Здесь среди обильной растительности она выглядит мирно. Но вот шум реки усиливается. Впереди каньон, здесь река течет в узком ущелье. Поток ревет и пенится между обрывистыми скалистыми берегами. Тропа, круто поднимаясь правым берегом, проходит здесь на высоте 200—250 м над рекой.

В общем путь не труден. Кое-где приходится помогать животным перебираться через осыпи, но это обычно при движении с караваном. Больше всего возни с верблюдом, и все по очереди укоряют его хозяина, уговорившего взять животное с собой.

Последние деревья. Теперь хорошие дрова появятся не скоро. Придется довольствоваться терескеном, кизяком или сухим спиртом.

Все больше углубляется караван в ущелье. От места, где река раздваивается, начался крутой подъем вдоль ее правого притока. Но вскоре караван вышел в пологие

верховья долины. Местами перед перевалом склоны заболочены. Здесь превосходные летние пастбища. Виднеется небольшое стадо: лошади, овцы, кутасы (яки). Скот пастется сам,— ни пастухов, ни собак не видно. Несмотря на рассказы караванщиков о трудностях пути, не только лошади и ишаки, но даже верблюды благополучно достиг перевала. Спуск на юг оказался еще более простым.

С перевала открывается превосходный вид на Шахдаринский хребет. Животные медленно продолжали движение вниз, а альпинисты остановились. Представился удобный случай хотя бы немного ориентироваться в направлении дальнейшего пути.

Среди вершин хребта высоко поднимаются пик Маркса и пик Энгельса. До них не более 40 км, и они видны лучше, чем с вершины Патхора. Повидимому, восхождение окажется труднее, чем предполагалось. Впечатление, создавшееся на большом расстоянии, оказалось обманчивым. По крайней мере уже видно, что северные склоны хребта очень круты.

С перевальной точки нужно попробовать разобраться в путанице отрогов Шахдаринского хребта и установить, каким ущельем можно подняться к подножию пиков. Снизу из долины Шахдары сделать это будет уже невозможно. После внимательного наблюдения и сверки с картой в качестве возможного подхода наметили долину р. Реджил. Дальнейший путь покажут разведки. Теперь же — бегом догонять ушедший далеко вперед караван.

Первый лагерь альпинистов в долине Шахдары был устроен вблизи развалин древней крепости. Когда палатки были установлены и быт лагеря вошел в обычную колею, все разбредись кто куда. Не прошло и четверти часа, как в лагерь прибежал Багров и, захлебываясь от восторга, рассказывал, что он обнаружил в нескольких десятках метров горячий серный источник.

Вода заполняла выложенную камнями яму. У краев источника мирно расположились толстые лягушки, которые никак не хотели уступать сбежавшимся альпинистам «ванну». Лягушки были удивительно бесстрашными, и то и дело блаженствующие в теплой воде люди сбрасывали их с головы или с плеч.

Уже более часа все сидели в воде. Лишь дежурный по лагерю да Потапова завистливо поглядывали в сторону источника, откуда доносились веселые крики. Неизвестно,

сколько времени продолжалась бы эта «водная процедура», если бы к купающимся не донеслись из лагеря тревожные крики. Недоумевая о причинах тревоги, они бросились к палаткам, натягивая на ходу одежду.

Когда альпинисты добежали до палаток, они застали такую картину: дежурный и Потапова бегали по лагерю, размахивая ледорубами и что-то крича, а между палатками и по всей площадке толпилось целое стадо коз. Возвращаясь с пастбища, они завернули «в гости» и сразу же принялись жевать палатки, развешанные для просушки носки, снаряжение... Их было так много, что неизвестно, удалось бы альпинистам отстоять свой лагерь, но на помощь пришли сторожевые собаки, и вскоре козы отправились своим путем. В суматохе оказались перевернутыми ведра с варившимся ужином, и все пришлось начинать сначала.

На следующий день, 29 августа, предстоят две переправы: через Шахдару и Реджил. Но на этот раз переход через реки оказался очень простым,— лето кончается, и воды немного.

Вверх по долине Реджил ведут тропы, выбитые скотом. По ним альпинисты вышли к слиянию двух бурных потоков Шабой и Хацак, дающих начало р. Реджил. Здесь был устроен второй базовый лагерь экспедиции. Можно было начать обследование района и разведку путей восхождения.

3

Издалека вершинная часть пика Карла Маркса представлялась альпинистам несимметричной пирамидой с более пологой западной гранью. Эту грань покрывал фирн, движение по которому не должно было представлять особых технических трудностей.

Но до этой сравнительно простой части пути нужно было добраться. Для того чтобы выбрать маршрут восхождения, нужно знать весь путь от подножия вершины. Как раз этой части еще никто не видел, а большая крутизна северных склонов всего хребта не предвещала ничего приятного.

...Первая разведывательная группа вышла вверх по ущелью Шабай. Три альпиниста друг за другом равномерным шагом двинулись по пологой тропинке. Итти было легко, и, несмотря на тяжелые рюкзаки, группа быстро

Двумя массивными глыбами поднимаются вершины пиков
Маркса и Энгельса (вид с севера)

Фото А. Сидоренко

продвигалась вперед. Через два часа она достигла места, где дно долины образует своеобразную ступень. Тропинка становится здесь более крутой, но после короткого подъема открывается верхняя часть долины, покрытая прекрасной сочной травой.

Навстречу бежала большая собака. Вместо свирепого лая, к которому все уже приготовились, пес, виляя хвостом, явно дружелюбно приблизился к альпинистам. Следом за собакой спускался бегом высокий загорелый таджик.

Во время короткой беседы выяснилось, что уже четыре месяца пасет он здесь стадо хорогского колхоза. Чтобы добраться сюда, ему пришлось проделать со стадом путешествие более чем в 200 км. Но обильные пастбища оправдывают трудный перегон животных. На прощание пастух угостил альпинистов молоком.

Еще два часа пути, и группа остановилась перед языком ледника Шабай. Подъем прямо на язык оказался очень крутым и трудным. Как часто поступают в подоб-

ных случаях, решили идти в обход. Удобный путь нашли быстро: между правой боковой мореной и скалами на склонах ущелья располагались небольшие травянистые площадки. Среди уже желтеющей травы виднелись цветы. Удивительно, что они выдерживают ночные и утренние заморозки, хотя температура в это время падает до 8—10° ниже нуля.

Подъем к верхней части морены продолжался часа три. Но зато отсюда хорошо был виден цирк ледника, стекающего со склонов пика Карла Маркса и пика Энгельса. Тихонравов и Багров поглядели на часы и на альтиметр: два часа дня, высота 4800 м.

Впереди открывалась неутешительная картина. Почти отвесными стенами поднимаются вверх северные склоны. Кое-где с гребня хребта свисают вниз крутые и разорванные ледники. С них периодически срываются ледяные и снежные обвалы.

Особенно страшно выглядит северное ребро пика Энгельса. Тонкое и острое, как лезвие гигантского ножа, круто поднимается оно вверх. В нескольких местах его прерывают зазубрины — провалы метров по 200—300. Боковые стенки ребра отполированы ледником, когда-то заполнявшим весь цирк.

— Да, с севера к гребню не подняться...

Альпинисты зарисовали схему ледника, сделали засечки на окружающие вершины и наиболее заметные пункты рельефа. На этом осмотр можно было закончить,— больше делать здесь было нечего.

Было уже темно, когда разведчики вернулись в лагерь с неутешительными вестями. Поднимавшиеся в тот же день на склоны и вершины отрогов основного хребта товарищи подтвердили это сообщение. Одновременно они предложили направить усилия разведки на запад от пика: ледники, спускавшиеся там с гребня, казались более доступными.

Вторая разведывательная группа поднялась на следующий день вверх по р. Хацак. По возвращении альпинисты сообщили, что из верховий ледника Хацак, повидимому, можно подняться на гребень по одному из очень крутых висячих ледников. Однако путь этот опасен: с нависающих с гребня ледяных и фирновых масс довольно часто падают обвалы. Продолжая разведки в этом направлении, решили выяснить и другие возможности. Для того чтобы

облегчить эту задачу, так же как и дальнейшую подготовку штурма вершины, базовый лагерь перенесли значительно выше по долине Хацака. Однако одновременно группы одна за другой выходят на поиски. Проходят день за днем, но новые варианты маршрута штурма не появляются.

Разведки открывали все новые отроги этого сложного узла. Одна из групп, направившись значительно западнее, обнаружила место, где к гребню сравнительно легко можно подняться. Но путь по гребню до вершины оттуда был очень длинным и проходил через несколько высоких и трудных пиков,— это делало его нереальным. Кроме того, восходители не смогли бы пронести с собой необходимое количество груза.

Путь по висячему леднику оставался единственным.

* *
*

Восхождение больше нельзя откладывать. Ночи становятся все более холодными. Животных приходится привязывать, иначе они уходят вниз, где теплее. По утрам со стороны Гиндукуша чаще наплывают облака. Все кругом говорит о наступающей осени.

Окончательно определен путь к вершине. Наблюдения за режимом ледяных обвалов позволили установить, какой из висячих ледников следует предпочесть.

Хребет здесь поднимается на высоту 5800—6000 м¹. Его северный склон здесь, так же как и восточный, обрывается отвесной полуторакилометровой стеной. Подняться по этой стене невозможно. С плато западного гребня пика Карла Маркса стекают два висячих ледника. Путь по первому из них был наиболее коротким, но очень крутым. По нему чаще скатывались вниз обвалы. По второму леднику можно было выйти на гребень несколько дальше от вершины, но путь здесь более безопасен от обвалов. Кроме того, относительная высота подъема — около 600 м.

У подножия этого ледника вечером 3 сентября разбила свой лагерь штурмовая группа. Семь альпинистов и таджик-охотник Шаримбеков отправились к вершине пика Карла Маркса. В базовом лагере «4500» оставались По-

¹ Так же как и для Патхора, высоты указаны относительно предполагавшейся семитысячной высоты пика Карла Маркса. В действительности его высота 6726 м.

тапова, Тихонравов и радист. Они составляли наблюдательную группу.

Рано утром, когда лед еще скован ночным морозом, опасность обвалов наименьшая. И поэтому, как ни неприятно выбираться из теплого спального мешка на холод, лагерь свернули быстро и вышли без задержек.

Пологий путь по льду был коротким. Перед альпинистами поднимается крутой ледяной стеной висячий ледник. Для каждого шага приходится вырубать ступеньки. Это самый трудный и опасный участок всего восхождения. Не менее 200 м придется идти под угрозой обвала. Инстинктивно хочется идти быстрее, но рубить ступеньки — трудное и медленное дело. Пока один сильными ударами ледоруба откалывает куски льда, остальные стоят неподвижно и страхуют его. Но вот готова пара ступенек и можно сделать шаг. Только один шаг! И снова звенит ледоруб, осколки льда отлетают во все стороны и больно ударяют в открытые части лица...

Шаримбеков стоит на маленькой ледяной ступеньке. Его небольшой альпинистский опыт еще не приучил к таким делам. Он уже устал, и неудобная поза тяготит его. Ноги сами, помимо воли, сгибаются и опираются коленом о склон.

— Шаримбеков, не опирайся коленом! — кричит Абалаков. — Анатолий, страхуй его!

Евгений Абалаков, связанный одной веревкой с Сидоренко, спешит вверх к Багрову. Он успел перебраться через веревку, которой Анатолий страхует таджика, и ухватил ее рукой. Но Шаримбеков уже потерял равновесие и полетел вниз по склону. Рывок, и с криком: «Саша, держи!» Абалаков, не успевший стать как следует, летит следом: его ледоруб, прижатый клювом ко льду, тормозит скольжение. Но и Сидоренко не удержался. Он тоже скользит вниз по крутому склону. Все это происходит в течение нескольких секунд.

Катастрофа!

Но нет. Багров удержал Шаримбекова. Затем веревка, связывавшая Абалакова с Сидоренко, перегнулась через тело таджика, и они повисли по обе стороны от него. Еще несколько секунд, и все на ногах. Приключение заканчивается относительно благополучно.

Шаримбеков потирает помятую веревкой грудь и морщится от боли. Но повреждений у него нет. Абалаков

сильно ушиб руку, но все же решает идти дальше. Сидоренко отделался парой царапин. Группа находится еще в самом начале подъема, и, пользуясь этим, Шаримбекова отправляют назад, в лагерь. Его проводили до безопасного места. Альпинисты перераспределились в связках. Можно снова продолжать путь.

Два часа спустя восходителям, наконец, удалось пройти опасную зону. Но подъем по леднику продолжается еще долго. Приходится обходить трещины, иногда почти вплотную приближаясь к скалам. Движение происходит все так же медленно, все так же вырубают альпинисты ступени и вколачивают в лед крючья для страховки.

К концу дня утомительный подъем кончился, и альпинисты вышли на большое плато, у основания северо-западной грани вершинной части пика.

На высоте 5900 м установили палатки. С плато открывается прекрасный вид на юг. Впереди—Гиндукуш. Ничто теперь не загораживает его, и путешественники любят его прекрасными пиками, соперничающими друг с другом высотой и красотой очертаний. С их склонов по глубоким и узким ущельям спускаются мощные ледники. Там вдали, в их верховьях, находятся перевалы, ведущие из Афганистана в Индию. Вблизи, на южных склонах Шахдаринского хребта, видны стекающие на юг ледники.

Скрывается солнце, и постепенно, одна за другой, как бы погасают только что озаренные его лучами вершины. Первый этап штурма закончен. Завтра снова в путь—дальше по фирновым полям западного склона вершины. Путь технических трудностей не представляет; главной задачей будет преодоление действия высоты.

Пока делятся приготовления к ужину, с юга, от Гиндукуша, набегают облака. Их пелена затягивает небо, и лишь кое-где в просветах видны звезды. Становится все холоднее. Впервые так заметно ухудшается погода. Как ни беспокоят перспективы непогоды на завтрашний день, а все же нужно ложиться спать.

Абалаков заботливо укутывает руку. После падения она распухла и сильно болит. Ушиб оказался более серьезным, чем это показалось сгоряча. Впоследствии, уже в Москве, рентгеновский снимок определил две трещины в костях кисти. К ночи боль усилилась, он со страдальческим выражением лица старается в тесноте палатки устроить руку поудобнее.

Ночь была беспокойной. Юго-западный ветер трепал палатки, выдувая из них тепло. Разорванные облака проносились над плато, оставляя на склонах свежий снег. Порывы ветра подхватывали снежинки и вертели их в воздухе. Шорох снега сопровождался завыванием ветра между скал. Когда на следующий день альпинисты двинулись в путь, погода испортилась всерьез. Небо было покрыто низкими густыми облаками. Продолжал дуть холодный ветер.

Вскоре движение пришлось прекратить. Началась снежная буря. Твердые снежинки кололи лицо, залетали в нос, рот, проникали во все щели одежды... Итти становилось все труднее. На крутых местах нужно было организовать страховку, а в таких условиях это нелегкое дело.

Видимость ухудшалась. Мороз становился все более жестоким — температура упала до -25° . Поднявшись от ночлега всего лишь на 350 м, альпинисты прекратили движение. Высота нового бивуака 6200 м.

5 сентября погода не улучшилась. Но альпинисты решились продолжать подъем. На горизонте просветлений не видно, а пережить непогоду неопределенно долгое время было невозможно. Нужно попробовать пробиться к вершине при плохой погоде. К тому же торопил Абалаков; ему было нелегко терпеть боль, и поэтому хотелось скорее вернуться обратно.

Об отступлении никто не думает, ведь все главные трудности пути уже позади. К вершине идет хотя и крутой, но несложный путь. Приходится надеть все взятые с собой теплые вещи: с ухудшением погоды появилась новая и страшная опасность — обморожение. На ботинки натянули самодельные войлочные гамашы, — они оченьгодились. Капюшоны штормовых костюмов затянуты вокруг лица так, что открыты только глаза. Вернее, не глаза, а стекла защитных очков.

Чтобы не обморозиться, восходителям приходится часто останавливаться и растирать лицо, руки, а иногда и ноги. Дыхание вырывается клубами пара, и очки все время запотевают.

Тяжело. Сказываются высота и утомление, накопившееся во время переходов и восхождений. Веревка тянется по склону к товарищу, идущему впереди. Людям уже трудно заставить себя держать ее на весу... Руки

быстро коченеют, и веревка кажется непосильным грузом. Временами порыв ветра приносит особенно густое облако, тогда ничего не видно и в пяти шагах. Свежий снег поземкой крутится по склону.

Связных мыслей уже нет, и только воля заставляет продолжать движение вперед, заставляет повторять монотонный и однообразный процесс перестановки ног...

Вершина уже близка. Но путь преграждает «жандарм». Однообразие движения нарушилось, и снова вспыхивает сознание, подстегиваемое волей. Нужно что-то предпринять. Перелезть через «жандарм» трудно, да и незачем. Поиски обхода заканчиваются успешно. В 13 ч. 30 м. 6 сентября альпинисты выходят на вершину.

Кругом все закрыто облаками. Ничего не видно, и, к общему огорчению, фотографировать нельзя. Особенно опечален Сидоренко, — он рассчитывал еще на одну круговую панораму. Но что же поделаты! При такой погоде задерживаться на вершине незачем, и группа вскоре начала спускаться.

Альпинисты снова ночевали в лагере «6200». Наутро обнаружилось, что у нескольких членов группы обожжены глаза. В густом тумане они накануне часть пути шли, сняв защитные очки, иначе ничего не было видно. Но ультрафиолетовые лучи проникают и сквозь туман. Это обстоятельство еще более усложнило предстоящее возвращение.

Альпинисты свернули лагерь и двинулись в путь. Неожиданно, опровергая все «прогнозы», погода улучшилась. Снова горячие лучи солнца согревали людей.

От лагеря «5900» спуск решили продолжить по другому пути: на юг, по полого спускающемуся туда леднику Лазар¹. По пути подъема спускаться было очень рискованно, особенно учитывая состояние группы.

Понижение в гребне, с которого восходителю спустились на ледник, они называли перевалом Лазар. Несмотря на сравнительно простой хотя и длительный путь подхода к этому месту с юга, трудность и опасность спуска на север делают этот «перевал» доступным только для сильных и опытных альпинистских групп.

Вниз по леднику идти было не трудно. Даже когда после десятикилометрового перехода пологий спуск сме-

¹ Это название дано альпинистами неудачно. Лазар — значит вообще лед. Местное название ледника — Нишгар.

нился крутым перепадом, его удалось легко пройти на кошках. Конец ледника был совсем уже близко, когда со льда пришлось перейти на боковую морену. С ее гребня открылся прекрасный вид на другие ледники, стекающие восточнее со склонов хребта.

Но вот и травянистые склоны. Река, которая текла в своей верхней части по довольно пологому руслу, входит в очень глубокий каньон. Еще дальше поток обрывается 300-метровым водопадом. Этот однодневный переход, во время которого альпинисты спустились на две тысячи метров, закончился в долине нижнего течения р. Нишгар. А к середине следующего дня восходители уже были в гостях у пограничников, на одной из застав, расположенных вдоль р. Пяндж. Отсюда по радио они сообщили остававшимся в базовом лагере товарищам об успешном восхождении и спуске.

* *
*

Еще некоторое время провели альпинисты на склонах Шахдаринского хребта, совершив несколько перевальных походов для отыскания новых, более коротких путей сообщения между долинами.

Несмотря на тщательные разведки, пик Энгельса продолжал оставаться загадкой. Почти со всех сторон осмотрели его альпинисты, но так и не нашли сколько-нибудь удачного пути для восхождения. Эта задача оставалась на будущее.

Лето кончено. Осень полностью вступила в свои права. Несколько дней провели участники экспедиции в Хороге, затем выехали автомобилем в Ош. И, наконец, в один из первых дней октября, в 4 часа утра, московские альпинисты встречали на перроне Казанского вокзала своих товарищей, победивших в одно лето две трудные вершины.

Через несколько недель Евгений Белецкий начал свой доклад о работе экспедиции словами:

— Мы с уверенностью можем сказать, что наша поездка на Юго-Западный Памир может рассматриваться лишь как начало работы там альпинистов. Еще много интересного остается для нас в этом районе на будущие годы...

Позади остаются огни Москвы, затем часто мелькают подмосковные поселки, и поезд, набирая скорость, мчит-ся на восток.

...На Юго-Западный Памир снова отправлялись альпинисты. Организация поездки была предпринята совместно Всесоюзным комитетом физкультуры и спорта и добровольным спортивным обществом «Наука».

В состав экспедиции входили москвичи и ленинградцы, главным образом научные работники и преподаватели институтов: Е. А. Казакова (зам. начальника), В. П. Сасоров, В. А. Буданов, А. Г. Громов, Г. С. Веденников, В. Ф. Мухин, А. И. Иванов, В. Ф. Гусев, В. А. Тихонравов, В. Б. Иванов, В. И. Никольский, М. Н. Звездкин, Ф. И. Соловьев и И. М. Евсеев (завхоз). Начальником экспедиции был автор этих строк.

Из участников прошлогодней экспедиции на пики Патхор и Карла Маркса в этой — один Тихонравов. Большинство его бывших спутников направлялось на этот раз в другой район Памира — к леднику Сугран.

Экспедиция общества «Наука» не намеревается вновь посетить места, где был в прошлом году Белецкий и его товарищи. На этот раз едут в район, расположенный значительно западнее. Выбор был сделан после рассказа Тихонравова о том, что видели альпинисты с вершины Патхора в 1946 г.

...Тогда, после трудного трехдневного штурма, их группа достигла вершины пика. На фоне темносинего безоблачного неба четко вырисовывались контуры остроко-нечных пиков Рушанского хребта. Белыми пятнами сверкал на них снег. Вдаль уходили скалистые гребни предгорий, глубокие ущелья спускались к долине Гунта. За ней поднимался стеной Шугнанский хребет. Еще южнее, за широкой долиной Шахдары, почти на пределе видимости, вздымались громадные вершины Шахдаринского хребта. На востоке его, где склоны больше всего покрыты снегом и льдом, находились высокие пики Маркса и Энгельса. К западу вершины постепенно понижа-

лись, и оледенение на их склонах становилось более бедным.

Но еще дальше, на юго-западе, из-за скалистых отрогов снова вздымались высокие снежные пики. Они стояли тесной группой, поднимаясь на большую высоту. Где-то там были пики Маяковского (6500 м) и Амбарку. Еще тогда восходители высказали предположение, что некоторые из вершин, видневшихся в западной части Шахдаринского хребта, не уступают по высоте побежденному ими Патхору¹.

Возможность обнаружить новые, выдающиеся вершины, необследованность района и отсутствие в нем «взятых» вершин определили наш выбор.

Места, куда предстоит проникнуть нашей экспедиции, довольно далеко отстоят от обычных автомобильных дорог. Они очень редко посещались путешественниками и в литературе мало освещены. Во всяком случае на вершинах этого района еще никто не побывал.

Шахдаринский хребет — самый южный среди широтных хребтов советского Памира. Наиболее высокие вершины этого хребта расположены в его восточной части. Это пики Карла Маркса (6726 м), Фридриха Энгельса (6552 м) и несколько западнее Джентив (около 6000 м). На запад от этих вершин гребневая линия постепенно понижается, а направление хребта изменяется: от перевала Шитхарв (верховье р. Бадомдары — южного притока р. Шахдары) он изгибается крутой дугой, уходя сначала на северо-запад, а затем почти точно на север². В месте второго перегиба на карте помечена вершина — пик Маяковского высотой 6500 м. Здесь на юг от хребта ответвляется большой отрог, который тянется до р. Пяндж. В этом месте находится центр самого южного в нашей стране оледенения.

Если пик Маяковского поднимается в основном хребте, то остальные вершины района, соперничающие с ним по высоте, находятся в южном отроге. На карте 1939 г. (издание Академии наук СССР) помечена лишь еще одна

¹ Тихонравов был прав, оценивая высоту видневшихся вдали вершин. Однако они не уступали пику Патхор не потому, что были семитысячниками, а потому, что Патхор лишь немногим превышал 6000 м (см. примечание к стр. 323).

² Эту часть хребта называют также Ишкашимским хребтом.

вершина — пик Амбарку, но высота его не обозначена (она не была тогда определена).

Со склонов Шахдаринского хребта на юг стекает несколько рек, притоков Пянджа. В районе пика Маяковского — это р. Даршай, восточнее отрога, и р. Абхарвдара западнее его. На северных склонах хребта берут начало притоки Шахдары. Чтобы попасть к подножию пика Маяковского с севера, необходимо проехать на автомашине через весь Восточный Памир — около 730 км до города Хорог. Отсюда снова на автомобиле 90 км до районного центра Рошткала в долине р. Шахдары. Дальнейший путь вверх по этой долине и по тропам ущелья р. Бадомдары можно проделать пешком или верхом, используя для перевозки грузов вьючных животных.

Последняя часть пути по р. Ляджвардара (приток Бадомдары) доступна для лошадей, и для ишаков в меньшей степени, свободно же пройти здесь может лишь як (кутас). В верховьях Ляджвардары лежат ледники северных склонов пика Маяковского. Вершина поднимается над фирновыми полями неприступной скалистой стеной, на которой лишь кое-где прилепились висячие ледники.

Перейти на южные склоны Шахдаринского хребта можно из верховьев р. Бадомдары: перевалом Шитхарв к кишлаку того же названия на р. Пяндж, или перевалом Даршай в верховья р. Даршай, недалеко от южных склонов пика Маяковского. Оба эти перевала ишаки и лошади преодолевают с большим трудом. Основной трудностью являются склоны, покрытые бесконечными каменистыми осыпями, часто очень крутыми и подвижными.

Но легче всего добраться к подножию пика Маяковского с юга. Памирским автомобильным трактом нужно доехать до озера Сасыккуль, вблизи которого ответвляется дорога через перевал Харгуш. Этой дорогой автомобиль попадает в долину р. Памир и дальше, вниз по ее течению в долину р. Пяндж¹. Автомобилем можно доехать до небольшого кишлака Даршай, у устья реки того же названия. Отсюда вверх по ее долине тянется пешеходная тропа, доступная и для вьючного транспорта. Путь до ледников в верховьях ущелья караван проделывает за два-три дня.

¹ В наши дни к Даршаю можно проехать также из г. Хорога, через Ишкашим.

К моменту организации экспедиции 1947 г. почти ничего не было известно о высокогорной части района и о его вершинах. Имевшиеся карты были неточны и расходились между собой. Очень мало дали нам также беседы с геологами, бывавшими в этих краях в последние годы, и внимательное изучение немногочисленной литературы.

Нелегко было в таких условиях разработать план экспедиции. Неясно было: в каком месте расположить базовый лагерь, с какой стороны можно найти наиболее удобные подступы к вершинам. Все же после тщательной оценки общего строения склонов Шахдаринского хребта мы приняли решение направить основную часть экспедиции и почти все ее грузы к склонам Шахдаринского хребта с юга, от Пянджа. Было известно, что с этой стороны наверняка можно подойти к пику Амбарку, находящемуся в верховьях Даршай. Подступы же к пику Маяковского альпинистам предстояло выяснить на месте.

* *
*

Город Ош. Почти все экспедиции, направляющиеся на Памир, начинают отсюда свой путь. Прибывший багажом груз спешно сортируется и перепаковывается. Укладываются только что полученные с хлебозавода сухари и печенье.

У топографов мы сразу же узнали поразительные новости. Триангуляция, проведенная в предыдущем году, уточнила высоту многих вершин. Оказалось, что пик Патхор, который штурмовала экспедиция Белецкого, «снизился» с 7150 м (по карте) до 6080 м, высота пиков Карла Маркса и Энгельса тоже была завышена: первый оказался 6726, а второй — 6510 м. Пик Маяковского с 6500 «съехал» на 6096 м, а следующая по высоте вершина района — пик Берга — имела высоту 6094! В этих данных уже можно было быть уверенным.

Ош позади. Машина отправляется из города ночью. Во тьме она проезжает первый по пути перевал Чигирчик. Ничего не видно, и лишь напряженное гудение мотора отмечает петли многочисленных серпантин подъема. Наступивший рассвет застает машину в движении. Два шофера сменяют друг друга, и она мчится почти непрерывно — так обычно ездят по Памирскому тракту.

Поразительная по своей своеобразной красоте долина ведет к Алайскому хребту, к перевалу Талдык.

Непрочные породы берегов сильно размыты водой и образуют самые причудливые формы. Здесь башни и бастиионы крепостей, причудливые храмы, колоннады и бог его знает, что еще... И все это в теплых оранжевых, желтых и красных тонах. А дальше обнажения смятых в складки пластов горных пород. Здесь окраска еще богаче; красные тона, представленные целой гаммой — от розового до вишневого, подчеркиваются зелеными и черными пятнами...

Солнце печет вовсю. Лица получают первые ожоги. Немного утомленные непрерывной поездкой, путешественники все же неустанно смотрят по сторонам, вспоминая рассказы своих товарищей.

Под вечер позади остается темное озеро Кара-Куль. Вторая ночь застала нас возле Мургаба. Короткая четырехчасовая остановка, и снова в путь. Вскоре машина мчится по просторной Аличурской долине, поросшей невысокой травой. Река Аличур петляет в стороне от дороги, — ее воды видны лишь временами.

Озеро Сасыккуль. На увале, недалеко от берега озера, расположились отправившиеся из Оша раньше: Казакова, Веденников, Сасоров, Мухин, Буданов и Громов. Они должны были с попутной машиной поехать к Пянджу раньше нас. Однако другой машины нет, и они забираются к нам. Куча тюков теперь еще выше поднимается над кузовом. Мы разместились один над другим. Сидеть неудобно, да и сооружение из груза непрочное, но выбора нет.

Полчаса пути по шоссе, и машина сворачивает. Памирский тракт остается правее, серой лентой поднимаясь к перевалу Койтезек, а за ним тянется дальше к Хорогу. Туда уехала «северная» разведывательная группа экспедиции: Тихонравов, В. Иванов и Звездкин.

Ехать стало значительно хуже. Это — довольно редко посещаемая дорога к р. Памир и далее вниз по Пянджу до Ишкашима. Еще недавно здесь могли проехать только «полуторки». В прошлом году уже и трехтонки дошли до Шитхарва. На скалах в долине Пянджа видны надписи: «Здесь впервые провел машину...», затем «Впервые провел ЗИС в 1946 году» и подпись. И наконец: «Впервые провел студбеккер...».

Машину подбрасывает на увалах, но она неуклонно движется на юг, к перевалу Харгуш. Долины с их скалистым обрамлением не меняют своего облика. Они лишь становятся немного уже, да снова исчезает появившийся было в долине Аличура травяной покров. Попрежнему жарко...

Временами в стороне от дороги видны озера. Они различны по своим очертаниям и величине: некоторые маленькие, почти лужи, другие достигают в длину два-три километра. Вода в них преимущественно горько-соленая. Подъем на перевал Харгуш¹ — последний перед долиной р. Памир — незаметен. Собственно перевала в обычном понимании этого слова здесь нет: почти плоская долина с ровной дорогой, справа большое пресное озеро. Впереди открывается вид на снежные горы: это вершины Гиндукуша. На самом перевале автомобиль останавливается, — и мы бросаемся к озеру. Приятно смыть дорожную пыль в холодной воде, освежить обветренную кожу и даже просто посидеть полчаса на берегу!

Короткий отдых закончен. Снова вперед. Ровная долина кончилась, начинается спуск. Справа от дороги, как бы соревнуясь в скорости с автомобилем, мчится небольшой мутный поток. Внизу он вырывается в широкую, пустынную долину и соединяется с водами р. Памир. Вот машина едет по пустынной долине этой реки. В пейзаже преобладают серые и пыльно-желтые тона. Кругом камень: скалы, осыпи, конусы выноса притоков, затем снова и снова осыпи.

Вечер застал нас в гостях у пограничников. Дружная беседа и рассказы затянулись допоздна. Поднялась луна и озарила лица людей, суровое ущелье, бурные воды реки...

Солнце еще только поднимается за дальними хребтами, а машина уже снова едет дальше по каменистому ущелью. В стороне от дороги местами видны остатки вьючной тропы, еще недавно бывшей единственной «дорогой» на протяжении более 300 км.

Поворот, и автомобиль въезжает в небольшое ущелье. По его склонам высятся своеобразные колонны, каждая из которых увенчана громадным, в сотни килограммов весом, обломком скалы. Колонны эти образовались в резуль-

¹ Харгуш — «Заячий».

тате размыва конгломерата. Воды разрушали почву с поверхности, а под лежавшими на ней большими обломками порода сохранилась. Эти колонны очень похожи на ледниковые столы. Тонкая и слабая «ножка» их несоразмерна с тяжестью лежащей сверху глыбы. Кажется, достаточно сильного порыва ветра — и они полетят вниз. И, если судить по валяющимся у дороги обломкам, такие обвалы происходят довольно часто.

Но вот, наконец, место слияния рек Памира и Вахан, которые образуют р. Пяндж. Долина расширяется, и характер окружающего пейзажа резко меняется. Начинается населенная зона. Группы деревьев отмечают положение довольно частых кишлаков. По склону тонкими зелеными зигзагами растительности прочерчены линии арыков, тянущиеся часто на несколько километров откуда-то сверху, из боковых ущелий.

Рядом с кишлаками — небольшие орошаемые поля. Эти площадки обрабатываемой земли многовековым упорным трудом отвоеваны у камня, покрывающего повсюду дно долины. На полях — ячмень, пшеница, овес, горох, иногда немного картофеля и даже морковь. Колхозное хозяйство помогло увеличить продуктивность земледелия и расширить ассортимент культур: раньше почти единственной зерновой культурой был ячмень.

Высоко на склонах видны остатки древней крепости. На труднодоступном месте в несколько рядов стоят сложенные из камня стены, башни с бойницами. Остатки таких крепостей имеются еще в нескольких местах вдоль берегов Пянджа. Предания приписывают эти сооружения древним властителям этих мест — сиях-пушам. Много сот лет прошло со времени их постройки, но остатки крепостей очень хорошо сохранились.

И вот закончен 700-километровый путь. К середине дня машина въезжает в кишлак Даршай. Сгружаем вещи во дворе раиса — председателя колхоза «Правда». Здесь временная база экспедиции.

На следующий день вверх по ущелью Даршай отправились две разведывательные группы. Одна из них — Сасоров, Буданов, Громов и Мухин — должна была разведать подходы к пику Маяковского, другая — Казакова, Веденников — к пику Амбарку. Задача выбора места для лагеря выпадает на долю А. Иванова, отправившегося с первой партией вьючных животных. Нам же предстояло

собрать караван, обеспечить переброску груза к верховьям ущелья, организовать там базовый лагерь.

Ближние колхозы охотно пришли на помощь экспедиции, и через день из Даршай вышли еще три альпиниста, и с ними более десятка груженных ишаков. Достать нужное количество животных, чтобы поднять сразу весь наш груз, все же не удалось.

Первый день пути вверх по долине р. Даршай — самый трудный для каравана. Река в своем нижнем течении мчится бурным потоком по дну узкого обрывистого ущелья. Справа над рекой отвесно встают обнаженные скалы, слева круто поднимаются осыпи. Тропа тянется едва заметным зигзагом по левому склону, то опускаясь, то поднимаясь к выступам и карнизам скал. Поток глубоко внизу, осыпи непрочны, и, когда ишак скользит вместе с осыпающимися камнями, погонщики и альпинисты с тревожными криками бросаются поддержать животное.

В первый день наиболее опасен был переход по скалистому карнизу (Тунг-парин), местами подкрепленному оврингом. Судя по описанию Б. А. Федченко, эта часть пути не изменилась со времени его путешествия, т. е. с 1904 г.

Наконец, тропа приводит к месту, где ущелье сужается еще более. Здесь нужно перейти на правый берег. Через поток перекинут мост. Это, пожалуй, слишком громкое название для двух тонких бревен с несколькими перекладинами: это сооружение приходится при каждом переходе восстанавливать, — постоянно меняющий свой уровень мощный поток то и дело срывает переправу. Деревьев под руками нет, а сохранившиеся тонкие жерди, опирающиеся на два выступа скалы, явно недостаточны. Приходится приступить к строительным работам. Однако уже в конце переправы мост снова начинает разваливаться. В воду сорвался ишак. Поток подхватил животное, и оно быстро исчезает в водовороте. Через пару минут туша ишака на несколько секунд мелькает среди пены, и поток мчит ее вниз, снова и снова ударяя о камни.

За мостом (Пуль-о-фурс — «мост у берез», из целой рощи которых теперь осталось лишь одно дерево) тропа поднимается вверх. Перевалив через несколько гряд каменных обломков, мы оказались в широкой долине среднего течения Даршай. Первый ночлег с караваном мы устроили среди зеленой поляны на правом берегу реки

(поляна Миандо). Весь второй день шли по хорошим, удобным для движения тропам средней части ущелья. По пути два моста: один через р. Имаст — правый приток Даршай, вскоре за ним второй — через Даршай. Вблизи ущелья Имаст на высоте около 3500 м расположено ячменное поле колхоза. Склоны здесь поросли обильной травой и представляют собой прекрасные пастбища. Кустарниковая растительность не поднимается выше среднего течения реки, но траву на склонах можно наблюдать почти до языков ледников. Последний переход через Даршай совершаем вброд, в очень широком месте, где река разливается по плоскому дну долины. После переправы на правый берег тропа обходит древний вал конечной морены, за которым на лугу, поросшем невысокой травой, расположена летовка Хамык — место второго ночлега каравана. Третий день пути приводит нас в верховья долины к месту слияния трех рек — составляющих Даршай: Амбарку, Тунг и Растоудара. Тропа петляет затем по травянистым склонам ущелья и лишь в последней части пути круто поднимается на холмы древней морены.

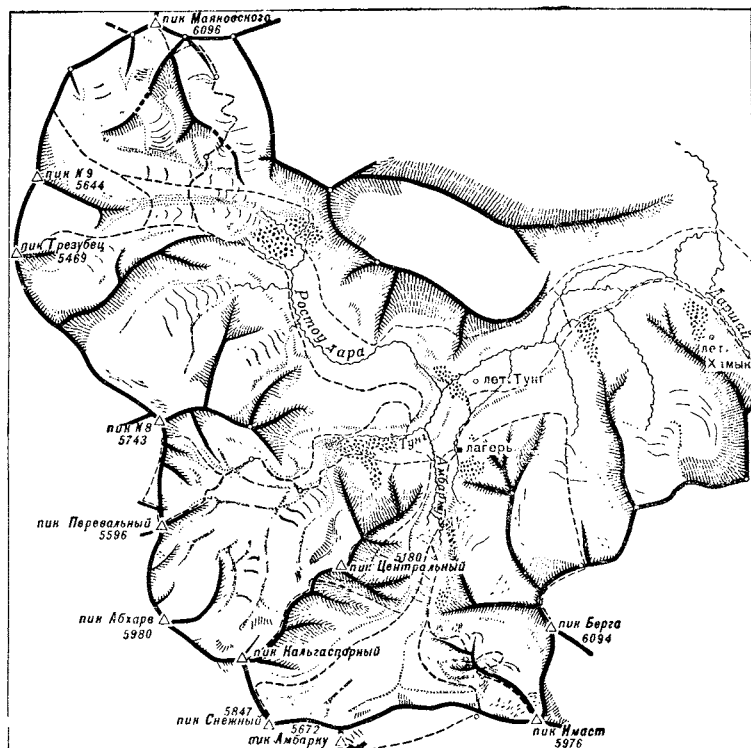
На небольшой ровной, поросшей травой площадке располагается базовый лагерь экспедиции. Посреди поляны протекает ручей, вдали виднеется ледяная стена пика Амбарку. Почти рядом излюбленные пастбища яков: кизяка для костров здесь достаточно.

* *
*

Все наши грузы доставлены в лагерь. Снова собрались вместе вернувшиеся из разведок участники. Пришла и «северная» разведывательная группа. К этому времени нам уже удалось ознакомиться с районом, определить пути к основным вершинам своего горного узла. Можно было подвести первые итоги.

Отрог, отходящий от Шахдаринского хребта у пика Маяковского, тянется на юг примерно посреди выступа, образованного изгибом р. Пяндж. В той его части, которую обследовала экспедиция, есть довольно значительное оледенение.

Между двумя наиболее высокими вершинами района, пиком Маяковского (6096 м) и пиком Академика Берга (6094 м), расположено еще 8 значительных вершин (от 5500 до 6000 м) и несколько более низких (5200—5600 м).

Орографическая схема верховий Даршай

Возле пика Амбарку от южного отрога отделяется на восток ответвление с пиком Берга. Шахдаринский хребет, его южный отрог и восточное ответвление образуют как бы дугу, обращенную выпуклостью на запад. В этой дуге имеются три основных цирка, ледники которых дают начало рекам Амбарку, Тунгу (или Катель) и Ростодара. Лагерь нашей экспедиции расположен так, что из него можно достичь любого из ледников, подняться к каждой вершине.

Первые два разведывательных восхождения были сделаны на пик Трезубец (5469 м)¹ и пик Центральный

¹ На некоторых последних картах произвольно изменены названия некоторых вершин района. Например, пик Маяковского назван Трехглавым (см. также Р. Д. Забиров. Оледенение Памира, М., 1955, стр. 147).

С ледника Маяковского хорошо видна острая вершина
пика Берга и правее пик Имаст

Фото автора

(5180 м). Сасоров и его спутники с пика Трезубец осмотрели возможные пути восхождения на пик Маяковского. С пика Центральный А. Иванов и В. Гусев зарисовали и засняли всю панораму района. Вершина этого пика представляла собой идеальный наблюдательный пункт, с которого хорошо просматривались все вершины и ледники. На востоке перед восходителями поднимался пик Берга, четко вырисовываясь своей острой вершиной на безоблачном синем небе. Тонкая снежная кромка вдоль ребра указывала на снежный склон по другую сторону пика. Рядом с пиком Берга, в том же ответвлении, стоял пик Имаст, сверкавший на солнце своими крутыми ледяными склонами, разорванными черной паутиной трещин. Еще дальше тянулся гребень, ведущий к пику Амбарку. Его северные склоны, замыкавшие цирк одноименного ледника, обрывались стеной с висячими ледниками и нависающими с гребня ледяными глыбами.

С запада первый цирк замыкали плавные округлые контуры пика Снежного, отделенного от Амбарку красивой седловиной. Между следующим цирком и ледником

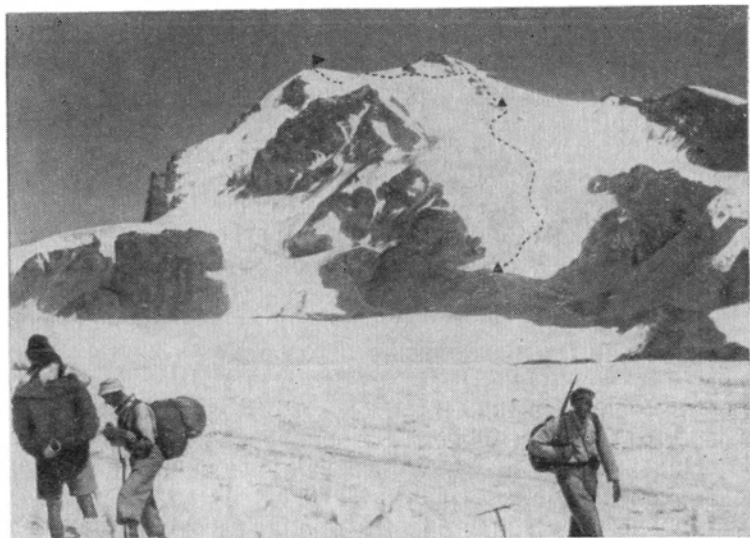
Амбарку поднималось небольшое ответвление, отходящее на северо-восток от основного отрога. Узловой вершиной здесь был пик Кальгаспорный.

В следующем цирке поднималась четвертая по высоте вершина района — красивый пик Абхарв (5980 м). Эта вершина заметна уже издалека при движении вверх по долине Даршая. Она почти сплошь покрыта снегом и льдом, среди которого на самом верху выделяется одинокая скала. Этот пик не был включен в план восхождений экспедиций. Но можно утверждать, что по условиям и доступности восхождения Абхарв не отличается от основных вершин района.

Между пиком Перевальным (5596 м) и пиком № 8 (5743 м) находится перевал Абхарв, неправильно показанный на некоторых картах южнее пика Перевального. Так же как и первый, этот второй цирк ледника Абхарв ограничен с севера отходящим на восток ответвлением.

Основная масса ледников узла сосредоточена вблизи пика Маяковского, в северо-западном углу района. Здесь в последнем цирке, или, вернее, в системе цирков, залегают три больших ледника, соединяющихся своими языками, и несколько ледников поменьше. Большие ледники достигают почти шести километров в длину. Расположенные рядом и отделенные лишь узкими моренами или невысокими отрогами, они создают впечатление сплошного ледяного пространства. И над всем этим ледяным царством поднимается массивный пик Маяковского. Его южные склоны покрыты снегом и льдом; скал здесь почти не видно.

Казакова и Веденников вели разведку в ущелье Имаст. Они обнаружили два ледниковых цирка, из которых берут начало потоки, составляющие реку Имаст. Над цирками поднимаются вершины, наиболее высокие из которых находятся на севере и северо-востоке. Сличение результатов этой разведки с данными остальных групп показало, что группа Казаковой — Веденникова наблюдала из ущелья Имаст южные склоны пиков Амбарку, Имаст и Берга. Оказывается, восхождение на эти вершины возможно также и из ущелья Имаст. Особенно важным явился осмотр с юга пика Берга, — только с этой стороны и можно было увидеть сравнительно доступный снежный склон, по которому затем было совершено восхождение.

Пик Маяковского с юга

Фото автора

Разведка группы Сасорова установила, что на пик Маяковского можно подняться с юга, и наметила маршруты по восточному и западному ледникам. Одновременно был обследован перевал на запад в верховья ущелья Абхарв.

Интересный маршрут проделала северная разведывательная группа Тихонравова. Войдя в ущелье р. Ляджвардара, группа уже в 4 км от его начала была вынуждена оставить выючных животных и двигаться дальше с рюкзаками на плечах. Пройдя все ущелье по крутым осыпям и травянистым склонам левого берега, альпинисты вышли в верховья долины, где перед ними открылся пик Маяковского. Его трехглавый массив замыкал долину.

Северные склоны пика представляют собой отвесные километровые скалистые стены с небольшими висячими ледниками, концы которых нависают над обрывом. От восточной вершины пика отходят два гребня. Юго-восточный гребень имеет три вершины и тянется на 7 км, подходя к пику Ляджвар. От него он отделен крутым языком ледника, переваливающего с юга, где расположены питающие его фирновые поля. Подъем по этому леднику

хотя и труден, но возможен. Здесь, повидимому, находится единственное место во всем гребне пик Ляджвар — пик Маяковского, где можно совершить переход на юг в верховья Даршай.

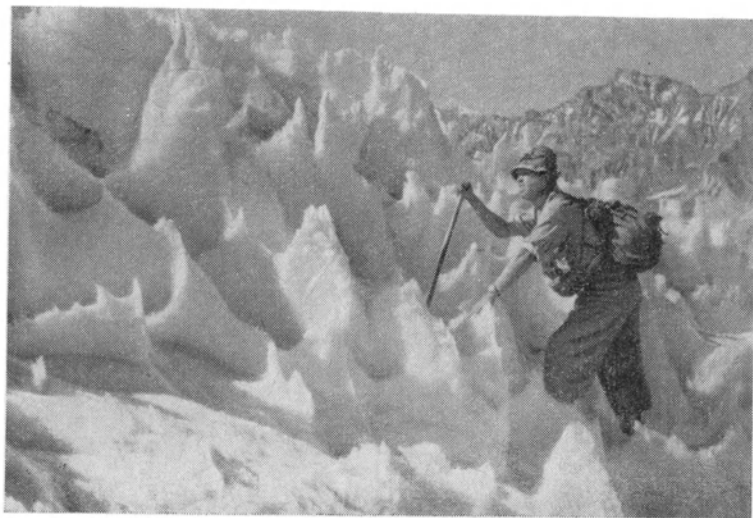
Второй восточный гребень намного короче и круто спускается в долину Ляджвара. В ущелье между обоими гребнями лежит большой ледник. По оценке Тихонравова, подъем на пик Маяковского с севера возможен и по короткому гребню, отходящему на север от западной вершины пика, но путь здесь очень сложен.

Группа вышла на большой ледник, заполнявший верховья долины, и поднялась с него по очень крутым фирновым склонам на гребень (5400 м) Шахдаринского хребта, западнее пика Маяковского. Вблизи этого места хребет от вершины 5600 м поворачивает на север.

Надежда найти здесь перевал, ведущий на юг, не оправдалась. На юг гребень хребта обрывался двухсотметровой скалистой стеной. Хотя ниже ее путь не представлял особых трудностей, условия спуска по верхним скалам не давали основания назвать этот пункт перевалом. Лишь несколько дальше, с седловины, в верховьях западной части ледника, возможен спуск в ущелье Абхарв по сползающему с западных склонов хребта леднику. Выполнив свою работу, группа вышла вновь в долину р. Бадомдара и через перевал Даршай пришла в основной лагерь.

Разведывательные восхождения и походы дали альпинистам возможность познакомиться с некоторыми характерными особенностями района. Первая из них — асимметрия склонов. В Шахдаринском хребте и в его отрогах западные и особенно северные склоны очень круты и часто образуют отвесные стены — обрывы в несколько сот метров высотой. В то же время восточные и особенно южные склоны значительно более пологи. Исходя из этого, можно заранее наметить возможные направления всех восхождений.

Вторая особенность района — своеобразный характер поверхности ледников и фирновых полей. Кальгаспоры, или «снега кающихся», густыми рядами торчат на всех ледниках, занимая громадные пространства. Иглы поднимаются на высоту от нескольких сантиметров до двух метров. Как частые заросли, препятствуют они движению, не только затрудняя путь, но и угрожая поранить людей острыми краями.

Среди кальгаспоров

Фото В. Гусева

Если на Северо-Западном Памире и на ледниках других стран «снега кающихся» представляют собой фирновые конусы и башни, то здесь, повидимому в результате пропитывания их талой водой и неоднократного промерзания, иглы и пластины кальгаспоров превратились к середине лета в лед. Только на высотах, превышающих 5500 м, сохраняют они фирновую сердцевину. Чем ниже по леднику, тем более подвергались таянию кальгаспоры.

В первую очередь тают их боковые стороны (промежутки между рядами), и они постепенно становятся все тоньше, превращаясь, наконец, в тонкие ледяные пластинки причудливой конфигурации.

На ледниках северных и западных склонов кальгаспоров обычно меньше, чем на южных и восточных; особенно это относится к крутым участкам ледяной поверхности. Имеется, повидимому, связь между направлением воздушных потоков и образованием кальгаспоров: их больше вблизи значительных понижений хребта, откуда проникают массы воздуха, гонимые главенствующими в долине Пянджа западными ветрами,

Когда разведывательные походы и восхождения были закончены, мы могли наметить основные объекты спортивных восхождений. Участники экспедиции решили подняться на пики Маяковского, Амбарку, Имаст и Берга.

Осмотр издала крутых северных склонов пика Амбарку показал, что восхождение можно совершить по западному гребню вершины, спускающемуся к доступной седловине между Амбарку и пиком Снежным. Для проверки этого предположения 10 августа Казакова и Веденников вышли к пику Снежный, чтобы подняться на него и осмотреть западный гребень Амбарку. Второй целью их восхождения была тренировка.

В цирк ледника Амбарку ведет длинный и утомительный путь по срединной морене. После выхода из лагеря приходится переправиться через бурный поток, обтекающий ледник справа. Морена покрывает толстым слоем всю поверхность ледника, глубоко вдающегося в долину. По мере подъема альпинисты увидели справа и слева среди темных камней белые пятна свободного льда. Постепенно морена сузилась, но тянулась узкой полосой почти до самого подножия стены Амбарку.

Цирк ледника широко раскинулся с востока на запад. Слева по ходу на востоке были хорошо видны ледник у подножия пика Берга и массы льда, спускающиеся по крутым склонам пика Имаст. Прямо перед альпинистами поднимались отвесные склоны и льды северной стены Амбарку. Вправо уходили верховья ледника и его фирновые поля. Поверхность ледника почти вся покрыта щетиной кальгаспоров. Они невелики внизу, но вдали на склонах виднеются иглы весьма солидных размеров.

Веденников и Казакова свернули вправо в направлении снежника, ведущего к вершине с запада. В 8 часов вечера альпинисты пересекли ледник и остановились на ночлег у левобережной морены. Альтиметр показывал высоту 4700 м. Рано утром, оставив на месте ночевки свои вещи, они начали подъем на кошках. Нужно было преодолеть крутой ледяной склон и добраться до седловины между пиком Снежным и его западным соседом — пиком Кальгаспорным. Поверхность льда в нескольких местах прерывали трещины. К 11 часам утра восходители до-

стигли седловины (5300 м). Западное ребро Амбарку отсюда не было видно.

Дальше путь шел по северо-западному гребню, покрытому фирном. Ненужные более кошки оставили на седловине.

Налетавший резкими шквалистыми порывами ветер нес крупу, бросая ее в лицо людям. Местами им приходилось прокладывать себе дорогу, проламывая телом «заросли» кальгаспоров. К 3 часам дня оба альпиниста прошли последние метры подъема и оказались на вершине. Первый их взгляд был направлен в сторону Амбарку. Но восходителей ждало разочарование: западный гребень, представлявшийся снизу доступным фирновым ребром, оказался очень трудным. Невидимые снизу нависающие скальные плиты были покрыты тонким слоем льда. Штурм пика с этой стороны оказался мало вероятным.

Можно было спуститься обратно по долине Даршая и совершить восхождение со стороны верховий Имаста, но такой маршрут отнял бы много времени, и на это следовало решиться только при полной невозможности достичь вершины со стороны лагеря.

В один из следующих дней Буданову и Громову удалось найти возможный маршрут восхождения — с севера. С длинного гребня, протянувшегося от пика Амбарку на восток к пику Имаст, в одном месте к леднику Амбарку спадал очень крутой и узкий ледяной поток, местами разорванный широкими трещинами. При условии очень точного выбора пути и большой работы по рубке ступеней во льду этим путем можно было выйти на гребень, ведущий к вершине.

Одновременно с разведкой путей собирались материалы для составления карты района. Съемка производилась по комбинированному методу, разработанному А. Ивановым. Этот метод, рассчитанный на использование столь привычного всем альпинистам фотоаппарата ФЭД, в условиях горных путешествий дает точность гораздо более высокую, чем обычная глазомерная съемка.

Съемку вели главным образом А. Иванов и В. Гусев. Вдвоем поднялись они на пики Центральный и Перевальный, прошли несколько маршрутов по ледникам. В результате — серия панорам, засечки... С вершины пика Перевальный превосходный вид на запад и на южные отроги хребта. Горизонт замыкают грозные вершины Гиндукуша.

Его сверкающие белым снегом гиганты поднимаются на высоту до 7000 м. Смелые остроконечные контуры вершин, оледенелые тысячеметровые стены, мощные долинные ледники — все это привлекает и радует глаз альпиниста, заставляет мечтать о возможных победах...

Но не только во время восхождений ведут свою работу «топографы» экспедиции. Выбрав подходящее время, они выходят из лагеря и устраивают мерную базу,— это дает возможность получить нужные линейные величины для составления карты.

* *
*

...Раннее утро 14 августа. За палатками лагеря поднимается дым от «кухни». Импровизированный очаг сложен нами из камней. Здесь хлопочет повар экспедиции, студентка А. Вадзиган.

Солнце только что осветило площадку лагеря, но, несмотря на раннее время, мы один за другим выбираемся из палаток. Вскоре все собрались у кухни. Подготовка и разведки закончены, и в этот день две группы выходят на восхождение.

Завтрак не отнимает много времени, и вскоре на поляне выстраиваются обе группы. Пожелания успеха, щелкание фотоаппаратов, и цепочки людей выходят из лагеря в разные стороны.

К подножию стены Амбарку идет группа ленинградцев: Буданов, Громов, В. Иванов и Звездкин. После однообразного пути по длинной морене они вышли на ледник и вскоре достигли начала крутой части подъема. Здесь пришлось надеть кошки. В отличие от других мест, поверхность льда была здесь гладкой. Кальгаспоры отсутствовали.

Десяток шагов, и все увеличивающаяся крутизна подъема заставила рубить ступени. Начинает Вячеслав Иванов.

Ледоруб описывает в воздухе плавную дугу. Удар. Куски льда разлетаются во все стороны сверкающими брызгами. Три-четыре удара, и в крепком льду появляется маленькая ступенька. Обутая в кошку нога цепко стоит в этом маленьком углублении. Затем еще одна ступенька. Потом еще и еще. Даже с большого расстояния видны зигзаги темных пятен — ступенек, возникающих на склоне.

Их очень много, несколько сотен. Местами уклон достигает 60° , переходя в ледяные стенки высотой до 60 м.

Пройдя очередную стенку, группа вступила в зону трещин: небольшой, но очень крутой ледопад.

Очень сложно было обеспечить страховку. Лед, по которому двигалась группа, чрезвычайно хрупок, и все попытки забить в него ледовые крючья оказались напрасными. Ленинградцам пришлось поочередно спускаться то в одну, то в другую трещину и оттуда, устроившись на ледяных выступах, страховать товарищей «через плечо»¹.

Почти полдня вырубали альпинисты ступени, преодолевая 500-метровый ледяной обрыв, обходили трещины. Справа по ходу осталась изумительная ледяная пещера, вход в которую прикрывала бахрома гигантских сосул, в два-три обхвата каждая.

К 5 часам вечера группа достигла гребня. Но неожиданно там, где восходители предполагали увидеть обычный неширокий гребень и круто спускающиеся на юг склоны, раскинулось широкое плато. В юго-западном углу его поднималась высшая точка пика, невидимая из ущелья Амбарку.

В самом начале плато на снегу ленинградцы устроили ночлег. Следующим утром встали рано. Было еще очень холодно, и хотя вылезать из спальных мешков не хотелось, они все же сразу двинулись дальше.

Группа быстро обошла плато по его северному краю. Часто слышался треск узкоплечного киноаппарата Буданова, который пользовался каждым удобным моментом, чтобы запечатлеть интересные кадры. Обогнув плато, восходители затем обошли крутые сбросы и трещины восточного склона вершинного гребня. Здесь им снова пришлось преодолевать стометровую ледяную стенку крутизной более 60° и после нее очень крутой снежный склон, который вывел группу на предвершину.

Последняя часть пути была снова трудной: увеличилась крутизна склона, опять пришлось рубить ступени. Вершина — острый скальный выступ высотой в 50—60 м — оказалась неожиданно отодвинутой далеко на юг; то, что принимали за вершину снизу, было лишь ее плечом.

Влияние высоты ощущалось более сильно из-за довольно быстрого темпа, принятого группой. На вершине

¹ Один из способов страховки.

сложили традиционный тур и вложили в него записку. Это было уже пятое первовосхождение экспедиции.

На штурм другой вершины — пика Берга — ушла группа Казаковой (Сасоров, Веденников, Тихонравов и Никольский).

В 8 часов утра массивная фигура шедшего последним Никольского скрылась за гребнем ближайшей к лагерю осыпи.

Вскоре группа, обойдя небольшой отрог, попала в ущелье, в которое с северных склонов пика спускался ледник, и начала подъем вдоль бурлящей речки — безымянного притока Даршая.

От поворота в ущелье открывается вид на вершину. Громадной скалистой пирамидой поднимается она вверх. Обращенная к ущелью стена пика почти отвесна, и снег на ней не удерживается. Левое северо-восточное ребро более полого, чем западное: оно скрыто скальным склоном, по которому группа намеревается подняться к вершине.

К седловине у северо-восточного ребра можно подняться по очень крутым фирновым склонам, питающим ледник, залегающий у подножия пика.

9 ч. 40 м. группа вступила на сложенную крупными обломками левобережную морену. В 11 часов она вышла на ледник, длина которого около 5 км. В нижней части он течет довольно полого, но восходителям приходится в течение двух часов прокладывать путь среди кальгаспоров. Затем они начали подъем по крутому ледяному склону к седловине. От устья ущелья, где альтиметр показывал 4300 м, до крутой части подъема — 500 м по вертикали.

Альпинисты надели кошки. Медленно, двигаясь зигзагами, они поднимались к седловине и достигли ее в 3 ч. 30 м. дня. Высота 5334 м. Впереди открывался ведущий к вершине восточный склон. На небольшой скалистой площадке у седловины группа устроила бивуак. Ночь была сравнительно теплой и безветренной. После нескольких холодных дней это было очень приятно. Поэтому палатки решили не ставить, дождь в этих местах воспринимался как нечто нереальное.

...Темнота, как всегда на юге, наступила очень быстро. Мухин и Кофман едва успели выбрать удобное место для наблюдения и забраться в спальные мешки. Началось томительное ожидание условного времени. Небо зажглось иллюминацией бесчисленного количества звезд: они здесь непривычно яркие. На фоне темносинего неба вверх уходит еще более темный контур вершины.

Откуда будет подан сигнал?

От напряжения слезятся глаза. То и дело кажется, что вдали видно светлое пятно. Минуты проходят за минутами, но сигнала нет. Условное время миновало. Проходит еще несколько минут, и вдруг высоко на гребне ослепительно загорается магниевая лента. Проходит секунд 30, и вспышка повторяется. Мухин с облегченным вздохом зажигает ответный сигнал: наверху все в порядке.

...Наутро группа Казаковой, оставив рюкзаки на месте бивуака, вышла к вершине.

Альпинистам предстояло подняться по крутому фирновому склону, изобилующему трещинами и сбросами. Он выводил на доступный участок северо-восточного гребня. С площадки, где они ночевали, альпинисты спустились на лед. Быстро надев кошки и связавшись веревками, начали подъем: Сасоров с Тихонравовым, Казакова с Веденниковым и Никольским.

Местами крутизна склона достигала 50°. Но ступени вырубать не пришлось — выручили кальгаспоры. Они обеспечивали хотя и трудный, но вполне доступный и достаточно безопасный путь. Попеременную страховку применяли только проходя через зоны трещин и при преодолении сбросов.

Медленное и однообразное продвижение. Чередование крутых участков и трещин. Кальгаспоры... кальгаспоры. Семь часов подъема потребовалось на то, чтобы обе связки альпинистов, пройдя оставшиеся 800 м, оказались на вершине. Она представляла собой снежный конус. С северной стороны пика, где тысячеметровым обрывом спускается вниз стена, торчали из снега скалы. Острым барьером огораживали они площадку вершины.

Альпинисты засняли фотопанорамы, сделали засечки на окружающие вершины. Вдали, на снежном поле предвершинного плато Амбарку они увидели быстро двигавшиеся черные точки. Это была группа Буданова, начав-

шая спуск. В чистом горном воздухе далеко разносятся звуки, и на дружный крик с пика Берга долетел ответ с гребня Амбарку.

В 16 ч. 40 м. Казакова и ее спутники начали спуск.

* *
*

Провожавший группу Буданова В. Мухин вернулся в лагерь и рассказал, что восходители в этот же день поднимаются на гребень пика. Это позволило группе, бывшей в резерве,— А. Иванову, В. Гусеву и И. Евсееву отправиться на пик Имаст. Все три группы, поднимавшиеся на соседние вершины, должны были сохранять зрительную связь.

Группа А. Иванова двинулась к верховьям ущелья Амбарку в 5 часов дня. К этому времени легко проходимые в утренние часы потоки бурлили и пенились, затрудняя переправы.

Альпинисты вступили на ледник, в цирке между пиками Берга и Имаст. По крутому, до 45° , уклону они шли, не надевая кошек. Поверхность льда была изрыта горизонтальными бороздами, покрыта небольшими калъгаспорами, и люди свободно поднимались по этим естественным ступеням.

После крутого участка более пологим путем группа вышла к фирновым склонам подножия северо-западного ребра пика Имаст. Еще 150 м крутого подъема по фирну, и альпинисты оказались у выходов скал на высоте 4800 м.

Уже темнело, когда Иванов и его товарищи начали располагаться на ночь, выбрав просторную щебнистую площадку. Было сравнительно тепло. Журчали ручьи талой воды, замерзавшие не ранее полуночи, когда температура опускалась до $3-5^\circ$ мороза.

В 8 часов утра группа отправилась дальше. Солнце еще только осветило склоны. Восходители двигались вдоль подножия ребра по пологому и гладкому фирновому склону. Вот они миновали высокий скалистый выступ и подошли к фирновому склону, круто спускавшемуся с гребня ребра. Остановились, чтобы надеть кошки и связаться.

Невдалеке со скального выступа свисал огромный фирновый карниз. Гигантской бахромой спускались ледя-

ные сосульки, переливавшиеся всеми цветами радуги. Некоторые из этих сосуллек достигали двух и даже трех десятков метров длины.

Но любоваться чудесами горного мира было некогда, восходители двинулись дальше к гребню. Подъем по очень крутому склону требовал тщательной страховки. Перед выходом на гребень путь преградила широкая трещина с отвесной верхней стенкой. Пришлось немало потрудиться, чтобы перебраться на другую сторону.

Здесь на гребне (5100 м) группа остановилась передохнуть. Уточнив дальнейший маршрут, решили двигаться дальше без палаток и спальных мешков, рассчитывая налегке быстро достичь вершины и засветло вернуться к месту бивуака.

По северным склонам вблизи гребня альпинисты поднялись на высоту 5200 м, где скалистый гребень высокими отвесными ступенями уходил к вершине; здесь перешли по южную сторону ребра, двигаясь вплотную к его основанию. Подъему по очень крутому фирновому склону (до 65°) высотой около 350 м снова помогали кальгаспоры, но большая крутизна и опасность этого участка заставили двигаться со страховкой. Склон переходил в крутой ледопад с широкими хаотически расположенными трещинами.

Три часа продолжался подъем по крутому фирну, и, наконец, группа вышла на снежную площадку ребра выше скалистых уступов. Здесь снова была оставлена часть груза. От этого места гребень изгибался к югу. Склоны его покрыты фирном и имеют крутизну до 70—80°. Весь остальной путь до вершины шел по гребню, уклон которого достигал 40—45°.

Поднимаясь к вершине Имаст, Иванов и Гусев одновременно наблюдали за склонами Амбарку, стараясь разглядеть группу Буданова, которая должна была находиться где-то у вершины. Наконец, они увидели черные точки, попарно двигавшиеся к вершинному куполу Амбарку. Было ясно: успех группе Буданова обеспечен.

Через час, уже перед самой вершиной, на одном из наиболее крутых участков гребня (до 60°), группа Иванова попала в зону сухого пушистого снега, в котором человек увязает по пояс. С трудом подминая снег, альпи-

нисты выбрались на твердую поверхность и несколько минут спустя были на вершине.

Альтиметр показывал 5900 м¹. Вершина представляла собой продолговатую щербистую площадку. Иванов и Гусев снимали фотопанорамы и делали засечки на окружающие вершины. Евсеев складывал тур.

Погода портилась. Появились облака, резкими порывами налетал холодный ветер. Сорок минут пробыли альпинисты на вершине. Они уже собирались спускаться, как вдруг на вершине пика Берга показались крошечные фигурки, черными силуэтами выделявшиеся на фоне неба. Это была группа Казаковой.

* *
*

Прошло еще несколько дней. Уже семь вершин взяты в районе. Казакова, Сасоров, Веденников и Тихонравов ушли в Хорог через ряд перевалов. Их задача — выяснить расположение соседних ущелий на запад от основного района действия экспедиции. По прибытии в Хорог они помогут топографам в их работе. Оставшиеся в лагере готовятся выйти на пик Маяковского.

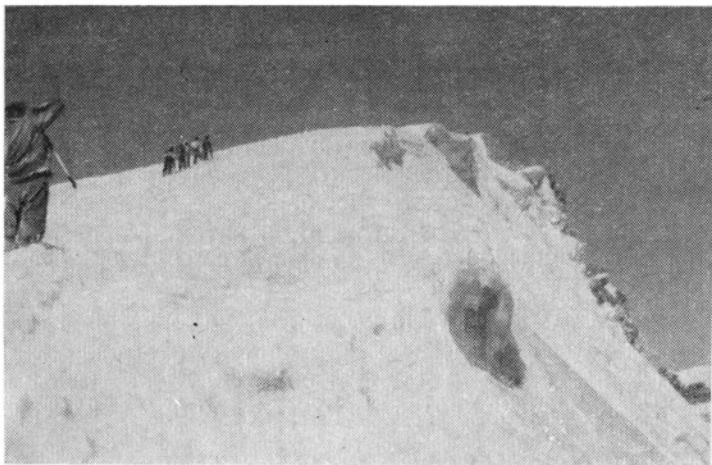
Близок сентябрь. По утрам и вечерами становится все холоднее. Ручей, протекающий по территории базового лагеря, теперь освобождается от ночного льда лишь к полудню.

...Ясным утром 18 августа участники экспедиции выстроились перед палатками. Часть альпинистов пойдет до вершины, остальные через день вернутся обратно. Группа направляется к потоку Амбарку и переходит его по соединяющей оба берега плоской скалистой плите.

Вверх по левому берегу долины р. Ростоудара ведет троп. Травянистые склоны сменяются каменными осыпями. Несколько часов спустя «цепочка» выходит на ледник, изборожденный невысокими, но частыми кальгаспорами. Текут ручьи талой воды, местами лишь прозрачные корочки льда скрывают лужи, в которые то и дело проваливаются ноги.

Несколько часов отняло пересечение двух сливающихся ледников, разделенных грядой срединной морены. Вечер

¹ Точнее, высота вершины 5976 м.— Д. З.

Широкий снежный гребень ведет к верхней точке
пики Маяковского

Фото А. Иванова

застал восходителей на небольшой щебнистой площадке у конца восточного (левого) языка ледника, спускающегося с пика на юг.

Маленький палаточный городок оживил безмолвную ледяную пустыню. В походных кухнях над голубым пламенем таблеток «Гексы» закипели котелки с супом, чаем, киселем.

С площадки открывается превосходный вид на юг, где поднимаются пики Берга и Имаст.

В 9 ч. 50 м. группа во главе с начальником штурма В. Будановым начала подниматься с площадки лагеря прямо вверх по каменистому склону, вдоль ручья, вытекавшего из ледника. Через полчаса альпинисты были на льду.

Крутизна ледника в его нижней части составляет 20—40°. Цепочка альпинистов двигалась широкими зигзагами, неуклонно поднимаясь к небольшой гряде скал и каменистых обломков. Эта гряда спускается с вершины почти до середины горы. На одном из темных каменных островов, возвышавшихся на сплошном льду, было намечено устроить бивуак.

До места, выбранного для бивуака, еще далеко, а каль-

гаспоры становятся все более высокими. Приходится периодически проламывать просеку среди ледяных и фирновых конусов и гряд. Ноги глубоко увязают в рыхлом снегу, застревают в нешироких трещинах. Заросли кальгаспоров тянутся до самой вершины, затрудняя путь. Каждые пятьдесят минут приходится менять ведущего, который прокладывает своим телом траншею.

Вскоре альпинисты достигают, а затем и превышают уровень вершины Эльбруса, но спортсмены уже привыкли к высоте и идут хорошо.

К 4 часам дня группа достигла каменистой гряды. Около двух часов потребовалось на то, чтобы разравнять и выложить три площадки для палаток. Вода здесь имела: поблизости протекал ручеек, который замерзал только ночью.

Рано утром следующего дня после хорошего сна и легкого сытного завтрака вышли альпинисты к западной вершине пика. Шли налегке. В этот день предстояло подняться на вершину и спуститься сразу к лагерю у подножия пика.

Между промерзшими за ночь кальгаспорами снег стал прочнее, идти легче, чем днем. После крутого склона в 50—60° группа вышла к седловине между двумя основными вершинами пика. К восточной вершине отсюда поднимается широкий каменистый гребень, но восходители сначала направились к главной вершине.

В 11 часов на главную вершину поднялись: Буданов, Громов, А и В. Ивановы, Гусев, Никольский, Евсеев, Заездкин и Мухин. Они сложили необычайный тур — высотой около двух метров, — так просили их сделать топографы. «Строительство» на высоте 6096 м было нелегким делом: движения затруднены, сильная одышка. После нескольких движений приходилось отдыхать. Но вот тур сложен, необходимые наблюдения, зарисовки и фотографирование закончены. Безоблачная погода, превосходная видимость. На сотни километров уходят хребты... Пик Маркса, пик Энгельса, севернее — острые контуры вершин Шугнанского и Рушанского хребтов. Хорошо виден пик Патхор...

Пробыв полтора часа на главной вершине, альпинисты поднялись на восточную вершину. Вечером они уже варили ужин на площадке, с которой было начато восхождение.

Последние дни существует базовый лагерь. Взята еще одна вершина — пик Кальгаспорный. Это восхождение совершили Никольский и Кофман. После возвращения они рассказывали о кальгаспорах, намного превышающих человеческий рост.

Таким образом, район работы был обследован, участники экспедиции сделали девять первовосхождений, прошли ряд перевалов. Работа была закончена. Чтобы отправиться в обратный путь, ждали только кутасов. Оставалось еще 600—700 кг груза, а путь предстоял нелегкий.

Наконец, в одно холодное августовское утро лагерь был окончательно снят. Последние палатки свернуты и заняли свое место на спинах яков. Радиостанция послала в эфир сообщение о ликвидации лагеря и также поместилась в одном из выюков.

Один за другим двинулись вереницей десять тяжело груженных яков. Имущество экспедиции снова уложено в зеленые брезентовые сумы и парусиновые тюки. Все участники экспедиции и радисты-пограничники занимают свои места в караване и берут в руки веревки, пропущенные сквозь отверстия в ноздрах кутасов (так называют здесь яков). Караванщики на ходу обучают альпинистов несложной технике управления животными.

В первый день прошли немного. Бивуак устроили у начала подъема к перевалу. Переход был намечен на ночь. Оставшееся время было посвящено отдыху и много-часовому приготовлению жаркого из козла, мясо которого оказалось столь жестким, что заключались пари, разважится ли оно вообще.

Стемнело. Сразу стало прохладно. Караванщики ушли в ближнюю летовку в гости к односельчанам. Между разложенными тюками уснули альпинисты. Время от времени то один, то другой як громко хрюкал. Но недолго длилась тишина. В три часа ночи крики вернувшихся караванщиков разбудили уснувших людей.

Спотыкаясь и путаясь спросонок, мы быстро грузили животных, укладывали спальные мешки. Ведро с козлятиной, все еще стоявшее на тлеющем огне, было подвешено к одному из выюков. В 3 ч. 20 м. караван начал подъем по правому склону долины.

Первые два часа нам немного помогала луна. Ее бледный свет пробивался сквозь облака, и мы смутно видели перед собой нагромождения камней на склоне. Но вот стало и вовсе темно. Низкая, южная луна исчезла за хребтами гор. Силуэт впереди идущего яка черным пятном расплывается во тьме. Из-под ног срываются камни и летят по крутому склону. Иногда животные и люди скользят вместе с щебнем и песком мелкой подвижной осыпи. В таких местах за караваном на склоне остается глубокий след.

Идем молча. Лишь иногда раздается крик караванбаши Реджим-бека:

— Гоняй, гоняй!

Нам нужно проделать весь подъем еще до наступления дневной жары, которую кутасы, эти высокогорные животные, переносят с трудом.

Под ногами бесконечные осыпи. Крупные глыбы сменяются мелкими, затем снова большие камни — и так без конца. Яки осторожно выбирают место для ног, с замечательной точностью ставят их на неустойчивые каменные глыбы. Альпинисты восхищенно отмечают, что задняя нога животного всегда становится на то же место, где только что была передняя. Каждое животное имеет свой «характер», некоторые упрямятся, и все мы заняты, обеспечивая продвижение каравана.

...Рассвет окрасил нежными красками снежные пики замыкающего горизонт Гиндукуша. Но вот лучи солнца скользнули ниже и осветили ближние к нам гребни, потом склоны под ними. Стало совсем светло, тепло, и люди приободрились. Но склон, по которому мы шли, был еще в тени. Почти восемь часов продолжался подъем к перевалу. Шли мы лишь с 5—10-минутными остановками.

Последняя очень крутая и коварная осыпь осталась позади, и караван вышел на перевал Даршай (5100 м). Он ничем не примечателен. Уже поздно, и нам нужно торопиться вниз. С перевала на север спускается ледник. Он не длинен, но лед открыт: снег с него давно стаял. Копыта яков скользят по льду на крутых местах, но животные вновь поражают нас своей ловкостью и сноровкой. Однако не только мы, но и они уже устали. Длинная шерсть кутасов совершенно мокра от пота.

Несмотря на усталость, торопимся вниз, к зеленым склонам Бадомдары. Эта река — один из значительных

притоков Шахдары. В ущелье появляется более богатая, чем на южных склонах, растительность. Местами мы шли через густые заросли кустарника и небольшие леса.

Путь до Хорога продолжался еще несколько дней. Снова изменился состав нашего каравана. Опять груз несли ишаки и лошади. Экспедиция вновь вступила в населенные районы.

В Хороге к экспедиции вновь присоединилась группа Казаковой. Топографы не смогли использовать всех альпинистов. Только Веденников и Евсеев отправились в топографические группы.

Веденников направился в верховья ущелья Ванч, чтобы совершить восхождение на одну из вершин и установить на ней триангуляционный пункт. 4 сентября он вышел с топографами к подножию намеченной вершины, а вечером 5-го на льду был разбит небольшой лагерь.

Восхождение началось рано утром 7 сентября. С Веденниковым шли два солдата-топографа. В 5 часов вечера, после трудного скалолазания, они достигли вершины пика Техарв. К ночи восходители вернулись в лагерь.

Евсеев был направлен в верховья Язгулема. Вместе с топографами он поднялся на вершины Нишуст (6100 м) и Безымянную (5700 м).

Осенней ночью экспедиция вернулась в Москву. Были подведены первые итоги. Участники экспедиции совершили 12 первовосхождений на вершины от второй до четвертой категории трудности. Сделано несколько маршрутов, во время которых были пройдены три перевала, из них два — впервые. Выясняя орографию района, альпинисты обнаружили, что пик Маяковского является узловой вершиной, — на картах он помечен между двумя отрогами в хребте.

Для составления карты хребтов и ледников обследования района по методу А. И. Иванова было сделано более десятка фотопанорам, в основном с вершин района, произведено большое число засечек. Составлена первая подробная карта района и его оледенения. Получена полная альпинистская характеристика вершин; в этом отношении обследование района можно считать законченным. Для восходителя здесь есть еще несколько интересных задач: это прежде всего красивый остроконечный пик (около 6000 м), южнее Амбарку, пик Абхарв. Наиболее сложным явится подъем на пик Маяковского с севера.

ШТУРМ ПИКА ЭНГЕЛЬСА

Вернувшиеся в Москву участники экспедиции 1946 г. рассказывали не столько о побежденных ими вершинах, сколько о недоступности пика Энгельса. В самом деле, откуда ни смотрели разведывательные отряды на эту вершину, доступного пути не намечалось. То крутые ребра пика взлетали ввысь отвесными ступенями, то к ледникам спускались обрывы. Лишь юго-восточные склоны пика разведке не удалось осмотреть.

Год проходил за годом, альпинисты штурмовали многие вершины, а до пика Энгельса «руки не доходили», хотя она числилась в списке «проблемных».

Прошло восемь лет, и вопрос о восхождении на пик Энгельса возник вновь. Собственно говоря, спортивная экспедиция Грузинского альпинистского клуба направилась на Юго-Западный Памир до некоторой степени случайно. Были намечены другие объекты, а пик Энгельса числился запасным вариантом. Выяснение возможности отправиться в запланированный район задерживалось, время шло, и руководители экспедиции решили воспользоваться резервным объектом.

Весь состав экспедиции вылетел самолетом из Тбилиси 23 июля. Когда серебристая двухмоторная машина легла на курс, Кирилл Кузьмин, тренер команды, облегченно вздохнул: «Конец неопределенности. Теперь мы твердо знаем, что нам делать. Думаю, что пик Энгельса не обманет наших надежд и окажется крепким орешком».

Грузинские альпинисты уже прославились многими выдающимися восхождениями на Кавказе, но на вершинах выше 6000 м еще не бывали. Это была их первая высотная экспедиция.

В г. Ош экспедицию встретил О. И. Гигинейшвили, ее начальник. Он торопил товарищей: «Скорей, скорей! Столько времени ушло зря». Грузинские альпинисты не успели толком осмотреть древний город, как Алексей Иванович Иванишвили, душа всей организационной работы экспедиции, сообщил, что вопрос с автомашинами урегулирован. Оставалось лишь погрузиться.

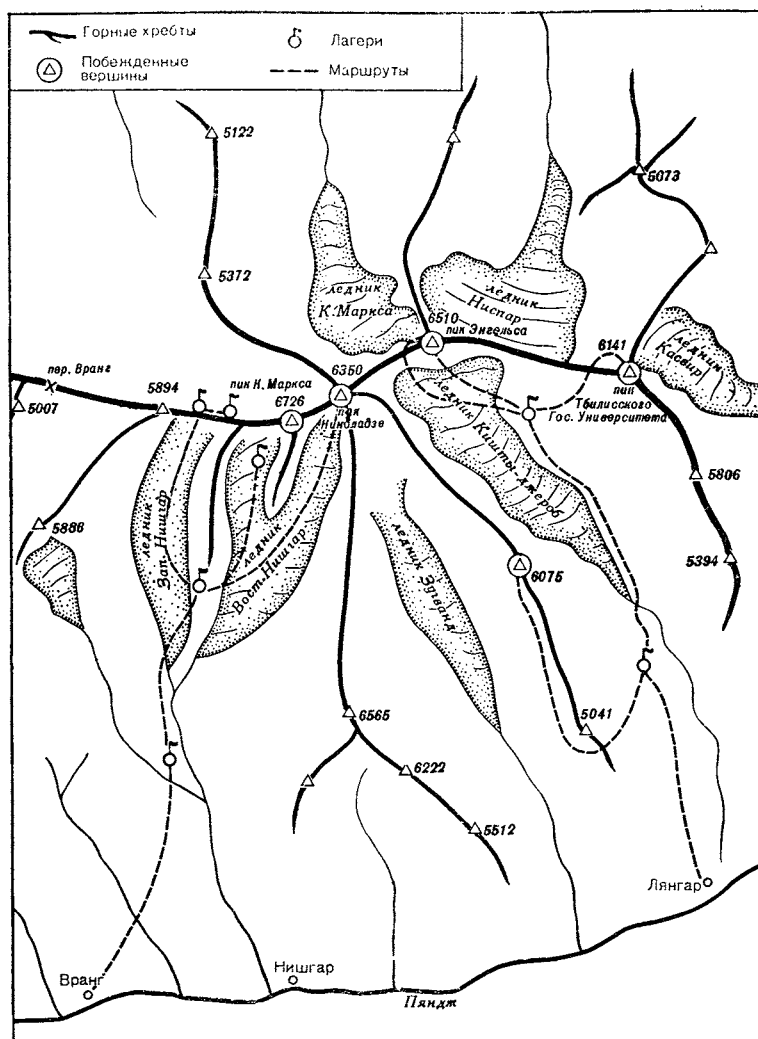
Вместительные кузова грузовиков были до краев заполнены всяким походным имуществом, хозяйством радиста и киногоруппы. Людям пришлось разместиться без особого комфорта, прямо поверх грузов. Но это никого не смущало, впереди был незнакомый Памир, страна высочайших гор Советского Союза. Водитель, заводи мотор!

Заразился торопливостью своих пассажиров и водитель. Долины Восточного Памира проносились перед глазами альпинистов, как на экране кинотеатра. Их однообразные пейзажи разочаровали людей, ожидавших сразу же увидеть и пик Сталина и крупнейшие ледники. Только панорама Заалайского хребта несколько вознаградила путников.

Кузьмин посмеивался: «Это вам не Местиа, где на восхождение можно отправиться после обеда».

Неутомимые колеса машины уже подмяли под себя несколько сот километров. Еще немного, и экспедиция прибует в кишлак Лянгар-Гишт, что стоит у слияния рек Памир и Вахандарья. Здесь будет база, отсюда альпинисты пойдут вверх по южным склонам Шахдаринского хребта. Пики Маркса и Энгельса недалеко, но их не видно. Крутые склоны долины, рассеченные узкими ущельями рек, скрывают хребет. Глядя из долины Пянджа на скалистые скаты, кое-где поросшие травой и кустарником, трудно предположить, что за ними скрывается другой мир — мир ледников и высоких вершин. Кажется, вот он, гребень хребта. За ним уже другая долина. Это впечатление создается монолитностью склонов. Не видно широких боковых долин. Реки прорываются к Пянджу через очень узкие, едва заметные щели. Почти не выдаются в долину и отроги хребта.

Посоветовавшись, альпинисты решили отправиться к подножию пика Маркса по пути спуска экспедиции 1946 г. Но в ущелье р. Нишгар попасть оказалось не просто. Разведывательная группа, выделенная для поисков места базового лагеря, начала подъем не по ущелью р. Нишгар, а прямо по склону долины. Когда альпинисты выбрались вверх, перед ними открылось подобие плато, на которое стекала с ледника быстрая река. Ниже поток углублялся в толщу пород и вырезал себе узкий каньон с обрывистыми склонами. Таковы долины почти всех правых притоков Пянджа в этих местах. В верхнем течении эти

Орографическая схема Шахдаринского хребта в районе пиков Маркса и Энгельса

долины сравнительно пологие, а в нижнем имеют вид глубоких ущелий.

Разведка показала, что из долины и ледника Нишгар нечего и думать штурмовать пик Энгельса. Быть может, такая возможность представится из восточной части района, из долины р. Кишты-джероб? Но пока это не было известно. Путь на восток преграждал высокий и труднодоступный отрог, обойти который можно было только по долине Пянджа.

Но путь на пик Маркса был открыт. Рассудив, что это восхождение можно совершить наверняка и что оно явится хорошей высотной тренировкой, руководители экспедиции решили начать с него. Большая часть альпинистов перебазировалась в кишлак Вранг и занялась подбором животных для каравана. Нанимать можно было только ишаков и кутасов. Так грузинские альпинисты впервые познакомились с этими замечательными животными. Среди членов экспедиции было несколько жителей горной Сванетии. Они сразу же оценили достоинства выносливого и сильного яка. «Нам бы в Сванетию таких!». Но на Кавказе, даже в Сванетии, слишком жарко для кутасов, слишком влажен там для них климат. Впрочем, Эльбрусская экспедиция Академии наук с успехом использует несколько таких животных, и они живут вблизи Приюта одиннадцати на высоте 4100 м, доставляя грузы до вершины высочайшей горы Кавказа.

Караван скомплектован, и длинная вереница животных вышла из кишлака. Небольшой переход вдоль долины Пянджа привел к едва заметной тропе, уходящей влево, вверх по склону. Свернули. Неподалеку впереди узкая щель каньона р. Нишгар. Но по ней, как и по соседнему Зугванду, подниматься невозможно.

По мере подъема долина Пянджа уходит все глубже вниз, все шире раскрывается панорама противоположных склонов, вырастают все новые снежные пики Гиндукуша. До него, как говорят, рукой подать. Но вот перегиб склона. Обширное платообразное пространство. Над ним, наконец, открылись пики Шахдаринского хребта, ледники, нагромождения морен у их языков. Впереди — гребень водораздельного хребта, справа — южный отрог, отходящий от пика Маркса.

Базовый лагерь разместился немного ниже языка ледника Нишгар, на высоте около 3850 м. К палаткам спу-

скались сглаженные ледником скалы — «бараньи лбы», осыпи старой конечной морены. В пейзаже преобладают серые тона скал и ослепительная белизна снега.

* * *

*

Для всех участников экспедиции наступила страдная пора. Целую неделю продолжалась подготовка восхождения. Нужно было доставить в промежуточный лагерь на леднике запас продуктов и снаряжения. Этот второй лагерь был расположен на высоте 4800 м, у конца небольшого отрога, отделяющего левый ледник Нишгар (на востоке) от правого, названного в 1946 г. спускавшимися по нему альпинистами ледником Лазар. Название неудачное: Лазар по-таджикски значит лед или ледник.

А пока что небольшая группа, К. Кузьмин, М. Гварлиани и Г. Гулбани, отправилась на разведку отрога, как казалось, отделяющего этот район от ледника Киштыджероб. Оказалось, что за отрогом находится узкое ущелье ледника Зугванд, за ним еще один хребет и только потом долина Киштыджероб. Следовательно, организовать восхождения на обе вершины из одного базового лагеря невозможно.

Ледник Нишгар поразил альпинистов своими обширными снежными пространствами, неожиданными для гор, находящихся южнее 37-й параллели. Мощное оледенение южных склонов Шахдаринского хребта объясняется тем, что долина Пянджа открыта на запад и юго-запад, откуда притекают массы сравнительно влажного воздуха.

После двух дней пути разведчики подошли к подножию высокого отрога, склоны которого круто поднимались над ледником до высоты более 6000 м. Южнее, уже за концом языка Нишгара, виднелась красивая пирамидальная вершина. Судя по карте, ее высота 6565 м. Это высшая точка отрога. Внимание альпинистов привлекает удивительная красота вершины. Может быть, подняться на нее? Но даже с первого взгляда стало ясно, что это задача огромной сложности. Нет и намека на возможный путь к ее гребню. Быть может, где-нибудь и можно подняться на отрог, но до вершины тогда много дней трудного пути на большой высоте. Впрочем, загадывать рано. Еще предстоит увидеть восточные склоны отрога, там может оказаться доступный подъем.

Обширные фирновые поля даже на склонах самого южного, Шахдаринского, хребта Памира. Грузинские альпинисты на леднике Нишгар

В верховьях ледника поднимается пик Маркса. Рядом с ним соседняя вершина высотой 6350 м кажется совсем небольшой. Среди обрывистых фирновых склонов выдается скальное ребро массива. Полоски снега оттеняют слоистую структуру породы, характерную для всего района. Горизонтальные слои темной породы, повидимому гнейсов, перемежаются светлыми прослойками мрамора.

Вот куда нужно подняться! С этой вершины можно будет увидеть оба района. И альпинисты двинулись к пику 6350 м. Сперва пришлось преодолеть длинный снежный склон крутизной до 40°. Снег был глубоким, по колено проваливались в него люди, пришлось прокладывать в нем траншею до самого гребня. Ведущий в тройке то и дело сменялся. Одежда намокла. От тяжелой работы люди обливались потом. Но вот путь по снегу кончился. Группа вышла на гребень. По ту сторону в узком глубоком ущелье виднелся ледник Зугванд. Он тянется далеко на юг, заканчиваясь почти у каньона реки. Попасть на этот ледник можно лишь совершив пересечение одного из окружающих его отрогов.

Гряды заснеженных скал привела разведчиков к вершине пика. Они предложили назвать его пиком Николадзе, в честь первого советского альпиниста.

* *
*

Подготовка к восхождению на пик Маркса была завершена. Ясным солнечным утром 15 членов экспедиции вышли из базового лагеря «3850 м» к лагерю № 2. Шли почти все альпинисты, шли кинооператоры, которые должны были подняться до высоты 6000 м, чтобы полнее отразить на пленке восхождение. Гварлиани, Гулбани и завхоз Калабекашвили возвращались в долину Пянджа. При восхождении на пик Николадзе Гварлиани и Гулбани получили достаточную высотную тренировку, и теперь им предстояло разведать верховья ледника Киштыджероб, чтобы выяснить возможность восхождения на пик Энгельса и подготовить новый базовый лагерь.

...Длинной цепочкой растянулась колонна по леднику. То и дело кинооператоры останавливали группу, чтобы провести съемку: уж очень хороши были места. Наконец, непрерывные задержки надоели альпинистам, и Гигинейшвили разрешил снимать только во время привалов. Кинооператоры вздыхали: «Какие кадры пропадают!»

Шли медленно; впервые альпинисты на высотном восхождении. Кузьмин настоял на постепенном наборе высоты. Первый переход закончился на высоте 4800 м, в подготовленном заранее лагере. На следующий день группа снова продолжала путь по снежным полям и к вечеру поднялась на перемышку гребня у подножия западного ребра пика Маркса. Небольшой лагерь, шесть палаток, расположился на снегу седловины на высоте 5400 м. Пока все шло превосходно. Никто особенно не отставал, несмотря на тяжелые рюкзаки.

Третий день восхождения. Колонна вступила на ребро пика — путь, по которому поднимались их предшественники в 1946 г. Погода держалась хорошая. Правда, далеко на юге над хребтами появились небольшие облачка, но они никого не смущали. Очередной ночлег был устроен на высоте 6200 м.

К вечеру далекие облачка сомкнулись в сплошной фронт, который быстро надвигался на север. Ночью под-

нялся сильный ветер. Когда утром альпинисты выглянули из палаток, все вокруг было окутано туманом. В нескольких десятках шагов уже ничего не было видно. До вершины оставался день пути, и восходители решили двинуться вперед, рассчитывая, что ветер может пронести облака. Ведь внезапное ухудшение погоды в горах редко бывает длительным. Но они зря сворачивали свой лагерь: подняться удалось лишь на 200 м. Ветер все крепчал и достиг такой силы, что невозможно было держаться на ногах. Пришлось снова остановиться.

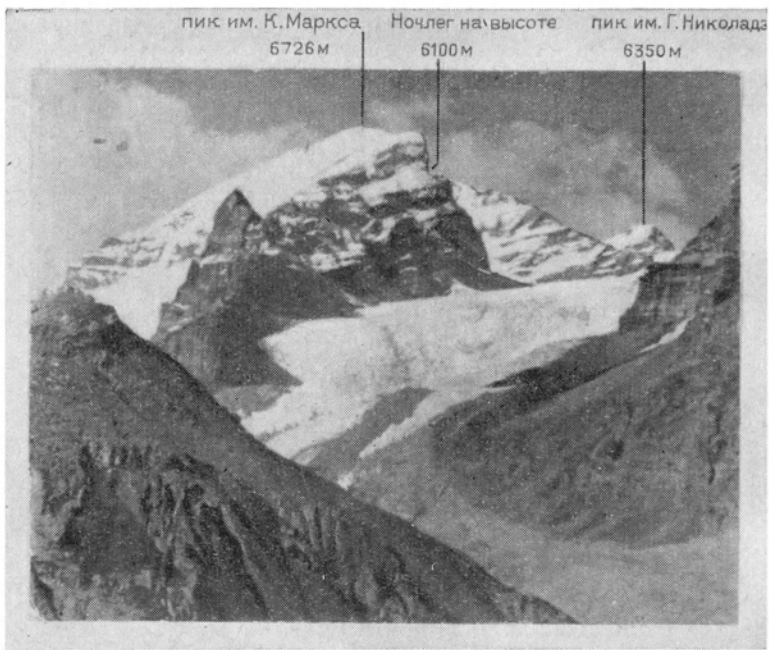
Ветер взметал облака снега, и поземка смешивалась с метелью. Становилось все холодней. К ночи температура упала до -20° . Палатки дергало во все стороны. Внезапно раздался резкий треск: ветер разорвал одну из палаток. Оторванное полотнище мгновенно взметнулось в воздух и исчезло. Вскоре такая же участь постигла и другую палатку. Альпинисты давно уже оделись потеплее, но теперь пришлось сверх свитеров натянуть на себя еще пуховые костюмы и в них забраться в спальные мешки.

Это надежно защищало от холода. В уцелевших палатках было тесно. Спать почти никто не мог. В довершение неприятностей один из альпинистов сильно простудился, у него начиналось воспаление легких.

Непогода продолжалась и утром, в облаках появились разрывы, но ветер не стихал. Больному стало хуже, он то и дело впадал в беспамятство. Руководители восхождения решили немедленно спускаться. Оставшиеся целыми палатки были использованы для устройства волокуши. На них положили больного и двинулись вниз, прямо по крутым фирновым склонам.

К 10 часам вечера группа достигла седловины 5400 м. Почти не задерживаясь, двинулись дальше. Вскоре миновали место, куда были прежде заброшены продукты для восхождения (5100 м), и в том же темпе двинулись дальше, освещая путь фонариками. Люди уже с трудом воспринимали окружающее. Они знали только, что нужно идти. И они шли, поочередно тянули волокушу с больным. На леднике ветер ощущался меньше, но попрежнему было очень холодно. Нужно было добраться до лагеря «4800 м», где лежали запасные палатки.

Уже когда альпинисты добрались до лагеря № 2, обнаружилось, что у С. Гугавы, А. Суслова и А. Кашвили

С юга пик Маркса выглядит менее грозно, чем с севера.
Отсюда было совершено второе восхождение на вершину

поморожены ноги. Понадеявшись на хорошую погоду и желая облегчить свой груз, альпинисты пошли на восхождение без утепленной обуви: ведь они были на Южном Памире!

Прошло несколько дней, прежде чем снова установилась хорошая погода. Альпинистам не хотелось покидать район, не добившись победы на пике Маркса. Ведь они не дошли до вершины так немного. И вот из лагеря снова вышла группа. На этот раз на пик шло всего семь наиболее подготовленных альпинистов: А. Немсицверидзе, К. Кузьмин, Д. Медзмериашвили, С. Цайшвили, Л. Ахвледиани, З. Ахвледиани и Д. Гугава. Следом за штурмовой семеркой отправилась вспомогательная группа из четырех человек. В нее входили оба кинооператора, тоже альпинисты.

Штурмовая группа уже получила высотную акклиматизацию и поэтому двигалась быстрее, чем во время первой попытки. Маршрут был изменен. Восходители двину-

Пик Энгельса. Можно представить себе, какие трудности преодолели альпинисты при штурме вершины

лись к пику с юга, по правой ветви ледника Восточный Нишгар. В первый день группа вышла после обеда и альпинисты поднялись до лагеря № 2. На следующий день достигли высоты 6200 м и остановились в верхней крутой части ледника. Таким образом, за один день штурмовая группа достигла высоты, на которую колонна поднялась после двух дневных переходов.

Бивуак штурмовой группы находился у подножия южного ребра пика Маркса. Утром следующего дня начался подъем на вершину. Оставив позади пройденный накануне ледопад, восходители направились к крутым фирновым склонам ребра. Да, здесь было идти труднее, чем по старому варианту пути! Но альпинисты не искали более легкого маршрута. Наоборот, их привлекала сложность и неизведанность никем не пройденного пути.

Выбравшись на гребень ребра, альпинисты увидели вершину. До нее было недалеко. Близость цели, казалось, прибавила сил, и восходители быстро двинулись вперед через заснеженные скалы. Достигнув вершины, они в тот же день спустились до лагеря «4800 м».

Восхождение показало, что альпинисты, прошедшие хорошую тренировку на Кавказе во время восхождений на высоты в 5000 м, после акклиматизации могут успешно совершать подъемы на вершины Памира высотой в 7000 м.

* *
*

Лагерь у ледника Нишгар свернут. Весь состав экспедиции снова собрался в Лянгар-Гиште. Гварлиани докладывал о результатах разведки верховий Кишты-джероб. Базовый лагерь в этой долине подготовлен, туда доставлена часть необходимых грузов. Менее успешны результаты разведки пика Энгельса. Группа прошла до водораздельного хребта. Весь южный склон пика настолько крут, что снег держится только на нем лишь в отдельных местах. Пик представляет собой довольно большой массив с двумя вершинами, разделенными седловиной. Западная вершина много ниже главной. С седловины спускается очень крутой ледник, вернее кулуар. Но вся нижняя его часть находится под постоянной угрозой частых ледяных обвалов и лавин. Восточный гребень пика, как, впрочем, было известно и ранее по материалам 1946 г., настолько крут, что не может быть путем восхождения.

Гварлиани не хотел делать окончательного вывода. «Сами посмотрите»,— говорил он. Во время разведки группа совершила два восхождения: одно, в водораздельном гребне, было сделано в честь Тбилисского университета, другое, в южном отроге, было посвящено памяти альпинистов С. Джапаридзе и П. Двали, погибших в 1930 г. на вершине Тетнульди.

...Быстро пролетели дни отдыха. Альпинисты осматривали окрестности Лянгар-Гишта, купались в горячих серных источниках, загорали. Но неизменно возвращались они к волнующему вопросу: «Неужели не удастся найти путь на пик Энгельса?». Уже было решено подняться всем составом экспедиции в долину Кишты-джероб и продолжить разведку.

Снова потянулся из селения караван. Иванишвили решил захватить побольше продовольствия, на случай если восхождение все же окажется возможным. Тропа идет в обход узкой щели, где бурлит стиснутая скалами река. А в верховьях между отрогами гор долина широкая и ровная, и река течет лениво, петляя по пологому дну,

местами разливаясь и образуя озера. Ущелье замыкает громада пика Энгельса. Его отвесные скалы отражаются в спокойных водах разлива. Незабываемая картина!

...Из нового базового лагеря у языка ледника Киштыджероб вышла еще одна разведывательная группа: К. Кузьмин и М. Гварлиани. Кузьмин, увидев отвесные стены, спускающиеся к леднику, решил, что нужно искать путь с гребня, соединяющего пики Маркса, Николадзе и Энгельса. Туда, к седловине между пиками Энгельса и Николадзе, и отправилась двойка. Два дня пути по леднику, и альпинисты стояли на гребне седловины. Подняться на нее было не трудно, но от седловины вверх уходил очень крутой и сложный гребень. Даже если бы удалось одолеть его, восходители оказались бы не на главной, а лишь на западной вершине пика. Каков будет путь дальше, снизу установить было невозможно. Но ясно, что по гребню подняться чрезвычайно трудно.

Два альпиниста двинулись в обратный путь к лагерю. Еще раз проходя вдоль подножия юго-восточной стеной пика, они внимательно осмотрели ее.

— Что ж, на седловину, по-моему, можно выйти,— пришел к заключению Кузьмин.

— Попробовать можно,— согласился Гварлиани.— Только обещать заранее ничего нельзя.

Пожалуй, к этому и свелся доклад разведывательной группы. Для восхождения была скомплектована группа из четырех человек: А. Немсицверидзе, К. Кузьмин, М. Гварлиани и Г. Гулбани. Большую группу отправлять на вершину было невозможно. Склоны стены столь круты, что места для нескольких палаток на них не нашлось бы, а рассчитывать на ночлег без палатки на таких высотах нельзя. Нет надежды устроить по пути и снежные пещеры.

Итак, четверо смельчаков вышло на штурм пика Энгельса. Предварительные лагеря заброшены не были, поэтому все необходимое альпинистам пришлось сразу взять с собой. Стремясь максимально облегчить рюкзаки, они ограничили количество теплых вещей парой шерстяного белья и пуховыми костюмами, отобрали наиболее калорийные продукты. Много пришлось взять металлического снаряжения,— на таком сложном маршруте понадобятся скальные и ледовые крючья. Наконец, все необходимое было отобрано, рюкзаки уложены. Когда их взвесили, оказалось в среднем 16 кг. Это было приемлемо.

...Юго-восточная стена поднимается над ледником на 1400 м; до ее нижней точки, седловины, штурмовой группе предстояло подняться на 1100 м. Снежный кулуар, спускающийся с седловины, не доходит до ледника на 200 м. Ниже спускаются отвесные скалы. В расщелинах этих скал есть несколько узких снежных кулуаров. Расширяющимися языками они смыкаются с фирнами ледника. К одному из таких языков направилась группа. Кулуар приходился как раз под концом верхнего снежного поля.

Трудности начались почти с первых шагов подъема. Еще на леднике пришлось повозиться, чтобы преодолеть широкую подгорную трещину. Выше начинался крутой ледяной склон, по которому альпинисты, поднимаясь двумя связками, вышли к скалам.

Скалолазание сперва не было трудным. Но склон становился все круче, все меньше было в нем выступов. Наконец, группа остановилась у подножия почти отвесной скалы высотой в 20 м. Обойти это место было негде. Пришлось подниматься «в лоб». Застучал молоток, забивая в трещину первый крюк. На двадцати метрах подъема их потребовалось восемь штук. Стенка отняла много времени и труда, но зато, взобравшись на нее, альпинисты вышли на снежник.

Напрашивался путь по правой части снежника — там подъем был более пологим. Однако сверху как раз над этим местом нависают ледяные сбросы, спускающиеся от седловины. Из-за этой опасности пришлось подниматься левее, вблизи скал, хотя крутизна поверхности здесь достигала 60°.

Солнце с утра щедро освещало стену своими лучами. Это было хорошо и плохо. Хорошо, потому что не было холодно. Но размякшая поверхность снега при такой крутизне очень опасна, поэтому люди старались уйти в затененные места, где снег более надежен.

Местами приходилось подниматься по льду, иногда — преодолевать выходы крутых скал. Так продолжалось до конца дня. На устройство бивуака требовалось много времени, и группа в пять часов остановилась у небольшой гряды скал. За день альпинисты одолели 600 м стены.

Наутро подъем продолжался по снежному склону. То одна, то другая связка выходила вперед, прокладывая путь. Все ближе подвигались белые скалы — мощный слой мрамора. Альпинисты заранее рассматривали марш-

рут предстоящего подъема. «Придется потрудиться», — думали они. Но мраморная стенка неожиданно оказалась не очень трудной — поднялись сравнительно быстро.

Над мраморными скалами тянулась пологая полка, вся покрытая небольшими камнями, обломками вышележащих скал. Над ней снова поднималась стена, на этот раз сложенная гнейсами. Над этой стеной снова была полка, обязанная своим происхождением горизонтальному расположению пластов пород различной устойчивости. Ветер и снег сгладили поверхность гнейса, подъем здесь обещал быть исключительно трудным, тем более что группа уже находилась на высоте более 6000 м. Однако делать было нечего. Стену нужно было одолеть. За ней лежал путь к седловине.

Тщательный осмотр подтвердил первоначальную оценку скал. Никаких выдающихся ребер, никаких расщелин. Несколько неглубоких кулуаров у правого конца стены непригодны для подъема: по ним падают камни. Наконец, альпинисты остановились перед небольшим углублением; горовосходители называют такой рельеф «внутренним углом». Но на этот раз стенки его сходились под очень большим углом и были очень гладкими. Опытный глаз скалолазов разглядел здесь несколько небольших трещин в породе. Этого оказалось достаточно, чтобы забить несколько крючьев. А раз удалось забить крюк, значит можно подняться. Выбравшись на полку над стеной, группа решила устроить очередной бивуак. Второй день подъема дал еще 300 м завоеванной высоты.

Последние двести метров до седловины группа поднималась по ледяному желобу вблизи скал. Наконец — седловина. Здесь-то уж можно отдохнуть, не опасаясь, что неосторожный шаг может привести к катастрофе. Но отдыхали альпинисты недолго. Осмотревшись, они увидели, что плечо восточной вершины пика на север спускается не слишком крутым, до 50°, склоном. Впереди виднелся последний взлет гребня, ведущий к вершинной пирамиде пика.

Снежный склон остался позади. Даже крутой подъем по снегу показался восходителям отдыхом после того, что им довелось испытать на стене. Но радоваться было еще рано, трудности не кончились. Чтобы попасть на гребень вершинной башни, еще предстояло подняться по стометровой стене, на которой широкой полосой белели выходы мрамора. Выступы породы, как балконы, нависали над

обрывом. Крутизна стены была исключительной и, если бы восходители не нашли очень узкий кулуар, пришлось бы повернуть назад. Последнее препятствие было одолено.

Уставшие от трудного скалолазания на высоте в шесть с половиной тысяч метров, альпинисты вышли к вершине и опустились на снег.

Купол вершины покрыт снегом. Здесь нет ни одного камня. Трудно поверить, что в нескольких метрах на юг находится почти полуторатысячечетровый скальный отвес. Даже тур не из чего было сложить альпинистам. Не желая уйти с вершины, не оставив следов своего пребывания, они воткнули в снег ледоруб и привязали к нему записку.

...Когда группа вернулась на седловину, у альпинистов созрел план нового варианта спуска. Со снежного склона они разглядели, что по северной стене западной вершины пика идет нечто вроде ледяной полки. Начинаясь несколько ниже седловины под ледяными сбросами, она спускалась наискось к другой седловине. Кузьмин узнал ее: во время разведки он с Гварлиани добирался туда.

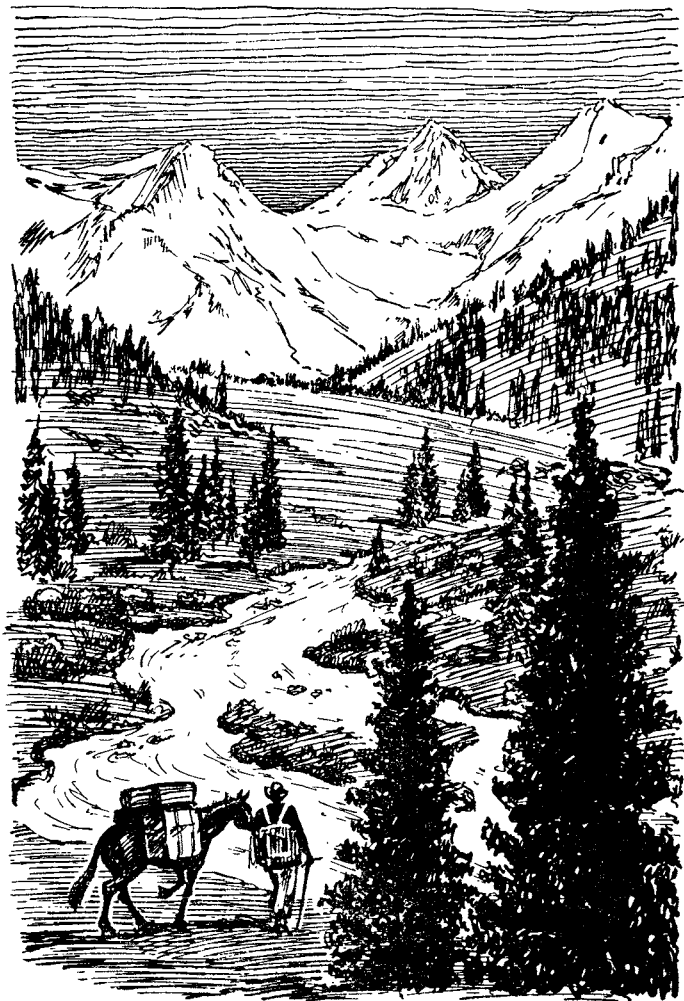
Спуск по северному склону был трудным, но более безопасным и все же более легким, чем пройденный подъем с юга на седловину. Альпинисты решили воспользоваться предоставившейся возможностью и двинулись вниз по сбросам к «полке». Полка оказалась довольно коварной, ее ледяная поверхность имела уклон до 45°, под ней тысячекетровый обрыв. Каждый шаг требовал бдительности. Полка привела группу к скалам над седловиной, что между пиками Николадзе и Энгельса. Стометровый обрыв отделял людей от гребня седловины, но они и не стали в этот день спускаться, а заночевали на скалах.

Спустившись утром по веревке, альпинисты оказались в верховьях ледника Кишты-джероб, т. е. «почти дома».

Так закончилось это замечательное восхождение, наиболее технически сложное из всех высотных восхождений советских альпинистов; трудное стенное восхождение кавказского или альпийского типа, но на большой высоте.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЯНЬ - ШАНЬ

ОЧЕРК ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Предгорья Тянь-Шаня, так же как и другие районы Средней Азии, были заселены с доисторических времен. Следы пребывания древнего человека найдены во многих долинах Тянь-Шаня, в том числе в его высокогорной части; некоторые находки датируются более чем тысячелетием до нашей эры. Даже на дне высокогорного озера Иссык-Куль есть остатки древних строений. Однако сведения о горах Тянь-Шаня, тем более о его высокой центральной части, просачивались в географическую науку очень медленно. Накапливались знания о Тянь-Шане теми же путями, что и о других горных районах Азии¹. С этой точки зрения высокогорный Тянь-Шань был, пожалуй, в еще более неблагоприятных условиях, чем Памир. Монгольские народы из восточной части Азии двигались на запад севернее основных цепей Центрального Тянь-Шаня, через Джунгарские ворота. Торговые пути, связывающие Восток и Запад, также обходили эти хребты, но с севера или с юга.

Южнее, в бассейне р. Тарим, находилась легендарная земля исследован «Серика», через которую в западные страны шли китайские шелка. Греческий географ и историк Геродот упоминает о путешествии в эти страны Ари-

¹ См. очерк исследования Памира.

стаса Прокопесского (VII в. до н. э.), причем, по его словам, на север от мест, населенных исседонами и их западными соседями агриппами, находится малоизвестная высокая и недоступная горная страна. Где-то в этих же местах проходил маршрут путешествия, описанного Маеом Тицианусом¹.

Ранее уже говорилось о том, что первые достоверные сведения и представления о географии Средней Азии были добыты китайскими путешественниками. В частности, Чжан Цзан во время своего путешествия в Ферганскую долину (126 г. до н. э.) пересек, повидимому, часть Тянь-Шаня и побывал у озера Иссык-Куль. Китайская география времен династии Хань (114 г. до н. э.) уже определенно упоминает о горах Музарт (теперь известен перевал Музарт в западной части хребта Халыктау, в восточном Тянь-Шане,— Рихтгофен полагает, что Чжан Цзан прошел через него) и об озере Иссык-Куль. Известен был и северный путь через Цун-лин (Луковые горы, включавшие Памир и западную часть Тянь-Шаня), ведущий на запад в Коканд и на северо-запад, в район Аральского моря.

Первые китайские буддистские путешественники, несомненно, прошли в Индию вдоль южных предгорий Тянь-Шаня. Знаменитый Сюань Цзян (VII в.) начал свое путешествие из Китая по северной дороге до Хами, затем свернул на запад, пройдя вдоль южного подножия Тянь-Шаня до города Аксу. Отсюда он снова двинулся на север и пересек хребты Центрального Тянь-Шаня, а впоследствии первым описал эти снежные горы. Трудно точно установить, каким перевалом он воспользовался. Поскольку считается, что он вышел к восточному берегу оз. Иссык-Куль, полагают², что путешественник воспользовался перевалом Музарт³. Но из Аксу он с таким же успехом мог двинуться и к перевалу Бедель. Этот очень трудный переход произвел неизгладимое впечатление на Сюань Цзяна. Особенно опасен был перевал. Многие из спутников Сюань Цзяна погибли в горах. Путешественник так описывает вершины Тянь-Шаня: «С начала мира снега, здесь нако-

¹ См. очерк исследования Памира, стр. 16.

² Рихтгофен, Григорьев.

³ Этому выводу способствует также приводимое в описании название Шин-Шан, что в переводе означает ледяная (или снежная) гора. Как известно, на тюркском языке этому соответствует Муз-тау, и соответственно ледяной перевал — Музарт.

пившиеся, обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками. Путь проходит нередко между нависающими с обеих сторон ледяными пиками и через высокие ледяные массы»¹.

Сюань Цзянь предупреждает, что в этих местах нельзя надевать красных одежд, нельзя громко разговаривать, иначе путника ждут неисчислимые беды, снежные и каменные обвалы и т. д.

В течение следующего тысячелетия в науку не поступает почти никаких новых сведений о высокогорном Тянь-Шане. Начиная с VIII в., когда в Средней Азии установилось владычество арабских завоевателей, и до нашего времени Чингиз-хана в XII—XIII в. Тянь-Шань лежит в стороне от торговых путей и не посещается учеными и путешественниками. Скучные данные об этой стране в арабской географии того времени по существу не выше уровня знаний, приводимых в китайских источниках VII—VIII вв.

Только в XVIII в. представления о Тянь-Шане несколько пополнились. В 1708 г. иезуитские миссионеры приступили по поручению Ихун Лунга — императора Китая к составлению карты его владений и сопредельных стран. В течение десяти лет Галлерштейн, Феликс Арога и Эспиний с помощью весьма сведущих китайских землемеров изучали страну. Составленная в результате этой работы карта была издана в 1821 г.² Однако западная часть Китая была нанесена на карту несколько позже, в середине XVIII в. Чтобы собрать материал по этому району, исследователи добрались до оз. Иссык-Куль и побывали в долине р. Или. Карта обладала замечательной особенностью: составители ее сравнительно точно определили географическое положение многих посещенных ими мест по звездам, — этот метод давно был известен в Китае. Поэтому их труд в течение многих лет служил основой для многих других более поздних карт.

Некоторые сведения о Тянь-Шане были известны и русским. Так, например, в известной «Книге Большому чертежу» (конец XVI в.), составление которого было начато еще по повелению Ивана Грозного, верхняя часть

¹ Цитируется по И. В. Мушкетову, Туркестан, т. I.

² Впервые опубликована в Европе в 1837 г. французским ученым д'Анвилем.

р. Сыр-Дарья изображена более верно, чем даже у английского путешественника Вуда (1838 г.). Это и немудрено: известно, что торговые связи между Московским государством и странами Азии существуют с очень давних времен. Не только купцы, но и посольства, имевшие специальное поручение описывать посещенные страны, проникали из Москвы на Восток. Так, например, О. И. Байков, посол царя Алексея Михайловича, на пути в Пекин прошел через Джунгарию.

С началом XVIII в. русские все более подробно знакомятся со Средней Азией, в частности с ее восточной частью, к которой принадлежит и Тянь-Шань.

Петр Первый стремится установить сношения с Индией по р. Аму-Дарье. Две экспедиции направились в Азию: полковника Бухгольца в Сибирь и князя Бековича-Черкасского в Закаспийский край. Обе экспедиции, как известно, были неудачными. В числе многих участников разгромленного отряда Бухгольца, попавших в плен к калмыкам, был швед И. Ренат. Пробыв в плену 17 лет (1716—1733 гг), он хорошо познакомился с Джунгарией. В Европу Ренат вернулся с составленной им картой Джунгарии и прилегающих частей Сибири и Средней Азии. Карта эта долгое время была неизвестна, ее копия была найдена лишь в конце 70-х годов XIX в. в одной из шведских библиотек и затем опубликована в 1881 г. Русским географическим обществом. Даже к моменту опубликования карта во многом превосходила более поздние.

Немало дало для познания Центральной Азии известное путешествие Ф. Ефремова. В 1774 г. он был уведен в плен в Бухару. Там Ефремов стал офицером в войсках хана и совершил ряд путешествий в соседние страны. Тоска по родине заставила его бежать. Путь на запад был закрыт, и Ефремов двинулся на восток: через Коканд и Кашгарию он пробрался в Тибет, оттуда в Кашмир и Индию, а из Индии в Англию. В Россию он вернулся лишь в 1782 г. Ефремов первым из европейцев прошел через Терек-даванский перевал.

С начала 30-х годов влияние русского государства среди феодалов кочевых племен так называемой «киргизской степи» (Северный Казахстан) усилилось настолько, что путешествия к восточной части Средней Азии стали более доступными, а потому и сравнительно частыми. Если капитан Унковский в 1823 г. составлял карту Джунгарии

по расспросным данным, то уже в 1832 г. подполковник Угрюмов смог составить карту этого района Азии по личным наблюдениям.

Как для других районов Азии, так и для Тянь-Шаня период сбора отрывочных сведений кончается с появлением крупных обобщающих трудов А. Гумбольдта, К. Риттера и, несколько позже, Рихтгофена. А. Гумбольдт первым сделал попытку не только обобщить все сведения о географии Азии, но и построить тогда еще предположительную систему орографии материка.

Немаловажная роль в этом построении была отведена Тянь-Шаню, который Гумбольдт причислял к главным широтным цепям гор Азии. Представление об этих все еще почти неизвестных горах у ученого было весьма своеобразным. В его описании это цепь настоящих вулканических гор. Тянь-Шань пересекается с легендарным хребтом Болор, а далее на запад продолжается хребтом Асферк, который заканчивается на меридиане Самарканда. Невдалеке отсюда в хребте находится вулканическая группа Ботм. Об этом вулкане сообщал еще арабский географ Идиси. Восточнее Болора Гумбольдт называет в Тянь-Шане Терек-таг, Кок-Шал, Темурту-таг, вулканы Бай-Шань, Турфана и др. Цепь оканчивается у меридиана Хами и исчезает в песках пустыни Гоби. Автор склонен рассматривать Тянь-Шань и как более обширную горную страну, считая, что Кавказ — западное продолжение этой цепи гор, а на восток, за Гоби, в нее пужно включить горы Ин-шал, тянущиеся почти до побережья Тихого океана.

Геология того времени имела весьма ярко выраженное «вулканическое направление». Быть может поэтому, а также из-за неточных сведений древних авторов, но во всяком случае Гумбольдт считал Тянь-Шань крупным центром активной вулканической деятельности. Не остановило ученого и то, что это нарушало основную закономерность, согласно которой вулканы на поверхности Земли встречаются главным образом на островах и вблизи берегов крупных морских бассейнов.

Гумбольдт различал несколько центров вулканической деятельности на Тянь-Шане. Особенно интенсивной, по его мнению, она должна быть на востоке, около Урумчи, у Кульджи, Турфана, вблизи оз. Иссык-Куль. Центрами вулканической области ученый считал Богдо-оло и громадный вулкан Бай-Шань.

Любопытно и характерно для географии того времени, что Бай-Шань — гору, известную по китайским источникам, считали вулканом на том основании, что некоторые авторы называли ее Хо-Шань (Огненная гора). Другой путешественник, Мейер, принял за вулкан гору Уртенятау только из-за ее названия, которое в переводе означает Горелая сопка.

Уже в 1840 г. А. Шренк во время своего путешествия в Джунгарский Алатау доказал, что остров Арал-тюбе в оз. Алакуль совсем не вулкан, вопреки мнению Гумбольдта, основывающегося на неверных показаниях других путешественников. Двенадцать лет спустя горный инженер Влангали, посетив эти же места, также не обнаружил никаких следов вулканизма и вулканических пород.

Оставалась высокогорная и все еще недоступная часть Тянь-Шаня. Если по окраинам горной страны нет вулканов, то, быть может, они в ее центре? Но и на этот вопрос наука ответила сравнительно быстро.

В начале 50-х годов прошлого века русские войска заняли так называемый Заилийский край. В 1845 г. в предгорьях Заилийского Алатау было основано укрепление Верный (теперь г. Алма-Ата). Русские ученые получили доступ в Тянь-Шань.

...Достроен лишь первый дом в Верном, еще в горных долинах продолжались столкновения между враждующими родами киргизов, но уже двигался к Тянь-Шаню молодой ученый ботаник П. П. Семенов (впоследствии за заслуги по изучению этой горной страны получивший к своей фамилии приставку Тянь-Шанский).

П. П. Семенов относится к плеяде замечательных русских путешественников XIX в., исследователей с широкой и разносторонней подготовкой и интересами. Будучи ботаником по специальности, он тем не менее собрал и обобщил интересные и важные материалы по орографии и геологическому строению, фауне посещенной страны, описал ее население. «Главное мое внимание,— писал П. П. Семенов в Географическое общество после окончания экспедиции,— было обращено на исследование горных проходов, так как высота их определяет среднюю высоту хребтов, а разрез — географический профиль и строение горных цепей, не говоря уже о важности их как путей сообщения между соседними странами. Наконец, не менее внимания обратил я на изучение общих черт орогра-

фического и геогностического строения страны и на вертикальное и горизонтальное распределение растительности»¹.

Выехав весной 1856 г. из Петербурга, П. П. Семенов достиг укрепления Верный лишь 1 сентября. Вечером следующего дня в сопровождении небольшого отряда он отправился на восток вдоль предгорий Северного Тянь-Шаня. Насколько дикими были в ту пору эти места, можно судить хотя бы по тому, что, покуда Семенов совершал экскурсию вверх по долине р. Иссык, его спутники охотились на тигра.

Перевалив через хребты Заилийский и Кунгей Алатау, маленький отряд достиг восточного берега оз. Иссык-Куль и, пробыв здесь лишь несколько часов, повернул обратно. Несколько позднее Семенову удалось посетить и западные берега озера. Это позволило ему выяснить важные вопросы гидрографии Тянь-Шаня.

В 1856 г. исследователю не удалось проникнуть в Центральный Тянь-Шань. Он лишь наблюдал издали его снежные хребты, поднимающиеся за озером: «С юга весь этот синий бассейн Иссык-Куля был замкнут непрерывной цепью снежных исполинов. Тянь-Шань² казался крутой стеной. Снежные вершины, которыми он был увенчан, образовали нигде не прерывающуюся цепь, а так как белоснежные основания их, за дальностью расстояния на юго-западе, скрывались за горизонтом, то снежные вершины казались прямо выходящими из темносиних вод озера»³.

Пробыв зиму в Барнауле, Семенов вернулся в Верный ранней весной 1857 г.; на этот раз он обследовал значительно большую часть Тянь-Шаня, главным образом на восток и юго-восток от оз. Иссык-Куль. Дойдя до южного побережья озера, он пересек Терской-Алатау через наиболее доступный Заукинский перевал (перевал Джуука) и оказался в сыртовой области верховий Нарына. Отсюда путешественник повернул назад к Иссык-Кулю. Затем отряд двинулся вверх по долине р. Кокжар к перевалу того же названия.

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань, Географгиз, 1946, стр. 16.

² Семенов здесь называет Тянь-Шанем хребет Терской-Алатау.

³ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань, Географгиз, 1946, стр. 105.

С перевала перед глазами Семенова открылась необычайная по грандиозности панорама: «Когда же мы добрались около часа пополудни к вершине горного прохода, то мы были ослеплены неожиданным зрелищем. Прямо на юг от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь, сверху до низу, состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати. Весь этот хребет, вместе с промежутками между горными вершинами, был покрыт нигде не прерывающейся пеленой вечного снега. Как раз посередине этих исполинов возвышалась одна, резко между ними отделяющаяся по своей колоссальной высоте, белоснежная остроконечная пирамида, которая казалась с высоты перевала превосходящей высоту остальных вершин вдвое...

Небо было со всех сторон совершенно безоблачно, и только на Хан-Тенгри заметна была небольшая тучка, легким венцом окружавшая ослепительную своей белизной горную пирамиду немного ниже ее вершины»¹.

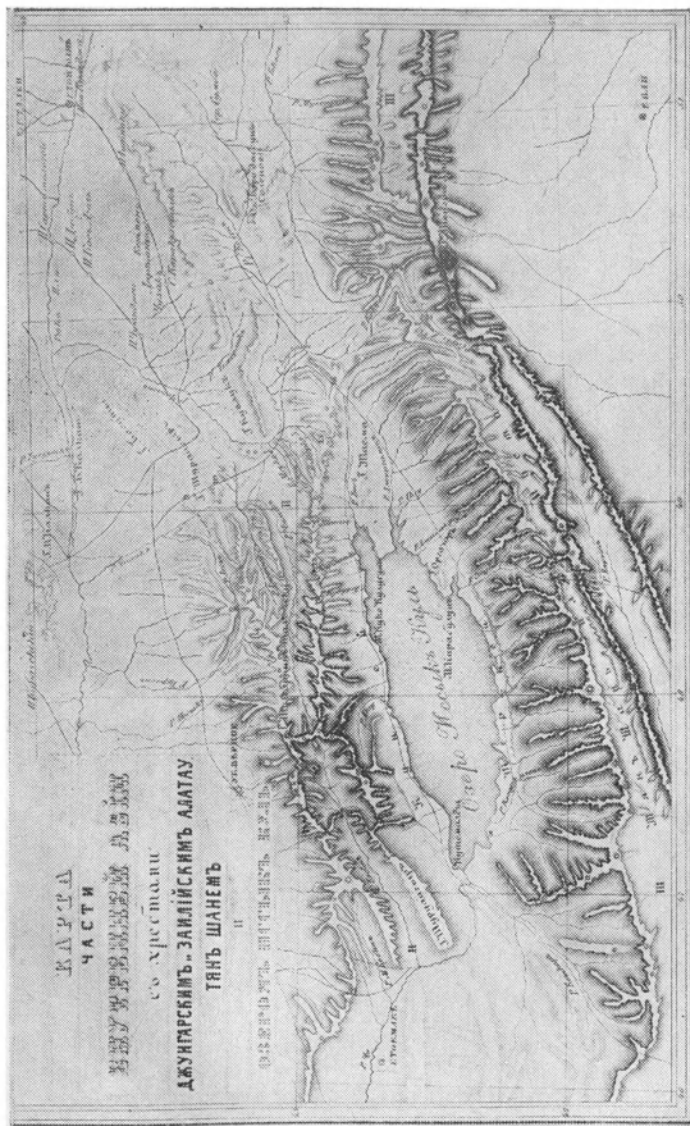
Три часа ученый пробыл на перевале. Спустившись в долину р. Сарыджаз, Семенов обследовал ее верховья и поднялся, как он пишет, на северные склоны Тенгри-тага (повидимому, северный склон Сарыджасского хребта). В долине Сарыджаза исследователь провел несколько дней. В истоках реки он прошел часть громадного ледника, названного им «Ледяным морем», который, как ему казалось, спускался со склонов Хан-Тенгри. Впоследствии Игнатьев назвал этот ледник именем Семенова.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский первым из ученых проник в Центральный Тянь-Шань, открыл и описал группу Хан-Тенгри. Исследовать более детально Тенгри-таг и другие горные районы ему не пришлось. Это выпало на долю других ученых. Семенову так и не удалось снова побывать на Тянь-Шане. Но и то, что он сумел сделать, вошло в историю географии как научный подвиг.

Семенов, конечно, так и не нашел на Тянь-Шане вулканов: «Результатом всех усиленных моих розысков было то, что я решительно не нашел ни вулканов, ни даже вулканических пород в Небесном хребте»². Зато путешественник открыл крупные современные ледники, особенно в

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань, Географгиз, 1946, стр. 197—198.

² Там же, стр. 21.

Карта Тянь-Шаня, составленная П. П. Семеновым-Тянь-Шанским после его путешествия 1856—1857 гг.

группе Тенгри-таг, и установил высоту расположения снежной линии в этой горной стране, значительно отличающуюся от известных ее значений для Альп, Пиренеев и Кавказа.

Семенов составил первую основанную на фактическом материале схему орографии Тянь-Шаня. До него существовало представление о единой горной цепи в восточной части горной страны, которая за перевалом Музарт разветвлялась к западу на два расходящихся хребта. Озеро Иссык-Куль рисовали севернее этого разветвления горных цепей. Семенов же имел довольно точное представление о хребтах северной части Тянь-Шаня: Заилийском Алатау и Куңгей Алатау (последний он называл Южным хребтом Заилийского Алатау). Он указал, что эти хребты связаны между собой Кемино-Чиликской перемычкой. Что касается Центрального Тянь-Шаня, то исследователь представлял его как вытянутую в общем направлении с СВ на ЮЗ горную цепь с многочисленными отрогами. Южнее и почти параллельно первому, по его мнению, протягивалась другая цепь — Мустаг. В районе Тенгри-тага эта цепь к западу разветвлялась на две, между которыми лежат истоки р. Нарын. Долина Сарыджаз располагается между хребтом Тянь-Шань и группой Тенгри-таг. Семенов изобразил хребты почти прямыми, их дугообразный характер исследователи установили только позднее.

В течение десяти лет после экспедиции Семенова исследования Тянь-Шаня были гораздо более скромными. Никто из путешественников не смог проникнуть вглубь Центрального Тянь-Шаня и Джунгарии. Карты того времени еще не учитывали материалов, собранных Семеновым. Например, известный географ М. И. Венюков после посещения долины р. Чу и оз. Иссык-Куль в те же годы издал работу об азиатских границах Русской империи. Но его орографические представления о Тянь-Шане — шаг назад даже по сравнению с данными Семенова.

Среди путешествий в Тянь-Шань в этот период наиболее замечателен маршрут Валихана Валиханова (1857—1858 гг.). Переодетый купцом, он пересек с караваном Центральный Тянь-Шань от Верного, мимо Иссык-Куля, через перевал Заукинский (Джуука) к оз. Чатыркуль и далее в Кашгарию. Отправляясь в путешествие по просьбе

П. П. Семенова, Валиханов стремился получить сведения о судьбе немецкого исследователя Шлагинтвейта, проникшего в Кашгарию с юга и, по слухам, убитого одним из местных ханов. К сожалению, Валиханов вскоре после возвращения умер, не успев обработать собранные им ценные географические материалы. В 1859 г. капитан генштаба А. Ф. Голубев определил 16 астропунктов вблизи оз. Иссык-Куль и в долине р. Текес. По его вычислениям оз. Иссык-Куль расположено на высоте 1616,5 м. Таким образом была заложена основа для составления первых точных карт Тянь-Шаня. Через три года (1862—1863 гг.) капитан генштаба А. П. Проценко направился к Иссык-Кулю для обследования перевалов в хребте Терской-Алатау. Он описал по личным наблюдениям перевалы Джугау, Барскоун и Улахол и долины Кочкара, Джумгал, оз. Сонкуль и Нарын; по расспросным данным — перевалы Топ и Конур-Улен.

В эти годы было завершено завоевание Россией восточной части Средней Азии; в 1865 г. был взят Ташкент. Военные власти решили связать линию сырдарьинских укреплений с семиреченскими. Все это значительно облегчило путешествия ученых в Тянь-Шань. Более того, царская администрация даже оказывала содействие исследователям: для закрепления завоеваний в Среднюю Азию выселялись крестьяне из Украины и центральных областей России. Нужно было выявить места, пригодные для заселения.

Воспользовавшись изменившейся ситуацией, Н. А. Северцов, известный уже исследователь Средней Азии, совершил ряд путешествий по Тянь-Шаню. Первое путешествие 1864 г. было посвящено Заилийскому Алатау, оз. Иссык-Куль, северным предгорьям Киргизского Алатау и частично Чаткалу. В 1865—1866 гг. он совершает ряд маршрутов в окрестностях г. Ташкента, в районе гор Караташ и Угамского хребта. Однако наиболее интересным и плодотворным было его последнее путешествие по Тянь-Шаню в 1867 г.

В середине сентября отряд выступил из Верного. Почти тем же путем, что и Семенов, он обогнул с востока оз. Иссык-Куль и вышел к его южному побережью. Здесь русскими войсками уже было построено несколько укрепленных постов (Каракол, Аксу у устья р. Тургенъ-

Аксу и др.), которые могли служить опорной базой для путешествия вглубь Центрального Тянь-Шаня.

Далее Северцов прошел на запад вдоль южного побережья озера, свернул в долину р. Барскоун и через одноименный перевал вышел в область сыртов Центрального Тянь-Шаня. Проникнув таким образом к истокам Нарына, путешественник увидел к востоку меридиональную группу гор Акшийряк. Спустившись по р. Таргай несколько ниже места ее слияния с р. Курместы, он затем перешел вброд р. Нарын, двинулся на юго-запад и через перевал Улан попал в долину того же названия. Северцов успел осмотреть также долины рек Атбаши и Аксая, т. е. почти достиг южной границы Центрального Тянь-Шаня. Резкие холода наступавшей в горах зимы заставили Северцова и его спутников повернуть обратно. Возвращался путешественник западнее, по другому пути. Он обследовал среднее течение р. Нарын, двигаясь на север, прошел западнее оз. Иссык-Куль и 29 октября прибыл в Токмак.

Карта Северного и Центрального Тянь-Шаня, которую издал после своих путешествий Н. А. Северцов¹, составлена с учетом не только собранных им сведений, но и данных всех путешественников до 1869 г. включительно. На карте уже довольно подробно изображено большое число хребтов и горных массивов. Здесь, за исключением самой восточной части Центрального Тянь-Шаня, где после Семенова никто еще не был, мы можем найти почти все черты современной карты.

Собранные материалы позволили Северцову сделать некоторые общие выводы о строении этой горной системы и всей Азии в целом. Ученый пришел к выводу, что наиболее правильно описывал Тянь-Шань знаменитый китайский путешественник Сюань Цзян. Сам Северцов в орографическом отношении делил Тянь-Шань на две основные части: восточную и западную, разграниченные горной группой Хан-Тенгри. Восточная часть — это один главный хребет, водораздел между бассейнами рек Или на севере и Тарима на юге. В западной же части — запутанная система плоскогорий-сыртов и отдельных более или менее коротких хребтов. Эту черту Северцов считал вообще свойственной орографии Азии. Исследователь полностью от-

¹ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю, Географиз, 1947, вклейка к стр. 280.

вергал представления Гумбольдта о вулканической природе Тянь-Шаня и выдвинул теорию медленного поднятия его хребтов, что для геологической науки того времени было революционным.

В 1867 г., несколько ранее, чем Северцов выехал в свое последнее путешествие по Тянь-Шаню, туда направились рекогносцировочные партии Краевского, прошедшего среднюю часть долины р. Нарын, и Полторацкого, почти полностью пересекшего (впервые после Валиханова) Тянь-Шань с севера на юг. Вместе с Полторацким, обследовавшим горный проход Музарт, путешествовал ботаник Ф. Р. Остен-Сакен, собравший богатую коллекцию флоры Южного Тянь-Шаня.

В следующем году Буяновский барометрически определил высоты ряда пунктов Тянь-Шаня, а в 1869 г. большое путешествие по южной части этой страны совершил Каульбарс, исследовавший возможные пути, пересекающие Тянь-Шань. В составе этой экспедиции были топографы Петров и Рейнгартен. Путешественники двинулись мимо восточного края оз. Иссык-Куль к долине Нарына. Они исследовали ее вплоть до истоков реки в хребте Акшийряк, затем двинулись на запад вдоль хребта Кокшаалтау мимо оз. Чатыркуль. Отсюда экспедиция повернула на север и завершила свой маршрут в долине Таласа. В хребте Акшийряк открыли и описали ряд ледников: Муз-тур, Петрова, Акшийряк, Иирташский и др.

Начиная с 1869 г. центр тяжести исследований переносится в более западные районы Средней Азии, в основном на Памир и на территорию нынешней Туркменской ССР. Путешествия в Тянь-Шань до самого конца XIX в. носят в основном эпизодический характер и направляются в отдельные районы этой горной страны.

В период 1870 — 1872 гг. Каульбарс, затем А. Шепелев и Л. Костенко обследуют район Музартского прохода, восточнее группы Хан-Тенгри. В 1884 г. профессор ботаники В. В. Сорокин совершает краткосрочную (18 дней) поездку к Иссык-Кулю, в ущелья северных склонов Терской-Алатау и далее на юго-запад к оз. Сонкуль и, наконец, через Джумгал и Сусамыр в низовья Нарына — в г. Наманган.

Наиболее интересной была предпринятая в 1886 г. по инициативе П. П. Семенова и И. В. Мушкетова экспедиция Русского географического общества во главе с гор-

ным инженером И. В. Игнатьевым, которая должна была продолжить исследования района Хан-Тенгри: выяснить орографическую связь между Тенгри-тагом, хребтом Терской-Алатау и восточным продолжением Тянь-Шаня — Музартom. Кроме того, исследователи должны были выявить ряд геологических особенностей района, а также изучить современное и древнее оледенение этой части Тянь-Шаня. 16 июля караван экспедиции вышел из Пржевальска и через долину Тургенъ-Аксу двинулся к р. Сарыджаз. Проникнув к истокам реки, экспедиция поднялась на ледник, который П. П. Семенов образно назвал «Ледяным морем». Игнатьев предложил переименовать его в честь Семенова. Над верховьями ледника поднимаются могучие контуры Хан-Тенгри. Участники экспедиции решили, так же как ранее Семенов, что ледник стекает со склонов этого пика. Двигаясь далее к югу, в верховьях р. Адыртор, притока Сарыджаза, Игнатьев нашел большой ледник, параллельный леднику Семенова. Экспедиция присвоила этому леднику имя Мушкетова, известного исследователя Русского Туркестана.

Плохая погода помешала Игнатьеву и его спутникам подняться в верховья ледника Мушкетова, и они отправились дальше. Несколько дней спустя, перевалив через хребет Сарыджаз, путешественники попали в долину р. Иныльчек — следующего притока все той же Сарыджаз. Река Иныльчек вытекала из-под могучего ледника, открытого Игнатьевым. Вся поверхность его на много километров покрыта хаосом нагромождений каменных обломков. И этот ледник, показалось Игнатьеву, стекает с тех же гор, что и ледники Семенова и Мушкетова. Экспедиции Игнатьева так и не удалось проникнуть к пику Хан-Тенгри. Загадка горного узла оставалась неразгаданной.

Неудача Игнатьева естественна. Для успешного продвижения вверх по громадным ледникам недостаточно быть энергичным исследователем. Необходимо хорошо владеть приемами передвижения по льду, которыми обычно пользуются альпинисты; нужно также иметь специальное снаряжение. Из отчета Игнатьева видно, какие трудности представила для него и его спутников даже небольшая экскурсия на ледник Семенова: «Упираясь при помощи длинных шестов с острыми концами, мы постепенно поднимались на вершину холма, где должны были отдыхать, так как нами овладевала сильная одышка от

разреженного воздуха. Отдохнув, мы должны были спуститься с крутого ледяного склона, что представляло новые затруднения: при крутом склоне, градусов до 30, очень трудно удержаться шестью, железные концы которых скользили по твердому льду, так же как и подковы с шипами на наших сапогах; приходилось вырубать ступени. Продвигались вперед вообще благополучно, хотя не обходилось без падения и скатывания с крутых склонов»¹.

Из долины Сарыджаз через ранее неизвестный перевал Нарынкол путешественники попали в долину р. Текес. 16 августа они прибыли в поселок Охотничий, откуда совершили экскурсию к оз. Бородобосунг. Отсюда впервые был сфотографирован пик Хан-Тенгри. 22 августа Игнатьев двинулся к Музарту, а топографы экспедиции, находившиеся в долине Баянкола, определили высоту пика — она оказалась равной 24 000 ф. (7320 м).

Значительных успехов добился ботаник А. Н. Краснов, участник этой же экспедиции. В долине р. Куйлю он открыл неизвестный ледник (семь других ледников он обнаружил в горной группе Мирташа). Краснов завершил свой маршрут, перевалив через Бедель в Кашгарию.

В результате работ Семенова и Игнатьева сложилось мнение, что Хан-Тенгри представляет собой узел, из которого как лучи во все стороны расходятся хребты Тянь-Шаня. Естественно поэтому, что большая часть последующих экспедиций в Центральный Тянь-Шань стремилась проникнуть именно к этому пику.

В 1889 г. Тянь-Шань через перевалы Барскоун и Бедель пересекла экспедиция Певцова. Десять лет спустя французский исследователь Сент Ив прошел через горную страну западнее, долиной р. Нарын, и через перевал Яасы достиг Ферганы. В том же году караван венгерской экспедиции Альмасы и доктора Штуммер-Трауенфельса подошел к массиву Тенгри-таг. Два месяца провела экспедиция в долине Сарыджаза и ее окрестностях, охотясь и собирая этнографические и зоологические коллекции. Попыток проникнуть вверх по ледникам Альмасы не делал.

Летом 1900 г. в долину Сарыджаза впервые прибыли альпинисты. Князь Боргезе и доктор Брокерель с извест-

¹ И. В. Игнатьев. Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри. «Изв. Русск. географич. об-ва», т. XXIII, вып. II, 1887, стр. 110.

ным швейцарским проводником Цурбриггеном решили стяжать славу победителей пика Хан-Тенгри. С трудом провели они свой караван через перевал Тюз. Экспедиция достигла долины Иныльчека, но подступы к леднику и путь по нему оказались столь трудными, что путешественники отступили. Они убедились, что с лошадьми по леднику пройти не смогут; достаточного же числа носильщиков не было. Тогда Боргезе решил искать подступов к пику с юга, из Синцзяна. Но и туда альпинистам не суждено было попасть. Сначала караван остановили бурные воды реки Куюкап. Вскоре известие о начавшейся в Китае войне заставило путников повернуть обратно.

Боргезе, Брокерель и Цурбригген совершили несколько восхождений. Пытаясь разглядеть пик Хан-Тенгри с других вершин, они не раз ошибались, принимая за него то один, то другой пик. Наконец, им посчастливилось. Они поднялись на седловину между вершинами Каиндытау и Картыш в хребте Каинды, отделяющем ледник Каинды от ледника Иныльчек. С седловины — они назвали ее перевалом Акмойнак (4560 м) — альпинисты увидели, что ледник Иныльчек имеет две ветви, и решили, что путь по нему — единственный подход к Хан-Тенгри. Боргезе и его спутники преследовали только спортивные цели и никаких выводов об орографии района не сделали.

В 1902 г. к сердцу Небесных гор почти одновременно двинулись две экспедиции. Одна из них выехала из г. Томска, возглавлял ее профессор ботаники В. В. Сапожников; другая экспедиция известного немецкого географа и альпиниста профессора Мерцбахера.

Свое первое путешествие по Центральному Тянь-Шаню Сапожников начал из Верного 23 мая. Исследователь пересек Терской-Алатау. Посетив несколько долин на южных склонах хребта, он снова вернулся к Иссык-Кулю в г. Пржевальск, а отсюда по долине р. Тургень-Аксу двинулся вглубь Центрального Тянь-Шаня. Пройдя перевал Карагыр, часть долины р. Оттук и перевал Терпу, Сапожников достиг р. Куйлю. Поднявшись вверх по ее долине до перевала Куйлю, он обследовал плато Арпатектор и долину р. Курусай, правого притока Куйлю. Здесь встретилось несколько ледников, а в верховьях Куйлю и в одноименном хребте, поднимавшемся над долиной с юга, ряд снежных вершин высотой более 5000 м, в том числе самая высокая вершина у восточного окончания хребта —

пик Эдуарда (около 6000 м) ¹. Через перевал Куйлю Сапожников спустился в долину р. Иирташ и прошел всю ее верхнюю часть до устья р. Ортоташ. Здесь исследователи свернули на север и пересекли хребт Теректы одноименным перевалом, с которого удалось осмотреть южные склоны хребта Куйлю. Таким образом, впервые был обследован большой горный район между долинами рек Куйлю и Иирташ, на запад от долины Сарыджаза. Анализируя направление хребтов этой части горной страны, Сапожников также решил, что «все пять складок на востоке сходятся в группе Хан-Тенгри...». Этот вывод совпал с мнением Семенова и Игнатьева. Сапожников не ограничивается этим; далее он указывает: «... на западе они собираются в два горных узла, причем Западный Акшийряк охватывает собой меньший в верховьях р. Куэлю и Теректы...». Он «принимает в себя, считая с севера на юг... Терской-тау, хр. Ишигарт и Кокшаал; узел Теректы соединяет... хр. Куэлю и Теректы» ². Оба узла соединяются одной из складок хребта Терской-Алатау. Исследователь разбирает также орографию области, примыкающей с запада к группе Акшийряк.

На последнем этапе работы экспедиция посетила долину Сарыджаза; пройдя ее от долины Куйлю до верховий, откуда путешественники перевалом Ашутер (у Сапожникова — Нарын-кол) проникли в долину Баянкола. По пути Сапожников поднялся по леднику Семенова до высоты 3783 м, где открытый лед сменялся сплошным снежным покровом. Хан-Тенгри увидеть отсюда не удалось, он был закрыт облаками. Чтобы произвести определение высоты вершин, Сапожников 7 июля поднялся по правым склонам долины Ашутора. Перед исследователем открылась панорама могучих снежных вершин: «Такого обилия снега я ни прежде, ни после не видел нигде» ³. Высота Хан-Тенгри, определенная Сапожниковым, оказалась равной 6950 м.

Во время экспедиции Сапожников и его спутники, особенно М. Фридрихсен, производили съемку местности, послужившую основой для составления карты Центрального

¹ Название дано Альмасы, видевшим вершину из долины Сарыджаз.

² В. В. Сапожников. Очерки Семиречья, Томск, 1904, стр. 102.

³ Там же, стр. 123.

Тянь-Шаня. Естественно, что изображение хребтов в районе, непосредственно примыкающем к пику Хан-Тенгри, на ней весьма нечетко, хотя в целом карта внесла много нового.

Проникнуть к пику Хан-Тенгри Сапожников не пытался. Эту цель поставил себе Мерцбахер — один из крупнейших альпинистов своего времени. Его спутники тоже имели незаурядную альпинистскую подготовку.

Вначале Мерцбахер попытался проникнуть к Хан-Тенгри из Баянкольского ущелья, но вскоре убедился, что долина не приведет его к цели: другая большая вершина замыкала ущелье, поднимаясь вверх двухкилометровой стеной. Мерцбахер назвал ее «Мраморной стеной», — в обрывистых склонах пика были видны пласты превосходного мрамора.

Первая неудача не разочаровала исследователей. Чтобы уточнить положение Хан-Тенгри, путешественники совершили ряд восхождений на вершины высотой до 5500 м. Но и это ничего не дало: вершины, как оказывалось, были выбраны неудачно, подступы к Хан-Тенгри разгадать не удалось. Нужно было искать другие пункты для обзора. Тогда экспедиция направилась в долину Сарыджаза. Поднявшись здесь почти на любую из окружающих вершин, можно увидеть пирамиду Хан-Тенгри и ущелья, отходящие от пика на восток. Но по какому из них добраться к подножию пика? Этого Мерцбахер не знал.

Предшественникам Мерцбахера казалось, что ледник Семенова стекает со склонов пика Хан-Тенгри. Мерцбахер читал об этом. Чтобы проверить эту догадку, он поднялся на вершину, поднимавшуюся над северным берегом ледника. Когда восходители достигли высшей точки горы и разобрались в открывшейся перед ними панораме, их снова постигло разочарование: гора, с которой стекал ледник Семенова, оказалась, повидимому, все той же Мраморной стеной.

Следующим на юг был ледник Мушкетова. Но и в его верховьях не оказалось таинственного пика. Борьба с суровой природой высокогорного Тянь-Шаня — нелегкое дело. Во время одного из восхождений, чуть было не закончившегося трагически, альпинистам — участникам экспедиции пришлось испытать на себе коварные свойства сухого порошкообразного снега, столь характерного для

Тянь-Шаня. Они уже были недалеко от вершины, когда под их тяжестью сухой снег, непрочно лежавший на склоне, начал сползать вниз. Возникла лавина. Мощный поток снега увлек четырех восходителей и со все возрастающей скоростью устремился вниз. Люди спаслись случайно: пролетев около двухсот метров с лавиной, они попали в трещину на склоне. Выбравшись из снега, альпинисты не решились продолжать подъем. Если бы они были настойчивей и все же добрались бы до вершины, то увидели бы ледник Северный Иныльчек и пик Хан-Тенгри в его верховьях. Но... они отступили.

После обследования бассейна ледника Мушкетова Мерцбахер прошел в долину Иныльчека, но к верховьям ее не поднялся. Экспедиция направилась через Музартский перевал в Китай. Поиски неуловимого пика были оставлены до следующего года.

Вновь наступило лето. И опять Мерцбахер исследует ледники Баянкольский, Семенова и Мушкетова, пополняя свои прошлогодние наблюдения. Приходит он и в долину Иныльчека. Здесь, наконец, снова была найдена разгадка Хан-Тенгри¹.

Экспедиция с большим числом носильщиков поднялась по леднику Иныльчек. Караван прошел около 18 км, пробираясь через груды каменных обломков, скрывавших лед. Путники остановились: долина впереди раздваивалась. Из боковой долины, уходящей на северо-восток, вытекал еще один могучий ледяной поток. Над ним, уходя в небо снежными вершинами, вставала цепь высоких гор.

Оказалось, что Альмаси был прав: Иныльчек состоит из двух ветвей, разделяющихся высоким хребтом².

По какому ущелью двигаться дальше? Наблюдения говорили, что искать Хан-Тенгри нужно в верховьях северной ветви. Путешественники шли по левому, южному краю ледника. Чтобы подойти к месту впадения северной ветви, пришлось пересечь весь ледник, растекающийся по широкому ущелью более чем на 3 км.

¹ Напомним, что Альмаси ранее уже установил, что путь к Хан-Тенгри лежит по леднику Иныльчек.

² Долгое время ошибочно считалось, что ледник Северный Иныльчек сливается с Южным, составляя его приток. Когда-то (лет 500 назад, как определил Г. А. Авсюк) при значительно большей мощности оледенения так оно и было.

Казалось, цель близка. Но... устье Северного Иньльчека было перегорожено во всю ширину большим ледниковым озером. По зеленоватой воде плавали красивые айсберги; крутые скалистые берега обрывались к озеру... Путь был надежно закрыт: ни переправиться, ни обойти озеро невозможно. Уже найденное решение ускользало. Можно было подняться дальше по южной ветви, но вел ли тот путь к пику?

Помог испытанный прием: еще одно восхождение, и с одной из вершин на южном берегу ледника Мерцбахеру удалось разглядеть контуры уже знакомой вершинной пирамиды Хан-Тенгри. Нужно было двигаться вперед, и двигаться быстро: запасы продовольствия кончались, а до базового лагеря было далеко.

Еще на полтора десятка километров вверх по леднику поднялись измученные, голодные носильщики экспедиции. Дальше они не пошли. Вперед двинулись только Мерцбахер с двумя тирольцами (альпийскими проводниками, из состава экспедиции). Вскоре они вышли на фирновые поля, лежавшие здесь уже сплошным покровом. По плотному снегу итти было значительно легче.

Пять часов непрерывной быстрой ходьбы по снегу. Спускающиеся с хребта отроги ограничивают видимость. Что скрывается за ними? Быть может, снова путников ожидает разочарование и загадка пика останется нерешенной?

Почти внезапно из-за выступа скал показалась сверкающая снегом вершина. Еще несколько быстрых шагов, и ничем не скрываемая перед путниками поднимается мраморная пирамида «Повелителя духов». Она теперь видна вся, от подножия до вершины.

Сразу стало очевидным, что Хан-Тенгри не только не узел крупнейших хребтов Тянь-Шаня, но даже не принадлежит ни одному из них и расположен в самостоятельном коротком хребте, разделяющем оба ледника Иньльчек. Высоту вершины Мерцбахер определил в 7200 м.

Пытаясь разобраться в расположении хребтов Тянь-Шаня, он решил, что узлом является виденная им в Баянкольском ущелье Мраморная стена. И хотя Мерцбахер ошибся, но мнение его много лет разделялось всеми географами. Снова Мерцбахер посетил Тянь-Шань в 1907 г., но возле Хан-Тенгри больше не был.

После 1903 г. экспедиции в Центральный Тянь-Шань довольно редки, во всяком случае нет ни одной, равной по значению предпринятым Мерцбахером и Сапожниковым. В 1906 г. венгерский геолог Г. Принц, отправившись из г. Андижана, прошел вдоль Центрального Тянь-Шаня через долины Нарын, Сарыджаз, Баянкол и Текес. На обратном пути он посетил оз. Иссык-Куль. Повернув отсюда на юг, пересек долины верхнего течения Нарына и вышел к хребту Кокшаал-тау. Через три года Принц снова прибыл в Тянь-Шань, на этот раз он сразу же направился к северным склонам западной части Кокшаал-тау. Здесь путешественник посетил малоисследованное плато Аксая, пересек хребет и вышел на юг в Кашгарию. Принц обследовал неизученные долины рек Урюк-сай и Контавтау и дошел до р. Кокшаал. В том же 1909 г. южные склоны Кокшаал-тау посетил также Гребер, а горный инженер К. И. Аргентов совершил ряд маршрутов в районе оз. Чатыркуль и в долинах Атбаш и Аксай, т. е. на северных склонах того же хребта. В 1910 г. начинают работать экспедиции Переселенческого управления, но они сперва направляются к западной части горной страны, и лишь в 1912 г. одна из них, во главе с В. В. Сапожниковым, проникает в Центральный Тянь-Шань. На этот раз исследователь начал с обследования района Кетменьского хребта (на северо-восток от г. Алма-Ата). Он посетил долины рек Текеса и Баянкола. Закончив работу в этом районе, экспедиция двинулась в долину р. Сарыджаз. Не сумев подняться на ледник Мушкетова (он был скрыт облаками), Сапожников двинулся дальше на юг, перевалил через Сарыджасский хребет (перевал Тюз) в долину Иныльчек, затем через перевал Ат-джайляу в долину р. Каинды. Здесь члены экспедиции поднялись на ледник и шли по нему более четырех часов, но до конца поверхностной морены, до «чистого льда», так и не добрались. Из долины Каинды путешественники двинулись далее на юг, через перевалы Уччат и Караарча и достигли р. Караарча. Попытка проникнуть дальше по ущелью р. Чичар не удалась: узкий каньон оказался непроходимым. Таким образом, Сапожников проник в южную часть хребтов группы Хан-Тенгри так же далеко, как Мерцбахер и Боргезе. Обратный путь экспедиции лежал несколько западнее и привел ее в низовья р. Иныльчек. Пройдя перевал Тюз, она снова оказалась в

долине Сарыджаза. Сапожников посетил низовья долины Куйлю и обследовал ее северные притоки. На этом маршрут в Центральном Тянь-Шане закончился: через перевал Терпу, долину Оттука и перевал Карагыр путники прибыли в долину Тургенъ-Аксу и г. Пржевальск.

В том же 1912 г. Туркестанский военный округ проводил топографическую съемку большей части территории Тянь-Шаня. Топографы подошли и к языкам ледников группы Хан-Тенгри, но отряд их был очень малочисленным и плохо оснаренным. «При наличии 5 человек рабочих и 2 казаков невозможно было делать попыток хотя бы бегло обследовать эти ледяные пространства, а съемка, даже только маршрутная, возможна в случае организации особой экспедиции, обставленной надлежащим образом»¹. Альпинистов среди топографов не было.

По данным съемки 1912 г., высота Хан-Тенгри оказалась равной 22 940 ф. (6992 м). Долгое время эта цифра была на картах. Впрочем, топографы ошиблись всего лишь на 3 метра.

Шли годы. Горы стояли в суровом молчании. Лавины с грохотом низвергались по крутым склонам. Бурные реки несли свои пенистые воды. Но никто не пытался вновь проникнуть к таинственным высотам Тенгри-тага. В условиях царской России так и не удалось организовать настоящее исследование этого интересного района.

В 1914 г. в районе оз. Иссык-Куль работал геолог Н. Г. Кассин, а в следующем году В. В. Резниченко с гидрологической партией посетил Капкак, Текес и Каркару. Он собрал значительный материал о геологии и оледенении северной части Тенгри-тага.

* *
*

К тому времени, когда началось исследование Центрального Тянь-Шаня советскими путешественниками и учеными, в его орографии все еще оставалось много неясных вопросов. Большинство ущелий и ледников в самой высокой, восточной части горной страны, вблизи группы Хан-Тенгри еще не было пройдено путешественниками. О груп-

¹ Записки Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба, ч. XIX, отд. I, СПб., 1914, стр. 126—127.

пах Кулюта и Акшийряк были лишь весьма общие представления. На большинство ледников и тем более вершин гор в этих районах и в центральной части хребта Кокшаал-тау еще не ступала нога исследователя. Никто не пытался пройти каньоны, пропиленные в Кокшаал-тау реками Сарыджаз и Узенгигуш. Естественно, что так же, как и для расшифровки «белого пятна» Памира, здесь потребовалось участие альпинистов. Именно поэтому, очевидно, исследования возобновились в первую очередь в районе Хан-Тенгри. Параллельно шло углубленное всестороннее изучение природы Центрального Тянь-Шаня. Большую роль в этом деле сыграла Тяньшанская географическая обсерватория, построенная Академией наук в долине р. Кумтер, в 6 км от ледника Петрова.

Первые группы советских путешественников направились к леднику Иныльчек в 1929 г.¹ Сперва это были лишь рекогносцировки альпинистов и туристов, но с 1931 г. в составе Украинской экспедиции работает уже ряд научных работников разных специальностей. Постепенно выявлялось строение хребтов района, особенности и детали его исключительно мощного и своеобразного оледенения.

В 1929 г. Н. Н. Пальгов совершил весьма интересное путешествие к северным склонам центральной части хребта Кокшаал-тау. Здесь в верховьях рек Аксу и Узенгигуш он открыл ряд крупных, никем не описанных ледников; до него в этом районе лишь топографы, производившие в 1912 г. съемку, отметили значительное оледенение.

В 1932—1933 гг. в связи с проведением 2-го международного полярного года (МПГ) число экспедиций в Центральный Тянь-Шань увеличилось. В течение двух лет в области между хребтами Терской-Алатау и Барколдой работали экспедиции во главе с С. В. Калесником. Базируясь в районе обсерватории, они исследовали оледенение этих мест, открыли и подробно описали ряд ледников хребта Акшийряк, выявляли строение рельефа и геологию района. Посетили они и ледник Семенова в долине Сарыджаз. В 1933 г. было намечено обследовать северные склоны Кокшаал-тау, но из-за позднего начала работ экспедиция была вынуждена ограничиться небольшим

¹ Большинство из этих путешествий подробно описано ниже в очерках, поэтому мы ограничиваемся здесь лишь кратким упоминанием о них.

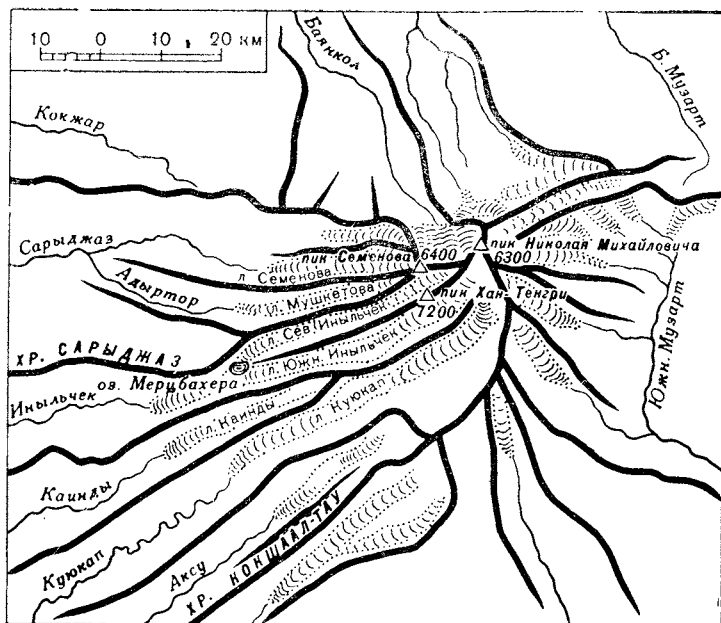

Схема хребтов Тянь-Шаня (по Мерибахеру)

участком хребта Кокшаал-тау между перевалами Пикертук и Бедель. В 1934 г. природу сырта Центрального Тянь-Шаня в районе плато Арабельсу обследовала небольшая группа Ленинградского университета во главе с профессором Д. Н. Кашкаровым.

Более подробное обследование ледников хребта Барколдой, а затем и северных склонов хребта Кокшаал-тау выпало на долю группы туристов Московского Дома ученых во главе с профессором А. А. Летаветом¹. Проникнув в 1933 г. через перевал Кубергенты в урочище Кагалайчай, группа посетила открытый Пальговым ледник Комарова и соседний, еще не исследованный ледник Пальгова, а затем двинулась на восток, вниз по течению р. Узенгигуш. Свернув на юг, в ущелье р. Джурек, туристы обследовали еще один неизвестный ледник. Они назвали его именем

¹ Подробнее об этом см. Затуловский Д. М. На ледниках и вершинах Средней Азии, Географиз, 1948, очерк «К южным границам Центрального Тянь-Шаня».

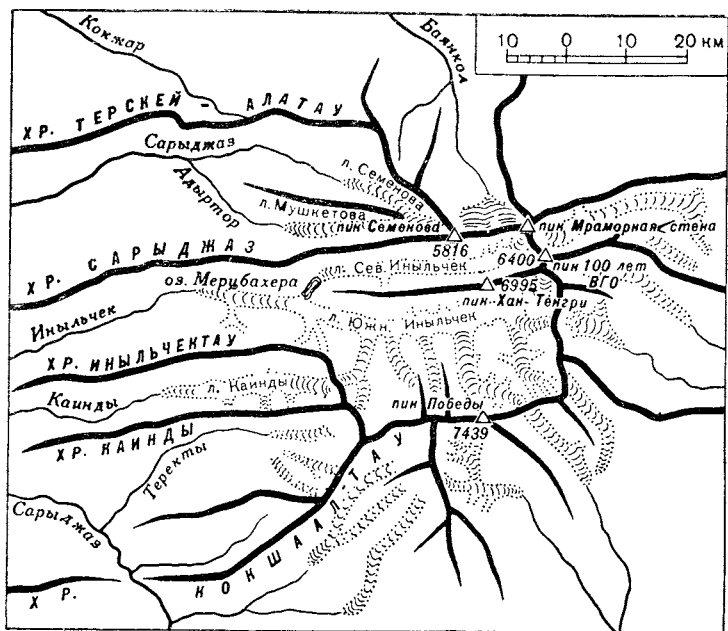

Схема истинного расположения хребтов Тянь-Шаня

С. Г. Григорьева. В следующем году А. А. Летавет снова приехал в эти места и двинулся далее на восток. Он стремился обследовать прорыв Кокшаал-тау рекой Узенги-гуш. Посетив ущелье р. Чонтурасу, туристы открыли там большой ледник, окруженный рядом красивых вершин. Ледник был назван именем Корженевского. Группа вскоре повернула в обратный путь, так и не сумев пробиться к каньону р. Узенгигуш. Снова побывали в этих местах альпинисты лишь в 1938 г.— это была спортивная группа общества «Крылья Советов» во главе с Б. Симагиным. Поднявшись на ледник Григорьева, альпинисты направились к вершине пика, названного ими «Крылья Советов». Непогода помешала им достичь высшей точки горы.

Исследования в районе пика Хан-Тенгри продолжались все эти годы. Завершив в основном обследование ледников Северный Иныльчек, альпинисты направились в долину р. Куйлю. Здесь были покорены пики Советской Конституции и Карпинского. Первая вершина — наиболее высо-

кая в хребте, повидимому та же, которую раньше именовали пиком Эдуарда. Альпинисты установили, что высота ее была определена неверно, она достигает лишь 5250 м, а не 6000 м, как предполагали ранее.

Во время восхождения на пик Карпинского А. А. Летавет обратил внимание на ранее неизвестную вершину. «Она виднелась далеко на восток, несколько южнее пика Хан-Тенгри и, казалось, не уступала ему в высоте». В следующем, 1938 г. была организована экспедиция для восхождения на эту вершину, названную пиком XX-летия ВЛКСМ. В 1943 г. при точной топографической съемке было установлено, что она наиболее высокая в Тянь-Шане и вторая по высоте в стране. Тогда же она была переименована в пик Победы (7439 м).

Альпинисты и впоследствии бывали в долине Куйлю. В 1951 г. ее посетила группа Е. А. Казаковой и В. В. Немыцкого, а через два года альпинисты Узбекистана повторили восхождение на пик Советской Конституции.

Ледники северной части Тенгри-тага, стекающие в долину Баянкола, впервые после Резниченко обследовали участники экспедиции 1935 г. Тогда группа В. В. Немыцкого открыла перевал через хребет Терской-Алатау, пройдя им на ледник Семенова и в долину Сарыджаз. Съемка этого района в 1943 г. и исследовательская работа спортивной экспедиции А. А. Летавета в 1946 г. сыграли большую роль в решении одного из последних неясных вопросов орографии Центрального Тянь-Шаня. Было установлено, что пик Мраморная стена не является узлом, из которого радиально расходятся хребты Тянь-Шаня. А в 1953 и 1954 гг. экспедиция казахских альпинистов, а затем и группа В. Ф. Гусева точно установили место стыка хребтов Терской-Алатау и Сарыджаз.

С середины 30-х годов исследователи Центрального Тянь-Шаня все более переходят от путешествий с задачами общегеографического описания и выяснения орографии страны к планомерному и углубленному изучению ее строения и природы. Попрежнему в этом деле ведущую роль занимает Тяньшанская станция Академии наук.

Однако, хотя с карты Центрального Тянь-Шаня давно уже стерты последние «белые пятна», и поныне путешественники, особенно если они владеют техникой горовосхождений, могут принести немалую пользу географической науке. Неисчислимо здесь и количество еще не покоренных

вершин. Весьма мало посещались открытые Пальговым, Летаветом и Немыцким ледники центральной части хребта Кокшаал-тау. Еще никто не покорил ни одной из очень красивых и трудных вершин этого района. Множество пиков ожидает восходителей в хребтах Куйлю, Теректы и Акшийрак.

В самой восточной части Центрального Тянь-Шаня из множества первоклассных пиков альпинисты поднялись лишь на Хан-Тенгри, Чапаева, Дружбы, Мраморной стены и Баянкол. Нет еще тура на вершине пика Военных топографов; еще никто не штурмовал красивые вершины, носящие имена Максима Горького и Петровского.

Суров климат Центрального Тянь-Шаня, нелегко пройти его могучие ледники, но можно с уверенностью сказать, что в ближайшие годы список советских горовосхождений в этой стране пополнится новыми спортивными победами.

Тянь-Шань — «Небесные горы» — раскинулся на огромном пространстве. Более чем на 2500 км протянулись его хребты через центральную часть Азии.

Восточная часть Тянь-Шаня лежит в пределах Китайской Народной Республики. Здесь тянутся почти параллельные широтные хребты. Вблизи границы с СССР они сближаются между собой, смыкаясь в наиболее высокой центральной части горной системы. Вся центральная и западная части Тянь-Шаня находятся уже в пределах Советского Союза. Здесь в сложном переплетении хребтов поднимаются величайшие вершины Тянь-Шаня: пик Победы (7439 м) и Хан-Тенгри (6995 м). Отсюда хребты снова расходятся в западном направлении.

Северные хребты советской части Тянь-Шаня — Заилийский и Кунгей Алатау огибают с севера большое высокогорное озеро Иссык-Куль. Далее на запад тянутся хребты Киргизский Алатау, Таласский, Угамский, Пскемский и Чаткальский, не считая менее значительных. Эта серия почти параллельных хребтов окаймляет с севера Ферганскую долину.

С востока Центральный Тянь-Шань огражден сравнительно короткой цепью гор, направленных с севера на юг, — хребтом Меридиональный. На запад от него отходят

широтные хребты: Сарыджаский и Терскей-Алатау, Сталина, Каинды и огромный Кокшаал-тау, охватывающий центральную часть Тянь-Шаня с юга. На западе эта часть горной системы заканчивается Ферганским хребтом, протянувшимся с юго-востока на северо-запад.

В пределах этих границ расположено множество гор. Их венчают то снежные конусы, то остроконечные пики. Но не весь Центральный Тянь-Шань представляет собой область высоких снежных гор. Они сконцентрированы в основном между хребтом Меридиональным и другим, почти параллельным ему хребтом Акшийряк. Дальше значительная часть пространства занята округлыми, преимущественно бесснежными горами, перемежающимися с обширными холмистыми плоскогорьями — сыртами.

От юго-западного угла Центрального Тянь-Шаня отходит на запад еще серия хребтов, имеющих общее название Памиро-Алай. Многие ученые считают их также принадлежащими к системе Тянь-Шаня. Это прежде всего скалистый Алайский хребет, окаймляющий с юга Ферганскую долину. У своего западного окончания Алайский хребет образует мощный узел и разветвляется на Зеравшанский и Гиссарский хребты. От первого из них далее ответвляется Туркестанский хребет.

Трудно в нескольких строках дать полную картину сложной горной системы с десятками горных цепей, долин и рек. Несравненно трудней было исследователям и путешественникам изучить их и нанести на карту. Но эта работа была проделана ценой огромных усилий и лишений. Географы, геологи, топографы и альпинисты пробирались в самые глухие долины, в верховья ледников, протянувшихся на десятки километров, поднялись на высочайшие пики. Они стерли с карты Тянь-Шаня все «белые пятна» и теперь продолжают углубленное изучение природы страны, выявляют детали ее строения и естественные ресурсы.

ПОКОРЕНИЕ ХАН-ТЕНГРИ НА ПОИСКИ «ВЛАСТЕЛИНА ДУХОВ»

Легкий порыв ветра покрыл рябью спокойную темную гладь горного озера. Отражение в воде заколебалось и исчезло, разбежавшись бликами по ее поверхности.

Ближайшие, а затем и дальние хребты один за другим скрывались в сумерках быстро наступавшего вечера. Вдали, у горизонта, высоко над темными грядами ближних гор вставала грандиозная цепь покрытых снегом гигантов. Они еще были освещены, и их ледяная броня сверкала в лучах заходящего солнца. Но вот и на них потухли отблески, и только самая высокая вершина еще долго горела алым, кровавым светом заката. Почти правильная пирамида ее высоко поднималась над мощными соседями и, казалось, возглавляла их, четко вырисовываясь на потемневшем вечернем небе.

Это был пик Хан-Тенгри. Властелин духов — так называли этот гигант китайцы. Кан-то — кровавая гора — говорили, задумчиво качая головой, старые киргизы. Духами и сказочными чудовищами многие века населяла фантазия жителей гор ледяные пустыни и острые скалы центральной части Небесных гор.

Наконец, солнце село, и видение исчезло. Но люди у озера стояли неподвижно и смотрели туда, где только что была видна прекрасная вершина. Никто не нарушал торжественного молчания.

Кто знает, о чем думал каждый из них? Впервые увиденная воочию цель далекого пути, главные трудности которого, однако, были впереди, могла заставить задуматься всякого.

Закончилась первая мировая война. Октябрьская революция поставила на новый путь огромную страну. Когда-то захолустные окраины, колонии царской России, социалистические республики Средней Азии стали полноправными членами великой семьи народов Советского Союза.

Изучение страны, разведка ее природных богатств принимала все более широкий размах. В походе на «белые пятна» участвовали люди разных специальностей: географы и биологи, геологи и горные инженеры, топографы и альпинисты. Исследователи горных районов СССР неутомимо и упорно шли к цели.

И вот летним вечером 1929 г. группа советских людей остановилась у маленького высокогорного озера, в одной из долин Центрального Тянь-Шаня.

* *
*

Один из зачинателей высокогорного спорта на Украине, Михаил Тимофеевич Погребецкий еще задолго до наступления лета сумел зажечь своим энтузиазмом руководителей нескольких научных учреждений. Он разворачивал перед учеными карту, на которой восточнее долины Сарыджаза укоризненно зияло почти сплошное «белое пятно». О районе высочайших вершин Тянь-Шаня было еще очень мало что известно.

Фотография вершины Хан-Тенгри, окруженной ореолом таинственности и недоступности, стала хорошо знакома и во Всеукраинской научной ассоциации востоковедения и в Наркомпросе. Высший Совет физической культуры Украинской республики был также непрочь занести в число своих побед взятие такой крепости.

Погребецкий был известен как опытный альпинист, но многим пришлось вскоре узнать его и как чрезвычайно энергичного организатора. Этот человек умел не только убеждать. Когда нужно было, он вдруг становился очень твердым и настойчивым.

В короткий срок вся сложная подготовка к экспедиции была закончена. Однако сразу решить две задачи — покорить Хан-Тенгри и исследовать такой труднодоступный

район, конечно, было невозможно. Экспедиция была лишь первым отрядом, лишь авангардом. Она должна была провести разведку, найти и проверить пути. Основное ядро группы состояло из альпинистов: это вытекало из поставленной задачи.

Уже и тогда многое изменилось на Тянь-Шане со времен путешествия Мерцбахера. Автомобиль доставил членов экспедиции из Фрунзе к оз. Иссык-Куль. Теперь нет необходимости тратить недели на путь к г. Пржевальску, медленно продвигаясь с караваном на нескончаемых дальних подступах к цели. Можно сохранить силы и энергию для самой трудной части пути. Незачем теперь пускаться в длинный окольный путь также и потому, что с 1926 г. по оз. Иссык-Куль существует паромное сообщение. Можно насладиться ночной поездкой по одному из величайших в мире высокогорных озер.

Но путь к цели все же нелегок. И не только природа ставит препятствия. Еще бродили в ту пору в горах остатки байских басмаческих банд, время от времени появлялись они и в ущельях Киргизии. Нужно было быть готовым к встрече с ними.

К долине Иныльчека! Впереди перевал Тюз. В отчетах почти всех путешественников сквозь корректное, сдержанное повествование нет-нет да как бы прорвется скрежет стиснутых в напряжении зубов, храп множества лошадей, шаг за шагом «берущих» подъем.

Глубокий рыхлый снег еще больше затруднил путь. Если пустить по нему лошадей каравана, несущих тяжелые вьюки, то они быстро выбьются из сил. Нужно протоптать тропу. Трое всадников принялись за тяжелую работу. Пять минут, и задыхаются люди, высоко вздымаются бока лошадей. На прилипший к одежде и лицу снег никто не обращает внимания — не до него. Отдых. Снова пять минут работы. И опять отдых... Их сменяет следующая тройка. Лошади срываются и скатываются вниз. Приходится спускаться и вновь проделывать тяжелый путь. Так проходит пять часов. Наконец, тропа, врезанная как коридор в снег, уходит зигзагами к перевалу. Длинная цепочка вьючных лошадей медленно идет на подъем. Караван растянулся на сотни метров. Старательно притороченные вьюки постепенно съезжают и тянут лошадей назад.

Картина, открывшаяся перед путниками с перевала, вознаградила их за тяжелый подъем: «Против перевала

стояли гигантские скалы с острыми зубцами, дикими ледниками и темными пятнами еловых лесов на древних выносах. Километра на два ниже нас чуть изогнутой линией, обращенной на юг, протянулась широкая долина. На дне ее нет растительности, и только среди гальки и песка серыми змеями извиваются русла Иныльчека. Налево, заворачивая на северо-восток, лежит исполинский ледник. Поверхность его на много километров покрыта обломками скал, и только в самых верховьях видны чистый лед и снег»¹.

Погребецкий и его спутники спустились в долину Иныльчека. Вот она, загадочная и манящая страна! Удастся ли им пройти к подножию Хан-Тенгри? Но им пужно не только пройти. Задача — не только увидеть, но и победить! И поэтому замирает и бьется сердце ученых и альпинистов.

Не только Погребецкий вспомнил в том году о Хан-Тенгри и его загадке. Северный Иныльчек, никем еще не посещенный и надежно скрытый ледниковым озером от человеческих взоров, привлек внимание нескольких московских туристов. «Белое пятно», романтика неведомого непреодолимо притягивали к себе беспокойные сердца. И вот за месяц до экспедиции Погребецкого к леднику Иныльчек пришли три человека. Они не были обременены большим караваном. Пара лошадей доставила их груз к языку ледника, а затем туристам удалось впервые провести животных на 6 км по самому леднику. Отпустив караванщика Рускельды с лошадьми, люди переместили громадные рюкзаки на свои плечи и медленно двинулись вперед. Свернув влево, у гряды боковой морены они обнаружили узкую ложбину между склоном и ледником. Итти здесь было хорошо, не приходилось карабкаться по моренным холмам. Временами попадались зеленые лужайки. Не рано ли отпустили лошадей? Пожалуй, рано. Однако делать нечего, нужно итти вперед. И они шли все дальше.

И. Мысовский, Н. Михайлов² и В. Гусев скромны. Они хотят лишь посмотреть, что там, — быть может, ледникового озера уже нет. Ведь прошло уже 26 лет со времени

¹ М. Т. Погребецкий. Три года борьбы за Хан-Тенгри, Харьков, 1935, стр. 33—36.

² Н. Н. Михайлов — автор широко известных книг «Над картой Родины» и «Земля русская».

путешествия Мерцбахера! Кроме того, бывает, что ледники изменяют свой вид даже за короткие промежутки времени; тогда, если озеро еще существует, быть может, его теперь можно обойти и хоть одним глазом взглянуть: что же там за ним?

Мало груза можно унести на себе. Это, естественно, ограничивало и срок пребывания туристов на леднике и снижало темп продвижения. Два дня преодолевали они моренные завалы на леднике. Наконец, поворот и за ним... все то же озеро. Все так же круто обрываются его берега — скалистые склоны ущелья Северного Иныльчека.

Мысовский посмотрел на своих спутников и пожал плечами. Те переглянулись и печально опустили глаза. Вывод был ясен и прост: чтобы перебраться через озеро, нужна лодка. Притащить ее сюда через морены — огромный труд. Пробраться в обход по крутым стенам берегов — задача, возможно и разрешимая для группы альпинистов, идущей налегке.

Михайлов сел на камень и попытался в бинокль рассмотреть что-нибудь за озером. Вдали, за ледником, поднимался хребет Сарыджаз, отделяющий Северный Иныльчек от ледника Мушкетова. Вправо уходил хребет Барьерный¹, поднимаясь к Хан-Тенгри.

Итак, неудача. От разглядывания в бинокль окружающей панорамы дело не изменится. Нужно двигаться назад, продовольствия остается только на обратный путь. Разведчики с мрачными лицами начали сворачивать палатку.

Вдруг Михайлов хлопнул себя по лбу и начал громко смеяться. Он смеялся так, что товарищи удивленно и даже с опаской посмотрели на него. Смех никак не вязался с настроением.

— Ты что?..

— Если не пускают в ворота... — возбужденно начал Михайлов.

— ...то нужно лезть через забор! — хором ответили двое других, уже весело улыбаясь.

Эта поразительно простая мысль сразу изменила настроение опечаленных москвичей. Решение, вероятно, маячило перед каждым из них, но необходим был внешний толчок, чтобы оно оформилось в слова. Действительно, нужно найти перевал через один из хребтов, ограничи-

¹ Украинской экспедицией он был назван хребтом Сталина.

вающих долину Северного Иныльчека, и тогда можно проникнуть на неизведанный ледник и исследовать его.

Осмотр хребта Барьерного, в котором возвышается Хан-Тенгри, оказался неутешительным: надежды найти здесь перевал не было. Остается только виднеющийся вдаль за озером хребет Сарыджаз. Конечно, трудно судить на таком расстоянии, но бинокль позволил увидеть хотя бы вероятность перевала: между горами есть достаточно глубокие седловины.

В этом году уже ничего сделать нельзя. Нужно возвращаться. Теперь есть по крайней мере перспектива на будущее, и обратный путь по леднику уже не кажется таким скучным и тяжелым.

Внизу, у начала подъема к перевалу Тюз, неожиданная встреча: экспедиция Погребецкого. Москвичи, конечно, знали о ней, но все же как приятно было увидеть знакомые лица после многих дней, проведенных в пустынных долинах и на ледниках! Оживленный обмен мнениями и рассказы затянулись надолго.

Утром Мысовский с друзьями двинулись в обратный путь к Москве, а Погребецкий занялся подготовкой к выходу на ледник. Ему пришлось идти вверх с караваном.

Питание личного состава экспедиции, снаряжение и различные приборы составляли значительный груз. Но не одно это заботило Погребецкого; необходимо было также проверить, можно ли провести по леднику большое число лошадей,— это определяло организацию больших экспедиций. Впервые большой караван поднимался по леднику Иныльчек. Опыт был нелегким, и хотя впоследствии не один десяток лошадей пройдет ледник, на этот раз животных не удастся провести далеко.

«Вести караван по поверхности такого ледника очень тяжело. То трещина зияет на пути, то путь преграждает озеро с отвесными ледяными стенами, то выходишь на покато место, едва покрытое щебнем, и лошади, теряя опору, скользят, косятся на страшные провалы льда, дрожат всем телом от испуга, покрываясь испариной от нервного и физического напряжения. Люди нервничают, лошади теряют силы»¹.

¹ М. Т. Погребецкий. Три года борьбы за Хан-Тенгри, Харьков, 1935, стр. 40—42.

Но вот и место слияния ледников. Поверхность озера у берега была загромождена ледяными глыбами; казалось, что по ним можно перебраться на другой берег. Погребецкий решил попробовать. Попытка перейти озеро по льду закончилась неудачно. После утомительного, извилистого пути по льдинам путешественники вышли к широкой полосе чистой воды. Пришлось повернуть обратно.

Итак, оставалось идти к пику путем Мерцбахера. На следующий день после неудачной попытки пересечь озеро небольшая группа членов экспедиции отправилась налегке вверх по Южному Иныльчеку. Несмотря на плохую погоду, люди все же подошли к подножию пика Хан-Тенгри.

Возвращаться пришлось неожиданно и быстро: за те десять дней, которые Погребецкий провел на леднике, на базовый лагерь экспедиции дважды нападала банда басмачей. Налеты были отбиты, но командир отряда пограничников, сопровождавшего экспедицию, опасался нападения более крупной банды.

Была уже осень, погода портилась. Нужно было покидать горы. До следующего года!

Первый, беглый взгляд на район был брошен. Выявились задачи будущих поездок. По-разному определили свои цели те, кто стремился летом 1930 г. попасть в район Хан-Тенгри. Погребецкому было ясно, что он пока все еще слишком мало знает и видел, чтобы сразу предпринять восхождение на Хан-Тенгри. Однако он убедился, что караван можно провести по леднику почти к самому подножию пика. Следовательно, можно организовать более систематическое и подробное изучение района и разведать возможные пути восхождения.

Москвичи же решили во что бы то ни стало проникнуть на Северный Иныльчек. Чтобы добиться успеха, нужно было использовать все возможности. И к намеченной цели из Москвы отправлялись две группы. В. Гусев и его товарищи решили, как это было намечено раньше, искать перевал через хребет Сарыджаз. Туристская группа Г. Суходольского должна была подняться по долине Иныльчека к озеру, имея с собой надувную лодку.

Летнее утро на морене, недалеко от подножия Хан-Тенгри, было очень прохладным. Погребецкий, не отрывая бинокля от глаз, изучал контуры пика. Внимательным взором рассматривал он каждый метр поднимающейся перед ним вершины. Отсюда Хан-Тенгри уже не так поражает своей грандиозностью. Близость создает ракурс, значительно скрадывающий высоту пика.

Но все же впечатление огромное. На первый взгляд эта пирамида, на 600 м превышающая своих соседей, не возбуждает у восходителя больших надежд на успех. Например, обращенная в сторону лагеря южная стена массива настолько крута, что снег и лед держатся на ней лишь в отдельных местах. Мраморная ее поверхность слегка отсвечивает теплыми тонами, еще более подчеркивая голубые холодные тени вечных снегов. Стена оконтурена юго-восточным и юго-западным гребнями. Быть может, по ним пролегает будущий путь? И бинокль постепенно поднимается от ледника к острой линии юго-восточного гребня, а затем и дальше к вершине.

Но нет! На этот гребень еще можно было бы попытаться подняться: на крутых его склонах выдается короткое ребро — контрфорс. Однако дальше по самому гребню пути, повидимому, нет.

Б. Тюрин, стоявший рядом с Погребецким, уже успел рассмотреть второй гребень. Картина тут была еще менее утешительной. Что бы там ни было выше, но с этой стороны нельзя было даже и думать подняться на гребень: сплошь обрывы, и лишь желоба — пути лавин — спускаются к леднику.

С этой стороны никаких надежд. Приходится поискать еще. Но с этого пункта нельзя разглядеть, что делается за юго-западным гребнем. Чтобы найти новую подходящую точку обзора, пришлось довольно далеко отойти на юг.

«С юго-запада глазу представлялась другая картина. Отвесный контрфорс, отходящий слева от юго-западного гребня, наверху переходил в плоское плечо, даже впадину, прикрытую снегом. С северо-западного края стекал на Иныльчек ледяной поток падением в 20—25°, и хотя ледник был изборозжен продольными, поперечными и

радиальными трещинами, он не представлял серьезных трудностей для подъема.

От снежного плеча... поднимался мраморный склон падением в 40—45°, не менее 1300—1500 м протяжением»¹.

Итак, возможный путь к вершине найден. Чем дальше альпинисты рассматривают склон, тем более реальной кажется эта возможность. Вот острый, изогнутый юго-западный гребень, дальше от него сплошная снежная поверхность склона. Но сплошная ли она?

Глаза слезаются от напряжения. Светлый мрамор и снег сливаются в одно белое поле. Но нет, вон там на склоне, дальше к северу, можно разглядеть выступающие ребра. По таким ребрам будет легче пройти к вершине... Вечереет, и нужно возвращаться к лагерю. Итоги дня так волнуют, что, несмотря на усталость, альпинисты до поздней ночи не говорят ни о чем другом.

Две грани гигантской четырехгранной пирамиды уже осмотрены. Третья, северная, виденная издали еще во время подходов, была, несомненно, также очень крутой. Кроме того, путь к ней лежал через озеро, закрывавшее устье Северного Иньльчека. Переброска каравана через это озеро была бы очень сложной задачей. Оставалась восточная грань: быть может, оттуда можно будет достичь вершины. Несколько дней мешала плохая погода. Но вот, наконец, прояснение.

Путь лежит дальше вверх по леднику, в ту его часть, которая скрыта юго-восточным гребнем Хан-Тенгри. Там еще никто не был. И люди с легким трепетом смотрят на большое фирновое поле, на замыкающий его гребень. Восточный склон Хан-Тенгри еще не виден, и приходится идти все дальше, подниматься все выше. Но вот за выступом справа начинает вырисовываться восточная стена пика.

Вот уж поистине стена! От вершины обрывом крутизной градусов в восемьдесят спускается она к еще скрытому от глаз людей леднику. Северо-восточный гребень, понижаясь к востоку, связывает вершину со следующим пиком хребта. С его склонов спадает стиснутый в узком ложе ледник, поверхность которого настолько разорвана трещинами и ледопадами, что весь он кажется состоящим

¹ М. Т. Погребецкий. Три года борьбы за Хан-Тенгри, Харьков, 1935, стр. 58.

из хаоса отдельных ледяных глыб. Даже подойти близко невозможно.

С востока путь тоже закрыт. Остается попробовать единственный вероятный маршрут: по юго-западному склону.

Впереди зима и весна — время обработки собранных материалов и наблюдений, впереди хлопотливые и суматошные месяцы подготовки следующей экспедиции. А теперь — в обратный путь.

* *
*

Что же делали москвичи? Обе группы выехали почти одновременно. Ведь так заманчиво было бы, проникнув с разных сторон на лед Северного Иныльчека, встретиться там!

Когда Суходольский нарисовал знакомым туристам заманчивую перспективу будущего путешествия к «белому пятну», человек 20 выразили желание принять участие в поездке. Но постепенно по разным причинам многие отсеялись, и, когда наступили дни отпуска, в группе осталось лишь четыре человека.

Состав группы получился случайным, силы и опыт участников очень неравные. Никаких научных задач группа перед собой не ставила.

...Вот уже отпущены проводники с лошадьми, доставившими грузы в долину Иныльчека. Дальше Суходольский со своими друзьями решили идти без лошадей. Весь груз, включающий складную лодку, нужно нести на себе.

Рюкзаки были страшно тяжелыми — до 48 кг. К тому же начался дождь, и всего лишь в полукилометре пути по леднику уже пришлось устроить первый бивуак.

Дальше так идти невозможно. Приходится разделить груз на две части и переносить их по очереди. И все же все 18 км пути до озера туристы не шли, а почти ползли с одного моренного холма на другой. Тяжесть рюкзаков составляла всю силу и всю волю вкладывать в продвижение вперед. Дикая красота окружающего почти не воспринималась. Еще по дороге один из участников, Микулин, заболел. Груз остальных стал еще больше.

Озеро! Сказочную картину представляет оно, освещенное лунным светом. На необычайно чистом небе сияет пол-

ная луна. В ее трепетном свете ледяные глыбы поднимаются то причудливыми замками, то вздыбленным медведем или притаившимся львом, а то чем-то уж вовсе фантастическим.

Несмотря на все попытки, Суходольскому, Чернышеву и Смирновой не удалось найти место, где они могли бы подойти к воде и спустить лодку. Путь к свободной ото льда поверхности озера лежал через хаос ледяных глыб. После нескольких часов утомительного и трудного карабкания по льду они подошли к трещине, пересекавшей ледник во всю его ширину. Внизу на глубине 15 м была видна вода.

Суходольский решает идти вперед в одиночку, оставив своих более слабых спутников на последнем бивуаке.

Почти налегке, без палатки, только со спальным мешком, он обошел озеро по крутым склонам и вышел на Северный Иныльчек. Обойти озеро там, где Мерцбахер и Погребецкий сочли путь невозможным, было очень трудно. Требовалась почти акробатическая ловкость. Суходольский очень высок, и это облегчило задачу. Он пролез по крутым гладким скалам берега. Почти фанатическое стремление проникнуть за озеро помогло Суходольскому преодолеть трудности и опасность.

Цель достигнута. Суходольский стоял там, где до него не ступала нога человека. Но альпинист не тратил времени на выражение восторга. Да и перед кем? Он был один, в рюкзаке его было мало продуктов. Время не ждало, нужно было увидеть побольше. И он пошел вверх по Северному Иныльчеку, оставляя на камнях морены и белом снегу красные маркировочные листки. Пожалуй, только старая привычка туриста заставляла его отмечать свой путь — ведь все равно, если с ним что-нибудь случится, на помощь ему притти некому.

Вдали все покрыто облаками. Но вот ветер разогнал их и впереди четко вырисовались контуры Хан-Тенгри. До подножия вершины еще десять километров, и альпинисту страстно хотелось пройти их. Однако разум диктует другое, приходится поворачивать назад. Обусловленное со спутниками время отсутствия Суходольского кончается, нужно возвращаться.

Встреча с группой Гусева, отправившейся искать путь с ледника Мушкетова, не состоялась. Эта группа попала на Северный Иныльчек, но лишь несколько дней спустя.

Пароход подходит к Каракольской пристани. С его палубы Гусев и Михайлов смотрят на уже знакомый берег. Рядом с ними еще двое: И. Рыжов и З. Косенко. Мысовский на этот раз путешествует в других местах. В Пржевальске туристы купили лошадей, сбрую, пополнили запас продовольствия. Здесь же нашли проводников, их двое: бывший пограничник, старый Орусбай и молодой его помощник Абдрай.

После хлопот последних сборов первый день пути оказался отдыхом. Спокойно и мерно идут лошади, лишь изредка переходя на рысь. Селение Каркара — последнее по пути. Дорога входит в ущелье и, превращаясь в тропу, вьется над бурной горной рекой¹.

Дни уплывают назад вместе с пройденными километрами. Перевал Сартджол. Верховья Турука...

Шестой день пути на исходе. Небольшой караван остановился на перевале. Внизу знакомая долина Сарыджаза, а за ней без конца хребты и хребты. Бесчисленное множество вершин. Виден ледник Мушкетова, дающий начало р. Адыртор. В ее долине останутся лошади и проводники. Четверо москвичей пойдут вверх одни.

Абдрай с лошадьми проводил путешественников по льду, сколько смог. Дальше лошади пройти не могли, дальше рюкзаки нужно нести самим. Как ни старались не брать ничего лишнего и даже кое-что нужное оставили, но вес рюкзака все же достигает 20 кг.

Направо по ходу хребет Сарыджаз. Это в его стене нужно найти «слабое место», чтобы перевалить на юг, на Северный Иныльчек. Со склонов этого хребта стекают ледники, впадающие в громадный ледник Мушкетова. Где-нибудь в их верховьях, в верховьях боковых ущелий должен быть перевал. Этих боковых ущелий целая серия, но в первых четырех нет и признака возможного пути. Зато пятое, кажется, подает некоторые надежды.

Обследование всех следующих ледников дает также отрицательный результат. Группа дошла до самых верховий ледника Мушкетова, пути нет и здесь, и дальше искать нечего. Приходится возвращаться назад, к пятому «Азма-

¹ В наши дни проложена автодорога из Пржевальска, доходящая до долины Куйлю.

су». Туристы прозвали боковые ледники «Азмасами» (азмас — маленький) и считают их по порядку, снизу до языка ледника Мушкетова.

Итак, решено попытаться подняться к подножию перевала в Сарыджазском хребте, виднеющемуся в верховьях пятого «Азмаса». От морены этого ледника, где группа разбила лагерь, до перевала не менее 100 м по вертикали. Сначала разорванная трещинами поверхность ледника, затем крутой снежный склон. Все это не страшно. Но у самого выхода к перевалу путь заканчивается почти отвесной ледяной стенкой метров в 60 высоты. Это ключ перевала. Пройти стенку — значит подняться на перевал!

Вышли поздно. Солнце уже довольно высоко. Его лучи слепят глаза и обжигают кожу. Снежный склон лавиноопасен: видны следы недавних обвалов. Нужно скорее пройти его. Напрягая силы, люди ускоряют шаг. И во-время. Позади с грохотом катится лавина. Группа счастливо избежала опасности: лавина пересекла их следы.

Подъем нелегок. До перевала остается немного: метров 200—300, но погода быстро портится. Налетают облака, все заволакивает туман. Приходится не солоно хлебавши возвращаться вниз. Неожиданно — на Тянь-Шане обычно непогода бывает затяжной — следующее утро выдалось солнечное, погожее. Не терять времени, вперед! Подъем стал еще труднее: выпал свежий снег, старого следа почти не осталось, приходится опять протаптывать путь, делать ступени.

Когда добрались до ледяной стенки, было уже поздно. Все же Гусев попробовал подняться по стене. Пришлось рубить ступени для ног и «карманы» для рук. До верха стены Гусев не добрался, но путь на следующий день был подготовлен. Нужно было устраивать ночлег. Впереди перспективы очень холодной ночи, тем более что на Михайлова и Рыжова один спальный мешок: экономия в весе. Место для палатки выбрано неудачно. Всю ночь люди боролись со снегом, заваливающим нишу, в которой стоит палатка. Спать, конечно, почти не пришлось.

Утро. Позади остался снежный мостик через подгорную трещину. Теперь вверх по ледяным ступеням, благо они уже вырублены. Гусев и Косенко вышли на перевал первыми, — они счастливые обладатели кошек. Кошки были и у остальных, но... их пришлось бросить. Еще два дня назад, при подъеме по леднику, их зубья разогнулись,

и они стали совершенно непригодны. Можно представить себе, какая «благодарность» ожидала после возвращения домой приятеля, порекомендовавшего кустарную мастерскую. Хмурый кузнец заставил себя долго уговаривать, потом смилостивился и принял «особый заказ»... Теперь альпинисты вспоминают его «лихом».

Сверху спускается веревка. Она будет служить перилами этой своеобразной лестницы. Михайлов делает шаг вперед:

«Я подошел к стене. Взялся за веревку, подтянулся и стал ногой на первую ступеньку. Зацепился вверху острием ледоруба. Пополз вверх, прильнув к стене всем телом. Ступень за ступенью. Поднялся над выпуклостью. Оглянулся.

Вверху — гладкая ледяная стена уходит в небо. Внизу — ее подножья не видно...

Носок вдруг выскочил из ледяной ямки. Тупые гвозди на подметках служат плохо... Повис на веревке. Гусев выдержал. Пошарил ногами по стене, отыскал ступеньку. Оперся. Полез дальше. Двести ступенек.

Вспомнить страшно, но там это были простые минуты. Думали не о жизни, висевшей на пальцах. Злил кусочек льда, попавший в воротник, хотелось пить»¹.

Перевал (5100 м) назвали именем «Пролетарской печати». Основания для этого бесспорные: Рыжов — корреспондент «Комсомольской правды», а, кроме того, редакция журнала «Знание — сила» оказала значительную поддержку группе и помогла организовать путешествие.

Подняться на перевал — это только полдела, несмотря на то что от ночлега до перевала карабкались полдня. Нужно еще спуститься. Путь на юг даже на первый взгляд не так-то прост. Что там внизу, не видно, все заволакивают густые, низкие облака. Отсутствие двух пар кошек делает задачу еще более трудной, а недостаточный альпинистский опыт части участников — опасной. Спускались по скалисто-му «камину» во все более сгущающихся сумерках.

Вот Гусев и Косенко спустились на ледяной склон. К ним летят, перепрыгивая через трещины, рюкзаки. Михайлов и Рыжов идут без кошек, цепляясь за каждый выступ. Гусеву приходится снова подняться, чтобы помочь им. Становится так темно, что идти дальше нельзя: впереди

¹ Н. Н. Михайлов. Хан-Тенгри, 1938, стр. 60.

крутая ступень ледопада. Вымотанные люди кое-как разбивают палатку. Где они остановились, они и сами не знают. По счастливой случайности все обходится благополучно. Прошла тяжелая ночь. В свете встающего солнца открывается цель путешествия. Внизу тянется заваленный каменными обломками ледник, вправо сверкает в лучах солнца оз. Мерцбахера, а на востоке грозным видением встают ледяные и мраморные обрывы Хан-Тенгри.

Итак, четверо москвичей добились своего. Еще один путь проложен на Северный Иныльчек. Рыжов гадает: были здесь Суходольский? Только в Москве узнают они, что первенство все же не за ними. Теперь можно составить первое, пока еще самое приближенное, описание этого ледника. «Белое пятно» на карте тускнеет!

Недолго побыли на леднике москвичи. Нужно поворачивать назад. Силы туристов уже почти исчерпаны, а обратный путь не стал легче. Впереди еще ряд приключений. Одно из них чуть было не кончилось гибелью упавших в трещину Михайлова и Рыжова. Но, наконец, они чуть не ползком добираются к своим лошадям.

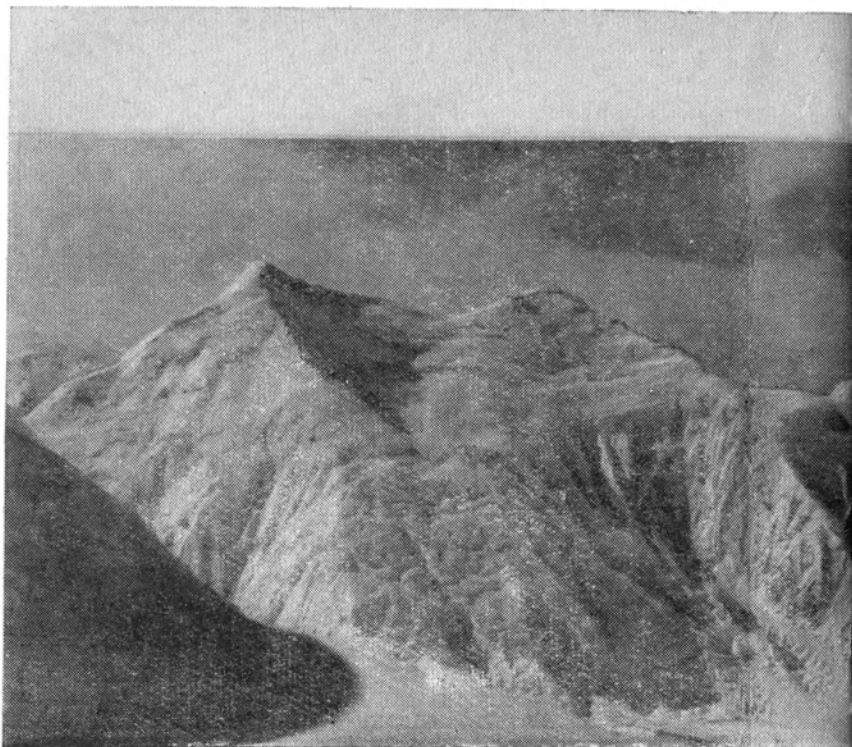
Гусев и Рыжов еще вернутся. В следующие годы они снова вступят на лед Северного Иныльчека. А теперь домой, в Москву. Есть о чем вспомнить, о чем рассказать. Михайлов грозит, что он так это дело не оставит и напишет книжку об их путешествии к «белому пятну». Но все это еще впереди.

ШТУРМ ХАН-ТЕНГРИ

На результаты двух поездок Погребецкого обратили внимание в Академии наук Украинской ССР. Предварительные разведки можно уже считать законченными. Решено включить в состав следующей экспедиции научных работников и приступить к исследованию района. Альпинистский состав пополняется молодыми горовосходителями.

Задачи экспедиции 1931 г. вполне определены: произвести геологическую разведку и съемку в долине Иныльчека. Для всех дальнейших исследований необходима детальная карта района пика. Такой карты все еще нет. И одна из групп экс-

Над ледником Северный Иныльчек неприступными

педиции должна произвести полуинструментальную съемку к югу и юго-востоку от Хан-Тенгри. Не забыты также геоморфологические и гляциологические исследования.

Альпинисты должны обеспечить продвижение отрядов по наиболее труднодоступным, высокогорным участкам пути. Наконец, после окончания всех исследовательских работ предполагается попытаться подняться на Хан-Тенгри.

Чтобы попытка эта была успешной, участники восхождения должны сохранить «спортивную форму». Все силы после окончания тренировки нужно сберечь для трудного восхождения. Участников штурма нужно избавить от перетаскивания грузов к основному лагерю у подножия пика.

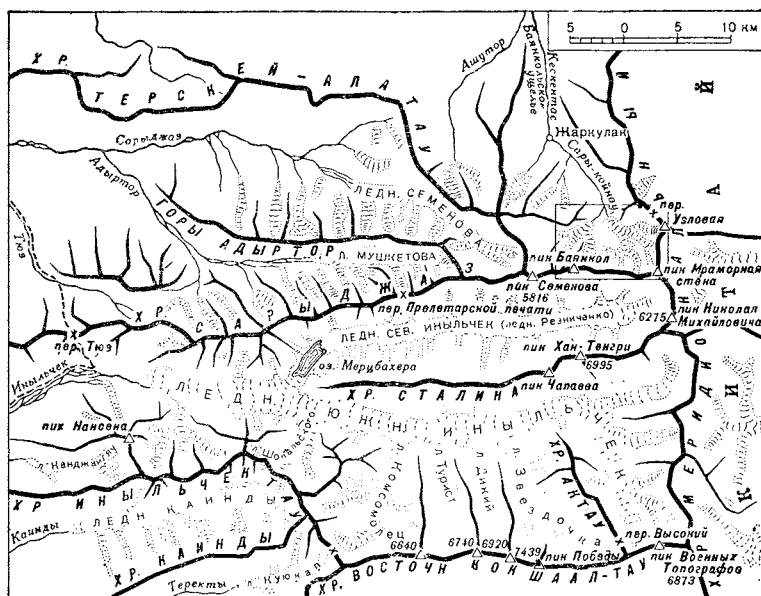

бастионами поднимаются пики Хан-Тенгри и Чапаева

Фото В. Науменко

Этот лагерь нужно устроить основательно. Там придется пережить непогоду, отдыхать после трудных маршрутов. Научным работникам вечером надо приводить в порядок записи наблюдений. Для этого нужно обеспечить условия. Необходимо хорошее питание и снаряжение, палатки и высокогорные кухни, дрова и керосин для примусов, фураж для лошадей и многое другое.

Весь этот весьма значительный груз к верховьям ледника доставят лошади, а дальше, куда лошади не пройдут, грузы понесут носильщики. Для этого в состав экспедиции войдет большое число носильщиков. Но продукты и снаряжение потребуются не только на леднике. Их придется занести и на склоны пика. По пути штурма нужно устроить промежуточные бивуаки.

Орографическая схема района, прилегающего к леднику Иныльчек

Предусмотреть все мелочи. Быть готовым ко всем неожиданностям. Это очень ответственная формула: все необходимое и ничего лишнего...

Планы разработаны. Заканчивается подготовка. Состав участников, кажется, уже уточнился. Снова едут «старички» — спутники Погребецкого в прошлых экспедициях: Шиманский, замечательный фотограф и альпинист; альпинисты Тюрин, Головкин, Барков и другие.

Своих представителей посылает Академия наук СССР: Гаевский из Научно-исследовательского института геодезии; Демченко — из Института географии; геолога Ковалева. В состав экспедиции входят врач, журналист, кинооператоры, альпинисты-динамовцы.

В общем людей много. А много людей — это значит много хлопот, много груза...

Лошадей и носильщиков экспедиция набирает в Пржевальске. Здесь конный базар. Бесконечный восточный торг. Пыль и запах конского пота. Подобрать надежных носильщиков не просто. Нужны выносливые, дисциплинирован-

ные люди. Многих киргизов пугает цель экспедиции — Кан-то.

Но вот уже и это позади. Выбран кратчайший маршрут: ведь и так уже потеряно много времени. В прошлом году путь шел через Баянкол и Ашутер. Теперь караван направляется к Тургеняксу, затем Карагыр и Беркут.

Перевал Тюз в этом году непроходим. Пришлось повернуть. В долину Иныльчек вышли через высокий ледниковый перевал Ачикташ (4100 м).

Вместе с караваном Погребецкого до Иныльчека шла группа ЦС ОПТЭ во главе с Суходольским. Альпинисты намерены проникнуть вновь на Северный Иныльчек и оттуда попытаться взойти на Хан-Тенгри. Среди участников этой группы Гусев и Рыжов¹. Они остались верны своей мечте.

Путь до Иныльчека проходит как-то незаметно. Мысли всех путешественников там, на леднике, у подножия пика. А кое у кого и выше.

* *
*

Со 2 августа на Иныльчеке наступает страдная пора. Все прежние хлопоты и трудности забываются, когда приходится налаживать дорогу для лошадей. Этим делом занимаются самые сильные и опытные участники экспедиции.

Пожалуй, хуже всего тому, кто выбирает путь. Ему приходится бежать вперед и, забравшись на моренный холм, отыскивать наиболее удобное направление пути. Затем нужно воткнуть маркировочный флажок. Их нужно очень много: специальная лошадь, нагруженная флажками, идет следом. Потом, опять бегом, на другой холм или увал. А если с него не видно пути, то на следующий.

Когда дорогу преграждает озеро или особенно сильно разорванная часть ледника, нужно найти обход. И путь петляет между трещинами и холмами, то пролегая посередине ледника, то пересекая его из края в край.

Вот снежный мостик. Ажурной аркой висит он над зеленоватой, холодной глубиной трещины. Выдержит ли?

¹ Остальные: А. Шекланов, В. Федосеев и картограф В. Сорокин.

Приходится рисковать. Первая же лошадь с отчаянным ржанием летит вниз. Четыре человека едва удерживают ее на веревках. Груз спасен, но лошадь сломала ноги, и ее приходится пристрелить.

Когда путь выбран, его нужно по возможности разровнять. Местами приходится рубить тропу или даже ступени на ледяных склонах. Каменными плитами можно кое-где «замостить» тропу. После дня такой работы даже пышущий силой и здоровьем альпинист Балалаев еле двигается от усталости. Но зато караван продвигается все выше по леднику.

Кончился сплошной каменный покров. По чистому льду и снегу стало идти гораздо легче. Наконец, Шиманский облегченно вздохнул. Его группа довела караван почти до самого подножия пика. И «всего» три лошади погибли.

По всему леднику на 50 км растянулась «тропа». Она отмечена цепочкой маркировочных флажков. По пути были устроены промежуточные лагеря-базы. Первая из них находилась у Зеленой поляны, примерно в дневном переходе от конца ледника. Палатки стояли также в районе оз. Мерцбахера и у ледника Комсомолец — крупного южного притока Иныльчека. База была устроена напротив ледника Звездочка. Последний лагерь на леднике стоит на высоте 4680 м.

Шли дни. Работа исследовательских отрядов успешно продвигалась к концу. Гаевский и его группа прошли уже почти весь ледник. Заканчивается полуинструментальная съемка.

Группа Демченко еще попыталась пробраться из верховий фирнового бассейна Иныльчека на ледник Куякап. Несмотря на все старания Шиманского и альпиниста Головки, это не удалось: помешала непогода. Свежий снег глубоким слоем лежал на склоне, и приходилось в его толще телом пробивать путь. Такая «деятельность» на высоте 5300 м требует сверхчеловеческого напряжения. Носильщики не выдержали первыми. Пришлось вернуться.

Одновременно с работой научных групп постепенно забрасывались промежуточные лагеря по пути восхождения. Такие лагеря, снабженные необходимым питанием и снаряжением, позволяют штурмовой группе экономить силы.

Чем выше заброшены эти лагери, тем больше шансов на успех, тем легче восходителям.

На Хан-Тенгри было устроено два лагеря: на высоте 5600 и 6040 м. Этого недостаточно, но приходилось мириться. Носильщики не смогли подняться выше. Уже на высоте 6000 м приступы горной болезни заставили остановиться для их акклиматизации. Но и это не помогло. Положение ухудшилось еще тем, что часть вещей, в том числе и посуду, снесло ветром. Не в чем было растапливать снег, а воду на такой высоте больше взять негде. И носильщики повернули назад.

У альпинистов уже не было времени самым заносить лагери выше, так как с наступлением осени погода портилась.

По разным измерениям высота пика колебалась от 6950 до 7320 м. Даже по самым оптимистическим подсчетам, из последнего лагеря на высоте 6040 м нельзя было рассчитывать за один день подняться на вершину и спуститься обратно. Значит — перспектива бивуаков по пути подъема в очень тяжелых условиях. Значит — нужно нести с собой спальные мешки и палатку. Все это затрудняло восхождение. Однако все же решили идти. Но... вмешалась непогода. Начался снегопад. Затем упала температура: мороз 29°. Но, к счастью, это продолжалось недолго: вскоре «потеплело» до —15°.

Вместе с альпинистами непогоду переживала киногруппа. Операторы должны были сопровождать альпинистов до первого бивуака. Они хотели заснять хотя бы первую часть восхождения.

Ветер стих. Небо очистилось от туч. Глубина свежевыпавшего снега достигает 30 см. Больше задерживаться

Нелегко провести караван по леднику Южный Иньльчек

Фото Л. Онуховского

нельзя. Носильщики колеблются, их приходится уговаривать, обещать не вести на высоту большую, чем уже достигнутая ими. Выйти в ночь на 6 сентября не удалось. Уговоры носильщиков задержали группу.

Утро. Очень холодно. Снег, скрепленный ночным морозом, пока еще выдерживает тяжесть людей. Первый участок подъема — выход на ледник: спускающийся с плеча вершины ледяной поток в нижней части неприступен. Нужно обойти ледопад по большому фирновому полю. Наибольшую опасность в этот день представляли лавины.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Ноги то и дело проваливались в размякший снег. Шли посередине ледника: у краев было больше трещин. Но вот начался самый опасный участок. Лавинные конусы справа и слева. Сейчас затишье. Сколько оно продолжится, неизвестно. Нужно бы идти быстрее, но уже начинается одышка.

К счастью, поверхность ледника в этой части покрыта плотным снегом лавинных выносов, и ноги не проваливаются. Скорее, еще скорее... Это ничего, что очень трудно. Все равно нужно скорее. Несмотря на мороз, жарко, горячий пот стекает на глаза, замерзает на оправе защитных очков.

Участок пройден благополучно и во-время. Скоро час дня, и, как всегда здесь в это время, пошли лавины. Только что пройденный участок пути превратился в ад. Справа и слева падают снежные обвалы. Лавины зарождаются где-то выше, на крутых склонах пика. Сперва слышны шипение и свист. Затем массы снега с грохотом низвергаются вниз. Из узкого ущелья, в котором течет ледник, вверх вздымаются облака снежной пыли. Разглядеть, что творится там, куда все это валится — невозможно. Но задерживаться некогда. Конечно, нельзя не снять. И киноаппарат стрекочет, провожая лавину объективом.

Дальше вверх. Нужно лучше отрегулировать темп движения: 2—3 вдоха и выдоха на каждый шаг. Отдыхать следовало бы пореже, но люди еще не привыкли к высоте: каждые несколько минут они останавливаются и ждут, пока успокоится сердце.

Глаза опущены. Взгляд почти не отрывается от склона. Лишь идущий впереди изредка поднимает голову, чтобы выбрать путь. Все время приходится менять направление.

Трещины, сераки и снежные глыбы старых обвалов образуют запутанный лабиринт.

И так шаг за шагом. Час за часом. Грохот лавин становится более редким. Начинаются сумерки. Скоро вечер. Склоны контрфорсов, сжимающих ледник, расходятся в стороны. Открывается широкий снежный склон. Он выводит к плечу пика. Хорошо видно понижение северо-западного ребра. Справа — громада вершинной части Хан-Тенгри.

Поверхность снега подмерзла, но это уже не облегчает ходьбу. Ноги то и дело проваливаются сквозь тонкий наст. Резкие движения нарушают дыхание, ослабляют и без того измученных трудным десятичасовым переходом людей. Уже совсем темно. Зажженные фонари, колеблясь в такт шагам, вырывают из тьмы все ту же снежную поверхность.

Неожиданно недалеко впереди возникает огонек фонаря. Он быстро движется навстречу. Встречает Борис Тюрин. Вот и первый лагерь!

Это громкое название — лагерь. Высокогорная палатка, полузасыпанная снегом. Рядом кучка продуктов и снаряжения, прикрытая брезентом.

Первая ночь проходит спокойно. Ночлег можно даже назвать удобным. Утром Погребецкому не терпится взглянуть, что же впереди. Товарищи еще спят, когда он выбирается из палатки. Еще очень рано и очень холодно. Первый взгляд — в сторону вершины: «Огромная пирамидальная масса по ту сторону фирнового поля — это Хан-Тенгри. Отсюда он принял совсем иные очертания и не похож на тот пик, каким мы привыкли его видеть. Вместо монолитной остроконечной вершины с ровно высеченными гранями перед нами темные, сильно расчлененные громады с выдающимися ребрами, опущенными снегом. Отсюда невозможно определить, где именно сама вершина, так как выступающие скалы искажают перспективу, и не знаешь, передняя или задняя из них — высшая точка Хан-Тенгри. Если бы его осветила утренняя заря, вершина первой приняла бы лучи, но сейчас, хотя на противоположном гребне лед и снег приняли уже розовый цвет, — на западном склоне Хан-Тенгри солнце будет не скоро.

Кроме одной страшно крутой мраморной скалы, склоны отсюда не представляются непроходимыми, но, как только я навожу восьмикратный бинокль, все сразу преобра-

жаются, и склоны Хан-Тенгри вырастают перед глазами отвесными суровыми скалами»¹.

По обширному фирновому полю можно подойти к северо-западному ребру — почти полтора километра по прямой. Затем нужно перейти к черным скалам, хорошо видимым снизу, от начала пути. Они торчат из снега у самого ребра. У этих скал должен быть второй лагерь, до этого места дойдут носильщики. Переход от фирнового поля к скалам очень крут. Нужно так рассчитать свои силы, чтобы их хватило на последний, самый трудный, участок дневного перехода.

Кинооператор приготовился. Небольшая цепочка людей двинулась вверх. Трое восходителей и носильщики. Их фигуры, удаляясь, становятся все меньше и меньше, но все же они хорошо видны на снегу.

Снова целый день медленного, утомительного восхождения. Шаг за шагом. Вдох за вдохом. Несколько шагов и отдых. Снова вперед, и опять отдых... Рюкзаки сгибают спины, хотя они совсем не тяжелы: всего 10 кг весит каждый из них. Ведь продукты и снаряжение еще раньше доставлены во второй лагерь, а палатку и спальные мешки несут носильщики.

Медленно движется стрелка часов. Час за часом проходят однообразные, одинаково тяжелые.

Наконец, перед Погребецким и его спутниками крутой снежный склон, выводящий к скалам. Выход на него преграждает широкая «подгорная» трещина. Нужно искать снежный мостик — без него не пробраться. Вот подходящий снежный выступ, но он не доходит до другого края трещины. Придется прыгать. Нервы напряжены. Два шага разбега и прыжок... Взмах ледорубом, и его «клюв» впиывается в твердый фирн противоположного склона. Борис Тюрин удерживает другой конец веревки, которым они связаны. Все в порядке. Следующий...

После прыжков приходится долго отдыхать, хотя на крутом склоне стоять неудобно. Последние силы собирают восходители и носильщики — ведь отдых уже близко. Быстро темнеет. Несмотря на мороз, снег мучнистый: опоры нет, приходится как бы выпихивать в нем дорогу.

Вот и скалы. Это второй бивуак. Нужно найти остав-

¹ М. Т. Погребецкий. Три года борьбы за Хан-Тенгри, Харьков, 1935, стр. 84—87.

ленный здесь непромокаемый мешок, в котором продукты, крючья, теплое белье, сухой спирт. Его нигде нет, повидимому сорвало ветром.

«Мы зажигаем фонари, чтобы искать мешок, но ветер гасит свечи. Бросаем поиски, так как валимся с ног от усталости. Едва хватает сил, чтобы поставить палатку. Ветер задул сильнее и треплет палатку, как флаг, вырывая из рук веревки. Отчаявшись, мы просто залезаем под полотно палатки в спальные мешки и всю ночь слушаем, как ревет и свистит ветер в скалах.

Утро застает нас измученными бессонницей. Яркий свет бьет в глаза. У всех подавленное состояние, головы налиты свинцом, аппетит исчез, и за весь день никто не подумал встать, чтобы согреть воды»¹.

Это уже действие высоты. Необходимо привыкнуть к ней, акклиматизироваться. Иначе начнется горная болезнь. Весь день альпинисты провели в лагере и к концу дня их состояние улучшилось. Пока еще светло, нужно выбрать направление дальнейшего пути. Решено не задерживаться и двигаться дальше ночью, при свете фонарей — по скопанному морозом снегу идти легче.

Путь к вершине выбран по северо-западному ребру. Его сильно разрушенный скалистый гребень выводит почти к самой вершине. Здесь нет глубокого, сыпучего снега. Скалолазание на такой высоте очень трудное дело, но все же избранный маршрут кажется более легким и безопасным: лавин на гребне тоже опасаться нечего. Впечатление большей доступности пути увеличивается еще тем, что он кажется наименее крутым.

Начинается новый этап восхождения. Группа покидает плечо и вступает на склоны вершинной части пика. Носильщики ушли назад, вниз. На месте бивуака нужно оставить все, без чего можно обойтись. Под камнями остается часть вещей и продуктов, в том числе консервированное мясо. На высоте вкусы меняются, и любители мяса смотрят на него с отвращением.

Дальше — втроем. Уже совсем темно. Чтобы выйти на скалы ребра в удобном месте, придется еще немного пройти по склону. Вот и этот участок остался позади.

«Скалистая, зубчатая стена выступала из тьмы и стала перед нами черным силуэтом. За ней отчетливо слышен

¹ Там же, стр. 91.

нарастающий вой ветра. Он отдается глубоко внизу глухим рокотом и, чем выше поднимаемся, тем оглушительнее его рев и свист в расщелинах скал; подходить страшно: кажется, что ветер вырвется из-за закрывающей его стены и сбросит нас в бездну»¹.

Порыв ветра. Тухнут факелы, освещавшие путь. В лицо летит снежная пыль. Ветер сбивает с ног. О том, чтобы двигаться дальше по ребру, не может быть и речи. Неожиданное препятствие заставляет отказаться от первоначального плана и изменить путь. Новый маршрут пролегает значительно правее. Вверх по склону, почти в самой середине юго-западной грани, протянулось углубление вроде широкого желоба. По нему можно выйти на большое снежное поле, ведущее к вершинной части пика.

Мороз. Луны нет, но яркий свет звезд смягчает ночную тьму.

На север от желоба отходят черные скалы, на юг — светлые мраморы. Там склон становится все круче и переходит в обрыв южной стены. Желоб лавиноопасен, и идти по нему рискованно. Но восходители чувствуют, что сил на поиски еще одного, более безопасного маршрута уже нет. Если не идти вверх здесь, то возвращаться.

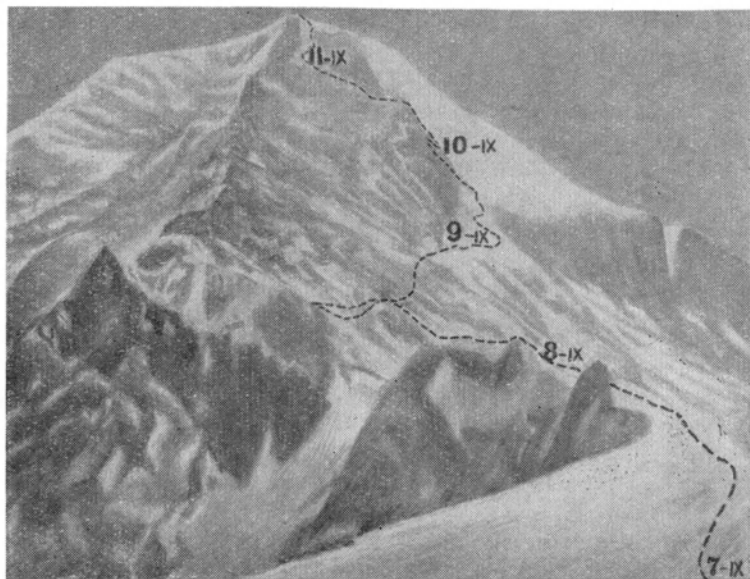
Недолгий обмен мнениями, и решение подниматься дальше принято. Альпинисты возлагают надежду на сильный мороз: быть может, он скрепит снег. Если пройти опасное место рано утром, возможно все будет в порядке. Теперь же нет сил двигаться дальше. Нужно останавливаться и как-нибудь устроиться, чтобы отдохнуть до утра.

Начался четвертый день. От решения подниматься по желобу пришлось отказаться. Едва рассвело, по нему уже летели глыбы снега и льда.

Подниматься пришлось по скалам, окаймлявшим желоб с севера. Порода сильно разрушена, поверхность скал обледенела. Скользко. То и дело отрываются и слетают вниз камни.

Нужно беречь силы, и Погребецкий решает оставить еще часть вещей: бинокль, испортившийся фотоаппарат, часть продуктов и запасные теплые вещи. Подниматься приходится по очереди: один лезет вверх, обрубают лед с уступов и очищают, где можно, путь. Двое других стоят

¹ М. Т. Погребецкий. Там же, стр. 93.

Путь на вершину Хан-Тенгри группы М. Т. Погребецкого.

неподвижно и постепенно вытравливают связывающую их с первым веревку. Это страховка на случай падения.

То и дело скалы становятся так круты, что приходится менять направление и обходить трудные места. В трещины породы вбивают крючья, к ним при помощи карабинов прикрепляют веревку; это делает продвижение более уверенным и страховку более надежной. Лезть с рюкзаками нет сил, приходится подтягивать их веревкой. Кажется, что так легче: ведь в те минуты, когда вытягиваешь веревку с рюкзаком, сам не движешься. Но такой способ еще более замедляет движение.

Беспредельная усталость удерживает на месте. Всеми своими утомленными мышцами тело протестует, но воля, устремленная к цели, к победе, заставляет преодолевать слабость, находить новые силы для движения вперед. Ведь альпинизм — это не только борьба с природой. Это еще и борьба человеческой воли со слабостью тела, борьба за использование всех богатейших ресурсов, скрытых в организме.

Рука берется за выступ скалы. Тело подтягивается на полметра выше. Затем нога ищет опору, может еще немного продвинуться вперед. Потом другая нога. И так все время, все выше и выше.

10 сентября. Накануне вечером не удалось даже поставить палатку. Ее полотнище, кое-как натянутое на спальные мешки, теперь занесено снегом. Несмотря на сильный ветер, в мешке тело немного согрелось. Трудно заставить себя вылезть снова на мороз. Быстро бегущие облака закрывают небо. Иногда, в разрывы, видна его холодная синева.

Снова в путь. Только вперед. Все мысли, вся воля в этом. Скалы сменились снегом. Сначала ноги, а затем бедра погружаются в мучнистый снег. Налетающие облака время от времени подсыпают новые его порции. Холод усиливается и проникает сквозь теплую одежду. На остановках оцепенение сковывает все члены. Каждый раз после очередного отдыха альпинисты подталкивают и понукают друг друга, чтобы подняться и снова двинуться вперед. Есть не хочется. Во рту клейкая слюна. Хорошо бы напиться, хотя бы смочить пересохшую гортань. Но воды нет. Растопить снег можно будет только на вечернем бивуаке...

Уступы скал поднимаются из-под снега. Снова придется лезть. Вдруг передний сорвался и с хриплым предупреждающим криком полетел вниз. Погребецкий не удержал, ему удалось лишь смягчить рывок, и только. Борис Тюрин остановил падение своих спутников. К счастью, все обошлось благополучно. Уже потом, когда двинулись дальше, нервное потрясение заставляет вновь пережить прошедшую опасность, и на совсем уж ровном месте вдруг начинают дрожать колени.

Предвершинная часть пика. Здесь склон стал положе. Опять темнеет и, хотя цель совсем уже близка, приходится еще раз останавливаться на ночь. Углубление среди выступающих на склоне скал представляет собой надежное убежище. Сухой спирт горит в алюминиевой высокогорной кухне. Медленно тает снег в котелке. Трудно влезть в спальные мешки. Люди погружаются в сон, больше похожий на продолжительный обморок.

Опять утро и снова вверх. На ночлеге оставлено все. Теперь сюда обязательно нужно вернуться в этот же день. Остаться на ночь на такой высоте без спальных мешков при морозе 30° и сильном ветре — верная смерть.

Вершина уже почти рядом. Но сил уже так мало!

«Шаг и отдых. Еще шаг — еще отдых. До вершины не более ста метров, мы уже чувствуем ее, а ноги едва идут. Ветер играет снегом на самой вершине. Отдельные участки покрыты тонким глазурным настом, на котором шуршит сдуваемый фирн. От ветра снег спрессовался, и ноге, привыкшей к мучительному рыхлому снегу, приятно упираться в пружинящую поверхность. Ветер задул нам в лицо, и мы идем навстречу ему, нагнув головы, опираясь руками на согнутые колени. Шаг за шагом мы приближаемся к вершине, она становится положе и уходит дальше от нас, а сердце колотится, как мотор, и частый отдых ничего не дает. Кулаки наши сжаты, зубы стиснуты. Еще несколько усилий, еще несколько шагов... Но вот ветер швыряет в лицо снегом с вершины, стена, по которой мы идем, закругляется, выше идти некуда. Вершина»¹.

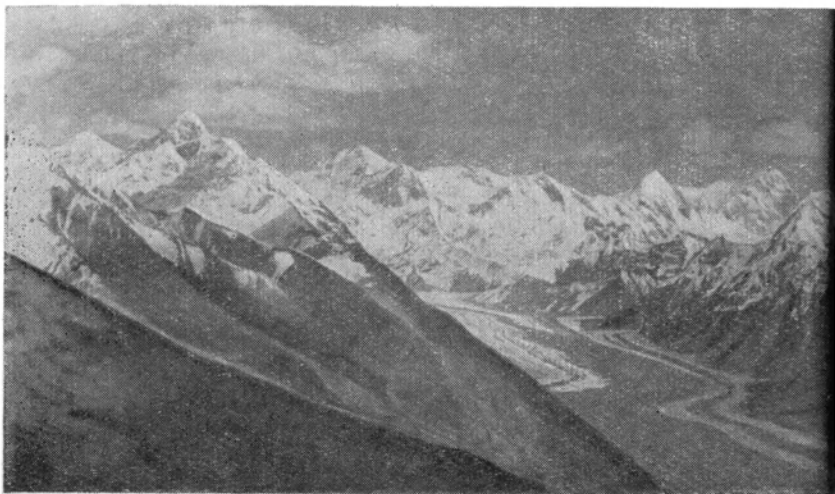
Усталость, даже изнеможение, определяет чувства и поступки. Радости нет, просто ощущение факта: больше стремиться некуда, цель трехлетних усилий и мечтаний достигнута. Банка с запиской уложена в углубление скалы и завалена камнем. Складывать традиционный тур — пирамиду из камней — нет сил.

Еще взгляд кругом. Очертания уже знакомых ближних вершин, за ними дальше и дальше — гряды гор. Можно сразу ориентироваться в путанице ледников и хребтов. Окоченелые, непослушные пальцы выводят каракули на бумаге. Все видно, «как на ладони». Месяцы трудных походов по ледникам и ущельям не дали бы возможности так разобраться в орографии и составить схему расположения хребтов, как этот взгляд сверху, с главенствующей вершины района². Видимость ограничена, на юге и на востоке все закрыто густыми облаками...

Скорее вниз. Назад! Спускаться легче, и группа продвигается весь обратный путь до бивуака на плече с одним лишь ночлегом. Но опасности и трудности при спуске не меньшие, чем при подъеме, и людям приходится напрягать все внимание и силы, чтобы путь закончился благополучно. Только когда спустились к подножию пика, поздравили друг друга с успехом.

¹ М. Т. Погребецкий. Там же, стр. 107.

² Впоследствии оказалось, что пик Хан-Тенгри — вторая по высоте вершина района, после пика Победы (см. ниже).

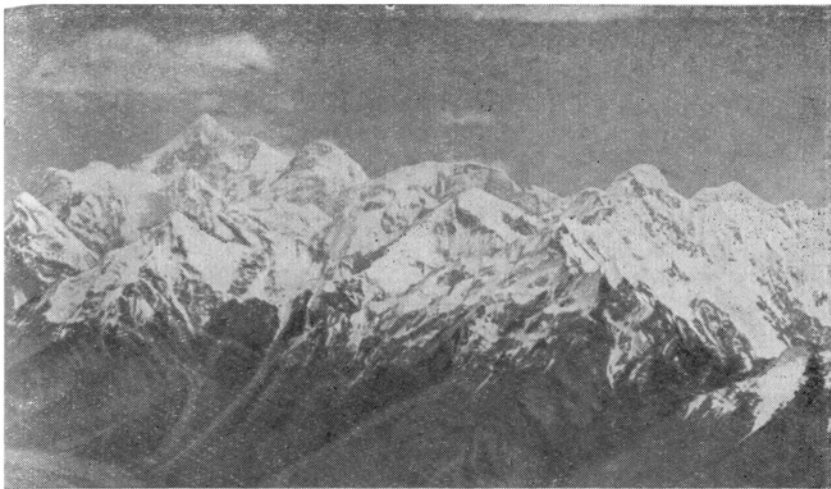
Хребты группы Хан-Тенгри (пик Победы)

В лагере на морене почти никого не оказалось. Остальные группы экспедиции давно ушли вниз. Однако сразу спускаться по леднику было невозможно. Наступила реакция, и почти двое суток восходители лежали, не поднимаясь. Лицо и руки почернели, кожа была обожжена солнцем и поморожена ледяным ветром. Губы распухли и потрескались. Отросшие бороды нельзя было сбрить. Вернувшийся аппетит заставлял поглощать огромные порции еды.

Но вот подошли высланные снизу лошади, нужно двигаться им навстречу.

Уже по дороге домой Погребецкий узнал о судьбе Суходольского и его спутников. Носильщики отказались следовать за ними и вернулись назад еще от озера. Альпинисты успешно миновали озеро, не без приключений переправившись в наиболее трудном месте на резиновой лодке. Затем двинулись вверх по Северному Иныльчеку. Преодолев значительные трудности, альпинисты на третий день достигли подножия северного склона пика.

«Почти на три километра вверх поднималась крутая каменная стена пика. Его пирамидальная вершина из светло-желтого мрамора была как бы поставлена на гигантский

с гребня Сарыджазского хребта)

Фото Л. Опуховского

пьедестал из черных сланцев. С плеча Хан-Тенгри, как царственные ризы, спадали снежные склоны с блестящими карнизами и нависшими ледяными глыбами, готовые каждую минуту сорваться.

Где-то высоко раздался треск. Пласт фирна оторвался, загрохотал и покатился к леднику ослепительно белой клубящейся массой. Прекрасен и страшен бешеный бег снежных лавин. Кто видел его хоть раз,— не забудет никогда»¹.

На западное плечо с севера подняться невозможно, дальнейшая разведка позволила выбрать путь к восточному плечу пика. Горцев счел маршрут слишком опасным и вернулся к озеру. После двух дней наблюдения альпинисты решили, что опасности лавин здесь нет. На третье утро четверо — Суходольский, Рыжов, Федосеев и Шеклонов — двинулись по уходящему ввысь снежному склону.

Два дня пробивалась группа по сухому сыпучему снегу. Внезапно по склону пошли лавины. Восходители достигли

¹ В. Гусев. На северный Иныльчек. Сборник «К вершинам советской земли», Географгиз, 1948, стр. 465.

гребня восточного ребра, но дальше пути не было. На спуске двое из группы сорвались и едва не погибли: упал и расшибся Федосеев; обморозивший себе ноги Суходольский тоже сорвался, но сумел задержать падение. Подоспевшие Гусев и Сорокин помогли пострадавшим спуститься.

* *
*

Хан-Тенгри побежден! Победа была нелегкой. Только настойчивость и сила воли позволили альпинистам достичь цели.

В Советском Союзе в то время еще не было опыта высотных восхождений. Сами участники штурма впервые поднимались на такую высоту. Сказалась недостаточная специальная тренировка: работы в составе экспедиционных групп и заброски лагерей было недостаточно. Особенно трудно было, конечно, Погребецкому, который в силу занятости своими обязанностями начальника экспедиции еще меньше времени, чем другие, мог уделить тренировке. Сыграло роль также и то, что двое из участников штурма были люди уже не первой молодости.

Если бы восходители были более внимательными, то сразу отказались бы от пути по северо-западному ребру — ведь «флаги» сдуваемого с него ветром снега были видны еще снизу. Можно было бы избежать лишней затраты сил. Однако все это несколько не снижало ни значения этой первой высотной победы советских альпинистов, ни заслуги самих восходителей и в первую очередь Погребецкого.

Советская и зарубежная печать широко комментировала взятие Хан-Тенгри. Мрачные прорицатели, сулившие поражение, а таких было немало, оказались посрамленными. Когда в 1930 г. за границей стало известно о подготовке штурма пика, Костнер, один из участников экспедиции Мерцбахера, писал: «Вероятность восхождения на Хан-Тенгри не больше 5 процентов. Я и сегодня имею мужество утверждать, что считаю эту вершину недоступной. Предполагаемая русская экспедиция не достигнет вершины»¹.

Зато после восхождения английская и немецкая альпинистская печать была вынуждена признать очевидный

¹ Цитируется по: Р. А. Баскова. Хан-Тенгри. Журн. «На суше и на море», 1937, № 2, стр. 28.

успех советских горовосходителей. Описав подробно само восхождение, Пауль Гейслер в 1936 г. писал: «Трое украинцев могут с полным правом гордиться своим успехом. Это первое большое альпинистское дело в малоисследованном Тянь-Шане. Не говоря о предварительных альпинистских работах, в которых они, несомненно, приняли большое участие, альпинисты, несмотря на неблагоприятную погоду, с успехом закончили восхождение, проделав на высоте от 6000 до 7000 м трудную скальную работу»¹.

Но какова все же высота Хан-Тенгри? Исследователи получили разные результаты. На карте Игнатьева стоит высота 7320 м; у Мерцбахера — 7200 м. Сапожников получил 6950 м. Топографы в 1912 г. вычислили среднюю высоту по ряду серий измерений: она оказалась 6992 м. Топографы Украинской экспедиции Заглубский и Гусев нашли, что эта высота 6990 м. Еще одно измерение — Епанчинцева — дало 7013 м. Наконец, последняя, точная съемка 1943 г. дала цифру, почти совпадающую с измерением топографов в 1912 г., — 6995 м. Можно с достаточной степенью точности сказать, что высота Хан-Тенгри практически достигает 7000 м. Это первый «семитысячник», на который поднялись советские альпинисты.

ПОХОДЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Пик Хан-Тенгри был взят, но исследование района продолжалось. По-прежнему из года в год направлялся к сердцу Тянь-Шаня с экспедициями Михаил Тимофеевич Погребецкий. Он совершил в общей сложности одиннадцать путешествий по ледникам и ущельям этой горной страны, и с тех пор его имя неразрывно связано с историей изучения высокогорного Тянь-Шаня.

Украинская экспедиция продолжала работать и в 1932—1933 гг. Она стала крупной комплексной организацией, решавшей серьезные научные задачи.

Кроме альпинистов — прежних сподвижников Погребецкого, в экспедиции работали также и энтузиасты Северного Иньльчека В. Гусев и И. Рыжов.

¹ Там же, стр. 29.

Постепенно оттаивались у природы ее тайны. В 1932 г. отряд экспедиции переправился на резиновой лодке через озеро и попал на Северный Иныльчек. Исследователи дополнили наблюдения альпинистских групп и установили, что это не приток Южного Иныльчека, а вполне самостоятельный ледник. Участники Украинской экспедиции называли его ледником Резниченко. Конец его языка на 4 км не доходит до ледника Иныльчек и на 1 км до оз. Мерцбахера.

Озеро, в течение многих лет преграждавшее путь исследователям, образовалось потому, что у выхода из ущелья на пути потоков, стекающих с ледника Резниченко и двух других ледников поменьше, гигантской плотиной встает ледяное тело основного ледника Иныльчек. Более того, этот ледяной поток здесь делает своеобразную петлю, как бы обтекает залив ¹.

В озере плавают большие льдины-айсберги, отколовшиеся под водой от растрескавшейся массы ледника Резниченко и довольно крупного бокового ледничка. Плавающие льдины возвышаются над поверхностью воды на высоту до 15 м.

Как известно, подводная часть плавающей льдины в 5—6 раз больше надводной. Это говорило о большой глубине озера. Действительно, в дальнейшем здесь была измерена глубина в 40 м. Льдины непрерывно перемещаются по озеру под действием ветра, скопляясь то у одного, то у другого берега.

Ночью, когда ветер стихает и температура воздуха понижается, поверхность воды покрывается ледяной коркой (1 см в конце августа 1931 г.). Озерная впадина протянулась в длину на 3,4 км при ширине 1,2 км; площадь озера до 4,08 км². Обычный сток озера через трещины ледника Иныльчек, повидимому, незначителен, и, когда впадина наполняется, напор воды настолько велик — ведь к концу лета объем воды озера достигает солидной цифры — 165 млн. м³, — что в поисках выхода она ломает ледяные преграды и пробивает себе путь в вытаявший по краю ледника, у скал, желоб и, через трещины, под ледник. Этими путями воды озера достигают долины р. Иныльчек,

¹ По другим данным, Г. А. Авсюка, «живая» часть ледника Южный Иныльчек кончается у озера, дальше идет зона мертвого льда.

и тогда ее поток быстро вздувается и пенистыми мутными валами несется к Сарыджазу. Впервые явление это наблюдали в 1932 г. участники Украинской экспедиции¹. Прорывы озера происходят, повидимому, ежегодно. Вся вода из озера вытекает за 10—15 дней. О темпе заполнения впадины можно судить по наблюдениям В. Гусева в 1931 г., когда в течение 10 дней уровень озера после очередного прорыва повысился на 5 м.

Во время посещения в 1903 г. долины р. Куюкап (Койкап) Мерцбахер нашел там обломки гранита, сходные с виденными им у берега р. Иныльчек. Подняться вверх по леднику Куюкап ему не удалось. Мерцбахер высказал предположение, что ледники Иныльчек и Куюкап разделяются одним хребтом, с которого сваливаются эти обломки. На основании этого умозаключения он на своей карте изобразил огромный ледник длиной более 70 км. Истоки этого ледника на карте пришлось повернуть к северу, чтобы сблизить их с верховьями ледника Иныльчек.

В 1931 г. М. А. Демченко пытался проникнуть на этот ледник из верховьев Иныльчека, но неудачно. В 1932 г. три альпиниста из Украинской экспедиции (К. Павел, Чигорин и Кюн) перебрались на мифический ледник, перевалив с ледника Комсомолец (южный приток средней части ледника Иныльчек). Собственно говоря, они рассчитывали, что попадут на другой ледник — Каинды. Попад на ледник Куюкап, альпинисты прошли вниз до его языка и спустились в ущелье Теректы, притока Куюкапа. Как показали последующие исследования, длина ледника равнялась 10,1 км.

Таким образом, гигантского ледника, который придумал Мерцбахер для подтверждения своих догадок, в действительности не существовало. В верховьях р. Куюкап оказались несколько сравнительно небольших ледников.

Тесное содружество ученых и альпинистов позволило обследовать почти все прилегающие с юга к району Хан-Тенгри долины и ледники. Следующим на юг от Иныльчека был бассейн р. Каинды. Участники экспедиции побывали в ущелье этой реки и ее притоках и на леднике

¹ Впоследствии прорыв озера наблюдался неоднократно, обычно он происходит в сентябре, реже в июле или октябре.

Каинды. Еще южнее удалось посетить систему рек, связанных с р. Куюкап. В верховьях этих рек залежали ледники Теректы, Карасу, Самойловича и другие.

Однако наибольшее внимание экспедиции было уделено все же леднику Иныльчек. Геологи и топографы прошли оба ледника, северный и южный, до их верховьев, и карты заперестрели значками, отмечающими горные породы и полезные ископаемые. Длина Иныльчека была измерена вновь: она достигла, по данным этой экспедиции, огромной цифры — почти восьмидесяти километров. Нижняя часть ледника от самого языка, спускающегося до высоты 3000 м, почти на 17—18 км покрыта поверхностной мореной. Эта морена покрывает ледник по всей его поверхности до устья ущелья Северного Иныльчека (ледник Резниченко); чистый лед появляется среди многочисленных срединных морен значительно дальше, от места впадения ледника Комсомолец.

Слой каменных обломков толщиной 20—30 см замедляет таяние льда. Вся нижняя часть ледника на расстоянии до 14 км от конца представляет собой «мертвый» лед, не участвующий в общем движении ледника.

Слева и справа в основной поток впадает более тридцати боковых ледников, из них 25 — довольно значительные. Более крупные притоки впадают слева. Почти напротив оз. Мерцбахера, с юга, со склонов хребта Иныльчек, стекает ледник Шокальского. Далее с этой же стороны — ледники Комсомолец (длина 14,6 км), Пролетарский турист (10,3 км), Дикий (8,7 км). Еще выше, напротив соседнего с Хан-Тенгри пика Чапаева, расположено устье большого ледника Звездочка. Последующие исследования показали, что длина этого ледника, стекающего со склонов Кокшаал-тау — крупнейшего из хребтов Тянь-Шаня, достигает 16,4 км.

В верхней своей части, за пиком Хан-Тенгри, ледник Иныльчек поворачивает почти на 90° на юг. Его верховья ограничены с юга хребтом Кокшаал-тау, с востока — Меридиональным, с запада их замыкает Ак-тау, отрог Кокшаал-тау; наконец, с севера расположен хребет Сталина, отделяющий Южный Иныльчек от его северного соседа.

Северный Иныльчек значительно меньше основного ледника. Длина его достигает 38,2 км. Ширина ледяного потока достигает 1,6—1,8 км, нижняя часть ледника длиной около 9 км — «мертвый» лед. С севера, со склонов

хребта Сарыджаз, спускается ряд боковых ледников, которые так же, как и ледники, стекающие с юга, с хребта Сталина, невелики. Самый большой из боковых притоков достигает длины 3 км при ширине немного более километра. Своими верховьями ледник Северный Иныльчек примыкает к склонам Мраморной стены, Меридионального хребта и хребта Сталина.

Еще гремели гигантские битвы на фронтах Великой Отечественной войны, а в горах Центрального Тянь-Шаня уже работала экспедиция. Длинными вереницами тянулись караваны. Невиданные в Небесных горах косматые яки — их привезли с Памира — несли тяжелые выюки в верховья ледников. Высоко над ледяными пиками неумолчно гудели самолеты — крылатые топографы. Экспедиция П. Н. Рапасова вела точную съемку Небесных гор. Среди членов экспедиции — молодой географ, мастер спорта альпинист В. Рацек. Не впервые и не в последний раз он на ледниках Тянь-Шаня. Толстая полевая книжка заполняется мелким бисером записей: наблюдения, цифры, снова наблюдения...

В. Рацек участвовал в обработке материалов съемки и, дополнив этими сведениями свои записи, получил новый, богатый материал об орографии и оледенении Центрального Тянь-Шаня. Была, наконец, уточнена длина ледника Южный Иныльчек — 59,5 км.

В 1946—1947 гг. долину и ледник Иныльчек посетила экспедиционная группа во главе с Г. А. Авсюком. Ученые изучали «жизнь» ледника, закономерности его движения и таяния. Г. А. Авсюк опроверг бытовавшее со времен Мерцбахера представление о мощном, в сотню метров толщиной, моренном покрове. Слой камней, как правило, достигает здесь 20—30 см, несколько увеличиваясь лишь в лощинах и впадинах. Судя по следам древнего оледенения, когда-то Иныльчек протягивался на огромную длину — 110 км.

Исследование ледника не завершено и поныне. Для ученого и пытливого горвосходителя здесь найдется немало интересных объектов изучения, особенно в верховьях ледника и в его фирновых бассейнах.

Каждое лето в живописных ущельях Кавказа и других горных районах нашей страны белеют палатки высокогорных учебных лагерей. Новые и новые тысячи молодых людей овладевают техникой альпинизма. 1934—1940 гг. были годами бурного развития этого вида спорта. Все новые победы пополняли послужной список советских горосходителей.

Кавказ, Памир, Тянь-Шань... К вершинам гор направляются цепочки людей, связанных друг с другом альпинистской веревкой. Звенит ледоруб, вырубая ступени, и мелкие осколки льда, отлетая, сверкают в лучах солнца.

Снова наступает очередь Хан-Тенгри. В 1936 г. одна за другой две группы спортсменов направились в долгий путь к его подножию.

* *
*

В конце дня 25 июля из Алма-Аты выехал автомобиль. В его кузове на груде туго набитых рюкзаков и выючных сум удобно расположилась группа молодых алмаатинских альпинистов. Предыдущим летом альпинист Е. Колокольников, топограф по специальности, побывал в районе Хан-Тенгри. После этого путешествия он стал горячо и настойчиво пропагандировать идею спортивного восхождения на эту вершину. Прошел год, и он возглавил группу альпинистов, отправляющуюся штурмовать пик.

Экспедицию организовал алмаатинский клуб альпинистов при поддержке ряда республиканских организаций и командования пограничными войсками. Члены экспедиции очень молоды: восемь альпинистов, из которых младшему, Рахимову, всего 19 лет, а старшему, Колокольникову—26; киногруппа: оператор Масленников, его помощник Проценко и Саланов — фотокорреспондент газеты «Казахстанская правда». Всего одиннадцать человек.

Благодаря многолетней работе М. Т. Погребецкого и его сотрудников можно предпринять восхождение без длительных разведок. Направление пути было уже известно. Характер трудностей, обстановка, климатические условия, необходимое снаряжение — все эти вопросы были ясны. Выбор того или иного варианта пути от плеча к вершине

особенно дела не изменял: все варианты были возможны в пределах только одной грани пирамиды. Более удачный маршрут по этой грани мог только ускорить и облегчить восхождение.

Вторая половина августа — вот, пожалуй, наиболее подходящее время для такого похода. В это время таяние снегов уже идет не так интенсивно и уровень воды в реках понижается. В начале лета многоводные бурные потоки являются очень серьезными, часто непреодолимыми препятствиями при переправе. В это же время сходит лавинами зимний снег; позже снежных обвалов меньше. Погода в этот период также наиболее благоприятна для восхождения. Однако и в разгаре лета часты снежные бури, длящиеся по нескольку дней. Позже, ближе к концу сентября, становится уж слишком холодно.

Алмаатинцы очень скоро почувствовали суровость климата высокогорного Тянь-Шаня. Как только они попали в долину Сарыджаза, их застиг снежный буран. Караван двигался сквозь сплошную пелену несущегося навстречу снега.

На леднике Иныльчек не обошлось без обычных происшествий. Лошади обходили озерко на поверхности ледника. Одна из них оступилась и, скользя по ледяному склону, полетела в холодную воду. Судорожными движениями она удерживалась на поверхности, но груз во вьюке намокал и тянул животное ко дну. Кузнецов, находившийся невдалеке, бросился на помощь. Подплыв к лошади, он освободил ее от груза и обвязал веревкой. Подоспевшие товарищи помогли ему выбраться и вытащили лошадь.

К 14 августа часть лошадей удалось довести почти к подножию пика, и рано утром на следующий день почти «с хода» вся группа отправилась на восхождение. Предварительной заброски лагерей решили не делать. Рыхлый снег вскоре остановил альпинистов, и им пришлось ждать вечера, когда его поверхность немного подмерзла.

Однако за один день до плеча пика добраться не удалось. Ночью и весь следующий день бушевала пурга, и восходителям удалось пройти всего 300 м. Отсутствие предварительной акклиматизации сказалось уже в самом начале подъема: с пути к плечу вернулись назад Бекмстов, Гангаев и Кузнецов.

Когда еще только вышли к плечу пика и впереди оставалось более 1000 м подъема по вертикали, Кибардин и его товарищи решили: одного дня хватит, чтобы дойти до вершины. В действительности до вершины они шли шесть дней. Прошло полтора дня, и из лагеря на высоте 6000 м к вершине вышли 5 человек: Колокольников, Тютюнников, назначенный техническим руководителем штурма как наиболее опытный альпинист из всей группы, Кибардин, Саланов и оператор Масленников. Трое более слабых остались на бивуаке.

20 августа поморозили руки Саланов и Масленников, и им пришлось вернуться назад. Так, все время уменьшаясь в числе, альпинисты упорно двигались вверх. Колокольников перед отъездом заявил в печати: «Знаем, что надо взять во что бы то ни стало Хан-Тенгри, и без единой потери»¹. Обещание надо было выполнять, да и как отступать, когда цель так близка.

Упорно, метр за метром движутся оставшиеся трое вперед. Кончился спирт, которого взяли очень мало; не на чем стало добывать воду. Пришлось есть снег.

Наконец, 24 августа, в 2 часа дня, при хорошей погоде, Е. Колокольников, И. Тютюнников и Л. Кибардин достигли вершины.

На следующий день при спуске, чтобы идти быстрее, алмаатинцы необдуманно бросили палатку и другое снаряжение. Хорошо, что погода не ухудшилась. Уже почти в темноте дошли победители до палатки лагеря «6000 м». Поместились с большим трудом. Ранее, когда вернулись Саланов и Масленников, чтобы они смогли остаться на бивуаке, двое других должны были спуститься на ледник Иныльчек, в базовый лагерь.

Вот все уже позади. Воодушевленные победой, возвращаются альпинисты по леднику, над которым пролетают высланные для связи с ними самолеты. Впереди торжественные встречи в горных селениях, митинг в Алма-Ате... Впереди еще не одно путешествие и восхождение в этом районе.

Но пока что они еще на леднике. Утром 29-го они встретились с московской группой, также идущей к Хан-Тенгри.

Солнечно, и москвичи идут в трусах, представляющих разительный контраст с тяжелыми окованными ботинками

¹ Газета «Социалистическая Алма-Ата», 1 августа 1936 г.

и обилием льда и снега в окружающем пейзаже. Остановка была недолгой. Люди расстались: одни пошли вниз, другие вверх. Маленькие караваны постепенно удалялись. Фигуры становились меньше, вот они скрылись за ледяным бугром...

* * *

*

Прошел двадцать один день. 19 сентября в алмаатинских газетах появились тревожные заголовки: «На помощь группе Абалакова». Телеграмма из Москвы, из ВЦСПС, подняла тревогу: ведь с 29 августа, со дня встречи на леднике, от группы Абалакова не было никаких вестей. Предупрежденный по радио Погребецкий вышел с альпинистами-пограничниками к леднику Иныльчек. В одну ночь были подготовлены санитарные самолеты, которые направились поближе к горам, в Пржевальск. Готовится к выходу из Алма-Аты спасательная группа, сформированная из местных альпинистов.

Группа Погребецкого первая, уже у языка ледника Иныльчек, встретила медленно двигавшихся вниз москвичей. На передней лошади покачивался в такт ее шагам привязанный к седлу труп альпиниста Саладина. Состояние остальных было тяжелым.

Что же произошло?

Московская группа по своему составу была в спортивном отношении намного сильнее и группы Погребецкого, и алмаатинской группы. Начальником москвичей был заслуженный мастер альпинизма Евгений Абалаков, победитель пика Сталина. В группу входили его брат Виталий, также имевший звание заслуженного мастера спорта, опытные альпинисты Гутман и Дадиев. Пятым членом группы был швейцарский альпинист с большим стажем первоклассных восхождений в Альпах и на Кавказе — Лоренц Саладин. Группа была хорошо снаряжена, и самый состав ее, казалось, обеспечивал успех.

31 августа альпинисты начали восхождение. В тот же день достигли плеча и на высоте 5650 м вырыли в снегу большую пещеру, в которой устроили свой первый штурмовой лагерь. Весь следующий день бушевала метель, и только 2 сентября по глубокому снегу двинулись дальше. На скалах северо-западного ребра на высоте 6100 м был устроен второй ночлег в палатке, которую не удалось даже поставить.

Группа продвигалась вперед по скалам гребня. Температура упала: мороз достигал 30°.

4 сентября преодолевали скальную стенку. За три часа с трудом прошли 200 м. Следующий ночлег, на высоте 6700 м, устроили опять в снежной пещере, которую вырыли ледорубами в склоне. В 11 часов утра 5 сентября группа в полном составе достигла вершины пика. Все кругом было в облаках, лишь вершины Хан-Тенгри и какой-то неизвестной горы к югу выступали из них. В южной части вершины восходители сложили тур, а среди выступающих мраморных глыб на северо-восточном краю вершины оставили записку. Несмотря на трудности восхождения, холод и слабость, члены группы впервые смогли произвести фотосъемку вершины. Сказывалось спортивное мастерство: физическое состояние альпинистов было, несомненно, лучше, чем у предыдущих групп.

Итак, пока что все шло хорошо. Но достичь вершины мало, нужно с нее спуститься. На следующий день при морозе 26° дул сильный ветер. Сметаемый со склонов снег больно ударял в лицо. Усталость сказывалась все сильнее. К вечеру обнаружили, что у Саладина и Дадиева обморожены конечности. Оттереть не удалось — было уже слишком поздно.

Всякая задержка теперь грозила серьезными последствиями. Нужно было ускорить спуск. Но утром 7-го Дадиев уже не мог идти. Он сильно ослабел, ноги его не слушались. Тогда группе пришлось разделиться: Виталий Абалаков спускался прямо вниз, к плечу, с Дадиевым; Евгений Абалаков, Гутман и Саладин, который шел еще неплохо, отправились снимать лагерь «6100» на гребне. Уже большая часть пути к плечу была позади, когда Гутман споткнулся, упал и, ударившись о камни, скатился на 250—300 м вниз по склону. Он потерял сознание и не приходил в себя. Евгений Абалаков и Саладин завернули пострадавшего в палатку и притащили к снежной пещере на высоте 5650 м, где уже находились Виталий Абалаков и Дадиев.

Пещера осела, в ней стало очень тесно. Снаружи опять бушевала буря, вход все время заваливало снегом. В пещере становится даже тепло. Сверху капает, внизу образуются лужи. Становилось трудно дышать, и приходилось тратить последние силы, вновь и вновь пробивая отверстие для воздуха. Весь следующий день буря продолжалась.

Гутман начал приходить в себя. 8-го он смог приподняться и с помощью товарищей, шатаясь, пошел вниз. Дадиев тоже не мог идти самостоятельно, и его приходилось то спускать на веревке, то поддерживать.

Целый день, шатаясь и спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, спускались альпинисты вниз на Иныльчек. Им, вложившим всю волю, все силы в борьбу за вершину, приходилось снова бороться, чтобы не оказаться в конце концов побежденными. Рассчитывать нужно было только на себя. Понадеявшись на свое мастерство, москвичи решили обойтись своими силами и отправились, не имея резервной группы. Быстрой помощи ожидать было неоткуда. В базовом лагере, у подножия пика, снова пришлось трое суток пережидать бурю. Состояние обмороженных людей ухудшалось; была необходима срочная хирургическая помощь.

Только 12 сентября погода позволила двинуться дальше. Собрав последние силы, альпинисты пошли. К счастью, вскоре они встретили своих караванщиков, поднимавшихся с лошадьми вверх по леднику. Это было обусловлено заранее, но теперь показалось почти чудесным совпадением.

14-го внезапно умер Саладин. Вследствие обморожения началось общее заражение крови. Все время Саладин чувствовал себя не хуже других, и только накануне ему стало плохо. Эта неожиданная смерть, когда все опасности уже, казалось, были позади, потрясла остальных, вероятно, больше, чем все пережитое. Только что успели привязать труп к седлу и двинуться дальше, как вдали показались всадники. Это были Погребецкий с пограничниками...

Так закончилось это восхождение на Хан-Тенгри.

2

Прошло много лет, прежде чем на склонах Хан-Тенгри опять появились люди. Это снова были алмаатинские альпинисты.

Еще ранней весной 1954 г. в клубе альпинистов и туристов допоздна светились окна. Небольшая группа людей окружала заваленный схемами и картами стол. Здесь были и представители молодого поколения альпинистов столицы Казахстана, и участники прошлых восхождений на Хан-Тенгри Е. Колокольников и М. Дадиев. Не раз прерыв-

валось обсуждение планов, и молодежь, затаив дыхание, слушала воспоминания старших товарищей.

Как всегда перед сложной экспедицией, у организаторов хлопот «по горло». Нужно разместить заказы на специальное снаряжение, особенно теплые вещи; получить необходимые продукты. Возникали все новые проблемы: транспорт, обеспечение связи, врачебное обслуживание и многое другое. Но главное — люди. Две экспедиции, проведенные в последние годы, подготовили группу спортсменов к сложным условиям высотных восхождений. Тренировочные походы в горах поблизости от Алма-Аты позволили окончательно уточнить состав группы. Экспедицию снова возглавлял заслуженный мастер спорта Е. М. Колокольников. На участие в будущей штурмовой группе могли претендовать В. Шипилов, И. Черепанов, В. Колодин, А. Семченко, Б. С. Сигитов и другие. Всего экспедиция насчитывала 13 участников.

Многое изменилось в условиях движения на подступах к Иныльчеку. 15 августа из Алма-Аты в г. Фрунзе выехали две машины ГАЗ-51. За два дня они проделали путь до Пржевальска и вскоре выехали дальше. В горах дорога труднее, но автомобиль проехал ее много быстрее, чем когда-то караваны вьючных животных. Машины преодолели трудный перевал Чонашу, где прежде и лошади не всегда могли пройти, и 20 августа остановились в долине Сарыджаз, возле устья р. Малая Талдысу. Дальше грузы экспедиции понесут лошади, выделенные совхозами Казахстана.

Часть лошадей, привыкших к степным просторам, с трудом приспособлялась к горным тропам. Особенно тяжело давались им переправы через быстрые речки. Все же 26 августа у подножия пика Нансена, на левом склоне долины Иныльчек, был разбит базовый лагерь.

В те дни снова прорвалось оз. Мерцбахера. Иныльчек был заполнен потоками быстро несущейся ледяной воды. Переправу и подъем по леднику пришлось отложить на несколько дней. Только 31 августа группа вступила на ледник и до 3 сентября продолжался переход к уже известной морене, напротив Хан-Тенгри. Здесь был разбит опорный лагерь, и лошади двинулись в обратный путь.

На следующий день 8 альпинистов — штурмовая группа во главе с В. Шипиловым вышли на разведку подступов к вершине. Путь к седловине по Безымянному леднику

После прорыва озера Мерцбахера. Плавающие льдины
опустились на дно

Фото В. Гусева

был попрежнему лавиноопасен. Альпинисты решили пройти его ночью, когда снега скованы морозом. В тот же день в 7 часов вечера группа вышла в маршрут. Поднявшись за 3 часа до высоты 5100 м, они остановились на ночлег у подножия ледопада. Было сравнительно тепло: — 8°, дул сильный ветер.

Еще не поднялось солнце, а альпинисты уже снова идут вверх. Утренний холод пробирается сквозь теплую одежду, вызывает зябкую дрожь. След группы петляет между трещин, взбирается на ледяные глыбы. 600 м пути через ледопад выматывают силы людей. Но вот ледник становится положе. Можно подниматься прямо вверх. Шипилов ведет товарищей ближе к склону Хан-Тенгри. Здесь безопасней, лавины обычно срываются с обрывов пика Чапаева.

В час дня группа достигла верхней части цирка ледника. Если в начале подъема было очень холодно, то здесь людей мучает жара: котловина цирка защищена со всех сторон снежными склонами, отражающими лучи солнца. Но жара — это еще полбеды, гораздо неприятнее и тяже-

лее глубокий рыхлый снег. Слабый с утра ветер к середине дня совсем стих, температура воздуха в 3 часа поднялась до 25° тепла.

Семь часов шли альпинисты. Устали все изрядно и, хотя до темноты оставалось еще очень много времени, устроили бивуак. Высота 5800 м. В палатках еще жарче, до 35°. Едва солнце скрылось, стало холодно, температура упала до —18°. Но ветра попрежнему не было.

6 сентября, преодолев лавиноопасный склон, группа остановилась на «плече» Хан-Тенгри, на высоте 6300 м. 9 часов шли в этот день восходители. Едва была разбита первая палатка, Шпилов связался по радио с лагерем. Весть об успешном подъеме вскоре полетит и в Алма-Ату. Каждые три часа разговаривают альпинисты с товарищами, оставшимися внизу. Передачи длятся всего несколько минут, но чувство неразрывной связи с остальным миром не покидает людей, затерянных в снегах огромной горы. Однако не вся группа идет ровно. П. Брыксин весь день чувствовал себя неважно. Он едва передвигал отяжелевшие ноги, задерживая свою связку.

Достигнув плеча пика, группа вышла из-под защиты склонов. Теперь ничто не укрывает восходителей от ударов свирепого ветра. Утром 7 сентября сильный порыв ветра разорвал две палатки. Унесло часть теплых вещей. Трудно стоять. Нужно соблюдать крайнюю осторожность: ведь буквально в двух шагах от лагеря — полуторакилометровый обрыв к леднику Северный Иныльчек.

Состояние Брыксина ухудшилось. Шпилову даже не пришлось советоваться с товарищами. Ясно: заболевшего нужно отправлять обратно. Трудно решить, кого отправить сопровождать Брыксина, ведь для него восхождение будет потеряно. Шпилов выбрал И. Авдеева, одного из наиболее молодых альпинистов группы.

Двойке помогли пройти наиболее трудные участки в начале спуска. Вскоре удаляющиеся фигурки стали совсем маленькими. Счастливо добравшись, друзья!

В 11 часов утра штурмовая группа двинулась вверх. На шесть человек оставалась одна трехместная палатка. Путь по снегу сменился подъемом по крутым и очень разрушенным скалам. Местами нужно преодолевать стенки крутизной до 65—75°. Альпинисты двигались очень медленно вверх. То и дело в морозном воздухе звучали звон-

кие удары молотка. Забитые в трещины крючья отмечали трудный путь.

Из рассказов товарищей алмаатинцы знали, что в 1936 г. ребро, по которому они поднимались, было покрыто снегом. Здесь даже можно было вырыть пещеру, укрыться от свирепого ветра. Теперь скалы были обнажены. За 8 часов альпинисты поднялись только на 200 м.

8 сентября день был тихий. Ветер улегся. На небе вовсю сияло солнце. Но яркие лучи не согревали людей. Высота приближалась к 6800 м.

Черепанов и Снегирев решили обойти трудное место. Они прошли в стороне от пути товарищей. Внезапно до первой связки долетел их крик: «Эй, сюда! Смотрите, скорее, смотрите!». Альпинисты повернули на зов. На скалах в небольшой выемке лежали крючья, карабины, обрывки веревки. С волнением смотрели молодые восходители на следы своих предшественников. Кто оставил здесь снаряжение? Быть может, это Абалаков и его друзья, застигнутые бесснежной бурей, решили облегчить свой груз?

Немного позже Семченко нашел палатку и овчину. Они были оставлены группой Колокольникова на ее последнем бивуаке. Находки взволновали альпинистов. Здесь, далеко от остального мира, на скалах, по которым прошли считанное число раз, они воспринимались как привет товарищей, как напоминание: «Мы прошли, идите смело!».

Последний день штурма. Близость цели отгоняла сон. Группа вышла раньше, чем обычно. Но не все альпинисты смогли продолжать путь. Р. Тородин остался в палатке. Он сильно ослабел, буквально «ноги не держат».

Пять альпинистов продолжали подъем. Снова начался ветер. В сочетании с утренним холодом (-25°) он леденит тело, сковывает движения. Сразу же за лагерем трудный подъем. Лезть в варежках невозможно, без них мгновенно коленеют руки. Через каждые 3—4 м остановка: люди долго согревают одеревеневшие пальцы дыханием.

Далеко внизу над ледниками ползут облака. Клубясь, они обволакивают подножия вершин, поднимаются все выше. Плохой признак!

Люди торопятся. Они хотят во что бы то ни стало достичь вершины пика. Скорей, покуда не наступила непогода. Но голова кружится. Свистящее дыхание вырывается из легких. Кислорода! Но его мало в разреженном воздухе на почти семикилометровой высоте.

Панорама хребтов в районе Хан-Тенгри (слева) — пик

Четыре часа продолжался последний подъем. В 15.00 группа вышла на вершину Хан-Тенгри. Альпинистам удалось разыскать записку группы Абалакова. Она пролежала на вершине 18 лет. Радио несет весть о победе в базовый лагерь.

Недолго пробыли восходители на вершине. Чудесная панорама развertyвалась перед ними, но они почти все время смотрели только на юго-запад. Там, теперь скрытый облаками, висится пик Победы. Не раз за время восхождения взоры альпинистов обращались к этому гигантскому массиву. Еще бы, ведь подъем на Хан-Тенгри — это лишь последний этап в подготовке к штурму пика Победы.

...Однако пора спускаться. Снова возникает тревожная мысль: а как там больной товарищ?

* * *

Тородии попрежнему не может итти. Весь день и ночь товарищи, напрягая все силы, спускают больного. Зашло солнце. На темном небе засияла яркая луна, а они все

Победы (посредине), снятая Мерцбахером

спускались. Порывом ветра сорвало рюкзак. В пропасть улетел весь запас бензина. Значит — три дня без воды.

К 5 часам утра 11 сентября обессиленная группа достигла верхнего цирка Безымянного ледника. Удалось по радио связаться с лагерем. Через 3 часа возобновили спуск. Погода совсем испортилась. Бушевал снежный буран. В нескольких шагах уже ничего не видно. Ветер все крепчал, и к 2 часам дня идти стало невозможно. Альпинисты ждут затишья.

Наконец, ветер немного ослабел. Вперед идут Сигитов и Семченко. Их задача — пробить тропу в глубоком снегу.

На следующее утро остальные четверо идут по следам товарищей. Вдали показались две фигуры — Авдеев и Брыксин спешат на помощь. Во-время!

Так завершилось последнее восхождение на Хан-Тенгри. Алмаатинские альпинисты остались верны своей тактике. Они брали вершину «с хода», без заброски промежуточных лагерей. Не провели они и акклиматизационного

похода. Он помог бы выявить, как переносят высоту участники, помог бы им привыкнуть к большим высотам. Это особенно важно, когда в группе есть люди, прежде не бывавшие выше 6500 м.

Восходителям повезло. Почти все время подъема стояла хорошая погода. Могло быть и по-другому, тогда отсутствие предварительной подготовки сказалось бы весьма чувствительно.

3

На запад от Хан-Тенгри поднимается пик Чапаева. Эта вершина уступает по высоте своему соседу, и путь на нее легче, все же восхождение заманчиво. Когда Колокольников с товарищами спускались в 1936 г. с Хан-Тенгри, то перед их глазами все время был гребень, ведущий к пику Чапаева. Повидимому, восхождение по этому пути вполне возможно. Уже вернувшись с гор, алмаатинцы решили в следующем году предпринять восхождение на этот пик.

Были учтены уроки прошлых лет; на этот раз группа имела с собой радиостанцию. Это позволило поддерживать систематически связь с Пржевальском и Алма-Атой. Если потребуется помощь, ее можно быстро вызвать. Кроме того, газеты получали информацию о ходе восхождения.

Место базового лагеря уже определилось. Все экспедиции разбивали свои палатки у подножия Хан-Тенгри на морене, до которой доходят лошади; высота этого места немного более 4500 м. Отсюда необходимо забросить промежуточный лагерь на седловину высотой 5800 м.

Середина августа, но мороз днем достигал — 24°, ночью было еще холоднее. Снежные метели лишь изредка сменялись хорошей погодой.

На заброску грузов и рации к седловине ушло три дня. Не всегда удавалось пройти расстояние от базового лагеря до седловины в один день, и тогда приходилось устраивать ночлег по пути, между двумя широкими трещинами на леднике. Эти трещины несколько защищают от лавин.

Когда штурмовая группа вышла к вершине, на седловине в лагере «5800 м» остались в качестве резерва радист Пахомов и альпинист Каргашилов.

Северо-восточный гребень пика вскоре принимает почти широтное направление. Для выхода на эту часть гребня нужно пройти крутой лавиноопасный склон. Здесь альпинисты попали в лавину. Однако все окончилось благополучно, лавина захватила связку альпинистов своим краем, и людям удалось из нее выбраться. Отделались испугом.

Несмотря на мороз, итти под лучами горного солнца очень жарко. Движение по размякшему снегу быстро выматывает силы, и поэтому решают дальше двигаться только по ночам. Но ночью мороз сильнее. Температура падает до — 35°. Нужно принять серьезные меры, чтобы не обморозиться. Особенно эта опасность грозит ногам. Альпинисты не удовлетворились несколькими парами шерстяных носков. Ноги густо смазывали гусиным жиром и обертывали бумагой. Лицо и руки пришлось также смазать жиром. Итти приходилось то по одному из склонов, то по самому гребню. Перед вершиной на высоте 6640 м на самом гребне устроили еще один бивуак. Последний участок пути очень крут, это почти ледяная стенка. Пришлось вырубать ступени и забивать крючья, чтобы устроить надежную страховку при помощи веревки.

Тютюнников, Бекметов и Процеров вышли на штурм утром 18 августа и достигли вершины рано утром 20-го, несмотря на то что они шли только по ночам. Альтиметр восходителей показал на вершине 6860 м, но истинная ее высота — 6371 м — была определена в 1948 г. экспедицией П. Н. Рапасова.

Спустя 15 лет, в 1952 г., восхождение на пик Чапаева было повторено. Вершину штурмовали альпинисты-высотники Советской Армии (Ташкентский дом офицера). Группа уже имела некоторый опыт высотных восхождений на Памире: в 1950 г. — пик Ленина, в 1951 г. — пик Корженевского. Штурму пика Чапаева предшествовало трудное тренировочное восхождение на Каракольский пик в хребте Терской-Алатау.

...Лагерь на морене у ледника Звездочка. 20 августа. Прекрасная погода сопутствует шестерке альпинистов, отправившихся вверх по леднику к пику Чапаева. Впереди небольшой цепочки идет В. Ноздрюхин. За ним В. Никонов, В. Нарышкин, Э. Нагел, В. Ковалев и В. Эльчибеков.

Подъем по Безымянному леднику группа начала на следующий день. К вечеру погода ухудшилась: пошел

мокрым снегом. Ночлег альпинисты устроили в большой трещине, надежно защищавшей от ветра и возможных лавин.

Только к середине следующего дня стихла поземка, перестал падать снег. Вечером группа, борясь с порывами ветра, ставила палатки на седловине. Высота 5800 м. Из лагеря хорошо виден восточный гребень пика Победы. Рядом уступов спускается он к седловине у верховий Иныльчека.

В 10 часов утра ветер разогнал туман, и альпинисты двинулись дальше. С гребня на север свисали огромные карнизы. Здесь нужна особая осторожность. Один за другим позади остаются взлеты снежного гребня. Впереди гребень сужается. Здесь место последнего, штурмового лагеря. Высота 6100 м. Снова начинается снежная буря.

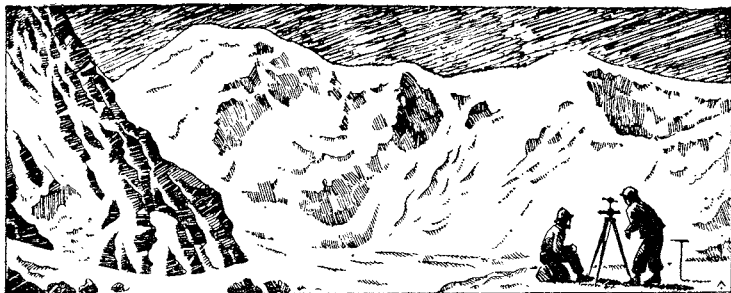
...Глубокий снег скрыл острие гребня, сбился в причудливые бугры. Каждый шаг может оказаться роковым, ведь страховку здесь наладить невозможно. Если один сорвется, товарищу по связке остается лишь прыгать с обрыва в другую сторону. Гребень позади, но перед альпинистами встает новое препятствие — высокий ледяной выступ. Природа поставила его стражем на пути к вершине, но упорные люди не отступают. 4 часа пробивают они себе путь, заколачивают крючья, навешивают веревки. Наконец, впереди ничем не заслоняемая вершина. Еще три часа ходу по глубокому снегу гребня, и группа стоит на высшей точке пика.

25 августа альпинисты благополучно спустились в лагерь на Иныльчеке.

* *
*

Всего лишь несколько вершин покорено в этом районе, а как много их, еще не тронутых, стоит вокруг. Как много еще загадок таит даже многократно посещенный район Иныльчека!

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ ПО СКЛОНАМ СНЕЖНОГО ГИГАНТА

Научный сотрудник Украинской экспедиции Демченко решил в 1932 г. повторить попытку пройти из верхний ледника Иныльчек на огромный ледник Куюкап, который, по предположению Мерцбахера, находился по ту сторону хребта Кокшаал-тау, на его южном склоне.

Так же, как и в предыдущем году, он отправился в путь вместе с альпинистами Головки и Шиманским. На этот раз число носильщиков было достаточно, погода довольно благоприятной, и группе удалось достичь седловины в хребте Актау, ограничивающем верховья Иныльчека с запада. С этой седловины, названной восходителями перевал Высокий, их глазам открылись отнюдь не южные склоны Кокшаал-тау. Перед ними были верховья ледника Звездочка — левого притока Иныльчека.

С юга за ледяным потоком поднимался крутой склон громадной вершины. Эта вершина, закрывшая всю видимость на юг, раньше замечена не была. Да и на этот раз огорченные тем, что им так и не удалось увидеть ледник Куюкап, исследователи не обратили на нее внимания¹.

¹ По сообщению М. Т. Погребецкого, несколько позже два альпиниста Украинской экспедиции К. Павел и Кюн, увидев эту же вершину во время одного из своих маршрутов, назвали ее именем Сакко и Ванцетти. Однако и они ничего особенно примечательного в ней не обнаружили.

Когда в 1936 г. группа Е. М. Абалакова достигла вершины Хан-Тенгри, все, что лежало ниже, было скрыто от глаз облаками. Но не только вершина Хан-Тенгри поднималась над белой пеленой тумана.

Почти прямо на юг над облаками восходители увидели неизвестную гору, соперничавшую по высоте с Хан-Тенгри. Естественно, что она заинтересовала альпинистов. Установить точно, где находится эта вершина, было невозможно: все внизу было скрыто колышавшейся массой облаков. Восходители предположили, что гора эта поднимается в верховьях ледника Звездочка. События, которые произошли во время спуска, заставили альпинистов на время позабыть о виденном.

Однако первоклассная вершина в таком сравнительно посещаемом экспедициями районе не могла долго остаться незамеченной исследователями.

В 1937 г. профессор Летавет достиг вершины пика Карпинского (5050 м), расположенного в хребте Куэлю. Была прекрасная погода, и на много километров вокруг видимость ничем не нарушалась. И перед ними открылась грандиозная панорама. «На восток отчетливо виден знакомый уже нам пик Нансена, а прямо за ним конус Хан-Тенгри. Но больше всего привлекала наше внимание вершина, расположенная к югу от Хан-Тенгри (очевидно, в одном из южных притоков ледника Иныльчек), которая вполне может спорить с Хан-Тенгри. Это совершенно неизвестная вершина представляет собой огромный ледяной массив, резко возвышающийся над окружающими горами»¹.

Профессор Август Андреевич Летавет², известный альпинист, уже много лет подряд исследовал различные районы Тянь-Шаня. Новая крупная вершина, повидимому вторая по высоте в Тянь-Шане, привлекла его внимание. Желание проникнуть к неизвестному пику возникло сразу, а решение осуществить его оформилось уже в Москве. Во время беседы с покорителями Хан-Тенгри Летавету удалось установить, что обе группы видели одну и ту же вершину и что во всяком случае следует искать ее где-то в верхних притоках ледника Иныльчек.

¹ А. А. Летавет. Экспедиция в Тянь-Шань. Журн. «На суше и на море», 1938, № 6, стр. 7.

² Ныне действительный член Академии медицинских наук, заслуженный мастер спорта СССР.

Проект альпинистской экспедиции к неизвестному пику был одобрен Всесоюзной секцией альпинизма. В начале июля была утверждена экспедиция, необходимые средства и снаряжение получены.

В составе экспедиции было 12 альпинистов и радист. Пятеро — начальник экспедиции А. А. Летавет, его заместитель по альпинистской части Л. Гутман, альпинисты В. Мухин, И. Черепанов и В. Рацек — отправлялись в горы Тянь-Шаня уже не впервые. Остальные участники до этого года совершали неоднократно восхождения на вершины Кавказа, но в Средней Азии еще не бывали. Экспедиция должна была дополнить то, что уже было известно о районе Иньльчек. Что же касается спортивных целей, то они были ясны. Итак, экспедиция должна была установить подступы и совершить восхождение на Безымянную вершину, расположенную в верховьях ледника Иньльчек, к югу от Хан-Тенгри, и предположительно достигающую высоты 7000 м, а также исследовать верховья ледника Иньльчек в районе Безымянной вершины и попытаться установить его связь с ледниками, расположенными на южных склонах хребта Кокшаал-тау.

Суровый и изменчивый климат района, куда направились альпинисты, был им хорошо известен. Не случайно одним из руководителей был назначен Леонид Гутман. В 1936 г. он в составе группы Абалакова совершил восхождение на Хан-Тенгри.

Весь опыт высотных восхождений и особенно восхождений на Хан-Тенгри был учтен. При снаряжении экспедиции было обращено большое внимание на защиту от холода. Теплые шерстяные вещи, легкие и прочные, были приобретены в достаточном количестве. Много внимания было уделено выбору обуви. Применяющиеся на меньших высотах в условиях более мягкого климата высокогорные ботинки для такого восхождения явно не подходили. В ряде случаев, особенно во время восхождений на Памире, альпинисты применяли так называемые шакльтоны — брезентовые сапоги с подкладкой из войлока и других утепляющих материалов. Кожаная подошва шакльтонов позволяет подковать их специальными гвоздями — триконями. Эти гвозди набивают, чтобы подошва не скользила по скалам и на льду. Однако шакльтоны имели много недостатков: они промокали и были недостаточно прочными. На этот раз альпинисты решили испробо-

вать фетровые валенки, которые с успехом применяли летчики. Головки валенок обшили кожей. Прочная кожаная подошва удерживала гвозди оковки.

Опыт показал, что целесообразно использовать лыжи: из них можно соорудить сани-нарты, на которых гораздо легче перевозить груз, чем носить его на спине. Таким образом, можно облегчить доставку снаряжения и продовольствия во вспомогательные лагеря в той части ледника, в которую лошади пройти не могут.

Много нужно различного снаряжения, и все оно служит предметом самого пристального внимания организаторов экспедиции. Очень важный вопрос: на чем растапливать снег и готовить пищу. Ведь невозможно же тащить на себе дрова на восхождение, когда каждый грамм питания и теплых вещей на учете, когда излишне тяжелый рюкзак преждевременно вымотает силы и может заставить вернуться с пути! Поэтому альпинисты применяют миниатюрные алюминиевые высокогорные кухни. В качестве топлива для них используется очень легкий сухой спирт.

Следующий, не менее существенный, чем снаряжение, вопрос — это питание. Оно должно быть высококалорийным, легким и портативным, вкусным и разнообразным. Вкусовые ощущения на большой высоте изменяются, и не всегда можно заранее угадать, что окажется впоследствии приемлемым и что нет.

Экспедиция приобрела достаточное количество различных продуктов. Конечно, значительная часть их была в консервированном виде. Не забыли захватить с собой даже два маленьких бочонка с сельдями, которые очень помогли разнообразить еду.

Сложнее всего было обеспечить подходящими продуктами людей во время штурма вершины. И руководители экспедиции решили обратиться в Институт питания, который приготавливал концентраты для станции «Северный полюс-1». Институт предоставил альпинистам изделия такого же типа, как и полярникам. Концентраты были приготовлены наборами-рационами из трех блюд. В дальнейшем опыт показал, что для восхождений себя оправдали только первые блюда. Вторые блюда порой неприятны на вкус, и, главное, их нужно было долго варить, до получаса. А это связано с большим расходом сухого спирта. К тому

же после целого дня тяжелого пути на большой высоте у альпинистов часто не хватало сил для длительных кули-нарных операций.

Уже во Фрунзе экспедиция получила радиостанцию. Здесь же к ней присоединился радист А. Ф. Заикин. Дальнейшие события еще раз подтвердили, что рация стала неотъемлемой частью снаряжения экспедиций, направляющихся в отдаленные районы.

* *
*

Путь от Пржевальска к долине Иныльчека, пройденный уже столькими экспедициями и спортивными группами, был проделан за пять дней. Маршрут пролегал через ущелье Тургеньаксу, перевал Чонашу и Беркут. Вместо перевала Тюз, на котором снег, покрывавший лед, стоял и путь для каравана оказался слишком трудным, пришлось пойти соседним перевалом Ачикташ.

Невдалеке от языка ледника Иныльчек, у огромного камня, когда-то принесенного сюда ледником, был устроен караванный лагерь экспедиции. Лагерь называли Чонташ (большой камень).

Начался следующий этап работы экспедиции. Необходимо было провести караван хотя бы к устью ледника Звездочка, где предполагалось устроить базовый лагерь.

По поверхности ледника Иныльчек из-за сильного таяния текло множество бурных потоков, промывших во льду глубокие русла. Еще в прошлые годы здесь было отмечено увеличение числа ледниковых озер. В 1938 г. таких озер стало еще больше, и размеры их возросли. Обход одного такого озера отнял у экспедиции целый день: по его ледяным берегам пришлось прокладывать тропу для лошадей.

От пути, проложенного предыдущими экспедициями, конечно, не осталось и следа. Вся работу каждый год приходится проделывать заново: отыскивать наиболее удобный путь для лошадей, маркировать и прокладывать тропу. Только от ледника Комсомолец, где начинается открытый лед, тропа пролегла посередине Иныльчека. Несмотря на изменения, происшедшие на поверхности ледника, общее направление пути каравана совпадало с маршрутом предыдущих экспедиций.

Четыре дня продолжался переход от языка Иныльчек до правой морены ледника Звездочка, где был разбит базовый лагерь. К сожалению, лошадей в базовом лагере оставить было невозможно: корма для них вблизи не было, да и большой пользы здесь они принести не могли. Караванщиков с лошадьми отправили обратно к лагерю Чонташ. Однако было условлено, что часть лошадей периодически будет доставлять в верхний лагерь дрова и свежую дичь — горных козлов.

Почти сразу же в лагере была установлена радиостанция. Натянули антенну и поставили отдельную палатку для радиста. Вскоре оттуда донеслось:

— Алло! Алло! Говорит Тяньшанская высокогорная экспедиция. Я — Роби, Я — Роби! Роман, Ольга, Борис, Иван ...Роман, Ольга, Борис, Иван... Перехожу на прием. Прием, прием...

Роман, Ольга, Борис, Иван — обозначали буквы позывных рации, которой было присвоено название Роби. Вскоре эти четыре имени настолько надоели, что участники экспедиции затыкали себе уши, как только голос радиста слышался из палатки. Связь удалось наладить непосредственно с Фрунзе, и только когда была плохая слышимость, радиограммы отправлялись через ближайшие радиостанции, расположенные в районе Пржевальска.

Радиостанция позволяла не только поддерживать связь с миром, но и в случае необходимости получить поддержку. Несмотря на это, нужно было так построить работу экспедиции, чтобы в лагере всегда оставались люди для обеспечения помощи ушедшим на разведку или восхождение альпинистам. Участники экспедиции поэтому были разделены на три отряда. Одновременно из лагеря могли выйти два из них. Третий, находившийся в резерве, отдыхал.

Все приготовления, наконец, были закончены. Необходимо было наверстать упущенное время. Уже первые разведки подтвердили, что безыменная вершина находится в верховьях ледника Звездочка.

По утрам в солнечную ясную погоду на льду вблизи лагеря можно было наблюдать необычное зрелище. Альпинисты занимались физзарядкой. Обнаженные до пояса, покрытые потом загорелые тела блестели в лучах солнца. А на ногах валенки... Все это происходило на фоне стены безыменной вершины, замыкавшей ледник Звездочка. Ее

крутые склоны были покрыты льдом и снегом; лишь кое-где виднелись пласты породы, главным образом мрамора.

Теперь нужно было исследовать ледник Звездочка, разведать и подготовить путь восхождения. Всей этой кропотливой работой руководил Август Андреевич Летавет.

Ледник Звездочка еще не был до этого полностью пройден. Предыдущие экспедиции обычно наблюдали ледник с Иныльчека или ограничивались небольшими экскурсиями в нижней его части.

Прошло несколько дней. Прделаны первые трудоемкие маршруты к верховьям ледника. Участники Украинской экспедиции 1931 г. называли его Звездочкой. Это самый большой из левых притоков Иныльчека, впадающий в него на высоте 4100 м. Звездочка производит впечатление большой мощи. В нижней своей части он почти так же широк, как и Иныльчек. Он заполняет свою долину на ширину в два километра.

Альпинисты прошли нижнюю вытянутую с юга на север часть ледника, хорошо видимую с Иныльчека, и вот тут-то и оказалось, что ледник не заканчивается у замыкающей его с юга стены, а резко, почти под углом 90°, поворачивает вдоль хребта, стекая с востока на запад. Общая протяженность ледника Звездочка достигает 16,4 км при площади 34 км². Со стороны Иныльчека верховья Звездочки закрыты большим контрфорсом хребта Актау. Справа с этого хребта в Звездочку впадает восемь ледников. Слева над верхней частью ледника поднимается стена безыменной вершины в хребте Кокшаал-тау, а над нижней — отрог этого же хребта. С крутых, покрытых снегом склонов то и дело срываются лавинами тысячетонные массы снега.

Альпинисты поднимались по леднику вверх. Изрезанная трещинами и буграми нижняя его часть сменилась сравнительно ровной поверхностью верховий. Здесь поверхность льда покрывал толстый слой снега. Он скрывал глубокие трещины, неразличимые и поэтому еще более опасные.

Вот и верхний конец ледника. Отсюда, вероятно, можно перевалить в верховья Южного Иныльчека. Слабо выраженная седловина в восточной части цирка, повидимому, и есть перевал Высокий. Контурсы пройденного ледника зарисованы, сделаны необходимые засечки при помощи буссоли. Но не только составление схемы района занимает

умы альпинистов. Все время взгляды их направлены к ледяным склонам Кокшаал-тау. Каждый альпинист высматривает и прикидывает возможные пути к вершине.

На остановках само собой возникает обсуждение возможных маршрутов. Горячие споры вызывают достоинства и недостатки каждого варианта. Конечно, снизу трудно разглядеть детали, но одно ясно: восхождение будет трудным. Большая высота, холод, изменчивая, коварная погода, технически сложный путь, крутые участки его — вот с чем придется встретиться штурмовой группе. Но чем труднее восхождение, тем важнее все предусмотреть и по возможности облегчить работу штурмовой группы. На общем совещании альпинисты разобрали план штурма. Было решено устроить силами вспомогательных групп два лагеря на пути восхождения. Кроме того, выше по леднику, у подножия вершины нужно было организовать лагерь-базу. Его шутя называли «наш город Комсомольск-на-Звездочке».

Вскоре на склоне вершины на высоте 4800 м появился второй лагерь: снежная пещера. Еще один лагерь устроили на так называемом втором плато, на высоте 5200 м. Сколько бивуаков придется устраивать самой штурмовой группе по пути к вершине, неизвестно, но, вероятно, не менее четырех. Ведь от второго плато до вершины остается еще примерно 1800 м по вертикали.

* *
*

8 сентября первый отряд выступил из Комсомольска к вершине. Предполагалось, что следом за ним отправится и второй отряд.

Часы показывали 10 ч. 30 м. Гутман, Мирошкин, Иванов и Радек подняли свои рюкзаки и направились ко второму лагерю. Их не провожали. В лагере никого не оставалось: альпинисты занимались переброской очередной партии грузов снизу, из базового лагеря на морене.

В своем дневнике руководитель штурмовой группы Л. Гутман записывал:

«Через полчаса начался подъем на второе плато. С первых шагов мы убедились в трудности подъема на высоту по северному склону. Снег рыхлый, сухой и легкий, как пух. Это зимний несмерзающийся снег, в котором

можно «плыть», но не вырубать ступени. Мы, собственно, и «плыли». В самом мелком месте снег по колено. На крутых склонах, составляющих 80 процентов пути, продираешь снег коленом, затем таранишь грудью, разгребашь руками до более или менее плотного основания и только тогда бьешь ступеньку. Часто, встав на выбитую ступеньку, съезжаешь обратно. Рюкзаки весят по 18—20 кг, высота 4250—4800 м, воды ни капельки. Кажется, не будет конца этому изнурительному и однообразному пути.

Лишь к 4 ч. 30 м. вечера мы добрались до ниши «4800», в которую второй отряд раньше забросил продукты и снаряжение. За 6 часов мы поднялись на 550 м по вертикали...

Беспокоит недостаток сухого спирта — «меты»¹. Днем сверху мы видели, как медленно двигались с нартами второй и третий отряды. Этак они не успеют к сроку. В чем дело?

10 сентября. Утро встретили двумя неприятностями. Володя Рацек плохо спал ночь, у него разболелись десны. Погода испортилась, туман и снег. Но, так как по плану к нам должны сегодня притти снизу, то мы решаем все же двигаться вверх, но не всем. Володя Рацек и Женя Иванов остаются ждать Летавета. Он решит, куда идти Володе. Ваня Мирошкин и я уходим.

Снег такой же, как вчера. Два часа плутаем между сбросами² и склонами. Туман сгущается, ориентировка потеряна, и мы вынуждены вернуться в пещеру. Снизу никого нет...

«Мета» у нас плохая, вместо обычных 12—14 палочек на кипячение миски воды уходит 30—35 палочек. Так «меты» не хватит.

11 сентября. Проснулся рано, видимости опять нет. Но и снегопада, метели тоже нет. Ждем просветления. К 8 часам вышло солнце, туман рассеялся. Увидели лагерь внизу. Людей как будто там нет, жизни не заметно. Как-то сразу начинает подбираться тревога. Неужели что-нибудь случилось!

В 8 ч. 45 м. вышли Мирошкин и я — вверх, Иванов и заболевший Рацек — вниз. Прощаемся без слов. Печаль-

¹ Сухой спирт; «Мета» — название фирмы, выпускающей эту продукцию.

² Под названием «сброс» здесь понимается очень крутой, почти вертикальный, ледяной или фирновый обрыв.

ные глаза Рацека все говорят; Женя Иванов должен вернуться обратно с Сидоренко.

Едва мы тронулись в путь, как раздался крик Жени:
— Смотрите, люди!

Мы оглянулись вниз. Оттуда, по направлению к лагерю «4800» двигались две черные точки. Мы стали кричать знакомое всем альпинистам: «И-оо-го-го». Точки остановились. Затем стали писать какое-то слово на снегу. Было смешно смотреть, как две точки крутятся и движутся взад и вперед.

Слово это мы так и не разобрали...

Еще раз даю Жене указание относительно сроков выхода к нам и на всякий случай контрольный срок нашего спуска. При спуске прошу соблюдать особую осторожность»¹.

...В это время внизу разворачивались непредвиденные события. Снаряжение и продукты, необходимые для штурма вершины, составляли довольно значительный груз. Чтобы облегчить его доставку из базы на морене в «город Комсомольск», из лыж сделали трое нарт. Оставшиеся внизу альпинисты утром 9 сентября начали перетаскивать нарты вверх по леднику.

За несколько дней обильного снегопада ледник покрылся толстым слоем рыхлого снега. По неровной поверхности ледника двигались очень медленно. Низкие нарты захватывали много снега, и от этого работа становилась еще более тяжелой. Отряду пришлось остановиться на ночь, когда до «Комсомольска» оставалось не более двух километров.

Всю последующую ночь опять шел снег, но к 10 часам утра снегопад уменьшился, и решено было все же пройти оставшееся до лагеря расстояние. Только что пошли, как в 15 м от места ночлега В. Мухин, тащивший в паре с И. Юхиным сани, вдруг исчез. Там, где он стоял, в снегу темнела дыра. Под метровым слоем снега во льду скрылась трещина.

Не прошло и минуты, как все собрались у черного отверстия в снегу. На тревожный оклик ответа не было. Звуки глухо отражались от ледяных стен. Сидоренко быстро приготовился к спуску. Он подошел к трещине, но

¹ Л. Г у т м а н. Экспедиция на Тянь-Шань. Журн. «На суше и на море», 1939, № 1.

вдруг из нее донесся слабый глухой крик. Мухин пришел в себя и просил спустить веревку. Он сам сумел обвязаться, но потом снова потерял сознание.

Прошло не более 15—20 минут, и вот Мухин снова на поверхности ледника. Пролетев вглубь трещины на 17—18 м, альпинист получил довольно серьезные ранения. Особенно пострадала нижняя челюсть: кость была переломана в двух местах.

Первая помощь была оказана тут же, на месте. Профессору Летавету, физиологу по специальности, пришлось на время стать хирургом. Большие раны лица были стянуты самодельными скрепками. Для их изготовления использовали жест консервных банок, — ничего другого под руками не оказалось.

У Мухина поднялась температура. Нужно было доставить пострадавшего в ближайшую специальную хирургическую больницу — через Пржевальск в Ташкент. Но без самолета такая эвакуация затянулась бы надолго. Радиостанция экспедиции сообщила во Фрунзе о случившемся. Полученный вскоре ответ указывал место возможной посадки санитарного самолета. Ближайшая площадка находилась в долине р. Иньльчек, в 40 км от Чонташ — караванного лагеря экспедиции. Чтобы доставить туда Мухина, требовалось не менее 10 дней. Нужно было спуститься к караванному лагерю, вернуться назад с лошадьми, а затем снова путь по леднику с тяжело раненым...

Итак, самолет был вызван на 21-е.

За лошадьми отправились Рацек и Чайбеков. Они прошли весь трудный тридцатисемикилометровый путь по Иньльчеку в течение одного дня с небольшим. Утром 13 сентября они уже были в Чонташе, и вскоре оттуда вышел небольшой караван. Несколько лошадей с караванщиками обратно к леднику Звездочка вел Чайбеков. 14-го поздно вечером лошади были в лагере на морене.

Мухина удалось доставить к посадочной площадке вечером 17 сентября. Эти совершенно исключительные темпы передвижения оказались возможными только благодаря самоотверженности всех участвовавших в транспортировании.

Состав экспедиции уменьшился. Вместе с Мухиным были сопровождающие его Рацек, Черепов и Юхин.

Во время этих событий Гутман и Мирошкин находились наверху, в лагере «5200». Туман и расстояние помешали разглядеть сигналы, предлагавшие им спуститься.

После того как меры для доставки Мухина в больницу были приняты, 12 сентября Сидоренко, Иванов и Гожев вышли из базового лагеря. Было решено продолжать штурм, и 14 сентября три альпиниста уже поднимались ко второму плато.

Два дня Гутман и Мирошкин пережидали непогоду. Снизу никто не приходил. Что же делать? Неужели спуститься?

«14 сентября. Два дня мы пролежали здесь, в лагере «5200». Два дня ветер трепал палатку, сбивая на нас иней. Два дня палатку засыпало снегом. Температура в палатке колебалась от 10 до 14 градусов мороза. «Мета» истощилась, мы имеем по литру воды в день на двоих, да и этот запас кончается.

Сегодня день замечательный, но холодно. Часов в десять вылезли из палатки. Собираемся. Подхожу к началу спуска. Кричу. И мне отвечают. Вот радость! И отвечают где-то близко, видимо из первой пещеры. Значит, к нам идут, несут «мету». Конец страданиям,— начало штурма.

Мы решаем идти вперед, так как нужно выбрать и проложить путь по ребру на востоке, по которому предполагаем начать подъем. Идем медленно. На высоте отсиживание, подобное нашему, всегда сказывается отрицательно на спортивной форме.

Снег такой же глубокий, рыхлый, идти так же утомительно, только подъема почти нет. Через час мы присели и увидели вылезавших на плато альпинистов. Их было трое. Мы стали перекликаться, затем, осмотрев путь впереди, я убедился, что перед нами сброс, а дальше — ровное поле, ведущее к гребню. Путь ясен. Мы решили ждать товарищей. Это были Саша Сидоренко, Женя Иванов и Саша Гожев. Они рассказали нам о случившемся внизу»¹.

¹ Л. Гутман. Экспедиция на Тянь-Шань. Журн. «На суше и на море», 1939, № 1.

Вечером того же дня альпинисты достигли северо-восточного гребня, по которому нужно было подниматься дальше. После двух с половиной часов тяжелой работы была вырыта еще одна пещера... Высота этого бивуака — 5300 м. За целый день трудного пути поднялись только на 100 м. В этом лагере были оставлены продукты, необходимые для спуска, и часть снаряжения.

«15 сентября. Вышли в 10 часов. Мы всегда выходили поздно, когда солнце хоть немного нагреет воздух. Сегодня идем очень медленно. Очень много времени ушло на преодоление двух «жандармов». Первый — обледенелые скалы, засыпанные снегом. К «жандарму» выводит очень узкий снежный гребень. Охранение тщательное, лазание только поочередное. Крюк вбить нельзя, нет места. Неровности, за которые можно зацепиться, — подо льдом или под снегом. Идущий первым уходит далеко вперед, и охраняющему его не видно.

Второй «жандарм» — выше и больше первого. Двумя зигзагами, комбинированным лазанием с рубкой ступенек в обледенелых скалах мы взяли и его»¹.

В течение всего следующего дня альпинисты продолжали крутой подъем по гребню. Снег наветренного склона гребня очень уплотнен постоянно дующими с этой стороны ветрами. Его поверхность настолько тверда, что трудно выбить ногой ступеньку. Заболел Мирошкин. Что с ним, товарищам определить трудно, однако это, повидимому, не горная болезнь. Он силится продолжать движение, но каждый шаг дается ему с большим трудом.

Снова ночлег. Гребень крут, за день поднялись на 660 м. Высота 5900 м. До вершины еще не менее 1000 м по вертикали.

Утром 17 сентября состояние Мирошкина не улучшилось, и ему, к сожалению, приходится спускаться вниз. Сопровождать его Гутман предложил Гожеву. Прощаясь, Гожев отвернулся: трудно было отказаться от восхождения после всех трудностей, особенно когда цель кажется такой близкой. Но отправлять Мирошкина вниз одного нельзя.

Для трех альпинистов, продолжавших подъем, этот и следующие дни были заполнены напряженной упорной работой. Снова возросли технические трудности пути. Сказывалась высота. Во второй половине дня перед началом

¹ Там же.

подъема по ледопаду остановились. Высота 6280 м. У скал поставили палатку. Немного выше начинается ледопад. В лабиринт его трещин альпинисты вступили утром 18 сентября. Шли на кошках. Против ожидания путь по ледопаду оказался не очень сложным. Затем снова вышли на снежный склон, на котором остановились на последний перед вершиной ночлег. На высоте 6600 м установили палатки седьмого с начала подъема лагеря.

Гутман может отметить своеобразный «юбилей»: десять дней прошло, как он вышел из лагеря у подножия вершины. Кажется, как давно это было. Но теперь вершина, как будто, уже совсем близка, и на следующий день она будет взята. А главное — все как будто идет хорошо, во всяком случае приходилось бывать в гораздо худшем положении. Он вспоминает спуск с Хан-Тенгри, когда, обмороженные, поддерживая друг друга, напрягая последние остатки сил, они двигались вниз...

Он оглядывает товарищей. Конечно, высота и усталость сказываются. Все обросли бородами и обгорели, но все же бодрости никто не теряет. Только Саша Сидоренко иногда недовольно хмурит брови.

«19 сентября. У нас такое впечатление, что фетровые валенки «салятся». Они как будто стали теснее и давят ноги. Больше всех недоволен валенками Саша.

Наконец, идем без рюкзаков, налегке. Ничто не мешает, а итти все же тяжело. Главное препятствие теперь — это кошки. Нога кажется пудовой.

Стало еще холоднее. Утром в палатке было на 5—6 см инея. Температура в ней перед выходом, когда солнце нагрело и иней с солнечной стороны стаял, была 22° мороза»¹.

Вершина, кажется, совсем близка. Но еще много часов трудного пути до нее. Вот последнее препятствие — крутой ледяной склон. Для организации надежной страховки при его преодолении приходится забивать ледовый крюк. На высоте 6700 м это трудное и сложное дело.

«Дальше пошел простой путь. В общем мы совершенно изменили направление, намеченное внизу. Подъем прямо на юг оказывался крутым и длинным. Более легким был

¹ Л. Гутман. Экспедиция на Тянь-Шань. Журн. «На суше и на море», 1939, № 1.

путь на юго-восток по ледяным террасам, образованным сбросами. Этот путь выводил к вершинным склонам.

Вот широкий гребень. Это вершина стены. Высота 6930 м. На восток и юго-восток, мельчая, уходят горы. Стройность хребтов горной цепи нарушается. А потом это море мелких пиков исчезает вовсе. С юго-запада надвинулся фронт густых облаков. Все закрыто, только одна не известная еще вершина, острым ножом прорвав гущу облаков, торчит над этим беспокойным морем. Видимо, это очень высокая вершина»¹.

По одиннадцати и более часов в день шли альпинисты, спускаясь вниз. Тесные валенки сыграли печальную роль: у Сидоренко обморожены ноги. Двадцатого кончилась «мета», и пить стало нечего. Жажда еще больше подгоняла людей, и поздно вечером 22 сентября восходители за два дня до контрольного срока пришли в лагерь «4000».

Взятую вершину победители назвали пиком 20-летия Комсомола, славный юбилей которого отмечался в 1936 г.

Экспедиция закончила свою работу. Казалось, все было ясно: ледник Звездочка исследован, безыменная вершина побеждена и получила имя. Однако прошло несколько лет, и к этому вопросу неожиданно снова пришлось вернуться.

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

Несмотря на деятельность всех экспедиций, работавших в районе Хан-Тенгри, точной карты всего этого узла все еще не было. Вести съемку старым способом здесь было почти невозможно. Слишком велики трудности пути к верховьям ледников этой запутанной сети ущелий. Выполнение этой задачи современными методами было поручено специальной топографической экспедиции под руководством П. Н. Рапасова.

В конце мая 1943 г. на ташкентском вокзале собрались участники экспедиции. Посадка была шумной. Члены топографической и геодезической групп вносили в вагон

¹ Там же.

свои инструменты. В нескольких купе размещались работники аэросъемочного отряда. Из товарных вагонов доносились громкое хрюканье. Экспедиция везла на Тянь-Шань памирских кутасов. Обычная вокзальная суэта. Наконец, раздался звонок, и поезд медленно отошел от перрона...

Как это всегда бывает в горах Тянь-Шаня, погода не баловала людей. Выпало много снега, для лошадей приходилось пробивать траншеи... Дожди, а выше и снег продолжались весь июнь. Первые группы топографов пробились по горным долинам и ледникам к вершинам. Они поднимались по крутым склонам, таща на себе тяжелые теодолиты, рейки и другие приборы. Пользовались урывками хорошей погоды для наблюдений с намеченных пунктов.

Наступил июль. Погода попрежнему плохая. Дожди сменялись снегопадами. Реки вздулись, и переправы были часто невозможны. Несмотря на это, со 2 июля уже все топографы и геодезисты приступили к работе. Самолеты, расположившиеся на аэродроме в Пржевальске, пытались прорваться сквозь пелену тумана и туч, окутавших пики. Но это было опасно, а главное — бесполезно: все равно съемку в такую погоду нельзя было вести.

К концу августа погода несколько улучшилась. Начинаясь лучшая пора тяньшанского лета. Пользуясь каждым погожим днем, люди работали до изнеможения, пытаясь наверстать упущенное время. Работали, несмотря на то что бурные воды горных потоков часто отрезали отряды от баз снабжения, и тогда не хватало еды; несмотря на то что подниматься на большую высоту с грузом было очень трудно. Не все привыкли к недостатку кислорода, и многих мучила горная болезнь.

Задание было выполнено в срок. Когда в начале октября погода вновь и уже безнадежно испортилась, отряды экспедиции уже сворачивали свои лагеря и готовились к обратному пути.

Еще в разгар работы геодезисты, засекая вершины гор, получили неожиданный результат. Высота одной из вершин оказалась 7439,3 м. Неподалеку была обнаружена еще одна, до того не известная, вершина с отметкой 6873 м.

7439 м! Почти на полкилометра выше Хан-Тенгри! Результат действительно неожиданный.

Над снежными полями ледника Звездочка поднимается огромный
массив пика Победы

Фото Л. Опуховского

Как могла столько лет скрываться от глаз многих исследователей вершина, значительно более высокая, чем Хан-Тенгри? Еще Мерцбахер совершенно категорически заявил, что Хан-Тенгри — первая по высоте вершина Тянь-

Шаня. Все остальные, по его мнению, значительно уступают «Повелителю духов», а ведь в распоряжении Мерцбахера был замечательный документ — прекрасная панорама всего района¹. Панорама была сфотографирована с удобного пункта и в хорошую погоду, когда облака ничего не закрывали. Но, с другой стороны, оказался же пик 20-летия Комсомола почти равным по высоте Хан-Тенгри. Значит, Мерцбахер все же ошибался.

П. Н. Рапасов писал: «Интересно отметить, что пики 7439,3 и 6873,0, несмотря на их значительную высоту, были видны только с трех-четырех вершин и большую часть времени были окутаны туманом. Из долин и с ледников этих пиков не видно². Только этим и можно объяснить, что до сих пор они не были известны, хотя в районе наших работ бывал ряд экспедиций и отдельных альпинистов»³.

Замечание Рапасова не совсем точно отражает действительное положение вещей. Вершины эти, особенно пик «7439», конечно, альпинисты неоднократно видели⁴. Действительно, достойно удивления, что никто из членов многочисленных экспедиций и восходители на пики Хан-Тенгри и 20-летия Комсомола не заметили, что вершина эта на полкилометра выше пика Хан-Тенгри.

Для проверки правильности полученных топографами высот создана специальная комиссия. Она проверила вычисления и нашла их правильными. Подтверждение открытия топографов было получено также от летчика Богомолова. Пролетая над Хан-Тенгри, он видел на юг от него более высокую вершину. Этот же летчик произвел впоследствии аэрофотосъемку района.

Итак, там, где много десятков лет главенствовал Хан-Тенгри, была неожиданно обнаружена вершина, не только соперничавшая, но значительно превосходившая его по высоте. Топографы назвали ее пиком Победы.

В сентябре 1947 г. Совет Географического общества СССР наградил группу топографов во главе с П. Н. Рапа-

¹ Смори фото на стр. 456—457.

² Во всяком случае они не производят впечатления чрезвычайно высоких.— Д. З.

³ П. Н. Рапасов. Съемка района Хан-Тенгри. Журн. «География в школе», 1946, № 1.

⁴ Первые фотоснимки этой вершины были сделаны еще в 1931 г. (Шиманский).

совым за открытие пика Победы большой золотой медалью имени Семенова-Тян-Шанского.

Карта, составленная в результате работы топографической экспедиции, позволила получить, наконец, правильное представление о расположении хребтов и ледников этого интереснейшего узла высокогорного Тянь-Шаня. В частности, еще раз убедились, что длиннейший ледник Куюкап не существует. Длина ледника Южный Иныльчек оказалась намного меньше, чем ранее указывалось, — всего 57 км, а не 80, 65, 64 и т. п. — у разных авторов.

Карта, составленная топографами, позволила А. А. Летавету в совокупности с результатами работы его экспедиции на Мраморную стену указать на еще одну чрезвычайно существенную ошибку Мерцбахера (см. очерк «Мраморная стена»).

* *
*

Известие об открытии пика Победы вызвало недоумение и даже недоверие в альпинистских кругах Москвы. Восходители на Хан-Тенгри, участники экспедиции на пик 20-летия Комсомола пожимали плечами. В указанном топографами месте, в 20 км южнее Хан-Тенгри, никто из них не видел еще одной вершины, которая была бы настолько выше «Повелителя духов».

Прошло немного времени, и в Москву приехал В. И. Рацек, работавший вместе с топографами. Он привез фотографии, карты и другие материалы экспедиции П. Н. Рапасова.

Альпинисты с нетерпением ожидали его доклада. В назначенный день собрался весь спортивный актив Всесоюзной секции альпинизма.

Докладчик запаздывал. Но вот в зале появились вместе А. А. Летавет, Е. М. Абалаков и В. И. Рацек. У докладчика был немного смущенный вид. Только что на квартире у Летавета сопоставлением всех имеющихся материалов удалось установить, что пик Победы и вершина, названная именем 20-летия Комсомола — одно и то же. Как могла получиться такая разница в определении высоты? Ведь многие видели эту вершину, но никто не считал ее более высокой, чем Хан-Тенгри.

Абалаков со своими спутниками и члены экспедиции Летавета, штурмовавшие пик в 1938 г., видели его с се-

вера. Отсюда он представляется громадной, вытянутой в широтном направлении стеной. Эта стена тянется на несколько километров и не имеет резко выдающейся вершинной части. Произошел, повидимому, вполне понятный обман зрения. Если взглянуть на изображение треугольника, а затем сравнить его с вытянутым прямоугольником такой же высоты,— всегда первый покажется выше.

Гутман с товарищами определили достигнутую ими высоту в 6930 м. В облаках, ограничивавших видимость, они, повидимому, приняли гребень за вершину. Вероятно, что слова дневника «...одна неизвестная вершина, острым ножом прорвав гущу облаков, торчит над этим беспокойным морем. Видимо, это очень высокая вершина»¹ относятся именно к настоящей вершине пика.

Определение высоты производилось восходителями при помощи одного только авиационного альтиметра. Можно предполагать также, что, как и часы участников восхождения, он стал «оглаживать» в своих показаниях. Многодневное пребывание на морозе могло сгустить смазку его механизма. Наконец, несомненно сказались и конкретные атмосферные условия. Таким образом, не исключена возможность, что высота, достигнутая альпинистами в 1938 г., была определена ошибочно.

Интересны с этой точки зрения фотографии в сторону Хан-Тенгри, сделанные Сидоренко в предпоследний день штурма. На них виден вдаль пик Хан-Тенгри, уже совсем не грозный отсюда: далеко внизу вершины хребта Актау, достигающие 6500 м.

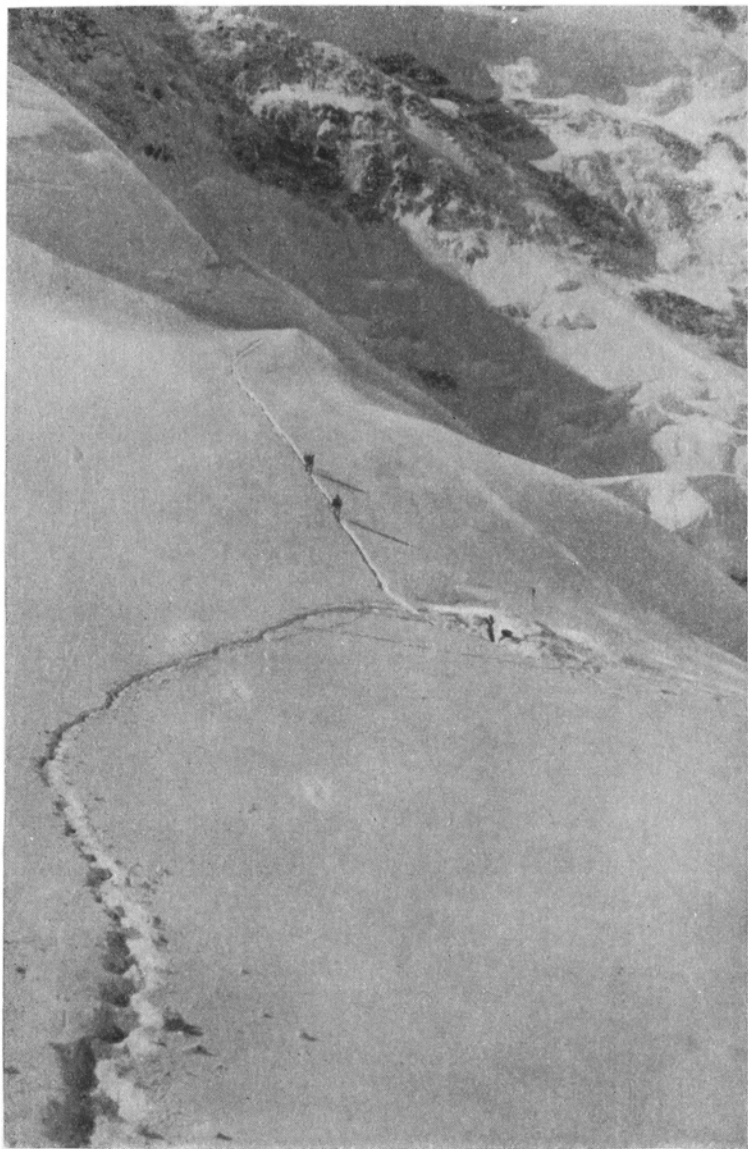
Но на все это обратили внимание лишь спустя много лет после восхождения. Гипноз нераздельно главенствующего Хан-Тенгри был так велик, что если бы восходители на пик 20-летия Комсомола увидели на своем анероиде высоту, бо́льшую, чем 7000 м, они, вероятно, попросту сочли бы его показания неправильными.

Есть еще одно любопытное обстоятельство. На знаменитой панораме Мерцбахера вершина будущего пика Победы ясно видна. Она резко выделяется в группе гор правее Хан-Тенгри. Правда, из-за того что Хан-Тенгри был ближе к месту съемки, он кажется на панораме более высоким. Но, учитывая разницу в расстояниях, можно было все же должным образом оценить высоту обеих вершин.

¹ Л. Гутман. Пик 20-летия Комсомола. Журн. «На суше и на море», 1939, № 1.

Длительная осада пика Победы завершена в 1956 г. На снимке — северо-восточное ребро пика, по которому поднялись альпинисты „Спартака“. *Фото М. Ануфрикова*

Плато 5 300 м на склоне пика Победы. Видна пещера — лагерь альпинистов. *Фото М. Ануфрикова*

Однако Мерцбахер этого не сделал и положил начало тому заблуждению, которое на много лет приковало внимание исследователей к Хан-Тенгри и мешало правильно оценить окружающее.

Так или иначе, а с фактом приходится считаться: вершина пика Победы не достигнута. Огромный оледенелый массив высился невдалеке от Хан-Тенгри, в «гнилом углу» района. Если и вообще-то на Тянь-Шане погода не балует альпиниста, то это вдвойне справедливо для района пика Победы. Где-то здесь, рядом, через понижения в хребте Кокшаал-тау переваливают на север теплые массы воздуха, поднимающиеся над раскаленными песками пустыни Такла-Макан. Ветры срывают снег с южных склонов и несут его через хребет, приумножая запасы твердых осадков бассейна Иныльчека.

Но, вероятно, затем и существуют трудности, чтобы преодолевать их. Воздвигнутая природой крепость должна быть взята,— сказали себе альпинисты. Взята, сколько бы ни продолжалась и как ни трудна будет осада.

Однако первые послевоенные годы были в основном посвящены подготовке новых, молодых кадров восходителей. Другие спортивные задачи отвлекали наших альпинистов. Первая «разведка боем» пика Победы состоялась в 1949 г. Алмаатинские альпинисты во главе с Е. Колокольниковым отправились на ледник Звездочка. Среди живой спортивной молодежи выделялись своей сдержанностью представители старшего поколения А. Иванов, П. Семенов, А. Багров.

Организационные трудности и тяжелые переправы задержали экспедицию, и она прибыла к Иныльчеку с большим опозданием против плана. Тем более энергично взялись альпинисты за подготовку выхода на северное ребро вершины. Они хотели разведать путь, по которому одиннадцать лет назад шла группа Гутмана.

Неспокойно было в ущелье Звездочки. Недавние снегопады отложили на склонах массы свежего снега. То и дело гремели лавины. Альпинистам пришлось наблюдать снежный обвал невиданной силы. Где-то у восточного гребня пика Победы раздался оглушительный треск. Грохот был так силен, что колебания воздуха, казалось, ощущаются кожей. В воздух поднялись облака снега и скрыли всю долину. А грохот нарастал. Гигантские глыбы льда ударялись о скалы и разлетались, как снаряд крупного калибра,

на миллионы осколков. Воздух вибрировал и гудел, как натянутая струна. Что-то свистело над головами, что-то рушилось. От трения быстро несущейся массы снега воздух насытился электричеством. У рации сгорели предохранители. Прочные растяжки палаток лопались одна за другой. Люди кричали, но грохот обвала поглощал все звуки, и широко открытые рты казались немymi.

...Снежная пыль улеглась. Лучи солнца вновь заиграли в снегах ближних и дальних склонов. Но как изменился ледник! Во всю его двухкилометровую ширину он был завален грудами снега и обломками льда. Снежный вал взметнулся высоко по склону противоположного хребта Актау и застыл искрящейся пеной.

Альпинисты долго стояли молча. Лагерь, расположенный в котловине, мало пострадал. Только край воздушной волны прошелся между палаток, раскидал штабель тяжелых ящиков.

— Да-а! — протянул Колокольников. — Крепко... — и другим тоном: — Ребята! хватит стоять, нужно навести порядок.

...Разведчикам не удалось добраться до высоты, достигнутой группой Гутмана в 1938 г. Поднимаясь по его пути, они вышли на северное ребро пика. С подъемом численность группы уменьшалась. Повернул назад Колокольников. Только несколько человек вышли на ребро. Медленно одолевали они крутой взлет, становились все меньше. Вдруг снег на склоне ожил, дрогнул и скрыл ребро взметнувшимся облаком искрящейся пыли. Лавина!

Там, где только что двигались маленькие фигурки, — белизна снежной поверхности. Неужели катастрофа! Но нет, темное пятнышко в снегу зашевелилось. Разметалась снежная поверхность. Из темной дыры появилась голова, энергично работающие руки. Вылез человек. Отряхнул налипший снег и осмотрелся. Вон еще что-то шевелится. Он бросился на помощь товарищу.

Через десять минут люди снова стояли на склоне помятые, но невредимые. Лавина задела их краем и протащила вниз по склону ребра.

— Удачно прокатились, — сказал Иванов. — Еще метра два... — и он показал в сторону трехсотметрового обрыва.

Снова раздался шорох снега. Еще одна лавина перехлестнула поодаль через гребень ребра. Людей охватила волна холода, обдало снежной пылью.

— Гутману повезло. Когда они шли, лавин не было,— вслух подумал П. Семенов.— Нужно возвращаться. Незачем идти на верное самоубийство.

Разведчики вернулись. Они успели еще до отъезда обследовать верховья ледника Звездочка, подняться на перевал Высокий. Быть может, есть путь по восточному гребню массива?

* *

*

Время решительного штурма еще не наступило. Продолжались разведки. В 1952 г. на ледниках Иныльчек и Звездочка работала экспедиция альпинистов Советской Армии (Ташкентский дом офицера). Покуда одна из групп штурмовала пик Чапаева, другая направилась в труднодоступную и малопосещаемую верхнюю часть Иныльчека. Оттуда можно было осмотреть восточный гребень пика Победы.

Необычный вид имела группа, покидавшая лагерь. На плечах альпинисты несли лыжи. Они должны были облегчить передвижение в огромном фирновом цирке ледника. Цепочкой растянулось пять человек: В. Рапек, К. Запорожченко, К. Русайкин, Ю. Краснобаев и А. Королев. На лыжи удалось встать лишь на второй день пути. Но недолго шли альпинисты. Налетела снежная буря, пришлось забираться в палатки.

Следующее утро было погожим. Бивуак альпинистов находился у подножия мощного ледопада, там, где Иныльчек поворачивает на запад. От края до края ледника здесь не менее 3 км, а выше фирновый бассейн еще более расширялся.

Оглядев 200-метровую ступень ледопада, альпинисты нашли в ней проход и вскоре оказались в верхней части ледника. «Нас поразило мощное оледенение; местами склоны гор полностью были погребены фирновыми потоками.

К югу от нас, в хребте Кокшаал-тау цирк ледника Иныльчек заполнял мощный ледопад, над которым поднимался пик Военных Топографов (6873 м); из-за хребта Актау был виден почти весь восточный гребень пика Победы»¹.

¹ В. И. Рапек, И. В. Юхин. В районе пика Победы, «Побежденные вершины», год 1953, Географгиз, 1954, стр. 60.

В этот день альпинистам удалось добраться до следующего ледопада. Непрекращающийся грохот лавин нервировал людей, не давал спать. Не успевала еще рассеяться снежная пыль, поднятая одной лавиной, как вслед обрушивалась другая. Палатки трепетали от ударов воздуха. Казалось, вот-вот сметет маленький лагерь.

Со времени похода М. А. Демченко в 1932 г. в этих местах никто не бывал. Альпинистам пришлось целую неделю пережить непогоду. За это время им удалось сделать интересные наблюдения. В южной части цирка, в хребте Кокшаал-тау есть глубокое понижение. Демченко указал, что в эту седловину прорываются южные ветры, несущие с собой мелкую пыль.

Теперь Рацек и его спутники видели, как ветер нес с юга, из-за хребтов массы снега. «На склонах и гребнях восточной экспозиции... накатывались новые массы снега. При этом на выдающихся частях рельефа возникали огромные наросты в виде гигантской изморози»¹. Потеплело. Сказывалось влияние более теплого воздуха, поступающего с юга. Таким образом, очевидно, в балансе ледника Иныльчек немалую роль играет метелевой перенос снега, явление до того не отмеченное.

Погода улучшилась, и альпинистам удалось на лыжах добраться до склонов вершины, поднимающейся севернее пика Военных топографов. Отсюда до пика Победы всего 6—8 км. Высота около 5900 м. Интересующий группу участок пика превосходно виден. Ближние склоны скрывали лишь перевал Чонтерек, вблизи пика Военных топографов.

Альпинисты передавали бинокль из рук в руки. Они вглядывались в каждую складку снежных склонов, в каждый выступ гребня. «Путь длинный и трудный, но возможно более безопасный,— подвел итог Рацек.— Однако сюда нужно будет прийти еще раз».

* *
*

И через год группа Рацека снова поднималась в верховья крупнейшего ледника Тянь-Шаня. Альпинисты должны были продолжить обследование верхней части ледника Иныльчек и еще раз осмотреть восточный гребень

¹ Там же, стр. 61.

пика Победы. Часть группы предполагала подняться на одну из вершин близ цирка Иныльчека. Поэтому будущий штурмовой отряд прибыл на ледник позже. Технический состав экспедиции и вспомогательные отряды прокладывали путь по леднику, вели караван к базовому лагерю и перетаскивали грузы к подножию намеченной вершины. В это время группа альпинистов совершала тренировочные восхождения. К моменту завершения подготовки они должны были «войти в форму». Так были взяты Тоштамбекторбаши (4716 м) и стена Джетыогуза в хребте Терской-Алатау, пик Карпинского (5050 м) и пик Советской Конституции (5250 м) в хребте Куйлю.

План тренировки отличался от принятых в большинстве наших экспедиций. Обычно тренировочные и акклиматизационные восхождения проводятся в районе или даже на склонах намеченной вершины. Это дает возможность одновременно провести разведку пути, привыкнуть к условиям района и забросить промежуточные лагери, снижает численность вспомогательного состава. Опыт показывает, что для акклиматизации к подъему на высоту порядка 7000 м во время тренировок нужно подняться до 6000—6200 м.

Подготовка к восхождению была завершена. Штурмовая группа прибыла в базовый лагерь на Иныльчеке. Оставалось произвести разведывательный поход в верховья ледника.

...Кругом, сколько хватает взгляда, снега. Необозримые фирновые поля. Над ними белыми клыками поднимаются вершины. Вон знакомые контуры пика Военных топографов. За гребнем отрога Актау виднеются массивные контуры пика Победы. Группа идет в направлении на юг, туда, где склоны Кокшаала замыкают фирновый бассейн. С перевала Высокий можно осмотреть склоны пика Победы и его восточный гребень. Огромными ступенями взбирается он к вершинной части массива. Выход на гребень ясен: с ледника Звездочка можно подняться на перевал Чонтарен. Перевал назван так по леднику, спускающемуся с него на юг.

Однако пора возвращаться. Время выходить на штурм пика «6800 м». Его вершина венчает отрог, отходящий на запад от хребта Меридионального. На север от пика большая седловина, перевал высотой 5500 м. С него спускается ледник. Здесь на высотах 4800 и 5800 м разбиты лагеря.

В 12 часов 1 сентября 6 альпинистов вышли из лагеря «4800 м» и направились к перевалу. Маленькая цепочка быстро удалялась, фигурки быстро уменьшались, скрывались за перегибами склона, появлялись вновь. Небольшая группа людей следила из палаток за товарищами. Прошло два часа. Темные фигурки показались на перевале, немного задержались там и свернули вправо, на северный гребень вершины.

В лагере «5300 м» разместилась вспомогательно-наблюдательная группа. Отсюда виден весь путь по гребню до вершин. Спускаться восходители будут по другому маршруту — крутым ледником, спускающимся с южного гребня пика. В назначенное время вспомогательная группа перекочет к его подножию и оттуда будет наблюдать за товарищами, готовая в случае надобности притти им на помощь.

Между тем восходители поднимались по гребню. Свернув с перевала, они вступили на крутой снежный взлет и, одолев его за три часа, остановились на ночлег (5800 м).

2 сентября. Полтора часа сравнительно легкого пути привели альпинистов к новому взлету гребня. Ширина его резко сузилась, а крутизна возросла. Впервые пришлось перейти к попеременному методу продвижения.

Но вот снежный «нож» с его карнизами пройден. Из белой поверхности высовываются зубья скал. Путь — по ним. Они поднимаются, сменяя друг друга, поражая разнообразием форм. Сглаженная, обдута ветрами поверхность доставляет людям массу неприятностей: не всегда сразу удастся разыскать уступ для ноги, зацепку для пальцев. Местами скалы заснежены. Это заставляет удвоить внимание, тщательнее налаживать страховку. Ноздрюхин — начальник штурма — идет первым, тщательно выбирая путь.

Погода резко ухудшается. Тяжелые тучи обволакивают горы. Сильный ветер несет снег, бьет в лицо. В очередном лагере восходителям приходится провести ночь, день и еще ночь. Переломный момент. Высота около 6200 м. Людей мучает головная боль, бессонница. Очень плохо Симановичу. Его придется отправить вниз.

Особенно много хлопот доставили три «жандарма». Первый обошли без особых хлопот по узенькому, шириной от 30 до 70 см, 15-метровому «балкону». Люди шли, приставляя ногу к ноге. Прижавшись к холодному камню,

нащупывали они опору на заснеженной скале. А вниз на сотни метров уходит обрыв...

Второй и третий «жандармы» обойти не удалось. Пришлось лезть «в лоб». То и дело под ударами молотка звенели крючья, вгоняемые в трещины породы. Небольшие гладкие стенки сменялись острыми ребрами выступов. В одном месте пришлось подниматься «в распор» в широкой расщелине — «камине».

200 метров тянется этот участок. Группа проходила его четыре часа. Пятьдесят метров в час! Следует иметь в виду, что высота уже более 6000 м и очень холодно.

Ночлег и снова медленное движение по гребню. Давно ушли заболевший Симанович и сопровождающий его врач Никонов. Четверка оставшихся упорно преодолевает скалы, сменяющие снег, ледяные взлеты гребня. По 6—8 часов непрерывно работают люди, а когда останавливаются на ночь, едва хватает сил разбить палатки и приготовить ужин. Четвертый ночлег, пятый...

От четвертого ночлега к предвершине ведет один из самых крутых и узких участков гребня. Карнизов здесь, по счастью, нет, но подъем очень труден: линия гребня уходит в небо с уклоном в 50°.

6 сентября. Очень холодно. Дует сильный ветер. Только в середине дня смогли восходители свернуть свой бивуак. Но пройти удалось всего 150 м.

Вершина близка. Вот она — трехзубая. Путь стал легче. Цель близка. От первой вершины к главной широкой снежный гребень поворачивает на запад. Вторая вершина несколько в стороне.

Один за другим четыре человека подходят к высшей точке пика. Они очень устали. В первые минуты до сознания не доходит, что это победа. Правда, предстоит еще трудный спуск. Но вершина взята. Это главное.

Виталий Ноздрюхин, Петр Карпов, Валентин Ковалев и Эдуард Нагел ставят свои подписи на записке о первовосхождении. Сколько лет пролежит она в туре? Когда-то еще заберутся в эту даль другие альпинисты. Если заберутся, то сколько еще невзятых вершин вокруг...

Спускались по новому пути. Седьмую ночь восхождения альпинисты провели на снежном поле в верховьях ледника № 2. Вон его крутые ступени. Тускло поблескивает лед. Разорванные трещинами обрывы приводят к небольшому снежному плато. Альпинисты используют весь

запас веревки. Забивают крючья и спускаются, упираясь в крутую ледяную поверхность окованной стальными триконями обувью.

Еще один ночлег. Далеко внизу видна белая поверхность Иныльчека. На ней что-то чернеет. Палатка наблюдательной группы? Эта мысль придает бодрости. Товарищи близко. Они беспокоятся. Снизу взлетает зеленая ракета и рассыпается искрами. Скорее — ответный сигнал благополучия.

Последний день петляния между трещин, бесчисленных спусков с ледяных обрывов и, наконец, — встреча с товарищами. Они бегут навстречу, что-то кричат...

Первый высотный траверс завершен.

* *
*

Летом 1955 г. две экспедиции разбили свои лагеря на леднике Звездочка. Здесь собраны лучшие восходители Казахстана и Узбекистана. Большинство из них уже не раз бывало в этих местах. Задача — последняя разведка пика Победы и восхождение, если будут благоприятные условия. Но условия были неблагоприятными. Казалось, все шло хорошо и погода была необычно для Тянь-Шаня устойчивой. Группы вышли двумя путями на склоны пика Победы. Но внезапно налетел циклон необычной силы. Вершина снова осталась невзятой. Победа была одержана лишь в 1956 г., но рассказ об этом в следующей книге.

ПИК МРАМОРНОЙ СТЕНЫ ПО СЛЕДАМ МЕРЦБАХЕРА

После путешествия Мерцбахера центр радиально расходящихся хребтов Центрального Тянь-Шаня переместился на картах от Хан-Тенгри к пику Мраморной стены.

В верховьях Баянкольского ущелья высоко над ледниками поднимается горный массив, почти сплошь покрытый льдом и снегом. От самой его вершины к леднику обрывается отвесом километровая скальная стена. Она так крута, что снег на ней не держится. Однако желтоватый с черными полосами мрамор не нарушает общего колорита пейзажа.

Немецкому географу восхождение на вершину оказалось не под силу. «Я вскоре убедился,— говорит он,— что высокие вершины Тянь-Шаня неподходящее место для удовлетворения альпинистского увлечения»¹. Три причины приводит он в оправдание своей неудачи: порошкообразное состояние снега, сильно затрудняющее движение; плохая погода, систематически ухудшающаяся во второй половине дня, и недостаток носильщиков.

Подступы к Мраморной стене вполне ясны, и не создается вокруг нее ореола недоступности и таинственности,

¹ Н. Merzbacher. The Central Tian-Chan mountains, London, 1905, p. 31 (перевод наш.— Д. З.).

как у Хан-Тенгри. Быть может, поэтому советские альпинисты пришли сюда сравнительно поздно.

В 1935 г. Центральный дом Советской Армии решил провести большой альпинистский поход в Среднюю Азию. Был выбран район пика Мраморной стены. Организаторов похода привлекла и та роль, какую играла вершина в системе гор Центрального Тянь-Шаня, и то, что район остался в стороне от трасс большинства исследовательских экспедиций. «Карты района «выглядят» неправдоподобно: не хватает места, хребты сжимаются и налегают друг на друга, ледники вытягиваются невероятно длинными шупальцами. Опыт людей, много бывавших в высокогорье, заставлял сомневаться в реальности этой картины»¹. Так писал один из инструкторов похода, Э. С. Левин.

Экспедиция отправилась из г. Пржевальска. Автодороги к Баянкольскому ущелью еще не существует, и длинный караван медленно тянется по горным дорогам, по степям, по увалам невысоких гор, через Лизогубовку — Каркору — Текес. Наконец, впереди стройные тяньшанские ели на склонах Баянкола. Поселков в 75-километровой долине почти нет, она, как заповедник, изобилует непуганым зверем.

В 1,5 км от языка Баянкольского ледника расположился базовый лагерь: несколько палаток и склад продовольствия. 5 августа все участники похода вышли на восточный ледник. Итти было нетрудно, и вскоре появилась тропа, по которой лошади доставили груз еще для одного лагеря, у подножия ребра пика. Выше ледник весьма труднодоступен.

Когда альпинисты, преодолев ледяной хаос, вышли на плато цирка ледника, перед ними во всей красе открылась Мраморная стена.

7 августа три группы вышли на разведку путей восхождения. Группа Э. Левина поднялась по скалистому гребешку между двумя ледопадами. Этот путь привел к верхнему плато над ледопадом. Впереди поднималась 60-метровая ледяная стена. Пришлось рубить ступени, забивать ледовые крючья. Одолев препятствие, альпинисты очутились под крутыми фирновыми склонами централь-

¹ Э. С. Левин. На подступах к пику Мраморной стены, «К вершинам Советской земли», Географгиз, 1949, стр. 442.

ной части массива. Они пришли к выводу, что подъем здесь возможен и по твердому фирну можно достичь вершинного гребня. Разведка была рассчитана на один день. Группа повернула назад.

Другой отряд разведчиков обследовал восточный гребень и тоже нашел доступный, хоть и длинный путь к вершине. Экспедиция была весьма ограничена во времени и для штурма выбрала кратчайший путь.

10 августа Левин, Клименко и Коновалов вышли к вершине. Следом шла вспомогательная группа — 6 человек.

В первый день восходители одолели уже знакомый по разведке гребешок. Утром начали подниматься по крутым фирнам. Склон не был непрерывным: взлет, затем перегиб — ступень. Нужно было не только подняться, но и пересечь склон влево. Но это опасно. Можно «подрезать» пласт и вызвать лавину. Тогда... Впрочем, об этом думать нечего. Нужно идти осторожно. Постепенно забирать влево там, где уступы; там, где-из под снега высовывается клыками лед. Применяться к местности.

Засветло группа остановилась на бивуак, — на высоте 4800 м единственная безопасная площадка. Вскоре начался снегопад. Он не стих и к ночи. Снег прогибает крышу маленькой палатки. То и дело нужно стряхивать его. Вскоре сугробы скрывают маленький полотняный домик. Ити в такую погоду нельзя, верная гибель в лавине. Люди ждут. Прошла долгая ночь. Сквозь снежную завесу забрезжил серенький день. Час проходил за часом, а снег падал все так же обильно.

Только на следующую ночь снегопад прекратился. Утром альпинисты выбрались из палатки. Они не узнали склонов. Ровная белая пелена укрыла ледник и скалы, травянистые площадки далеко внизу и даже начало ущелья. Все же нужно идти. Три человека упорно лезут вверх. Проваливаются в глубокие сугробы, опоры ногам нет. Приходится рыть ледорубами траншею до более твердого фирна.

Высота отвоевывается с боем. Каждый метр подъема дается ценой огромного труда. Проходит несколько часов, и группа взбирается на седловину гребня. Высота 5150 м, значит — до вершины еще 1000 м подъема. Отведенного для восхождения времени явно не хватает. Вспомогательная группа где-то далеко позади. Самое худшее — по-

года снова портится, а впереди заснеженные скалы. Намного потеплело, и на склонах слышится зловещий шорох лавин.

Группа поворачивает назад.

* *
*

Одновременно со штурмовой группой из базового лагеря выступил и другой отряд. Профессор В. В. Немыцкий вел 10 участников экспедиции на запад. Слева по ходу остались языки Центрального Баянкольского ледника, а группа все шла под склонами пика «4280 м». Впереди открылся большой снежный цирк. Где-то там в его верховьях нужно найти перевал на южные склоны хребта Терской-Алатау, на ледник Семенова.

Лошадей удалось довести почти до снежного поля. Здесь, у морены, на высоте 4200 м расположился новый лагерь. Прежде чем идти через перевал, нужно осмотреть и разведать этот почти неизвестный ледник.

В один из первых дней альпинисты поднялись на небольшой пик (4900 м). С его вершины весь район был «как на ладони». На юге поднимался хребет Адыртер — отрог Сарыджаза. Вблизи соединения этих горных цепей поднимается снежный пик Семенова (5816 м), внизу сверкает поверхность одноименного ледника.

Оставалось найти понижение хребта, через которые можно будет перевалить. Однако не успели альпинисты толком осмотреться, как только что почти безоблачное небо оказалось затянутым тучами, и они едва находили путь в тумане и пурге. Часа через полтора появился просвет, и группа смогла продолжать путь.

Затишье продолжалось недолго. «От основного лагеря нас отделяло четыре километра снежного поля... снова началась пурга, на этот раз сопровождающаяся шквалистым ветром и необычайно резким падением температуры.

Ветер ледяным дыханием обжигал лицо и руки. Опасаясь обморожений, распоряжаюсь снова поставить палатки»¹. Только на следующий день пришла группа в свой лагерь. Следующие разведки были сделаны на лыжах — под ними не проламывался наст и идти было много легче. Так был найден перевал «4450 м».

¹ В. В. Немыцкий. В хребтах Тянь-Шаня и Памира, «К вершинам Советской земли», Географиз, 1949, стр. 428.

Когда отряд двинулся к перевалу, весь тяжелый груз был сложен на сани, сооруженные из лыж. С перевала сани пошли «своим ходом». Альпинисты большую часть перехода проделали налегке. Только когда снежное поле окончилось, пришлось распрощаться с лыжами и водрузить груз на плечи. Впрочем, самое трудное — позади.

Теперь все ниже и ниже по леднику, между многочисленных озер, между нагромождений моренных холмов. Вперед к зеленым склонам, туда, где весело бурлят быстрые воды р. Сарыджаз. Там место встречи с товарищами...

* *
*

Прошло много лет. Отгремели бои Великой Отечественной войны. Снова двинулись на штурм вершин горовосходители. Одной из первых послевоенных экспедиций, в июле 1946 г., к Мраморной стене отправились альпинисты под руководством профессора Летавета. Это были — А. С. Мухин, В. С. Науменко, Е. В. Тимашев, И. С. Дайбог, А. И. Иванов, В. Ф. Гусев, В. И. Никольский, С. Г. Успенский, профессор Н. А. Федоров (врач экспедиции). Все участники экспедиции уже много лет проводят свой отпуск в горах. Самому молодому из них 36 лет.

3 августа¹. Участники экспедиции выехали к цепи группами. Последней группе — Летавету, Успенскому, Гусеву и Никольскому — с трудом удастся достать машину, которая довезет их до селения Сарыджаз. Это более двух третей пути, почти 300 км. Алма-Ата остается позади. Мелькают бесконечные сады с ровными рядами яблонь, поражающие изобилием прекрасных плодов; зеленеют кукурузные и свекловичные поля. Желтые поля подсолнухов яркими пятнами выделяются среди изумрудной зелени.

Уже вечерет, когда машина проезжает Талгар — первое крупное селение на пути, — и продолжает ехать, несмотря на ночную темноту. Вскоре, однако, приходится остановиться на ночлег: из-за ремонта проезд по мосту через р. Чилик закрыт до утра.

¹ При дальнейшем изложении частично использованы обработанные автором путевые заметки участника экспедиции В. Никольского.

4 августа. Когда путники проснулись, солнце стояло уже высоко. Мост исправили, и автомобиль мчится дальше. Кругом бескрайние просторы степей. Горы, такие близкие к Алма-Ате, теперь отодвинулись к горизонту.

Проходит немного времени, и начинают появляться холмы, а еще через час машина въезжает в ущелье, или, как здесь говорят, «щель».

Шоссе делает резкие повороты, то поднимается круто вверх, то спускается вниз. Эта дорога была построена в военные годы. Около 30 тыс. колхозников вышли тогда на трассу и, соревнуясь между собой, за 2 месяца проложили от Алма-Аты до Нарынкола 350 км пути.

Машина выехала из щели, впереди опять степь. Метрах в 200—300 от дороги видны дикие козы. Они группами по 5—6 голов мирно щиплют траву. Появление автомобиля их не спугнуло. Дальше виднелось целое стадо этих животных. Здесь заповедник — охота запрещена.

Жарко. Потоки горячего воздуха поднимаются над землей. Возникают миражи. Вот, кажется, совсем рядом плещется голубое озеро. Отчетливо видны очертания его берегов, камыши... Но машина подъезжает ближе, и видение исчезает. Невдалеке от дороги хлопочут над падалью стервятники. Они толпятся, отталкивая друг друга, то взлетают невысоко в воздух, то вновь опускаются и дерутся друг с другом.

Дорога поднимается к перевалу. Мотор гудит, над радиатором показывается пар. В сторону шарахается стайка горных куропаток.

Крутой спуск вниз, в необыкновенно красочный каньон.

На отвесном обрыве размытые водой породы образовали самые причудливые формы: то это как бы ряды башен, то бастионы крепости. Окраска скал фантастична разнообразием ярких тонов. Красные краски переходят в розовые и желтые, почти золотые. Рядом видны как бы мазки светлозеленого и даже синие блики. Кажется, это палитра какого-то гигантского художника. Внизу мост через р. Куртагай. Возле него домик дорожного мастера. А дальше — снова степь. Цветы — фиолетовые, белые, желтые, синие...

Опять щель. Машина с трудом ползет вверх. Последние метры, и вот перевал. Альтиметр показывает 1800 м. Отсюда открывается изумительная панорама снежных

вершин Центрального Тянь-Шаня. Глаза альпинистов невольно стремятся отыскать пирамиду Хан-Тенгри, а затем Мраморную стену и пик Семенова. О покорении этих двух вершин мечтает каждый из членов экспедиции. Горы частью окутаны облаками, и путешественники не могут разглядеть все так, как хотелось бы.

Еще несколько часов, и машина въезжает в селение Сарыджаз. Радужно встречают путешественников пограничники и «угощают» замечательной баней. Здесь последний почтовый ящик на пути, и все пишут письма домой, как здесь говорят, — «на Большую землю». Тут же решается вопрос дальнейшего передвижения: до конца автодороги в Баянкол группа поедет на той же машине.

5 августа. Пассажиров в машине стало больше: к альпинистам присоединились пограничники-радисты, которые будут с экспедицией до конца ее работы.

Снова степи сменяются щелями, а щели степями. Опять поднимается автомобиль на небольшие перевалы. Вдали маячат покрытые лесом горы. До них еще далеко.

Мост через р. Текес и селение того же названия. Здания, разбросанные на большом пространстве. За дувалами глинобитные домики с плоскими крышами. Жидкая, пыльная зелень. За селением дорога, наконец, сворачивает в сторону гор. До сих пор она тянулась параллельно им, пересекая лишь некоторые боковые отроги.

...Стены узкого ущелья образуют громадные каменные ворота. Машина мчится между ними, и среди скал гулко отдается звук мотора. Это начало Баянкольского ущелья. За тесниной приветливая зелень покрывает плавные контуры склонов широкой долины. Совсем близко от дороги толпятся, тесно прижавшись друг к другу, стройные тяньшанские ели. Их темные, мохнатые ветви спускаются к самой земле. Деревья растут только на северных склонах, необычайно четко оттеняя рельеф местности. Трава на склонах очень хорошая и сочная — здесь казахи заготавливают сено. На лугу пасется стадо коров.

Очередное дорожное происшествие: во время переезда моста через один из притоков реки раздался громкий треск, и машина резко наклонилась набок. Мелькает мысль: вот сейчас машина перевернется и упадет в реку. Но все обходится благополучно. Машина успела выехать передними колесами на безопасное место, провалились

лишь задние колеса. Начинаются обычные в таких случаях разгрузка и вытаскивание автомобиля на руках.

Наконец, многострадальная «полуторка» снова движется дальше и скоро подъезжает к селению Баянкол.

За домом пограничной заставы на лужайке белая палатка. Навстречу приехавшим выходят Исай Дайбог и Анатолий Иванов. Остальные уже ушли с выючными лошадьми дальше вперед.

Невозмутимый Дайбог приветствует друзей, но Иванов сразу же переходит в наступление, упрекая за задержку.

Но вот обстановка выяснена. Все успокоились. Нужно приступить к установке палаток для вновь прибывших, и тут-то выясняется, что, отправляясь дальше, не дождавшаяся появления отставших передовая группа увезла все палатки. Начинается строительство сложного сооружения из веревок, ящиков с продуктами и тентов.

Быстро надвинулась черная туча. Начался сильный ливень с градом. Ветер сразу же разрушил непрочное сооружение, и люди с трудом удержали полотнища тентов, чтобы их не унесло. Но дождь быстро кончился, и «строительство» пришлось начинать сначала.

7 августа. Накануне решалась «лошадиная» проблема. Свободных лошадей найти трудно — поэтому была вынужденная дневка. Сегодня все идут дальше. Груз размещен на четырех выючных лошадях. Жарко. Тропа пролегает по открытым склонам. Лес начинается выше.

Зеленая долина постепенно сужается в тесное ущелье. Впереди виднеются снежные горы, но это второстепенные вершины. Караван подходит к громадному каменному завалу, перегородившему ущелье. Река бешено ревет и мечется между камнями, прокладывая себе путь. Тропинка поднимается круто вверх, петляя между поросшими лесом скалами.

Но вот и вершина завала, отсюда должен быть хорошо виден Хан-Тенгри. Члены экспедиции давно ожидали этого торжественного момента. Каждый из альпинистов хорошо знал известный фотоснимок, сделанный с этого места. Но погода сыграла злую шутку: Хан-Тенгри не видно, горизонт затянут тучами. Они быстро спускаются, и вскоре дождь настигает маленький караван.

Последнее селение на пути — Джар-Кулак. Здесь леса уже нет, и поселок расположен на открытом склоне. Экспе-

диции отвели лучшее помещение поселка. Здесь, наконец-то, собрался полностью весь ее состав — все 10 человек.

Отсюда лишь 12 км до цели путешествия — вершины Мраморной стены. Она видна прямо из окна комнаты. Видно и то ребро, по которому намечен подъем. Туда направлены все бинокли. Каждому хочется посмотреть на места, где предстоит в упорном труде и борьбе завоевывать каждый метр подъема.

10 августа. В течение двух дней перебрасывали грузы в базовый лагерь, расположенный невдалеке от языка ледника на небольшой площадке среди хаотического нагромождения камней разных размеров. Лошадей мало, и поэтому перебираться пришлось по частям, неоднократно повторяя маршрут.

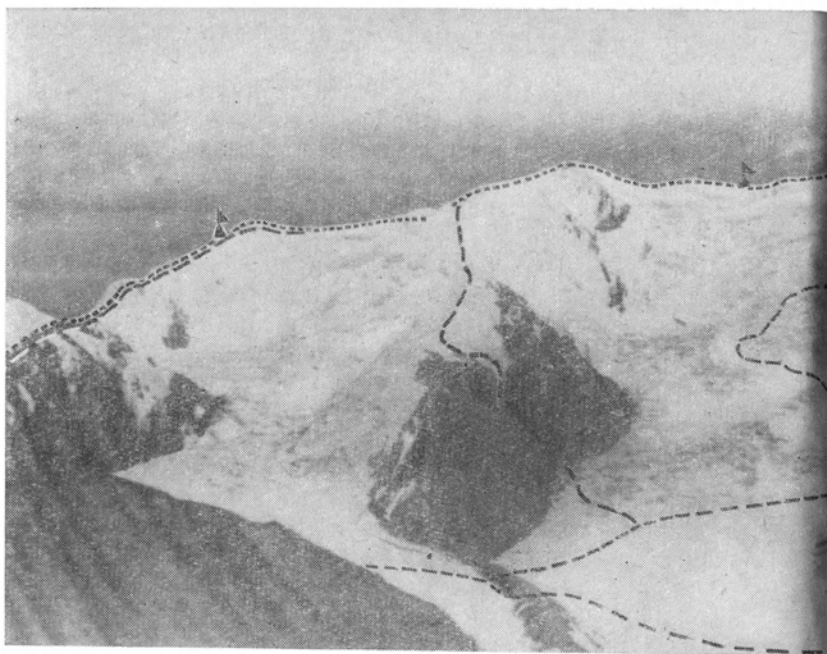
Площадка поросла травой. Она не очень ровная, и поэтому палатки стоят беспорядочно — приходится выбирать места поудобнее. На близлежащих склонах растет кустарник — топливо для лагерного очага находится под рукой.

Накануне Мухин, Науменко, Иванов и Гусев поднялись по одному из соседних склонов до высоты примерно 4000 м. Оттуда снова рассматривали ребро Мраморной стены и ледники, спускающиеся с нее. Всех волнует вопрос: какой же путь ведет к вершине? Летавет ходил по направлению к леднику и принес неутешительные известия: путь там трудный.

Данные о разведках 1935 г. очень неопределенны и кратки. Ни с кем из предшественников поговорить не удалось. К тому же ведь прошло более 10 лет. Многие могли измениться за это время даже в «вечных горах».

Встала задача найти наиболее удобный путь к верховьям ледника и промаркировать его. Это было поручено группе в составе Мухина, Гусева, Тимашева и Никольского.

Завтрак и очередной медосмотр задержали разведку, и группа вышла из лагеря лишь к полудню. Впереди Мухин. Он уже давно перестал бриться. Отросшая борода и обожженный нос забавно дополняли его необычный для гор костюм: бриджи с гетрами, серую гимнастерку и кепку. Штурмовые костюмы остальных не расходились с привычными представлениями об облике альпиниста. Однако даже бывалых людей поражали своими невероятными

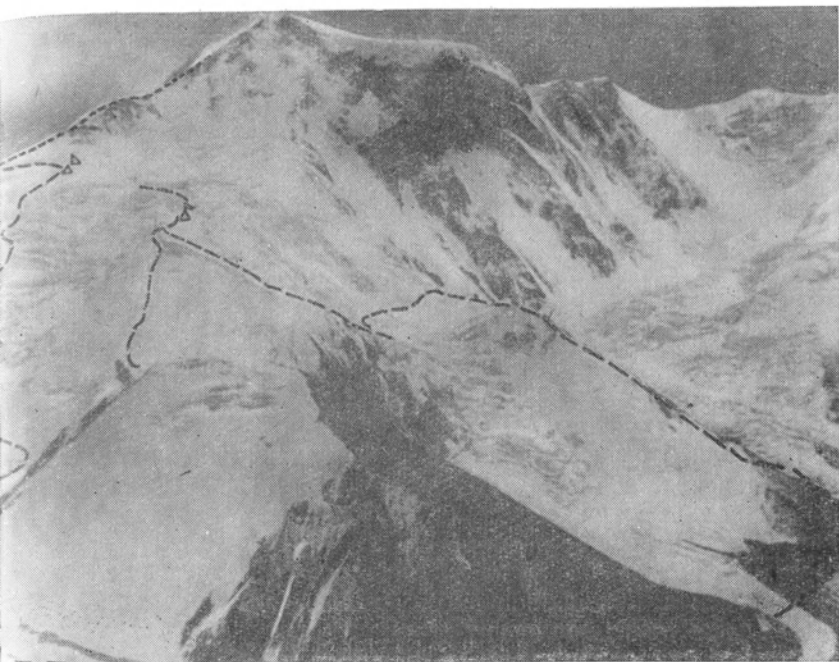
С пика Мраморной стены спускаются обширные ледники

размерами «студебекеры» — американские лыжные ботинки Никольского.

Тимашев отстал еще у языка ледника: он фотографировал, потом что-то записывал в свою книжечку.

Ледник обрывался крутым скатом, по которому по временам осыпались камни поверхностной морены. На его поверхность удалось выйти в том единственном месте, где лед большим выступом примыкает к берегу.

Вся нижняя часть ледника покрыта слоем каменных обломков. Там и сям видны широкие трещины и глубокие русла быстрых потоков талой воды. Приходится выбирать путь в этом лабиринте, отмечая его каменными пирамидами — турами. В результате этой разведки на леднике оказалось два пути: путь Мухина и путь Гусева. Первый был более длинным, но и более доступным и ровным; второй же — значительно более короткий — имел крутые участки, местами нужно было прыгать через трещины.

Пунктиром показаны маршруты экспедиции 1946 г.

Фото В. Науменко

Вскоре оказалось возможным сойти со льда на правый берег ледника. Здесь то по гребню морены, то по зеленому склону долины поднималась старая тропа. По этому пути когда-то пытались пробраться в Китай кулацкие банды, и теперь скелеты животных, куски деревянных каркасов юрт и даже предметы домашнего обихода остались немymi свидетелями трудностей пути.

Чем выше поднимаются «разведчики», тем шире развертывается перед ними панорама хребта. Вместо трех ледяных куполов, которые видны из базового лагеря, их уже шесть. Все они очень похожи друг на друга, и, начиная от пика Мраморной стены, цепь их протянулась далеко на запад.

Группа должна была также выбрать место для лагеря № 2. Естественно, его желательно было установить возможно ближе к началу подъема на вершину. Но сам путь

еще не выбран, и место для этого лагеря решено наметить там, где расходятся все возможные пути восхождения. Совсем близко от Китайского перевала разведка нашла удобную зеленую лужайку с большим камнем в центре. Место превосходное. Вода рядом. Прямо перед глазами склоны гребня, ведущего к пику Мраморная стена, ледники... Отсюда прекрасно просматриваются все возможные пути к вершине. В бинокль можно будет наблюдать за восхождением.

Оставив рюкзаки на лужайке, альпинисты направились к перевалу. 45 минут однообразного подъема по осыпи, и один за другим люди выходят на гребень перевала (4180 м). На восток плавной лентой тянется широкий, ровный ледник. А дальше до горизонта уходят бесконечные хребты и вершины.

Еще раз бросив взгляд вокруг, разведчики покинули перевал и начали быстрый спуск обратно в базовый лагерь. В долине уже стемнело, а вверх на макушках вершин догорали последние лучи заката, окрашивая снега в красный и розовый тона. Такой закат здесь зрелище редкое. Погода в этом районе имеет свое постоянное расписание, действующее точно во всех случаях, кроме резких ухудшений. Утро туманное и облачное, затем туман и облака рассеиваются, и лучи солнца ненадолго согревают все вокруг. Во второй половине дня вновь собираются облака, и к 5 ч. 30 м. вечера начинается все усиливающийся дождь, иногда и гроза. Часто вместо дождя выпадает снег, который утром стаивает.

15 августа. С очередной порцией грузов отправляются вверх четыре альпиниста, оставшиеся в нижнем лагере. Большая часть грузов уже перенесена в лагерь № 2. День был на исходе, когда «носильщики» достигли палаток верхнего лагеря. С их приходом хотя и не надолго все участники экспедиции оказались вновь в сборе...

Предполагавшаяся разведка с выходом на седловину за Узловой вершиной не состоялась: была метель, и все занесло свежим снегом. Снова приходится ждать улучшения погоды. Ничего не поделаешь, таковы уж условия Тянь-Шаня!

Группа «носильщиков» вновь спускается в лагерь № 1. Наверху необходимо экономить топливо и продукты. Доставка каждого килограмма груза стоит тяжелого труда.

17 августа. Погода немного улучшилась. Утром облака

исчезли. Наконец, все перебираются из лагеря № 1 наверх, к товарищам. Тяжело груженные люди медленно идут по леднику. Их четверо: Иванов, Дайбог, Успенский и Никольский — «арьергард» экспедиции. Когда они подошли ко второму лагерю, вдали показалась также и группа, возвращающаяся из очередной разведки. Это Науменко, Тимашев, Мухин и Гусев.

Лагерь. Туман вновь сгущается. Палатки и фигуры людей кажутся призрачными в месиве его рваных клочьев. Разведчики рассказывают о своем походе. Путь по гребню с Китайского перевала на седловину у пика Мраморной стены оказался значительно более длинным, чем предполагалось. Группе удалось пройти по гребню только до Узловой вершины (5134 м) и оттуда осмотреть острый участок гребня — «нож», соединяющий Узловую со следующей вершиной, названной впоследствии Пограничник (5296 м). Далеко за этой вершиной находится седловина, от которой начинается подъем на самый пик. Недостаток времени и неустойчивая погода не позволили разведчикам отправиться дальше.

18 августа. Погожее утро. Сегодня должно быть принято решение о порядке дальнейших действий. Уже определено три варианта пути на вершину ¹, и сторонники каждого из них считают свой единственно подходящим.

Тимашев за кратчайший путь. Он предлагает идти по пути группы Левина (северо-западный гребень). Гусев предлагает путь по северному ребру с выходом на промежуточную вершину Пограничник и дальше по гребню к Мраморной стене. Путь этот легче, но длиннее. Мухин упорно отстаивает маршрут по гребню от Китайского перевала через вершины Узловая и Пограничник. Путь очень длинен (только по гребню около 7 км), но зато серьезных препятствий на нем нет.

После оживленного совещания начальник экспедиции принял решение. Однодневной разведки для выбора лучшего варианта пути недостаточно. Требуется обследовать три варианта пути (причем желательно это сделать одновременно): еще неизвестный восточный вариант и особенно участок гребня — «нож»; западный путь по гребню, которым поднимались альпинисты в 1935 г.; и, наконец,

¹ Два из них совпадают с вариантами, найденными в 1935 г.

центральный — по среднему гребню, спускающемуся на северо-запад с вершины Пограничник.

Но необходимо оставить в лагере № 2 резервную группу. Поэтому одновременно выходят только две разведывательные группы по три альпиниста в каждой. Гусев, Мухин и Никольский отправились на обследование центрального варианта. Спускаться же было решено по восточному. Науменко, Иванов и Дайбог разведывали западный вариант. Необходимо было найти такой маршрут, по которому смогут пройти все участники экспедиции, притом с максимальной нагрузкой, ибо предполагалось устроить последний штурмовой лагерь на седловине под пиком.

С ледника Гусев, Мухин и Никольский свернули к кулуару среднего гребня. Однако намеченный снизу путь оказался значительно более сложным, чем ожидали, — всем составом экспедиции здесь пройти трудно. Поэтому после небольшой разведки Гусева все трое спустились обратно на ледник. Оставалось попробовать обойти ледопад с другой стороны ледника и попытаться выйти на гребень выше.

Погода снова портилась. Разведчики решили не ночевать на льду, а вернуться в лагерь, до которого было всего минут 40 ходьбы.

19 августа. Вершины гор блестели, освещенные лучами восходящего солнца, когда те же три альпиниста вновь выходили из лагеря. Снова приходится идти знакомым путем по леднику. Но вот и конец проложенной накануне на снегу тропинки. Группа связывается и начинает обход трещин ледопада.

В отличие от привычных условий Кавказа, здесь снег ночью не смерзается, а днем не раскисает. Он все время остается в порошкообразном состоянии, и ноги глубоко проваливаются в его толщу. Это выматывает силы и сбивает ритм дыхания. В некоторых местах тело погружается в снег по пояс, и выбираться из него очень трудно. Шаг за шагом продвигаются трое альпинистов вперед и выше, и ледопад постепенно остается позади.

Вот уже хорошо виден склон, поднимающийся к гребню над ледопадом. Но картина неутешительна: впереди почти отвесные скалы с труднопроходимыми кулуарами; крутые фирновые склоны, с которых вот-вот ринется лавинами снег.

Неужели опять придется возвращаться в лагерь, чтобы затем идти на восточный гребень, который разведчики собирались осмотреть «заодно», спустившись по нему вниз?

В момент тягостного раздумья Гусев и его спутники вдруг услышали вдали голоса: в километре от отдохавших альпинистов, метров на 400—500 выше по склону, виднеются три фигуры. Вот они подходят к ледяной стенке, преградившей им путь по западному ребру. Это другая разведывательная тройка: Науменко, Иванов и Дайбог. Очевидно, и у этой группы не все идет гладко. В этом месте они идти раньше не предполагали. Видно, как по страшной круче подбираются черные фигурки к ледяной стенке. Потом они подтянулись и остановились все вместе. Затем одна отделилась и медленно двинулась к наиболее удобному для подъема месту. В бинокль можно узнать Иванова. Укрепившись над полукилометровым обрывом, он решительными и точными движениями прорубает в нависающем льду путь. Видно, как куски льда при каждом ударе ледоруба летят вниз, в бездну. Слышен далекий голос: «Еще веревки! Еще давай!». Звуки далеко разносятся в чистом горном воздухе. Иванов медленно поднимается вверх, и все длиннее становится конец страховочной веревки, связывающей его с товарищами.

Около часу, все время своего отдыха, альпинисты наблюдали трудную работу товарища.

— Еще пять метров... еще два метра! — кричат ему страхующие.

Наконец, видно, как он хватается край стенки, выбирается на нее и кричит во весь голос:

— Я на гребне!

Сразу стало легче на душе. Замечательное «ощущение локтя» подняло настроение, и трое друзей в свою очередь снова стали искать возможность подняться на гребень хотя бы уже только для того, чтобы завершить разведку.

Гусев поднялся первым, за ним остальные двое. Пошли снова вверх и, хотя трудный путь требовал неослабного внимания, время от времени смотрели в сторону другой группы. Там сооружено нечто вроде канатной подвесной дороги. Вверх движутся один за другим тяжелые рюкзаки. Затем постепенно к Иванову поднимаются его спутники, и вскоре они исчезают из поля зрения.

Около трех часов отнял у альпинистов этот 30—40-метровый участок. Значит, их путь для всей группы с грузом мало пригоден. Через час выше на гребне снова появляется фигура Иванова. Он заметил группу Гусева и что-то кричит, размахивая руками. Гусев с товарищами отвечает ему. По крутому ледяному мостику перебирается группа Гусева через большую трещину и идет дальше вверх. Обилие ледяных стен и изломов ледника затрудняет ориентировку. Альпинистам теперь трудно установить, не сбились ли они с намеченного снизу пути.

Однако все идет довольно удачно и главное без особых приключений. Подъем продолжается. На всех поворотах остаются красные флажки, чтобы при необходимости вновь найти эту «дорогу». Снег попрежнему очень глубок, и «ведущий» быстро устает. Альпинисты прицепились к веревке при помощи карабинов, это дает возможность быстро меняться местами.

Дело идет к вечеру, нужно подумать о бивуаке. Но крутизна склонов не уменьшается, и поэтому решено добраться до очередной ледяной стенки и там устраиваться как придется. 17 часов. Вечерние облака спускаются все ниже, заволакивая сначала вершины, а затем и склоны.

Подходящее место для ночлега удастся найти с большим трудом. Еле хватает пространства для крошечной палатки. Чтобы надежно защищаться от холодного ветра, альпинисты построили стенку из снега.

Туман, ветер и снег. Видимость не более 5—6 шагов. Но разведчики уже в палатке, в спальнях мешках. В походной алюминиевой кухне горит сухой спирт, и горячий ужин скоро будет готов...

20 августа. Снаружи холодно. До восхода солнца замерзшие ботинки надеть невозможно. И даже потом согревшиеся за ночь ноги начинают в них быстро мерзнуть. Не помогают и несколько пар шерстяных носков.

Сложив свое имущество в рюкзаки, Гусев с товарищами снова продолжают подниматься. Снова шаг за шагом передний вытаптывает ступени в глубоком рыхлом снегу, покуда, обессиленный, он не вынужден уступить эту роль следующему... Приходится изменять направление, и вот один за другим люди осторожно ступают по краю широкой трещины, протянувшейся вдоль склона.

Ледяная стенка. Начинает подъем Гусев. Первая опора для ноги — воткнутый в склон ледоруб, а дальше он рубит

ступени во льду. Вырубать приходится не только ступени для ног, но и «карманы» — выемки для рук. Медленно движется вверх Гусев, продолжая рубить ступени, и вниз падают кусочки льда, сыплется снег. Они попадают на голову, а иногда и за воротник следующего. Неприятно, но приходится терпеть — деться некуда.

Очередь лезть Никольскому. Вверх к Гусеву уходит страховочная веревка. Товарищ чувствует каждое движение следующего за ним и в случае необходимости удержит его. Последним поднимается вверх Мухин.

Крутизна склона, наконец, уменьшается, и можно идти всей связкой одновременно. Поднимающаяся «тройка» еще видит далеко внизу палатки основного лагеря, но клочья налетающих облаков скоро скроют их. Разведчики уже выбрались по склону примерно на высоту седловины. Впереди не видно никаких препятствий, и можно продолжать движение, несмотря на начинающуюся пургу.

Ориентироваться в условиях плохой видимости почти невозможно, и неизвестно, когда же нужно будет повернуть влево к седловине.

Холод и непогода усиливаются. Приходится остановиться, иначе можно обморозиться. Орудя лавинной лопаткой, насаженной на ледоруб, Гусев с товарищами строят «снежный дом». Прошла очередная ночь, а утром альпинисты увидели, что находятся выше седловины.

21 августа. Первые лучи солнца осветили стенки «снежного дворца». Утренний ветерок треплет красные маркировочные флажки, воткнутые в снег. Холодно. Только к 11 часам группа готова продолжать движение.

После двухдневного непрерывного подъема очень приятно спускаться даже по глубокому снегу. Делая огромные шаги, быстро приближались альпинисты к седловине. Это на ней предполагалось установить штурмовой лагерь.

Вот и седловина. Открылся изумительный вид на восток. Бесконечное количество вершин уходит вдаль. В глубокие ущелья спускаются мощные ледники. И весь этот край почти не исследован. В большинстве долин еще не ступала нога человека.

На седловине оставлены палатка и часть снаряжения. Все это уложили в построенный из снега склад. Сверху водрузили маркировочный флажок. Теперь даже после снегопада вещи можно будет разыскать.

Дальше гребень поднимался к промежуточной вершине, пику Пограничник. Он теперь кажется совсем близким.

Шли по огромному снежному карнизу, нависавшему на восток. Еще больший карниз свисал с самой вершины. Итти по твердой поверхности уплотненного ветрами снега было легко, ноги не проваливались. В ярких солнечных лучах блестели плотный снег склонов и гигантские ледяные сосульки.

Впереди, уже за вершиной, виден участок гребня, который снизу все считали узким и прозвали поэтому «ножом». В действительности он имеет ширину 4—7 м. Казалось, что отсюда можно спуститься по тому самому среднему гребню, по которому несколько дней назад группа безуспешно пыталась найти легкий путь на седловину.

Гусев решил предпринять такую попытку: «с восточным» путем ведь все было ясно. К тому же до темноты оставалось лишь 3—4 часа, а до Китайского перевала было часов 7 ходу. Свернули с гребня. Пологий снежный склон вскоре сменился крутым участком. Пришлось спускаться лицом к склону, с попеременной страховкой.

За первой такой ступенью следовала вторая. Здесь спуск был длиннее и еще круче, а дальше он становился все более трудным. Время идет, а ледник попрежнему глубоко внизу. О том, чтобы найти здесь хороший путь, конечно, уже нет и речи. Нужно добраться до лагеря кратчайшим возможным способом, тем более что контрольный срок скоро кончается.

Группа спускается дальше по первому же подходящему кулуару. Здесь подвижная осыпь, но, когда мелкие камни сползают под ногами, вниз итти легко.

В наступивших сумерках разведчики вышли на глубокий снег, покрывающий ледник. Где-то впереди протоптанный при подъеме след, но в темноте его найти будет очень трудно. Приходится итти, ориентируясь по темным контурам гор. Все очень устали, но приходится попрежнему протаптывать себе дорогу в глубоком и рыхлом снегу. Теперь это стало еще труднее. Шаг за шагом, тяжело дыша после каждого движения, брели альпинисты вперед...

Медленно тянется время. Тишину нарушает лишь скрип уминаемого снега и тяжелое дыхание. В полной темноте группе все же удается выйти на свою старую тропу. Но

итти по ней в темноте не так-то просто: неверный шаг, и человек проваливается по пояс в окружающий рыхлый снег. Движение напоминает ходьбу по бревну. Каждая ошибка стоит большой затраты сил...

Альпинисты идут в темноте. Путь становится то более легким, то опять труднее. Люди падают, встают и снова падают. Рюкзаки тянут усталое тело то в одну сторону, то в другую. Когда путникам кажется, что больше нет сил сделать ни одного шага, в темноте зачернела громада береговой морены. За ней лагерь. Три дня трудной и напряженной работы позади.

В ведре над тлеющими головешками еще горячий суп. Из палатки голос Летавета: «Все здоровы? Ну и прекрасно. Мы уже волновались!».

22 августа. Обе разведывательные группы отдыхают. После нескольких дней, проведенных среди льда и снега, особенно приятно видеть зеленую траву лужайки, небольшие синие цветочки...

Можно вволю поесть. В походе вес рюкзака ограничивает рацион до минимума, и затрата энергии в значительной мере компенсируется за счет «внутренних ресурсов».

Оставшиеся в лагере на время разведки Летавет, Федоров, Тимашев и Успенский ушли еще рано утром. Они направились к снежной вершине, что поднимается сразу же за лагерь, напротив Мраморной стены. В это прекрасное солнечное утро отсюда должны открываться замечательные виды. Летавет и Тимашев, оба страстные фотографы, решили вознаградить себя за вынужденное пребывание в лагере.

На вершине этой горы, названной восходителями Баянкольским кругозором, альпинисты обнаружили очень глубокий ледяной колодец. Попытки спуститься на его дно успехом не увенчались.

Когда все снова собрались в лагере, состоялось совещание. Разведчики сообщили, что они не обнаружили более простого пути. Оставалось единственное решение: «восточный» вариант. Этот маршрут, начиная от Китайского перевала, пролегал по гребню через вершины Узловая и Пограничник. На седловине у начала подъема на пик Мраморной стены было решено поставить палатки и устроить последний штурмовой лагерь.

Выбранный вариант был технически самым простым, но путь, пролежавший в большей части на высоте около

5000 м, был очень длинным. Остальные четыре варианта были короче, но значительно более риксованны и трудны для движения большой группы тяжело нагруженных людей. Кроме того, на «восточном» пути снег на значительном протяжении имел твердую, уплотненную и отполированную постоянными ветрами корку. По ней можно было идти не проваливаясь, как в других местах, в глубокий сыпучий снег.

24 августа. Сборы закончены еще накануне. Уже давно рассвело, и восходители собрались вокруг двух полных ведер. Нужно последний раз поесть вволю горячей пищи. На гребне костры раскладывать будет не из чего. Вес рюкзака ограничивает аппетиты — всего приходится брать в минимальном количестве. Основную часть нагрузки составляют теплые вещи. Это главное в высотных восхождениях, особенно на Тянь-Шане, который известен плохими погодными.

Завтрак закончен, и через несколько минут из лагеря цепочкой выходят альпинисты.

Еще накануне Летавет объявил состав штурмовой группы. Восходители должны двигаться в следующем порядке: первая связка — Науменко, начальник штурмового отряда, и Тимашев; вторая связка — Иванов и Дайбог; третья связка — Мухин, Гусев и Никольский.

На седловине должна будет остаться резервная группа. Ее состав: Летавет, Успенский и Федоров. Установлен порядок и время сигнальной связи между штурмовой и резервной группами. Сигнализация при помощи ракет.

Остался позади Китайский перевал. Во время непродолжительного отдыха все уже приступили к выполнению своих обязанностей. Иванов составлял профиль подъема и делал необходимые замеры, доктор проверял пульс, кто-то раздавал печенье и, конечно, почти все фотографировали.

Минуты отдыха прошли быстро, и вновь шаг за шагом по щербистому гребню поднимается вереница людей. Темп очень медленный. Кажется, людям лень поднять ногу и поставить ее вновь, и только нехотя они выполняют эту надоевшую процедуру. Но эта медлительность нарочитая. Предстоит длинный и трудный путь, большая часть которого — подъем, за спиной очень тяжелые рюкзаки. Приходится рассчитывать и экономить силы. Впереди далеко между вершинами на некоторое время появляются

контуры Хан-Тенгри, но ненадолго: поворот поднимающегося гребня заслоняет его.

По мере подъема все шире разворачивается панорама. Кое-где на снежных склонах можно разглядеть темные бороздки — следы, оставленные разведывательными группами. Движение продолжается все в том же размеренном темпе. Каждый час Науменко выбирает удобное место и устраивает отдых на 10—15 минут. Но вот выходы скал кончаются, дальше почти до самой вершины путь лежит по снегу.

Так же медленно продолжается восхождение. Только кажется, еще больше согнули людей тяжелые рюкзаки. Горизонт медленно заволакивают обязательные здесь облака. Постепенно они спускаются все ниже и приближаются к альпинистам. Становится сыро. Начинается холодный ветер.

Было четыре часа дня, когда Науменко остановил своих товарищей перед подъемом на Узловую. Высота 4900 м. Дальше двигаться уже поздно: не ночевать же на вершине!

Через полчаса на снегу возник лагерь. В палатках альпинисты располагаются теми же группами, что и в связках. Над синим пламенем «Гексы»¹ растапливается снег. После утомительного пути очень хорошо подкрепиться, особенно принимая во внимание, что это одновременно облегчит рюкзак.

25 августа. Весь день пришлось просидеть в палатках. Усилившийся ночью ветер перешел в бесснежную бурю, и двигаться по гребню было опасно. К концу дня погода улучшилась, но идти дальше было уже поздно.

26 августа. Вновь поднявшийся ночью ветер стих лишь к 10 часам. Все уже было готово к выходу. Оставалось лишь свернуть палатки, но это процедура недолгая. Необходимо по возможности наверстать упущенное время, и люди двинулись вперед, сокращая время и без того коротких передышек.

Вершина Узловая осталась позади. Перед глазами вперед и вниз уходил гребень. Это участок, прозванный «ножом». Однако лезвие этого «ножа» довольно тупое. Поперечного уклона почти нет. Зато подойти к краю этой

¹ «Гекса» — таблетки сухого топлива, основой которого является технический уротропин.

дороги просто страшно: в обе стороны и на несколько сотен метров спускаются почти отвесные стены. Но вот «нож» остался позади. Небольшая седловина, после которой начинается подъем на пик Пограничник. До этой седловинки дошли при разведке Гусев, Мухин и Никольский. Отсюда они свернули в сторону и спускались на ледник по ребру гребня.

Теперь бывшие разведчики решили обойти вершину. Слева по ходу снежный склон не слишком крут. Чего, казалось, лучше, чем выйти прямо по нему на гребень уже за вершиной. Таким образом, можно избавить себя от тяжелого подъема и всегда обидной потери высоты.

И вот трое друзей сворачивают с гребня на склон. Остальные, идущие позади, с интересом наблюдают за ними. Вначале все шло хорошо. «Тройка» довольно резво продвигалась вперед по неглубокому снегу. Но вот склон стал круче, а снег глубже. Продвижение замедлилось. Наблюдатели, решив избрать более проверенную дорогу, пошли через вершину.

Тройке возвращаться назад не хотелось, прошли уже довольно много. Пришлось спускаться еще ниже по склону. Но и там было нелегко и путь приходилось пробивать по глубокому снегу. Подниматься к седловине — месту штурмового лагеря — пришлось по снежному гребешку. Первым шел Мухин. Методично и настойчиво утрамбовывал он в снегу ступеньки для ног. Остальные шли следом.

Сильным ударом древко ледоруба загоняется в снег. Руки крепко обхватывают клюв и лопатку его головки. Опора есть! Несколько сильных ударов ногой, и одна ступенька готова, затем — вторая. Склон крут настолько, что снег совсем близко к лицу. Он у самых глаз. Снова удар, и ледоруб в снегу, затем одна нога и другая. Раз, два, три... Методично и настойчиво движутся вверх альпинисты. Ледоруб, правая нога, левая нога. Тяжелые рюкзаки делают и без того трудный подъем еще более тягостным, но настойчивость и воля к победе дают силы заставить усталое тело двигаться вверх.

Очередной удар правой ногой. Вдруг — предостерегающий крик, и Мухина нет перед глазами. На снегу черная дыра, и в нее быстро уходит веревка. В таких случаях инстинкт и привычка действуют быстрее разума. Почти одновременно со вскриком товарища Никольский и Гусев готовы удержать падение Мухина.

Тело напряглось и ждет рывка. Весь свой громадный вес и всю силу собрал Никольский, но рывка не последовало. Вместо этого из отверстия раздался приглушенный голос Мухина: «Все в порядке!».

Действительно, все ограничилось, как говорят, «легким испугом»! Мухин провалился на глубину 5—6 м и задержался в снегу. Вскоре на поверхность снега был извлечен рюкзак, а через несколько минут рядом оказался и его хозяин.

И снова монотонное: ледоруб, одна нога, другая нога... Ноги скользят обратно, проваливаются в рыхлый снег, который никак не хочет уминаться...

Погода, как обычно, портится, налетают облака и все кругом затягивает мутная, сырая пелена: хорошо, что путь к седловине совершенно ясен и сбиться невозможно. Когда из-за последнего перегиба склона тройка вышла на седловину, там уже стоял маленький лагерь. Остальные пришли уже с час назад.

Вот так сокращение пути!

27 августа. Сегодня — штурм самой вершины! Это событие совпадает с маленьким «семейным торжеством» — Мухин отмечает день своего рождения. Нужно сказать, что не впервые этот день встречает он во время восхождения. И немудрено, не много было летних месяцев, которые он провел вдали от гор.

На седловине остается фундаментально установленная палатка для резервного отряда. Она защищена стенками, сложенными из снежных «блоков», и хорошо укрыта от любой непогоды. Маленькие штурмовые палатки перемещаются в рюкзаки восходителей.

Летавец попрощался с уходящими и теперь фотографирует удаляющиеся связки. Его немного сутулая фигура четко выделяется на сверкающем снегу. Возле палатки стояли еще двое: Успенский прикрыл ладонью глаза и смотрит вслед товарищам, а Федоров сорвал с головы свою лыжную шапочку и машет ею. Гусев оглядывается, и такими запечатлеваются в его памяти три фигуры на седловине.

Ребро, ведущее к вершине, поднимается несколькими гигантскими ступенями. Три связки далеко растянулись на крутом подъеме. Впереди двойка Науменко, затем Иванов и Дайбог. Последней движется тройка Гусева. Теперь альпинисты поднялись выше всех своих предыду-

щих маршрутов. Неутомимый Иванов делает вертикальные засечки своим эклиметром, и то и дело слышен его голос: «Ушла за нуль». Это постепенно одна за другой остаются ниже многие окружающие вершины. Все шире становится панорама.

Первая ступень гребня уже пройдена. Начинается подъем на следующую. Над ступенями — самая трудная часть восхождения: крутой склон, ведущий к самому гребню пика.

Остановка. Небольшая закуска: сахар и сухие фрукты. Науменко, однако, не удовлетворен этим. Он заставляет всех съесть по ложке белого, приторного порошка — это глюкоза.

— Через три минуты она будет прямоком в вашей сердечной мышце, — говорит он и дает знак двигаться дальше. Поочередно меняются ведущие связки, по-братски разделяя тяжелую работу протапывания пути в снегу.

Наконец, поднялись на вторую ступень. Снова передышка, снова происходит «питание сердечных мышц». И сердечные мышцы у всех работают безотказно. Команда «по коням», и тяжелые рюкзаки водружаются на натруженные плечи.

Шаг за шагом вверх. Все ближе к вершине, к победе. Идущему впереди тяжело. По его следам должны пройти все остальные, и движение их должно быть надежным. Подъем крут, но он аккуратен и точно выбивает в снегу ступень за ступенью. Зато, когда ведущий взбирается на более ровное место, он, тяжело дыша, опускается в изнеможении на снег.

Путь по снегу сменяется скалами. Они достаточно круты, скалолазание по ним на высоте почти в 6000 м — очень опасное дело.

Команда: снять кошки! На скалах ноги не увязают, но камни сыпучие и то и дело вырываются из-под ботинка. Труднее соблюдать строгий ритм движения, и дыхание все чаще срывается. Веревка цепляется за выступы скал, внезапно и грубо дергает идущего впереди. Необходима неустанная бдительность и осторожность, чтобы не сбросить камни на товарищей.

Крутое скалистое ребро ведет к вершине. Остаются тщетными все попытки сразу найти достаточно приемлемый для такой большой группы путь. Начинается обычная непогода. Приходится вернуться ниже и устраиваться

на ночь. На скалах это потребовало очень много упорного труда.

Только что все расположились на отдых, как наступил условный час сигнализации. Из ракетницы вылетает белая ракета и, описав в воздухе красивую кривую, падает в сторону лагеря № 2. Через несколько секунд оттуда взвивается ответная яркобелая точка. А еще десять минут спустя отвечает и резервный отряд на седловине. Все в порядке!

28 августа. Едва солнце согрело своими лучами заиндевевшие крыши палаток, восходители стали собираться в путь. Ночью было так холодно, что, не отогревшись, двигаться было невозможно.

Через несколько минут после выхода подошли к трудному месту. Вверх полз Тимашев. Науменко внимательно следит за каждым его движением и постепенно «выдает» ему веревку. Тимашев взбирается на большой выступ. Здесь можно надежно закрепить конец веревки, и через минуту в морозном воздухе звонко раздаются удары молотка. Крюк постепенно входит в узкую щель, и сверху спускается тонкая вспомогательная веревка.

Привязанный к ней рюкзак сначала медленно ползет вверх, затем останавливается — он застрял между двух выступов. Следом поднимается Науменко, но и он со своим большим рюкзаком застревает. Тогда на выручку приходит следующая двойка, и Иванов помогает товарищам. Вся эта акробатика происходит на очень крутой скалистой стенке при высоте почти в 6100 м.

Постепенно трудное место преодолевают все три связки. Один за другим, пользуясь спущенной веревкой, выбираются наверх альпинисты. Хотя дальше путь проще, но идти приходится очень осторожно, по очереди, страхуя идущего веревкой. Скалы покрыты тонким слоем обледеневшего снега, который делает каждый шаг неуверенным.

Очередные перегибы гребня кажутся вершиной, но каждый раз усталых людей постигает разочарование: гребень попрежнему поднимается.

Но вот, наконец, крутизна склона уменьшается. Перед глазами граница между белым снежным куполом и синим небом. Дальше начинается спуск. Долгожданная вершина!

Вершина представляет собой почти ровную снежную площадку, примерно 20 × 20 м. Со всех сторон она огра-

ничена обрывами или крутыми склонами вроде того, по которому только что поднялись альпинисты. По одному краю идет как будто нарочно сделанная кем-то каменная балюстрада.

Теперь можно по-настоящему осмотреться. Еще больше хребтов, уходящих вдаль, видно вокруг. Ближние вершины как будто опустились — все они ниже. На востоке, уже на китайской территории, вдали видна целая группа еще неизвестных грозных пиков, покрытых снегом. Среди них, повидимому, есть и семитысячники. Еще дальше виднеются зеленеющие долины Синьцзяна. На северо-западе, за хребтами, темнеет котловина Иссык-Куля...

Достаточно подойти к краю площадки, и на юг открывается вид, незабываемый по своей грандиозности. Прямо перед глазами, видимый от основания до вершины, поднимается Хан-Тенгри. Его изящные контуры царят над окружающим пейзажем. Трудно отделаться от мысли, что это гора, а не архитектурное сооружение. Обычное сравнение с пирамидой примитивно и недостаточно. Настолько это творение природы красивее и грандиознее, можно сказать — даже воздушнее, чем грузное создание древнеегипетской архитектуры. Каждая грань его своеобразна и по своему прекрасна. Одна — это сплошной, снизу доверху срез нежнорозового, как бы теплого, мрамора, другая — ледяная стена с выходами темных, мрачных скал. С правой стороны виднеется часть белоснежной юго-западной грани. У подножия пика течет, как река, ледник Резниченко (Северный Иныльчек).

За Хан-Тенгри виден пик Победы. Его почти ровный, длинный гребень с выдающимся в восточной части плечом ничем не приковывает внимание. Теперь, когда восходителям известно, что он почти на полкилометра выше Хан-Тенгри, взгляд невольно обращается к нему. Однако Хан-Тенгри производит сразу настолько сильное впечатление, что вполне понятно, почему столько лет оставался незамеченным хоть и более высокий, но приземистый пик Победы.

Сделаны все необходимые измерения и зарисовки. Фотоаппараты отщелкали бесчисленное количество снимков. Уже сооружен тур, вложена в него записка и съедена традиционная плитка шоколада. Но победители все еще не насмотрелись. Когда они опомнились, двигаться назад

было уже поздно, и альпинисты решили устроить ночлег на самой вершине. Это лагерь № 6.

Было 8 ч. 30 м., когда, несмотря на холод и ветер, все вылезли из палаток. Предстояла торжественная минута. Никольский направил ракетницу в сторону седловины и нажал на спусковой крючок. Зеленая ракета, вестник победы, ярко осветила склоны горы призрачным светом, описала дугу в воздухе.

В ответ сразу поднялась ракета с седловины, от резервного отряда. Затем снизу, от лагеря у морены, тоже взлетела яркая точка. Это сигналили радисты. В эфир полетела весть еще об одной победе воли и настойчивости советских людей.

29 августа. Appetit приходит во время еды. Еще накануне решили подняться на следующую в гребне вершину. Заранее назвали ее в честь столетия Всесоюзного географического общества СССР. Однако ночью начался сильный ветер. Стало очень холодно, и, хотя уже поднявшееся солнце ярко светило, двигаться было нельзя. Буря сдувает с вершины снег, и он длинным флагом висит в воздухе. Ветер хлопает полотнищами палаток, задувает внутрь, и люди мерзнут, несмотря на теплые спальные мешки и одежду.

Итти нельзя. Двойная опасность: быть сдутым с гребня в пропасть или обморозиться. Приходится отсиживаться. Предусмотрительно сложенные накануне из снега ветрозащитные стенки слабо укрывают палатки.

Завтрак. Нужно строго экономить немногочисленные припасы. Кто знает, сколько времени продлится непогода. В палатках тесно. Надоедает лежать неподвижно. А ветер треплет крышу, и она неистово хлопает над головой, вот-вот разорвется.

30 августа. Непогода продолжается. Снег завалил маленькие палатки и придавил их, уменьшая и без того тесное пространство. Полотнища входа наглухо застегнуты, но снег намело и внутрь. Температура снаружи ниже —20°. Особенно тесно в той палатке, где расположилась тройка Гусева, тем более что размеры тела Никольского вообще требуют «индивидуального подхода».

Мучительное ожидание. Холод. Кончаются продукты. Победители оказались в роли пленников. Нужно ждать следующего дня и, если погода не станет лучше, воспользоваться первым же, хотя бы небольшим, затишьем. Кроме

того, хочется дойти до следующей вершины. Если бы не это, уже давно рискнули бы спуститься вниз.

В конце дня в разрыве облаков, несущихся через вершину, вдруг на несколько минут показался кусок голубого неба. К ночи стрелка барометра упорно поползла вверх. Все с надеждой смотрят на нее. Иванов стреляет из ракетницы, не вылезая из палатки. Ночью стрелка барометра остановилась, а под утро начала медленно двигаться назад...

31 августа. Серое утро не принесло облегчения. На следующую вершину в такую погоду идти нельзя. Спуск вниз хотя и очень труден, но возможен — этот путь уже знаком.

Краткий обмен мнениями выявил две точки зрения. Одна — задача выполнена и не следует допускать излишнего риска, пытаясь пойти еще дальше. Однако большинство решило иначе: трое спускаются вниз, оставив свои продукты и тем обеспечив остающейся четверке еще один шанс продвинуться дальше по гребню.

И вот в 13 часов в одно из небольших затиший Иванов, Дайбог и Никольский двинулись вниз. Затих приглушенный туманом прощальный крик товарищей.

Тройка двигалась в обход скал по опасному снежному склону. Свежий снег то и дело с шорохом оседал, и люди вздрагивали, ожидая лавину. Дайбог, шедший впереди, круто свернул влево и направился к уже знакомому пути. Уж пусть лучше будет трудно. Лишь бы не слететь с лавиной в пропасть...

Постепенно в обратном порядке мелькают уже знакомые места. Вот здесь отдыхали. Вот вторая ступень ребра, за ней первая.

Погода все ухудшается. Снова из опустившихся облаков посыпалась снежная крупа. Но теперь это не страшно. Последний спуск, и из занесенной снегом палатки, одиноко стоящей на седловине, показывается голова Успенского:

— Дорогие мои, как мы о вас беспокоились,— и сразу, перебивая себя, другим, совсем деловым тоном: — Снимайте рюкзаки, и к нам. Скорее греться.

В палатке тепло и довольно «уютно». А снаружи снова неистовствует пурга. На вершине в тесных маленьких палатках мерзнут оставшиеся упрямы. Из скудных остатков еды на ночь приготовили суп и разделили остатки сухарных крошек. Запасы почти исчерпаны.

1 сентября. На вершине все попрежнему. Погода «без изменений». Но альпинисты стойко переносят и холод и недостаток еды. Они ждут своего «одного шанса». Спортивный азарт в альпинизме требует прежде всего настойчивого и молчаливого терпения.

В это же время, уже значительно ниже седловины, по снегу бредут три человека: Иванов, Никольский и Федоров спускаются вниз, в основной лагерь. На седловине тоже мало продуктов, а резервная группа не может еще покинуть свой пост.

Сырое месиво облаков беспокойно клубится под ударами ветра. Ключья тумана, как вата, проносятся мимо. Видимость то и дело совсем пропадает. Под ногами местами еще сохранились еле различимые следы, оставленные при подъеме. Временами размытые бледные контуры краев гребня вовсе исчезают, и тогда люди идут совсем наугад, рискуя, что их следующий шаг будет в пропасть. То и дело приходится останавливаться и ждать хотя бы некоторого просветления.

Доктору Федорову совсем плохо. Ноги его не слушаются, заплетаются одна за другую. Взгляд стал мутным и безразличным. Он вот-вот упадет. Сказывается многодневный недостаток питания и пребывание на значительной высоте. На помощь приходит неприкосновенный запас. Кусок шоколада «Кола» делает чудеса: через несколько минут глаза Николая Александровича заблестели, и он зашагал бодрее.

Очередное просветление помогло удачно пройти «нож» и вершину Узловой. Дальше — только спуск. Однако обычное ослабление бдительности на таком, казалось бы, простом спуске чуть было не кончилось плохо: стремясь спуститься по более легкому месту, свернули с пути подъема, и почти сразу же Никольский провалился в скрытую трещину. Как всегда, спасла веревка.

Совсем в сумерках спускающуюся тройку встретили радисты из лагеря № 2. Белая ракета — знак благополучия — полетела в вечернее небо.

Горячий суп и ведро чая согрели альпинистов, а немного времени спустя слушали передаваемую по радио «Пиковую даму». В Москве открывался театральный сезон.

2 сентября. На седловине тревожно. Время от времени из палатки на снег выбираются то Летавет, то Успенский

и подолгу пристально смотрят в сторону вершины. Внизу, в лагере № 2, Иванов не отводит бинокля, направленного туда же.

— Что там? Как товарищи?

Этот вопрос во всех взглядах, во всех мыслях. Рация лагеря № 2 принимает запрос командования пограничной части: что с четверкой, оставшейся на вершине?

И альпинисты знают: случись несчастье, и на помощь им двинутся люди, десятки и сотни людей. В небо поднимутся самолеты. Поддержку всей нашей могучей Родины чувствуют за собой советские люди, отправляясь на трудное и опасное дело.

Напряженное ожидание. И вдруг над вершиной маленьким красным пятнышком затрепетал флаг. Почти следом за этим в поле зрения биноклей показались маленькие черные фигурки. Одна, две. А через некоторое время и вторая двойка начала спуск. Недостаток продовольствия и непогода заставили альпинистов отказаться от мысли достичь следующую вершину.

Они идут очень медленно, осторожно делая каждый шаг. Немного кружится голова, плохо слушаются окочевевшие ноги и руки. Утреннее небо еще не закрыто облаками, но солнце почти не согревает. Ледяной ветер проникает во все щели одежды. Время от времени люди садятся на снег отдохнуть. Чтобы подняться, приходится делать над собой большое усилие.

Из лагеря № 2 все ушли вниз, готовиться к обратной дороге. Остался лишь один Никольский, который с волнением наблюдает за спуском друзей. Но вот вверху все снова затянуло облаками. Опять дует ветер, идет густой снег.

На седловине резервная группа собрала остатки продуктов и готовилась встретить спускающихся горячей едой и питьем. Но до седловины альпинисты в тот день не дошли. Тяжелую ночь провели они в кое-как поставленных на ребре палатках.

3 сентября. Прекрасное солнечное утро. Над вершиной развевается красный флаг. К середине дня Никольский вновь увидел на ребре две фигурки, потом две другие. Они быстро двигались по крутому снежному склону, иногда просто съезжая вниз. Немного времени спустя на седловине произошла встреча четверки с резервным отрядом.

Теперь всем можно двигаться вниз. А пока пришедшие подкрепляют свои силы скромным угощением, с таким трудом сбереженным их товарищами.

4 сентября. Впервые за все пребывание экспедиции выдался такой хороший, теплый день. Резервная группа, тоже порядком отошавшая, движется впереди. Это избавит уставших восходителей от прокладывания следа в снегу.

Вот, немного сгорбившись, первым идет Летавет. Он оброс и обгорел, щеки ввалились, и трудно узнать в нем корректного профессора, члена-корреспондента Академии медицинских наук. Но глаза его, как всегда, живо блестят, он улыбается: все в порядке, цель достигнута, силы затрачены не даром.

На следующий день альпинисты сняли верхние лагери. Когда они подходили к базовому лагерю, на их пути высилось сооружение, подобие триумфальной арки из опустевших ящиков. Углем было написано: «Пограничный привет победителям Мраморной стены!».

Еще несколько часов спустя базовый лагерь тоже прекратил свое существование. Груженные лошади отправлялись вниз. Восходители шли рядом с животными, то и дело оглядываясь назад на удалявшуюся вершину, на такие теперь знакомые гребни и склоны, места недавних лишений и упорной борьбы за победу. А сверху медленно спускались облака и постепенно закрыли сначала Мраморную стену, а затем другие горы и ледники, замыкавшие ущелье.

Вечером в Джар-Кулаке группу ожидал импровизированный банкет. Иванов и Федоров, ушедшие вперед, постарались получше угостить друзей. Когда все сидели в маленькой комнате местного учителя вокруг котла с дымящимся пловом и подняли свои «разнокалиберные» кружки, Летавет сказал:

— Нет силы, которая сломила бы советских патриотов, когда они идут вперед с верой в победу.

* *
*

Альпинисты не только совершили первоклассное восхождение в таких же условиях, в которых Мерцбахер вынужден был отступить. Они собрали довольно много интересного топографического материала, позволившего

уточнить состояние оледенения района. Например, оказалось, что западная и восточная ветви Баянкольского ледника теперь не сливаются, а имеют самостоятельные языки¹.

Однако самое существенное это то, что экспедиция раскрыла крупнейшую ошибку Мерцбахера. В свое время этот ученый объявил, что узлом радиально расположенных хребтов Центрального Тянь-Шаня является не Хан-Тенгри, а пик Мраморная стена. Долгие годы это считалось истиной.

Поднявшись на Мраморную стену, альпинисты окончательно убедились в том, что можно было бы уже заметить по новой карте Центрального Тянь-Шаня, составленной незадолго до этого восхождения военными топографами,— Мраморная стена находилась в стыке двух хребтов: Сарыджаза и Меридионального. Радиального схождения хребтов Тянь-Шаня вообще не существует.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА

Пик Мраморной стены покорен, и основные черты рельефа района (и всего Тянь-Шаня) раскрыты. Чего же более? Что еще может привлечь альпинистов в район Баянкола?

На самом деле не все было так ясно. Альпинисты экспедиции Летавета добились большой победы, прошли маршрут, который Мерцбахер счел недоступным. Но достигнутая ими вершина не была высшей точкой массива. Поднявшись на острый пик, поднимающийся над мраморным обрывом, они были лишь на предвершине. В горах иногда бывают неожиданные ракурсы. Вдали высился следующий пик. Они назвали его именем Всесоюзного географического общества. Но новая вершина не казалась им более высокой, чем достигнутый

¹ Это обстоятельство, впрочем, было отмечено Левиным еще в 1935 г.

пункт. Однако это было не так. Именно пик ВГО и есть вершина массива Мраморной стены. Если бы альпинисты имели возможность взглянуть на массив со стороны, например со склонов Западного Баянкольского ледника, то они сразу же обнаружили бы свой просчет. Но им это не было ясно, тем более что именно достигнутый в 1946 г. пункт расположен на пересечении хребтов. Южная часть массива принадлежит уже к Меридиональному хребту.

Итак, Мраморная стена все еще ожидала своих победителей. Основная часть пути к вершине пройдена. Подступы разведаны. Задача упростилась. Однако само восхождение не стало от этого более легким.

В Баянколе много и других вершин, заманчивых для альпинистов. Например, пик Баянкол (5790 м). Он виден уже с подступов к ледникам, поражая наблюдателя мощью своих крутых ледяных склонов.

И в долине снова появились альпинисты. Это случилось через семь лет после того, как Летавет и его спутники на прощанье в последний раз оглянулись на вершину, которую они считали покоренной, на ледники, среди которых они провели много трудных и тревожных дней.

10 августа 1953 г. в 3 км от языка ледника на высоте 3100 м появилось несколько палаток. Это базовый лагерь экспедиции альпинистов Казахстана. Район Баянкола они выбрали для своих походов потому, что сюда быстрее и проще всего попасть из Алма-Аты. Ведь только в 15 км от базового лагеря, в селении Джар-Кулак, кончается автомобильная дорога. К ледникам Баянкола добраться не сложнее, чем к многим ледникам близ Алма-Аты или городов Кавказа. Но зато здесь есть вершины, превышающие 6000 м. Что же лучшее можно придумать для высотных восхождений. Если еще погода была бы здесь лучше! Тогда район был бы просто идеальным местом для подготовки молодых высотников.

...Базовый лагерь установлен, можно выходить к ледникам. Солодовников и Кулинич еще не прибыли в лагерь. Им было поручено доставить часть грузов, которую не смог захватить караван. Ведь лошадей было всего девять. Альпинисты применили необычный в горах вид транспорта: они везли свою поклажу на тракторе.

И вот, когда группа готовилась выйти из лагеря, было получено неприятное известие: арьергард терпит бедствие.

Начальник экспедиции Е. М. Колокольников немедленно направил к месту аварии всех своих людей.

...Трактор стоял среди реки. Струи потока перехлестывали через машину. Груз заливало водой. Может быть, река уже унесла что-нибудь. Не так-то просто было снять тюки и ящики с трактора, но еще более трудным делом оказалось извлечь его из реки. Но сделать это было необходимо, машина принадлежала руднику и была нужна для производства. Администрация помогла альпинистам, и они теперь просто не могли бросить машину на произвол судьбы. Люди самоотверженно работали в ледяной воде. 14 августа трактор был на берегу. После нескольких оглушительных выхлопов мотор мерно зарокотал, и массивная машина медленно поползла по склону. Экспедиция лишилась части продуктов, унесенных рекой.

15 августа П. Черепанов, В. Колодин, Р. Тородин и П. Брыксин вышли из базового лагеря к пику Пограничник. Описание пути было известно по работам 1946 г., и группа уверенно направилась на восток, к Китайскому перевалу. Поход этот имел целью разведать другой сравнительно с маршрутом предшественников путь восхождения на Мраморную стену. Отказавшись от длинного пути по восточному гребню, алмаатинцы собирались выйти на него за пиком Пограничник. Для этого нужно было преодолеть ледопад ледника Мраморная стена. Маршруты Э. Левина и В. Гусева доказывали, что хотя этот путь труден, но возможен. Вышел же Гусев на седловину во время своего разведывательного похода в 1946 г. Почему бы не пройти там другим?

В это же время другая группа разведывала пик Баянкол. Вершина эта поднимается в хребте Сарыджаз. От нее на север отходит отрог, разделяющий крупные ледники Баянкольский (Центральный) и Западный. Осмотрев склоны пика, альпинисты убедились, что хотя восхождение на него потребует меньше времени, чем подъем на пик Мраморной стены, оно будет даже более сложным технически.

К 20 августа разведки были в основном закончены. На 22-е было назначено восхождение на пик Мраморной стены. Его намечено провести не более чем за 10 дней. Нетрудно было подсчитать вес нужных продуктов и снаряжения. Оказалось, каждому придется нести не менее 27—28 кг. С таким грузом далеко не уйдешь. Особенно когда

путь лежит через сложный ледопад и по очень крутым склонам. Что же делать? Альпинисты решили сократить свой рацион. Это снизило вес рюкзаков до 25—26 кг.

Базовый лагерь опустел. Весь состав экспедиции двинулся к подножию вершины. Первые четыре часа пути были легкими. Но только потому, что подъем здесь не крут. До последней зеленой поляны альпинисты провели двух навьюченных лошадей, что значительно облегчило ношу. Поляна эта уже хорошо знакома альпинистам по походу к пику Пограничник. А еще раньше здесь располагался лагерь экспедиции Летавета, «лагерь у большого камня».

Не задерживаясь в лагере, альпинисты двинулись дальше. Они предполагали свершить восхождение на пик Мраморной стены и по еще никем не пройденному гребешку выйти на вершину ВГО. Они еще не знали, что именно там вершина пика Мраморной стены.

Вот и средняя ветвь ледника Мраморной стены. Немного выше поднимался северо-западный отрог массива. По нему можно обойти большую часть ледопада. Однако альпинисты знали, что одна из разведывательных групп экспедиции 1946 г. встретилась там со значительными трудностями. И все же это было лучше ледяного хаоса. И штурмовая группа двинулась поперек ледника к отрогу.

Подъем на гребень оказался неожиданно несложным. Крутой снежный кулуар привел альпинистов к разрушенным скалам. Лазание здесь нетрудное, нужно лишь соблюдать осторожность, чтобы не свалить камень на товарищей. Через три часа после выхода из лагеря, восемь членов штурмовой группы вышли на гребень отрога. Еще через полтора часа они достигли понижения гребня. Здесь был устроен первый штурмовой лагерь.

Погода пока что благоприятствовала восходителям. Днем было тепло. Температура поднялась до 20°. К вечеру, как обычно, похолодало, усилился ветер. Но сильного мороза не было. В 8 часов вечера термометр показывал всего лишь —1°. Эта же температура сохранялась почти всю ночь. Альпинисты поднялись очень рано. Небо затянуто облаками, и солнца не видно.

Предстоял подъем по крутым снежным склонам. Пока снег еще скован ночным холодом, опасность лавин меньше. К тому же на твердом снегу опора лучше. Итти было все

же очень трудно. Склон изрезан множеством трещин. Снизу альпинисты их не разглядели. На особо крутых участках снег не держался. Пришлось подниматься по открытому льду. Правда, обошлось без рубки ступеней. Шли на кошках.

Связка за связкой, медленно, но верно одолевала группа склон. Отдыхали во время задержек у трещин и ожидания, покуда товарищ пройдет несколько метров и можно будет двинуться следом. 7 часов продолжался путь по склону, и группа снова у гребня. Но выйти на него не просто. Сверху нависает снежный карниз. Шипилов, начальник штурма, сильными ударами ледоруба обрушил часть снежной массы и проложил проход в карнизе. Здесь крутизна гребня была меньшей, но идти по нему пришлось недалеко. Через 350 м гребень слился с ледопадом. Пора было сворачивать на восток. Там, по другую сторону ледника, высились крутые снежные склоны восточного гребня массива. Пик Пограничник остался севернее. Уже видна седловина, на которую должна выйти группа. Подниматься далее по северо-западному гребню не к чему. И альпинисты, наметив путь, вошли в ледопад.

Этот ледопад был виден и снизу. Но вблизи он оказался значительно внушительнее, чем можно было ожидать. Темные фигурки людей казались совсем маленькими среди огромных ледяных столбов и стен. Альпинисты то шли в глубоком ледяном ущелье, то карабкались по крутым склонам глыб. Выше просвечивали кромки ледяных обрывов, отбрасывая на снег голубые блики. Люди входили в густую синюю тень ледяных провалов, ощущали холодное дыхание ледника. Но они шли все дальше по невероятно запутанному лабиринту.

Между тем погода портилась. В три часа дня все кругом затянул туман. Ветра не было, и он висел над ледником колеблющейся, сплошной массой. Видимость еще была удовлетворительной, но темнеть начало раньше обычного. Четыре часа блуждания в ледяном хаосе изрядно утомили альпинистов. Стало ясно, в этот день ледопад пройти не удастся.

Бивуак устроили где-то в средней части ледопада. Днем было холоднее, чем накануне, а к вечеру температура упала до -5° . От палаток взвилась ракета. Свет ее тускло блеснул в тумане. Снизу ответа не последовало: в лагере ракету не увидели,

К утру похолодало. Зато туман рассеялся. По небу скользили редкие облака. Со времени выхода группы не было обычных для района снегопадов. Надолго ли?

24 августа группа выбралась из ледопада. Оказалось, что накануне до его конца не дошли 200 м. Но этот короткий путь отнял у альпинистов несколько часов. Пришлось взобраться на большую ледяную глыбу. Она откололась от огромной ледяной стены и, как мост, нависала над провалом, по дну которого шли альпинисты.

Но вот глыбы остались позади. И снова путь преграждал снежный наддув, в котором пришлось прорубать проход.

Сброшенная сверху веревка помогла подняться остальным альпинистам. Группа вышла на верхнее снежное плато ледника. Задерживаться здесь было невозможно. Справа спускались крутые лавиноопасные склоны Мраморной стены. Восходители стремительно двинулись через плато. От людей поднимался пар. Плато было покрыто глубоким, по колено, рыхлым снегом. На 450-метровый бросок затрачено много сил. Но и после этого отдыхать не пришлось. Впереди поднимался крутой склон восточного гребня. Здесь тоже могли сойти лавины. Однако по этому склону нужно было подняться. Минутная остановка, и за людьми по снегу потянулись длинные красные шнуры. Если человек попадет в лавину, по лавинному шнуру его можно быстро отыскать и извлечь из-под снега. Шнур легче человеческого тела, он остается на поверхности.

Шнуры не понадобились. Группа благополучно прошла склон и вышла на гребень. На седловине было сравнительно тепло. Альпинисты разложили палатки, сушили промокшие при ходьбе по глубокому снегу носки. Загудели походные примусы. Но передышка была недолгой. Тучи все более затягивали небо. Пошел снег. Гребень окутало облаками. Собрав вещи, альпинисты поднялись до второй ступени гребня и в 18 часов установили лагерь № 3.

Похолодало. Днем температура не поднималась выше нуля, а к вечеру стало и вовсе холодно. Мороз 12°. Ветер все крепчал и вскоре достиг почти ураганной силы. Казалось, вот-вот разорвет палатки. Люди подпирали тонкие стенки своими телами, ощущая каждый порыв ветра. Постепенно вокруг палаток намело много снега, и их стало меньше трепать.

Ветер бушевал всю ночь. Не стих он и утром. Но небо теперь было безоблачным. Снегопад давно прекратился. Ветер поднимал снег со склонов и крутил его свирепой поземкой. Все же в 9 часов утра альпинисты снова пошли вперед.

Колющие снежные иголки больно ударяли в лицо, залепляли стекла очков. Люди шли согнувшись. Старались укрыть лица от ветра. Его резкие удары сбивали с ног, грозили повалить и сбросить в снежную пропасть.

Впереди участки крутых скал. Порода очень разрушена. Целые глыбы поддаются под тяжестью ноги, при опоре рукой. То и дело приходится останавливаться, чтобы не свалить камень на идущих позади.

Мерзнут ноги. Приходится переобуться. На обшитых кожей валенках многие укрепляют кошки. Сталь скрипит по камням. Дикий вой ветра заглушает человеческий голос. Альпинисты идут молча. Они давно сработались в совместных походах и могут обходиться даже без обычной немногословной команды. На смену словам приходят скупые жесты.

Только пять часов спустя порывы ветра ослабли. Но он все еще очень силен. К 14 часам группа достигла подножия черной скалы. Это последнее трудное место на гребне. Плиты сглажены ветром и снегом, наклонены на восток. Забить крюк здесь тоже трудно: при первых же ударах молотка порода отламывается кусками.

Взять препятствие «с хода» не удалось. Альпинисты один за другим пытаются подняться по скалам, но отступают. Наконец, Александрову удастся немного подняться. Дальше дело идет лучше. Два часа трудного скалолазания, и альпинисты вышли к туру. Это был пик Мраморной стены — высшая точка, достигнутая в 1946 г.

Записки в туре не оказалось. Зато, когда восходители начали устанавливать палатки, они обнаружили в снегу крюк, разбитый термометр и ракетный патрон. Здесь когда-то стоял другой лагерь.

С площадки ведет путь к главной вершине — гребень, круто вздымающийся к снежному куполу. Справа и слева спускаются очень крутые склоны. С гребня свисают большие снежные наддувы. Кажется, ступи на такой карниз, и он обрушится в пропасть, увлекая за собой людей. Но по гребню предстоит пройти только на следующий день, а пока что нужно дать сигнал о благополучии. В воздух

взвилась зеленая ракета. Описав крутую дугу, она рассыпалась мелкими искрами. Снизу, от морены засветился ответный сигнал.

К десяти часам вечера ветер значительно ослабел. Лагерь постепенно затих. Следующий день обещает быть тяжелым.

И вот он наступил, последний день штурма. Солнце встало из-за дальних хребтов и начало свой путь по безоблачному, яркоголубому небу. Ветер почти неощутим. Погода снова решила порадовать восходителей. Но они выбирались из палаток с помятыми, уставшими лицами. Плохо провели ночь,— акклиматизация организма только начиналась, и у многих болит голова. Брыксин и вовсе не в состоянии итти дальше. Он остается в лагере.

Рано утром 7 человек вышли из лагеря налегке, рассчитывая вернуться в тот же день. 4 альпиниста идут в валенках, другие несут их в рюкзаках.

Только что восходители вступили на гребень, как ветер снова усилился, стало холоднее. Сперва гребень довольно широк. Его линия уходит вдаль рядом взлетов и провалов. Слева — карнизы, справа — крутой склон.

Пятьсот метров пути, и гребень сужается. Люди прижимаются все ближе к карнизам. То и дело путь преграждают зубья разрушенных скал. Первый крутой взлет. За ним самая узкая часть гребня — «гребешок». Приходится лезть по скалам, не снимая рукавиц,— очень холодно. Бесчисленные подъемы и спуски. После пяти часов хода альпинисты поднялись на первую вершину в «гребешке». Короткий снежник и острая, совсем узкая часть гребня вели ко второй вершине. Здесь — укрытие от ветра, и солнце ощутимо согревает. Можно отдохнуть. Но отдых недолог. Времени терять нельзя, и восходители отправляются дальше. Впереди уже совсем близко поднимается склон вершинного купола. Здесь на ближних подступах к цели альпинистам вновь пришлось туго. Чтобы добраться до вершинного гребня, нужно преодолеть крутой взлет ломких, оледенелых скал. Снова приходится забивать крючья, навешивать веревки. Руки даже через варежки мерзнут от прикосновения к камню.

Все больше сказывается высота. Головная боль становится нестерпимой. Стучит в висках. Каждое движение дается напряжением воли. А путь, как никогда, требует

бдительности. То и дело в гребне поднимаются невысокие, но крутые «жандармы».

Наконец, в 14 часов дня все 7 альпинистов стояли на вершине. Высота — 6400 м. Всего день пути отделял группу Науменко в 1946 г. от высшей точки. Зная они тогда, что достигнутая ими точка — не вершина, быть может, они все же дождались бы улучшения погоды.

«Вершина представляет собой огромное выпуклое плато, окаймленное с запада грядой скал и мелкой осыпью. Прямо под ними на юге видны верховья ледника Северный Иныльчек, который длинной лентой тянется с востока на запад. В конце ледника замечаем голубое озеро Мерцбахера. Над всем Тянь-Шанем ни облачка. Грандиозный хребет им. И. В. Сталина с его исполином Хан-Тенгри, высочайший хребет Тянь-Шаня Кокшаал-тау с массивом самого северного семитысячника — пиком Победы, и хребты Китая — все это перед нашими глазами, во всем своем величии и красоте. Незабываемая, навсегда запоминающаяся картина», — так описывал свои впечатления В. Шипилов, начальник штурмовой группы¹.

Восходители сделали засечки на основные вершины района. Вот тогда-то и поняли они, что пик ВГО и есть главная вершина массива Мраморной стены.

Работы на вершине закончены. Взлетают три разноцветные ракеты. Это значит — вершина взята. В. Шипилов, К. Александров, П. Черепанов, А. Семченко, И. Солодовников, В. Колодин и Р. Тородин подписывают записки о восхождении. Пора в обратный путь.

28 августа штурмовая группа пришла в базовый лагерь.

В последних числах августа в базовом лагере собрались все участники экспедиции. Члены штурмовой группы наслаждались теплом, особенно приятным после недели пребывания среди льдов. Из Алма-Аты друзья прислали альпинистам чудесный подарок: много фруктов. Как приятно было впитаться зубами в сочное алое яблоко, знаменитый алмаатинский апорт.

Товарищи делились впечатлениями. Всем было что рассказать: и штурмовой группе, и альпинистам, занимавшимся гляциологическими наблюдениями на леднике

¹ Здесь и дальше цит. отчет по Баянкольской экспедиции 1953 г. Архив Всесоюзной секции альпинизма.

Мраморной стены. Организаторы экспедиции серьезно отнеслись и к этой части работ. Руководил ими аспирант Академии наук Узбекской ССР В. А. Герасимов.

На отдых было отведено всего 4 дня, но не прошла и половина этого срока, как альпинистов снова потянуло к вершинам. Радист Г. З. Плахин принял уже четвертую радиограмму из Алма-Аты. В каждой из них предлагалось отказаться от восхождения на пик Баянкол, ограничиться одержанной победой. Несмотря на это, группа решила отправиться поближе к пику и еще раз осмотреть его, снова взвесить шансы на успех.

В 10 ч. 30 м. утра 3 сентября базовый лагерь снова опустел. Длинной цепочкой растянулись участники экспедиции по каменистой осыпи. С альпинистами снова идут все те же две многострадальные лошадки. Люди помогают тяжело груженным животным, но путь труден. Вскоре после выхода группы начался дождь, а затем и снег. Шесть с половиной часов продолжался переход по осыпям и моренам. Наконец, караван остановился у подножия отрога хребта Сарыджаз. Северный гребень Баянкола совсем близко, до него, как говорят, «рукой подать». Между отрогом и северным гребнем заключена самая восточная камера правого цирка Западного Баянкольского ледника.

После предварительных разведок было намечено подняться на пик Баянкол по отрогу, у которого теперь расположился лагерь. Этот отрог завершается невысокой вершиной, от нее нужно повернуть на восток, уже по гребню Сарыджазского хребта. До Баянкола оттуда совсем недалеко. Однако именно этот участок пути вызывал серьезные сомнения: на север с него свешивались огромные карнизы; южные же склоны, обращенные к леднику Северный Иныльчек, очень круты.

Альпинисты решили избрать другой маршрут: идти северным гребнем. На высоте около 5200 м гребневая линия примыкала к северному склону пика и как бы растворялась в нем. Однако там виднелась узкая полоска скал, тянувшаяся по склону почти от самой вершины до гребня.

На следующий день рано утром штурмовая группа вышла к вершине. Что сулит избранный путь? Когда идешь без разведки и выбор пути основан на осмотре снизу,— всегда нужно быть готовым к неприятным сюрпризам. Впрочем, группа еще не получила разрешения на штурм

вершины. Выходя, альпинисты договорились с начальником экспедиции Колокольниковым, что о разрешении он даст знак сигналом — ракетами.

...Остались позади небольшое фирновое поле ледника, мелкая осыпь, спускающаяся со склонов гребня. Очень тяжело подниматься по такой осыпи с тяжелыми рюкзаками. Мелкие камешки грудами сползают под ногами. Подъем здесь подобен восхождению по спускающемуся эскалатору.

Осыпь подходит вплотную к крутому (до 55°) ледяному склону. Час от часу не легче! К счастью, можно свернуть на нетрудные скалы. Карабкаться по ним все же приятнее, чем вырубать ступени.

Но вот и гребень. Впереди разорванный широкими трещинами лед. Ледопад на гребне. И все это нагромождение ледяных глыб, трещины и проходы между ними покрыты толстым слоем рыхлого снега. Альпинистам приходилось не только отыскивать путь, опасаясь скрытых трещин, но и внимательно следить за тем, что делается выше. День солнечный, могут пойти лавины. Люди все время вслушивались, не раздастся ли зловещий шелест и треск двинувшегося снежного пласта.

Но уберечься трудно. Не сразу распознаешь скрытую трещину. То и дело один за другим альпинисты проваливаются сквозь покров снега и повисают на веревке. Тщательная страховка неизменно выручает.

Заманчивые проходы между ледяными глыбами не раз оказывались тупиком. Проход преграждала ледяная стена. Нужно было рубить ступени, выбираться наверх. А там нависает карниз — в нем нужно прокапывать целую траншею.

Ледопад кончился. А за ним снова трудный участок пути по очень глубокому снегу. Теперь траншею пришлось прокладывать своими телами. Передовые то и дело смеются: нелегко выполнять собой роль тарана.

Наконец, измокшие от пота и снега альпинисты подошли к скалам. Они не очень круты. Даже издали можно рассмотреть, как кажется, удобные уступы, неровности породы. Последние метры по снегу, несмотря на усталость, прошли довольно быстро. Скорее на скалы. Подъем по ним будет отдыхом.

Не тут-то было! «Как везде в этом районе, скалы оказались черепитчатого строения. Смотришь на такую стен-

ку и думаешь, что и делать-то здесь нечего. Но только начинаешь лезть, как немедленно убеждаешься в своей ошибке. Скалы сглажены снегом и ветром, а опоры все настолько покаты, что держаться совершенно не за что. Приходится молотком в рыхлой породе вырубать специальные зацепки и только тогда осторожно продвигаться вперед. Дает себя знать усталость. Мы работаем уже 10 часов».

Солнце спустилось довольно низко. Его диск уже касается краем хребтов, закрывающих горизонт. Еще немного времени, и короткий яркий закат уступит место ночной темноте. Усталые мышцы требуют отдыха, а пустые желудки — ведь группа весь день шла почти не евши — пищи. Альпинисты то и дело поглядывают вперед, все также высаясь на гребне выходы скал. Приходится снова напрягать силы и без конца карабкаться все выше.

Уже в сумерках группа преодолела 300-метровый участок скал и вышла на фирн. Впереди снова небольшие темные скалы. Там как будто есть ровные площадки! Скорее вперед, до скал недалеко. Увы! Полтора часа месили альпинисты глубокий снег, а скалы, казалось, все отодвигались дальше и дальше.

В 10 часов вечера предельно утомленные восходители остановились, так и не добравшись до намеченного места. 14 часов они поднимались без отдыха.

Ничего похожего на ровные площадки не было видно. Луч фонарика вырывал из тьмы все так же круто уходящую вверх снежную поверхность. Зажегся второй фонарик, третий... Шипилов покачал головой и сказал усталым голосом: «Рыть придется!».

Почти два часа рыли люди в снегу глубокие ниши. Палатки нужно было установить ниже уровня склона. Шипилов уверял товарищей, что, если пойдет лавина, она перепрыгнет через палатки. К счастью, его предположения не подверглись проверке действием!

Была полночь, когда из маленького лагеря в ночную темь взвилась ракета. Зеленая вспышка на миг осветила ледники, снежные склоны. Это было очень красиво, но альпинисты не обратили внимания на феерическую картину. С замиранием сердца они ждали ответа. Минута, другая. Наконец, внизу засветился условный сигнал: начальник экспедиции разрешал восхождение. Ура!

Теперь можно ложиться спать. Тяжелый поход, который мог оказаться только разведкой, будет продолжен. Следующий день должен принести победу. Ведь бивуак стоит на высоте 5200 м, осталось еще одолеть около шестисот метров высоты. Задача реальная, не помешала бы только непогода. Прошедший день был очень хорош, но на Тянь-Шане это ни о чем не говорит.

И вот решающий день наступил. Но альпинисты к тому времени уже давно были в пути. Из лагеря они вышли затемно, в 4 ч. 30 м. Они хотели использовать хорошую погоду. Во второй половине дня она может измениться. К этому времени можно будет достичь вершины и даже начать спуск. Кроме того, широкие опасные склоны, выходящие на купол вершины, нужно было пройти как можно раньше. Они вызывали подозрение в отношении лавинной опасности. Накануне температура не поднималась выше нуля, а к вечеру и вовсе был десятиградусный мороз. Можно надеяться пройти опасное место без осложнений.

Из лагеря вышли, конечно, налегке. Скал, к которым накануне стремилась группа, она достигла только через час. Впрочем, жалеть, что до них не добрались раньше, не приходилось: площадок для палаток здесь все равно не было. Наученные горьким опытом, альпинисты обошли скалы по снегу. Гребень становится все более крутым, все более узким. Все же подъема по скалам не миновать! Порода выступает из снега участками по 300—350 м. Они похожи друг на друга, как две капли воды. Шли так: передовой выходил вперед на полную веревку, затем находил на противоположном склоне удобное место и, вогнав в снег ледоруб, готовился страховать товарищей. Передовому приходилось идти без страховки. Крючья не держались в ломких скалах. Если бы он сорвался, товарищам оставалось только прыгать с гребня в противоположную сторону. Перспектива не слишком приятная, но в таких случаях это единственный выход.

Преодоление скал отняло у группы четыре часа. В 10 часов утра альпинисты оказались у подножия крутого снежного склона. Начинался собственно вершинный купол горы. Кое-где из рыхлого снега выдавались ледяные глыбы. Между ними под снегом обозначались скрытые трещины.

Восходители двигались от препятствия к препятствию. Они шли поочередно: пройдет одна связка, идет другая.

Снова привязали к себе лавинные шнуры. Ведь снег по колено и глубже. Склон внизу заканчивается тысячетметровыми обрывами. Если сорвется лавина, единственная надежда на ледяные глыбы. Они могут стать защитой, они же могут задержать сорванную снегом связку.

Группа одолевала подъем как бы короткими перебежками. Красные шнуры четко выделялись на снегу.казалось, за людьми следом ползли невероятно тонкие и гибкие змеи.

Высота уже сказывается, особенно когда приходится работать ледорубом. Покуда высечешь в твердом льду 10—15-метровых ледяных надолб несколько ступеней, дыхание становится частым, сердце начинает бешено колотиться.

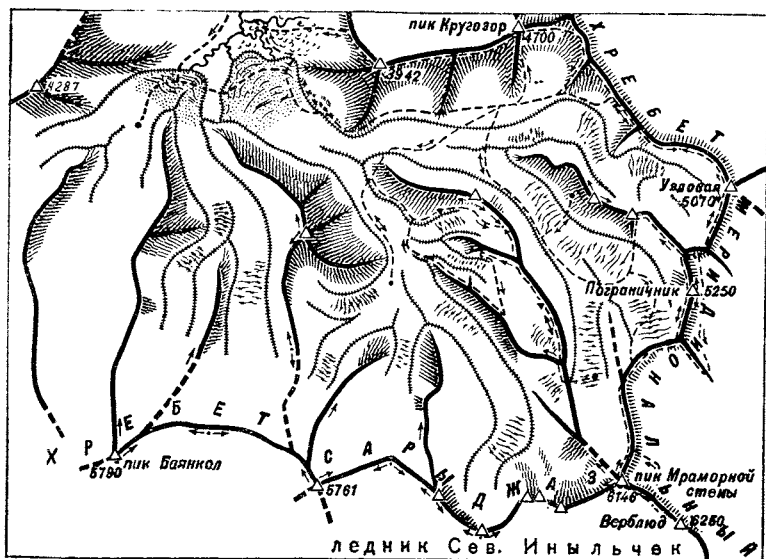
Через первый ледяной барьер, метрах в 50 выше конца скальной гряды, путь прокладывал Семченко. Один, два, три ледовых крюка, и альпинист выбрался на глыбу. Еще несколько шагов по снегу. Теперь осталось вогнать в склон ледоруб и сбросить товарищам веревку. Им предстоит подняться, подтягиваясь на руках.

Через 100 м очередное испытание пришлось на долю Черепанова. Ему досталось проложить путь через большую подгорную трещину. Но ему не повезло. Снежный мостик обрушился, и альпинист полетел в трещину. Брыксин удержал его веревкой, перекинутой через древко ледоруба. Все обошлось благополучно.

Левее, в десятке метров, удалось найти более надежный снежный мостик. Группа двинулась дальше. Шли и все время думали: пойдет или нет лавина. Порой резкий скрип ботинка о лед заставлял всех вздрогнуть. Нервы были напряжены до крайности. Все более сказывалась усталость предыдущего тяжелого дня, от которой не успели отдохнуть за пять часов, проведенных в лагере.

Снова скрытые трещины. То и дело нога пробивает отверстие в снегу и под ним зловеще чернеет пустота. Последние 200—300 метров казались бесконечными. Вершина уже близка, но склон не становится положе. «Последние шаги на вершину по очень крутому фирновому склону участники не столько шли, сколько ползли».

В 13 ч. 40 м. группа стояла на высшей точке пика Баянкол. Тур сложить не удалось: ближайшие скалы в 300 м

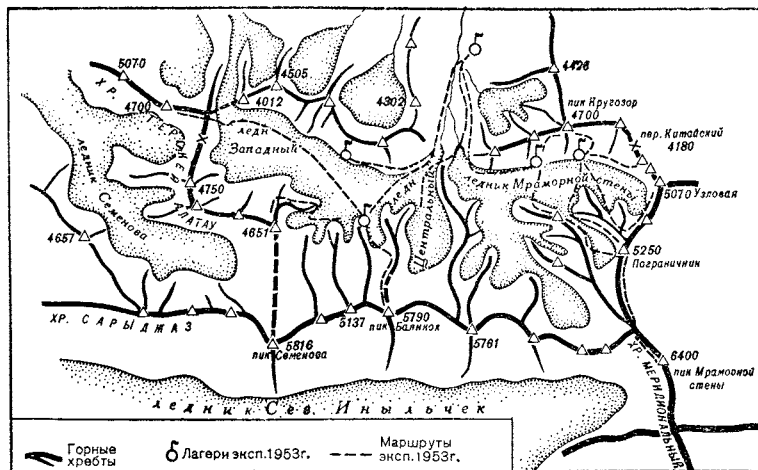
Орографическая схема района Мраморной стены,
составленная в 1946 г. (по А. Иванову)

ниже. Поэтому записку вложили в металлический футляр термоса и зарыли в снег. Зато удалось сделать фотоснимок восходителей на фоне Хан-Тенгри. Он поднимается в 2—3 км, по ту сторону ущелья Северный Иныльчек.

Над снежным холмиком развевается юбилейный вымпел. Советские альпинисты отмечали в 1953 г. 30-летие со дня первого советского горвосхождения. Александров открыл короткий митинг. Дружное «ура!» семи альпинистов прозвучало над вершинами. Шпилов сразу же отдал команду спускаться. Связки одна за другой двинулись вниз по склону.

Погода, как будто на заказ, держалась превосходная, и в 17 часов группа добралась к своим палаткам. А ночью поднялся ветер. Палатки трепетали под его ударами. Усталым людям и на этот раз не удалось отдохнуть как следует. Они двинулись вниз в 6 часов утра и быстро одолели наиболее трудную часть пути.

В лагере их встретил радист. Остальные участники экспедиции были заняты обследованием Западного Баянкольского ледника.

Орографическая схема Баянкольского района, составленная
по материалам экспедиции 1953 г.

✱ ✱ ✱

В то время как члены штурмовой группы преодолевали препятствия на путях к вершинам Мраморной стены и пика Баянкол, их товарищи работали на ледниках района. Они также поднялись на несколько панорамных вершин.

Сложная орография этого горного узла еще не была вполне ясна. Последняя топографическая съемка и работы экспедиции Летавета расшифровали основные черты расположения хребтов и оледенения Байанкола. Но многое еще нужно было уточнить. Достаточно сравнить схемы района, сделанные в 1946 г. и схему, составленную в 1953 г., чтобы убедиться в этом.

Основные ледники района разделились, повидимому, лишь в недавнем прошлом. Они и теперь смыкаются своими фирнами. В древности они выползали далеко в долину, заканчиваясь на высоте около 2500 м. Алмаатинские альпинисты выяснили, что Западный ледник значительно крупнее, чем он изображен на схеме 1946 г. Наоборот, центральный ледник меньше. К тому же основной является его восточная, а не западная ветвь. Удалось установить, что описанная еще С. С. Шульцем морена,

расположенная в широтном направлении между Центральным и Западным ледниками, в действительности представляет собой выходы коренной породы, покрытые лишь тонким слоем моренного материала. Вершина пика Мраморной стены находится южнее, чем думали в 1946 г. Следовательно, Сарыджазский хребет примыкает к Меридиональному не в высшей точке массива, а севернее ее.

В западной части района, где к хребту Сарыджаз примыкает Терской-Алатау, никакого пика Игнатьева не оказалось. Альпинисты пришли к выводу, что хребты смыкаются между пиками Семенова (5816 м) и безыменной вершиной 5437 м. Севернее места стыка видна седловина — перевал Семенова. Отсюда, как думали алмаатинцы, в цирк западного ледника спускаются фирны склонов пика Семенова. Но им не довелось подняться на этот перевал, и это их предположение было ошибочным.

Выяснилось это год спустя. Вверх по долине Баянкола двинулась еще одна группа. Это были молодые альпинисты Центрального спортивного клуба Советской Армии. Руководил ими В. Ф. Гусев. Он хорошо помнил богатое впечатлениями лето 1946 г. Поэтому, когда возникла идея поездки в один из высокогорных районов Средней Азии, он, не колеблясь, предложил двинуться в Баянкол. Самый доступный и один из интереснейших районов Тянь-Шаня, — говорил он. Убедить спутников ему удалось без особого труда. Ехали в эти края они впервые, и им был почти безразличен выбор маршрута.

Итак, в начале августа путники уже выехали на машине из Алма-Аты. Они не переставали удивляться непри-
вычной природе Тянь-Шаня.

11 августа небольшой караван группы остановился у площадки. Из травы поднимались невысокие кустарники. Леса стройных тяньшанских елей остались позади. Перед глазами альпинистов во всем своем величии развевалась панорама снежных вершин Сарыджазского хребта.

— Есть порезвиться где на воле, — не слишком глубокомысленно сказал один из молодых альпинистов. — Это не Кавказ!

Пик Семенова-Тян-Шанского

Фото В. Гусева

— Вам и на Кавказе хватит вершин на всю жизнь,— ответил Г. Скорняков, немного обиженный за горы, в которых прошла его спортивная молодость.

На второй день группа перебазировалась выше. Лагерь № 2 был установлен на небольшой площадке у лед-

ника Мраморной стены. Здесь на высоте 3900 м уже стояли лагеря в 1946 и 1953 гг. Вот он, так памятный Гусеву большой камень. Начались трудовые будни. Группы альпинистов поднимались на уже ставшие популярными вершины — пики Пограничник и Кругозор.

18 августа вновь спустились в базовый лагерь. Предстоял поход на Западный ледник. Неожиданно пришлось принимать гостей. В лагерь пришла группа туристов спортивного общества «Крылья Советов». Они направлялись через перевал на ледник Семенова по маршруту, которым шел в 1935 г. В. Немыцкий. Затем перевалом Ашутер они вернутся в долину Баянкола.

Проводив гостей, 19 августа двинулась группа Гусева. Кому пришла в голову идея подняться на Западный ледник с востока, чтобы не переходить речку, неизвестно. Так или иначе пошли длинным путем. Сначала через покрытый мореной конец ледника Мраморной стены. Пересекли его и вышли на Центральный ледник. Томительный путь по моренным буграм привел, наконец, к цели, вернее к исходному пункту подъема по Западному леднику.

21 августа группа еще поднималась по леднику. В этот день остановились на ночлег рано, у последних камней морены. Выше был ледопад. Люди продвигались очень медленно: под слоем снега было много трещин. Приходилось соблюдать особую осторожность.

Все ближе придвигались крутые склоны, к которым направлялась группа. Эта часть хребта изображена на схеме алмаатинцев пунктиром. Именно здесь, по их мнению, примыкает хребет Терской-Алатау к Сарыджазу. Пунктир должен приходиться на перевал Семенова.

Подъем был нелегким. Под слоем фирна масса льда разорвана огромными трещинами на большие глыбы. Но каждый шаг приближал к седловине. Последние шаги... Но что это?.. За седловиной спуска нет. Слева поднимается огромная глыба пика Семенова. Вверх снова уходит фирновый склон. Его грань четко рисуется на фоне неба. Снизу, за перегибом мнимого гребня, он не виден.

Тогда альпинисты поднялись на пик «4651 м», снежный купол которого возвышался справа. С этого пункта хорошо видно снежное поле, уходящее на запад к леднику Семенова. Раскрылась последняя загадка орографии района: пик Семенова — узловая вершина. Здесь смыкаются хребты Сарыджаз и Терской-Алатау. Алма-

атинцы высказывали предположение, что снежные склоны пика Семенова питают не только ледник Семенова, но и Западный Баянкольский ледник.

Действительность оказалась еще более разительной: эти ледники в некотором роде переметные.

Гусеву не хотелось уходить с вершины, хотя и пора уже было спускаться. Он был доволен. Так уж сложилась его альпинистская жизнь. В первой группе советских альпинистов попал он в 1929 г. в Центральный Тянь-Шань. Теперь он участвовал в разгадке последней, или во всяком случае одной из последних, загадок орографии этой горной страны. Это было 12-е путешествие Валентина Федоровича в горы Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Может ли быть конец у книги, описывающей деятельность коллектива людей? Особенно если впереди еще многое предстоит сделать. Конечно, нет! Жизнь продолжается, люди стремятся к достижению все новых успехов, все новых вершин. Советский альпинизм — растущий вид спорта с широкими перспективами, и рассказ о его достижениях продолжится и в дальнейшем. Эта книга уже была в наборе, когда телеграф принес первые известия о восхождениях экспедиций 1956 года. Кое-что из написанного уже устарело, не успев выйти в свет. Автор по возможности исправил книгу в верстке, но подробный рассказ о замечательных делах прошедшего лета приходится отложить на будущее.

А рассказать есть о чем. Альпинистский сезон 1956 года отмечен рядом выдающихся восхождений, многие из которых как бы заканчивают некоторые очерки книги. Покорен пик Победы. Многолетние разведки, попытки восхождений, самоотверженный труд многих экспедиций легли в основу успеха экспедиции альпинистов «Спартака». С теплым чувством вспомнили 11 горовосходителей своих предшественников, когда, оставив позади цепочку снежных пещер-лагерей на склонах и преодолев последние метры трудного подъема, вышли они на вершину высочайшей горы Центрального Тянь-Шаня.

На Памире работало несколько экспедиций. Высотники Грузинской ССР успешно штурмовали пик Москва, покорив тем самым высочайшую из еще не взятых вершин и закончив дело, начатое много лет назад альпинистами Москвы. Горовосходители Узбекской ССР продолжали

свою работу по освоению Заалайского хребта и добились новых успехов. После недельного штурма они достигли вершины Кызыл-Агын — самой высокой из до сих пор не покоренных в этом хребте. Снова поднялись они на пик Корженевского, достигли и вершины пика имени XIX съезда ВКП(б), обнаружив при этом, что альпинисты «Спартака» в 1952 г. были не на высшей точке массива.

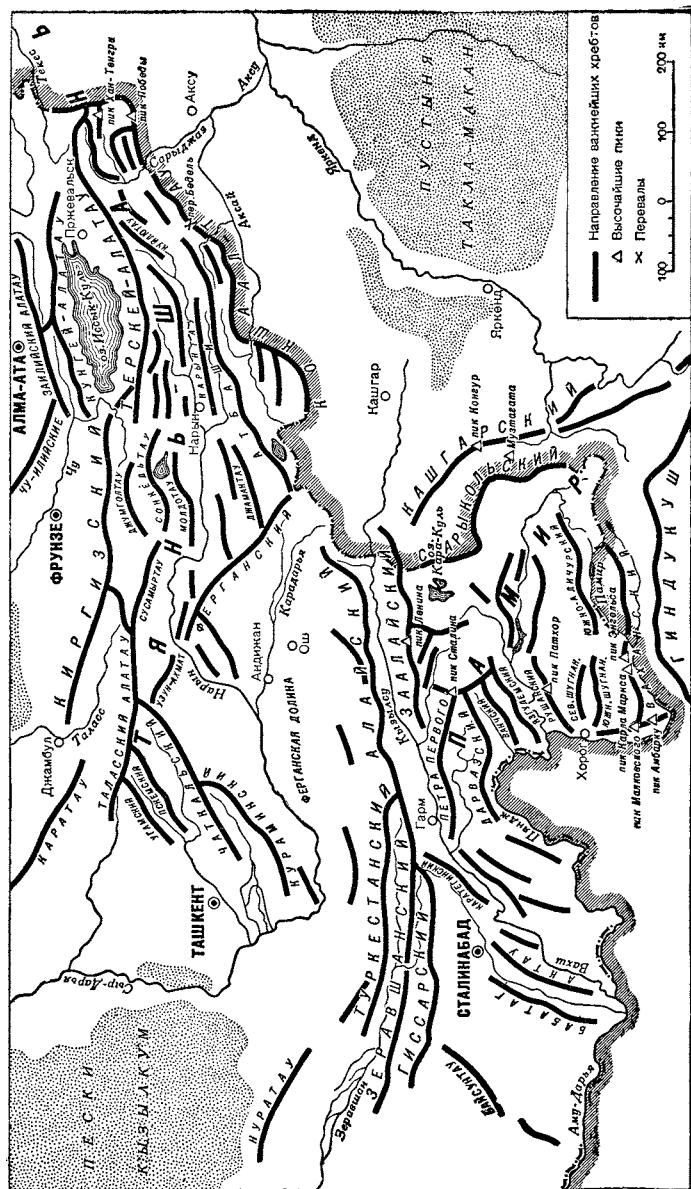
На пик Ленина, эту высотную лабораторию Памира, вновь поднялись две группы альпинистов.

Большая экспедиция была организована секцией альпинизма ВЦСПС совместно с Объединением профсоюзов Китайской Народной Республики, в район высочайших вершин Памира — в Кашгарский хребет. По склонам знаменитого пика Музтагата потянулись цепочки советских и китайских высотников. 31 человек достиг вершины массива. Эпопея осады вершины, начатая в конце прошлого века Свеном Гединым и продолженная англичанами Э. Шиптоном и Г. Тильманом в 1947 г., была завершена. Успешно проведено восхождение и на вторую вершину массива Конгур — Конгур-тюбе, куда поднялось 8 человек. Участники экспедиции провели также большую работу по маркировке ледников массива Музтагата.

Но Кашгарские горы уже вне пределов Советского Союза. Не случайно наши альпинисты выходят за границы Родины. Наиболее высокие пики в СССР уже покорены, спортивное мастерство советских высотников за последние годы поднялось, и настало время перейти к решению задачи подъемов на высочайшие вершины мира.

Возможно сейчас, когда пишутся эти строки, грузинские альпинисты завершают подготовку к разведывательной экспедиции в Каракорум, а во Всесоюзной секции альпинизма разрабатываются планы штурма самой высокой вершины земли — Джомолунгмы. Все возможно... возможно, дорогой читатель, что на страницах следующей книги мы с вами окажемся далеко от гор Средней Азии.

Пожелаем же идущим к вершинам счастливого пути.

Орографическая схема Памира и Тянь-Шаня

ХРОНОЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ И ВОСХОЖДЕНИЙ СОВЕТСКИХ АЛЬПИНИСТОВ НА ПАМИРЕ И ТЯНЬ-ШАНЕ

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3

1. П а м и р

1928	Альпинистская группа Памирской экспедиции Академии наук СССР: О. Ю. Шмидт, Н. В. Крыленко, Л. В. Перлин и др.	г. Ош — оз. Кара-Куль — долина Танымаса — ледник Федченко — перевал Кашалаяк — долина Ванча — долина Язгулема — перевал Язгулемский — ледник Федченко — Алтын-Мазар; долина Саукдара (Перлин)
1929	Экспедиция ОПТЭ под руководством Н. В. Крыленко (А. Поляков, С. Ганецкий, Нагуманов и др.)	Алтын-Мазар — долина Саукдара. Две попытки восхождения с юга на пик Ленина; преодоление перевала Крыленко
1930	Группа Московского дома ученых под руководством профессора А. А. Летавета	Долина р. Обихингоу — ледник Гандо — перевал Пеший — ледник Сугран
1931	Альпинистская группа экспедиции Академии наук СССР под руководством Н. В. Крыленко	Верховья Муксу — ледник Сугран — перевал Пеший — ледник Гандо — ледник Гармо (9 перво-восхождений, 3 перевала)
1932	Группы альпинистов экспедиции Академии наук СССР под руководством: 1) Н. В. Крыленко 2) Н. П. Горбунова	Ледник Гармо — ледник Вавилова — гребень хребта Академии Наук — ледник Шокальского — перевал Пулковский — долина Ванча — перевал Кашалаяк — ледник Федченко — ледник Бивачный Ледник Федченко — ледник Бивачный — ледник Сталина — подъем на восточное ребро пика Сталина до высоты 5600 м
1933	Группы альпинистов экспедиции Академии наук СССР под руководством:	

Продолжение

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1934	1) Н. П. Горбунова и Е. М. Абалакова	Ледник Федченко — ледник Бивачный — ледник Сталина — первовосхождение на пик Сталина (Е. М. Абалаков)
	2) Н. В. Крыленко и А. В. Москвина	Долина р. Муксу — ледники Сугран, Шини-Бини, Фортамбек, Москвина и Турамыс — восхождение на пик Четырех
	Группа О. Д. Аристова	Хребет Заалайский и восточное ребро пика Сталина. Установка автоматических радиостанций
1935	Памирский поход командиров САВО	Алайская долина — ущелье Ачикташ — подъем до высоты 7000 м на пик Ленина (21 человек) — первовосхождение на пик Ленина с севера — походы в хребет Зулумарт и южные отроги Заалайского хребта
	Второй Памирский поход САВО (под руководством Н. Кичаева и В. Абалакова)	Восхождение на пик Трапедия (6050 м), Безымянная (5710 м), Кокчукурбаши (5700 м) и др.
1936	Третий Памирский поход САВО	Попытка восхождения на пик Ленина (до высоты 6800 м) под руководством Л. Л. Бархаша; первовосхождение на пик Держинского (6713 м) — Е. А. Белецкий и И. Г. Федоров, разведка северных подступов к пику Сталина (ледник Фортамбек), восхождение на пик 5500 м, подъем до гребня пика Корженевской — (6500 м)
1937	Юбилейная экспедиция Комитета по физической культуре и спорту	Восхождение с севера на пик Ленина; восхождение на пик Сталина; подъем на гребень пика Корженевской до высоты 6910 м
	Группа альпинистов САГУ	Маршрут вдоль хребта Петра Первого и Ванчского, восхождение на пик МЮД (5100 м) и др.

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1939	Экспедиция ДСО «Наука» под руководством В. В. Немыцкого	Дараут-Курган — долина Муксу (кишлак Ляхш) — сел. Мук — перевал Цаталь — ледник Сугран — ледник Шини-Бини — четыре восхождения — урочище Тупчек — перевал Гардан-и-Кафтар — Та-вильдара
1940	Группа А. В. Блещунова	г. Ош — перевал Акбайтал — восхождение на вершины в районе перевала (до 6000 м), поход 4 человек — ледник Федченко — ледник Бивачный — перевал через хребет Академии Наук — ледник Гармо — перевал Пулковский — долина Ванча — перевал Кашалаяк — ледник Федченко
1941— 1945	Разные группы	Восхождения в Музкольском хребте: Зорчечекты и Орел; восхождения в районе г. Хорог — пик Дзержинского и др.
1946	Экспедиция Комитета по физкультуре и спорту (ВКФК и С) под руководством Е. А. Белецкого и Е. М. Абалакова	г. Ош — г. Хорог — долина р. Гунт — долина р. Патхор — ледник Марковского — восхождение на пик Патхор (13 человек) — перевал Дузахдара — долина р. Шахдара — восхождение на пик Маркса (7 человек) — ледник Лазар — долина Пянджа
1947	1) Экспедиция ВКФК и С под руководством А. А. Летавета и Е. А. Белецкого 2) Экспедиция ВКФК и С и ДСО «Наука» под руководством Д. М. Затуловского и Е. А. Казаковой	Долина Муксу — ледник Сугран — подъем по западному ребру пика Москва (до высоты 6200 м) — восхождение на пик 30 летия Советского государства, пики Летавета и Кинохроники г. Ош — перевал Харгуш — долина Даршай — ледник пика Маяковского — 9 первовосхождений (пики Маяковского, академика Л. Берга, Имаст и др.; ряд перевалов) — перевал Даршай — г. Хорог

Продолжение

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1948	Группа В. В. Немыцкого (5 человек)	г. Хорог—долина Шахдара — оз. Друм — перевал Даршай — долина Даршай — долина р. Пяндж — долина р. Гармчамша — г. Хорог.
	Группа В. В. Немыцкого (4 человека)	г. Хорог — долина р. Бартанг (доселения Ракзоу) — перевал Биджарв — долина р. Обиракзоу — долина р. Язгулем — долина р. Пяндж
	Экспедиция ВКФК и С и ДСО «Наука» под руководством А. С. Мухина и В. С. Науменко Группа А. В. Блещунова и В. С. Яценко	г. Сталинабад — долина Обихингоу — ледник Гармо — ледник Вавилова — восхождения на пик Гармо (6615 м), пик Щербакова и др. Музкольский хребет; восхождения: на вершину 6000 м, у перевала Акбайтал, пики им. Армянской Академии наук и Райковой; обследование ряда ледников восточной части Музкольского хребта
1949	Группа В. В. Немыцкого (6 человек)	г. Сталинабад — долина Обихингоу — селение Сангвор — долина р. Арзынг — ледник Гандо — перевал Пеший — ледник Сугран; восхождения в хребте ОПТЭ (пик «4850», пик Сакко)
1950	Экспедиция альпинистов Туркестанск. ВО под руководством В. И. Ратцека	Восхождение на пик Ленина (12 человек) и на пик Мира
	Группа В. В. Немыцкого (7 человек) Инструкторская бригада ВКФК и С под руководством Д. М. Затуловского	г. Ош — Дараут-Курган — перевал Терсагар — ледник Федченко — перевал Танымас — долина Танымас — долина Бартанг — Сарезское озеро — перевал Лянгар-Куталь — оз. Яшилькуль — Мургаб — г. Ош г. Сталинабад — ущелье Варзоб — г. Хорог — восхождение на пик Дзержинского (В. Черниченко и др.) — обследование пещер в р-не оз. Ранкуль (А. Блещунов)

Продолжение

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1951	Экспедиция альпинистов Туркестанск. ВО под руководством В. И. Рацка	Заалайский хребет; восхождение на пик Корженевского (6005 м) и др.; всего 16 вершин
1952	Учебно-тренировочный сбор (экспедиция) ВЦСПС под руководством Д. М. Затуловского и А. И. Иванова	г. Ош — долина Музкол — долина Кокуйбельсу — перевал Апак — долина Танымас — ледник Грумм-Гржимайло; восхождения на пики Шверника (6135 м), Советских профсоюзов (6408 м), Советских альпинистов (6370 м), Снежная трапеция и др.; разведки пика Революции до 6400 м
	Экспедиция ДСФО «Спартак» под руководством В. М. Абалакова	Подъем на пик Ленина до высоты 6700 м, восхождение на пик им. XIX съезда ВКП(б) и пик Раздельный (6148 м)
	Группа В. В. Немыцкого (6 человек)	г. Сталинабад — долина Обихингоу — селение Сангвор — ледник Гармо (до высоты 4000 м) — селение Сангвор — долины Обимазар и Дахарв
1953	Экспедиция ВЦСПС под руководством Д. М. Затуловского и Е. А. Белецкого	г. Сталинабад — селение Ляхш — долина Муксу — ледник Фортамбек — ущелье Корженевской; восхождение на пики Е. Корженевской (8 человек) и «6200 м»
	Группа В. В. Немыцкого (10 человек)	г. Сталинабад — селение Джиргиталь — долина Сурхоб — долина Кызылсу — Заалайский хребет (верх. р. Килдык — перевал Свис — Катта-Карамук) — долина Муксу
	Экспедиция альпинистов Туркестанск. ВО под руководством В. И. Рацка	Траверс вершины пика Ленина с запада на восток (через вершину Раздельная) — 4 человека
1954	Экспедиция ВЦСПС под руководством Е. А. Казаковой	Ледник Грумм-Гржимайло. Восхождения на пик Революции и пик 6500 м

Продолжение

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1955	Экспедиция Грузинского альпинистского клуба под руководством О. И. Гигинейшвили	г. Ош — перевал Харгуш — селение Лянгаргишт — долина Нишгар — ледник Нишгар — долина и ледник Киштыджароб; восхождения на пики Маркса, Энгельса, Николадзе и др.
	Группа В. В. Немыцкого	г. Ош — Дараут-Курган — перевал Терсагар — перевал Каинды — г. Ош — оз. Сарычилик
	Экспедиция Грузинского альпинистского клуба под руководством О. И. Гигинейшвили	г. Сталинабад — долина Обихингоу — ледник Гармо. Восхождения на пики Сталина, Молотова, «Правды»
	Экспедиция ВЦСПС под руководством Е. А. Белецкого и К. К. Кузьмина	г. Ош — оз. Кара-Куль — долина Караджилга — долина Байгашка — ледник Октябрьский. Восхождения на пики Единства, Октябрьский; траверс: пик Октябрьский — пик Ленина; ряд перевалов
	Группа ДСО «Буревестник» под руководством Е. А. Казаковой	г. Сталинабад — долина Обихингоу — долина Пянджа — долина р. Ванча — перевал Абдукагор — верховья ледника Федченко
1956	Группа В. В. Немыцкого	г. Ош — оз. Кара-Куль — г. Хорог — долина Ванча — подъем на перевал Гуджвоси — Кала-и-Хумб — г. Сталинабад
	Советско-китайская экспедиция под руководством Е. А. Белецкого и К. К. Кузьмина	Восхождения в Кашгарском хребте на пики Музтагата (31 чел.) и Конгур-тубе (8 чел.)
	Экспедиция Грузинского альпинистского клуба под руководством О. И. Гигинейшвили	г. Сталинабад — Ляхш — долина Муксу — ледник Сугран; восхождения на пик Москва.
	Экспедиция Узбекского комитета ФК и С под руководством В. Ноздрихина.	г. Ош — Бордобо; восхождения в Заалайском хребте на пики Кызыл-Агын, Корженевского, им. XIX съезда ВКП(б), Ленина и др.
	Сборы альпинистов Туркестанского ВО под руководством В. Рацека	Восхождения в Заалайском хребте (пик Ленина и др.)

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3

2. Центральны́й Тянь-Шань

1927	Группа В. В. Немыцкого (4 человека)	Пржевальск — Нарынкол — подъем на перевал Тюз — перевал Карагыр — долина Тургень-Аксу — Пржевальск
1929	Мысовский И., Гусев В., Михайлов Н. Экспедиция под руководством М. Т. Погребецкого	Ледник Ю. Иныльчек до оз. Мерцбахера Ледник Ю. Иныльчек до подножия Хан-Тенгри
1930	Экспедиция под руководством М. Т. Погребецкого Группа В. Гусева (4 человека) Группа Г. Суходольского (4 человека)	Ледник Ю. Иныльчек Ледник Мушкетова — перевал Пролетарской печати — ледник Северный Иныльчек — перевал Пролетарской печати — ледник Мушкетова Ледник Ю. Иныльчек — оз. Мерцбахера — ледник Северный Иныльчек — ледник Ю. Иныльчек
1931	Экспедиция Академии наук УССР под руководством М. Т. Погребецкого Группа ЦС ОПТЭ под руководством Г. Суходольского (6 человек)	Восхождение на Хан-Тенгри, подъем в верховья ледника Южный Иныльчек Ледник Южный Иныльчек — оз. Мерцбахера — ледник Северный Иныльчек — попытка восхождения на Хан-Тенгри с севера (до высоты 6000 м)
1932	Группа Московского дома ученых под руководством А. А. Летавета Экспедиция Академии наук УССР (группа М. Т. Погребецкого)	Перевал Джугучак — долина Нарына — восхождение на Сарытор (5100 м) — ледник Петрова — истоки р. Джангарт — перевал Акогоз — перевал Ишигарт — Пржевальск — перевал Аксу — Алмаатинский перевал Ледники Южный и Северный Иныльчек — переход на ледник Куюкап (группа К. Павла); урочище Караколтер — склоны хребта Терской-Алатау

Продолжение

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1933	Экспедиция Академии наук УССР (группа Погребецкого М. Т.) Группа Московского дома ученых под руководством А. А. Летавета и В. В. Немыцкого	Ледники Каинды, Теректы, Карасу и др. Пржевальск — перевал Джука — ледник Петрова — перевал Чакыркorum — восхождение на пик Барколдой (5100 м) — перевал Кубергенты — ледники Комарова, Пальгова и Григорьева (хребет Кокшаал-тау)
1934	Экспедиция ЦНИИТРИ (группа В. Сасорова) Группа Московского дома ученых под руководством А. А. Летавета (4 человека)	Долина Сарыджаз, включая ее каньон Западная часть хребта Кокшаал-тау: ледник Комарова и Корженевского, восхождение на пик Марона (4900 м)
1935	Экспедиция под руководством М. Т. Погребецкого Альпиниада РККА	Тургень-Аксу — перевал Чонашу — долины Оттук и Сарыджаз и урочище Малый Талдысу — долина Иныльчек — Каинды — Карарча — перевал Чигар — долина Кызыл-Капчигай — долина Куюкап — перевал Майбаш — долина р. Майбулак, перевал Бозкыр — долина Темирсу — город Аксу — перевал Бедель — оз. Иссык-Куль Пржевальск — Нарынкол — долина Баянкол — попытка восхождения на пик Мраморной стены (группа Э. С. Левина); переход через хребет Терской-Алатау (группа В. В. Немыцкого) на ледник Семенова — перевал Каркара — долина Тургень-Аксу — Пржевальск
1936	Учебно-тренировочный поход под руководством Погребецкого М. Т. Группа А. А. Летавета (6 человек)	Пржевальск — долина Караколтор — перевал в урочище Култор — долины Сарыджаз и Иныльчек Пржевальск — попытка восхождения на Каракольский пик (до 5000 м) — Тургень-Аксу — перевал

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
		Чонашу — долина Отгук — перевал Карагыр — долина Куйлю — долина Сарыджаз — долина Малый Талдысу — долина Большой Талдысу — долина р. Караколтор — долина Култор
	Группа Е. М. Колокольникова (Казахстан)	Восхождение на Хан-Тенгри
	Группа Е. М. Абалакова (5 человек)	Восхождение на Хан-Тенгри
1937	Группа В. В. Немыцкого (3 человека)	Пржевальск — восхождения в р-не Каракольского ущелья — Каракольский перевал — пик Аксу
	Экспедиция под руководством А. А. Летавета	Пржевальск — восхождение на Каракольский пик (5200 м) — перевал Чонашу — перевал Беркут — долина Сарыджаз — перевал Тюз — долина Иныльчек — восхождение на пик Нансена (5700 м, хребет Иныльчекский) — долина Большой Талдысу — восхождения на пики Советской Конституции (5250 м) и Карпинского (5050 м)
	Группа Тютюнникова (Казахстан)	Восхождение на пик Чапаева (6371 м)
1938	Экспедиция ВКФК и С под руководством А. А. Летавета	Пржевальск — долина Сарыджаз — долина Иныльчек — ледник Южный Иныльчек — ледник Звездочка — попытка восхождения на пик Победы (пик 20-летия Комсомола) до высоты 6930 м (Гутман, Сидоренко и Е. Иванов)
1938	Группа ДСО «Крылья Советов» под руководством Б. Симагина (6 человек)	Западная часть хребта Кокшаалтау; ледник Григорьева — попытка восхождения на пик Крылья Советов
1946	Экспедиция ВКФК и С под руководством А. А. Летавета	Долина Баянкола — разведки ледников р-на — восхождение на пик Мраморной стены (до высоты 6150 м), восхождения на пик Кругозор, Узловая, Пограничник

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1949	Экспедиция Казахского Комитета ФК и С под руководством Е. М. Колокольникова	Разведка пути восхождения на пик Победы до высоты 5700 м
1951	Группа ДСО «Наука» под руководством Е. А. Казаковой	Пржевальск — перевал Барскоун — урочище Карасай — урочище Акшийряк — перевал Ишигарт — перевал Теректы — долина Теректы — р-н пика Советской Конституции — долина Сарыджаз — долина Учкуль — перевал Куйлю — перевал Карагыр — долина Тургенъ-Аксу
1952	Экспедиция Туркестанск. ВО под руководством В. И. Рацека	Ледники Южный Иныльчек и Звездочка; разведка пути на пик Победы, восхождение на пик Чапаева
1953	Экспедиция Казахского Комитета ФК и С под руководством Е. М. Колокольникова	Долина р. Баянкол — восхождения на пик Мраморной стены (6400 м), пик Баянкол и др.
	Экспедиция Туркестанск. ВО под руководством В. И. Рацека	Ледник Южный Иныльчек — разведка верховий ледника и перевала Высокий — восхождение на пик Дружбы (6800 м), восхождение на пик Советской Конституции и др.
1954	Экспедиция Казахского Комитета ФК и С под руководством Е. М. Колокольникова	Восхождение на Хан-Тенгри
	Группа ЦСК СА под руководством В. Гусева	Долина Баянкол — восхождения на пики 4651 м и др. — подъем на гребень хребта Терской-Алатау у пика Семенова
	Группа ДСО «Крылья Советов»	Долина Баянкол — перевал через хребет Терской-Алатау на ледник Семенова — долина Сарыджаз — перевал Ашутер — долина Баянкол

Продолжение

Год	Экспедиция или группа	Основной маршрут или объекты восхождения
1	2	3
1955	Экспедиция Казахского Комитета ФК и С под руководством Колокольниковова	Разведка восточного гребня пика Победы с перевала Чонтарен (до высоты 6700 м)
	Экспедиция Туркестанск. ВО и Узбекского Комитета ФК и С под руководством В. И. Рацека	Разведка северного ребра пика Победы с ледника Звездочка до высоты 6600—6700 м
1956	Экспедиция ДСФО «Спартак» под руководством В. М. Абалакова	Восхождение на пик Победы по северному ребру (11 чел.)

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
О ПУТЕШЕСТВИЯХ АЛЬПИНИСТОВ
В ГОРАХ ПАМИРА И ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ**

Сокращения: журнал «На суше и на море» — СиМ; Ежегодник советского альпинизма — ЕСА; сборник «К вершинам Советской земли» — КВЗ.

Абалаков В. М. На пик Ленина, КВЗ, Географгиз, 1949.

Абалаков Е. М. На высоте 7495 м, СиМ, 1934, № 4.

Абалаков Е. М. Побежденные «семитысячники», «Физкультура и спорт», 1946, № 11, 12.

Абалаков Е. М. Путь к заоблачным вершинам, «Знание — сила», 1947, № 1, 2.

Абалаков Е. М. Экспедиция альпинистов в высокогорные районы Юго-Западного Памира в 1946 г., «Вопросы географии», 1947, № 4.

Абалаков Е. М. На Юго-Западном Памире, ЕСА, Географгиз, 1948.

Абалаков Е. М. На Северо-Западном Памире, ЕСА, Географгиз, 1948.

Аркин Я. Г. Пик имени XIX съезда партии, ЕСА, Географгиз, 1953.

Баскова Р. А. Хан-Тенгри, СиМ, 1937, № 1, 2.

Белецкий Е. На пик Дзержинского, СиМ, 1937, № 3.

Белецкий Е. А. Восхождение на пик Дзержинского, КВЗ, Географгиз, 1949.

Белецкий Е. А. Пик Сталина, Географгиз, 1951.

Блещунов А. Исследовательская лаборатория на высоте 6200 м, СиМ, 1940, № 8.

Бундель А. А. По Центральному Алаю и западной части Заалайского хребта, ЕСА, Географгиз, 1953.

«В ледниках». Сборник, М., 1935.

Воробьев. Алайская долина, СиМ, 1932, № 28, 29.

Воробьев. Ледовый штурм, СиМ, 1932, № 35, 36.

Гарф Б. А. К верховьям ледника Гармо, ЕСА, Географгиз, 1951.

Гусак Н. А. Штурм пика Сталина (воспоминания), КВЗ, Географгиз, 1949.

Гусев В. Ф. На Северный Иньльчек, КВЗ, Географгиз, 1949.

Гутман Л. Экспедиция на Тянь-Шань, СиМ, 1939, № 1.

- Гушин Д. Как был взят пик Сталина, СиМ, 1933, № 18.
 Гушин Д. Высокогорный радиорейд, СиМ, 1935, № 4.
 Гушин Д. На пик Корженевской, СиМ, 1937, № 12.
 Демченко М. В горах Тянь-Шаня, СиМ, 1934, № 8.
 Джапаридзе А. Путь к пику Корженевской найден! СиМ 1937, № 4.
 Затуловский Д. М. В Шахдаринском хребте, ЕСА, Географиз, 1948.
 Затуловский Д. М. На ледниках и вершинах Средней Азии, Географиз, 1948.
 Затуловский Д. М. Советские альпинисты в горах Средней Азии, М., 1948.
 Затуловский Д. М. Как люди поднимаются на высокие горы, Географиз, 1950.
 Затуловский Д. М. Советский альпинизм, Воениздат, 1951.
 Затуловский Д. М., Езерский Е. М. Альпинисты — исследователи Западного Памира, «Вокруг света», 1951, № 12.
 Затуловский Д. М., Красавин Л. М. В верховьях ледника Грумм-Гржимайло, ЕСА, Географиз, 1953.
 Затуловский Д. М., Красавин Л. М. Дни на Памире, Профиздат, 1956.
 Казакова Е. На Юго-Западном Памире, «Физкультура и спорт», 1948, № 4.
 Котельников В. Экспедиция на Памир. СиМ, 1937, № 8.
 Левин Э. С. На подступах к пику Мраморной стены, КВЗ, Географиз, 1949.
 Летавет А. А. Центральный Тянь-Шань, СиМ, 1937, № 7.
 Летавет А. А. Экспедиция в Тянь-Шань, СиМ, 1938, № 6.
 Летавет А. А. Десять путешествий в горах Средней Азии, КВЗ, Географиз, 1949.
 Летавет А. А. Пик Сталинской Конституции, ЕСА, Географиз, 1950.
 Летавет А. А., Тимашев Е. В. Покорение пика Мраморной стены, ЕСА, Географиз, 1948.
 Михайлов Н. Хан-Тенгри, М., 1938.
 Мысовский И. Тянь-Шань, Физкультура и Туризм, 1931.
 Науменко В. С. Покорение пика Гармо, ЕСА, Географиз, 1949.
 Немецкий В. В. В хребтах Тянь-Шаня и Памира, КВЗ, Географиз, 1949.
 Немецкий В. В., Казакова Е. А. В центре Тянь-Шаня, «Советский спорт», 1952, № 16.
 Перлин Л. В. На лыжах по Памиру, СиМ, 1929, № 2.
 Перлин Л. В. Пешком по Памиру, СиМ, 1929, № 8.
 Погребецкий М. Три года борьбы за Хан-Тенгри, Харьков, 1935.
 Погребецкий М. Как был взят Хан-Тенгри, СиМ, 1932, № 7, 9.
 Погребецкий М. На ледниках Тянь-Шаня, СиМ, 1933, № 4.
 Погребецкий М. В страну Небесных гор, СиМ, 1935, № 16.
 Погребецкий М. Т. В глубь Центрального Тянь-Шаня, КВЗ, Географиз, 1949.
 Погребецкий М. По Восточному Тянь-Шаню, СиМ, 1936, № 5.
 Рацек В. Пик Победы, «Вопросы географии», сб. 1, 1946.

- Рацек В. Путь разведан, «Физкультура и спорт», 1946, № 3, 4.
Рацек В. На высотах Памира, «Вокруг света», 1947, № 5.
Рацек В. Загадка Хан-Тенгри, Ташкент, 1949.
Рацек В. На пик Ленина, «Советская Киргизия», 1950, 15 ноября.
Рацек В. На леднике Қорженевского, «Правда Востока», 1951, 8 декабря.
Рацев В. И., Юхин И. В. В районе пика Победы, ЕСА, Географгиз, 1953.
Розенцвейг Б. На пик Ленина, СиМ, 1937, № 10.
Ромм М. Штурм пика Сталина, М., 1936.
Россельс Е. Белое пятно. СиМ, 1930, № 4.
Рототаев П., Тихонравов В. К белым пятнам Памира, «Вокруг света», 1947, № 6.
Рыжов И. Майбаш. СиМ, 1937, № 7.
Сасоров В. Разведчики горных хребтов, СиМ, 1935, № 6.
Симонов Е. Пик Победы, «Огонек», 1950, № 19.
Симонов Е. Идущий к вершинам, «Вокруг света», 1952, № 3, 4, 5, 6.
Сидоренко А. По неизведанным хребтам Памира, «Смена», 1947, № 3.
Суходольский. Хан-Тенгри, СиМ, 1931, № 16.
Суходольский. На Тянь-Шань, М., 1931.
Тимашев Е. В. Исследование ледника Гандо в 1948 г., ЕСА, Географгиз, 1949.
Тимашев Е. В. Пик Сталина на Памире, ЕСА, Географгиз, 1950.
Тихонравов В., Затуловский Д. Очерк восхождений, КВЗ, Географгиз, 1949.
Фон-Мекк А. Русские путешественники и альпинизм, «Изв. РГО», т. 42, вып. 4, СПб., 1904.
Фон-Мекк А. Массив Хан-Тенгри, «Землеведение», 1907, кн. 1, 2.
Черепов И. А. Загадки Тянь-Шаня, Географгиз, 1951.
Юхин И. В. 12 альпинистов на пике Ленина, ЕСА, Географгиз, 1951.
Юхин И. В. На высочайшей вершине, «Физкультура и спорт», 1951, № 2.
Юхин И. В. Армейцы на горных высотах, «Физкультура и спорт», 1952, № 2.
Юхин И., Рацек В. Путь на пик Победы, «Красная звезда», 1952, 15 ноября.
Яценко В. С. В восточной части хребта Музкол, ЕСА, Географгиз, 1950.
Яценко В. С. В горах Памира, Географгиз, 1950.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Введение	5

П а м и р

Очерк географического исследования Памира . . .	13
Пик Ленина	101
Узел Гармо	151
К высшей точке Советского Союза	151
Пик с тремя именами	176
По новому пути	206
Над Муксу	221
Третий семитысячник Памира	225
Алтынмазарские вершины	251
„Он не узнает“	261
На Юго-Западный Памир	298
К неведомым пикам	298
В верховьях Даршая	335
Штурм пика Энгельса	364

Ц е н т р а л ь н ы й Т я н ь - Ш а н ь

Очерк исследования Центрального Тянь-Шаня . . .	381
Покорение Хан-Тенгри	409
На поиски „Властелина духов“	409
Штурм Хан-Тенгри	423
Походы продолжаютс	441
Неожиданное открытие	461
По склонам снежного гиганта	461
В поисках новых путей	475

Пик Мраморной стены	489
По следам Мерцбахера	489
Последняя загадка	520
Заключение	540
Хронология путешествий и восхождений советских альпинистов на Памире и Тянь-Шане	543
1. Памир	543
2. Центральный Тянь-Шань	549
Список литературы о путешествиях альпинистов в горах Памира и Центрального Тянь-Шаня	554

Давид Моисеевич Затуловский

СРЕДИ СНЕГОВ И СКАЛ

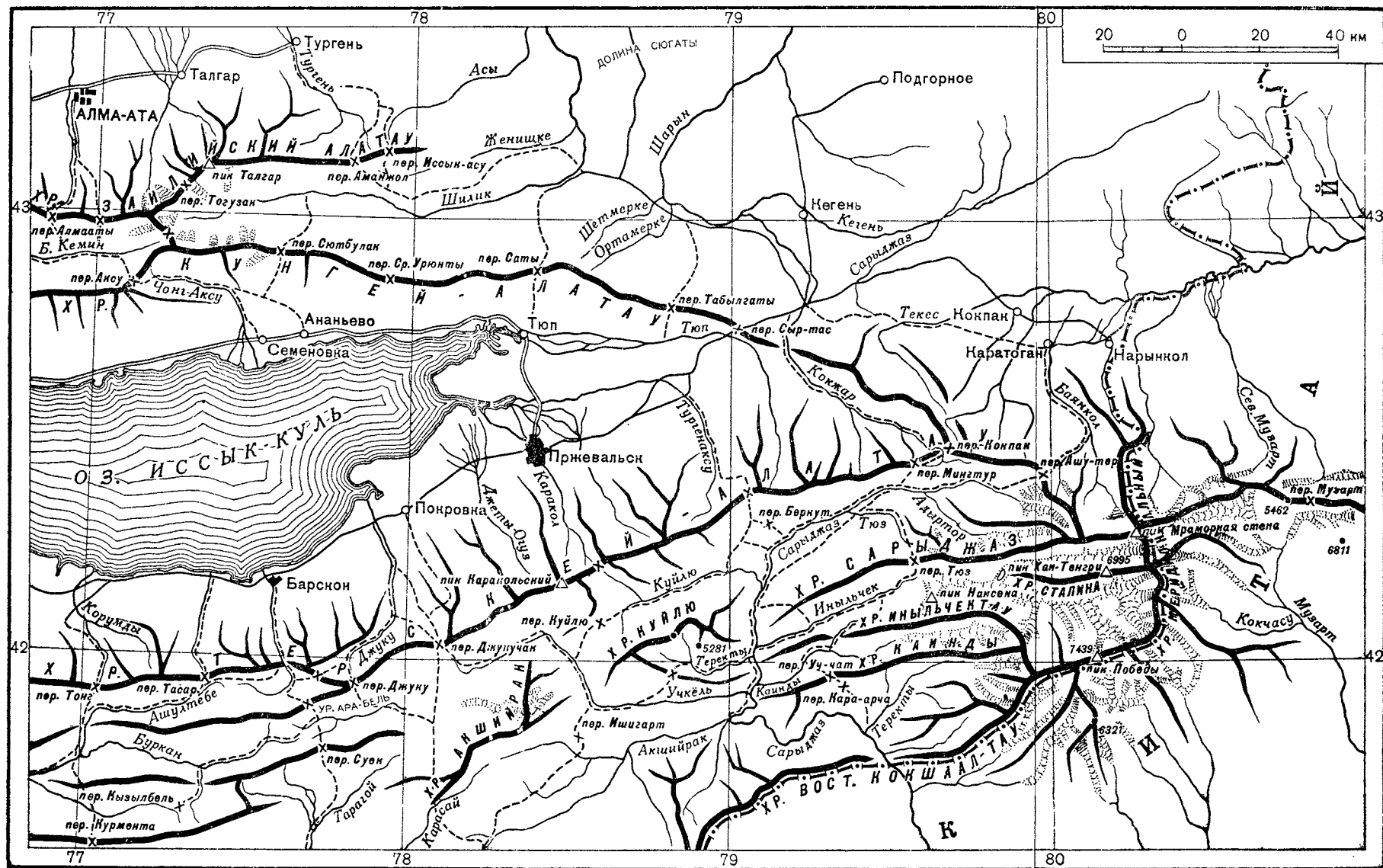
Редактор *Л. С. Абрамов*
Художник *М. М. Милославский*
Художественный редактор *В. Г. Петухов*
Технический редактор *Н. И. Ногина*
Редактор карт *З. А. Киселева*
Корректор *А. Б. Стрельник*

Т-00668. Сдано в производство 28/VIII—1956 г. Подписано в печать 25/I—1957 г. Формат 84×108¹/₃₂ д. Физических листов 18,22. Печатных листов 28,7 вкл. 1,2. Издательских листов 29,76. Тираж 10 000. экз. Заказ 2163. Цена 9 р. 30 к. переплет 1 р. 50 к.

Москва, В-71, Б. Калужская 25, Географгиз
Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

К читателям

*Ваши замечания по этой книге
просьба присылать
по адресу:
Москва, В-71, Большая Калужская, д. 15,
Государственное издательство
географической литературы.*

10p.80k.

Д. М.
Затуловский

СРЕДНИ
СНЕГОВ
И
СКАМ

